

Е. Н. Черных

**СТЕПНОЙ ПОЯС ЕВРАЗИИ:
ФЕНОМЕН КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Степной пояс: геоэкология, системы жизнеобеспечения, культуры	11
Трагический тринадцатый	11
Геоэкология, культуры и модели жизнеобеспечения	13
География моделей жизнеобеспечения.....	14
Евразийский континент: членение по широте и долготе	16
Геоэкология Степного пояса	17
Западноевразийская половина пояса и ее границы	19
Горная монгольская степь и Джунгарские ворота	21
Аравийские пустынные нагорья.....	26
Степной пояс как домен.....	28

Часть первая

Степной пояс: картины исторические	31
Пролог 1. Звездный час и «лебединая песнь»	33
Источники исторические и синдром Нарцисса	33
Три волны кочевников	34
Глава 1. Ислам и христианство: первые встречи	37
Покорение Иберийского полуострова.....	37
Католическая Европа готовится к отпору	41
Географические представления европейских властителей.....	43
Европа двинулась на Восток.....	47
Глава 2. Монголы — Мусульмане — Христиане	56
Нежданые пришельцы	56
Возвращение к 1206 году	57
От Самарканда до Калки и назад до Монголии.....	62
Всеохватная Великая империя	66
Кентавры с баллистами.....	71
Глава 3. Картина мира полвека спустя	75
Монгольская половина Евразии.....	75

Микроскопический полигон.....	77
Восток и Запад: где же граница между ними?.....	79
Таласская битва и Джунгарские ворота.....	80
Глава 4. Впечатления от степных азиатских пришельцев.....	83
Католический мир: этап ранних впечатлений.....	83
Католический мир: этап начального отрезвления.....	85
Де Рубрук и Марко Поло.....	90
Глава 5. Мир ислама и монголы.....	95
Боль и ненависть.....	95
Лесть обволакивающая.....	98
Глава 6. Китай и степные скотоводы.....	104
Несколько слов об отце Иакинфе.....	104
Парадоксы восприятия монгольских нашествий.....	105
Тысячелетние войны Поднебесной.....	108
Пример первый: невольники злые или невольники почтительные....	112
Пример второй: тукю или тюрки.....	118
Китай и кочевой мир: способы взаимодействий.....	121
Глава 7. «Реконкиста» оседлых цивилизаций.....	126
Поражения без битв.....	127
Синдромы Антея и Одиссея.....	128
Дворцы, мемориалы, роскошь.....	128
«Родство» кочевых ханов и китайских императоров.....	130
«Размягчение» грубых душ, услады и пороки.....	131

Часть вторая

Степной пояс: картины археологические.....	135
Пролог 2. Эпоха раннего металла — переломный период в истории	
евразийских культур.....	137
История и археология: сходство и различия в базовых источниках...	137
Памятники погребальные: подземная и надземная «ипостаси».....	138
Сложности понимания.....	140
Археологи в качестве представителей потустороннего мира.....	141
«Монгольский синдром» кочевых культур.....	143
Протяженность археологического времени.....	145
Конница и металл.....	147

Металл и историко-археологические эпохи.....	148
У истоков металлургии.....	149
Прочие инновации ЭРМ.....	151
Производство и нормативный фактор.....	152
ЭРМ — евразийский феномен.....	153
Территориальные «скачки» зоны культур ЭРМ.....	155
Пространственная стагнация.....	157
Глава 8. Эпоха «протометалла» в Евразии.....	159
Древнейший металл планеты.....	159
Восточная Анатолия: Чайою-тепеси.....	162
Центральная Анатолия: Ашикли-хэйюк.....	163
Восточная Анатолия и Левант.....	164
Центральная Анатолия: Чатал-хэйюк.....	167
Эпилог эпохи «протометалла».....	170
Глава 9. Металлургическая «революция» в Балкано-Карпатье.....	173
Начало эпохи металлов.....	173
Балканский неолит.....	174
Балкано-Карпатская металлургическая провинция и ее структура....	176
Центральный блок Балкано-Карпатской провинции: Варненский некрополь.....	179
Древнейший медный рудник Аи бунар.....	182
Второй блок БКМП: трипольская общность.....	186
Третий блок БКМП: степные скотоводы.....	188
Направление импульсов.....	193
Глава 10. Циркумпонтийская провинция и майкопская культура больших курганов.....	195
Циркумпонтийская металлургическая провинция: фаза зарождения.....	196
Майкопская культура и ее курганы.....	198
Майкопские поселения.....	205
Поселения южного блока культур.....	206
Хозяйство.....	208
Загадки майкопского феномена.....	209
Майкопский феномен и «монгольский синдром».....	214
Глава 11. Степной пояс заявляет о себе.....	216
Металлургическая провинция становится Циркумпонтийской.....	216
Импульс на север.....	219

Ямная общность культур.....	220
Катакомбная общность.....	225
Майкопский импульс на юг	228
Дрейф золота вокруг Черного моря.....	230
Северные топоры в южном исполнении.....	234
Глава 12. Большой скачок и Великая стагнация.....	237
Джин, вырвавшийся из плавильного горна.....	238
Эпоха Великой стагнации: что это?	240
Ядро евразийских культур	242
Глава 13. Второе тысячелетие: кардинальные перемены	
в Евразийской степи.....	244
Евразийская металлургическая провинция: перемены в характере	
культур	245
Евразийская провинция: начало формирования.....	248
Евразийская провинция: пора стабилизации	252
Евразийская провинция: финал и распад.....	259
Глава 14. Рывок из центра Азии: Чингизовы провозвестники.....	264
Некрополи или же только мемориалы-жертвенники?.....	265
Сейминско-турбинский металл.....	268
Фигурки животных на сейминско-турбинском металле.....	271
Хоровод животных и «визитная карточка» восточных	
пришельцев	274
Культуры центра Азии и «монгольский синдром»	276
Воины-пришельцы.....	277
Финал феномена	280
Оформление Восточноазиатской степной металлургической	
провинции.....	281
Глава 15. Соседи Степного пояса	287
Европейская металлургическая провинция	288
Кавказская металлургическая провинция	294
Ирано-Анатолийская металлургическая провинция.....	300
Древнекитайская металлургическая провинция.....	306
Глава 16. Железный век Степного пояса	317
Появление железа	317
Скифский мир	320
Сарматы оттесняют скифов	333

Гунны монгольских степей.....	335
Север и Юг в трехвековых битвах	341
Гунны на западе	343
Краткий эпилог второй части книги	350

Часть третья

Русь, Россия и Степной пояс	351
Пролог 3. От древности к современности	353
Вновь о любопытной взаимосвязи истории с археологией.....	353
Скверная экология, скверные соседи.....	357
Глава 17. От аваров до Ивана Грозного.....	361
Авары, хазары, печенеги.....	361
Половцы.....	366
Калка	370
Четыре года и четыре волны Батыева нашествия.....	371
Иго и русские князья	372
Куликово поле	375
Золотая Орда слабеет	377
От стояния на Угре до Ивана Грозного.....	379
Глава 18. Крушение границ ядра евразийских культур.....	383
Три волны слома	383
Год 1500 — начало Нового Времени	385
Первая волна слома: начало за Португалией	387
Испания — Колумб.....	390
Папские буллы и раздел мира.....	392
Испания — Магеллан.....	394
Эпоха открытий или же колонизации?	397
Вторая волна слома: Северная Америка.....	401
Капитан Гудзон и Новый Амстердам	402
Тринадцать британских колоний у истоков независимости.....	404
Соединенные Штаты Америки: от Флориды до Аляски	406
Глава 19. Третья волна слома: прорыв к Тихому океану.....	409
Начало: до Ермака	409
Казанский «барьер»	411
Строгановы и Ермак Тимофеевич.....	412
От Урала до мыса Дежнёва.....	417

Встреча на Амуре: маньчжуры.....	418
Мирное освоение?	421
Начало колонизации.....	422
Степной пояс и Китай	427
Колонизация Северной Евразии и блокада Степного пояса.....	429
Глава 20. Слом рубежей Евразийского ядра: колонизация	
и ее принципы.....	431
Тяжкий крест европейских «цивилизаторов»	431
Открытие новых земель и приобщение к цивилизации.....	433
Источник наслаждений	434
Разновидности российской колонизации	436
Последний прорыв на восток: русские в Америке	440
Колонизация и судьбы народов	443
Глава 21. Штурм Степного пояса.....	446
Крымская крепость-заноза.....	446
Князь Потемкин Таврический.....	451
Уральский плацдарм.....	452
Иван Кирилов и «окно на юго-восток»	455
Рычков — краевед, историк и «счетовод»	458
Путь в казахские степи.....	461
Последние дни бывшего Казахского ханства.....	464
У ворот Бухары	465
Проект «Желтороссия»	472
Конец XIX столетия: финал истории Степного пояса?.....	473
Глава 22. Степной пояс и Советская империя	475
Недолгий путь к Советской империи	475
«Союз нерушимый республик свободных...»	476
«Очередные задачи советской власти»	478
Успехи и достижения.....	479
Неудачи и провалы.....	480
«Дружбы народов надежный оплот»	482
Средняя Азия столетие спустя	484
Монгольские впечатления: шесть десятилетий спустя.....	487
Нива и жатва печали.....	495
Эпилог. Беглый взгляд на контуры долгой истории.....	500
Мои благодарности.....	508

Приложения

Приложение 1. Отец Иакинф (Бичурин) и его наследники	511
Приложение 2. Отель «Мариотт» и Бату-хан	523
Приложение 3. Как победить гуннов?	527
«Три манеры поведения и пять приманок для варваров»: доклад Цзя И императору	528
Чао Цо: как победить гуннов?	532
Приложение 4. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в археологии	541
Система отсчета времени	541
Хронологические источники в археологии	543
Дендрохронология	544
Радиоуглеродное датирование	549
Изотопное время и дендрохронология	549
Калиброванные датировки	550
Периоды исторического развития и методы календарной хронологии	552
Приложение 5. Каргалы: пять тысячелетий истории	554
Четыре открытия Каргалов	555
Четвертое – археологическое – открытие Каргалов	558
Три тысячи лет спустя: открытие третье	562
Приложение 6. Сейминско-турбинский феномен: история открытий	578
Находки на Сейминской дюне	578
Счастливым 1912 год	579
Конец Сеймы	579
Сейма — Бородино — Сибирь	580
Шустова гора на Каме	580
Сибирское звено сейминско-турбинской «цепи»	582
И вновь Урал	583
Приложение 7. Гунны и Аттила в глазах европейцев	585
Аммиан Марцеллин: гунны — злобные двуногие звери	586
Приск Панийский: Аттила приземленный	589
Иордан: легенды через столетие после исчезновения гуннов	597

Приложение 8. «Книга Большому Чертежу».....	608
Приложение 9. Последний из Чингизидов?	614
Литературные источники.....	617

ВВЕДЕНИЕ

Степной пояс: геоэкология, системы жизнеобеспечения, культуры

Трагический тринадцатый

Тринадцатый век в сознании множества народов Евразийского материка предстал как один из самых кровавых и трагичных во всей долгой истории крупнейшего континента нашей планеты. Ключевым событием этого времени, конечно же, явились молниеносные и всеокрушающие нашествия степняков — стремительных монгольских всадников-кочевников. Всего за несколько десятилетий территория их завоеваний покрыла такие пространства, что все произошедшее не просто удивляло, но и потрясало неправдоподобием гигантского охвата. Воля

покоренных степными всадниками прочно сложившихся и казавшихся несокрушимыми государств будто бы по мистическому мановению оказалась повергнутой буквально в паралич. Порой возникало впечатление, что некоторые из подобного рода социальных объединений даже не пытались сколько-нибудь активно сопротивляться.

В долгой исторической памяти тех народов, которые не только в научной, но даже в популярной беллетристике привычно относят к разряду «цивилизованных», обыкновенно всплывают картины прошлого, обильно окрашенные кровью и мраком тотальных разрушений. Подобными воспоминаниями наполнены не только письменные источники, но также изустные сказы и эпические предания.

«Кто эти исчадия? Откуда явились эти нелюди? Из каких пустынных глубин? Не из диковинной ли и проклятой Богом страны Тартар? Говорят, что

эти дьявольские создания питаются мертвечиной и изъясняются на никому неведомом языке. Только за тяжкие грехи наши мог Господь наслать на нас эту адскую напасть». Примерно такими смятенными загадками в XIII столетии мучились многие властители христианской Европы вплоть до крайнего европейского запада — Британских островов. Сходные стенания слышались в те времена и по множеству областей Азии.

Однако, как это нередко случается, страшные трагедии по прошествии некоторого времени могли обернуться даже неким позитивом. Кровавый ужас XIII века привел в одном, но очень важном аспекте именно к похожему результату. Тогда в понимании ряда представителей интеллектуальной элиты подчиненных монголами стран стало пробуждаться осознание громадности евразийского мира. Сам мир как будто несоразмерно раздвинулся, стал более прозрачным и понятным; и это повело к формированию нового взгляда на окружающий мир, к иным принципам ориентации и оценок.

Вспомним, к примеру, видного перса Рашид-ад-дина, первого везира при дворе ильханов — монгольских завоевателей и властителей Ирана; заметим при этом, что кроме своего незаурядного придворного статуса его, бесспорно, можно относить также и к разряду выдающихся историографов Средневековья. Вот как — уже в самом начале XIV века — представлял себе этот персидский историк, по сути, заново открывшийся перед ним гигантский мир:

«Прежде всего, надлежит знать, что в каждом поясе земли существует отличное друг от друга население, одно оседлое, другое кочевое. Особенно в той области или стране, где есть луга, много трав, в местностях, удаленных от предместий городов и от селений, много бывает кочевников, — что мы наблюдаем в пределах Ирана и во владении арабов, где есть безводные пустыни с травой; такая земля подходящая для верблюдов, потому что они поедают много травы, а воды потребляют мало. По этой причине племена и кланы арабов устроили по всем степям и долинам места своих кочевок от пределов Запада до крайнего побережья Индийского океана в количестве большем, чем это требовала численность народа. Точно так же народы, которых с древнейших времен и до наших дней называли и называют тюрками, обитали в степных пространствах, ... известных под именем Могулистана (страны монголов), ... кои явились смежными с (Великой) Китайской стеной... Благодаря своей силе, могуществу, власти и завоеваниям, они распространились по всем областям Китая, Индии, Кашмира, Ирана, Византии, Сирии и Египта, подчинив себе большую часть государств населенной части мира» [Рашид-ад-дин I: 73—74].

Вполне возможно, что именно у Рашид-ад-дина впервые отчетливо прозвучало понятие «пояс земли», и это стало созвучным тому, что уже в настоящее время многие вкладывают в термин «Степной пояс Евразии», запу-

танной истории которого и будет посвящено большинство разделов нашей книги. Однако прежде чем перейти к более детальному рассмотрению того, что мы вкладываем в это понятие, вспомним о распределении по евразийским просторам различных экологических зон и взаимосвязи с ними разнообразных человеческих культур.

Геоэкология, культуры и модели жизнеобеспечения

Не подлежит ни малейшему сомнению та уже давно и банально звучащая истина, что важнейшие черты различных культур в огромной степени и зачастую предельно жестко зависели от тех геолого-географических условий, в которых оказывались разнообразные человеческие сообщества. Утверждение это, по существу, является ныне уже постулатом, причем весьма древним. Ведь еще в V веке до н. э. «отец истории» Геродот писал, повествуя о стиле жизни кочевых скифов, столь отличным от образа жизни народов оседлых, привычного историку: *«Этой особенности скифов, конечно, благоприятствует их земля...»*.

В настоящее время подобное междисциплинарное направление нередко именуют *геоэкологией*. К сожалению, трактовка и понимание данной науки и поныне далеко не всегда отличается четкими и — даже в среде специалистов — достаточно согласованными формулировками. Однако для нас наиболее привлекательным является тот ее аспект, что нацелен на изучение «пространственно-временных закономерностей взаимодействия природы и общества», если следовать некоторым определениям энциклопедического характера.

Поясним также, что мы вкладываем в понятие «культура». Этот термин будет встречаться на страницах нашей книги постоянно, и читатель должен знать, что его содержание весьма существенно отличается от той трактовки, которая преобладает, например, в современных средствах массовой информации. *Культура* — термин чрезвычайно емкий: под ним понимается способ существования некоего отдельного социума. Принятое здесь представление о культуре охватывает практически все аспекты повседневного бытия любого социального организма. *В эту структуру включается и социальное устройство общества, и характер материального производства, и технология его производств, и язык, а также господствующее в обществе мировоззрение или же система идеологических установок, равно как и характер выражения последних и т.д.*

Наиболее существенным, пожалуй, в этом ряду, — собственно, даже исходным, «первичным», определяющим — фактором бытия любой культуры служат, конечно же, методы или же технология добычи и производства пищи. В данной сфере, как правило, различают несколько гене-

ральных технологических моделей: *собираТЕЛЬСТВО, охоту, рыболовство, земледелие и скотоводство*. Первые три модели обыкновенно объединяют в общее понятие *«добыча пищи»*, а последние две, то есть земледелие и скотоводство, — в *«производство пищи»*. Безусловно также, что добыча пищи являет собой наиболее архаичный комплекс технологий, по сути восходящий еще к животному миру. Производство пищи — это уже совершенно новый этап общественного развития. При этом наиболее важным и определяющим в данном аспекте являлось безусловное господство в конкретной культуре какой-то одной модели жизнеобеспечения или же их родственной комбинации; прочие модели, естественно, также могли иметь место, но по своему значению они являлись «спутниками» второго и даже третьего планов.

Так, скажем, в глухой западносибирской тайге в древности (да и не только в древности) оказывались практически нереальными занятия скотоводством или же земледелием. Природа здесь по преимуществу предоставляла человеку условия лишь для охоты и рыболовства. Земледелие же могло процветать лишь на тех землях, где имелись в наличии достаточно плодородные почвы вкупе с водными источниками. И наоборот, засушливая степь с ее резко континентальным климатом весьма мало пригодна для вызревания злаков и получения сколько-нибудь устойчивых урожаев. Эти регионы не только считались, но считаются и поныне — когда технологический уровень современных культур совершенно несопоставим с древним — зоной рискованного земледелия.

В «степном поясе» успехов можно было добиться лишь с помощью животноводства. Крупный и мелкий рогатый скот у степняков был в состоянии сам добывать себе пищу, даже зимой. На долю человека, в основном, приходилась задача регулирования повседневной жизни стада, его численности, ухода за ним, перегонки стад на более обильные пастбища и т. п. При таких условиях животноводческая культура могла вполне успешно существовать и существовала за счет тесного симбиоза человека и одомашненных животных.

География моделей жизнеобеспечения

Теперь обратимся к публикуемой здесь карте Евразии (рис. В.1). На ней намечены границы между двумя основными группами моделей жизнеобеспечения, то есть культурами с доминированием добычи пищи, а также ее производством. Карта отражает картину, соответствующую примерно II тыс. до н. э., когда на пространствах Евразийского материка приближалась к своему финалу Эпоха Раннего Металла или же — при более четком определении — поздний бронзовый век. Приводимые на карте границы достаточно

схематичны хотя бы по причине того, что территориальные рамки культурных сообществ с господством той или иной модели далеко не всегда предстают перед исследователем во вполне определенном и устойчивом виде. Нередко колебания и сдвиги разнородных культур при смене исторических эпох могли достигать заметных величин. Кроме того, не всегда надежными казались имеющиеся у нас сведения о господстве какой-то определенной модели жизнеобеспечения в ряде регионов континента.

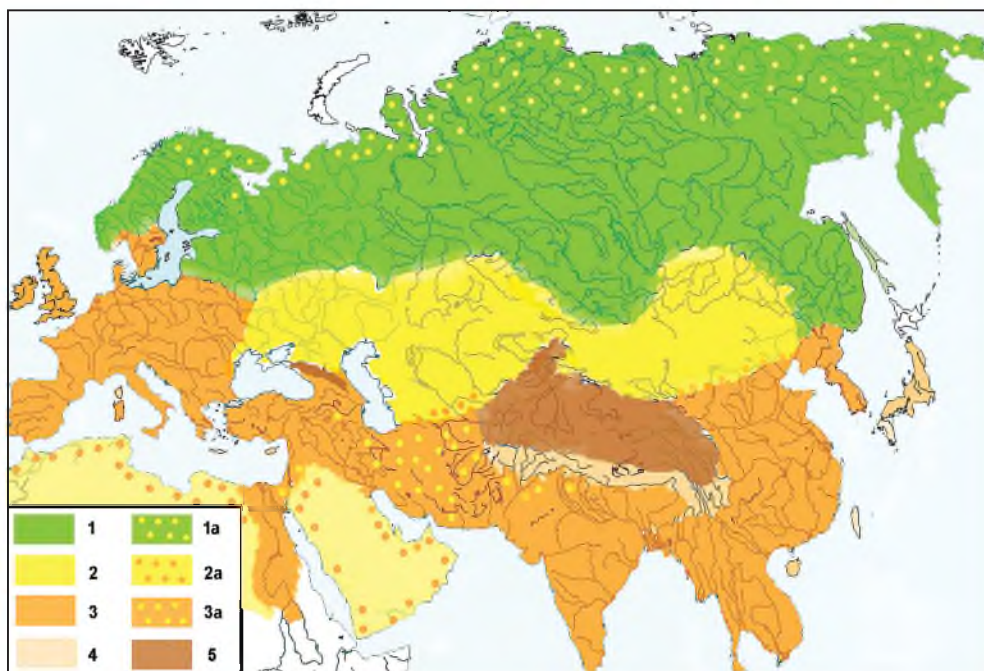

Рис. В.1. Ареалы основных геоэкологических зон Евразии и господствующих моделей жизнеобеспечения культур:

1 — лесная и тундровые зоны; ареалы культур собирателей, охотников и рыбаков; 1a — ареал культур оленеводов; 2 — Степной пояс (от Черного до Желтого морей); ареал кочевого и полукочевого скотоводства; 2a — земледельческие (оазисные) культуры в скотоводческих ареалах; 3 — зоны господства оседлых земледельческих культур; 3a — скотоводческие культуры в ареалах земледельческих культур; 4 — подгорные зоны; смешанный тип моделей жизнеобеспечения; 5 — высокогорные зоны; неопределенный (смешанный) тип моделей жизнеобеспечения

Общая площадь материковой суши Евразии близка к 52 млн. кв. км. Культуры, строившие стратегию своего жизнеобеспечения по преимуществу на «добыче пищи», оккупировали в конце бронзового века пространства до 15—17 млн. кв. км. (рис. В.1, 1, 1a). Культуры же с технологией «производства пищи» занимали территорию почти в два раза большую: примерно на 26—28 млн. кв. км. (рис. В.1, 2, 2a, 3, 3a). Прочие сообщества,

строившие свое жизнеобеспечение на не вполне определенных моделях (высокогорные и прочие), распространялись по ареалам общей площадью до 4—6 млн. кв. км. (рис. В.1, 4, 5).

Наряду с этим наблюдались весьма примечательные вариации и отклонения от основных или же господствующих типов жизнеобеспечения. Например, среди культур, заселявших северные таежные и тундровые пространства Евразии, хорошо известны кочевые или полукочевые сообщества оленеводов. Последние в некоторых чертах повторяли ту модель кочевого скотоводства, что господствовала в собственно Степном поясе. Повтор в данном случае как бы усиливал свое звучание даже за счет сочетания скотоводства с охотой, к которой были столь привержены как степные, так и тундровые номады. Однако все прочие признаки сопоставляемых здесь культур разительно отличались.

Культуры степных кочевых скотоводов могли широко вклиниваться в зоны господства земледельческих культур, оккупируя те экологические ниши, что оказывались мало пригодными для выращивания культурных растений (об этом — мы помним — писал еще Рашид-ад-дин). И наоборот, земледельческие оазисы были нередко вкраплены в зоны господства номадов (рис. В.1, 2а, 3а).

Евразийский континент: членение по широте и долготе

Вновь обратимся к нашей карте (рис. В.1) и к феномену широтного распределения геоэкологических зон по Евразийскому материку и тесно связанных с ними совокупностей важнейших моделей жизнеобеспечения культур континента: с этих позиций публикуемая карта весьма показательна. На всей гигантской восьмистычекилометровой протяженности границ пастушеские культуры Степного пояса весьма жестко изолировали более северные лесные культуры с архаичными моделями «добычи пищи» от развитых земледельческих культур или же цивилизаций южной зоны континента. Население лесной и даже тундровой зон являло собой едва ли не вечный и зависимый от степняков тыл. Сравнительно ощутимые контакты между оседлыми земледельческими народами и лесными популяциями становились возможными, кажется, лишь на крайних — восточном и западном — флангах Степного пояса. На западе то был ареал Балтики и Фенно-Скандии; на востоке — Маньчжурии и российского Приморья.

В той позиции, каковой предстает долготное распределение ареалов важнейших моделей жизнеобеспечения в исторической реальности (рис. В.1), собственно Европейский материк оказывается очень похожим на огромный, крайне западный, с крайне причудливой линией морских и океанских рубежей полуостров. Пожалуй, его хочется назвать даже Европейским мега-

полуостровом или же — что точнее — субконтинентом, как бы прикрепленным с востока к неохватному массиву Евразийского континента. Гранью его «спайки» с базовым телом материка служит линия между Балтийским и Черным морями (здесь, конечно же, приходит на ум старинный и столь знаменитый путь «*из варяг в греки*»). Та же часть Европы, которая по традиции именуется Восточной, по всей видимости, никак не вычленяется — и вряд ли должна вычленяться — из своего евразийского тела. В любом случае, водораздельный рубеж между Балтикой и Причерноморьем представляется намного более логичным с точки зрения и географической, и геоэкологической, нежели традиционная — по Уральским горам и реке Уралу, а также по крайне расплывчатой Маньчжской впадине — граница. Подмеченная особенность кажется весьма существенной, и мы не раз вспомним о ней далее уже при обсуждении различного рода взаимосвязей между культурами Запада и Востока.

Геоэкология Степного пояса

Поскольку наше основное внимание будет сосредоточено на культурах Великого Степного пояса Евразии, следует более детально ознакомиться с геоэкологическими характеристиками данного пояса и важнейшими деталями его структуры.

Степной пояс Евразии протянулся от Черного моря на западе вплоть до Желтого моря на Дальнем Востоке. Его тотальная протяженность с запада на восток близка, как уже говорилось, к восьми тысячам километров, а общий территориальный охват достигает также восьми, но уже миллионов квадратных километров. Его основными, базовыми чертами служат прежде всего ландшафтно-экологические признаки: 1) отсутствие или же явно подчиненная доля лесного покрова при полном господстве покрова травянистого; 2) континентальный или же резко континентальный аридный (засушливый) климат с жарким летом и морозной зимой; 3) простираение по умеренным широтам Евразийского материка.

Понятие «Степной пояс» должно восприниматься как относительно условное: по существу, перед нами весьма сложный экологический феномен. Важнейшей причиной принятого здесь наименования послужило то, что протяженная степная полоса в этом поясе занимает центральную, как бы осевую линию. Сама степь на всем необъятном широтном протяжении предстает перед наблюдателем в облике весьма и весьма разнообразном. Такой вывод вполне очевиден не только в процессе сопоставления основных элементов растительного покрова, но, пожалуй, различия бросаются в глаза еще более выпукло даже при простом наблюдении за геоморфологическими особенностями различных регионов. Степь может открывать себя либо в виде абсо-

лютно плоской равнины, подобной, скажем, пейзажам Северного Прикаспия; или же мы попадаем в степь горную, характерную, например, для огромного монгольского ареала. По всей видимости, именно эта разноликость явилась причиной неожиданного множества определений — что же такое степь?

С севера к степям в большинстве регионов примыкает обширная полоса лесостепей. Уже из самого определения следует, что в лесостепи заметно нарастает доля древесного покрова. Проводить же между степью и лесостепью отчетливо выраженную и четко маркированную границу практически не реально, — столь туманна она и неопределенна. Аналогичный вывод следует и в отношении южных приграничных полос Степного пояса. Здесь в ряде регионов — от Северного Каспия вплоть до восточного фланга всей полосы — к степи подступают полупустыни и пустыни. Границы между степью и полупустыней также выглядят крайне размытыми. Столь же расплывчаты и туманны критерии различий между полупустыней и пустыней.

Рис. В.2. Восточный ареал Степного пояса и Джунгарские ворота

Контуры основных ареалов охвата Степного пояса «правильными» очертаниям отнюдь не отличаются. Даже беглый взгляд на карты (рис. В.1 и В.2) позволяет различить в самом поясе как бы две «половины» — западную (или западноевразийскую) и восточную (или восточноевразийскую). Граница между ними выражена весьма четко и вряд ли может быть подвергнута сомнению: это знаменитые Джунгарские ворота. Их отражение на карте (рис. В.2) предстает в виде резко суженного перехвата, своеобразного «гирла» (об этих воротах более детально мы поведем речь ниже). Территориальные охваты обеих частей примерно равны: в пределах 3,8—

4,2 млн. кв. км. Восточноевразийская «половина» предстает более однородной по овалному контуру абриса ее пространственного охвата (исключая юго-западный «отросток» пустыни Такла-Макан). В западноевразийской же «половине» также заметен, — хотя и далеко не столь явно, — некий раздел между восточноевропейской частью, а также западноазиатским регионом (рис. В.2). Последняя по площади существенно превосходит восточноевропейскую (1,5 против 2,5 млн. кв. км.), а их граница маркирована своеобразной «перемычкой» между отрогами Южного Урала, а также Мугоджарами, вплоть до северных берегов Каспийского моря.

Западноевразийская половина пояса и ее границы

Край западной зоны Степного пояса начинает проявлять себя уже в бассейне Нижнего Подунавья. Здесь относительно узкая полоса степи вплотную прилегает к северо-западному побережью Черного моря, следует вдоль его побережья, заходит в Крым, потом по периметру огибает море Азовское. Морские границы сменяются мощным и трудно преодолимым валом Главного Кавказа. Лишь у побережья Каспийского моря «стена» гор как бы отступает на запад: здесь намечается знаменитый Дербентский проход, который и служил долгие тысячелетия наиболее удобным путем для мирных или немирных контактов различных народов севера и юга. Крутые изгибы берегов Каспия вновь предельно ясно очерчивают южную грань Степного пояса. К юго-восточному побережью этого огромного и в древности называемого Хвалынским моря-озера близко подходит хребет Копетдага. Хотя эта горная система и не в состоянии сравниться с мощью Кавказа, однако и здесь граница между захватывающим пустыню Каракумы Степным поясом и более южными регионами, с зелеными оазисами Иранских нагорий, также выглядит вполне определенной (рис. В.5).

Вслед за Копетдагом — и опять-таки с юга — Степной пояс резко ограничивают трудно преодолимые громады горной системы Памиро-Тяньшаня. Их запутанные хребты и высокогорья внезапно разворачиваются и резко «ныряют» к югу, к Гиндукушу. Затем, затейливым кольцом огибая обширную пустыню Такла-Макан, горные цепи Куэньлуня и Алтынтага почти без заметных прогибов сливаются с Тибетом и Гималаями.

Полезно будет подчеркнуть еще раз, что западноевразийской части Степного пояса присущи весьма четко выраженные южные границы. Последние определены либо морскими побережьями, либо протяженными громадами молодых горных хребтов, которые в геологической науке обычно именуют Альпийско-Гималайским подвижным поясом. В противоположность южным границам пояса, границы северные — в его западном ареале — весьма расплывчаты и проходят (за исключением неширокой полосы Урала)

Рис. В.3. Степи западного ареала пояса отличаются более спокойным рельефом, мягким климатом и растительным покровом (Южное Приуралье)

Рис. В.4. Каракумы. Барханы в этой пустыне встречаются не столь уж часто; преобладают солончаковые равнины

Рис. В.5. Каракумы. Солончаковые равнины внезапно и резко прерываются горными цепями Копетдага. Так очень жестко в этом ареале очерчивается южная грань Степного пояса

по четко выраженным низменным областям. Сами же эти грани должны как будто уже по основному определению быть связанными с кромкой лесной (таежной) полосы Евразии. Однако и в этом случае различия между лесостепью и лесом по всему их протяженному фронту выражены совсем не столь отчетливо в сравнении с южными окраинами западноевразийской половины Степного пояса.

Горная монгольская степь и Джунгарские ворота

Повторим, что границей между западноазиатской и восточноевразийской половинами Степного пояса служили Джунгарские ворота. Сама Джунгария являла собой не что иное, как своеобразный и глубокий «прогиб», или же, согласно принятой в геологической науке терминологии, геосинклиналь, — с одной стороны, между молодыми складчатыми системами Альпийско-Гималайского подвижного пояса — Памиро-Тяньшанем, Гиндукушем и Гималаями (рис. В.2), а с другой, уже с гораздо более «старой»

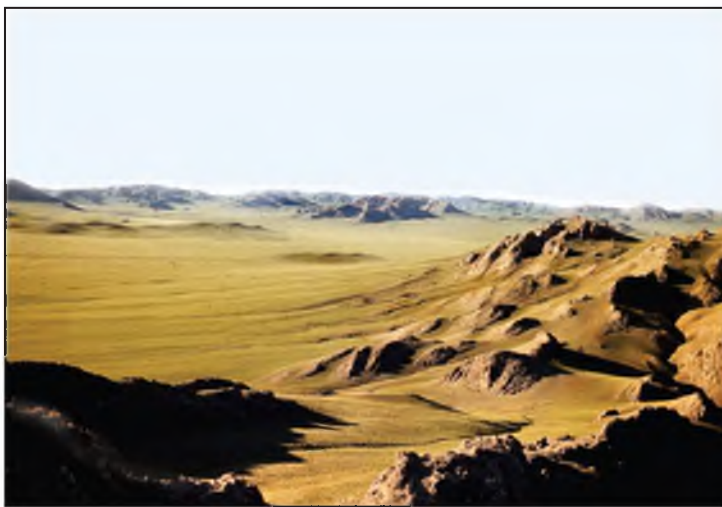

Рис. В.6. Степи восточного ареала отличаются от западных своим рельефом (горная степь Центральной Монголии)

по своему геологическому возрасту горной системой Саяно-Алтая.

Джунгарская геосинклиналь оказалась очень удобной для передвижений многочисленных групп кочевников вместе со своими стадами. Сам «прогиб» как бы разделял на две части невысокий хребет Тарбагатай. К западу от Тарбагатай путь кажется менее «комфортным», хотя он и выводил кочевников довольно близко к знаменитому озеру Балхаш. Более комфортным выглядел восточный проход. Здесь, прижимаясь к горам Алтая, по какому-то странному и мало объяснимому обстоятельству, уже в ареале весьма непри-

Рис. В.7. Климат в восточном ареале великого пояса намного более суров, нежели на западе. Центральная Монголия: снежный буран в степи в середине августа. Такая погода не столь уж редкостью в этом полупустынном регионе Центральной Азии

Рис. В.8. Джунгарские ворота; на заднем плане хребты Монгольского Алтая

ветливых горных джунгарских пустынь, зарождались истоки великой сибирской реки Иртыш (тамашнее наименование — Кара-Иртыш). Немного севернее, уже параллельно лесистым склонам Русского Алтая, долина Иртыша и связанных с его долиной озер становилась намного более приветливой и желанной для скотоводов (рис. В.9). Отсюда, вдоль этой речной долины, начинался долгий, более чем четырехтысячекилометровый путь к необъятным пространствам Великой Западносибирской равнины.

Восточноевразийская часть гигантского Степного пояса весьма ошутимо отличается от западной. По существу, это уже горная степь (ср. рис. В.3 — В.5 и В.6 — В.14), и ее ландшафт в большинстве регио-

Рис. В.9 Джунгарские ворота, лесистая долина на Кара-Иртыша. Вдоль и близ этой долины проходил наиболее удобный для кочевников с их стадами путь, связывавший восток и запад Степного пояса [Google]

Рис. В.10. К Джунгарским воротам с запада подступают трудно проходимые хребты Тянь-Шаня. Этот путь вряд ли был привлекательным для кочевников с их огромными стадами животных [Google]

Рис. В.11. Горы, песчаные барханы и глинисто-солончаковые равнины между склонами хребтов (Монгольский Алтай)

Рис. В.12. Южная Гоби с ее каменистыми холмами. Группа деревьев теснится к едва заметному источнику воды; здесь находился колодец разрушенного ламаистского монастыря

Рис. В.13. Бесконечные гряды песчаных барханов негостеприимной пустыни Такла-Макан, котловина которой располагается юго-западнее Джунгарских ворот [Google, космическая съемка]. Средняя высота каждого из барханов близка к сотне метров, а некоторые гиганты возносятся даже до трех сотен. Каждый год ветер передвигает песчаные гряды со скоростью 150 м, угрожая существованию редких оазисов. Про эту пустыню молва гласит: «Войти-то в нее — войдешь, да не выйдешь!»

Рис. В.14. Верблюд и пустыня неразлучны: без этого животного было бы почти нереально преодолевать сотни безводных километров. Верблюды у кочевников служили также и «пустынной кавалерией»

нов совсем не сходен с тем, что характерен для областей, расположенных к западу от Джунгарских ворот. Резко континентальный характер климата выражен здесь гораздо более ощутимо, а почвы несравненно менее плодородны. И хотя в сравнении с западом восточная часть Степного пояса покрывает более южные широты, влияние севера здесь намного более ощутимо: ведь зона вечной мерзлоты опускается в этом регионе едва ли не до пустынных пространств Гоби (рис. В.7).

Важнейшим и, по существу, центровым ареалом восточной области являются, конечно же, огромные пространства Монголии, включая и Монголию Внутреннюю в рамках КНР. Генеральный пространственный охват данного центрального ареала огромен: он превышает два миллиона квадратных километров.

Резко меняется на востоке и характер главнейших — северных и южных — границ Степного пояса. Здесь, в отличие от западноевразийского ареала, в степные и даже пустынные регионы надвигаются и вклиниваются нависающие с севера лесистые отроги Саяно-Алтая (рис. В.9). Восточная грань этой могучей горной системы проходит по долине и бассейну устремляющейся к Байкалу Селенги. К востоку от нее путник должен уже

передвигаться по «диким степям Забайкалья». Правда, забайкальский — не степной, а, в сущности, лесостепной — пейзаж мало походит на те, которые имелись в виду при обращении, скажем, к лесостепи Восточной Европы или же Западной Сибири.

Южная граница в Монгольской степи почти всегда являет собой обширнейшую пустыню или же Великую Гоби. Мы сталкиваемся здесь с холмистой, по преимуществу каменистой или же глинисто-солончаковой, либо песчаной и полностью безлесной равниной (рис. В.11, В.12, В.14). Порой равнинный характер ландшафта нарушают следы весьма древних, разрушенных за сотни миллионов лет гор, перемежающиеся с песчаными барханами (рис. В.12). Еще далее за пустыней высятся стены уже весьма могучих горных систем Куэньлуня, Алтынтага, формирующих северную грань истинной крыши мира — Тибета. Именно их отроги, по всей вероятности, и завершают южные рубежи Евразийского Степного пояса.

Восточный фланг всего Степного пояса охватывает пространства Маньчжурии и вплотную подходит к Желтому морю. На общем фоне сильных различий между обоими половинами Степного пояса примечательно, что крайний восточный рубеж приобретает здесь черты, до некоторой степени сходные с его абсолютно противоположным, крайним западным флангом, примыкающим к северо-западному побережью Черного моря и Нижнему Подунавью. А из Маньчжурии открывается для скотоводов Степного пояса выход на Великую Китайскую равнину, знаменитую колыбель китайской цивилизации, в бассейне нижнего течения Хуанхэ (Желтой реки), а также Янцзы. Здесь южная граница Степного пояса очерчивалась неповторимым в мировой практике рукотворным гигантом — Великой Китайской стеной (рис. В.2).

Аравийские пустынные нагорья

Степной пояс породил великое множество разнообразных скотоводческих — кочевых и полукочевых — культур, чья активность в большей или меньшей степени, прямо или косвенно отразилась на судьбах огромного большинства евразийских народов. Однако у Степного пояса в этом отношении имелся и своеобразный «конкурент» — Аравийский полуостров. Сам полуостров охватывает территорию около 2,8 млн. кв. км. Аравийские безводные нагорья плавно перетекают на севере в Сирийскую пустыню, занимавшую регион между Месопотамией и Палестиной. Общая площадь такого рода пустынных областей была не менее 3,0—3,2 млн. кв. км: в сравнении со Степным поясом пространства, конечно, не столь обширные, однако же, весьма внушительные.

Желтое и как бы изолированное от иных зон поле самого крупного из полуостровов Евразийского континента хорошо выделяется на карте

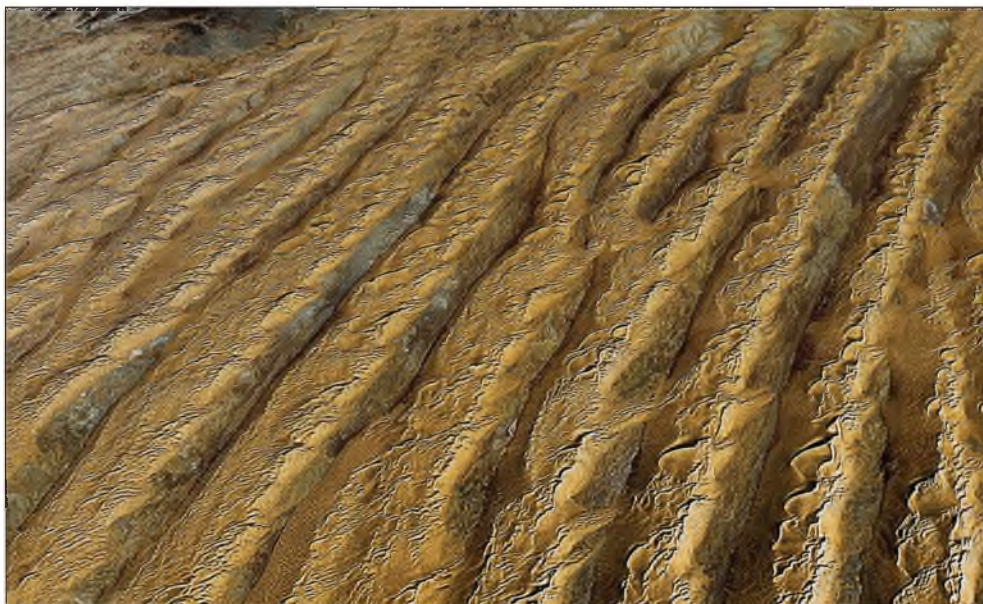

Рис. В.15. Пустыня Южной Аравии с удивительно ровными и высоченными — никак не менее впечатляющими, нежели в Такла-Макан — грядами песчаных барханов. Во времена пророка Мухаммеда эти столь тяжкие пустынные пространства местные кочевники преодолевали на верблюдах [Google, космическая съемка]

(рис. В.1). Эти пустынные и чередующиеся с зелеными оазисами нагорья Аравии стали знаменитыми, пожалуй, еще с библейских времен. Они отражены как в изустных преданиях и эпических сказаниях, так и в письменных свидетельствах. Именно здесь зиждились истоки ранних пастушеских культур семитоязычных народов — евреев и арабов (рис. В.16). Синайский полуостров мог бы стать своеобразным дублем Джунгарских ворот Степного пояса, связующим в данном случае бедуинов Аравийских пустынь и обитателей африканской Сахары. Однако долина Нила и, прежде всего, ее дельта пресекали пути для регулярных связей.

Судьба в какой-то момент столкнет потомков аравийских выходцев с пришельцами из глубин Степного пояса, и

Рис. В.16. Перекочевка библейского Авраама со своими стадами в Ханаан; фрагмент гравюры Гюстава Доре [Книги: 30—31]

Рис. В.17. Однако и в наши дни в тех же «песчаных степях аравийской земли» бродят стада овец, с большим трудом находящие здесь жалкий корм [Google]

это также станет одной из весьма ярких страниц евразийской истории; но об этом речь пойдет ниже. Однако их судьбы оказались весьма различными, и сравнение их представит для нас интерес особый. По этой причине автор даже решил начать с описания неожиданного для их соседей взлета культур аравийских кочевых и полукочевых племен: в таком случае, скорее всего, контраст сравнительной картины предстанет более ярким.

Степной пояс как домен

Степной пояс являлся истинным и едва ли не «вечным» доменом скотоводческих культур Евразии. Эти бескрайние просторы служили им не только колыбелью, но и тем родным домом, который мог надежно укрывать их от врагов, где можно было скрыться от противников, запутать их своими неверными и непривычными для них следами. Здесь нужна была совершенно иная стратегия пространственной ориентации, трудно постижимой для выходцев из иных экологических зон, из иных регионов, где господствовали несходные модели жизнеобеспечения...

Народы Степного пояса обрели свою истинную мощь лишь с того времени, когда им удалось не только одомашнить дикую степную лошадь, но и оседлать ее, приспособить под верховую езду. Ведь до появления всадников

перекочевки пеших пастухов даже по открытым пространствам в огромном большинстве случаев лимитировались не только крайне невысокой скоростью передвижения стад крупного или же мелкого рогатого скота, но также и возможностями самого пешего пастуха направлять движение стада. Именно с момента появления в степи конников мобильность и скорость перемещения пастухов возросли необычайно, а боевое преимущество всадников над мало подвижными оседлыми земледельцами стало чрезвычайно осязаемым. Не подлежит сомнению, что эффект шаг за шагом нараставшего превосходства, в первую голову, проявил себя именно на равнинных просторах Степного пояса.

Доместикация верблюда и приручение этого животного под верх также привели к заметным переменам в том статусе, какой приобрели скотоводы пустынных регионов (рис. В.14). Благодаря его лучшей приспособляемости к условиям аридных областей, верблюда отличали немаловажные преимущества даже перед более скоростной и маневренной лошадей. Его способность обходиться длительное время без воды делала верблюда незаменимым выючным животным в тяжелых условиях пустынь и полупустынь. Верблюд совсем неплохо проявлял себя также в качестве верхового животного: во всяком случае, исход многих битв между отрядами множества племен, населявших нагорья Аравии, зависел от искусства воинов, поражающих врагов с высоты горбов этих животных.

Наконец, еще одно обстоятельство позволило степным народам резко усилить мощь своих воинских отрядов. Оно было напрямую связано с открытием металла и начавшимся изготовлением больших серий металлического оружия. Особое значение приобрели, безусловно, луки со стрелами. Наконечники стрел выделялись уже не из камня, но из меди, бронзы или железа. Такие изделия, конечно же, отличались от хрупких кремневых наконечников возросшей пробойной силой. Кроме того, мастер-кузнец или литейщик всегда старался придавать им форму — по сравнению с камнем — более устойчивую, стандартизованную и тем самым приспособленную для дальнего прицельного полета стрелы. Последнее играло громадную роль в ходе развития тактики конных стремительных сражений: именно в этом чаще всего и сказывалось непревзойденное искусство летучих степных ратей.

Кавалерия зародилась на пространствах Степного пояса уже на ранних этапах бронзового века. Довольно скоро вслед за этим стремительную лошадь сумели впрячь в легкую боевую колесницу, на которой кроме возницы помещался воин — стрелок из лука или носитель боевого копья либо меча. Конные отряды шаг за шагом приобретали все более и более значимый статус главной ударной силы едва ли не во всех армиях канувшего в прошлое мира. Однако все это было не так уж давно. Ведь процесс совершенствования стратегии конных войн продолжался вплоть до Нового вре-

мени. Даже в Первую мировую войну кавалерия продолжала играть заметную роль. А лихие «тачанки-ростовчанки» времен Гражданской войны — «наша гордость и краса!». Даже в самый канун Великой Отечественной войны, уже в 1940 году, наш советский и очень именитый поэт-песенник В. Лебедев-Кумач сочинил такие стихи:

И сбылося сталинское слово,
Как оно сбывается всегда,
Разбивала конница любого,
Не давала скрыться никуда.

Однако именно в эти же месяцы на полях начавшейся Второй мировой войны боевые конные подразделения устремились к своему трагичному финалу... Оставалось, пожалуй, единственное утешение — гордость своим долгим и славным прошлым. Ведь возраст кавалерийской истории-эпопеи насчитывал к этому времени не менее пяти тысячелетий.

Часть первая

**СТЕПНОЙ ПОЯС:
КАРТИНЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ**

ПРОЛОГ-1

Звездный час и «лебединая песнь»

Как правило, историческое повествование о каком-либо явлении или же о культуре начинается с их самых ранних рубежей, с истоков. И это вполне понятно: лучше всего такого рода сюжет предстает в своей исторической динамике — от зарождения вплоть до финала. Однако порой разумнее бывает нарушить сложившийся столетиями почти канонический порядок в угоду более полному пониманию самого явления, особенно сложного. Именно в таком свете предстает перед нами многотысячелетняя и совсем непросто постигаемая история культур Степного пояса с ее головокружительными взлетами и падениями.

Иногда в подобных ситуациях для историка кажется резонным как бы перевернуть порядок событий и начать их изложение с конца: в таком случае перед читателем или слушателем суть явления может предстать существенно яснее. История степных кочевников представляется именно такой. Однако мы приступим к истории культур Степного пояса не с самых последних их шагов, но с той ступени их бытия, что явилась одновременно и их «Звездным часом» и, пожалуй, прощальной «Лебединой песней».

Источники исторические и синдром Нарцисса

Базой для нас послужили, во-первых, источники исторические или же письменно-документальные, и, во-вторых, источники археологические или же скрытые в земле, но извлеченные на поверхность в итоге раскопок и изученные специалистами. Именно с опорой на них и становится возможным воссоздать истинное историческое полотно. Свойства таких источников, однако, весьма различны, хотя они зачастую повествуют или отражают историю одной и той же культуры, одного и того же общества.

Письменные источники по ряду аспектов могут быть весьма лживыми. Если изложение касается внутренней жизни того общества, где и создаются источники такого рода, то это очень нередко напоминает истинный панегирик самим себе. *Синдром Нарцисса* — а именно так мы определим такую черту менталитета — присущ любой человеческой культуре, и без постоянного самолюбования культура будет существовать лишь с большим трудом. Данный синдром по своей сути и является коронным фактором так называемой *национальной идеи или самоидентификации*: господствующие постулаты понимания мира той или иной культурой не могут и не должны вызывать сомнений у ее носителей. Если же синдром размывается, слабеет, а его базовые каноны разъедаются ржавчиной подозрений относительно ее истинного совершенства, то налицо явные признаки кризиса культуры.

Однако при оценках культур смежных, тем более враждебных, нота критическая, весьма часто презрительная и даже ненавистная, явно доминирует: деяния соседей неразумны и вредоносны; их верования и обряды смешны, нелепы, а для истинной веры оскорбительны; и вообще — лучше бы подобных соседей вообще не существовало. И тем не менее даже в такого рода насыщенных злобой и желчью документах для нас очень важны свидетельства об этнографических деталях обустройства жизни соседних народов, о характере их религиозных представлений, даже о внешнем облике людей и т. п. Особое значение, без сомнения, имеют данные о хронологии разного рода событий, сопряженные в этих документах, как правило, с упоминанием или описанием военных акций.

В огромном большинстве случаев кочевники-скотоводы своей письменности не имели. Почти все, что нам стало известным о них, извлечено из письменных документов «цивилизованных» оседлых соседей, чаще всего настроенных к ним крайне враждебно. Лишь в случаях полной, кабальной зависимости от степняков ненависть в текстах замещалась раболепной лестью, но от этого степень их фальши не снижалась. Только порой при непредвзятом цитировании высказываний вождей номадов в подобных документах возможно уловить истинный характер менталитета кочевников и их отношения к своим «цивилизованным» соседям.

Три волны кочевников

Мы затронем в первой части книги три волны кочевнических нашествий и завоеваний. Все они оказались в чем-то сходными между собой, а в чем-то весьма различными. Первая из волн, о которой пойдет речь в книге, — конечно же, не самая ранняя! — была связана с зарождением и стремительным развитием ярчайшей арабской исламской культуры, охватившей во второй половине VII и первой половине VIII столетий огромные

Рис. Пр.1. Пророк Мухаммед поднимает с покрывала святыню святынь всех мусульман — Черный Камень, чтобы вставить его в восточную стену Каабы [Chronik: 237]

регионы юго-западной Евразии и северной Африки. Эпицентр этой волны вызревал в среде кочевых и полукочевых племен Аравийских нагорий и пустынь. Арабское племя курейшитов явилось колыбелью великого пророка Мухаммеда. Как известно, с момента его бегства из Мекки в Медину в 622 году начинается летоисчисление мусульманского мира. По кончине пророка в 644 году провозглашенный им своим наследником халиф Омар объявил начало знаменитых арабских походов во имя истинного учения ислама. Вот оценка этого рывка недавних кочевников со стороны выдающегося германского исследователя истории ислама Августа Мюллера:

«...могучие волны арабских завоевателей, подобно громадному прибою, стали заливать соседние земли, с востока и запада. Сначала по повелению халифа была направлена с неудержимой силой первая волна: она залила Персию до Оксуса, Сирию, Месопотамию, Армению, некоторые части Малой Азии до самого Константинополя, Египет и северный берег Африки до Карфагена включительно» [Мюллер: 313].

С этого времени, пожалуй, начался также отсчет поистине легендарного и столь нервно обсуждаемого вплоть до сегодняшнего дня противостояния Востока и Запада, чему мы и уделим внимание в следующей главе.

Вторая волна была сопряжена с активизацией тюркоязычных скотоводов-кочевников, на сей раз уже выходцев из Степного пояса — из Кара-кумов, Хорезма, Бактрийско-Маргианского региона. С ярким колоритом и блеском ранней арабской волны ее вряд ли можно сравнить, однако менее чем за сто лет (конец X — XI вв.) принявшим ислам тюркам-огузам — а их наследники стали именоваться сельджуками — удалось покорить арабские халифаты юго-западной Азии и захватить в них властные высоты. С тех пор

эти государственные объединения стали именоваться сельджукским султанатом. С ним и поведут яростную битву христиане в своих крестоносных походах. Легендарное противостояние Восток—Запад продолжится.

Без всякого сомнения, самой могучей и сокрушительной волной кочевнических ратей, сыгравшей роль своеобразного «девятого вала», стали монгольские завоевания XIII века. Ведь они накрыли едва ли не всю Евразию, исключая лишь намеченный нами во Введении «Европейский полуостров». С того времени наступило время не легендарного, но реального противостояния Востока и Запада. И если первые две волны предстанут в нашем изложении весьма скупо, то монгольскому «девятому валу» мы уделим многократно большее место.

И наконец, обратимся вновь к той причине, каковая побудила автора начать изложение долгой истории степных скотоводов с их «звездного часа» и «лебединой песни». Нашествия кочевников столь мощно потрясли Евразийский мир, что в самых разнообразных западных источниках появилось огромное число упоминаний и описаний их культур: ведь тогда проявился свежий взгляд на неведомо откуда возникшего свирепого врага. Китайские же цивилизации находились с кочевниками в постоянных сражениях с гораздо более ранних столетий, однако до западных людей эти слухи с далекого Востока практически не доходили. До того времени в христианском мире сведения о номадах были скупы, лапидарны и грешили массой нелепостей.

Для того чтобы понять реальную суть их культур, характер менталитета воинственных кочевников, автор и предпочел начать книгу хотя бы с краткой характеристики этих звездных периодов. При таком порядке представления материалов читателю станут гораздо более понятными и зримыми те важнейшие черты культур, что оказались скрытыми толщей столетий и отразились лишь в погребальных комплексах (и то не всегда!). У культур кочевых народов VII—XIII веков, а также тех, что относились к гораздо более древним периодам, не так уж трудно подметить множество общих для номадов черт, а это делает не столь безнадежным конструирование отдаленных по времени аналогий.

Культуры стремились к своему звездному часу, к своему апогею, и верное понимание процесса их восхождения к подобным вершинам кажется исключительно важным. Апогей — это кульминация развития культур, именно тогда они раскрывают свои самые яркие стороны. Однако не менее увлекательно вникать и в динамику их распада — либо медленного умирания, либо катастрофически бурного коллапса. Все это и отразилось чрезвычайно ярко на культурах и общностях Степного пояса Евразии.

ГЛАВА 1

Ислам и христианство: первые встречи

Покорение Иберийского полуострова

Впервые католики столкнулись напрямую с войнами Мухаммеда в июле 710 года. Тогда берберский вольноотпущенник и исламский неопит Абу Зур'а Тариф с пятью сотнями воинов пересек Гибралтар и вскоре вернулся с богатой добычей. Кстати, высадился он там, где на крайнем юге Испании и доньне расположен небольшой город его имени —Тарифа. И еще один связанный с этим событием любопытный сюжет: воинов Тарифа перевозили на кораблях византийского наместника и православного — «греческой веры» — (графа) Юлиана, что управлял этими крайне удаленными от Константинополя землями на северозападном мысу Африканского континента. Судя по всему, Юлиану не терпелось устроить чужими руками хотя бы невеликую гадость своим соседям — враждебным католикам-вестготам. Успех первого «посещения» Иберийского полуострова воодушевил другого, как думают, также берберского неопита Тарика ибн Зияда. Уже весной следующего года тот собрал воинство из семи тысяч своих соплеменников и пересек пролив на кораблях того же наместника Юлиана. Причем переброска воинов совершалась челночным методом, поскольку то ли «православный» юлианов флот был не слишком многочислен, то ли «граф» начал справедливо опасаться своих вновь обретенных коварных друзей.

Успех этой организованной на скорую руку экспедиции стал столь неожиданным и ошеломляющим, что скорее всего именно это породило впоследствии массу легенд и трудно проверяемых повествований. Во всяком случае, как Гибралтарский пролив, так и, прежде всего, знаменитая

скала с военной базой, над которой доныне реет британский флаг, носит его имя (Гибралтар — это искаженное арабское «Джебель Тарик» или же «Гора Тарика»). Позорно проигравшие, а в данном случае ими оказались вестготы (средневековое изображение одного из воинов-вестготов можно видеть на этой странице), кажется, были просто обязаны рассказывать истинные небылицы о неисчислимой мощи врага. Наверное, именно такие объяснения вошли в католическую традицию и дожили до времен сложения «Песни о Роланде», когда нагнетался ужас от появления мавританского флота:

*Языческие полчища несметны.
Гребут они, по ветру парус держат.
На мачтах и на самых верхних реях
Карбункулы и фонари алеют.
Залито море их светящим светом...
Флот Балигана не встает на отдых,
Из моря входит разом в пресноводье.
Минует и Марбризу и Марброзу,
По Эбро вверх плывет без остановки.*

[Песнь о Роланде: 2630-2643]

Рис. 1.1. Мусульманские воины. Западноевропейская миниатюра [Chronik: 283]

Первая и, по сути, едва ли не все решающая битва началась 19 июля 711 года у реки Саладо (ее старинное название Вади Бека). По одной из версий сражение длилось восемь дней, а по другой — три, что больше походит на истину. Вестготы проиграли, но вряд ли кто мог предположить столь трагичный и почти молниеносный развал целого большого королевства. Куда-то совершенно исчез вестготский король Родерих, и его не могли сыскать. После этого до смешного малое войско Тарика устремилось на захват основных городов Иберийского полуострова, нацеливая свой бег на столицу в Толедо.

Успехи Тарика вызвали жгучую зависть и немалый гнев его непосредственного патрона Мусы, остававшегося в Африке. И уже летом следующего года ведомое Мусой войско из 18 тысяч человек высадилось на

европейском берегу. Теперь и его отряды победоносно двинулись на север, так что уже к осени 713 года они смогли узреть предгорья Пиренеев. На полуострове, в сущности, оставался едва ли не единственный неподвластный воинам Мухаммеда кусочек — горная Астурия и страна басков. Наверное, арабы позднее горько сожалели, что не отрядили в эту горную область больше сил, чтобы удушить последний очаг сопротивления. Ведь именно этот очаг вскоре даст старт столь знаменитой Реконките.

После короткого затишья мусульманские отряды вновь ринулись далее на север. Они перевалили Пиренеи и вторглись в страну франков. И здесь мы вновь вспоминаем строфы Роландовой поэмы, по всей вероятности, опять же содержащие явные преувеличения:

*Промолвил [франк] Оливье: «Идут враги.
Я в жизни не видал такой толпы.
Сто тысяч мавров там: при каждом щит,
Горят их брони, блещут шишаки,
Остры их копья, прочны их мечи.
Бой небывалый нынче предстоит...*

[Песнь о Роланде: 1039-1044]

Минуло еще 12 лет, и только под Пуатье — а это было уже по существу в самом сердце франкских владений — 4 октября 732 года войску Карла Мартела удалось остановить казавшийся неодолимым вал арабских приверженцев ислама. Только через 27 лет после победы при Пуатье Пипин Короткий — первый коронованный монарх из династии Каролингов — смог вытеснить арабов за Пиренеи. Тогда как будто и установилось некоторое затишье. Но почти сразу вслед за краткой передышкой потянулось время невообразимо долгого — почти восьмисотлетнего — периода Реконкиты. Эпизоды этих бесконечных и столь запутанных битв попали в знаменитую «Песню о Сиде», создание которой датируют XII столетием:

*Видели б вы, как там копьями колют,
Как щиты на куски разбивают с ходу,
Как с маху рубят прочные брони,
Как значки на копьях алеют от крови,
Как мчатся без всадников резвые кони!
Кличу «Аллах!» клич
«Сант-Яго!» вторит,
Бой тем жесточе, чем длится дольше.
Уж пало мавров тринадцать сотен.
.....
На добром коне Сид навстречу скачет —
Борода густая, заломлена шапка.
Стальное предплечье, в деснице шпага.*

*К вассалам своим он громко взывает:
«Царю небесному, Господу слава!
В нелегкой битве мы верх одержали».
Вражеский лагерь грабят испанцы.*

.....
*В большом веселии все христиане,
Хоть в битве своей потеряли пятнадцать.
Золота и серебра им досталось
Столько, что все они ныне богаты,
Доволен каждый такой удачей.*

[Песнь о Сиде: 788-800а]

И все-таки как удивительно! — за пару-тройку лет утратить едва ли не весь Пиренейский полуостров, а потом почти восемь сотен лет отвоевывать его и изгонять оттуда мавров, вплоть до знакового 1492 года — столь памятного не только для Испании, но и для всего мира.

Так католическая Европа, по существу впервые, лицом к лицу столкнулась со своим оказавшимся с тех пор едва ли не извечным ее врагом — мусульманами. Любопытно, что в средневековой католической Европе постоянным лейтмотивом звучала уверенность, что самый жестокий и коварный враг едва ли не постоянно нависал над христианским миром с востока. И хотя эти враждебные силы объявились с доселе как будто сравнительно спокойного юга, все едино — его корни гнездились на враждебном Востоке. Кажется, что даже свирепые разбойные отряды норманнов тревожили католиков не столь мучительно.

Конечно, в католических государствах понимание целостного христианского мира было своеобразным. Восточные церкви после изгнания в 1054 году из православного Константинополя папских легатов в Римской курии вызывали вполне понятное и чрезвычайное раздражение. Великий церковный раскол привел к тому, что восточных «ортодоксов» позволяли, скорее всего, лишь терпеть. Братскими отношения между двумя родственными церквями с тех пор считать уже никак не приходилось. Однако мир Византийской империи еще ранее начал ощущать на себе весьма тяжкие удары исламских атак. От империи отпали области Малой Азии, а в 718 году арабское войско вместе с многочисленным флотом осадило даже имперскую столицу Константинополь. Однако долгая осада удачи арабам не принесла: император Лев Исаврийский проявил себя весьма способным военачальником. Арабский флот понес большие потери в результате успешного применения «греческого огня». Арабы от стен города откатились, а великий византийский град вплоть до 1453 года, то есть более чем на семьсот лет, сумел «продлить» свой столичный статус, пока его уже в последний раз не окружили и захватили воины османских мусульман-турок.

Католическая Европа готовится к отпору

К середине VIII века арабские владения покрыли поражающие своей громадой пространства: не менее 10 — 11 млн. кв. км! От Пенджаба вплоть до западных окраин Европы и Марокко в Африке и от среднеазиатских пустынь до Среднего Нила (рис. 1.2). И все это удалось совершить за сотню лет, если начать отсчет завоеваний от 632 г., когда Абу-Бакр — первый халиф и наследник пророка Мухаммеда — устремил вдохновенных вновь обретенной верой мусульманских воинов против западных и северных соседей — Сирии и Ирана. Противостоящий миру исламскому мир католический гнезился тогда на пространствах несопоставимо более скромных, не превышавших, кажется, даже одного миллиона кв. км. Общества, где господствовали христианские конфессии восточной ориентации — в Армении, Сирии, — во многом были очень быстро поглощены волной арабских нашествий.

Запад был поставлен перед необходимостью отстаивать свои идеалы, свою веру и свои земли, решительно противопоставляя себя столь ненавистному для него Востоку. Западная и Центральная Европа напрягала силы, стараясь усилить собственную мощь. К финалу X столетия территория королевств и княжеств, следующих католическим догмам, удвоилась. Возросла, конечно же, и их военная потенция. В 962 году была торжественно провозглашена Священная Римская империя и коронован ее первый германский монарх Оттон I (рис. 1.3). По мысли создателей, на плечи этой империи как бы ложилась трудная, но весьма почетная роль стать продолжательницей всех славных дел и неколебимой мощи исчезнувшей полтысячелетия назад великой Римской империи.

Рис. 1.2. Территория арабского халифата Омейядов к середине VIII столетия

Рис. 1.3. Оттон I — родоначальник Священной Римской империи. Скульптурное средневековое изображение на стене алтаря Магдебургского собора [Chronik: 269]

пролития могли хоть как-то привести к разрешению такого рода проблем.

Помимо этого, в делах халифата с X века все более и более заметную роль начинают играть тюркоязычные, но уже втянутые в мир ислама племена огузов или сельджуков. Не так давно арабы видели в них лишь разбойные банды кочевников-скотоводов, скрывавшихся в моменты опасности в песках Каракумов и Кызылкумов. Время халифатов — по крайней мере, в их восточной половине — постепенно погружалось в вечность, сменой

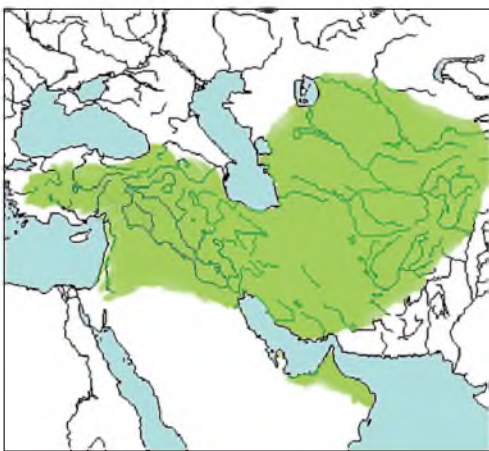

Рис. 1.4. Территория сельджукского султаната к началу крестовых походов

Мусульманский же мир после едва ли не физического уничтожения в 750 году династии Омейядов и формирования халифата Аббасидов с IX столетия постепенно, но все сильнее попадал в тиски тяжелых кризисов. Ничего нового, конечно же, в такого рода «погружениях» не было. По своей сути принципиально сходная динамика развития сообществ, опьяненных успехами победителей, повторялась практически у всех. Их мир — надменный и гордый сокрушениями врага — раскалывался, погружался в те довольно обычные противоречия, которые оказывались густо приправленными жаждой власти правителей различных частей некогда единых социальных организмов. И лишь жестокие кровопролития могли хоть как-то привести к разрешению такого рода проблем.

Помимо этого, в делах халифата с X века все более и более заметную роль начинают играть тюркоязычные, но уже втянутые в мир ислама племена огузов или сельджуков. Не так давно арабы видели в них лишь разбойные банды кочевников-скотоводов, скрывавшихся в моменты опасности в песках Каракумов и Кызылкумов. Время халифатов — по крайней мере, в их восточной половине — постепенно погружалось в вечность, сменой арабскому владычеству явился обширный сельджукский султанат (рис. 1.4).

Истинным основателем державы сельджуков стал Тогрул-бек (Князь-сокол), начавший свои завоевания с севера, от пустынных Каракумов — родины этого племени тюрко-огузов. Примерно за два десятилетия XI века Тогрул-беку удалось завоевать Хорезм, Иран, Афганистан. В 1055 году он захватил Багдад, который в глазах многих арабов был центром или «пупом» Земли, подобным Иерусалиму у христиан. Успех

завоеваний продолжил племянник Тогрул-бека Алп-Арслан (Отважный лев). При нем границы султаната укрепились уже на восточном берегу Средиземного моря. Тяжелые испытания пришлось и на долю Византийской империи, которая лишь с большим трудом, сдавая многие свои территории, сдерживала натиск тюркок-мусульман. В 1071 году в бою близ восточно-анатолийского озера Ван Алп-Арслан наголову разбил войско ромеев (византийцев) и пленил византийского императора Романа IV Диогена.

С тех пор на обширных пространствах юго-западной Азии власть прочно перешла к вождям тюркоязычных мусульманских народов. К концу XI столетия, то есть к началу знаменитых крестовых походов, в руках арабских властителей оставался лишь север Африки да юг Пиренейского полуострова в Европе. Стало быть, накапливающим силу и намеревающимся устремиться в решительные походы на Восток, в Святую землю европейским христианам противостоял в те поры мир также мусульманский, но уже не арабский, а тюркоязычный с сельджукскими султанами и эмирами.

Географические представления европейских властителей

Если в военном отношении силы противостоящих систем могли показаться более или менее равноценными, то интеллектуально-научный багаж разнился весьма впечатляюще. Арабские халифаты удивили, правда уже последующие поколения, не только стремительностью своих территориальных охватов. Обыкновенно и очень часто считали, что носители подобного рода завоеваний, к тому же совсем незадолго перед этим только-только вышедшие из «диковато-первобытного» состояния, фактически никогда не могут нести никакой привлекательной для иных народов — духовной или, тем более, интеллектуальной — нагрузки. Ведь и пророк Мухаммед происходил из совсем недавно полукочевого племени курейшитов. А вот как, например, представлял «сарацинов» Аммиан Марцеллин — историк впавшей в коллапс Римской империи еще за два или три столетия до зарождения ислама:

«Сарацины, которых нам лучше бы не иметь ни друзьями, ни врагами, в своих налетах то там, то здесь в один миг опустошали все, что им попадалось, словно хищные коршуны, которые, если завидят сверху добычу, похищают ее стремительным налетом, а если не удастся схватить, летят прочь... У этих племен, ... все люди без различия — воины. Полуголые, покрытые до бедер цветными плащами, на быстрых конях и легких верблюдах передвигаются они с места на место как во время мира, так и в пору военных тревог. Никто из них никогда не беретя за плуг, не сажает деревья, не ищет пропитания от обработки земли. Они постоянно кочуют на широких пространствах без дома, без определенного местожительства,

без законов. Не выносят они долго одного и того же места под небом, не нравятся им никогда долго одно и то же пространство земли. Жизнь их проходит в вечном передвижении. Жен они берут себе за плату по договору на время; а чтобы это имело подобие брака, будущая жена подносит мужу в виде приданого копые и палатку; по желанию она может уйти после определенного срока... Они проводят всю жизнь в столь далеких скитаниях, что женщина на одном месте выходит замуж, на другом рождает, а детей уводит с собой вдаль, не имея возможности никогда успокоиться. Пищей всем им служит мясо диких зверей, молоко, которое у них имеется в изобилии, а также различные травы и птицы, каких удаётся поймать силком. Я сам видел многих из них, и им было совершенно неизвестно употребление хлеба и вина» [Марцеллин: 4, 1—5].

...Мне хочется, чтобы читатель вспомнил об этой характеристике позднее, когда он столкнется с очень сходными оценками кочевников в совершенно различных краях евразийского континента...

В случае с только что покинувшими свой привычный образ бытия арабскими народами все оказалось как бы вывернутым наизнанку. Духовно-мировоззренческий настрой носителей ранней исламской культуры оказался в состоянии поразительно быстро привлечь огромную массу крайне разнообразных народов со столь же разнохарактерными доисламскими верованиями, в корне несовместимыми с откровениями Корана. Именно это, пожалуй, в огромной степени определило стремительный темп распространения исламской культуры.

Развивали арабы едва ли не все античные науки чрезвычайно успешно. Не составит труда представить впечатляющий ряд поистине выдающихся и даже великих арабских ученых — светил математики, астрономии, медицины и многих иных направлений человеческой мысли. К примеру, арабский халиф Ма'мун (818—833 гг.) побуждал интеллектуальную элиту своих подчиненных *«заниматься менее выгодным, чем медицина делом, не приносящим непосредственной пользы практическим нуждам двора, а именно математикой, астрономией и философией. Основано было властелином в Багдаде великое учреждение под названием «дом наук»; тут же помещалась библиотека и астрономическая обсерватория; все это... было сборным пунктом для множества ученых, ... начавших заливать арабскую почву потоком греческих познаний»* [Мюллер: 719—720].

Чем, скажите не современная академия наук?

В отличие от арабов, отцы католического мира, намечавшие и формировавшие генеральные русла интеллектуальных устремлений западноевропейского мира, являли собой убогий контраст «сарацинам» фактически по всем мировоззренческим аспектам. Кажется, что именно они и представляли истинными варварами в сравнении с вновь зародившейся культурой.

Вполне вероятно, что наиболее полное представление об уровне западной науки возникает при обзоре ее кардинальных постулатов о географии тогдашнего мира. При сравнении географических понятий о нашей планете, широко распространенных в среде мыслителей античности, с теми, что спустя полтора тысячелетия получили неоспоримое господство в католическом мире, можно испытать подлинное изумление: регресс поистине удручает. Оказались, к примеру, безнадежно забытыми детальными историко-географические описания Геродота (V в. до н. э.); полностью отвергались поражающие вплоть до наших дней своей точностью вычисления окружности нашей земли, проведенные Эратосфеном (III в. до н. э.); также была совершенно отринута и знаменитая система Альмагест — Клавдия Птолемея (II в.). Да и разве только это?

В христианском мире отныне абсолютно все знания должны были полностью опираться и исходить из соответствующих текстов Библии. Земля вновь «обрела» плоскую форму, а вовсе не шаровидную, как ранее учили ушедшие в небытие античные язычники. Плоский «блин» Земли оказывался окруженным со всех сторон водами мирового океана. Земля же, или ойкумена, делилась на три части: Европу, Африку и Азию. Последняя располагалась восточнее иных частей, а Африка привлекала тогдашних людей менее всего. В целом же весьма загадочная и таинственная Азия оказывалась колыбелью по крайней мере двух наиболее трепетных для тогдашнего христианина ценностей самого высшего статуса: здесь размещались как «Центр Мира», так и «Рай».

Центр мира совпадал с Иерусалимом (рис. 1.5), и это казалось вполне естественным, поскольку именно с этим почти неземным градом были связаны изначальные и важнейшие святыни христианского мира. Однако при этом даже в пределах Иерусалима некоторые пытались выявить тот «самый-самый» центр, или фактически уже истинный «пуп» земли. Так, к примеру, некий паломник Сэвульф, посетивший Святую Землю в 1102 и 1103 годах, сообщал о таком постижении: *«Прямо перед храмом Гроба Господня, за внешней стеной, недалеко от места, называемого Голгофой, существует место под названием Круг, которое сам наш Господь Иисус Христос обозначил и собственноручно измерил, объявив центром мира...»* [Райт, 234].

Где-то очень далеко, в неведомых глубинах Азии цвели также и райские кущи, куда Господь поместил на заре существования сотворенного им мира тогда еще не успевших впасть в непростительный грех Адама и Еву. Место это, однако, точно локализовать не удавалось. Рай окружала или высокая стена, либо его ограждал от посторонних горный хребет, на котором нередко размещали фигуры Адама и Евы, а также змия-искусителя.

«Самое знаменитое место на Востоке — это рай — сад. Известный своими прелестями, куда человек не может проникнуть, так как он окру-

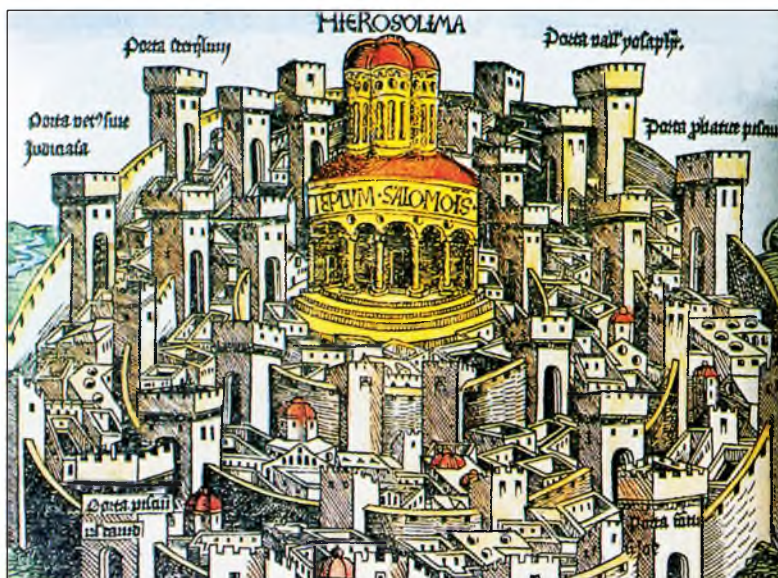

Рис. 1.5. Иерусалим — «пуп» Земли. Гравюра XV века [Chronik: 314]

жен огненной стеной, достигающей небес. Там находится древо жизни, дающее бессмертие, там находится источник, который разветвляется на четыре потока и снабжает весь мир водою», а «вокруг рая простирается дикая, бездорожная пустыня, населенная дикими зверями и гадами» [Райт: 235].

Но вот что при этом не может не удивлять: здесь же, именно в Азии — правда, опять таки вновь не уточнялось где — располагалось наиболее омерзительное и устрашающее место сего мира. То было обиталище человекоподобных Гога и Магога, которых в католической традиции относили к наиболее ужасным созданиям из всех сотворенных Господом. Вот какими словами характеризовались эти пугающие нормальных людей края в «Imagines mundi» (Образ мира), — компиляции, датированной около 1100 года:

«В Верхней Скифии, простирающейся от Каспийского моря до Серского (Китайского) океана, и к югу до Кавказа многие земли обитаемы, но имеется много и безлюдных земель; в них много золота и самоцветов, но из-за грифонов люди опасаются там появляться. Нижняя Скифия прилегает к Гиркании, называемой так из-за Гирканского леса, в котором живет чудесная птица со светящимся в темноте оперением. Ирания, или Иран, находится сразу к западу от Скифии; это область кочевников, которым из-за бесплодия почвы приходится много странствовать. Они ужасны и жестоки, пожирают человеческое мясо и пьют человеческую кровь» [Райт: 252].

Видимо, по подобного рода причине едва ли не все жуткие пророчества связывались в те времена с появлением в Судный день с севера Азии этих вызывающих содрогание тварей. На большинстве карт вместилище племен Гог и Магог изображалось окруженным высокими и неодолимыми стенами. По многочисленным вариантам подобного рода версий стены эти воздвигал когда-то сам Александр Македонский.

Древнееврейская традиция, согласно книге Бытия (10, 2), причисляла Магога к сынам Иафета, наделяя эту туманную и зловещую персону знаком прародителя скифских племен. Пророк Иезекииль (38, 2; 39, 1—13) насыщал свои речи мрачными предсказаниями о губительных опустошениях и разрушениях, которые нахлынувший с севера со своими чудовищными ордами Гог из земли Магог навлечет смерть и разруху земле Израильской. Наконец, Иоанн в своих устрашающих откровениях [20, 7] предостерегал соплеменников:

«Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской».

В целом же большинство средневековых авторов вслед за господствовавшей еврейской традицией усматривало в Гоге и Магоге северных варваров-скифов.

Первыми деяниями, где оказались задействованными основные силы вновь «сформированной» Священной Римской империи стали знаменитейшие крестовые походы. Старт им прозвучал из уст римского первосвященника Урбана II всего через 33 года после коронации Оттона I. Активные взрывы направленной на восток агрессии католического разноперого воинства длились немногим более столетия, если, конечно, не принимать во внимание их позднейшие имитации, вроде крестового похода детей 1212 года или же иных сходных с ним. Прежде всего в четырех наиболее ярких и самых известных крестовых кампаниях европейский Запад должен был продемонстрировать свое очевидное превосходство над мусульманским Востоком.

Европа двинулась на Восток

Хотя раскол церквей уже произошел, уstraшенный сельджуками византийский — «греческой веры» — император Алексей I Комнин весной 1095 года просит Римского Папу Урбана II поспешить на помощь грекам в их тяжелой борьбе с мусульманами. Понтифик соглашается, и уже в ноябре того же года — немедленно по окончании Клермонского собора — перед гигантской собравшейся для встречи с ним толпой он произносит свою сразу же вошедшую в исторические анналы пламенную проповедь:

«Народ франков... по положению земель своих и по вере католической, а также по почитанию святой церкви выделяющийся среди всех народов; к вам обращается речь моя и к вам устремляется наше увещевание... От пределов иерусалимских и из града Константинополя пришло к нам важное известие..., что народ персидского царства, иноземное племя, чуждое Богу, народ, упорный и мятежный, неустроенный сердцем и неверный Богу духом своим, вторгся в земли этих христиан, опустошил их мечом, грабежами, огнем..., а церкви Божьи либо срыл до основания, либо приспособил для обрядов своих... Кому выпадает труд отмстить за все это, вырвать у них, кому, как не вам, которых Бог превознес перед всеми силою оружия и величием духа, ловкостью и доблестью сокрушать головы врагов своих, которые вам противодействуют?... О могущественнейшие воины и отпрыски непобедимых предков! Не вздумайте отречься от их славных доблестей, — напротив, припомните отвагу своих праотцев. И если вас удерживает нежная привязанность к детям, и родителям, и женам, поразмыслите снова над тем, что говорит Господь в Евангелии: «Кто оставит дома, или братьев, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»... Иерусалим — это пуп земли, край, плодоноснейший по сравнению с другими, земля эта словно второй рай. Ее прославил Искушитель рода человеческого своим приходом, украсил ее деяниями, искупил смертью, увековечил погребением. И этот-то царственный град... ныне находится в полоне у врагов и уничтожается народами, не ведающими Господа... Если ты прибудешь к нам и завершишь вкупе с нами поход, начатый твоим предначертанием, весь мир станет повиноваться тебе. Да внушит же тебе свершить это сам Бог, который живет и царствует во веки веков. Так хочет Бог! Аминь!» [Доманин: 384—387].

«Так хочет Бог!» — взревели вслед за призывом Папы тысячи его слушателей. И уже в следующем месяце началось формирование многочисленных отрядов христианских воинов. Так был дан старт первому крестовому походу.

С этого времени в европейской литературе и даже в нашем, уже нынешнем сознании, начали отстраиваться целые галереи легендарных властителей, вождей, героев как подлинных так и ложных. Первый — самый романтический и успешный — крестовый поход. В ряду этих персон граф Раймунд Тулузский, герцог Роберт Нормандский, Готфрид Бульонский — грядущий монарх Иерусалимского королевства... Здесь и легенда Третьего похода — английский король Ричард Львиное Сердце, тот, который якобы одним ударом меча разрубал мусульманского всадника от головы до седла... И далее — граф Балдуин Фландрский, император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса и многие, многие другие. Со стороны сарацин в

подобной галерее почему-то оказался лишь один их прославленный полководец — Саладин (Салах ад-Дин).

Первый Святой поход уже с самого начала ознаменовался, однако, позорными деяниями. В какой-то странной торопливости существенно ранее рыцарских ополчений двинулись через Германию к Дунаю и через Венгрию к Константинополю неорганизованные и многочисленные толпы европейской гольтыбы. Даже имена их вождей звучали символично: первый из них Петр Пустынник — нищий священник-харизматик; другой — также нищий, но уже рыцарь Вальтер Санс-Авуар, что по-французски означало «Голяк». Толпы эти стали даже именовать «Народным» крестовым походом.

Параллельно им двигавшийся вдоль Рейна отряд германских крестоносцев во главе с католическим священником Готшалком и графом Эмихом фон Лейнигеном свои первые «подвиги» обозначил погромами и грабежами еврейских общин в городах Трир и Кельн.

Очевидец этих погромов в Майнце монах-летописец Альберт из Экса сообщал:

«...Срывая засовы и выбивая двери, они врываются в дома, где убили до семисот человек, которые не могли оказать никакого сопротивления; кровавой резне подверглись женщины, малые дети независимо от пола, все были изрублены мечами. Евреи, видевшие, как вооруженные христиане безжалостно истребляют их беззащитных близких и детей, тоже взяли оружие и в отчаянии стали избивать своих единоверцев, вместе с женами, детьми, матерями и сестрами. Рассказывают страшные вещи: матери, взяв меч, сначала перерезали горло ребенку, а затем пронзали свою грудь,

Рис. 1.6. Ричард Львиное сердце со своими приближенными на массовой казни мусульман в Аккре (конечно, может быть и мог английский король разрубить тело противника одним ударом от головы до седла, однако здесь он, кажется, испытывает удовольствие от рубки голов уже палачом). Средневековая миниатюра [Chronik: 305]

Рис. 1.7. Коронация Готфрида Бульонского в качестве первого монарха королевства крестоносцев — Болдуина I. Средневековая миниатюра. [Chronik: 291]

за полученное от него согласие на помощь император Алексей поторопился переправить всю эту бесполезную и опасную дикими инстинктами массу людей через Босфор, подставляя их тем самым под удар сельджуков. И действительно, уже 21 октября 1096 года фактически все «Народное» ополчение было истреблено мусульманскими воинскими отрядами...

...Вполне понятно, что задачей этой книги никак не может являться изложение истории противостояния христианского и исламского миров, а также крестовых походов. Наша цель состоит, прежде всего, в том, чтобы вспомнить вместе с читателем основные, наиболее важные вехи этой многовековой борьбы. Для того, — как автор надеется, — чтобы реально судьбоносное противостояние между Западом и тогда для европейцев еще совершенно неведомым истинным Востоком предстало перед нами гораздо более выпукло и отчетливо...

Итак, рыцарские соединения профессиональных европейских воинов подошли к стенам Иерусалима. Штурм города начался 13 июля 1099 года, и через два дня древний город пал. Резня потерпевших поражение мусульман была ужасной, и лишь немногим удалось сохранить свои жизни. Свирепостью этого побоища весьма гордились. Впечатляет уже само описание жуткого избиения мусульман, сопряженное с поклонением христианским святыням:

предпочитая погибнуть от собственной руки, чем от удара необрезанного» [Рид: 99].

Свершали это зачастую не какие-то недисциплинированные толпы бродяг: ведь даже высокопоставленные крестоносцы зачастую не желали видеть каких-либо различий между мусульманами и евреями. Зверства крестоносцев не ограничивались прирейнскими областями: такое происходило также в Шпейере, Вормсе, вплоть до Руана на западе и до Праги на востоке.

Голодные и полуодетые толпы «Народных крестоносцев» подкатились к Константинополю. Им, однако, нужно было чем-то питаться, и тогда вокруг стольного града вспыхнули необузданные грабежи. Весьма обязанный римскому Понтифику

«В это время один из наших рыцарей по имени Летольд взобрался по лестнице на стену города. Едва только он оказался наверху, как все защитники города побежали прочь от стен, через город, а наши пустились следом за ними, убивали и обезглавливали их, преследуя вплоть до храма Соломонова, а уж здесь была такая бойня, что наши стояли по лодыжке в крови... Наши похватывали в храме множество мужчин и женщин и убивали, сколько хотели, а сколько хотели, оставляли в живых. Много язычников обоего пола пытались укрыться на кровле храма Соломонова; Танкред и Гастон Беарнский передали им свои знамена. Крестоносцы рассеялись по всему городу, хватая золото и серебро, коней и мулов, забирая (себе) дома, полные всякого добра. Потом, радуясь и плача от безмерной радости, пришли наши поклониться Гробу Спасителя Иисуса и вернуть ему свой долг (т. е. выполнить обет). На следующее утро незаметно наши влезли на крышу храма, бросились на сарацин и, обнажив мечи, стали обезглавливать мужчин и женщин; иные из них сами кидались с кровли вниз» [Доманин: 394].

Вспоминает участник этих событий духовник (!) графа Раймунда Тулузского тоже Раймунд, но Агильерский, когда на Храмовой горе Иерусалима он бродил по щиколотку в крови побежденных:

«По всем улицам и площадям, куда ни оберни взор, валялись груды отрубленных голов, рук и ног. Среди человеческих и лошадиных трупов как ни в чем не бывало разгуливали люди... Какое заслуженное наказание (для мусуль-

Рис. 1.8. Штурм крестоносцами стен Константинополя в 1204 году. Картина Якопо Тинторетто, XVI век [Chronik: 307]

ман)! И то место, где долгие годы они предавались святотатству и оскверняли имя Бога, теперь покрыто кровью самих богохульников» [Рид: 109].

Еще раз повторим: слова эти принадлежали графскому духовнику!

В том же году объявили о создании нового в тогдашнем мире королевства — Иерусалимского и коронации его первого монарха Болдуина I, бывшего до того Готфридом Бульонским (рис. 1.7). Началось торопливое сооружение христианских храмов. Однако не прошло и сотни лет, когда в 1187 году Салах ад-дин (Саладин) отбил город у крестоносцев и все церкви вновь приобрели облик мечетей.

В разряд позорных можно, без сомнений, включать и четвертый крестовый поход. Тогда не дошедшие до Святой Земли крестоносцы в 1204 году штурмом овладели богатейшей столицей Византии — Константинополем и учинили там не только вселенский грабеж, но и резню (рис. 1.8). Тогда же были безвозвратно загублены многие неповторимые шедевры византийских творений. Да и после этого печально знаменитой трагедией 1212 года завершился постыдный «Детский крестовый поход» (рис. 1.10).

Пожалуй, в чем-то необычным предстал в этом ряду так называемый шестой крестовый поход 1228—1229 годов. Правда, своим примечательным характером он был обязан, прежде всего, абсолютно нетипичной для средневековой Европы фигурой императора Фридриха II Гогенштауфена. Фридриху исполнилось 28 лет, когда в 1220 году римский папа Гонорий III возложил на него корону императора. Тогда он приобрел статус одновременного властителя сразу двух монархий:

Рис. 1.9. Фридрих II на троне. Средневековая миниатюра [Chronik: 308]

Священной Римской империи и королевства Сицилии. Почти немедленно после этого молодой монарх вместо традиционных священников и феодальных вассалов вводит в сицилийскую администрацию профессиональных юристов и открывает университет в Неаполе для подготовки новых управленческих и судебных кадров на основе древнеримского права. При коронации Папа благословил Фридриха быть вождем нового — тогда еще грядущего — шестого крестового похода. Однако сам «свежекоронованный» император вряд ли сильно трепетал за судьбу захваченного сарацинами Иерусалима. Своим победоносным походом он рассчитывал укрепить лидирующее положение в христианском мире. Фридрих, презирая христианскую

Рис. 1.10. Шестой крестовый поход детей; гравюра Гюстава Доре [Wikipedia]

добродетель смирения, явил себя приверженцем той концепции, что ниспущенная ему Богом императорская власть всеми корнями уходит к императорам Древнего Рима.

Удивительным образом различались оценки его личности. Один из очевидцев писал, что это был *«хитрый, жадный, эксцентричный, злобный и раздражительный человек. Но если требовалось проявить свои лучшие качества и предстать в более выгодном свете, он становился собранным, остроумным, приветливым и прилежным»* [Рид: 256].

Многие считали его законченным безбожником. Один просвещенный католический монах также полагал, что хотя в нем и не было ни капли истинной христианской веры, *«но если бы он действительно стал добрым като-*

ликом и возлюбил Бога и Христову церковь, ...то ему не нашлось бы равных среди самодержцев всего мира». Говорят, что Фридрих даже высмеивал не только обряд причастия («Как долго будут продолжаться эти фокусы с хлебом?»), но и непорочное зачатие Богородицы («Надо быть полным идиотом, чтобы поверить, будто Христа родила непорочная Дева Мария... никто не может родиться без предварительного соития мужчины и женщины»). Говорили также, что император не выказывал уважения ни к Моисею, ни к Иисусу Христу, ни к пророку Мухаммеду, утверждая, что «это самые выдающиеся мошенники и самозванцы на земле» [Рид: 257—258].

Сменивший покладистого Гонория III новый Папа восьмидесятилетний Григорий IX нерушимо следовал важнейшим канонам католической веры и исполнял их. В августе 1227 года Фридрих отправляется в Святую землю возглавить Крестовый поход, но внезапно возвращается в Италию вроде бы по причине внезапной болезни. И в это время, почти немедленно, Григорий IX отлучает императора от церкви и предаёт его проклятию как безбожника и клятвopеступника. Согласитесь, что такого рода анафемы в истории могли иметь место не столь уж часто, тем более с такой суровой выразительностью.

Любопытным было поведение Фридриха и в Святой Земле уже после папского отлучения, на которое он старался не обращать особого внимания. У него сложились весьма странные, даже близкие контакты с формально противостоящим ему сельджукским султаном аль-Камилем. У очевидцев складывалось даже впечатление, что оба никак не желали вести войну друг с другом. Так, скажем, Фридрих просил султана просветить ученых мужей из своего христианского окружения по философским проблемам устройства природы Вселенной, о бессмертии души, поведать о логических построениях Аристотеля. Являясь братом великого Саладина, султан Аль-Камиль вовсе не отличался религиозным фанатизмом знаменитого родственника. Он едва ли не дружески относился к своему столь необычному западноевропейскому скептику-интеллектуалу и частенько посылал ему богохульные, с точки зрения папской курии, подарки. Иерусалимский патриарх Герольд доносил Папе Григорию IX:

«С прискорбием, как о величайшем позоре и бесчестии, вынуждены доложить вам, что султан, узнав о любви императора к сарацинским нравам и обычаям, прислал тому певиц, фокусников и жонглеров, о развратной репутации которых среди христиан даже упоминать не принято» [Рид: 264].

В 1229 году Фридрих и аль-Камиль заключили мирный договор, по которому Иерусалим вновь переходил в руки христиан. И здесь вновь происходит такого рода событие, которое с первого взгляда объяснить крайне сложно. Насквозь пропитанный ненавистью к Фридриху II неистовый и весьма престарелый Папа Григорий IX, по сути, отлучает от церкви истин-

ный, уже с позиции важнейших христианских канонов, «пуп Земли» и центр ойкумены город Иерусалим! Он накладывает на него так называемый «Interdictum», то есть строгий запрет на проведение в храмах этого священного для христиан града любых церковных обрядов. Возможно ли было явить миру более абсурдную идею, венчающую эпоху крестовых походов и «очищения от мерзких язычников» Святой Земли и Гроба Господня?

* * *

Вполне очевидно, что длительное противостояние и многообразные контакты между христианским и исламским мирами претерпевали порой самые неожиданные метаморфозы. Однако уже надвинулось вплотную несравненно более драматичное время встречи Запада и того реального Востока, о котором тогда вряд ли подозревали даже самые образованные европейцы.

ГЛАВА 2

Монголы — Мусульмане — Христиане

Нежданные пришельцы

Кажется, что, в христианском мире наиболее ранним известием о появлении с востока до тех пор совершенно неведомых и беспощадных воителей явилась запись армянского историка Киракоса Гандзакеци, датированная, по всей видимости, 1222 годом:

*«Нежданно-негаданно появилось огромное множество войск в полном снаряжении и, пройдя быстрым ходом через Дербентские ворота, пришли в Агванк, чтобы оттуда проникнуть в Армению и Грузию. И все, что встречалось им в пути, — людей, скот и вплоть до собак даже — они предавали мечу... И распространилась о них ложная молва, будто они — **моги** и христиане по вере, будто творят чудеса и пришли отомстить мусульманам за притеснение христиан; говорили, будто у них есть церковь походная и крест чудотворный; и, принеся меру ячменя, они бросают ее перед крестом, затем оттуда войско берет корм для лошадей своих, и ячмень не убавляется; а когда все кончают брать, там остается ровно столько же»* [Юрченко, Аксенов: 32].

Не правда ли, любопытные и сплетающиеся в причудливой комбинации объяснения этого явления, притом с одновременной надеждой-ожиданием? А вдруг эта неистовая, всепожирающая, сметающая все на своем пути сила — *«моги»* — впервые зримая восточными христианами, послана свыше, дабы обрушить свой карающий огненный меч Господний на головы угнетателей мусульман? Армянские христиане тогда, скорее всего, и не

подозревали, что их опалили лишь первые вспышки той кровавой эпопеи, что предстояло пережить многим народам Западной Евразии.

Скорбное свидетельство армянского летописца отразило молниеносный, по сути, лишь разведывательный рейд всего двух (!) монгольских туменов, ведомых Субутаем и Джебе. Смерчем пронесся этот рейд по неохватным пространствам Ирана, Кавказа и Восточной Европы и стал тем походом, что и по сей день поражает наше воображение стремительностью и фантастичными успехами (о деталях самого похода мы поговорим немного позднее).

Но вот еще одна трагичная жалоба новгородского летописца, вызванная тем же внезапным появлением в землях древнерусских князей летучих монгольских туменов:

«Том же лете по грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их... Бог един весть, кто суть и отколе изидоша... мы же их не веемы, кто суть... и не веемы, откуда суть пришла, и где ся деша опять; бог весть, отколе приде на нас, за грехы наша...» [Юрченко, Аксенов: 33].

Строки эти явились отзвуком столь трагичной для русских княжеских отрядов знаменитой битвы при Калке 1223 года. Речка Калка очень далека от Новгорода, но существенно дальше от этого скорбного поля брани отстояла Западная Европа; однако весть о сражении на Калке быстро докатилась и туда. Так, Цезарий Гестербахский сообщал в своей хронике:

«В прошедшем году еще какой-то народ вошел во владения Руссов и истребил там весь народ унамский: нам неизвестно, что за народ, откуда идет и куда стремится» [Юрченко, Аксенов: 33].

Возвращение к 1206 году

Год этот давно и очень хорошо известен историкам. К тому времени Темучин (Темуджин), не так давно счастливо избежавший позорной и вечной участи колодника у вождя родственного народа тайчиутов Таргутая-Кирилтуха, сумел объединить и привлечь множество степных племен в свой ставший непобедимым комплот. Кого ему удалось принудить к этому, кого убедить в том, что он снискал бесконечную благодать самого Неба-Тэнгри. На необычайно представительном курултае вожди множества монгольских степных народов подняли Темучина на белом войлоке, тем самым признав его повелителем Земли (понятно, что той земли, о которой только и могли в то время ведать монголоязычные кочевники-скотоводы).

«Сокровенное Сказание» монголов так повествует об этом историческом событии:

Рис. 2.1. Рождение Темучина (Чингис-хана); Оэлун — мать Темучина. Китайское изображение [Груссе: 96—97]

«После того как Темучин направил на путь истинный живущие за войлочными стенами народы, в год Барса [1206] у истоков реки Онона собрался курултай. Воздвигли здесь девятибунчужное белое знамя и провозгласили Темучина Чингис-ханом... И тут же повелел Чингис-хан выступить Джебсе в поход и преследовать Найманского Кучулук-хана. По завершении устройства Монгольского государства, Чингис-хан соизволил сказать: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства». И нарек он и поставил нойонами-тысячниками девяносто и пять нойонов-тысячников...» [Сокровенное сказание: 202]. Затем новый властитель начал раздачу подарков и различных постов своим сподвижникам и родственникам, учреждая тем самым также и высшие должности во вновь создаваемом им «много-народном государстве».

Один из названных братьев Чингиса, например, вопрошал:

«Скажи, какую же награду пожалеешь ты мне?» На эти слова Чингисхан ответил Шиги-Хутуху: «Не шестой ли ты брат у меня? Получай в удел долю младших братьев. А за службу твою да не вменяются тебе в вину девять проступков!» — сказал он и продолжал. «Когда же с помощью Вечного Неба, будем преобразовывать государство множества народов, будь ты моим зорким оком и моим чутким ухом! Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения!» Кроме того он возложил на Шиги-Хутуху заведывание Верховным общегосударственным судом, указав при этом: «Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти — предавай смерти, повинных наказанию или штрафу — наказывай». Да не подлежит никакому изменению на веч-

Рис. 2.2. Чингис-хан всадник.
Китайское изображение [Груссе: 96—97]

ные времена то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связки книг с синим письмом по белой бумаге» [Сокровенное сказание: 203].

В такой манере определял Чингис-хан ключевые позиции каждого из своих соратников в грядущих битвах за мировое господство. А еще он так заключил свои важнейшие указы:

«В прежние времена моя гвардия состояла из 80 кебтеулсунов [ночных стражников] и 70 турхах-кешиктенов [дневных стражников]. Ныне, когда я, будучи возвеличен пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи возвеличен силами небес и земли, когда направил я на путь истины всеязычное государство и принял народы в единые бразды свои, ныне и вы учредите для меня сменную гвардию — кешиктен-турхах, образуя оную путем

Рис. 2.3. Борте — любимая жена Чингис-хана. Китайское изображение [Груссе: 96—97]

отбора из всех тысяч и доведя такую до полного состава тьмы [десяти тысяч]» [Сокровенное сказание: 224].

В «Сокровенном сказании» нашлись также слова и о будущих легендарных монгольских полководцах Джебе (Чжебе) и Субутая (Субеетая): *«Пусть равню также и Чжебе с Субеетаем начальствуют над теми тысячами, которые они стяжали своими собственными трудами» [Сокровенное сказание: 221].* (В 1206 году они, видимо, были лишь тысячниками).

Джебе когда-то пребывал в стане особо ненавистных врагов Темучина — у тайчиутов, о чем Чингис помнил всегда, но простил его:

«Помнишь, Джебе, ты именовался когда-то Чжирхоадаем. Но, перейдя ко мне от Тайчиудцев, ты стал ведь Джебе-Пикой!» [Сокровенное сказание: 257].

Субутай же всегда служил ему верой и правдой. Вот клятва верности, которую произносил грядущий и неповторимый в своей удаче полководец монголов еще до этого знаменательного курултая, вероятно, тремя годами ранее:

«Для тебя обернусь я мышкой, буду все в дом собирать и запасать. Обернусь черным вороном; все, что под руку попадет, буду в дом тащить. Обернусь я теплой попоной, буду тело твоё согревать. Обернусь я кошмою, буду юрту твою покрывать» [Сокровенное сказание: 124].

Год 1206 завершал процесс подчинения Чингис-ханом всей центральноазиатской «колыбели» монголов. Восточная (маньчжурская) часть этой обширной страны была покорена несколько ранее. И, кажется, около 1203 года Чингис-хан — тогда еще Темучин — прошел через обряд первой и, конечно, еще не столь торжественной интронизации; тогда и принес ему свою клятву Субутай-баатур. После провозглашения Темучина Чингис-ханом основные силы монгольской конницы устремились на запад, где кочевали или же вели полукочевой образ жизни многие и уже преимущественно тюркоязычные народы. Монголы в 1209 г. одолели уйгуров, до тех пор доминировавших в Восточном Туркестане, а в 1211 г. — уже в северной

части Семиречья — народ карлуков. В том же году началась самая серьезная для Чингис-хана и его потомков долгая война с китайскими государствами. Именно на юго-восток и перебросил вскоре свои основные силы властитель Северным Китаем при династии Цзинь в то время управляли чжурчжэни, — народ маньчжурского происхождения. Здесь монголам также сопутствовала удача, и в 1215 г. их воины победителями вошли в Пекин.

Сразу же после этих торжеств стремительные монгольские конные рати вновь появляются на западе — в Семиречье и Средней Азии. Там в 1216 году отряды Чингиса столкнулись с войском хорезмшаха Ала ад дин Мухаммада. Тот момент явился своеобразной прелюдией перед встречей двух гигантских миров — зарождающегося монгольского и уже давно повергнутого в тяжкие кризисы междоусобиц мира исламского. Ведь именно в эти годы хорезмшах вступил в рискованный кровопролитный спор с багдадским халифом за лидерство в мире ислама. Его битвы с монголами в последующее трехлетие описаны сравнительно скухими строками «Сокровенного сказания»:

«Вслед за тем, в год Зайца [1219], Чингис-хан через Арайский перевал пошел войною на Сартаульский [хорезмийский] народ... Чжебе (Джебе) был послан во главе передового отряда, вслед за ним — отряд Субеетая, а за Субеетаем отряд Тохучара. Отправляя трех полководцев, он дал им такой наказ: «Идите стороною, в обход, минуя пределы Солтана [Хорезмшаха], так чтобы по прибытии нашем вы вышли к нам на соединение». Чжебе так и пошел. Он обошел стороною, никак не задевая города Хан-Мелика. Вслед за ним точно так же прошел и Субеетай, никого не затронув. Но следовавший за ними Тохучар разорил пограничные Хан-Меликовы города и полонил его землепашцев. Вследствие разорения его городов, Хан-Мелик [Хорезмшах] открыл военные действия и двинулся на соединение с Чжалалдин-солтаном [сыном Хорезмшаха]. Соединенными силами Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик двинулись навстречу Чингис-хану. В передовом отряде Чингис-хана шел Шиги-Хутуху. Вступив с ним в бой, Чжалалдин-Солтан и Хан-Мелик потеснили отряд Шиги-Хутуху и, пре-

Рис. 2.4. Субутай — выдающийся монгольский полководец. Китайское изображение [Груссе: 96—97]

Рис. 2.5. Монгольский воин-всадник. Китайская миниатюра [Chronik: 315]

следуя его, уже подошли к Чингис-хану, когда Чжебе, Субеетай и Тохучар общими силами ударили на Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика с тыла и ... нанесли им полное поражение, гоня их и не давая им соединиться ни в городе Бухаре, ни в Несгябе или Отраре; по пятам преследуемые до самой реки Шин, те стремительно бросились в реку, и тут в реке Шин погибло множество Сартаульцев. Спасая свою жизнь, Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик бежали вверх по течению реки Шин» [Сокровенное сказание: 257].

Столь быстротечный разгром казавшейся доселе неколебимой державы мирового уровня потряс тогдашний мир. Результат казался крайне удручающим: несчастный и покинутый всеми хорезмшах Мухаммад закончил свою жизнь, как гласит легенда, среди прокаженных на каком-то неизвестном островке Каспийского моря. Его сын Джелаль ад-дин исчез среди Иранских нагорий, быстро двигаясь куда-то в западном направлении и стараясь с остатками своего войска оторваться от безостановочно преследовавших его чингисовых всадников. Вслед за ним — отчасти для поимки строптивого отпрыска несчастного хорезмийского правителя, но главным образом, кажется, для дальнейшей стратегической разведки — Чингис-хан отрядил два тумена Субутая и Чжебе. Судя по всему, Субутая отводилась главная роль в этом поразительном походе:

«А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов — Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил к поход Субеетай-Баатура» [Сокровенное сказание: 262].

В этих смутных строках обширной программы угадываются похожие наименования: Идил (Итиль) — это Волга, а Кивамен-кермен — Киев.

От Самарканда до Калки и назад до Монголии

Различные письменные источники позволяют относить начало движения двух туменов Субутая и Джебе, по всей видимости, к самому началу 1222 года. Вообще-то, все это быстро задуманное предприятие может пред-

ставляться некой поразительной ирреальностью. Прежде всего, в великое смущение повергает сама постановка задачи невообразимой сложности всего лишь перед двадцатитысячным(!) отрядом: дойти до неведомых им «одинадцати стран и народов». Но, пожалуй, еще более поражает, что в конечном итоге эта задача оказалась успешно выполненной, притом в фантастически короткий срок. Современников этих событий, и в особенности персидских историков, все произошедшее воистину потрясло.

Мухаммад ан-Насави, 1242 год: «[Люди] стали свидетелями таких бедствий, о каких не слышали в древние века, во времена исчезнувших государств. Слыхали, чтобы [какая-то] орда выступила из мест восхода солнца, прошла по земле вплоть до Баб ал-Аббаба [Дербента], а оттуда перебралась в Страну кыпчаков, совершила на ее племена яростный набег и орудовала мечами наудачу? Не успевала она ступить на какую-нибудь землю, как разоряла ее, а захватив какой-нибудь город, разрушала его. Затем, после такого кругового похода, она возвратилась к своему повелителю через Хорезм невредимой и с добычей, погубив при этом пашины страны и приплод скота и поставив ее население под острия мечей. И все это менее чем за два года!» [Юрченко: 182].

Рашид ад-дин, 1306 год: «Они с Чингиз-ханом постановили, что покончат эти дела в течение трех лет, [а в действительности] в два с половиной года пришли к удовлетворительному концу».

О тактике монголов в этом походе-гонке за хорезмшахом писал Джувайни, 1260 год: «Когда султан Мухаммад проезжал через Хорасан, Джебе и Субутай преследовали его в великой спешке со скоростью огня; они были подобны смерчу, и путь их армии пролегал через большую часть Хорасана... И когда они приближались к какой-либо провинции, попадавшей им на пути, они посылали к ее жителям гонцов, возвещавших о появлении Чингиз-хана и предупреждавших их о том, что лучше им воздержаться от войны и вражды и не отказываться признать свою покорность, и обрушивавших на них угрозы. И когда люди решали покориться, они [монголы] ставили у

Рис. 2.6. Хасар — брат Чингиз-хана. Китайское изображение [Груссе: 96—97]

них *шихне*, выдавали ему *алую тамгу* и удалялись. Но если жители отказывались подчиниться и покориться и если на это место легко было напасть без промедления и взять его, они не знали жалости, и захватывали город, и убивали его обитателей» [Юрченко: 168].

В том же 1222 году монгольские воины, кажется, впервые увидели увенчанные крестами каменные храмы Армении и Грузии. Тогда их победы коснулись лишь восточной периферии христианского мира. Для зимнего отдыха отряды завоевателей вернулись к удобствам оазисов центрального Ирана, но уже в следующем 1223 году конные соединения вновь помчались на север. В Закавказье монголы вторично нанесли поражение своим христианским противникам. Вдоль Каспия через Дербентские ворота, оставив наконец у себя за спиной неприветливые для них горы, тумены монгольских полководцев ступили, наконец, в столь привычный и желанный их глазу и телу степной простор. Здесь против них также не смогли устоять обитатели прикаспийских и северокавказских равнин. Обогнув с востока и севера Азовское море, они накоротке «посетили» степной Крым. В степях же они сокрушили отряды половцев — своих «собратьев» по кочевому образу жизни. Половецкие вожди помчались на запад к Днепру, упрашивать русских князей выступить совместно против этого неведомого им врага.

Вслед за убегающими и разрозненными силами половцев монголы придвинулись к берегам нижнего Днепра, где и произошли первые стычки с воинством русских князей. Близ Днепра и наметились черты своеобразной прелюдии столь трагичной для Древней Руси битвы при невзрачной речонке Калке близ Азовского побережья. Сама драма разыгралась в конце мая и в начале июня 1223 года.

К примеру, в изложении Рашид ад-дина события выглядели так:

«Монголы напали на страну урусов и находящихся там кипчаков. К этому времени те уже заручились помощью и собрали многочисленное войско. Когда монголы увидели их превосходство, они стали отступать. Кипчаки и урусы, полагая, что они отступили в страхе, преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней пути. Внезапно монгольское войско обернулось назад и ударило по ним и прежде, чем они собрались вместе, успело перебить [множество] народу. Они сражались в течение одной недели, в конце концов кипчаки и урусы обратились в бегство. Монголы пустились их преследовать и разрушали города, пока не обезлюдили большинство их местностей» [Рашид-ад-дин II: 229].

Выполнив фактически все заветы Чингис-хана Субутай и Джебе повернули свои тумены к основным силам монголов, остававшимся до тех пор в Средней Азии. К 1225 году все Чингизово воинство, нагруженное невиданными по богатству трофеями, вернулось в родные края.

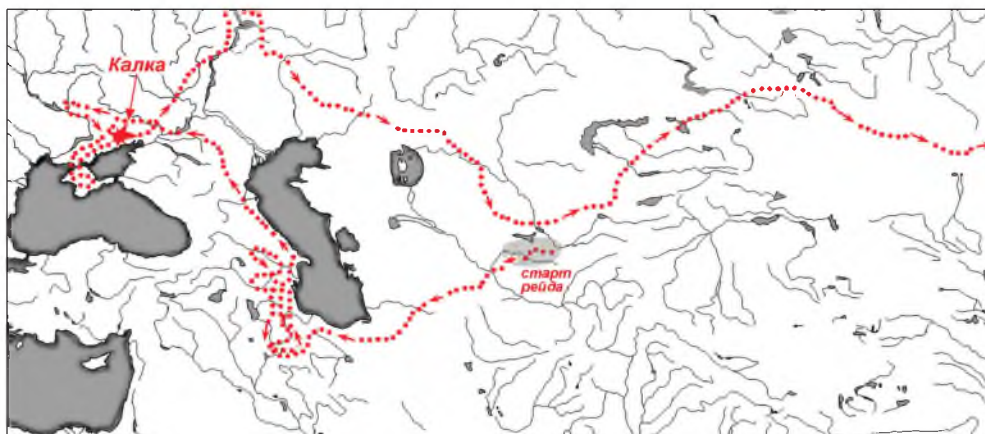

Рис. 2.7. Схематическая карта завоевательных-разведывательных походов тугенуов Джебе и Субутая

Конечно, досконально выверенный путь отрядов Субутая и Джебе чертить довольно трудно (рис. 2.7). Однако тотальная протяженность этого до чрезвычайности извилистого и сложного маршрута, стартовавшего из бассейна Зеравшана в Средней Азии, вплоть до их возвращения к исходной области, вряд ли может быть короче 12—13 тысяч километров. Если же присовокупить к ним еще примерно пять тысяч километров, что проделали они в 1225 году от Средней Азии до родных берегов Онона и Керулена, то выходит, что за три или же четыре года конная рать обоих полководцев сумела преодолеть с боями — порой очень тяжелыми — до 18 тысяч километров!

Хрестоматийное восхищение, как обычно, вызывали и вызывают донныне походы Александра Македонского. Фаланги великого полководца IV в. до н. э. преодолели примерно 20 тысяч километров, но за 10 лет (334—323 гг. до н. э.). Здесь же почти такой же путь, но всего лишь за промежуток времени в три раза более сжатый! Нынешнее наше наблюдение стало любопытным отзвуком несравненно более ранних высказываний, к примеру, упоминавшегося нами выше персидского историка Джувайни. Тот писал свои сочинения уже при дворе подвластных Монгольской империи иранских иль-ханов, отчего его труды и наполнены верноподданническими чувствами по отношению к новым хозяевам:

«... если бы Александр [Македонский], имевший страсть к талисманам и решению трудных задач, жил во времена Чингис-хана, то учился бы у него хитрости и мудрости и не находил бы лучших талисманов для покорения неприступных крепостей, чем слепое повиновение ему» [Юрченко: 139].

Но вот другой персидский историк ал-Насир: тот сочинял свою историю еще до окончательного покорения Персии монголами. Поэтому он поминует походы Александра Македонского, но уже в совершенно ином тоне:

«Ведь Александр [Великий], относительно которого летописцы согласны, что он был владыкою мира, [и тот] не овладел им с такой скоростью, а завоевывал его около 10 лет, и никого не избивал, а довольствовался изъявлением людьми покорности. Эти же в продолжение года овладели большей, лучшей, наиболее возделанной и населенной частью земли, да праведнейшими по характеру и образу жизни людьми на земле» [Юрченко: 156].

Всеохватная Великая империя

Различные источники сообщают, что Чингис-хан отличался любознательностью. По всей вероятности, придворные льстецы в какой-то момент поведали ему об Александре Македонском, а также, что он в своих деяниях далеко превзошел Искандера — величайшего завоевателя давно прошедших времен. И было бы совсем нелепо ожидать от Чингис-хана при этом некоей кокетливой застенчивости, — это абсолютно несходно с его нравом. Характер великого хана проявлялся не только в его жесточайших приказах об уничтожении всех несогласных склониться перед его волей. И

Рис. 2.8. Конный табун в среднеазиатской полупустыне. Для меня всегда оставалось не совсем понятным: как в такой густой, неодолимой для взора тонкой лессовой пыли могли ориентироваться в своей бешеной скачке — наступавшие или же отступавшие — вооруженные всадники?

Рис. 2.9. Монгольские всадники преследуют мусульманских. Персидская миниатюра [Chronik: 315]

это отнюдь не было проявлением подсознательного, бездумного инстинкта зарвавшегося варвара: постулаты своих моральных устоев он был в состоянии формулировать столь же твердо.

Если верить Рашид ад-дину, то вот, к примеру, представление Чингис-хана об истинном счастье, которое он выразил в одной из бесед со своими сыновьями и внуками:

«Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами; в том, чтобы сесть на его хорошего хода с гладкими крупами мерингов, в том, чтобы превратить животы его прекрасных супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розово-цветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать» [Рашид-ад-дин II: 265].

Выражено все настолько определенно, что можно и не комментировать.

Чингис-хану, мечтавшему получить от Неба-Тенгри кроме всех благ еще и дар бессмертия, тем не менее пришлось покинуть этот мир в 1227 году. Ко времени его кончины полностью подчиненные монгольским властителям азиатские пространства покрывали примерно 10 млн. кв. км. Поскольку мы предпочитаем вести отсчет монгольских завоеваний с 1206 года, то выходит, что всего лишь за два десятилетия монголам удалось покорить области,

Рис. 2.10. Чингис-хан на троне. Персидская миниатюра [Chronik: 311]

равные тем, на которые мусульманским воинам в VII—VIII веках потребовалась сотня лет. И в этом отношении «монгольский феномен» также полностью затмил своих предшественников. Однако, темп завоеваний тогда только еще набирал силу.

Понятно, что Чингис-ханом двигала не только жажда вкусить счастья в полном унижении врагов. Несравненно более величественная идея мировой империи созрела уже в голове Чингис-хана. Вершины славы великий хан достиг уже к началу 20-х годов XIII столетия или же к своему шестидесятилетию. Именно тогда его все чаще и чаще стала томить мысль о возможности избежать смертного часа, испив «эликсир бессмертия». Кто-то посоветовал Чингис-хану обратить внимание на одного знаменитого даосского монаха и философа: якобы семидесятидвухлетний китаец Чань-Чунь знал рецепт этого эликсира. Приверженный аскезе монах отказался от пышного эскорта и был доставлен из района Пекина в ставку Чингис-хана под Самарканд. Немалый путь в «десять тысяч ли» он проделал за восемь месяцев и потом полгода ждал, пока властитель вспомнит о нем.

— *Святой муж, какое у тебя имеется средство для вечной жизни?* — задал вопрос Чингис-хан.

— *Есть средство хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия,* — отвечал Чань-Чунь.

Диалог этот нам любопытен по той причине, что философ не утратил гнева великого хана, а хан не прогневался, и между ними завязалось даже некое подобие доверительных дружеских отношений. Сохранилось, к примеру, весьма примечательное письмо Чингис-хана приглянувшемуся владыке мыслителю, в котором хан поведал тому о некоторых своих сокровенных мыслях:

«Небо отвергло Китай за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей; люблю простоту и чистоту нравов; отвергаю роскошь и следую умеренности; у меня одно платье, одна пища. В семь лет я совершил

великое дело и во всех странах света утвердил единодержавие. Не оттого, что у меня есть какие-либо доблести, а оттого, что у Цзинь [Китая] правление не постоянно, я получил от Неба помощь и достиг престола. На юге Сунь, на севере Хой хе, на востоке Ся, на западе варвары — все признали мою власть. Такого царства еще не было с давних времен наших — Шань юй... За непокорность государей я гроплю их грозно; только приходит моя рать, дальние страны усмиряются и успокаиваются. Кто приходит ко мне, тот со мной; кто уходит, тот против меня. Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами, надеясь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я нес и проявляю грозное величие и пребываю среди колесниц и воинов» [Юрченко, Аксенов: 344—345].

Чингисовы потомки — а после его кончины великим или верховным ханом монголов провозглашен Угэдей — подхватили и развили эту идею всеохватной мировой империи. К началу 30-х годов XIII столетия мысль эта прочно угнездилась в головах монгольских вождей. Они открыто возвестили, что равных им в этом мире не сыскать и что под силу им теперь овладеть всей вселенной. При этом вполне понятно, что о самой вселенной представления у необоримых в те поры завоевателей были самые смутные. Тогда же в рядах кочевой элиты эта идея стала приобретать каноны, присущие религиозным системам: мировое господство монголам было предопределено самим благословенным и всеохватным Небом-Тенгри. Первовоплотителем воли Неба явился, конечно же, Чингис-хан. Фигура и имя зем-

Рис. 2.11. Угэдей, сын Чингис-хана и после него первый великий хан Монгольской империи. Китайское изображение [Груссе: 192—193]

Рис. 2.12. Хубилай — внук Чингис-хана, последний великий хан Монгольской мировой империи. Китайское изображение [Wikipedia]

ного демиурга нового мира предстали теперь символом и опорой этой высшей воли. Прямые наследники Чингиса также должны были наделяться почти божественной властью, во всяком случае, становиться ее непосредственными выразителями. Так, например, объявил о себе новый верховный властитель монголов Гуюк-хан:

«По повелению Бога живого, Чингис-хан, возлюбленный и почитаемый сын Бога, говорит: как Бог, вознесенный надо всем, есть бессмертный Бог, так на земле лишь один господин — Чингис-хан. Хотим, чтобы эти слова дошли до слуха всех повсеместно, в провинциях, нам покорных и в провинциях, против нас восстающих» [Юрченко: 111].

Великий курултай 1235 года решил отрядить монгольских воинов во все концы мира, остававшегося, по существу, им неведомым: в Южный Китай, Корею и Индо-Китай, в мусульманскую Месопотамию, наконец, в христианскую Европу. Так, Рашид ад-дин записывал:

«Благословенный взгляд каана остановился на том, чтобы царевичи Бату, Менгу-каан и Гуюк-хан вместе с другими царевичами и многочисленным войском отправились в область русских, булар, маджар, башгирд, асов, в Судак и в те края и все их завоевали».

Думается, что в нашей книге нет особого смысла сколько-нибудь подробно описывать эту волну великих монгольских завоеваний. Напомним лишь о некоторых ее этапах. Внук Чингис-хана Бату-хан возглавил поход на Запад. В 1237 году его соединения прошли истребительным валом по городам древней Руси: 1237 год — Рязань; 1238 год — Владимир и Москва; 1240 год — Киев. В следующем году конница Бату-хана выкатилась в бассейн Дуная. Гибли в битвах воины венгров, поляков, хорватов. Финальный рывок, и Бату-хан уже мог любоваться голубой красотой Адриатики. Однако пышные в своей красоте окрестности Сплита и Дубровника оказались самой западной точкой монгольских нашествий. Отсюда воинство Бату-хана повернуло назад, на восток. В конце 1241 года завершил свое земное существование великий хан Угэдей. В центре необъятной Монгольской империи начинаются понятные волнения в связи со сменой фигуры

Рис. 12.13. Такими чудовищами, пожирателями людских трупов представлялись монгольские завоеватели в среде западноевропейского «образованного» общества [Груссс: 96—97]

основного лидера. Наступил период первого «междоусобия». Впрочем, подобная ситуация становилась вполне обычной для любых победителей, когда те начинали раздел доставшегося им наследства.

Примерно такую же картину можно было наблюдать и в 1260 году, во время кончины следующего великого хана — Менгу. Тогда его брат Хулагу-хан, как сообщал Рашид-ад-дин, «... с огромной ратью устремился из Турана в Иран, и ни одна душа из халифов, султанов и меликов не нашла силы сопротивляться. Завоевав все страны, он дошел до Дамаска, и ежели бы к нему не подоспело известие о кончине брата, то и Миср [Египет] тоже был бы присоединен к прочим странам».

Кажется, что к 1260—1270 годам территориальные рамки Монгольской — самой обширной в мировой истории — сухопутной империи достигли своего максимума, покрывая фантастическую площадь. Наконец, великий хан Хубилай перенес столицу империи в Пекин (Карабалык) и основал новую монголо-китайскую династию Юань. Последняя просуществовала в Китае 88 лет вплоть до 1368 года. Уже тогда Монгольскую империю — как-то очень быстро дряхлевшую и постепенно погружавшуюся в небытие — сдавили тиски сильнейших кризисов.

Кентавры с баллистами

Что же помогало монгольским ратям одерживать их бесконечные победы над самыми разнообразными врагами? Безусловно, что самым главным средством, приводившим к изумляющим мир военным успехам, у монголов являлась их неповторимая конница. По всей вероятности, монгольские всад-

Рис. 2.14. Монголы становятся всадниками едва ли не на первом году своей жизни. Этот мальчуган еще не может ходить самостоятельно, но уже очень скоро его повседневная жизнь будет тесно связана с лошадью

ники могли казаться чужеродным для них народам некими кентаврами, когда всадник предстал перед ними как бы полностью слитым с конем. И это не удивляет, поскольку монгол-кочевник вплоть до нынешнего дня садится на лошадь, когда еще только-только привыкает к пешему хождению. Невысокие и не весьма изящные по внешнему виду степные лошади, верно служившие монголам, отличались удивительной выносливостью и неприхотливостью. Кроме всего, в реальности никогда конный монгол не мог отправляться в дальний поход, не подготовив себе в запас одного или двух коней, пригодных для таких странствий.

Строгая и четкая организация отличала их воинские подразделения: десяток — сотня — тысяча — тумен (десять тысяч) воинов. Дисциплина и взаимовыручка были безукоризненны: это отмечали все их враги. Трусость и бегство с поля боя карались нещадно.

У монголов были выработаны собственные и многократно проверенные тактические приемы боя. Быстро налететь, осыпать градом стрел, расстроить сомкнутые ряды противника, затем быстро умчаться, заманивая врагов в засаду. Завлекать противника мнимым бегством служило одним из самых любимых и эффективных тактических приемов. Причем порой такое притворное отступление могло длиться очень долго — несколько дней, покрывая бегом сотни километров. При этом вспомним хотя бы столь злополучную для русских князей битву при Калке, когда монголы увлекали русско-полоцкие рати к этой степной речонке от Днепра, проскакав не менее 600 км!

Однако о монгольских конных ратях читатель, я уверен, знает уже многое. В гораздо меньшей степени нам ведомы приемы монголов при осаде и взятии городов, — а ведь им удалось взять штурмом и разрушить огромное, даже трудно учитываемое число крепостей в самых разнообразных областях Евразии. Не может не поразить здесь, пожалуй, также и то, что в этом отношении кочевники оказались удивительно способными учениками воинской науки тех оседлых народов, которые в течение долгих столетий

отрабатывали методы осады и разрушения могучих крепостных сооружений. Сверх этого монголам удавалось вносить заметные модификации как в конструкцию осадных орудий, так и в способы их применения. Вот, к примеру, описание самими китайцами осады в 1232 году Субутай-нойоном города Лоян — столицы царства Цзинь («Гин» — у Н. Я. Бичурина):

«Баллисты, употребляемые монголами, были иного вида [в сравнении с китайскими]. Они разбивали жерновые камни или каменные катки на два и на три куска, и в таком виде употребляли их. Баллисты были строены из бамбука, и на каждом углу стены городской поставлено их было до ста [имеется в виду внешняя стена, уже захваченная монголами]. Стреляли из верхних и нижних попеременно, и ни днем, ни ночью не переставали. В несколько дней груды камней сравнялись со внутренней городской стеной. Отбойные машины на стене городской построены были из огромного строевого леса, взятого из старых дворцов. Как скоро деревья разможжались от ударов, то покрывали их калом лошадиным, смешанным с пшеничной мякиной, и сверх того обвивали сетями, веревками, канатами, тюфяками. Висячие дощатые щиты снаружи обиты были воловьими кожами. Монгольские войска употребили огненные баллисты, и где был нанесен удар, там по горячести не можно было вдруг помогать... Монгольские войска сделали за городским рвом земляной вал, который в окружности содержал 150 ли. На том валу были амбразуры и башни. Ров и в глубину и в ширину имел около 10 футов. На каждом пространстве от 30 до 40 шагов был построен пристен, в котором стояло около 100 человек караульных» [Бичурин-2005: 134].

Однако мне кажется, что наиболее неожиданным для нас явится сообщение, что в этой войне применялись пороховые бомбы или же «огненные баллисты, ... которые поражали, подобно грому небесному. Для этого брали чугунные горшки, наполняли порохом и зажигали огнем. Сии горшки назывались чжень-тьхянь-лэй (т. е. потрясающий небо гром). Когда баллиста ударит и огонь вспыхнет, то звук уподоблялся грому и слышен был почти за 100 ли. Сии горшки сжигали на пространстве 120 футов в окружности и огненными искрами пробивали железную броню. Монголы еще делали будочки из воловьих кож и в них, подойдя к стене городской, пробивали в ней углубление, могущее вместить одного человека, которому со стены городской никак нельзя было вредить. Некоторые представили способ, чтоб спускать со стены городской на железной цепи горшки чжень-тьхянь-лэй, которые, достигши выкопанного углубления, испускали огонь, совершенно истреблявший человека и с кожей воловьей. Еще, кроме этого, употребляли летающие огненные копья [судя по всему, ракеты], которые пускали, воспламеняя порох, сжигали за 10 от себя шагов. Монголы только двух этих вещей боялись» [Бичурин-2005: 135].

Правда, Н. Я. Бичурин не приводит сведений, что монголы также имели в своем арсенале пороховые снаряды. Однако при их стремлении использовать в войнах все новшества исключать такую вероятность вряд ли имеет смысл. И еще об одном: огненный бой с помощью громовых и все сжигающих пороховых горшков и ракет явился провозвестником огнестрельного оружия. Напомним, однако, что в католических странах Западной Европы первые огненные жерла заявили о себе лишь столетие спустя описанной здесь осады Лояна Субутай-нойоном.

ГЛАВА 3

Картина мира полвека спустя

Монгольская половина Евразии

К 70-м годам XIII столетия полувековой наступательный порыв монголов иссяк, и картина евразийского мира на некоторое время стабилизировалась. Публикуемая здесь карта (рис. 3.1) отражает на этот период лишь самые общие черты целостного полотна евразийского мира, поскольку излишняя детализация способна помешать основным целям нашего изложения.

Под властью монгольских ханов к этому времени оказалось не менее половины пространств суши всего Евразийской материка, или же около 27—30 миллионов квадратных километров из 52-х миллионов всей суши континента (рис. 3.1). По существу же их владения охватывали, конечно же, существенно большую часть всех значимых культур и социальных объединений Евразии: ведь тогда мало кто — включая и монгольских властителей — испытывал пристальный интерес к обществам таежной, северной зоны. В лесах обитали разрозненные племена охотников и рыболовов, которые, естественно, не были в состоянии составить какую-либо заметную конкуренцию или же оказать сколь-нибудь значительное сопротивление народам Степного пояса. В таежных аборигенах, промышлявших по преимуществу охотой, усматривали, скорее всего, лишь поставщиков ценных и нужныхномадам мехов.

Мусульманский мир, арабские халифаты, а затем уже и сельджукские султанаты претерпели в результате восточных нашествий, конечно же, самый существенный урон. Монголы овладели восточными, наиболее богатыми областями исламских сообществ — Ираном, Месопотамией и некоторыми другими, так что под их господством оказалось пространство, равное

примерно пяти миллионам квадратных километров. На противоположном, западном фланге их господства — Пиренейском полуострове — католические короли и герцоги продолжали систематически вытеснять мавров к южному побережью полуострова; и под властью исламских владык на этом полуострове оставалась пока что лишь его жемчужина — Андалусия. За пределами иберийских земель под руку исламских властителей находились довольно мало привлекательные по своей природной скудости области полупустынной и пустынной Северной Африки да их арабская колыбель — Аравийский полуостров. Исключение в этом ряду составлял, пожалуй, лишь один богатый Египет, который монголы так и не смогли оккупировать. Однако власть арабских мусульман по-прежнему распространялась на пространствах около 6 млн. кв. км. (рис. 3.1).

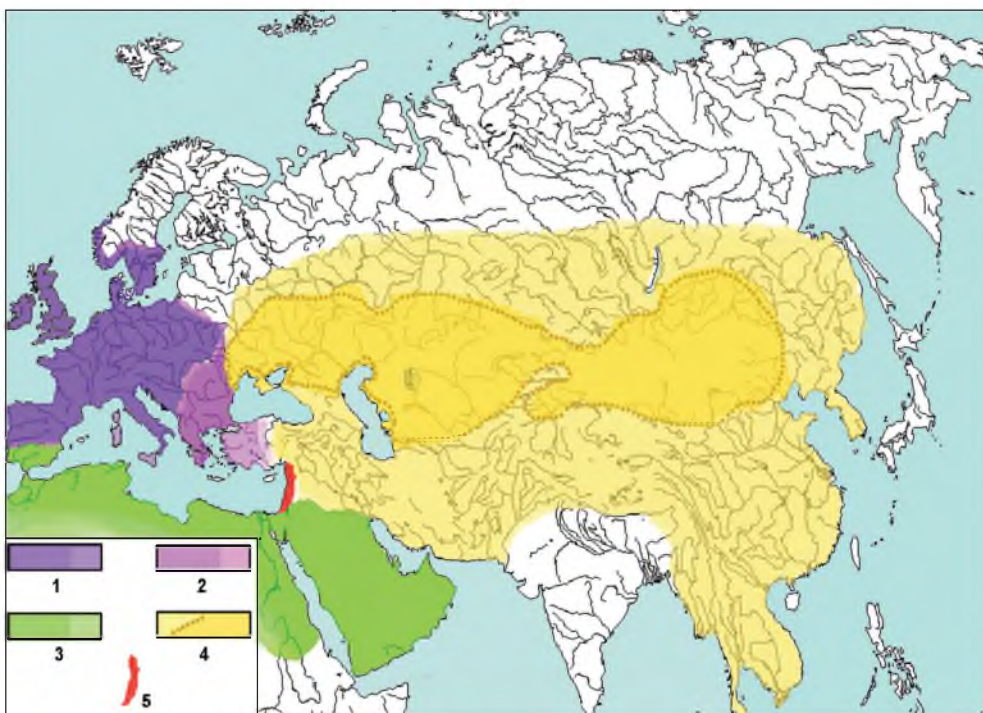

Рис. 3.1. Схематическая карта ареалов четырех блоков основных враждующих между собой сообществ во второй половине XIII столетия:

1 — христианские католические государственные объединения; 2 — Византийская империя и христианские православные княжества; 3 — исламские (арабские) государственные объединения; 4 — Монгольская империя чингизидов с контуром границ Степного пояса; 5 — королевство крестоносцев.

Примечание: границы ареалов отображены на карте намеренно расплывчато, что соответствовало исторической реальности; в центре ареала Монгольской империи различаются контуры Степного пояса

Христианский мир также понес немалый урон. Однако в его границах самые тяжкие испытания ожидали те княжества, где доминировали церкви различных восточных толкований христовой веры, как католических так и православных. Удары пришлись по преимуществу на армянские, грузинские, сирийские, а также древнерусские православные общины. Тем не менее под рукой Византии и родственных ей по вероисповеданию княжеств оставались территории до одного миллиона квадратных километров.

Католический мир, напротив, сохранил свои позиции, а в чем-то даже сумел их заметно усилить. При этом понятно, что незыблемость католических владений в значительной мере обеспечивал весьма необычный симбиоз восточных жертв монгольского нашествия, или же своеобразная «исламо-православная подушка безопасности». Разнохарактерные государственные объединения с господством католических канонов веры распространялись по ареалу примерно 3—5 млн. кв. км (рис. 3.1).

Поэтому при взгляде на карту может легко показаться, что ко второй половине XIII века монгольские верховные правители до известной степени имели немалое право провозглашать себя истинными властителями всего мира — по крайней мере, того, каковой им в те поры грезились: *«Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце и, кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа Бога там никто ничего не может сделать»* [Юрченко: 85].

Микроскопический полигон

Пожалуй, в это трагичное для огромного большинства евразийских народов время весьма странно представала бесконечно длинная череда кровопролитных битв между христианами (в первую очередь, католиками) и мусульманами. Конечно, в этих бесчисленных схватках лишь длившаяся уже более пяти столетий испанская реконкиста выглядела сравнительно понятной и последовательной. Ведь там против мавров сражались потомки вестготов, в свое время столь сильно униженные мусульманами на полях брани Иберийского полуострова, и их томила вполне понятная жажда реванша. На фоне этого бесчисленные сражения на крохотном пятачке Святой Земли кажутся довольно странными: ведь длились они не менее полутора столетий. Среди громад социально-религиозных объединений важнейших борющихся евразийских противников государство крестоносцев по своему территориальному охвату предстает комически ничтожным (рис. 3.1). Ведь даже в пору своего максимального успеха его площадь не превышала 80—100 тысяч кв. км.

Это довольно бесплодное, но весьма кровавое противостояние породило в европейской традиции великое число эпических — как прозаических

так и поэтических — шедевров, а также пространную череду героических образов! Подразумеваем же мы здесь, прежде всего, те битвы, что на фоне прочих гигантских евразийских социо-тектонических сдвигов XIII столетия кажутся ныне весьма мало значимыми.

Однако что же все-таки заставляло католических вождей в таких условиях безумно долго и в общем-то — по большому счету — весьма безрезультатно биться с приверженцами Аллаха на каменистых и бесплодных холмах Палестины? И это удивляет тем более, поскольку в 1238 году ко двору Людовика IX, которого за его беспримерный католический фанатизм папский клир посмертно объявил Святым, прибыло исламское посольство. Целью мусульманских легатов являлся крайне желанный для них договор о совместном отпоре *«диким ордам человекоподобных тварей»*. Однако, ничего дельного из этих переговоров не последовало. Более того, уже позднее, в начале 50-х годов, удрученный обидами, нанесенными ему сарацинами в седьмом крестовом походе, Людовик IX инициировал крайне тяжкое и выглядевшее весьма сомнительным по ожидавшимся результатам многотысячекилометровое путешествие монаха Гийома де Рубрука в ставку великого хана Хулагу. Королем овладел наивный расчет договориться с могущественным монгольским властителем о комбинированном, двойном — с востока и запада — ударе по мусульманам, этим извечным и столь ненавистным врагам христиан. В ответ же великий хан предложил французскому монарху признать его власть и присягнуть на верность.

В середине XIII столетия имело место еще одно весьма любопытное событие. В 1244 году Джелаль ад-дин, сын того самого хорезмшаха, что бесславно завершил свои дни на островке Каспийского моря, сумел увернуться от свирепой гонки за ним туменов Субутая и Джебе. Блуждая в течение долгих 22 лет по Ирану и Месопотамии, он с остатками подчиненных ему хорезмийских войск придвинулся, наконец, к находившемуся тогда в христианских руках Иерусалиму и быстрым ударом захватил «пуп Святой Земли». Священный град оказался в очередной раз дочиста разграбленным. Видимо, эта скорбная весть подвигла римского Папу Иннокентия IV выпустить тогда же буллу об очередном — седьмом (!) крестовом походе против сарацин. Уже упоминавшийся выше Людовик IX торжественно и смиренно возложил на себя этот нелегкий крест, однако никакой славы принятая ноша монарху не принесла.

Интересно также, что в том же 1244 году Иннокентий IV одновременно с провозглашением крестового похода посылает к нависшим мрачной тенью с востока монгольским ордам в качестве послов сразу две группы священнослужителей. Роль этих посольств, судя по их последствиям, оказалась для европейской истории намного более значимой, нежели седьмой крестовый поход французского короля. Но мы поговорим о восточных путешествиях католических монахов уже в следующей главе.

Восток и Запад: где же граница между ними?

С позиции устоявшегося вплоть до настоящего времени католического евроцентризма мир Востока начинается, по существу, с Палестины; а если уж быть еще более строгим, — то сразу за Иорданом: ведь недаром же Левант называется у нас Ближним Востоком. Причем прилагательное «Ближний» появилось не сразу, но в те времена, когда европейцам стало, наконец, известно о гораздо более отдаленных восточных пространствах, включая Восток Дальний. Правда, при подобном подходе само это понятие — «Восток» — разрасталось воистину до безмерных масштабов. «Запад» же должен был довольно скромно ютиться на краю гигантского Евразийского континента, занимая лишь западную половину той площади, что в энциклопедических изданиях признавалась за собственно материк Европы. (В скобках напомним, что во Введении к нашей книге мы даже предложили именовать эту часть Евразии Европейским мега-полуостровом или же субконтинентом, спаянным с запада с телом гигантского Евразийского материка).

Впрочем, урезанное «евроцентричное» понятие структуры мира с его членением на Запад и Восток казалось вполне логичным и понятным в свете тех географических представлений, что господствовали в средневековом христианском обществе (их мы обсуждали ранее). Однако победоносные монгольские орды, хлынувшие столь внезапно из тех таинственных глубин Азии, где приверженцы христовой религии размещали не только Рай, но и обитель Гога и Магога, в данную умозрительную картину вписываться никак не желали. Взрыв нового и для очень многих народов трагичного феномена заставил ряд европейских мыслителей усомниться в истинном характере привычной для западных христиан канонической картины мира.

Но как же было распознать и где наметить в таком случае реальную линию водораздела, что отделял Запад от истинного Востока?

Теперь вновь, как и во Введении, обратим свое внимание на географические ориентиры. Прежде всего, приводимая здесь карта немедленно заставляет нас — и вполне обоснованно — сомневаться, что исламский мир следует признавать в качестве представителя «Востока». Все основные мусульманские регионы были рассредоточены на западной половине Азиатского континента, а также присредиземноморской Африки. Восточнее располагался мир иной и чрезвычайно контрастный мусульманскому.

По всей вероятности, будет полезно сопоставить основные мировоззренческие каноны столкнувшихся между собой мировых религий. Две из них — ислам и христианство, — предстают несравненно более близкими, особенно на фоне того мировоззрения, что принесли с Востока монгольские завоеватели. Ведь ислам — особенно в стадии становления своего учения — признавал основные каноны религии иудеев и христиан в качестве относительно

близких, а в некотором отношении себе даже родственников. Мусульмане же в раннюю пору развития своего учения считали и евреев, и христиан «людьми Книги», то есть Библии. Да и многие священные фигуры иудаизма и христианства были почитаемы мусульманами, хотя пророк Мухаммед и отодвигал их уже во «второй ряд» исламского пантеона.

Монгольская же религия с ее Небом-Тэнгри — единоличным властителем Вселенной, с великим ханом в качестве верховного исполнителя воли Тэнгри совершенно не предполагала такой сложной системы устройства Вселенной, в которую веровали приверженцы иудаизма, христианства и ислама. Кроме того, конечно же, исключительно резко различалась также их обрядово-ритуальная повседневность.

Прибавим здесь, пожалуй, что далеко не всегда монгольской религии люди были склонны придавать статус всемирной. Говорят, что она не похожа на действительно мировые религиозные системы христианства и ислама; что она просуществовала очень короткий отрезок времени; что ее в своей основной сути признавал лишь тот комплот степных народов, что втянули в свою орбиту монгольские завоеватели. Аргументацию эту трудно признать убедительной. К примеру, буддизм чрезвычайно несхожен с христианством и исламом, но мировой ранг этой философско-религиозной системы никто не подвергает сомнению. Религия Неба-Тэнгри, действительно, оказалась скоротечной; но разве существует какой-то временной норматив при зачислении такого рода систем в «мировую табель»? Ведь ее пространственный охват оказался исключительно велик. В этой связи весьма любопытно, что Роджер Бэкон — один из самых замечательных философов тогдашнего католического мира, обитавший на Британских островах и предвосхитивший еще в 60-х годах XIII века многие идеи европейского Возрождения, без колебаний причислял плохо осознаваемую тогда на Западе религию «тар-тар» в разряд мировых:

«...я укажу главные народности, у которых различаются учения, существующие ныне в мире. И это: сарацины, тартары, язычники, идолопоклонники, иудеи, христиане. И большего числа основных учений нет и быть не может — вплоть до появления учения Антихриста» [Юрченко: 113].

Однако тема различий в религиозных системах истинных Востока и Запада будет в этой книге привлекать наше внимание еще не единожды.

Таласская битва и Джунгарские ворота

Пусть лапидарно сформулированные выше тезисы явятся лишь прелюдией к сложнейшей проблеме истинного водораздела между Западом и Востоком. Мы продолжим ее обсуждение и в последующих разделах книги. Данную же главу автор намеревается закончить кратким упоминанием об

одном чрезвычайно важном сражении, которое некоторым образом может приблизить нас к более отчетливому пониманию заданных выше вопросов. Речь пойдет о знаменитой Таласской битве 751 года между арабами и китайскими имперскими войсками тогдашней могучей династии Тан.

Таласская долина расположена на северной окраине горной системы Тянь-Шань. Получилось так, что в этой точке как бы столкнулись две «стрелы», агрессивно устремленные в прямо противоположных направлениях. некогда всесильный арабский халифат Омейядов к этому времени доживал свои последние дни, но его воинские соединения все еще старались продолжить свой победный шаг на восток. К тому времени практически вся Средняя Азия оказалась под зеленым знаменем ислама. С востока в эти же заселенные «тюрьками-язычниками» области рвались и китайские воинства. Находившаяся тогда под властью династии Тан Поднебесная империя, переживавшая, по мнению многих историков, свой «золотой век», также начинала испытывать явные признаки весьма серьезного кризиса.

Многовековая стратегия и тактика китайцев заключалась в необходимости сохранения гибких и приемлемых отношений между центральной властью и народами варварских окраин, — как правило, мобильными скотоводами, номадами или же полуоседлыми аборигенами степей и полупустынь. В зону интересов и воздействий Китая на северо-западе его владений или же областей, примыкающих к его владениям, входили, как правило, тюркоязычные народы. В их ряду оказались и карлуки, чьи племена предстали одной из важнейших составляющих системы Уйгурского каганата. Китайские военачальники решили ввести в состав своей армии в качестве наемников карлукские подвижные отряды, а это было их довольно обычной практикой. Однако именно это, как утверждают, и оказалось трагической ошибкой китайских стратегов: тюркские отряды и явились важнейшей причиной тяжкого поражения китайцев в Таласской битве. Тогда конница тюрков нанесла абсолютно неожиданный и жестокий удар по тылу китайского воинства.

Для нашей темы Таласское сражение явилось, пожалуй, одним из символов той точки — или же линии — водораздела между Западом и Востоком, что мы и обсуждаем в настоящей главе. Китайцы вынужденно откатились на восток, и причина такого отступления вполне очевидна: то было следствием их весьма острого конфуза в этой схватке. Однако это может послужить лишь внешним поводом. Существенно более серьезной причиной отступления стал жесткий кризис, в который погружался могучий Танский Китай.

Абсолютно те же условия послужили причиной обратного и столь неожиданного после победы рейда арабских отрядов. Обширный халифат Омейядов также охватили вспышки внутренних борений и разного рода смут, нараставших едва ли не по всем областям огромного мусульманского объединения. Мятежи были обусловлены падением первой в истории хали-

фатов династии Омейядов (ее финал, кстати, датируют 750 годом) и захватом власти новой династией Аббасидов.

При любых объяснениях для нас весьма ярким знаком явилось то, что Таласская долина стала на карте той самой восточной точкой, до которой сумели дойти вооруженные отряды арабов. Для китайских властителей та же самая межгорная равнина оказалась наиболее западным пунктом вождений на глобальное господство. Именно поэтому мы и привлекли внимание читателя к данному примечательному пункту: до известной степени это место битвы стало олицетворением одной из самых важных водораздельных позиций в долгой истории народов Евразии. Повторим, однако: мы видим в этом только лишь символ.

Обратимся теперь уже не к символу, но некоей геоэкологической реальности. Я имею в виду знаменитые Джунгарские ворота, о которых мы довольно подробно говорили во Введении. По всей вероятности, этой горловине придавали чрезвычайное значение уже очень давно: по крайней мере, в том же VIII веке тюрки именовали ее *Темир-капыга* или *Железные ворота*, а китайцы окрестили, кажется, этот знаменательный проход уже *Яшимовыми воротами*. Во всяком случае, вполне резонно предполагать, что именно на эту грань между Западом и Востоком указывали авторы билингвы на стеле Кюль-тегина в Центральной Монголии, когда говорили о западной границе расселения «голубых тюрков» или же о западном фланге Восточного Тюркского каганата в начале VIII столетия [Малов: 34, 36].

Джунгарские ворота («*Темир-капыга*») Степного пояса Евразии расположены всего лишь в тысяче километров восточнее долины, где проходила Таласская битва. Мы говорим «всего в тысяче», поскольку для евразийских просторов эта величина совсем не столь значима, сколь, к примеру, для западноевропейского региона (мне кажется, что читатель уже привык к постоянному мельканию в тексте гораздо более существенных значений для характеристики евразийских расстояний).

Китайское ополчение проникло в Среднюю Азию именно через Джунгарские ворота, — другого пути здесь просто не существует. И также назад, уже на восток, остатки разбитого их воинства должны были двигаться тем же маршрутом. Стало быть, для нас кажется вполне резонным присовокупить яркий символ Таласского сражения к уже отнюдь не символическим в геоэкологическом смысле Джунгарским воротам. Эти области и должны стать для нас отчетливым водоразделом между истинным Востоком и истинным Западом.

И в этой связи вот что, пожалуй, становится весьма любопытным. Даже сегодня, уже в третьем тысячелетии, на тесной геосинклинали Джунгарских ворот сошлись рубежи четырех государств: с севера — Казахстан, с юга — Китай, с востока — Монголия, а с северо-востока — Россия.

ГЛАВА 4

Впечатления от степных азиатских пришельцев

Предыдущую главу мы завершили сравнительно кратко изложенными соображениями по поводу граней раздела Евразийского мира на западную и восточную половины или — в более емком понимании — на Запад и Восток. В последующих главах мы постараемся показать, сколь несходной оказалась реакция на монгольские завоевания у культур Запада и Востока, что со всей очевидностью отразилось в многочисленных письменных свидетельствах.

Католический мир: этап ранних впечатлений

В раннесредневековой западноевропейской традиции термин «монголы» почти не употреблялся. Предпочитали слова «тартареи», «тартары», и созвучие с уходящим в античную древность и жутким для слуха понятием Тартар (Тартарос — греч.) приводило католиков в ужас. Для древних греков, например, вряд ли можно было представить в окружавшем их мире что-либо более устрашающее, нежели Тартарос. Его мрачная бездна располагалась глубже Аида и была удалена от поверхности земли на столько же стадий, на сколько небо отстояло от земли. Гомер полагал, например, что сброшенная в бездну Тартара медная наковальня летела бы до нее от поверхности земли целых девять дней. Тартар был окружен тройным слоем мрака и железной стеной.

Античные представления спустя столетия нашли отражение в творениях Учителей христианской церкви. Так, для Исидора Севильского, в начале VII века написавшего для одного из вестготских королей Иберии, по суще-

ству, первую средневековую энциклопедию, Тартар представлялся местом вечного мрака, холода и оцепенения; сюда не проникал ни один солнечный луч. Одна только мысль об этой бездне могла повергнуть человека в ужас. Любопытно, что вплоть до сегодняшнего дня даже в русском языке сохранилось выражение «*Провалиться в тартарары*».

Для христиан такая внушающая леденящую жуть бездна ассоциировалась, прежде всего, с азиатским обиталищем народов Гог и Магог, откуда по широко распространенному в двадцатых и тридцатых годах XIII века поверью и вырвались свирепые лавины степных завоевателей. По этой причине все кошмарные, как ранние, так и позднейшие — уже средневековые, ассоциации вполне логично свивались в единый тесно сплетенный клубок.

В развитии представлений католических христиан того времени по отношению к монгольским завоевателям можно различать два основных этапа. Смысл первого из них состоял в порождении и широком распространении смутных рассказов, докатывавшихся до католического мира в самом начале степных нашествий, начавшихся с восточных краев великого противостояния. Второй этап резонно отсчитывать с того времени, когда папские посольства к монгольским ханам и нойонам доставили на Запад несравненно более правдоподобные сведения о неведомых до тех пор народах.

Начальная и опиравшаяся по преимуществу на трудно проверяемые слухи реакция западных дворов и монастырей отличалась, как правило, невообразимым сумбуром, необузданными фантазиями и повышенной эмоциональностью. Порой во внезапно возникших насильниках видели неслышанную рать безбожных тартар, этих отвратительных моавитян, что бежали в глубокой древности «...от библейского Гедеона до самых отдаленных областей востока и севера и осевших в месте ужасном и в пустыне необитаемой, что Этревом называется. И было у них двенадцать вождей, главного из которых звали Тартаркан. От него и они названы Тартарами... Они, хотя и были возвращены в горах высочайших и почти недоступных, грубые, не признающие закона и дикие, и воспитанные в пещерах и логовах львов и драконов, которых они изгнали, все же были подвержены соблазнам» [Юрченко, Аксенов: 46].

В ином случае в них могли различать чуть ли не неких посланцев Господних. Вот как, например, русский архиепископ Петр уверял на Лионском соборе своих собратьев по вере: «...намерены они... весь мир себе подчинить, и предопределено свыше, что должны они весь мир за 39 лет опустошить, подтверждая это тем, что как некогда божественная кара очистила мир потоком, так и теперь нашествие их очистит этот мир разрушительным своим мечом» [Юрченко, Аксенов: 47].

Не исключено, что изо всех этих многочисленных домыслов и пророчеств наиболее уравновешенным и сравнительно спокойным стилем (если, конечно, в этом случае так можно выразиться) отличалось повествование о монголах, принадлежавшее клирику бенедиктинского монастыря в Сент-Олбансе Матфею Парижскому:

«...головы у них слишком большие и совсем несоразмерные туловищам. Питаются они сырым мясом, также и человеческим. Они отличные лучники. Через реки они переправляются в любом месте на переносных, сделанных из кожи лодках. Они сильны телом, коренасты, безбожны, безжалостны. Язык их неведом ни одному из известных нам народов. Они владеют множеством крупного и мелкого скота и табунов коней. А кони у них чрезвычайно быстрые и могут трехдневный путь совершить за один день. Дабы не обращаться в бегство, они хорошо защищены доспехами спереди, а не сзади... В войне они непобедимы, в сражениях неутомимы... Пролитую кровь своих животных они пьют, как изысканный напиток. Когда нет крови, они жадно пьют мутную и даже грязную воду... Они ведут с собой стада свои и жен своих, которые обучены военному искусству, как и мужчины. Стремительные, как молния, достигли они самых пределов христианских и, учиня великое разорение и гибель, вселили во всех невыразимый страх и ужас. Вот почему сарацины возжелали заключить союз с христианами и обратились к ним, чтобы объединенными силами они смогли противостоять этим чудовищным людям. Полагают, что эти тартары, одно упоминание которых омерзительно, происходят от девяти племен, которые последовали, отвергнув закон Моисеев, за золотыми тельцами и которых сначала Александр Македонский пытался заточить среди крутых Каспийских гор смоляными камнями. Когда же он увидел, что это дело свыше человеческих сил, то призвал на помощь бога Израиля, и сошлись вершины гор друг с другом и образовалось место, неприступное и непроходимое... Однако, как написано ранее в «Ученой истории», они выйдут незадолго до конца света, чтобы принести людям великие бедствия» [Юрченко, Аксенов: 38].

Почти повсеместно основные причины появления этих, как казалось тогда, бесчисленных и не страшщихся ни меча, ни копья чудищ объяснялись христианами весьма незамысловато и однообразно: «за грехы наша...».

Католический мир: этап начального отрезвления

В марте 1245 года римский первосвященник Иннокентий IV обнаружил буллу под титулом «К царю и народу тартарскому». В тексте столь удивительного по своей литературной экспрессии воззвания Папа писал:

«Не только люди, но также и неразумные твари и даже земные элементы мироздания соединены и связаны друг с другом, подобно естественному союзу по образу небесных духов, так как Создатель Универсума все эти мириады отметил тем, что все разнообразие уровней охватывают вечные и нерушимые узы мира. А посему мы, по всей справедливости, удивлены тем, что вы, как мы слышали, напали на многие земли христианских и других народов и подвергли их страшному разорению. И до сих пор не иссякла ваша ярость, ибо вы все еще протягиваете жаждущие убийств руки к отдаленным странам... По примеру небесного Царя миротворца мы желаем, чтобы все жили мирно и в страхе Божьем, а потому горячо просим, умоляем и призываем вас совсем отказаться от подобных вторжений, и прежде всего от преследования христиан, и искупить вину подобающим покаянием. Знайте же: если вы уверенные в силе своей, до сей поры предаетесь таким неистовствам ... то лишь по воле всемогущего Бога, который допустил, чтобы различные народы были повергнуты в прах пред лицом Его. И если Бог медлит некоторое время с наказанием высокомерных в этом мире, Он поступает так намеренно. Но если вы пренебрежете добровольным смирением, то Бог не забудет ваши злые дела и не только накажет вас в этом бренном мире, но и воздаст за ваши злодеяния самыми тяжкими карами в будущей жизни» [Юрченко: 82—83].

Даже ныне, спустя столетия, очень трудно комментировать как решения, так и текст послания римского первосвященника. Судя по всему, в папском клире тогда уже возникли некие сомнения, правда, тогда смутно выражаемые: а действительно ли эти орды тартареев являются выходцами из библейского логова Гога и Магога? Может быть, об этих тварях вообще нужно судить как-то иначе? Папа уверяет совершенно неведомого ему великого хана тартар, что всех обитателей мира должны охватывать *«вечные и нерушимые узы мира»*.

Однако в то же время он сам обретается в таком мире, где столетиями непрерывно льется кровь. Так, например, уже с 1233 года, то есть с так называемого периода «второй инквизиции», практически все процессы над подозреваемыми в ереси сопровождались *«умалением членов»*. Перед обвиняемым для его устрашения раскладывали орудия пытки и прибегали к *«кроткому увещеванию и отеческому побуждению»*. Если *«кроткое увещевание»* не помогало, то испытуемого ждали суровые кары. Сожжение упорных еретиков служило главным «шоу» для толпы, и это обыкновенно проводилось в один из важнейших христианских праздников. В означенный для такого действия день проповедь великого инквизитора могла начинаться словами: *«Если Бог веками терпит наши беззакония, то люди вполне справедливо посвящают хотя бы один день, чтобы отомстить за поношение Бога. Святой трибунал являет сегодня свое усердие к славе Господа...»* [Барро: 45].

Рис. 4.1. Испанская инквизиция очищает мир от еретической скверны. Западноевропейская миниатюра [Chronik: 313]

Римский Папа, кстати, сам инициировал кровавые акции: ведь именно понтифик за год до послания к «царю тартарскому» выпустил буллу о седьмом крестовом походе против мерзких сарацин. Папа призывает хана покаяться в своих злодеяниях, наивно рассчитывая, что тот устыдится деяний своих. Он верен своей мысли, что и тартары являются лишь только карающим грешников мечом в руках Господа. Любопытно было бы знать при этом, какого же результата в реальности ожидал понтифик? Или же его сочинение представляло собой ту обычную форму, что должна была продемонстрировать всепокоряющую длань наместника Бога на нашей земле?

Согласно распоряжению Папы тогда же были снаряжены два посольства. Первое из них возглавил францисканский монах Джованни дель Пано Карпини, чей статус по возвращении в Рим повысился до архиепископа Антиварийского. Главной фигурой второго посольства явился доминиканец Асцелин. Однако пути их следования к ставкам монголов и результат каждого из посольств оказались весьма несходными.

Так или иначе, но уже через месяц с небольшим после обнародования буллы миссия Пано Карпини направилась к монголам северным путем, через Богемию, Польшу, Русь и, наконец, в ставку Батыея в Золотой Орде на Нижней Волге. Заметим при этом, что главе миссии шел тогда уже 64-й год, — возраст более чем почтенный для столь тяжелого и опасного странствия.

«Отправляясь по поручению апостольского престола к тартарам и другим народам Востока и зная волю Господина Папы и достопочтенных кардиналов, мы решили сперва двигаться к тартарам. Ведь мы боялись, как бы не стала угрожать от них опасность Церкви Божьей в ближайшем будущем. И как бы мы ни боялись быть убитыми или навечно плененными тартарами либо другими народами, или подвергнуться почти свыше сил голоду, жажде, холоду, зною, поруганиям и чрезмерным ... однако не щадили самих себя, чтобы иметь возможность исполнить, следуя воле Божьей, поручение господина Папы и чтобы быть в чем-нибудь полезным христианам, либо по крайней мере иметь возможность, достоверно узнав их волю и намерение, открыть их христианам» [Бичурин 2005: 237—238; Карпини: 1].

Через год миссия достигла Сарая, где находилась ставка Бату-хана, и в том же 1246 году им удалось предстать перед великим Гуюк-ханом. Жесткий ответ того римскому Папе не заставил себя ждать.

«Силою Вечного Неба [мы] Далай-хан всего великого народа — наш приказ. Это приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и понял... Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа Бога так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно: «мы станем вашими подданными, мы отдадим вам все свое имущество». Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу Бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете [нашими] врагами» [Юрченко: 84—85].

Вряд ли чтение ответного послания монгольского хана доставило Папе удовольствие... Впрочем, даже от таких нелюбезных контактов проистекала безусловная польза. Ведь францисканской миссии удалось принести папскому окружению абсолютно новые сведения о совершенно незнакомом тому реальном мире.

Чрезвычайно раздвинулись рамки ойкумены: *«...земля [монголов] расположена в той части Востока, в которой, как мы полагаем, восток соединяется с севером. К востоку же от них расположена земля китайцев, а также солангов [маньчжуров?], к югу земля сарацинов, к юго-западу расположена земля гуиров [уйгуров], с запада область найманов, с севера земля татар окружена морем-океаном. В одной своей части она чрезмерно гориста, в другой представляет равнину, но почти вся она смешана с [щебнем], редко глиниста, по большей части песчана»* [Бичурин 2005: 239—240].

Монголы теперь уже не являли собой человекообразных чудищ: *«Внешний вид [их] лиц отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие... В поясе они*

в общем тонки..., росту почти все невысокого. Борода очень маленькая... Одевание же как у мужчин, так и у женщин шито одинаковым образом... Кафтаны же носят из букарана, пурпура или балдахина... Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами, лошадьми. Вьючного скота у них такое количество, какого нет и в целом мире; свиней и иных животных нет вовсе» [Бичурин 2005: 242].

У них особая религия: *«Они веруют в единого бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого... Однако они не чтут его молитвами или похвалами или каким-либо обрядом».* У монголов нет понимания греха, подобного христианскому, однако существует масса обрядово-ритуальных запретов. Им присущи — естественно, с позиции христианской морали — нравы *«как хорошие, так и нравы дурные»* [Бичурин 2005: 245].

Невзирая на жестокий и надменный ответ Гуюк-хана, францисканцы свою миссию выполнили в целом успешно. Однако те же слова окажутся совершенно непригодными для оценки результатов посольства доминиканца Асцелина, направившегося к монголам через Малую Азию. Двигалась та группа монахов намного медленнее францисканцев и сумела лишь в конце мая 1247 года достичь ставки Байджун-нойона. Предводитель монгольских туменов располагался лагерем на территории Армении близ Сисиана. Подробный отчет об этом визите сохранился благодаря донесению в Рим Симона де Сент-Квентина. Его текст также весьма любопытен для нас.

С самого начала может поразить абсолютное неумение налаживать дипломатические контакты. Добравшись до ставки Байджун-нойона, доминиканцы пожелали видеть князя.

«Узнав об этом, сей предводитель, который восседал в своем шатре, облаченный в золоченые одежды, причем даже окружавшие его бароны были в шелковых одеяниях, роскошных и раззолоченных, послал к упомянутым братьям своего ... главного советника, с несколькими своими баронами и переводчиками. Они же, предпослав церемонию приветствия, вопрошают братьев: «Чьи вы послы?». А брат Асцелин, главный посол господина Папы, отвечает за всех: «Я посол господина Папы, который у христиан по своему достоинству ставится выше любого человека, и они почитают его как отца и господина». При этих словах те, чрезвычайно возмущась, сказали: «Как вы заносчивы, говоря, что Папа, господин ваш, выше любого человека. Неужели он не знает, что Хан — сын Бога? А поскольку нойон Байот [Байджун] и Баты поставлены им предводителями, постольку имена их известны всем и прославляются повсюду».

Брат Асцелин им отвечал: «Кто такой Хан и кто такой нойон Байот [Байджун] и Баты, господин Папа не знает и никогда их имен не слышал. Только одно он слышал от многих и об этом составил себе представление, что есть некий варварский народ, который именуется тартарами, уже

Рис. 4.2. Татевский монастырь в районе Сисиана. В 1247 году почти наверняка его частыми «посетителями» бывали монгольские всадники туменов Байджу-нойона [Google, фото А. Авагяна]

давно переступивший рубежи Востока, который подчинил многие страны своему владычеству и, никого не щадя, истребил бесчисленное множество людей. И если бы он слышал хотя бы звук имени Хана и его предводителей, то какое-нибудь одно из имен в своем послании, которое мы доставили, он никоим образом не преминул бы написать».

Скандалы продолжались, и накал их возрастал. На вопрос о подарках Байджу-нойону — а это являлось по тогдашним понятиям непременным атрибутом любого посольства — доминиканцы поясняли: *«Ничего в особенности от имени господина Папы мы ему не доставили, ведь он [Папа] и не имеет обыкновения посылать кому-либо подношения, неверному и незнакомому тем более, и даже напротив, верные его сыновья, а именно христиане, а также еще очень многие неверные часто присылают ему дары и доставляют подношения».*

Монголы от этого свирепели: *«Как вы можете, забыв стыд, появиться перед господином нашим для вручения посланий вашего господина с пустыми руками, тогда как никто из людей, сюда прибывающих, так по отношению к нему не поступает?»*

Брат Асцелин упорствовал и, более того, убеждал монголов пройти обряд крещения; но ему в ответ: *«Вы уговариваете, чтобы мы стали христианами и стали бы собаками, как и вы. Разве Папа ваш не собака, и вы*

все христиане не собаки?» На эти слова брату Асцелину никак не удавалось ответить, поелику *«...они всячески мешали ему ревом и криками, резкими и буйными»*.

Наконец, озлился уже сам Байджу-нойон: *«...выслушав, как отвечали его [приближенным] и баронам с переводчиками, преисполнился негодования и, загоревшись яростью на братьев, трижды решительно приказал, чтобы их убили»* [Юрченко: 88—111].

Нет, их, конечно, не обезглавили, иначе мы бы не могли иметь в руках сей любопытный документ. Согласитесь, однако, что перед нами совершенно невозможная ситуация: монголы завоевывают мир, а им — победителям — неизвестно откуда появившаяся жалкая кучка людей предлагает покаяться в смертных грехах и принять обряд неведомого им крещения... Думается, то были прискорбные издержки старых представлений католической верушки об окружавшем их мире...

Де Рубрук и Марко Поло

Тем не менее контакты продолжались. Монгольские завоевания, как это ни покажется странным, послужили весьма своеобразным многотысячелометровым «мостом», связующим между собой Восток и Запад. По этому гигантскому мосту устремились на Восток наиболее отважные представи-

Рис. 4.3. Таким представлялся Каракорум после рассказов о нем де Рубрука. Наверное, рисунок создавали на базе словесных описаний знаменитого путешественника. На переднем плане изображен легендарный серебряный фонтан, авторство которого приписывают некоему пленнику-французу [Груссе: 192—193]

Рис. 4.4. Вверху: так выглядели руины Каракорума в 1979 г. Внизу: Каракорум уже в первые годы XXI века — после начала реконструкции, вместе со знаменитой, высеченной в XIII столетии китайскими скульпторами и сохранившейся до наших дней каменной черепашей

тели Запада. Упомянем лишь наиболее знаменитых из них.

В 1252 году францисканский монах фламандец Гийом де Рубрук «со товарищи» — братом Бартоломео из Кремоны и братом Андреем Лонжюмо — по поручению уже многократно упоминавшегося в книге Людовика IX отправляется в дальнее восточное странствие. Первым пунктом

их остановки стал Константинополь, где они провели целый год. Затем в 1253 году Рубрук вместе со спутниками попадает в Золотую Орду, а затем уже зимой достигает Каракорума, — официальной столицы властителя монголов Менгу-хана или же Мунке (заметим при этом, что в своей столице степные владыки засиживаться особо не любили). Рубрука же этот «столичный град» крайне удивил своими жалкими размерами: «... за исключением дворца, он уступает даже пригороду святого Дионисия, а монастырь святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец» [Бичурин 2005: 347].

Менгу-хан оказался сравнительно приветливым и не чинил никаких препятствий посланцам Запада. Вообще же Рубрука, равно как и других путешественников, в монгольских ставках не могло не охватывать крайнее удивление при столь явных признаках поразительной веротерпимости у степных завоевателей. В Каракоруме, писал он, «...находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети... и одна христианская церковь». Такого надругательства над истинной верой в католическом мире, конечно же, трудно было бы даже представить. На фоне этой религиозной толерантности дикое впечатление производит даже сегодня неистовая злоба, кипевшая между представителями двух соперничающих между собой главных религий Запада. Рубрук рассказывал, что христианский монах поднес брату Менгу-хана «...Арабукхе [Арик-Буке] свои плоды, которые тот принял; рядом с ним сидели два вельможи из двора самого хана, сарацины. Арабукха, зная про вражду, существующую между христианами и сарацинами, спросил у монаха, знает ли он упомянутых сарацин. Тот ответил: «Знаю, потому что они собаки; зачем держишь ты их возле себя?» Те возразили: «Зачем ты говоришь нам обидные речи, тогда как мы не говорим тебе никаких?» Монах сказал им: «Я говорю правду, и вы, и Магомет ваши — презренные псы». Тогда они начали отвечать богохульствами на Христа...» [Бичурин 2005: 350].

В 1255 году Рубрук вернулся в родные пенаты и отправил послание королю. В сравнении с документами Плано Карпини, его информация менее систематична: в его описаниях более любопытными являются, пожалуй, этнографические картинки

Рис. 4.5. Вверху: семейство отважных купцов-путешественников братьев Поло у великого хана Хубилая в столице Китая Карабальке (Пекине). Иллюстрация из «Книги о Великом хане» [Chronik: 319]. Внизу: Марко Поло. Книжная иллюстрация XV века

и зарисовки. Однако, как и у посланцев Папы, в тексте встречается изрядное число фантастических сюжетов, как например, о покрытых волосами людях ростом всего с один локоть, у которых никогда не сгибаются ноги в коленях, отчего они не ходят, но прыгают и т. п.

Гораздо более популярной для позднейших читателей предстает фигура венецианца Марко Поло. Его отец Николо и дядя Маффео около 1253 года отправились на восток, добрались до ставки верховного хана Хубилая и прослужили там 17 лет. В 1270 году братья вернулись в Венецию; однако уже на следующий год они замыслили новое путешествие к этим манящим своей экзотикой краям, но вместе с молодым Марко. Тот, в конце концов, и приобрел после своего возвращения из Китая статус весьма именитой персоны. Хубилай, перенесший свою столицу в Пекин и объявивший себя основателем монголо-китайской династии Юань, помнил семейство Поло и милостиво принял на службу их молодого отпрыска. При ханском дворе тот и пробыл долгих полтора десятилетия. В Венецию Марко Поло вернулся уже в возрасте сорока двух лет. Вскоре в разгоревшейся войне с Генуей он угодил в плен и в генуэзской тюрьме приступил к сочинению своей знаменитой книги. Сочинение это в сравнении, скажем, с более сухой и системной информацией Плано Карпини страдает множеством фантазий и абсолютно непроверенных сведений.

Однако наиболее важным результатом всех этих событий явилось то, что в непроходимых барьерах между скрытыми зонами тогдашней ойкумены обнаружили серьезные трещины и провалы, а XIII столетие в этом отношении становилось переломным для мировоззрения католического Запада.

ГЛАВА 5

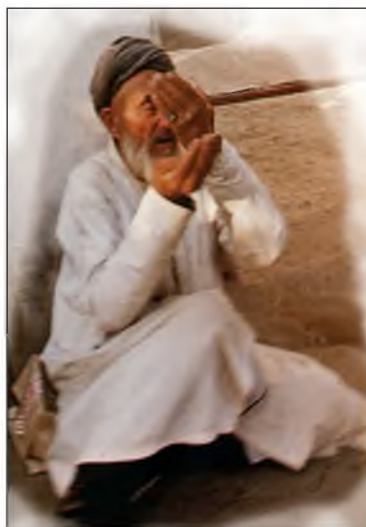
Мир ислама и монголы

Боль и ненависть

Мусульманский мир также прошел две стадии в своем отношении к степным захватчикам. От западно-католического эти фазы-стадии отличались, пожалуй, формами и стилем своих проявлений. На раннем этапе, завершившимся сокрушением государства хорезмшахов, возгласы боли и ненависти доминировали в писаниях исламских историков и очевидцев. По своему удивительному эмоциональному надрыву на первый план я бы выдвинул высокохудожественное произведение персидского историка Ибн ал-Насира:

«Несколько лет я противился сообщению этого события, считая его ужасным и чувствуя отвращение к изложению его: я приступал к нему и опять отступал. Кому же легко поведать миру о гибели ислама и мусульман, да кому приятно вспоминать об этом? О, чтобы матери моей не родить меня, чтобы мне умереть прежде этого и быть преданным вечному забвению! Хотя многие из друзей моих побуждали меня к начертанию этого события, но я приостанавливался. Потом, однако же, я сообразил, что неисполнение этого не принесет пользы. Пересказ этого дела включает в себе воспоминание о великом событии и огромном несчастье, подобного которому не производили дни и ночи и которое охватило все создания, в особенности же мусульман.

Если бы кто сказал, что с тех пор, как Аллах Всемогущий и Всевышний создал человека, по настоящее время мир не испытывал [ничего] подоб-

ного, то он был бы прав: действительно, летописи не содержат ничего [сколько-нибудь] сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное то, что сделал Навуходоносор с израильтянами по части избиения их и разрушения Иерусалима. Но что такое Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город вдвое больше Иерусалима? И что такое израильтяне в сравнении с теми, которые их перебили! Ведь в одном [только] городе жителей, которых они избили, было больше, чем [всех] израильтян. Может быть, род людской не увидит [ничего] подобного этому событию до представления света и исчезновения мира, за исключением разве Гога и Магога. Что касается Антихриста, то он ведь сжалится над теми, которые последовали за ним, и погубит лишь тех, которые станут сопротивляться ему; эти же, татары, ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши. По истине, мы принадлежим Аллаху и возвратимся к нему; нет мощи и нет силы, как только у Аллаха Всевышнего и Великого!» [Юрченко: 155—156].

Обратим внимание лишь на одно, но очень существенное отличие текста персидского от католических. В декларациях христианских степные насильники в той или иной мере несут на себе черты некоего потустороннего мира, или даже странно-извращенного мира уродливых фантазматических гор. У персидских авторов в биологическом смысле действуют вполне реальные люди, однако они беспредельно жестоки и безжалостны.

Вот, например, после того, как на земле Хорезма монголы захватили сопротивлявшийся им город Нишапур, «они отрубили головы убитых от их туловищ и сложили их в кучи, положив головы мужчин отдельно от голов женщин и детей... Мухи и волки тировали на груди садров; орлы на горных вершинах лакомились нежной женской плотью; грифы поедали шеи гурий».

Так описывал нишапурскую трагедию мусульманин Джувайни. Очень похожие картины рисует уже христианский клирик Смбат Спарапет в своем отчете о поездке в Каракорум в 1246 г. Он был отправлен в далекий и опасный путь царем Малой Армении. Предлагаемые им жутковато-мрачные картины, конечно, очень похожи, вот только оценка деяний крайне различается:

«Миновав многие страны, оставив позади Индию, мы прошли всю землю Бодак, на что потратили около двух месяцев пути. Я увидел там несколько городов, разрушенных татарами, величие и богатство которых неоценимы. Я видел некоторые из них за три дня пути и несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертвили татары. И нам казалось, что, если бы Господь распорядился иначе и татары, которые таким образом уничтожили язычников, не пришли сюда, все эти народы были бы способны завоевать и заселить эти земли до моря» [Юрченко: 166].

Рис. 5.1. «Апофеоз войны» — знаменитая картина известного российского живописца В. В. Верещагина (1872 г.)

Смбат Спарапет вряд ли мог предполагать, что за несколько лет до его «командировки» в монгольскую столицу такие же горы человеческих тел, но уже не мусульман, а его собратьев по христовой вере, оставили завоеватели в древнерусских городах. Отзвуки страшных трагедий всплывают даже в наши дни, и это, к примеру, приоткрыли для нас совсем недавние археологические раскопки в Ярославле (см. Приложение 2).

Вернемся, однако, вновь к Джувайни: примечательно, что именно сочинения этого персидского историка и администратора (монголы поручили ему даже управление Багдадом) обозначили второй этап отражения лика монгольских завоеваний в исламском мире. Поработив Персию, монголы основали там государство Иль-ханов (то есть «*властителей народа*»). Отныне придворные персидские историки и публицисты должны были пластаться ниц перед владыками и при этом воспевать их.

Еще об одной параллели с христианским миром. Многие мусульмане, как и их западные соседи, полагали, что монголы — это лишь всепобеждающий и карающий меч Высшего Божества — Аллаха, сокрушающий людей за их тяжкие грехи и пороки. Персидский историк и дипломат Рашид ад-дин, к примеру, вкладывал такие слова в уста самого Чингис-хана, обращенные к побежденным им народам:

«О люди, знайте, что вы совершили великие проступки, а ваши вельможи — предводители грехов. Бойтесь меня! Основываясь на чем, я говорю эти слова? Потому что я — кара Господня. Если бы с вашей [стороны] не

были совершены великие грехи, великий Господь не ниспослал бы на ваши головы подобной кары!»

И в продолжение этого наблюдения слова другого перса Джамал ал-Карши:

«Может быть, они [монголы] одно из знамений конца Света? Может быть, Аллах дал им власть над людьми, заставив повиноваться им, благодаря чему смог сломать шеи персидских царей и укротил беспредельную власть румских кесарей. Они — победоносное племя Аллаха, захватывающее всё и всех на земле. Их ожидала победа везде, куда бы они ни направлялись... В бою ни одна армия не могла устоять перед ними, их стрелы не знали преград и точно попадали в цель...» [Юрченко: 277—278].

И наконец, еще одно иступленное восклицание того же Джувайни с бесподобным накалом пророческих страстей:

«Было нам передано одно божественное откровение, гласящее: «Те, что суть Мои всадники, ими отмицу Я мятежникам против меня», — и нет сомнения в том, что это указание на всадников Чингис-хана и на его народ» [Юрченко: 139].

Лесть обволакивающая

Минули скоротечные годы, и в 1256 году внук Чингис-хана Хулагу-хан окончательно покорил Иран. С тех пор династии Иль-ханов стали носить имя хулагуидов, т. е. потомков и наследников Хулагу. Уже в 1258 году пал Багдад, который по глубочайшей вере арабов никогда не мог быть осквернен и омрачен кровью исламских властителей, — ведь там находился истинный центр мира, но не в Иерусалиме, как думали христиане.

«Багдад полон великолетием и величием. Это купол ислама и город мира, место скопления народа. Построил его Абу Джа'фар ал-Мансур... когда астролог бу-Наджиб, выбрал для этого подходящий момент... Говорят, он привел доказательства, что в сем городе не умрет ни один халиф... Пока не соберутся государи всей Вселенной, обложить Багдад невозможно. В такой огромный город не смогут ни войти без разрешения, ни выйти из него...» [Юрченко: 267].

Арабский астролог трагически ошибался. Хулагу взял «центр» исламского мира, пленил последнего арабского халифа из династии Аббасидов аль-Мустасима и предал его смерти. *«Хулагу завладел сокровищами халифа и нагрузил ими три тысячи шестьсот верблюдов, а лошадям, муллам и ослам не было счета»* [Юрченко: 268].

Для мусульман падение Багдада стало великой трагедией, а армянские христиане, к примеру, и не желали скрывать своей радости: *«Весь город... все это время был в государстве ненасытной пиявкой, высасывающей кровь*

всей вселенной. Нынче же... он должен был воздать за пролитую кровь и за содеянное зло, когда переполнилась мера грехов его перед всеведущим Богом, который воздает воистину справедливо, нелицеприятно и праведно. Так пресекалось грозное и буйное царство мусульманское, просуществовавшее 647 лет» [Юрченко: 268].

Рис 5.2. Хулагу-хан, основатель государства Ильханов в Иране. Персидское изображение

К 1260 году фактически вся евразийская зона исламских культур оказалась под рукой монгольских ханов. Мусульмане не пропустили монгольские отряды на Африканский континент, и там от долины Нила вплоть до Атлантики они сохранили свое господство. На Пиренейском полуострове продолжались бесконечные баталии реконквисты католических королей. Тогда же в качестве единой Монгольскую мировую империю можно было считать уже номинально. Хулагу-хан лишь на словах признавал права на верховную власть кочевавшего где-то в далекой монгольской степи Менгу-хана с его столь же номинально-эфемерной имперской столицей Каракорумом. На самом же деле и он, и его наследники хулагуиды управлялись с громадной державой совершенно независимо от центра.

И с тех же пор мы наблюдаем резкие перемены в стиле жизнеописаний, сочинявшихся придворными иранскими хронистами и историографами. Трудно понять, как это зародилось: то ли инстинктивно, то ли по некоторым глубоко продуманным соображениям персидские деятели начали буквально оболванивать неслыханной лестью не только самих ильханов, но и всю историю дома чингизидов. Кажется, в этом отношении им было очень трудно подыскать достойных соперников. Вчитываясь в эти строки, порой не знаешь даже, кому же здесь отдать предпочтение.

Конечно же, один из самых достойных претендентов на первенство в этом отношении — уже неплохо нам известный персидский историограф Рашид ад-дин, весьма важная персона при иранском дворе монгольских Ильханов. Вот начальные строки его знаменитой и «благословенной книги», которая заключает в себе «...историю государя — завоевателя мира, Чингиз-хана, его великих предков и славных его детей и рода... Книга была составлена ... по повелению счастливого государя, Газан-хана, — да озарит Аллах его гробницу! И также в его счастливую эпоху, которая была предметом зависти и восхищения эпох Дария, Ардевана, Афридуна и Нуширвана... В этих

вратах рая, царственный сокол души сего справедливого государя, внемля голосу — «о, душа, уверенная в своей участи, возвратись к своему господу довольной и удовлетворенной!» — и ответствуя — «слушаю!» — взлетел ввысь, покинув клетку благородного тела, и свил гнездо в чертогах рая, на высочайших райских стенах, в местопребывании олицетворенной вечности, у всемогуще повелителя. Так как его достоинство было выше достоинств мира, то его жилищем стало прибежище высочайшей святости. Каждое мгновение да изольются сотни тысяч приветствий от божественной истины на его душу!» [Рашид-ад-дин I: 41].

Но, пожалуй, даже более пронзительно звучат его почти небесные восторги в адрес вслед за упокоившимся Газан-ханом монарха-наследника. Ведь — о, счастье! — им стал «...величайший султан, благороднейший каан, царь царей ислама, повелитель человеческого рода, справедливейший ильхан, совершеннейший страж вселенной, правитель всех стран счастья, вместилнице подробностей удачи, искусный наездник на ристалище поддержания веры, монарх царств распространения законности, установитель основ властвования, укрепляющий основы покорения стран, центр круга завоевания вселенной, центральная точка [царственного] владычества, лучшая часть прекрасных следствий творения, сущность основного содержания всех целей бытия разных видов и родов, расстилатель ковров безопасности и спокойствия, укрепитель основ ислама и веры, место проявления отличительных признаков пророческого шариата, источник чистой влаги предвечной милости, восход новолуния благоволений, всевышнего обладателя величия, отмеченный божественной поддержкой и благоволением, государь — прибежище веры, тень милости божества,— султан Мухаммед Худабандэ-хан».

Но временами даже экстагическому воспеванию царственного владыки для Рашид ад-дина рамки прозы становятся тесными, и его текст требует уже стихотворных высот:

*Тот мощный, как судьба, и распоряжающийся, как рок,
Тот, помышления которого высоки, как небо, и
Облик которого, как у ангела;
Тот, от земли и воды царства которого
Звезды на небесном своде
Являются лишь простым лучом и пылью.*

[Рашид-ад-дин I: 42]

Однако этот вдохновенный панегирик в адрес верховного ильхана спасти Рашид ад-дина не смог. Парадоксально, но в 1318 году его казнили («перерубили мечом пополам»), обвинив в отравлении столь вдохновенно воспетого им владыки Ольджайту-хана.

Упоминавшийся в приводимых текстах Газан-хан являлся ключевой фигурой в истории ильханов-хулагуидов. Обволакивающая лесть персов сыграла решающую роль, и уже в 1295 году Газан-хан повелел всем своим подчиненным принять веру в Аллаха. Согласно Рашид ад-дину сам Аллах избрал хана в качестве «... одного из избранников божьих, ведающих верховной властью над странами и городами, [отчего и] предназначили ангельскую особу Газан-хана для излияния света наставления на путь истинной веры и божественного откровения...» [Рашид-ад-дин III: 162].

И вот в результате неустанных стараний некоторых особо доверенных мусульман-учителей Газан-хан «... по прозорливости и проницательности ума и рассудка в короткий срок познал [божественную истину]... и сказал: Воистину ислам есть вера твердая и ясная и обнимает собою все пользы духовные и мирские. Чудеса посланника [пророка Мухаммеда]... весьма восхитительны и искусны и признаки их истинности явны и очевидны на скрижалях времен. Нет сомнения, что непрерывное наблюдение за исполнением заповедей, предписаний веры, богоугодных деяний и прекрасных дел, к которым они призывают, соединяет с Богом. Что же касается поклонения идолам, то это чистая неспособность и весьма далека от разума и знания, а преклонение головы земно пред камнем есть чистое невежество и глупость со стороны трезвого и способного человека, и человеку, обладающему духом и разумом, представляется даже отвратительным при разумном рассмотрении» [Рашид-ад-дин III: 163].

Выражаясь жестоко по поводу веры в мощь идолов, он тем самым безжалостно топчет святыни своей молодости.

Правда, в этих безудержных потоках панегириков можно было встретить порой какие-то странные аномалии, отклонения от звенящих восторгами нот, и было непонятно, что это: лишь злобные мазки на лъстивой картине монгольских деяний, или же весьма своеобразный способ выразить особое восхищение. Вот слова Джамала ал-Карши, повествующего об эпизодах покорения Хорезма:

«Вслед за авангардом поскакал сам Чингис-хан с сыновьями, массой воинов и всадников, чтобы защитить тварей, живущих на суше и в воде. Они были похожи на хитрых бесов, которых интересовала охота за правителями и султанами. Они — настоящие демоны смерти, избранные из среды монголов и тюрок, любители пастбищ и скачек, разбойники, жаждущие крови, вооруженные ножами и пиками. Они брались и входили туда, куда хотели, надевали шкуры без мантильи и не слушали назиданий. Их не оставляли слезы плачущих, они жестоко наказывали баловство детей и вмешательство взрослых» [Юрченко: 276].

Не правда ли, странный отрывок из текста?

А вот далее: Чингис-хан скончался, и его сын Угедей «взошел на царский престол в знаменательное утро четверга 18 шавваля 626 [9 сентября 1229 года]. Он был щедр, как проливной дождь, во время встреч — как ревущий лев, и с его воцарением исчезли частые смуты. Возродились страны, получили поддержку несчастные, вышли на свободу узники, а бедные стали богатыми. Во время его правления волки и овцы паслись мирно. Столицей государства Афрасиаба был Кара-Курум» [Юрченко: 279].

На благостной картине, однако, появились некоторые «шероховатости», когда Менгу-хан, пробиваясь к верховной власти «победил и уничтожил сыновей Гуйука и других людей из рода Чингиз-хана в количестве более сорока амиров и около двух тысяч военачальников. Только после этого укрепились его власть, и он почувствовал себя уверенно на троне своего государства».

Заметим здесь, что уничтожал Менгу-хан, в основном, своих родственников и бывших сподвижников. Но с его воцарением наступил истинный «золотой век»:

«После этого территория владений Манку-хана расширилась: от пределов восточных стран до самых далеких западных стран по долготе и от окрестностей ар-Рума, аль-Фаранджа до границ аль-Хинда и аз-Зинджа по широте. Это были территории, где ... расцветала цивилизация в этот великий и прекрасный период. Все люди: и взрослые, и молодежь, даже низшие слои и базарный люд, — ездили верхом. Как будто они забыли, что можно ходить пешком. Люди не знали недостатка в одежде. Его эпоха, клянусь Аллахом, отличалась от других порядком, благополучием, как серебро для перстней в возвеличивании и как сакральный текст для религии при характеристике лика моего времени, сада моей молодости тех времен, свежести моей юности, благородства моего стана, ровного, как кипарис, моих щек, подобных цветам, лишенным колючек».

Джамал аль-Карши в панегирическом экстазе об ушедшей в прошлое и столь сладостной для него эпохе Менгу-хана уже не доверяет собственной прозе и в завершении жаждет, подобно Рашид ад-дину, перейти на ностальгические вирши:

*О как жаль, что пора свежест юности прошла,
Юность прошла, как сверканье молнии, в один миг.
Прошла юность мимо, а остались в ней мои желанья,
О если бы ко мне случайно вернулась эта пора,
Достиг бы я цели, которая таится в юности моей.
Поистине я показал бы юности свои желанья,
О если бы не эти мои стихи, сочиненные в старости,
Не осталось бы кроме них ничего, ведь молодость уже прошла.
Хотел бы вернуть молодость,*

*А взамен дать все, что ей полагается,
Но не могу найти замену юношеской поре.*

[Юрченко: 282].

И мы последуем примеру персидского историографа-поэта, завершая на этом нашу главу. Ясно только, что дурман густой лести и безграничной роскоши обворожил и пленил совсем недавно неукротимых, стремительных степных воинов, истинных властителей евразийского мира.

ГЛАВА 6

Китай и степные скотоводы

Мы переносимся теперь на Восток, в горные степи Центральной Азии, откуда и вырвались те монгольские конные лавы, что вскорости поставили на дыбы едва ли не весь евразийский мир. Как же было там? Что говорили о беспощадных воинах кочевых народов на истинном Востоке? Ведь нам хорошо известно, что монгольские удары по Китаю — этому главному сопернику Чингисхана и его потомков — оказались во многих отношениях намного более сокрушительными и трагичными на фоне драм на западе Евразии. И здесь мы не можем сдержать своего удивления.

Тексты огромного числа китайских письменных документов, хроник, исторических записей, и главное, их тональность и эмоциональный настрой, крайне мало похожи на те, с которыми мы сталкиваемся в христианских или же исламских свидетельствах. Они, как правило, мало эмоциональны, суховаты. Их составители с той или иной мерой последовательности лишь перечисляют события, которые представляются им заслуживающим упоминания. За этими, часто крайне скупыми, строками встают зыбкие картины страшных катастроф, сокрушавших не только китайскую Поднебесную империю, но и сами кочевые орды.

Несколько слов об отце Иакинфе

В настоящем месте автор хотел бы несколько замедлить свой рассказ и прервать его краткой ремаркой. Едва ли не все письменные свидетельства относительно кочевников восточной половины Евразии с которыми мы встретимся не только в данной главе, но и во всей книге, извлечены из трудов

удивительного российского ученого синолога и одновременно православного монаха **Н. Я. Бичурина**, или же **отца Иакинфа** (1777—1853). Его жизнь и творчество не может не внушать глубокого восхищения, и по этой причине мы в нашей книге посвятим ему небольшое, но специальное Приложение 1. Переводы Н. Я. Бичурина, равно как и его комментарии китайских текстов, не только чрезвычайно любопытны и поучительны, но также исключительно важны для тех исследователей, которые пытаются вникнуть в черты и характер взаимосвязей миллионов обитателей коренных китайских царств и княжеств со своими степными кочевыми соседями. А ведь, кажется, именно это составляло у оседлого населения Великой Китайской равнины одну из главных, если вообще не главнейшую, и крайне болезненную заботу. Число примеров, которыми оперирует о. Иакинф, непостижимо велико. Естественно, что это вынуждает нас ограничивать изложение лишь единичными, порой весьма скупыми выдержками из его книг. Для начала мы приведем лишь одно краткое введение самого Н. Я. Бичурина в поразительно насыщенную фактами и событиями историю взаимоотношений китайских цивилизаций со своими степными соседями. Этим введением он открывает свою, пожалуй, важнейшую для нас книгу «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»:

«Китайцы имеют историю и летопись. История называется Шу, т. е. историческое описание династии. Такая история отдельно составляется для каждой династии и потому называется династийною историею, Гошу. Летопись называется Ган-му, содержание и описание. Содержание состоит из краткого предложения, обозначающего событие чего-либо; в описании излагаются подробности события. Предлагаемые известия о древних среднеазиатских народах заимствованы из династийных историй, а пояснения на сии известия заимствованы из летописи... Читая китайскую историю в подлиннике, притом без предубеждения против азиатского невежества, ясно видишь, как современные очерки среднеазиатских государств, уцелевшие на скрижалях китайской истории, оттеняют один народ от другого, и указывают их местопребывание, нередко даже с определением расстояния одних мест от других...»

Поэтому, завершает автор, все свидетельства должны быть «1) собраны в одно целое, 2) изложены в точном переводе текста и 3) пополнены примечаниями с указанием на обычаи и установления Китая. Вот что влекло меня приступить к сему труду!» [Бичурин 1950: 10, 12].

Парадоксы восприятия монгольских нашествий

Когда монголы нацелили бег своих туменов на юго-восток, территория коренного Китая была разделена между тремя государствами. Север Китая

оказался под господством сравнительно недавно захвативших власть маньчжуров династии Цзинь (Гин у Н. Я. Бичурина). На юге Китая владычествовали императоры страдавшей от маньчжуров династии Сун. Наконец, северо-западный Китай находился под властью тангутских вождей, утверждавших себя в качестве династии Ся.

Первый удар Чингис-хан нанес по уделам северной державы Цзинь. Долгая война завершилась падением маньчжурской династии в 1234 году. Параллельно с этим завершился и дом Ся. В конце концов, в 1279 году пресекалась также линия оказавшейся наиболее удаленной от степняков и потому самой устойчивой из них южной династии Сун. Не дожидаясь завершающей финальной монгольской «зачистки» юга китайских пространств, великий хан Хубилай еще в 1259 году объявил себя императором и основателем новой — монголо-китайской династии Юань (мы уже упоминали об этом). Однако очнувшиеся, наконец, от бесчисленных поражений китайцы Средних царств через 73 года сумели сокрушить вновь порожденную господствующую элиту Юань. Власть монголов на землях Китая быстро сошла на нет.

Бесконечное перечисление передвижений войск и бесчисленных сражений в этих источниках преподносится в стиле воистину телеграфном. По этой причине мы ограничимся здесь лишь парой кратких выдержек из сделанных Н. Я. Бичуриным переводов «Истории первых четырех ханов из дома Чингисова». Так, к примеру, документировались в китайских хрониках события 1213 года:

«Гуй-ю, восьмое лето. Елюй-люгэ объявил себя королем в Ляо и правление назвал Юань-ихун. Осенью, в седьмой месяц, хан [Чингис] взял Сюань-дэ-фу, а потом осадил Дэ-син-фу

Царевич Тулуй и ханский зять Чики первые взойшли на стену и взяли город, Чингисхан пошел к Хуай-лай, разбил нючженских генералов Ваньяня-гин и Гао-ци и преследовал их до Гу-бэй-кхэу. Нючженские войска укрепились в Цзюй-юн. Чингисхан предписал генералу Хэтэбци наблюдать за ними, а сам пошел в Чжо-лу. Хушаху, главнокомандующий в Западной нючженской столице, оставил город. Чингисхан пошел на Цзы-цзин-гуань, разбил войска нючженские при горе Ву-хой-лин и взял города Чжо-чжоу и И-чжоу. Киданьский генерал Улань-бар сдал крепость Гу-бэй-кхэу. После этого Чжебэ, зашедши с южной стороны, взял крепость Цзюй-юн и соединился с Хэшебци. В восьмой месяц нючженскии Хушаху убил своего государя Юн-ци и возвел на престол князя Сюнь. Осенью, разделив армию на три части, приказал царевичам Джучи, Джагатаю и Угэдэю с западной армией следовать на юг, по направлению хребта Тхай-хан...» [Бичурин 2005: 49].

И еще одна, уже совсем краткая, но весьма выразительная выдержка из описания событий последнего — 1227 — года жизни Чингис-хана:

«Ли-цюань целый год находился в осаде. Осажденные войска уже съели волов, лошадей и даже всех граждан. Дошла очередь есть солдат. Ли-цюань хотел покориться, но боялся, что войска будут противного мнения, почему, возжегши благовонные курительные свечи и обратившись лицом к югу, учинил поклонение и хотел зарезаться, а между тем уже научил своих сообщников спасти его, советуя испытать счастья в подданстве северу» [Бичурин 2005: 103].

Не правда ли, звучит страшновато: «съели всех граждан и дошла очередь есть солдат»; и это впечатление особенно усиливает крайний лаконизм сообщения.

И наряду с этими кошмарными жестокостями хроники сообщают, что в «...восьмое лето Бин-шень [1236 год], весной, в первый месяц, князья построили себе дома в Хорине [Хар-Хорине, символической столице Чингизидов] по случаю съезда во дворец Вань-ань-гун к тиришеству. Хан [Угедей] указал ввести ассигнации за казенной печатью. Во второй месяц предписал генералам Гошену Фу-чжурю, Цзючжю и Чжао-цян следовать за передовым корпусом Куйтына на Южный Китай. В третий месяц снова поправили храм философа Конфуция и обсерваторию. Летом, в 6-й месяц, учинили снова отпись народонаселению в Чжун-чжоу и нашли около 1 100 000 семейств. По представлению Елюй-чуцяя учреждено Историческое общество; в пособие взяты исторические книги из городов Ян-цзин и Пхин-ян; ученый Лян-чже определен историографом; Ван-вань-цин и Чжао-чжо — его помощниками» [Бичурин 2005: 182].

Опять-таки крайне странно и любопытно: идет бесконечная и жесткая война монголов с Китаем, но великий хан отдает распоряжение «вновь поправить» храм великого философа Конфуция, а также учредить в Китае историческое общество. Наверное, именно этому обществу мы и обязаны теми сообщениями, которые были только что процитированы выше.

Китайские сообщения о монгольских войнах и покорениях Поднебесной удивляют своей краткостью и своеобразной отстраненностью от трагических событий; они весьма не похожи на боль и гнев ранних мусульманских авторов. Но вот и сообщения уже тибетского буддистского историка XVIII века о монгольских завоеваниях Тибета — этой чрезвычайно труднодоступной истинной «крыши Мира» столь же лапидарны и, пожалуй, даже более сухи;

«...в год земли-свиньи IV рабч-жуна (1239 г.) Сакьяпа, Бригонба, Пагдуба и Цалпа каждый в отдельности «узрели лик» соответствующего монгольского хана, в следующем году (1240 г.), ставшем смутным, появился в Тибете монгольский Дорта, который разрушил монастыри Радэн и Чжаллхакхан, после чего в год дерева-дракона (1244 г.) Сакья-пандита отправился в Монголию и умер в год железа-свиньи (1251 г.). В следую-

цем году монгольский Годан-хан прибыл в Тибет во главе сформированного войска, в год железа-свиньи (1251 г.) победил самого Монкхар-Гонбо и убил много людей, после чего также умертвил Чжал-Чо-Жобара. В год дерева-зайца (1255 г.) Карма-бакини Манипа прибыл в Монголию и стал учителем Мункхэ-хана, а в год дерева-мышь (1264 г.) вернулся обратно. В год огня-зайца V рабджуна (1267 г.) монгольские войска убили Данма-Рибу, в год огня-коровы (1277 г.) — Зан-чэнпа, а в следующем после смерти Пагбаламы году железа-дракона (1281 г.) — правителя Сакьяпы Гунсана и победили Джарог-цзон. Затем на пятом году — в год дерева-курицы (1285 г.) — войска Бригонбы сожгли монастырь Джа-юл, убили Цзантона, после чего снова Бригонба привел войска верхних монголов против Сакьяпы, но войска Тимур-Бхокхайя, сына Сэчэн-хана (Хубилая) и цзанская армия сакьяского Анлэна победили их. Несмотря на это, снова стянули десяти тысячное войско Сакьяпы в Гампо в восточном Двагпо, в год железа-тигра (1290 г.) предали огню монастырь Бригон и т. д. Во время разрушения монастыря Бригон было убито 10 тысяч человек» [Пагсам-джонсан: 40—41].

Попробуем, однако, вникнуть в суть причин столь резких отличий в эмоциональном настрое китайских (да и тибетских) хроник от текстов и историографических сочинений западной половины Евразии.

Тысячелетние войны Поднебесной

Две важнейшие причины, на взгляд автора, лежат в основе такого рода различий. Если для Запада появление всеокрушающих монгольских ратей явилось едва ли не той абсолютно неожиданной катастрофой, которую по

Рис. 6.1. Древние китайские философы. Слева: Конфуций со своим юным учеником на прогулке. Справа: Лао-цзы на буйволе отправляется к западным границам Поднебесной [Chronik: 107]

велению Господню обрушили на исламские или христианские страны орды из таинственного и жуткого зазеркалья обитателей Тартар, то для Китая битвы с кочевым миром являлись событием вовсе не из ряда вон выходящим, но делом едва ли не обыкновенным. Ко времени появления чингизовых ратей на границах китайских царств эта, по сути, бесконечная битва насчитывала уже **не менее трех тысячелетий**. И об этом мы поведем речь уже во второй части книги, когда на первый план выступят не исторические документы, но памятники археологические. Так что никаких особых новшеств для Китая в этих злоключениях не наблюдалось: в долгой истории его царств и княжеств нечто похожее уже бывало и не единожды. В том состоит суть первой причины.

Вторая причина заключалась, на мой взгляд, уже в канонах того мировоззрения, что господствовало в государствах, входивших в непостоянный и мятущийся блок сообществ Поднебесной империи. Чаше всего полагают, что три важнейшие системы взглядов определяли базовые основы духовной жизни китайцев того времени: конфуцианство, даосизм и буддизм. Из них лишь буддизм, на мой взгляд, мог претендовать на то, чтобы считаться причисленным к разряду религиозных систем. И конфуцианство, и соперничающий с ним даосизм относились, скорее всего, к системам нравственно-философского, — но вряд ли — религиозного характера. Наиболее «зазем-

Рис. 6.2. Буддийская архитектура. Вверху центральная пагода знаменитого ансамбля «Три пагоды» в городе Дали, Внизу: деталь храма-дворца в городе Личан. Провинция Юнань, Китай

ленным» в этой триаде предстает, без сомнения, учение конфуцианства. По существу, эта система мировоззрения признает в числе наиболее значимых ценностей лишь культ «совершенномудрых» предков, а не культ земных правителей, следующих наставлениям «совершенномудрых». Сам Конфуций полагал, что его основной функцией являлось лишь передавать вышнюю мудрость Неба, но не выдумывать собственную, и, кроме того, верить древности и любить ее [Духовная культура: 280].

Вслушайтесь, к примеру, в звучание строф своеобразной философской поэмы «Вопросы к Небу» из антологии древнейшей китайской поэзии «Ши цзин»: порой кажется даже, что уже одного этого будет достаточно для понимания отличий китайского мировоззрения от религиозных канонов далекого Запада. Такой вывод кажется тем более весомым, поскольку традиция связывает инициативу создания данной антологии с именем самого Конфуция.

*Каким был довременный мир, —
С чьих слов до нас дошло преданье?
Не выделялись «верх» и «низ», —
Как нам досталось это знание?
Великий Хаос был безмолвно пуст,
— Кто смог установить его пределы?
Ничто не обретало свойств и форм,
— Как разобратся в этом мы сумели?
Вдруг появился свет, отдельно — тьма,
— Как то случилось и в какое время?...*

[Кравцова: 76—77]

Да и буддизм столь разительно отличается от западных религий, что многие вполне справедливо не решаются размещать его фундаментальные положения в одном и том же ряду с теми, что являются базовыми для религиозных учений ислама, христианства или же исходного для них иудаизма.

«Если буддизм рассматривать только как религию, то она покажется странной. Эта религия никогда не знала ни единой церковной организации (даже в рамках одного государства), ни других централизирующих социальных институтов и тем не менее сохранила до сего дня большую часть своих внешних форм, но главное — содержание, центром которого спустя и 25 веков остается человек, а отнюдь не Бог и не идея. Каждый из нас является творцом не только собственной судьбы, но и всей Вселенной, поскольку лишь совокупность наших дел, слов и мыслей вершит круговорот жизни индивида и мировой процесс. Для этого не надо приносить жертвы, а стоит лишь научиться жить, сообразуясь со здравым смыслом, т.е. находить во всем «золотую середину». Будда назвал свое откры-

тие Срединным Путем, пролегающим между крайностями человеческого существования (например, между жаждой наслаждений и полным отказом от них)» [Андросов: 7].

В буддизме совершенно отсутствуют даже сами понятия о Божестве-Демурге, о Творце всего сущего, о том всеведущем Всевышнем, который ежеминутно с величайшей и непостижимой для смертных мудростью управляет всем необъятным миром.

В переведенной с санскрита на тибетский язык «Маньджушри-мултантре» дается изначальная картина мира, как ее понимали буддисты тибетского (ламаистского) толка:

«Во время эпохи «крита-юга» человек собственной силой полон был, на всем небе жил, от старости и смерти полностью был свободен.

В то время созвездий не было. Солнца не было, не было и звезд. Богов не было, и мира асурьев не было.

Первая эпоха — это вершина времени. Племя же без людей существования не имело. Продолжительности жизни не имелось. И рождения не было. Религиозного долга не было, сокровенных заклинаний не было. От добродетелей и грехов были свободны. Собственная радость полностью осуществлялась. Их (людей) поведения и деяний тоже не было. Они были чисты и своего Я не имели» [Пагсам-джонсан: 205—206].

В религии буддизма высшее постижение духа — это стремление достичь истинного совершенства, что подвластно лишь буддам. В основе этой религиозно-философской системы лежит учение о «Четырех благородных истинах», о человеческих страданиях, о тех путях к совершенству, о ступенях к высотам добродетели, что в конечном итоге могут привести человека к блаженству и к желанной Нирване. Боги не в состоянии соперничать с Буддой, они страшатся его совершенства, и в своем совершенстве Будда достигает статуса Великого Правителя жизни. Вот, например, постигший в своих исканиях и трудах истинные вершины Будда объявляет ученикам о своем переходе из земного мира в нирвану: *«В тот момент боги были не способны выдержать блеск Будды, отшельника, наделенного особыми знаками сверхсущества, и бежали» [Будон Ринчендуб: 164].*

В целом, по многим базовым деталям своих канонов буддизм оказывается, кроме того, весьма близок учению Дао.

Последнее, но чрезвычайно важное отличие восточных мировоззренческих систем от религий западных заключено в том, что в их канонах полностью отсутствует понятие «первородного греха», — ведь именно это является одной из фундаментальных основ религий, распространенных на противоположной половине Евразийского континента. Согласно канонам Запада, даже только что появившееся на свет человеческое существо уже несет в себе зачатки греха и вины перед Создателем, и потому человек обя-

зан ни на минуту не забывать о божественной милости Создателя, ежечасно вознося ему благодарения и хвалу. Именно поэтому все западные религии, включая и их корневую систему взглядов — иудаизм, расценивают собственные бедствия как результат коллективной греховности народов перед ликом Вседержителя.

По всей видимости, именно такого рода причинами легче всего объяснить весьма контрастные отличия в документах Запада и Востока, когда мы обнаруживаем в них оценку кочевых завоеваний.

Пример первый: невольники злые или невольники почтительные

В хрониках Срединного царства в числе весьма подробно охарактеризованных номадов, с которыми в течение более десяти столетий сражались коренные китайцы, были знаменитые гунны. Их роль в противостоянии Китая с северными степями и пустынями была исключительно велика и значима. Первоначально в китайских документах они чаще всего именовались как *хун-ну* (либо жуны), что в переводе с китайского буквально значило «злой невольник». Однако после ряда тяжких поражений номадов китайские сановники предложили их шаньюю (*шаньюй* — это великий хан) переменить наименование народа на *гун-ну*, что значило уже «невольник почтительный». Так хун-ну превратились в конечном итоге в гуннов, чья злая слава докатилась в конечном итоге, благодаря ратям знаменитого Аттилы, до самых западных окраин Евразийского континента.

Гунны «обитая за северными пределами Китая, переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия; но у каждого есть отделенный участок земли. Письма нет, а законы словесно объявляются. Мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверков; а несколько подростков стреляет лисиц и зайцев, и употребляют их в пищу. Могущие владеть луком все поступают в латную конницу. Во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевою охотою, и тем пропитываются; а в крайности каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги. Таковы суть врожденные их свойства. Длинное их оружие есть лук с стрелами, короткое оружие сабля и копье. При удаче идут вперед; при неудаче отступают, и бегство не поставляют в стыд себе. Где видят корысть, там ни благоприличия, ни справедливости не знают. Начиная с владельцев, все питаются мясом домашнего скота, одева-

ются кожами его, прикрываются шерстяным и меховым одеянием. Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками после них. Молодых и крепких уважают; устаревших и слабых мало почитают. По смерти отца женятся на мачехе; по смерти братьев женятся на невестках. Обыкновенно называют друг друга именами; прозваний и проименований не имеют» [Бичурин 1950: 39—40].

Из встречающихся в китайских документах описаний мы замечаем, что это люди как люди, отнюдь не чудовищны и не звероподобны. Перед нами вполне реалистичное описание обычных «двуногих».

А вот образец того телеграфного стиля, которым излагали китайские хроники историю бесчисленных сражений с ранними гуннами или жунами, имевших место еще в VII столетии до новой эры:

«В 662 году Жуны произвели набег на удел Хин. В 660 г. Жуны простерли набег до Желтой реки, разорили удел Вэй; и самого князя этого удела убили. В 650 году они завоевали удел Вынь, которому Великий князь, глава Поднебесных государств, не подал помощи в свое время. В 644 году произвели набег на удел Цзинь, коего князь был главою Имперского союза. В 642 году, когда князь удела Ци был разбит соединенными войсками Имперского союза, Жуны приняли сторону князя, и в пользу его произвели нападение на удел Вэй. Еще по прошествии двадцати лет Жун-ди пришли к городу Ло-и

Рис. 6.3. Типичный пейзаж горной степи в Монголии. На заднем плане stanno-вище юрт. На переднем плане — каменный курган (*керексур*). Судя по всему, очень похожим был здешний пейзаж и во времена господства гуннов

и напали на Великого князя Сян Вана. Великий князь бежал в Фань-и, городок удела Чжен. За год пред сим Великий князь Сян Ван, замыслил войну с уделом Чжен, почему женился на княжне из поколения Жун-ди, и соединившись с сим поколением воевал Чжен: но вскоре после сего выслал от себя Великую княгиню. Княгиня огорчилась. Мачеха Великого князя Сян-Вана, именуемая Хой-хэу, хотела возвести сына своего князя Дай. Поэтому Хой-хэу, Великая княгиня из Дома Жун-ди и князь Дай приняли сторону Жун-ди в столице, и отворили ворота им. Сим образом Жун-ди вошли в столицу, изгнали Великого князя Сян Вана, и князя Дай [в 636 году] поставили Сыном Неба» [Бичурин 1950: 42—43].

Вечные кровавые битвы продолжались и продолжались. Бесчисленны сообщения хроник о десятках тысяч всадников, что врывались в земли уделов Поднебесной, о разорениях и пленениях десятков тысяч подданных империи. Время от времени китайская элита предпринимает попытки проанализировать это многовековое противостояние, стремится понять динамику долгой истории войн с кочевниками. Диспут происходит на имперском совете в годы, близкие кануну нашей эры:

«Полководец Янь Ю подал представление следующего содержания: «Известно, что хунны искони наносят нам вред, но не видно, чтоб в древние времена ходили войною на них. В последующие времена три Дома: Чжоу, Цинь и Хань, воевали с ними, но ни один из помянутых Домов не имел лучшего плана. Дом Чжоу [1122—247 гг. до н. э.] имел средний, Дом Хань [с 206 г. до н. э.] последний, а Дом Цинь [246—207 гг. до н. э.] никакого плана не имел. В царствование Сюань-ван из Дома Чжоу хунну вторглись в Китай, и прошли до Гинь-ян. Полководцы, отправленные против них, преследовали их до границы и возвратились. В то время набеги кочевых считали за укушение или жаление комаров; довольствовались только их изгнанием. Империя считала такую меру благоразумною, и это был средний план. Ву-ди, государь из дома Хань, избрал полководцев и обучил войска, которые при легкости одеяния и съестных запасов, далеко заходили во внутренность неприятельских земель, и хотя одерживали победы и получали добычи, но хунны тем же оплачивали, и бедствия войны продолжались более 30 лет. Срединное государство изнурилось, истоцилось, но и хунны получили глубокие раны. Империя считала план государя Ву-ди последним. Цинь Шы-хуан-ди, не перенося и малейшего стыда, не дорожа силами народа, сбил Долгую стену на протяжении 10 000 ли. Доставка съестных припасов производилась даже морем. Но только что кончилось укрепление границы, как Срединное государство внутри совершенно истоцилось в силах, и Дом Цинь потерял престол. Вот что значит, что Дом Цинь не имел плана» [Бичурин 1950: 107—108].

Рис. 6.4. Молодых, крепких, особенно тех, которые с детства хорошо держатся в седле, степняки уважают. Однако в степи почти невероятно встретить неуклюжих всадников

Представленное полководцем Янь Ю изложение истории противостояния Китая нашествиям кочевников грешит явными искажениями. Мы только что приводили отрывок из хроник VII в. до н. э., где сведения о нападениях гуннов отнюдь не напоминали «жаление комаров». Кроме того, дом Цинь, конечно же, имел тот прославленный ныне в веках план, благодаря началу грандиозного сооружения Великой (Долгой) Китайской стены, — этого нехватного по протяженности и — в конечном итоге — многотысячекилометрового форпоста против истощавших Поднебесную кочевых нашествий. Причем Цинь-ши-хуанди не только повелел возводить «Долгую» стену, но распорядился применять те приемы боя, с помощью которых кочевники одолевали регулярные китайские соединения:

«Дом Цинь приобрел Лун-си, Бэй-ди и Шан-гюнь, и для ограждения себя от Ху построил Долгую стену. Ву-лин Великий князь из Дома Чжао, в 207 году ввел в своих владениях одеяние кочевых ху [кочевников], и начал обучать своих подданных конному стрельбию из лука» [Бичурин 1950: 45].

Нужно было понять, что же все таки делать для успеха борьбы с врагом:

«...противопоставив неприятелю лучшую конницу в поле, под тучею стрел решать победу — вот в чем в настоящее время состоит преимущество кочевых иноземцев, а слабость Среднего государства. С тугим самострелом сидя на городской стене, или в крепком окопе упорно держаться и выжидать, пока неприятель ослабеет — вот в чем состоит

преимущество Срединного государства, а слабость кочевых иноземцев [Бичурин 1950: 135].

Но вот Поднебесная слабеет, гунны одолевают, их конные рати топчут поля и грабят города уже в самой сердцевине империи. Китайский монарх идет на хитрость при вынужденном самоуничтожении. В 162 г. до н. э. гуннский шаньюй получает от императора Срединного государства письмо. Послание настолько любопытно, что привести его стоит полностью:

«Хуан-ди [император] почтительно вопрошает Хуннуского великого Шаньюя о здравии. Посланных [вами] двух лошадей, я с глубочайшим почтением принял. В силу постановлений покойных государей кочевые владения, лежащие от Долгой стены на север, должны принимать повеления от шаньюя; обитающими внутри Долгой стены илъяпопоясными я управляю, и пекусь, чтоб миллионы народа пропитывались земледелием, ткачеством и звериным промыслом; отцы не разлучались бы с сыновьями. Ныне слышу, что неблагонамеренные из народа, увлекаемые видами корысти, нарушают справедливость, разрывают договор, играют судьбою миллионов народа, поселяют вражду между двумя государями. Впрочем все это относится к прошедшим делам. В письме [вашем] сказано: по заключении мира и родства между двумя государствами, государи предадутся радости; прекратят войну, дадут льготу ратникам, отдых коням; из рода в род будут веселиться, как будто начали новую жизнь. Я очень одобряю это. Благоразумные мужи ежедневно обновлялись, и пеклись о доставлении новой жизни, чтоб старики были покойны, малолетние росли, каждый, охраняя жизнь свою, достигал бы конца лет, Небом ему определенных. Сим путем я и Шаньюй шествовать должны. Если соответствуя воле Неба пецишься о подданных, и это из рода в род будет продолжаться в бесконечные веки, то все в поднебесной будут счастливы. Хань и Хунну суть два смежные и равные государства. Хунну лежит в северной стране, где убийственные морозы рано наступают; почему указано чиновникам посылать ежегодно известное количество проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и разных других вещей. Ныне глубокая тишина царствует в Поднебесной, миллионы народа наслаждаются миром. Я и шаньюй почитаемся отцами своих подданных. Представляя в уме минувшие события, полагаю, что маловажные вещи и мелочные дела, ошибки в соображениях министров не достаточны возмутить братское согласие. Известно, что и небо не все покрывает, и земля не все содержит. Я и шаньюй также должны оставить прошедшие мелочи, и, шествуя по великому пути, забыть минувшие неудовольствия, чтоб упрочить будущее. Пусть народы двух государств составят одно семейство. Цари и народы, плавающие в воде и пернатые в воздухе, ходящие пресмыкающиеся все ищут спокойствия и пользы, уклоняются от опасностей и вреда: и посему не задерживать идущее есть закон

Неба. Предав забвению прошедшее, я простил своих подданных, бежавших к вам... Известно, что древние государи, постановив статьи договора, не нарушали данного слова. Шаньюй должен обратить внимание на Поднебесную. По восстановлении всеобщей тишины, мира и родства Дом Хань не упредит нарушением... Как скоро Шаньюй условился о мире и родстве, то я указал [министру] написать: Хуннуский Великий Шаньюй в доставленном мне письме уже утвердил мир и родство. Беглецы не могут умножить населенности земли. Пусть хунны не входят в границы, а китайцы не выходят за границу. Нарушителей сего постановления предавать смертной казни. Сим средством можно упрочить сближение. О чем для всеобщего сведения обнародовать по Империи» [Бичурин 1950: 60].

Китайцы лишь с невообразимым трудом могли превозмогать такие унижения. Почему-то в самом начале этого длинного письма мое внимание привлекла фраза, что император с «величайшим почтением принял от шаньюя подарок из двух лошадей». Представляете, — две лошади императору Поднебесной! Такой подарок каган мог сделать, скажем, отличившемуся в бою рядовому воину, и вряд ли даже своему сотнику...

Но шло время, Срединное царство набирало силу, гунны слабели, судьба все чаще отворачивала свой лик от номадов. Союз их племен раздирали сражения за престол; в размышлениях о будущем кипели споры. Все чаще и чаще звучали голоса о необходимости предаться милости Поднебесной, чтобы спасти себя. Однако гунны-оптимисты верили в свою звезду:

«Это невозможно, говорили старейшины. Сражаться на коне есть наше господство: и потому мы страшны пред всеми народами. Мы еще не оскудели в отважных воинах. Теперь два родные брата спорят о престоле, и если не старший, то младший получит его. В сих обстоятельствах и умереть составляет славу. Наши потомки всегда будут царствовать над народами» [Бичурин 1950: 88].

Им возражали трезвые голоса:

«Ныне Дом Хань в цветущем состоянии. Усунь и оседлые владения в подданстве его. Дом Хуннов со времен Цзюйдихэу Шаньюя день ото дня уменьшается и не может возратить прежнего величия. Сколько он ни силится, но ни одного спокойного дня не видит. Ныне его спокойствие и существование зависят единственно от подданства Китаю; без сего подданства он погибнет» [Бичурин 1950: 88].

Реалисты оказались правы. Воинственные кочевники в I веке новой эры впали в ничтожество и проиграли почти все;

«Китай в порывах мицения более ста лет вел с хуннами почти непрерывную войну, в продолжение которой постепенно потеряли они южную Монголию и Халху. В 92 году по Р. Х. хунны совершенно поражены были китайцами в Тарбагатае [а это уже хорошо известные нам Джунгарские

ворота], и сяньюбийцы в том же году овладели землями и народом их в северной Монголии. После такого поражения осталось одно поколение из дома Хуннов под родовым прозванием Ангина; оно удалилось к подошве Алтая...» [Бичурин 1950: 226].

Отныне они столь же униженно стали просить китайцев оказать им помощь, взять под свое крыло в качестве бедных и послушных родственников.

Пример второй: тукю или тюрки

Срединному царству удалось совладать с гуннами, однако никакого успокоения его обитатели, конечно же не дождались. Налеты nomadов продолжались, и все это представлялось какой-то бесконечной каруселью, невообразимым калейдоскопом столкновений. Иногда было даже трудно угадать; кто кого победил, кто же кого ассимилировал? С III по VI столетия фактически весь евразийский мир был втянут в катастрофический водоворот Великого переселения народов. Именно этот тягостный период стал знаковым для Китая, который оказался раздробленным на аморфные осколки уже 16 варварских государств. Лишь в конце VI века Поднебесная начала вновь обретать желанные признаки единого государства. Однако на севере консолидировались тюркские племенные союзы, и в 552 году их верховный вождь Бумын объявил себя каганом всех тюрков, и тогда же оформился гигантский Тюркский каганат. Успехи тюркских народов были стремительны. К финалу VI столетия под их властью оказались громадные пространства, охватившие фактически весь Степной пояс Евразии — от Северного Причерноморья вплоть до Маньчжурии.

Столетия проходили, но мало что менялось в китайских оценках степных скотоводов. Теперь вместо гуннов на первый план вышли тюрки или в китайском произношении — тукю.

«Обычаи тукюесцев: распускают волосы, левую полу наверху носят; живут в палатках и войлочных юртах, переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде; занимаются скотоводством и звериною ловлею; питаются мясом, пьют кумыс; носят меховое и шерстяное одеяние. Мало честности и стыда; не знают ни приличия, ни справедливости, подобно древним хунну. При возведении государя на престол, ближайшиe важные сановники сажают его на войлок, и по солнцу кругом обносят девять раз [вспомните девятибунчужное знамя Чингис-хана]. При каждом разе его приближенные делают поклонение пред ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковую тканью, потом, ослабив ткань, немедленно, спрашивают: сколько лет он может быть ханом? ... Из оружия имеют: роговые луки с свистящими

стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотой волчьей головой... Искусно стреляют из лука с лошади; по природе люты, безжалостливы. Письмен не имеют. Количество требуемых людей, лошадей, подачей и скота считают по зарубкам на дереве. Обыкновенно пред полнолунием производят набеги и грабительства. По их уголовным законам: бунт, измена, смертоубийство, прелюбодеяние с женою чьею-либо, похищение спутанной лошади — наказываются смертью...

Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закаляют лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезают себе лице и производят плач; кровь и слезы совокупно льются... Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сожигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимою хоронят, когда цветы начинают развертываться. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой, вывешивают их головы на вехах. Постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли [настбица].. Буквы письма их походят на буквы народа Ху [уйгуров]. Уравнения [определения] времен вовсе не знают, а замечают времена только по зелени травы. Пьют кобылий кумыс и упиваются до пьяна. Поклоняются духам, веруют в волхвов. За славу считают умереть на войне, за стыд — кончить жизнь от болезни. Обыкновения их вообще сходны с хуннскими» [Бичурин 1950: 229—231].

В зависимость от Тюркского каганата попали и северокитайские государства, именуемые по правящим династиям Чжоу и Ци.

«Со времен Кигиня Дом его [Тюркский каганат] сделался богатым и сильным. Он имел намерение разгромить Срединное государство; но Двор [императора] поспешил заключить с ним союз мира и родства, и ежегодно давал ему 100 000 кусков шелковых тканей. Тукюесцы, проживавшие в столице, содержимы были с отличными почестями. Они носили шелковое одеяние, ели мясо. Число их иногда простиралось до тысячи человек. Дом Ци страшился их набегов и грабительств, и также истоцал свои казнохранилища для платы им. Каган Тобо в счастья очень превозносился, и приближенным своим говорил: только бы на юге два мальчика (т. е. Дома: Северный Чжоу и Северный Ци) были покорны нам: тогда не нужно бояться бедности» [Бичурин 1950: 233].

Рис. 6.5. Каменные монументы в честь погибших или скончавшихся тюркских вождей племен либо кланов. Подобных скульптур очень много в горных степях Центральной Азии. Изображения ханов отличаются совершенно стандартной позой: правая рука хана обычно держит кубок; левая - опущена к пояснице

Недолговечная империя Суй также оказалась под вассалитетом каганов. И это даже когда в самом начале VII века в своей жестокой междоусобной вражде тюрки разделились на два крыла, известных нам по названиям Восточный и Западный каганаты. Однако очень скоро вслед за этим воцарилась одна из наиболее значительных и могучих в китайской истории династия Тан. Тогда же каганат утратил свои силы, ослаб, свирепые зимы и эпидемии первой трети седьмого столетия привели к тому, что даже *«...по южную сторону Долгой [Великой китайской] стены лежали груды человеческих костей. Император приказал принести жертву из вина и сушеного мяса, и похоронить их. Еще во время смятений при династии Суй множество китайцев ушло к [тюркам], почему по повелению императора выкуплено было на золото и шелковые ткани до 80 000 душ обоего пола»* [Бичурин 1950: 256].

Сам император с горечью признавался, что *«...при первоначальном утверждении престола высочайший родитель мой для спасения подданных унижился пред тукюесцами и назвался вассалом их. Я всегда со стесненным сердцем и страждущею головою помышлял смыть это поношение в Поднебесной. Ныне само Небо ведет моих полководцев. Куда ни устремляются, всюду побеждают. И так надеюсь кончить дело с полным успехом»* [Бичурин 1950: 255].

Победы, что естественно, порождали надежды. Хроника повествует также и о тех дискуссиях, которые велись в высшем Совете Поднебесной

относительно судьбы побежденных тюрок; часть из номадов бежала на запад от Джунгарских ворот. Но при всем том «... число поддавшихся Китаю еще простиралось до ста тысяч. Указано положить в совете мнение, как поступить с ними. Вообще полагали, чтоб тукюесцев, как они долго обеспокоивали Срединное государство, и покорились пораженные гневом Неба, а не по любви к справедливости, всех включить в число пленников, и поселить внутри Китая, в порожних местах, чтоб они занимались земледелием и ткачеством; сим образом превратив миллионы кочевых, мирных поселян, умножить чрез то народонаселение Срединного государства, а страны на север от песчаной степи оставить пустыми.

Сановник Вьнь-Янь-бо предложил поступить, как и Дом Хань в правление Гянь-ву [25—55 по Р. Х.], т. е. поместить покорившихся тукюесцев по укрепленной линии в Вуюань, оставить аймаки в целости, чтоб они прикрывали границу; не изменять их обычаев; и, областавши их, заселить ими пустопорожние земли; сверх сего показывать, что ни мало не подозревают их. Поселить же их внутри Китая, вопреки коренным их свойствам, не есть мера содержать и питать их.

Сановник Вэй Чжен говорил иное: «Тукюесцы суть вечные враги Срединного государства. Ныне они покорились нам. Если не желаете истребить их, то должно обратно отправить их на северную сторону Желтой реки. Они имеют зверскую, дикую душу, не одного происхождения с нами. При слабости преклоняются к земле, при силе производят бунты — таковы суть свойства их. Сверх сего Дома Цинь и Хань с отличными войсками и храбрыми полководцами взяли у них Хэнань, и разделили на области и уезды, чтобы не допустить их приближаться к Срединному государству. К чему государь желает поместить их в Хэнань? Сверх сего число покорившихся простирается до 100 000 душ. Если сие число со временем умножится вдвое и будут жить поблизости к столичному округу, то составят внутреннюю болезнь» [Бичурин 1950: 257].

Китай и кочевой мир: способы взаимодействия

Китайские хроники показывают, что в арсенале властителей Срединного государства, как правило, имели место четыре основные разновидности взаимодействия со степными соседями. Первый и казавшийся самым простым способ — это поголовное истребление врагов.

Однако такой вариант оказывался малоэффективным, поскольку на месте истребленных кланов довольно скоро появлялись новые популяции, ничем не уступавшие по степени своего «варварства» поверженным и рассеянным. Северная степь обладала способностью незамедлительно порождать новые племена, к тому же крайне трудно уязвимые со стороны китайцев:

ведь преследователям необходимо было одолевать голодные, безводные степи и песчаные пустыни, за которыми укрывались легко передвигавшиеся кочевники.

Способ второй: сравнить кочевые народы друг с другом; организовать самые разнообразные союзы и комплоты, чтобы ослабить врага:

«Недавно ухуаньцы несколько раз напали на границу Китая, и теперь для нас выгодно, что хунны нападут на них... В то время, когда иноземцы дерутся между собою, если выставить войско против них, значит наклепать неприятелей и заводить дело, это худой расчет» [Бичурин 1950: 79—80].

Метод стравливания столь же древний, сколь и действенный. Китайцы пользовались им постоянно. Впрочем, точно таким же образом поступали и союзы кочевых племен в борьбе не только с соседями-номадами, но и с Поднебесной.

Третий способ: отгородиться от степняков надежными барьерами. Подобный подход прозвучал, например, в процитированных ранее словах сановника Вэй Чжэня. Кроме могучих военных форпостов, один из самых ярких властителей и объединителей древнего Китая император Цинь Шихуанди (о нем мы упоминали ранее) повелел в конце III в. до н. э. воздвигнуть ту всемирно знаменитую стену, что должна была ограждать покой Поднебесной от степных налетчиков. Так было положено начало строительства одного из самых ярких чудес света — Великой Китайской стены (хотя и до этого жестокого и проклинаемого многими поколениями китайцев императора воздвигались локальные стены вокруг отдельных городов).

Сооружение бесконечной цепи крепостных бастионов длилось (конечно же, с перерывами) около двух тысяч лет. Общая протяженность лишь только сохранившихся до настоящего времени следов этой невиданной стройки тысячелетий по данным ЮНЕСКО достигает 6350 километров! Но не помогала и эта невиданная на нашей планете стена. Как мы уже знаем, если Китай ослабевал, то никакие форпосты не могли остановить отряды кочевников.

Наконец, четвертый способ — тот, что рекомендовал в дискуссии Высшего совета при императоре — победителе тюрков сановник Вынь-Янь-бо, ссылаясь на более ранний опыт династии Хань: лучше делать вид, что ничего особенного не произошло, сохранить степнякам их обычаи и области пребывания, а самих обласкать.

История свидетельствует, что этот метод использовался исключительно широко. К примеру, у тюрков особым вниманием китайцев пользовались фигуры ряда видных лидеров, возглавлявших союзы степных племен. Чаще всего в китайских документах встречаются имена вождей Восточного Тюркского каганат — Бильге-кагана, Кюль-тегина Тоньюкука. В центральных

Рис. 6.6. Вид на весьма ограниченный участок Великой Китайской стены в горной части Поднебесной империи [Google]

областях их господства (территория нынешней Монголии) китайские власти распорядились воздвигнуть в честь этих исконных врагов Китайского Среднего царства даже специальные пышные мемориалы (мы вернемся к ним ниже).

В тяжкие времена битв с гуннами император опять же опрашивал мнения своих приближенных о приемах усмирения свирепых народов. И тогда «... саповник Лю Гин подал следующий голос: спокойствие в Империи только что восстановлено; войска изнурены войною, и оружием подчинить хуннов невозможно. Шаньюй Модэ убил отца, женился на мачехе, и силою наводит страх; убедить его милостью и справедливостью невозможно; а можно упрочить это дело хитростью, и даже потомков его сделать вассалами. Если выдать за него старшую царевну, то он непременно полюбит ее и возведет в Яньчжы [первую и любимую жену]; сын от нее непременно будет наследником престола. По временам года будем посылать наведываться и внушать им правила благоприличия. Модэ при жизни своей будет

сыном и зятем, а по смерти его Шаньюем будет внук по дочери. Сим образом без войны можно покорить их. Хорошо, сказал император и хотел отправить старшую царевну; но императрица Люй-хэу воспротивилась. И тогда дочь придворного вельможи под видом императорской дочери выдали за Шаньюя с титулом царевны. Лю Гин был послан для заключения договора о мире и родстве» [Бичурин 1950: 52].

Трудно сказать, насколько удалась хитрость императорского двора, но применялись и иные способы привлечения номадов. Даже в случае победы над ними могли пригласить степного хана в имперскую столицу и осыпать его подарками. Гунны ослабли, их владыка шаньюй потерпел тяжкое поражение, власть Китая над ними вполне очевидна, и все таки «...китайский Двор отправил военачальника Хань Чан, чтоб он, в проезд чрез семь областей, в каждом областном городе встречал Шаньюя, выстроив для почести по сторонам дороги 2000 конницы. Шаньюй в первый день первой луны представлен был Сыну Неба в загородном дворце Гань-цюань и принят отличным образом. Он занял место выше всех князей. Возглашали его вассалом, но не именем. После сего государь пожаловал ему шляпу, пояс, верхнее и нижнее одеяние, золотую печать с желтыми шнурами, меч, осыпанный дорогими камнями, поясной нож, лук и четыре колчана стрел, десять чеканов с чехлами, колесницу, узду, пятнадцать лошадей, двадцать гинов золота, 200 000 медной монеты, семьдесят семь перемен одежды, 8000 кусков разных шелковых тканей, 6000 гинов бумажной ваты» [Бичурин 1950: 89].

Но наряду с этим, императору нужно было, конечно же, продемонстрировать — кто есть кто: «...и по окончании церемонии государь приказал прежде проводить Шаньюя в Чан-пъхин ночевать; а сам отправился ночевать в Чи-ян-гун и приказал не представлять ему Шаньюя при вступлении в Чан-пъхин. Приближенные Шаньюя получили дозволение видеть церемонию; иностранные владельцы и князья в числе нескольких десятков тысяч человек встретили государя у моста Вэйцяо, выстроившись по обеим сторонам дороги. Когда государь вступил на помянутый мост, то все возгласили: Вань-суй [10000 лет жизни!]. Шаньюй более месяца прожил в подворьи, и потом был отпущен в свои владения. Он сам просил, чтоб ему дозволили остаться близ пограничной укрепленной линии Гуан-лу-сай и в опасное время охранять китайский Шеу-сян-чен» [Бичурин 1950: 89].

* * *

Таковыми предстают перед нами гибкие извивы стратегии и тактики, что лежали в основе сложных, почти всегда противоречивых, тысячелетних взаимосвязей и взаимодействий китайских цивилизаций с кочевым миром

Степного пояса Евразии. Для Китая эта борьба, особенно с северными и западными ордами, являлась, пожалуй, самой существенной компонентой в его сложной и порой кажущейся противоречивой внешней политике. Этим едва ли не вечным для Срединной империи проблемам были посвящены не только устные дискуссии в среде высших чиновников, но и самые разнообразные их послания китайским императорам. В сохранившихся документах такого рода, например времени империи Хань — а им уже более двух тысячелетий, удивляет как четкость предлагаемых стратегических планов, так и изощренность тактических приемов взаимодействия с кочевыми соседями. Документы эти столь интересны, что автор решил поместить выдержки из некоторых в особое Приложение 3. Почти уверен, что они окажутся интересными для многих читателей, особенно для археологов — ведь эти тексты относятся к той поре, что совсем неплохо изучена с позиции археологической науки.

ГЛАВА 7

«Реконкиста» оседлых цивилизаций

Ошеломляющие молниеносными победами и изумляющие своим фантастическим охватом монгольские завоевания терзали Евразию в течение примерно семи десятков лет — не бог весть какой протяженный срок! В данном случае мы ведем отсчет времени от того знаменательного «года Барса», или же 1206, когда вожди кочевых народов, подняв у истоков Онона «девятибунчужное знамя», нарекли Темуджина Чингисханом, официально признав его в тот день истинным избранником Неба-Тенгри. Результат семидесятилетней эпопеи известен: неисчислимый конгломерат самых разнообразных народов, населявших до 30 миллионов квадратных километров евразийской суши (рис. 3.1), оказался покоренным всего лишь тремя поколениями воинственных кочевников.

Причем наше удивление многократно возрастет, когда мы вспомним еще раз, что тотальная численность этих кочевников, видимо, во многие сотни, а скорее всего, даже в тысячи раз уступала массе покоренных ими племен и народов. Более того, вполне вероятно, что завоеватели могли бы даже «прирастить» к своей быстротечной империи еще добрый десяток миллионов квадратных километров: ведь к северу от протянувшейся на многие тысячи километров и ничем не маркированной тогда имперской границы простиралась суровая, слабо заселенная охотниками и рыбаками лесная и тундровая пространства. Тратить силы на их покорение для монголов, по всей вероятности, не имело большого смысла. Тамашние лесные малочисленные и рассеянные по таежным областям народы оказывать воинственным степнякам какое-либо активное и консолидированное сопротивление были просто не в состоянии. И все, что было ценного, а это, в первую очередь, пушнина, монголы и так могли получать от них без каких-либо заметных усилий; лесные охотники предпочитали, видимо,

отдавать им ясак вполне добровольно, чтобы сохранить свою жизнь и покой.

Складывалось довольно определенное впечатление, что ко времени формирования Мировой монгольской империи племена гигантской лесной евразийской зоны являли собой чрезвычайно спокойный и надежный тыл воинственных союзов кочевых народов Степного пояса. Судя по всему, дело примерно так и обстояло, однако, лишь до известной поры. Именно с севера — со столь неожиданного направления — по степнякам и будет нанесен самый губительный для них удар. Но это будет существенно позднее, и об этом речь в книге мы поведем также позднее.

Поражения без битв

Однако хорошо известно, что в конечном итоге монголы проиграли; причем проиграли чуть ли не на всех «фронтах». Определенное исключение в этом «фронтальном ряду» составляла, пожалуй, Золотая Орда, обязанная своим началом внуку Чингис-хана — Батью, а также его уже «тюркизированным» потомкам. Ее владычество над восточноевропейскими народами, — правда, шаг за шагом слабевшее, — длилось едва ли не три сотни лет. Здесь нужно вспомнить весьма знаменитый когда-то слоган «*триста лет татаро-монгольского ига*», столь непререкаемо и внешне складно длительное время объяснявший причины российской отсталости.

По своей сути и по содержанию процесс распада монгольского «ига» некоторыми признаками походил на своеобразный второй «акт» кровавой общеевразийской драмы. Причем временная протяженность этого акта оказалась вновь не слишком затяжной. Все свершилось примерно так же при жизни трех поколений, как и в случае предшествующего скоротечного покорения евразийских народов.

Однако поражения недавних победителей в большинстве случаев очень мало походили по своим проявлениям и по накалу битв на их прежнее торжество: владычество степных воинов-скотоводов сникало и утрачивало свое величие не столь трагично и конвульсивно, процесс умирания никак не походил на их ошеломляющие победы. В этой своеобразной по форме «реконкисте» почти невозможно припомнить, к примеру, гигантских кровавых битв, которыми историографы так любят пополнять свой кадастр событий того высокого ранга, что обычно превозносят в качестве событий «всемирно-исторического звучания». Монгольское владычество шаг за шагом, но вместе с тем и очень быстро — здесь для сравнения напомним хотя бы о восьмисотлетней испанской реконкисте — растворялось в подчинившихся и порушенных ими культурах. Однако темп распада и его сроки оказались для разных частей всемирной империи различными.

Синдромы Антея и Одиссея

Сын Посейдона и Геи — Антей, несокрушимый великан из мифологии древних греков. История его хорошо известна и весьма символична. Опирающийся на Мать-Землю или даже лишь касающийся ее, он оставался совершенно неодолимым. От Земли его смог оторвать лишь только Геракл. В тот же момент Антея покинули силы, и он погиб в объятиях противника.

История непобедимых монгольских конных ратей чрезвычайно — хотя бы по одному, но очень существенному разделу — соответствует смыслу этого древнегреческого мифа: мы можем именовать это синдромом Антея. Правда, их никто не отрывал от их земли, от их степного домена: они оторвались от него сами и очень быстро ослабли, утратили свою могучую силу. Золотая Орда, кстати, оставалась в зоне своего домена, и это, без сомнения, позволило ей сохранять свою значимость и величие намного дольше, нежели другим улусам бывшей мировой империи.

Противник монгольских ханов по своему характеру и мощи не был похож на Геракла. Похоже, что им оказался, скорее всего, Одиссей, покорявший неприятелей своим изощренным хитроумием и изворотливостью.

Наиболее явственно, пожалуй, это можно проследить на примере китайских цивилизаций: ведь ранее всего этот печальный для степных завоевателей колокольный набат разнесся по Китаю. Провозглашенная внуком Чингис-хана Хубилаем монголо-китайская династия Юань просуществовала лишь немногим более семидесяти лет, и в 1382 году ее уже смели коренные обитатели Великой Китайской равнины. Синдром Одиссея являлся чрезвычайно яркой чертой культуры китайских цивилизаций, и это можно было легко заметить на основании приведенных в предыдущей главе отрывков из различных исторических документов — последние отражали более ранние периоды евразийской истории, еще до чингизовых завоеваний.

Дворцы, мемориалы, роскошь

Мы уже говорили выше, что одним из самых эффективных способов лишения кочевых вождей их исконной силы было погружение тех в атмосферу поразительно густой и все обволакивающей — подобной, к примеру, иранской — лести, совершенно неведомых для них удобств, соблазнов, изысков. Грубая материя души и плоти кочевников размягчалась, становилась мягкой и податливой.

Догадывались ли обо всех этих хитростях степные ханы? Некоторые — безусловно, но при этом оказалось, что их проницательность немного стояла. К примеру, перед нами отрывок из касающегося Уйгурского каганата текста, цитируемый по китайской общей истории «Ганму» за 780 год:

«Прежде у уйгуров нравы и обычаи были просты; по сей причине все были единоплеменны, и в могуществе не имели соперников. Но с того времени как племена уйгуров начали получать большие дары, то Данли-хан повел себя высокомерно. Он построил для себя дворец; жены завели себе белила, притирания и разные иптые уборы. Срединное государство (Китай) совершенно истощило себя, ублажая страсть кочевых к роскоши; но и нравы кочевников не менее повредились. По кончине государя Дай-цзуна начальники девяти родов из Дома Уйгуров начали внушать хану, что Срединное государство уже довольно разбогатело; и если ныне, пользуясь трауром, произвести нападение, то можно захватить большую добычу» [Бичурин 1950: 323—324].

Китайские императоры, не сомневаясь в такого рода направлении мыслей своих врагов, повелевали после их кончины сооружать им на родине тюркских каганов невиданные в глухой степи изысканные мраморные мемориалы (рис. 7.1) с перечислением их реальных или же мнимых заслуг и подвигов. Для этого «...отправлены были военачальник Чжан Кюй-и и сановник Люй Сян с манифестом за государственною печатью утешить и принести жертву. Император приказал изсечь надпись на каменном памятнике, построить храм и поставить статую его; на всех четырех стенах написать виды сражений. Указано отправить шесть превосходных художников расписать все отличною работою, чего в тукюеском государстве еще не бывало».

Примечательно, что зачастую даже этим актом можно было возбудить междоусобную злобу в стане кочевых властителей. Так, когда в

Рис. 7.1. Руины расположенных неподалеку друг от друга мемориалов вождям Восточного Тюркского каганата, воздвигнутых в верховьях реки Орхон по просьбе тюркского кагана и по повелению китайского императора. Справа: мемориал Бильге-кагана (ум. в 734 г). Слева: мемориал и стела его младшего брата Кюль-тегина (ум. в 731 г.); на стеле хорошо сохранившаяся «билингва» — китайские иероглифы и древнетюркские руны. В недавнем прошлом ограда вокруг мемориалов нередко служила загоном для лошадей

732 году приступили к сооружению мемориала Кюль-тегина (рис. 7,1 слева), то *«каан Могилянъ с сокрушением смотрел на этот памятник»*.

А ведь Кюль-тегин был братом великого хана Тюркского каганата! Впрочем, когда через три года умер и сам великий хан Могилянъ, того переименовали в *«...Бигя-хана [Бильге-кагана]. Император изъявил сожаление и указал послать председателя княжеского правления князя Цуань для утешения и жертвоприношения: по сей причине построили в честь покойного храм»* [Бичурин 1950: 276—277].

На памятниках этих знаменитых вождей Восточного тюркского каганата были выбиты весьма странные для китайских властителей строки:

«У народа табгач [китайцев], дающего нам теперь без ограничения столько золота, серебра ширта и шелка, речь всегда была сладкая, а драгоценности изнеживающие; прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они весьма сильно привлекали к себе далеко жившие народы. Те же, поселяясь вплотную, затем усваивали себе дурное мудрование... И вы, люди, не обладавшие истинной мудростью, ... подойдя вплотную, погибли в большом числе ... Дав себя прельстить, ...ты, о тюркский народ, погиб...» [Малов: 34].

Еще раз обратим внимание, что памятники эти сооружались с милостивого одобрения китайского монарха.

«Родство» кочевых ханов и китайских императоров

Довольно часто ханы-победители требовали от владык Поднебесной себе в жены или наложницы дочерей царской фамилии. Таким образом, благодаря этому акту, как бы устанавливалась явная фикция родственных отношений между народами китайских царств и союзов кочевых племен. Порой в хроники попадали сообщения о весьма курьезных ситуациях, связанных с такого рода странными процессами «породнения» кажущихся несовместимыми противников.

В 174 году до н. э., откупаясь от неистово заседавших гуннов, китайский император отправил их великому вождю — шаньюю *«...княжну из своего рода с титулом царицы, а для препровождения ее назначен евнух Чжунхин Юе. Тому не хотелось отправляться, но император силою послал его. Юе сказал: я поеду непременно на беду Дому Хань. Юе по прибытии тотчас передался на сторону шаньюя, и тот весьма полюбил его. Прежде хунны любили китайские шелковые ткани, хлопчатку, разные носильные вещи. Юе говорил шаньюю: численность хуннов не может сравниться с населенностью одной китайской области, но они потому сильны, что имеют одеяние и пищу отличные, и не зависят в этом от Китая. Ныне, шаньюй, ты изменяешь обычаи, и любишь китайские вещи. Если Китай употребит*

только одну десятую часть своих вещей, то все до единого хунна будут на стороне Дома Хань. Получив от Китая шелковые и бумажные ткани, дерите одежды из них, бегая по колючим растениям, и тем показывайте, что такое одеяние прочностью не дойдет до шерстяного и кожаного одеяния. Получив от Китая съестное, не употребляйте его, и тем показывайте, что вы сыр и молоко предпочитаете им» [Бичурин 1950: 57—58].

Юе — евнух и предатель — отлично сознает пагубу и коварство китайских даров; исполненный ненависти к своей отчизне он старается внушить степным властителям будоражившие его мысли.

Сюжеты «оформления родства» между степняками и китайским двором становились основой драм (и даже трагедий). Даже в XIII столетии один из известных драматургов Ма Чжи-юань отражает те страсти, что сохранились в памяти китайской элиты на протяжении тринадцати столетий.

Шаньюй или же каган гуннов, зловещий Хуханье, требует от китайского императора принцессу для заключения брачного контракта (вообще-то речь идет о любимой юной наложнице Ван Чжао-цзюнь из гарема престарелого императора Юань-ди). Император отказывается от грубого требования Хуханье; тот в ответ объявляет о своем намерении открыть войну за эту трудно переносимую им обиду. Китай к войне не готов, и император в безнадежной тоске, соглашается отдать шаньюю любимую. Шаньюй Хуханье доволен:

«Сегодня Ханьский двор не пренебрег нашим союзом и отдал мне в жены Ван Чжао-цзюнь. Имя ей будет Нинху Янь, и я поселю ее в своем главном дворце. Как хорошо, что между нашими странами не началась война. Эй, воины, приказываю всем отправляться в дорогу, держа путь на север...

...Ван Чжао-цзюнь: Что это за местность?

Шаньюй: Это река Хэйлуцзян, граница между землями сюнну и Хань. К югу — владения Ханьского дома, к северу — край сюнну.

Ван Чжао-цзюнь: Великий шаньюй, позвольте мне взглянуть на южные дали и выпить чашу вина. Я хочу перед дальней дорогой проститься с землями Хань. (Пьет вино.) Император Хань, сейчас моя жизнь на земле оборвется, я перейду в загробный мир. (Бросается в реку.)

Шаньюй — замирает в страхе и не успевает прийти на помощь. Вздыхает и говорит: Ай, как жаль! Как жаль! Чжао-цзюнь не захотела ехать к сюнну и утопилась в реке. Похороните ее на этом берегу, и пусть это место называется Зеленым курганом» [Кравцова: 597].

«Размягчение» грубых душ, услады и пороки

Другим путем приручения стало приобщение монгольских ханов к миру ранее чуждых для них постулатов и высот религиозно-философских

систем — ислама или же буддизма. Духовное перевоспитание и в Китае, и в Иране старались проводить чрезвычайно мягко, как бы ненавязчиво.

Один из самых значительных лидеров Восточного Тюркского каганата Тоньюкук предупреждал соплеменников об опасностях следования нравственным постулатам чуждых религиозно-философских систем Китая:

«Учение Будды и Лао-цзы делает людей человеколюбивыми и слабыми, а не воинственными и сильными».

Поэтому, степные воины, призывает он, бойтесь этого таинственного яда. Ведь ваша сила — это самое основное в нас:

«Когда [кочевники] сильны — идут вперед для приобретения, когда слабы — уклоняются и скрываются» [Бичурин 1950: 274].

Действительно, тибетские буддисты-ламаисты старательно «окутывали» своими наставлениями монгольских владителей, и это им удавалось.

«В конце эпохи Кубилай-каана [Хубилая] было двое тибетских лам, одного звал Танба, а другого — Ламба... Они жили в собственных кумирнях каана... Они были родственниками и пользовались у каана большим доверием и значением. Ламы и их род происходят от государя Тибета. И хотя есть много лам из китайцев, индусов и прочих, но тибетцам больше верят... Те два тибетских ламы приказывают и властвуют. Своих нукеров, которые знают искусство врачевания, они приставили к каану, чтобы те не давали каану много есть и пить. На случай, если им не удастся этому помешать, у них есть две дощечки, связанные вместе. Они ударяют одну о другую, так что получается звук удара дерева о дерево; каан начинает остерегаться и ограничивает себя в еде и питье. Их слова имеют большой вес» [Рашид-ад-дин II: 195—196].

Одним из самых постыдных и тяжких пороков, что сопровождал погрузившие кочевников в объятия цивилизации, стал алкоголизм. Может быть, самой первой из наиболее значимых персон, чья судьба драматично была предопределена пьянством, стал любимый сын Чингисхана и второй вслед за ним великий хан Монгольской империи Угедей. У того же Рашид ад-дина мы находим:

«Каан очень любил вино и постоянно находился в опьянении и допускал в этом отношении излишества. Пьянство с каждым днем его все больше ослабляло; сколько ни старались приближенные и доброжелатели удерживать его, это не удавалось. Наперекор им он пил еще больше. Чагатай (брат Угедея) назначил одного эмира в качестве блюстителя, чтобы он не позволял ему пить больше определенного количества. Так как он не мог нарушить приказ брата, то вместо маленьких чаш вытывал большие, дабы число их оставалось тем же. И тот эмир-блюститель тоже уже от себя добавлял ему вина и составлял общество, чтобы при удобном случае стать его [близким человеком]... Однажды ночью во время сна каан от

чрезмерного количества выпитого вина скончался. Стали злословить, что при содействии хатун (его жены) и эмиров ему подсыпали яду» [Рашид-ад-дин II: 42].

Как быстро, однако, начинался и протекал физический и нравственный распад великой династии Чингис-хана!

Примерно такую же картину можно было узреть, перенесясь на далекий восток, в столицу монгольских Юаней — Карабалык. Великий хан Хубилай, основатель этой династии «...процарствовал тридцать пять лет и, достигнув восьмидесятилетнего возраста, преставился [в 1294 г.], тленный мир оставил своему внуку, каану эпохи, знаменитому государю Тимур-каану».

Знаменит же Тимур-хан оказался тем, что «... был большим любителем вина. И сколько его каан [Хубилай] ни увещевал и ни взыскивал с него — пользы [от этого] не было. [Дошло] до того, что [каан] бил его три раза палками и приставил к нему нескольких охранников, чтобы они не давали ему пить вино. Некий ученый по прозвищу Риза, находился постоянно при нем и претендовал на знание алхимии, белой и черной магии. Фокусами и надувательством он прельстил его сердце и постоянно тайком пил вино с Тимур-кааном, из-за этого каан [Хубилай] был на него сердит. И сколько ни старались, не могли отлучить его от Тимур-каана, ибо он был приятным сотоварищем и остроумным собеседником. А так как охранники и соглядатаи мешали [им] пить вино, то Риза научил его ходить в баню и говорить баницику, чтобы тот вместо воды тайком вливал в канал вино, которое шло по трубе в бассейн бани, а они [его] пили. Об этом узнали караульчики и доложили каану. [Тот] приказал насильно разлучить его с Риза, [Ризу] под [каким-то] предлогом послали в город и по дороге тайно убили. В настоящее время, когда он [Тимур] стал кааном, он добровольно бросил [пить] и пьет редко и мало. Бог всевышний изгнал из его сердца любовь к вину... Несмотря на молодость, у него в двадцать пять лет постоянно болели ноги, и он ездил в паланкине на слоне, в настоящее время он из-за ложных слухов и осторожности выезжает реже» [Рашид-ад-дин II: 196].

Так весьма прискорбно и в каких-то порой даже карикатурных проявлениях завершалась героическая, но краткая эпоха потомков великого покорителя Евразии Чингис-хана.

Но этом фоне параллельно на завоеванных кочевниками пространствах очень быстро протекала также «лингвистическая де-монголизация». Монгольский язык утрачивал свою «силу» даже в верхних слоях общества того времени; да он, видимо, никогда и не имел такой силы. Народы, заселявшие области от Каспия до Алтая, как и издавна, говорили на различных диалектах тюркских языков. Последнее очень быстро отразилось и на Золотой

Орде, с которой связано чрезвычайно много значимых и трагичных страниц в долгой российской истории. На нагорьях и в оазисах Ирана по-прежнему нужно было изъясняться на фарси.

Процессы эти, впрочем, были чрезвычайно сходны с теми, что имели место и раньше, — к примеру, во время покорения южных, балканских славян ордой тюркоязычных болгар, ведомых с северо-востока знаменитым ханом Аспарухом. Славяне тогда были побеждены, но победители тюрки совершенно растворились в массе побежденных; они передали славянам лишь свое сохранившееся до наших дней имя — болгары.

Часть вторая

**СТЕПНОЙ ПОЯС:
КАРТИНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ**

ПРОЛОГ-2

Эпоха раннего металла — переломный период в истории евразийских культур

Во второй части нашей книги мы погрузимся в сферу тех древностей, изучение которых и их историческая трактовка приходится на долю не истории, но уже археологии. Мы говорили ранее, что подчиненный археологической науке мир сильно отличается от мира, подвластного науке исторической. Основой этого явились резкие различия в характере памятников.

Повторим здесь этот тезис единожды, но очень кратко: базой исторических изысканий всегда служат письменные документы; число их беспредельно, и все они насыщены персоналиями, находящимися в бесконечном и беспокойном движении, в столкновении друг с другом. В первой части книги автор предпочитал цитировать множество подобных и крайне разнообразных документов, а не пересказывать их содержание собственными словами. Ведь стиль повествований такого рода документов — либо многословно-велеречивый, или же телеграфно-лапидарный — передает суть эпохи несравненно лучше, нежели тот, что спустя столетия может донести до нас их пересказ нашим современником. В подлинных текстах мы почти всегда ощущаем неповторимый аромат давно исчезнувшего мира.

История и археология: сходство и различия в базовых источниках

Масса археологических источников столь же беспредельна, как и исторических. Однако сами материальные источники уже статичны и безгласны,

они свободны от персоналий, но незримое присутствие этих «персоналий» мы впитываем в себя всеми своими чувствами. Археологи, манипулируя миллионами — если не миллиардами — «артефактов», пытаются уловить и воссоздать контуры тех весьма далеких от нас сообществ, что оставили нам руины своих городов и поселков, бесконечные кладбища, золото в царских могилах или же невыразительные обломки убогих глиняных горшков...

Значимые для археологии ценности ученые добывают из под земли — будь то тонкий слой почвы или же многометровые, естественные или искусственные, отложения глины, песка, щебня. Не менее 95% всех археологических «сокровищ» таят в себе руины поселений или же кладбищ. Ничтожными долями представлены в древностях уже не связанные с селищами или же некрополями клады изделий, а также изолированные от поселений святилища.

Изучаемые исследователями поселения чрезвычайно разнообразны: города и городки, селища и деревни, монастыри и святилища или же, в конце концов, убогие кратковременные стоянки. По внешним проявлениям своей структуры эти остатки поселений могут быть или же чрезвычайно простыми или же предельно сложными.

Памятники погребальные: подземная и надземная «ипостаси»

В структуре каждого из погребальных сооружений всегда различаются лишь два основных блока: подземная камера и надмогильное сооружение или же комплекс сооружений. Каждому из этих блоков — надземному и подземному — придается особое значение. У некоторых культур оба блока должны были равновесно соответствовать друг другу. Скажем, богатство могильного инвентаря влекло за собой обязательную громаду надмогильного холма или иного сооружения. Или же наоборот: и инвентарь, и надмогильные знаки захоронения отличались скромным обликом. В иных случаях все признаки величия фигуры люди прятали глубоко под землю, а поверхностные сооружения ничем особым не отличались.

История человечества наполнена примерами того, как люди ухитрялись выкручиваться из строгих оков идеологических постулатов, чтобы явить свою особую значимость миру живых. Может быть, ярче всего это проявлялось в христианском мире, особенно в католическом. Например, хорошо известно, что обряд погребений ранних христиан всегда отличался предельной скромностью и суровым аскетизмом (рис. Про.2.1). Ведь одной из важнейших заповедей изначального христианства всегда был строгий и безусловный примат духовного в земном бытии и отвержение материального начала. Церковь, однако, становилась господствующей силой, и от века к веку ее роль в обществе возрастала. Вместе с этим менялись и

Рис. Про.2.1. Катакомбы ранних христиан на Мальте. Алтарная часть подземной церкви, где возносили свои молитвы (левое фото), и погребали единоверцев (правое фото). Массу подобных катакомб сооружали в начале христианской эры также вокруг Рима

представления о характере и сути погребальных обрядов, во всяком случае, для клерикальной верхушки. Церковные иерархи, соглашаясь — как бы поневоле — предстать перед Господом в предельной скромности в подземной «ипостаси», одновременно страстно желали восславить себя в ярких знаках земного величия. Так, гениальнейший из скульпторов во всей мировой истории Микеланджело свою долгую творческую жизнь был вынужден исполнять капризные заказы верхушки Римской курии на сооружение величественных надгробий.

В 1505 году Сангало, человек приближенный к Ватикану, известил молодого, еще 30-летнего, но уже именитого в то время скульптора о повелении 216-го римского Папы Юлия Второго соорудить тому: «... Великую гробницу. Величайшую гробницу, каких не бывало на свете... Эта гробница будет громаднее, чем надгробье Мавзола..., величественнее могил Августа и Адриана

[Микеланджело поражен]: — *Августа... Адриана... Это же гигантские сооружения!*

— *Гигантское будет и у тебя. Не по архитектурным масштабам, а по скульптуре. Святой отец хочет, чтобы ты высек столько грандиозных изваяний, сколько замыслишь, — десять, двадцать, тридцать!* [Стоун: 447].

Таким представал тысячелетний путь «восхождения» христианских поводярей от захоронений в подземных катакомбах до «величайших гробниц».

Сложности понимания

Связанные с переходом человека в иной мир древности по своей структуре в сравнении с памятниками поселенческими кажутся внешне не столь уж сложными и, пожалуй, существенно более монотонными в своих проявлениях. Однако в повседневной реальности археологической науки заупокойные памятники пониманию и корректной трактовке во многих случаях поддаются с гораздо большим трудом, нежели известные ученым места постоянного обитания древних людей. Сравнительный лаконизм внешних проявлений различных деталей погребального сооружения таит в себе огромный блок идеологических канонов, которым подчиняется ритуал перехода покойного в иной мир. И вот попытки осмысления подобных установок весьма нередко для ученых бывают сопряжены с поистине недолимыми трудностями.

Чаще всего дешифровку такого рода мировоззренческих установок мы проводим по упрощенной схеме, опираясь на логику современной жизни и кажущееся нам рациональным понимание их взглядов на окружающий мир. Такая схема во многом оправдывает себя при изучении поселенческих памятников, но при оценке погребальных древностей она нередко приводит к весьма досадным сбоям.

Наше — и автора, и читателя данной книги — внимание к погребальным памятникам и сооружениям археологической старины должно отличаться особым интересом. Ведь культуры кочевых скотоводов оставляли по себе материальную память исключительно в виде захоронений своих соплеменников. Как правило, то были весьма характерные для Степного пояса курганные некрополи. Очень широко распространенными оказывались также и так называемые «грунтовые» кладбища, где над могилами усопших никаких сооружений не воздвигали вовсе, либо сами сооружения выглядели весьма скромно. Останки поселений полукочевых народов, если они и встречаются, в сравнении с селищами и городами оседлых культур чаще всего не в состоянии сколько-нибудь впечатлить стороннего наблюдателя своим богатством; зачастую они выглядят весьма убогими.

Погребальные памятники всегда в большей или меньшей степени отражают представления той или иной культуры о характере загробной жизни. Потусторонний мир может являться зеркальным повторением земного, и в таком случае каждый почивший должен отправляться в свое последнее путешествие с тем скарбом, который и должен служить его визитной карточкой в ином — по верованиям как древних, так и множества наших современников — уже вечном мире. Родственники и свита отрывают для покойного вождя громадную погребальную яму; стараются обустроить могильную камеру по возможности максимально более комфортно. Они

сопровождает элитную персону огромной массой драгоценных — золотых, серебряных — и прочих диковинных предметов; наконец, возводят поверх всего гигантскую земляную насыпь — курган.

Археологи в качестве представителей потустороннего мира

Здесь мы позволим себе краткое отступление, или же ремарку, о фантастично звучащем парадоксе. Нас не может не поразить то, что именно археологи, как правило, выступают в странном качестве своеобразных «резидентов» потустороннего мира. Ведь именно они самыми первыми, ранее всех определяют, хотя бы предположительно, социальную значимость той персоны, что покинула земную жизнь многие сотни или даже тысячи лет назад. И вдруг тлен этой персоны совершенно внезапно и неожиданно переносится в такой мир, образ которого вряд ли когда либо был в состоянии зародиться даже в неистово разыгравшемся коллективном сознании растворившейся во временных глубинах культуры...

Если же погребения со множеством драгоценностей в какой-либо культуре изобильны, то археологи зачастую склонны приписывать сообществу последней мощь чрезвычайную. Вместе с тем такое заключение может быть ошибочным. Вот что, к примеру, наблюдал еще на рубеже нашей эры древнегреческий историк и знаменитый путешественник Страбон: албанцы *«вместе с покойниками погребают и все их имущество, и потому живут в бедности, лишённые отцовского достояния»* [Страбон книга XI, IV,8]. Уже в этом оказывается заложенной специфическая и даже, по всей видимости, ненамеренная ложь археологического источника. Общество могло работать на потусторонний мир, выкладываясь до конца и тем самым старательно готовя себе тяжёлую участь и даже погибель. В характере и направленности подобного рода культур резко нарастала опасная и даже губительная для нее доля иррационального.

Здесь уместно вспомнить историю известного египетского фараона Древнего царства Хеопса и возведения его знаменитейшей пирамиды, что донныне привлекает неослабное внимание миллионов людей, и не только туристов. В изложении «отца» истории Геродота это время представляется таким, что фараон, принуждая все население страны сооружать свою величественную каменную гробницу, *«вверг страну в пучину бедствий... Сто тысяч людей выполняли эту работу непрерывно, сменяясь каждые три месяца... Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили каменные глыбы, — работа едва ли не столь же огромная, как и постройка самой пирамиды... Сооружение же самой пирамиды продолжалось 20 лет... А Хеопс в конце концов дошел до такого нечестия, что, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом и*

приказал ей добыть некоторое количество денег» [Геродот: IV, 124—126]. И вряд ли в передаче Геродотом этой истории мы найдем очень много преувеличений.

Но вот что любопытно: ведь Хеопс во многом добился, чего желал. Миллионы наших современников спустя четыре с лишним тысячелетия знакомы с его поразительным творением и имеют представление о фигуре древне-египетского монарха!...

... Если же нам ведомы выдающаяся мощь и значимость культуры, а погребальных памятников не известно вовсе или же они крайне невыразительны, то, скорее всего, мы должны будем прийти к заключению, что в данном обществе представления о характере потустороннего мира не были связаны с материальными богатствами. Народы далеко не всех культур соотносили переход покойного в иной мир с помещением его останков в чрево земли (рис. Про.2.2). Вот, скажем:

«Погребение совершенно неизвестно современным кочевникам Тибета. Они либо выставляют мертвых на вершинах гор, либо бросают в озера и реки, или следуют общетибетскому обычаю разрезания тела на куски и кормления мясом грифов, которыми изобилуют тибетские нагорья. Старая литература Тибета знает обычай погребения тела в «каменных ящиках», сложенных из каменных плит, но следов подобных погребений еще не найдено, хотя и нельзя отрицать возможность их нахождения» [Рерих: 25].

Перерождение усопшего имеет дело лишь с его душой. Прежнее телесное лишь мешает посмертной трансформации, связанной уже с новой телесной оболочкой. Старая телесная оболочка греховна. *«За «грехами» тела фактически скрывается боязнь самих телесных останков, одержимых злыми духами телесности»* [Герасимова 1999: 140]¹. Истинная значимость покойника определялась его деяниями, славой его земной жизни, неизбывной духовностью и благосклонным вниманием к нему высших сил. В таком случае его останки могли, к примеру, предавать огню, как те же буддисты либо индуисты, или же оставлять на усмотрение и волю благородных хищных животных, подобных волкам или грифам (ведь к этим животным невозможно было приравнять отвратительных земляных червей).

Особый подход к похоронному обряду у кочевников, отсутствие привычных могильных сооружений нередко будет ставить нас перед трудно разрешимой загадкой истинного понимания картины тогдашнего мира в пределах Степного пояса. Но вот, может быть, самый яркий, кажется, даже

¹ В работах К. М. Герасимовой [1999; 2006] заинтересованный читатель может найти весьма полную картину, отражающую характер и смысл погребальных обрядов у кочевых тюрко-монгольязычных скотоводческих народов Центральной Азии, о чем мы вкратце говорим в настоящем разделе.

Рис. Про.2.2. Современное кладбище в отрогах Монгольского Алтая. Ряд погребений местные группы западных монголов совершали по ламаистскому или даже т. н. шаманистскому, еще до-ламаистскому обряду, помещая покойника на поверхности склона каменистого увала без устройства ямы. Грифы, волки и лисы очень быстро «освобождали» тело от той плоти, что, согласно их верованиям, казалась столь безразлична при последующих перерождениях покойного

в чем то совершенно неожиданный и загадочный для нас барьер... Мы будем именовать его «монгольским синдромом», и данный синдром явится весьма значимым для археологических построений, в особенности, сопряженных с историей кочевых народов.

«Монгольский синдром» кочевых культур

Итак, в XIII столетии монгольские кочевники стремительно подчиняют почти три четверти Евразийского континента. Их конница сокрушает устои некогда могущественных государств, оставляя за собой дымящиеся руины бесчисленных городов и селищ. Невообразимые, запакованные в бессчетные тюки громады сокровищ влекут в неведомые дали один за другим снаряженные победителями караваны верблюдов...

Но где же эти россыпи шедевров? Куда сгинули эти фантастические богатства?..

Вспомним теперь: ведь мы практически все — и о монгольских завоеваниях, и об этих молниеносных походах, и о «реквизированных» неисчислимых богатствах — знаем лишь из письменных документов. И свидетельств

этих множество великое: их сочиняли летописцы от Европы до Китая. И все они — на разных языках — кричат, вопят, либо скороговоркой сообщают по сути об одном и том же; различаются лишь вариации.

Представим теперь нечто — впрочем, в истории вполне вероятное: монгольские нашествия протекают, к примеру, пятью или даже четырьмя тысячами лет ранее, в те времена, когда евразийские культуры не имеют о представления о письменности. Что тогда? Выразимся яснее: если бы у нас в руках не находилась бесконечная масса письменных документов, с их стенаниями и воплями об ужасе монгольских нашествий, — то что в таком случае мы могли бы ведать об этих сотрясавших почти всю Евразию катастрофах? Полагаю, что ничего, и вот по какой причине. Монголы после покорения большей части континента почти ничего после себя не оставили — в смысле археологических источников, разумеется. Обеспечили своих современников руинами и притом в великом множестве. Но ведь руины далеко не всегда могут «говорить», особенно если среди развалин не встречено очевидных и безусловных свидетельств виновников катастрофического разгрома. Однако мы ничего подобного в своих руках не имеем.

Не согласные с отсутствием такого рода источников могут, конечно, укорить автора напоминанием уже не о руинах, но, скажем, о символической столице кочевой монгольской империи Хархорине, сооруженной при наследнике Чингис-хана Угэдее почти в центре Азии (см. рис. 4.4). Увы, строили ее, однако, совсем не монголы, а по существу едва ли не в полном ее масштабе китайцы, равно как их мастера сооружали и те величественные мемориалы враждебным китайцам тюркским вождям, да и многое другое.

И все же: что демонстрирует нам археология? Увы, она упорно «отмалчивается». Монголы ухитрились не оставить для нас на этих бесконечных развалинах царств и городов своих хорошо различимых для археологов «визитных карточек». Но кроме всего, пожалуй, — и это самое основное — в наших руках совершенно отсутствуют те важнейшие материальные свидетельства, по которым мы обычно можем судить о культуре кочевых сообществ. Монгольские воины не хоронили своих павших на поле брани или же покинувших этот мир по иным причинам так, как это привычно для нашего восприятия.

Я должен повториться еще раз: номады оставляют по себе историческую память едва ли не исключительно посредством своих погребальных сооружений и тех сокровищ, с которыми каждый кочевник — вождь или обычный воин — отбывал в безвечный и химерический мир надежд. Такие блистательные курганные комплексы мы сможем чрезвычайно ярко узреть у воинственных кочевников Степного пояса либо в IV или же I тыс. до н. э. (об этом мы расскажем в последующих главах). Монголы имперских времен или же чуть позднее оставили после себя редкие и столь невыразитель-

ные могилы, что до конца никто из ученых — археологов или же палеоантропологов — не может уверенно утверждать: вот именно в этой могиле захоронен коренной монгол-всадник.

Десятки лет многие энтузиасты, в основном любители-кладоискатели — порой очень состоятельные, те, что способны организовать специальные и весьма недешевые экспедиции — лелеют вплоть до нынешнего дня мечту напасть на могилу Чингисхана. И как же манят их завораживающие мечты о якобы подлинных, но донныне не открытых «гималаях» золота, серебра, неопикуемых украшений и — лишь один бог ведает — чего-то еще, что даже трудно себе вообразить! Сколько же энергии было потрачено этими «подвижниками» — и абсолютно впустую! Могила в понимании западных или же хотя бы китайских канонов монголы не сооружали. Они отправляли сородичей в дальний и бесконечный путь каким то иным путем, не оставляя для потомков никаких явных следов. А их предки могли сохраняться лишь в неисчерпаемой памяти последующих поколений. По всей вероятности, их верования и погребальные обряды были очень близки тем, о которых шла речь в предыдущем разделе главы. Судя по всему, идеология монголов имперских и более ранних времен отвергала материальный мир в потусторонней жизни. Видимо, всемогущее и всеведущее Небо-Тенгри вовсе не нуждалось в подобных доказательствах высоких совершенств покинувшей земную жизнь персоны. Чингизиды отвергали материальное в потусторонней жизни, но в посюстороннем, земном бытии жадно и беспощадно этих богатств домогались...

Оценка динамики и последовательности исторических процессов на базе одних лишь погребальных памятников, к сожалению, чревата для археологов и историков грубыми просчетами. Если вдруг «чингисхан» неведомых для нас поколений кочевников решает, что высшие силы Неба не нуждаются в груде бесполезных вещей, — нам может не «повезти», и тогда исчезнут наши кажущиеся столь надежными источники для реконструкции исчезнувшей культуры. И мы начинаем в таких случаях впадать в недоумение по поводу досадных и необъяснимых пробелов в привычной нашему уму гладкой последовательности исторического процесса на неких земных пространствах. С этого момента мы будем прилагать массу стараний, чтобы заполнить эти малоприятные провалы собственными, порой совершенно беспочвенными придумками и фантазиями. Вот почему мы не должны никогда упускать из своего внимания столь важный для археологии эффект «монгольского синдрома».

Протяженность археологического времени

В рутинных исследованиях перед специалистами мелькает безграничный и порой очень трудно запоминаемый калейдоскоп археологических

культур; основой последних служат повторяющиеся наборы «артефактов». Эти ряды человеческих сообществ также бесконечны. Их культуры зарождаются, передвигаются во времени и пространстве, исчезают и тают. Археологи всегда с особой страстью предаются поискам их истоков, корней; ученых постоянно занимает судьба культур. Неистовые споры возникают при определении границ культур, и горячность дискуссий порой напоминает споры современных политиков при пограничных претензиях государств друг к другу...

Исторические хроники повествуют нам о бесконечных войнах, нападениях, победах, поражениях. Впечатление таково, что человечество всегда волновали лишь битвы и гимны в честь победителей. В археологии все это остается за пределами возможности науки. Победы и поражения угадываются на «артефактах» относительно редко и лишь с большим трудом. Здесь все свое внимание исследователи фокусируют на формах и классификации творений древних людей — поселений, обиталищ, могил, керамики, украшений, металлических орудий и оружия... Характер хозяйствования, формы экономики, развитие технологий — вот что заполняет страницы археологических публикаций.

Все эти бесконечные свидетельства оставили после себя какие-то неизвестные нам народы, племена, кланы. Но мы не знаем, как они называли себя, как именовали их соседи, и вряд ли когда-нибудь узнаем. Лишь палеоантропологи восстанавливают для нас облик тех людей (собственно, покойников), финальный возраст пребывания их на поверхности Земли да историю их болезней... Только с приближением возраста археологических памятников к периодам исторических эпох мы получаем возможность уловить связь между теми безгласными могилами или поселками с конкретными народами — скифами, сарматами, уйгурами и т. п.

Археологи отвечают за гораздо более протяженное время. В первой части книги описываемые события развертывались по преимуществу на протяжении примерно шести столетий — с седьмого по тринадцатый века. Нередко краткие комментарии и привлекаемые в первой части книги параллели уведили нас в более далекие времена — вплоть до I тысячелетия до нашей эры. Однако то были лишь параллели. Археология погружает нас в гораздо более впечатляющую по своей глубине временную бездну. История кочевых воинственных скотоводов Степного пояса восходит к V тысячелетию до н. э. Археология же начнет смыкаться с историей только в I тысячелетии до н. э., но гораздо более тесно — лишь в I тысячелетии нашей эры. Иначе говоря, на долю археологической науки в отношении кочевых народов Степного пояса приходится не менее четырех или даже пяти тысячелетий.

Хронология всегда является одним из наиболее острых сюжетов повествования о материалах и культурах археологических эпох. Датировки

исторических периодов — и это, надеюсь, достаточно ясно — исходят из документов письменных. Хронологические построения археологических эпох базируются на совершенно иных материалах и методах. Здесь на первый план выходят системы радиоуглеродных датировок, а также дендрохронологии. Тема основ и методов археологической хронологии весьма специфична и достаточно сложна. Именно по этой причине автор посчитал целесообразным посвятить этому направлению исследований особое Приложение 4, где и будут охарактеризованы некоторые важнейшие приемы установления возраста археологических древностей и культур.

Конница и металл

Теперь вновь кратко вспомним о важнейших проблемах изучения характера кочевых культур Степного пояса. Зарождение самого феномена кочевых воинственных культур Великой Евразийской степи было связано с двумя наиболее существенными технологическими и социально-организационными достижениями. На первом плане в этом отношении должно, безусловно, стоять одомашнивание лошади и освоение коня под верховую езду. Номад Степного пояса без приспособленной под верх лошади вряд ли может считаться собственно номадом. Даже в летние сезоны он мало подвижен, полностью привязан заботами об удобных пастбищах к своему медлительному стаду коров, овец и коз. У пеших пастухов нет никаких возможностей для скоростного маневра; нет даже возможностей успешной обороны своего четвероногого богатства от внезапных нападений быстрых хищников.

Приручение коня, освоение его под верх привело к незамедлительному формированию кавалерии, конных стремительных воинских подразделений, оказавших столь мощное воздействие на характер и динамику развития огромного числа евразийских культур начиная с IV тысячелетия до новой эры.

Другим столь же существенным сдвигом мы должны назвать открытие металла и металлургического производства. Во множестве сообществ металл сразу же привлек внимание в качестве первоклассного материала для изготовления оружия (чем он, впрочем, служит и до сегодняшнего дня). Воины-скотоводы довольно скоро оценили его свойства.

Вполне естественно, что в цели наших изысканий входит стремление обнаружить самые ранние истоки этих явлений. Однако мы сразу же должны сказать, что металлургия и коневодство находятся здесь в весьма неравном положении: получить удовлетворительно четкое представление о времени и месте зарождения развитого коневодства мы не в состоянии. Обыкновенно кости того или иного одомашненного животного несут на себе какие-либо следы или же признаки произошедших изменений в срав-

нении с видами дикими. Лошадь в этом отношении оказалась менее «податливым» видом на фоне иных копытных, к примеру, крупного или же мелкого рогатого скота.

При исследовании археологических древностей металл при сопоставлении с костными останками лошади предстает в качестве несравненно более явного и определенного признака кардинальных технологических инноваций. Он хорошо сохраняется в культурных слоях или же в могилах; его легко изучать как со стороны формы металлических изделий, так и технологии выплавки того или иного металла из руд; довольно легко уяснить себе и методы его обработки.

Упоминание о металле мы поместили вслед за конницей. Такой порядок изложения вовсе не означает, что роль металла менее значима на фоне domestикации лошади. Соотношение это, конечно, совершенно противоположное, — металл с определенного времени становится показателем восхождения человеческих сообществ на принципиально новую ступень развития, на чем мы и остановимся более подробно.

Металл и историко-археологические эпохи

На признаках освоения новых технологий в металлургическом производстве издавна строились базовые посылки глобальной периодизации развития человеческих сообществ. Например, еще в 1837 году организатор первого в мире археологического музея в Копенгагене Христиан Томсен расположил в экспозиции ископаемые древности так, что они четко соответствовали его представлениям об эволюционном хронологическом порядке развития североевропейских культур. Начало отвечало веку каменному, за ним наступал век бронзы, и уж последнему наследовал железный век. Фундамент технологического характера данной схемы выступал вполне определенно, и его универсальный характер, как казалось, даже не требовал специальных дискуссий.

Весьма сходные мысли по этому поводу высказывал и Тит Лукреций Кар едва ли не за две тысячи лет до Томсена. Вот только древнеримский поэт и философ свою весьма похожую и также трехчленную историко-технологическую схему излагал в форме поэтической. Но ведь уже задолго до Лукреция, еще на заре эпохи железа, на рубеже восьмого и седьмого столетий до новой эры, сын ахейского морехода Гесиод различал в человеческой истории пять веков. Эпоху камня в его «Трудах и днях» замещали наполненные блаженством золотой и серебряный века. Периоды драгоценных металлов замещал мрачноватый и преисполненный «*насильщиной*» век «*медных и необорных*» по своей мощи гигантов. Станным диссонансом вторгался в гесиодову схему век четвертый — «*славных героев божествен-*

ный род». Венчало же историю человечества то время, в котором обрелся уже сам Гесиод: век *«проклятых небом железных людей»*, которые *«никогда не будут ведать передышки от горя и несчастий»* (но мы еще вспомним позднее о Гесиодовой классификации человеческих эпох).

Любопытно, однако, что во всех либо фантастико-поэтических, либо научных схемах развития человеческих сообществ металлы непременно выдвигались на передний план и играли роль решающую. Так, по существу, было всегда, и автор не склонен оспаривать эту аксиому. Однако по мере развития исследований досадное *«но»* проявлялось здесь все яснее и ярче: подобная «триада веков» обнаруживала весьма существенное пространственное ограничение; на роль схемы глобальной и всепланетной она претендовать никак не могла. Оказалось, что подобная схема относится, прежде всего, к так называемому *«ядру» евразийских сообществ*, о котором более подробная речь пойдет ниже.

У истоков металлургии

В последние десятилетия в археологической науке весьма распространенным стало понятие «эпоха раннего металла» (ЭРМ). В таких случаях под «ранним металлом» обыкновенно понимают медь, а также сплавы на ее основе, или же бронзы: медь явилась первым среди распространенных и потому наиболее «ранним» металлом в истории человечества. Реальный старт ЭРМ восходит к V тыс. до н. э., когда в ряде культур появились большие серии орудий и украшений из химически чистой меди (сплавов тогда еще не знали). Позднее — с IV тыс. до н. э. — начинается производство бронз или же искусственных сплавов меди с мышьяком, оловом, сурьмой, свинцом, а еще позднее — с цинком (латуни). Заметные серии железных изделий встречаются лишь в некоторых культурах самого конца II тыс. до н. э., а решительный переход множества культур Евразии в век железа длился едва ли не все I тыс. до н. э. Следовательно, хронологические рамки ЭРМ охватывали, по существу, примерно сорок столетий — с V по II тысячелетия.

Важнейшим и определяющим признаком ЭРМ следует, безусловно, считать постепенное освоение человеческими сообществами (культурами) прогрессивной и, по существу, революционной технологии металлургии и металлообработки. Именно она и стояла во главе ряда открытий, кардинально изменявших отдаленный от нас тысячелетиями мир. Справедливость данного постулата вряд ли требует каких-либо специальных дополнительных аргументов: весь последующий прогресс человечества в огромной мере был обусловлен умением находить металлоносные минералы и выплавлять из них металлы; обладать искусством обработки последних и

мастерством их использования. Становой скелет современных цивилизаций, тех, что мы относим уже к разряду «постиндустриальных», целиком обязан металлам. Без них в нашей нынешней жизни не может обходиться ничто — ни самое большое, ни микроскопически малое.

Люди научились выплавлять металл из руды, а из металла выделять орудия, в результате чего резко возросла производительность труда: обычно так звучал — и звучит поныне — старый, в целом верный, но вместе с тем весьма упрощенный вариант толкования основных последствий освоения металла. Конечно, — спору нет! — даже мягкая медь и уж тем более ее разнообразные сплавы в работе более эффективны и пригодны, нежели камень или кость. Но уже существенно реже обращают внимание на связанное с этим открытием и почти немедленно возникшее *международное разделение труда*. Причины последнего были обусловлены резкой неравномерностью распределения минеральных богатств по планете. А ведь разделение народов на производителей металла, с одной стороны, а с другой, — на его потребителей сыграло колоссальную роль в восхождении человеческих сообществ к структурам современного мира.

Еще реже обсуждается проблема поистине революционного воздействия постижения металлургии на *мировоззрение древних*. Ведь тогда, пожалуй, впервые человек столкнулся с неведомой для него тайной. Оказалось, что неживая природа способна кардинально менять свои сущность и облик. И действительно, посредством, правда, отнюдь не элементарного воздействия на зеленый хрупкий камень мощного огня удавалось получить совершенно иное, тяжелое вещество красного цвета — медь. Самородки этого металла в природе встречались, но крайне редко. Все это, несомненно, порождало в головах древних смятенную мысль о некоем тайном мире неподвластных человеку сверхъестественных и могучих владык, коим подчинены неисчерпаемые, но надежно скрытые от глаз богатства недр. Этим же непостижимым силам подчинялась и стихия огня. И только некоторым редким, и притом наделенным особым даром, персонам выпадала фортуна налаживать с этими силами загадочный контакт и пользоваться их расположением. Кажется, с этого времени и началось *обособление профессиональных групп и кланов*, истинных мастеров данного промысла. И уже из их рядов зачастую выдвигались столь значимые для древних фигуры колдунов, знахарей, шаманов. Так выкристаллизовывался в мире еще один вид разделения труда.

В археологической литературе — не только зарубежной, но и российской — длительное время господствовало мнение (по сути, долгий период являвшееся аксиомой), признававшее, что подобным переломным «Рубиконом» служила так называемая «неолитическая революция» — понятие, предложенное и разработанное выдающимся британским археологом Гордоном Чайлдом. Его теория среди открытий мирового значения ставила на

первое место зарождение и развитие оседлого «фермерства», связанного с производством продуктов питания, а отнюдь не с «присвоением» их посредством охоты и собирательства.

Однако, пожалуй, главнейшей инновацией в технологии производств явилось *формирование комплексной производящей экономики*, или же металлопроизводства в комбинации с производством пищи, то есть с земледелием и/или скотоводством. В комплексной экономике ЭРМ не столь уж трудно уловить древнейший эмбриональный прообраз социо-экономических систем современного типа.

Прочие инновации ЭРМ

Теперь коснемся кратко некоторых аспектов развития иных кардинальных технологий, восходящих по времени и своему характеру к эпохе раннего металла: ведь именно они обеспечивали технологический прорыв к высотам развитых цивилизаций. Правда, может показаться, что такой отход способен увести нас, пусть на время, но в сторону от генеральной темы нашей книги. Однако я остаюсь в надежде более выпукло продемонстрировать тем самым, сколь примечательной и неожиданной представляла роль культур Степного пояса в динамике развития большинства евразийских культур начиная с глубокой археологической древности.

Кроме горного дела и металлургии в период ЭРМ с Евразийским ядром оказались сопряжены те фундаментальные новшества в различных областях технологии и социальных организаций, которые кардинально изменяли жизнь и мировоззрение человека. Результатом прогресса горно-металлургического производства явилось международное разделение труда (о чем уже шла речь) и развитие на этой основе *многотысячекилометровых торгово-обменных связей* на пространствах Евразии. Протяженность такого рода путей могла достигать трех, четырех и даже пяти тысяч километров. Тогда же формируются т. н. *металлургические провинции*. Эти гигантские, достигавшие нескольких миллионов квадратных километров системы являли собой взаимосвязанные и сходные по своему характеру производственные центры. Их родственный облик становился очевидным при изучении форм и типов основных категорий орудий и оружия, а также технологии изготовления последних. Металлургическая провинция охватывала не только производственные горнометаллургические центры или металлообрабатывающие очаги, но и культуры потребителей металла, источники импорта которых восходили к металлопроизводящим центрам.

Эпоха раннего металла явилась тем временем, когда кроме металла стали ярко проявляться и получать широкое распространение иные инновации

кардинального свойства, отчетливо изменявшие облик и характер древних культур. Мы ограничимся здесь лишь их кратким перечислением.

Сфера механики: колесо и колесный транспорт. Освоение новых видов энергии: приручение лошадей и волов под упряжь, коня под верховую езду, верблюдов под выюк и т. п. Информационные технологии: системы письменности. Социальные организации: государственные образования с письменностью, городская революция. Монументальная архитектура: храмы, крепости.

Закончим этот перечень одним очень важным выводом: следствием ускоренного, порой скачкообразного развития явилась неравномерность исторического развития человеческих сообществ; причем неравномерность эта неотвратимо нарастала с каждым последующим шагом прогрессивных изменений.

Производство и нормативный фактор

В этой связи уместно, пожалуй, обратить внимание еще на один чрезвычайно важный аспект развития металлургии, который практически никогда не затрагивался в специальной литературе. Каковыми же представлялись те генеральные задачи, что преследовало металлургическое производство в каждой конкретной культуре? И в чем заключались нужды того или иного общества, которым должен был удовлетворять либо выплавленный на месте, либо полученный иным путем металл? С какими целями — а ведь они могли быть весьма и весьма несходными — отковывали и отливали мастера сотни тысяч и даже многие миллионы изделий из разнообразных металлов?

Оказалось, между прочим, что дешифровку данной проблемы никак невозможно отнести к простым и заурядным. По всей вероятности, можно полагать, что ее ложная трактовка повела к ряду досадных ошибок в оценках всей долгой истории горно-металлургического производства и связанных с ним человеческих культур. Но, кажется, ярче всего роль этого аспекта проявляется при сопоставлении металлургии Старого и Нового Света, а если быть более точным, то Евразии и Южной Америки. То были два резко противоположных и контрастных по своей сути направления в развитии металлургии. В большинстве областей Евразии основная доля металла шла на изготовление орудий и оружия. В Андийских южноамериканских очагах изумляющее своей необузданной фантазией металлообрабатывающее производство обслуживало практически лишь ритуально-религиозные нужды [Черных 2005; 2008]. Базой этой удивительной «индустрии» служили золото, серебро, медь, а также сложные по составу сплавы этих металлов. На фоне этого фантастического по размаху

«океана» сакральных артефактов почти незаметными являются численно убогие коллекции орудий и оружия.

Какое-то время на разных материках могли параллельно функционировать «рациональные» и «иррациональные», а порой даже «супериррациональные»(!) производственные центры и очаги данной индустрии. Нормативный фактор существования строго определял все поведение культуры; причем формировал он не только ее идеологические догмы, диктовавшие порядок поведения каждого члена общества, но подчинял каноническим установкам даже и ее основные производства. Значение затронутого здесь аспекта наших исследований станет намного яснее, когда мы будем сопоставлять, например, металлопроизводство в цивилизациях Древнего Китая и в культурах Степного пояса.

Нормативный фактор отражался — и порой весьма существенно — еще на одной стороне функционирования сообществ. Культура могла поощрять и стимулировать какой-либо из видов производства, но могла строго запрещать их, сурово наказывая за нарушение установленных порядков. Примеров здесь достаточно много, но ограничусь упоминанием лишь двух. В исламе и иудаизме существует жесткий запрет на свиноводство и употребление мяса свиньи в пищу. В более ранних культурах Леванта, Сирии и Месопотамии костные останки одомашненных свиней довольно обычны, отчего мы и заключаем, что запреты появились в этих регионах лишь с господством нормативных установлений обеих религий.

Другой пример касается совсем недавнего прошлого нашей страны. В сталинский период в СССР под запретом находились занятия кибернетикой и генетикой, во всяком случае, в тех формах, которые были присущи западным исследованиям. Данные этих наук были объявлены лживо-буржуазными, вредоносными, а занятия ими карались.

По всей вероятности, те факты неожиданного отказа от технологий и регресса в области, скажем, горнометаллургического производства, с которыми мы будем сталкиваться при дальнейшем изложении материалов, можно будет трактовать также через призму установлений нормативного фактора конкретных культур.

ЭРМ — евразийский феномен

Если нанести на карту совокупный ареал всех металлоносных — то есть производящих или же просто достаточно знакомых со свойствами меди и бронз — культур эпохи раннего металла, то окажется, что данный ареал более чем на 9/10 укладывается в пространства Евразийского континента (рис. Про.2.3). Лишь относительно узкие полоски суши долины Нила и присредиземноморской части северной Африки оказались свя-

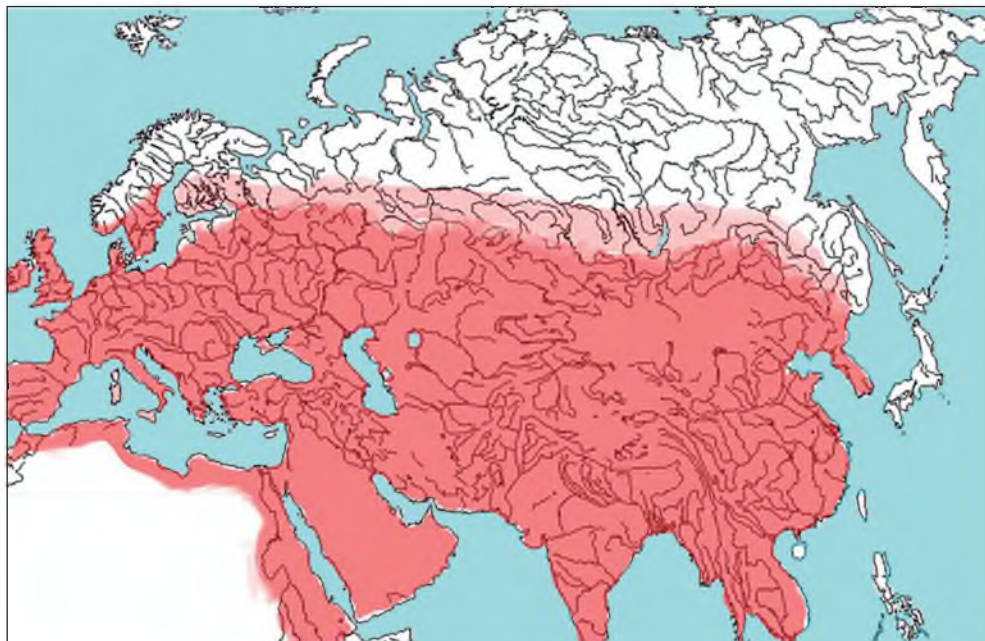

Рис. Про.2.3. Пространственный охват металлоносных культур эпохи раннего металла в Старом Свете во второй половине II тысячелетия до н. э. (ослабленная розовая растушевка по северной зоне Евразии обозначает неустойчивый характер металлопроизводства и потребления металла в культурах этих регионов)

заны с этим кругом культур. Именно поэтому мы можем обоснованно утверждать, что ЭРМ является прежде всего и даже чисто евразийским феноменом.

Именно на этом континенте к финалу ЭРМ сложилось обширное, представленное рядом родственных блоков ядро высокотехнологичных культур. В данном ядре зарождались и реализовывались важнейшие открытия и достижения — о них мы только что вели речь, — позволившие исследователям выявлять те линии развития, что связывали эту отдаленную эпоху с современностью.

В период своего территориального и технологического апогея — к началу второй половины II тыс. до н. э. — максимум территориального охвата относимых к ЭРМ евразийских и отчасти североафриканских (присредиземноморских) культур не превышал 40—43 млн. кв. км. Но это составляло не более трети всей обитаемой суши нашей Земли. Черты более поздней горно-металлургической активности во всех прочих областях — в Африке (южнее Сахары), в Мезоамерике — существенно отличались по своим кардинальным признакам от евразийских [Черных 2005; 2008]. Важнейшим и определяющим фундаментом выделяемой эпохи должны служить чисто технологические признаки. Металлоносные же

культуры ЭРМ в различных регионах Евразии включали в себя самые разнообразные и порой весьма несходные друг с другом признаки социального характера.

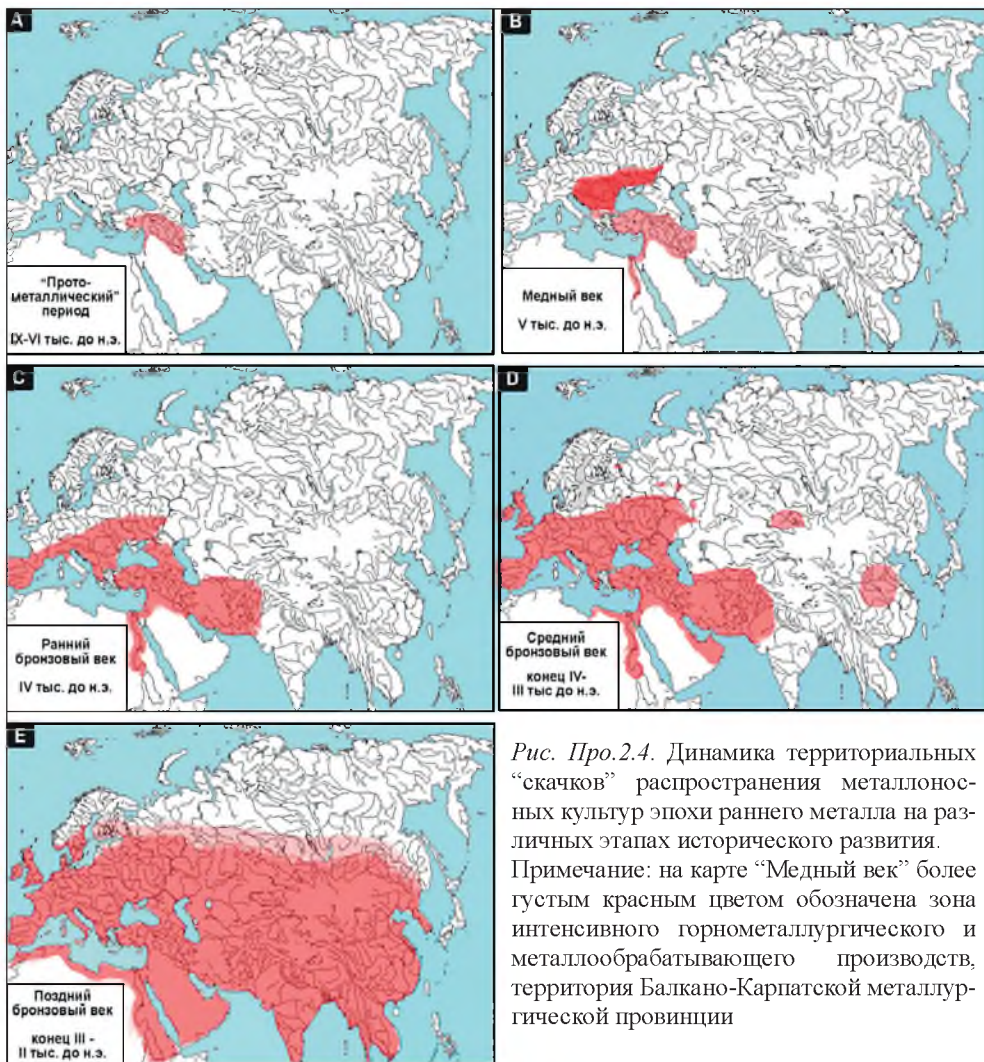
Территориальные «скачки» зоны культур ЭРМ

Если обозначить на карте Евразии зоны культур ЭРМ в согласии с определенными и сменяющимися друг друга историческими периодами, то мы получим контуры весьма любопытной и выразительной картины (рис. Про.2.4). Напомним, что старт реальной эры металлов совпал с V тыс. до н. э. и длился непрерывно в течение примерно сорока столетий, — то есть до конца II тыс. до н. э., после чего в ряде евразийских регионов начался переход к новой эпохе, к раннему железному веку.

В рамках ЭРМ чаще всего выделяют четыре основных и последовательных этапа развития, получивших традиционные наименования; *медный век*, а также *ранний, средний и поздний бронзовые века*. В грубом исчислении на каждый из этих этапов приходилось примерно по одному тысячелетию. Однако генеральной эпохе раннего металла предшествовал так называемый, весьма протяженный во времени, *«протометаллический»* период, длившийся примерно три с половиной или даже четыре тысячелетия — с IX по VI тыс. до н. э. Для археологов и историков этот период представляет интерес совершенно особый. В данном случае металл и, пусть даже весьма зачаточное, представление о его свойствах в среде носителей столь ранних и поразительно развитых культур не привели к ожидаемому развитию горнометаллургической технологии в этих регионах. Впрочем, представление об этом феномене уже само по себе являет ценность, несомненно, исключительную, отчего мы и посвятим ему следующую главу 8.

Очевидный интерес представляют также показатели территориальной динамики распространения металлоносных культур ЭРМ. О контурах их пространственных ареалов можно получить представление из блока карт (рис. Про.2.4); пока же мы охарактеризуем данные их площадей. Перед этими арифметическими выкладками заметим, что расширение ареала культур ЭРМ происходило, как правило, не постепенно, но *скачкообразно*, ярко выраженными рывками. Такого рода «скачки» чаще всего были связаны и обусловлены трансформацией генеральной картины обширного поля археологических культур и общностей на пространствах Евразийского материка.

Единичные и редкие, но уникальные по выразительности и структуре, зачастую огромные поселки «протометаллического» периода оказались разбросанными на весьма обширной — для их столь малого числа — площади до 0,7—0,9 млн. кв. км (рис. Про.2,4А).

Культуры медного века V тыс. до н. э., олицетворявшие старт реальной эры металлов, покрывали общую площадь уже до 3—3,5 млн. кв. км (рис. Про.2,4.В). В свите этих культур, сосредоточенных в первую голову на территории Северных Балкан и Карпат, археологи фиксируют уже не единичные, но массовые скопления памятников, в культурных слоях селищ или же в некрополях которых находят множество медных предметов.

В IV тыс. до н. э. общности раннего бронзового века двукратно увеличивают пространственный охват — до 6,5 или 7 млн. кв. км (рис. Про.2,4. С). Территориальный всплеск культур среднего бронзового века в конце IV и III тыс. до н. э. не столь внушителен: ареал металлоносных культур тогда расширился до 10—11 млн. кв. км (рис. Про.2,4. D).

Зато фантастично впечатляющим стал рывок культур позднебронзового века. Общий пространственный охват металлоносных археологических культур и общностей к середине II тыс. до н. э. достиг того максимума, о котором уже говорилось: от 40 до 43 млн. кв. км (рис. Про.2,4.Е).

Пространственная стагнация

Изумляющий нас парадокс исторического развития заключается в том, что апогей ЭРМ очертил рамки той территории, в относительно строгих границах которой протекали все ключевые исторические события последующих трех тысячелетий евразийской истории, имевших место уже после формирования сообществ Евразийского ядра. Почти тридцать последующих столетий контуры территориальных границ этого ядра колебались весьма незначительно. Во всяком случае, изменения эти представляются столь мало значимыми, что никак не могут быть сопоставимы с территориально-хронологическими рывками предшествующих фаз ЭРМ.

Эпоха «раннего железного века», наступающая следом за ЭРМ в I тыс. до н. э., привносит могучие революционные изменения в металлургию, экономику и военную организацию евразийских народов. Однако эта технологическая инновация практически не выходит за географические рамки, установленные финальной стадией ЭРМ — позднебронзовым веком. В последующие эпохи возникают и распадаются блоки культур и государств, включая, к примеру, греко-персидское противостояние, а также столь знаменитые завоевания Александра Македонского. В этих же границах заключена и эпоха знаменитой триады «Рим — Парфия — империя Хань», являвшейся стержневой в Евразии для финальных и начальных столетий двух сменяющих друг друга эр. Однако и тогда установленные границы Евразийского ядра если и расширились, то весьма мало заметно.

В эпоху великого переселения народов, в первой половине I тыс. н. э., гунны стремительно прокатываются от Китая вплоть до Галлии. Спустя несколько сотен лет еще более сокрушительными предстанут монгольские завоевания, покрывшие львиную долю пространств культур Евразийского ядра. Однако отряды этих воинственных скотоводов-кочевников никогда не посягают на выход за пределы некогда и неведомо кем строго очерченного территориального лимита.

Феномен «неодолимого» географического барьера для высокоразвитых культур евразийского ядра удивляет тем более, что культуры верхнего палеолита, никак не сопоставимые буквально по любым признакам технологического развития с позднейшими, примерно 40—15 тысяч лет назад преодолевали и огромную мрачную Сахару, и выстуженные евразийские полярные равнины, переправляясь через ледяной мост Берингии на громад-

ный Американский материк и, в конечном итоге, осваивая его вплоть до Патагонии.

Здесь же, в Евразии, уже со второй половины II тыс. до н. э. мы сталкиваемся с необъяснимой на первый взгляд стагнацией в пространственном расширении высокотехнологичных культур. При анализе этого парадоксального феномена складывается впечатление, что с этого времени почти все связи, едва ли не вся энергия культур Евразийского ядра оказалась направленной не за его пределы, но была сфокусирована на внутренних системах, заключенных в некогда очерченных рамках. По этой причине едва ли не все взаимодействие между культурами протекает в границах этого ядра.

Сформулированная выше проблема является, на взгляд автора, одной из наиболее запутанных и трудно объяснимых в мировой истории.

Уже после 1500 г., вслед за загадочным и, на беглый взгляд, весьма странным трехтысячелетним «затишьем» культуры Евразийского ядра, локализованные прежде всего на его европейском фланге, стремительно взламывают устоявшиеся и традиционно стабильные пространственно-ограничительные барьеры. Наступает время Великих Географических Открытий, период ломки и подчинения (а в ряде случаев даже уничтожения) фактически всех культур прочих двух третей поверхности Земли, оставшихся тогда еще за пределами Евразийского ядра и потому неизвестными для его обитателей. Не исключено, конечно, что освоение эффекта огнестрельного оружия послужило дополнительным импульсом свершившегося прорыва. Однако возможно ли лишь эту мощь считать определяющим фактором решительных перемен?

Сначала на юг и запад, преодолевая совершенно неизвестные им океанские просторы, двинулись португальцы с испанцами, открывая все новые для себя земли — Америку, Новый Свет. Вскоре эту испано-португальскую эстафету подхватили англичане с голландцами...

Спустя почти столетие после колумбовых открытий немногочисленные отряды российских казаков перевалили Урал и устремились на неизведанный восток — в Сибирь, к Чукотке и далее к Америке. Двигались они очень быстро, но старательно обходя при этом с севера трудно одолимые для них степные племена Евразийского ядра... Однако именно с этим «сибирским» движением казачьих дружин и покорением лесного пояса Сибири будет связано начало одного из драматических этапов в истории народов Степного пояса. Однако этому мы специально посвятим некоторые главы третьей части книги.

ГЛАВА 8

Эпоха «протометалла» в Евразии

Первый металл планеты к народам Степного пояса отношения как будто не имеет. Однако без представления об этих первых шагах в выработке изначальных понятий о металле будет гораздо труднее понять и осознать сложные извивы долгого исторического пути развития евразийских сообществ. И это тем более, что вся последующая многотысячелетняя история народов нашего континента уже в рамках эпохи раннего металла окрашена активной борьбой и непростым взаимодействием двух генеральных и основополагающих моделей развития культур — оседлой и кочевой.

Древнейший металл планеты

Самые ранние из ныне известных на Земле металлических изделий, произведенных руками человека, стали известны в памятниках Анатолии, Леванта, Северной Месопотамии и Западного Ирана. Эти медные предметы залегали в слоях, время которых уходит еще в IX, а возможно даже и в X тысячелетия до нашей эры, и эта дата не может не показаться воистину фантастической. Памятники, в которых были обнаружены эти в целом пока что мало выразительные медные вещицы, традиционно относят к самым ранним ступеням новокаменного века, то есть еще к неолиту. Вместе с тем «неолит» этих краев оказался весьма необычным. По устоявшейся в археологии традиции к новокаменной эпохе обычно причисляют памятники, слои которых содержат обожженную глиняную посуду. В тех же поселениях ее не оказалось, исключая, пожалуй, самые поздние этапы их существования. Поэтому чаще всего об этих древностях говорят как о докерамическом неолите. Зато выявились черты совершенно неожиданные:

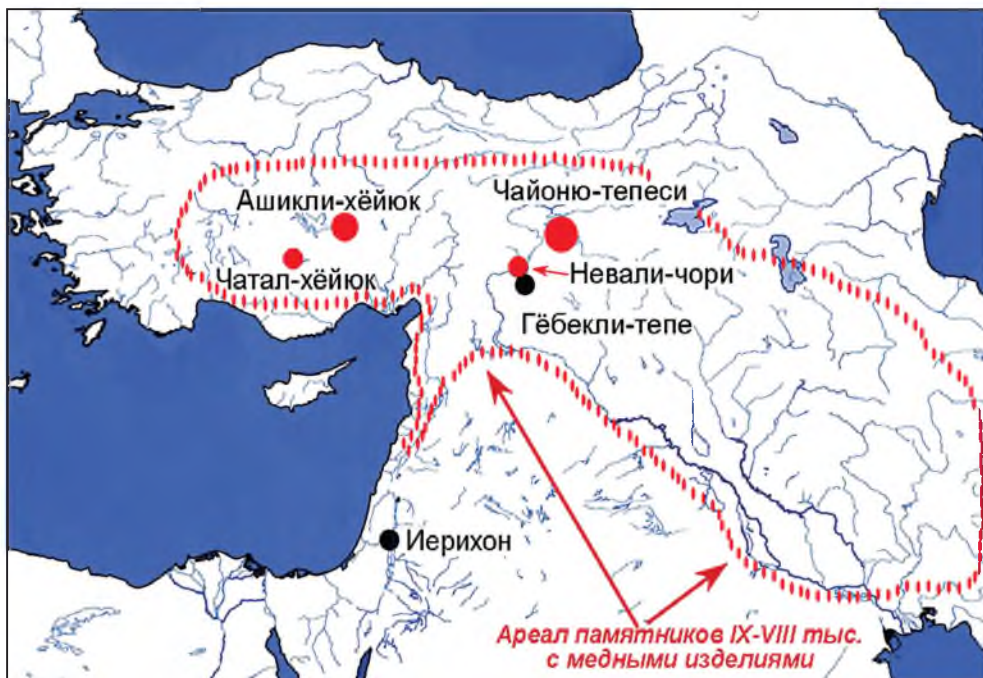

Рис. 8.1. Эпоха “протометалла” в Евразии; ареал распространения поселений с металлическими предметами. Буквами обозначены памятники, о которых идет речь в настоящей главе. Красные кружочки обозначают памятники с находками меди в слоях поселков

кроме меди здесь стали заметными очевидные признаки начала земледелия, а несколько позднее и скотоводства.

Однако, наиболее замечательной чертой этих памятников является, конечно же, архитектура и, пожалуй, скульптура. Ниже мы познакомимся с наиболее яркими образцами этих поразительных по своей древности ярких творений из камня или глины. Облик их поражает не только специалистов, но также и неискушенных наблюдателей. Мелкие медные поделки не могут, естественно, конкурировать с этими громадами по своей выразительности; однако они создают некий добавочный и не совсем ясный фон восхищения перед трудно объяснимыми технологическими и интеллектуальными взлетами у носителей этих культур. Ведь в X—IX тысячелетиях завершался или же только что завершился геологический период плейстоцена; наступала пора новой — голоценовой, четвертичной, — уже современной геологической эпохи. Едва ли не на глазах людей тех тысячелетий уходили в прошлое культуры позднего палеолита, аборигены которых ютились в весьма примитивных обиталищах и не ведали керамики. А по просторам Сибири, столь далекой от плодородных долин Тигра и Евфрата, еще кое-где бродили последние группы мамонтов — своеобразных символов навеки исчезающей эпохи.

Открытия такого рода фантастических памятников и удивляли, и поражали, но вместе с тем как будто еще и еще раз прочно утверждали броскую и афористичную гипотезу «Ex Oriente Lux» — «Свет с Востока». Само это утверждение было сформулировано еще в XIX столетии, и вот уже более столетия — возможно, исключая самые последние десятилетия — и историки, и археологи почитали ее в качестве безусловной и безупречной аксиомы. Действительно, парадигма археологической науки XIX и первой половины XX столетий зиждилась на ряде «неоспоримых» истин, к каковым относилась и эта. Полагали, и с большими основаниями, что фактически **все** важнейшие технологические, интеллектуальные и духовные достижения являлись творческим плодом культур и цивилизаций, локализованных в области стран «Плодородного полумесяца», то есть, по существу, Месопотамии, или же — в более широком понимании — Ближнего Востока. Еще не так давно даже Анатолию считали «царской дорогой», исполнявшей лишь роль проводника благотворных идей и того «света» истин, что струился из чудесного источника в северо-западном направлении и озарял Балканы, Центральную и Западную Европу. Человечество, населявшее области за пределами «блаженных стран», было обязано этим избранныкам буквально всем. Способности европейских и северных азиатских «варваров» оценивались лишь по таким признакам — сколь удачно они были в состоянии усваивать и воплощать в собственное бытие те мысли и достижения, что зарождались и исходили из блаженных краев.

Ареал распространения тех памятников, о которых шла речь, довольно обширен — примерно один миллион квадратных километров (рис. Про.2.2; 8.1). Удалось нанести на карту не менее 30 поселений, в слоях которых обнаружены безусловные или же «условные» находки медных изделий. В понятие «условные» включаются такие предметы, в отношении которых с уверенностью достаточно сложно говорить, являются ли они творением рук человеческих. Вполне вероятно, что это просто необработанные обломки дендритов самородной меди или же недостаточно изученный специальными аналитическими методами кусочек малахита, который посчитали за медный окисленный предмет.

Всего различного рода таких находок мы смогли зафиксировать лишь 230 экземпляров. Впечатление по поводу относительно большого их числа сразу же снижается, если вспомнить, что эти мало выразительные и мелкие предметы рассеяны по огромной площади, а слои их содержавших поселений датируются в пределах четырех или даже пяти тысячелетий — с X/IX по VI тыс. до н. э. И это тем более, что очень близкое к половине от всех ныне известных находок число медных предметов, было обнаружено в руинах лишь единственного восточноанатолийского памятника Чайюню-

тепеси: 113 экземпляров. С краткой характеристики этого удивительного поселка мы и начнем.

Восточная Анатолия: Чайноню-тепеси

Этот огромный поселок расположен в предгорной части Тавра (рис. 8.1), близ сезонно пересыхающего притока («сая» или же «сайра»), несущего весенние или ливневые воды к самым верховьям реки Тигр (рис. 8.2, слева). К этому району очень близко с запада подходят такие же сухие русла, но уже устремленные в бассейн верхнего Евфрата. В 6 км к северо-востоку расположен знаменитый и огромный медный рудник Эргани Маден; однако, как прояснили специальные изыскания, медь (рис. 8.3) и медная руда из Чайноню оказались связанными с иными — более мелкими окрестными рудопроявлениями.

Помимо меди, важнейшей и наиболее впечатляющей достопримечательностью Чайноню является, безусловно, каменная архитектура. Самым древним оказалось круглое в плане сооружение. Его возвели еще в X тыс. до н. э. Однако медные поделки залегали в более поздних зданиях, сложность конструкций которых угадывалась по каменным кладкам оснований-фундаментов. Последние в чем-то даже напоминали знаменитый критский лабиринт Минотавра (рис. 8.2, справа). Крайне интересно и то, что при сооружении одного из больших каменных фундаментов был использован вяжущий раствор, близкий по составу и характеру современному бетону. Слои, к которым относятся эти удивительные сооружения, согласно калиброванным радиоуглеродным определениям, укладываются в хронологический отрезок между 8500 и 6500 гг. до н. э.

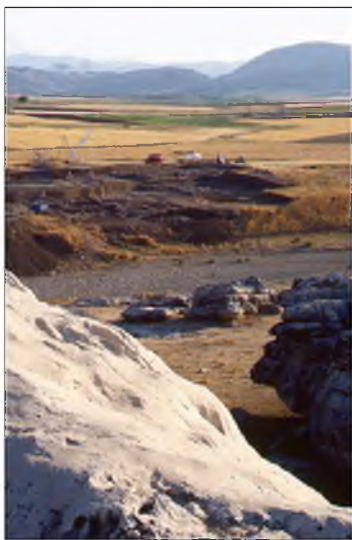

Рис. 8.2. Поселение Чайноню-тепеси. Слева: расположение селища на берегу сухого протока. Справа: фундаменты каменных сооружений (съемка 1991 года)

Исследователи поселка полагают, что уже самого начала обитатели Чайоню сумели освоить первичные формы земледелия: об этом свидетельствовали находки карбонизированных (обугленных) зерен культурных злаков (пшеница, ячмень). Скотоводство было связано с более поздними слоями, а ранние фазы Чайоню содержали костные останки лишь диких животных, добытых аборигенами во время охоты.

Кроме меди в каменных сооружениях Чайоню и между зданиями удалось обнаружить более четырех тысяч (!) кусочков медного минерала — малахита. Некоторые из этих кусочков оказались обработанными; просверленные отверстия указывали, что это были бусины зеленых малахитовых ожерелий (рис. 8.3).

Рис. 8.3. Изделия из меди и малахита из слоев поселений Ашикли-хэйюк (верхние два ряда) и Чайоню-тепеси

Центральная Анатолия: Ашикли-хэйюк

Этот поселок отстоит на запад от Чайоню примерно на пять сотен километров и расположен уже в Центральной Анатолии, недалеко от города Аксарай, севернее знаменитых вулканических урочищ Каппадокии с их скальными пещерными монастырями и «городами». Археологи также относят Ашикли к фазе докерамического неолита. Датированные, в основном, первой половиной IX тыс. до н. э. жилые сооружения на этом селище резко отличны от каменных строений Чайоню: здесь господствовали довольно простые по форме прямоугольные или же трапециевидные в плане, тесно примыкавшие, как бы «прилепленные» друг к другу жилища. Стены обиталищ возводились из глиняных («саманных») крупных блоков — разновидности сырцового кирпича. Такой же кирпич служил материалом и для возведения оборонительной (?) стены Ашикли, хотя некоторые части этого вала люди сооружали с помощью блоков известняка и вулканического туфа. Исследователи полагают, что на этом поселке им удалось вскрыть древнейшую из известных в Центральной Анатолии оборонительных стен.

На Ашикли обнаружены 45 медных изделий: после Чайоню это вторая по представительности коллекция металлических предметов. По своему характеру они довольно сходны с предметами из Чайоню (рис. 8.3), однако

здесь преобладают уже украшения — различные детали ожерелий (бусины, пронизки и т. п.).

Восточная Анатолия и Левант

Из сопоставления характера Чайоню и Ашикли напрашивается вывод, что имели место значительные различия между архитектурными особенностями сооружений на поселках докерамического неолита Восточной, с одной стороны, и Центральной Анатолии, с другой. Это действительно так, и мы в состоянии подтвердить подобное предположение весьма яркими примерами селищных памятников обоих регионов. Правда, те поселения, которых мы коснемся ниже, медными изделиями не богаты: в этом отношении им трудно равняться с Чайоню либо с Ашикли. Однако исключать эти одновременные названным памятникам из ряда поселений «протометаллической» эпохи кажется неразумным. По этой причине мы достаточно бегло упомянем лишь о некоторых поселениях Восточной Анатолии, а также Леванта. Речь пойдет о двух памятниках верхнего бассейна Евфрата — Невали-чори и Гёбекли-тепе, а также о легендарном Иерихоне.

Слои поселения Невали-чори, датированные X—IX тыс. до н. э., содержали небольшое число медных примитивных по форме изделий. Наиболь-

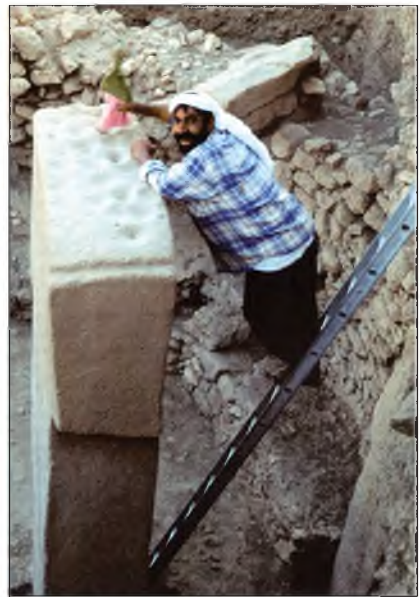

Рис. 8.4. Гёбекли-тепе, каменные стелы. Слева: расположение стел по кругу. Справа: «демонстрация» истинного размера монументов [Schmidt: 163, 170, Abb. 72, 78]

Рис. 8.5. Гёбекли-тепе. Каменные стелы с изображениями животных [Schmidt: 134, 150, 234 Abb. 51, 59, 102]

шую известность этот памятник, относимый к самому началу голоценовой геологической эпохи, получил благодаря каменным массивным изваяниям-скульптурам. Однако в этом отношении его затмил, пожалуй, недавно обследованный поселок, или же святилище, Гёбекли-тепе. Этот первобытный «храм» находится также в бассейне Верхнего Евфрата, примерно в полусотне километров к юго-востоку от Невали-чори. Памятники синхронны, и исследователи относят их к докерамическому неолиту. В Гёбекли медные предметы пока не обнаружены, хотя дальнейшие раскопки могут преподнести новые сюрпризы.

Гёбекли поражает своими огромными каменными стелами, на которых высечены изображения различных животных (рис. 8.4 и 8.5). Многотонные вертикально поставленные стелы располагались по окружности (рис. 8.4, слева), что и послужило основанием для представления о Гёбекли как о некоем святилище или же культовом центре. При этом возникают любопытные, но естественные вопросы: что же это был за способ доставки на «храмовый» холм подобных массивных блоков, — ведь

Рис. 8.6. Иерихон. Слева на заднем плане: виден участок стены времени докерамического неолита на фоне отложений культурного слоя. Справа: у основания башни того же периода [Mellaart: p.35, 43; figs. 15—17,21]

Рис. 8.8. Сокрушение стен Иерихона древними евреями. Миниатюра Жана Фуке

Рис. 8.7. Иерихон, докерамический неолит. На этом черепе древние обитатели города вылепили посмертную глиняную маску покойника, чем предвосхитили работы Мих. Мих Герасимова [Mellaart: p. 43, fig. 21]

тягловых животных тогда не ведали, а также — каким образом таким массивным блокам придавали столь завершённую форму и т. д., и т. п.?

Если же мы перенесемся на юг, в Левант, к руинам легендарного библейского города Иерихона, то в нем, равно как и в Гёбекли, мы не услышим о находках меди. Правда, Иерихон вообще как бы выходит за пределы ареала памятников и культур «протометаллической» эпохи. Однако и этот памятник IX—VIII тыс. до н. э. в состоянии удивить многих своей выразительной мегалитической архитектурой. Еще более полувека назад здесь были раскопаны остатки грандиозной для того времени каменной стены и башни (рис. 8.6). Вообще же в человеческом сознании иудаистов и христиан Иерихон и его истинный символ — обрушенные от трубных звуков каменные стены — тесно сплелись между собой. Вспомним библейский текст, повествующий об осаде города в конце II тыс. до н. э.:

Шесть дней, трубя в трубы, обходили древние евреи Иерихон. Наконец, в решающий седьмой день осаждающие его встали очень рано и обошли город семь раз, после чего... *«Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ весь вместе громким и сильным голосом, и обрушилась вся стена города до своего основания, и весь народ пошел в город, каждый с своей стороны, и взяли город. И предали заклятию все, что было в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом»* [Навин 6, 19—20]. В сознании почему-то отложилось, что от рева труб пали стены, а оказывается, что от слаженного и могучего народного крика. Конечно, между событиями II и IX—VIII тысячелетий до н. э. хронологический разрыв огромный, но параллель довольно любопытная, не правда ли?

Центральная Анатолия: Чатал-хёйюк

Для X—VI тыс. до н. э. в Центральной Анатолии мы не знаем памятников с каменной архитектурой или же скульптурой, сходных с восточноанатолийскими образцами. Зато здесь процветает архитектура, базирующаяся на сырцовых кладках. Вершиной этого является и по настоящий день, пожалуй, фантастический по своей выразительности поселок Чатал-хёйюк. Сам жилой холм огромен — его площадь равна 13 га (рис. 8.9). Мощностной культурного слоя достигает 19 метров, и этот «слоеный пирог» напластований был обеспечен трудно подсчитываемым числом — видимо, многими и многими сотнями — домов и святилищ, которые плотно лепились друг к другу своими стенами. Дома по разным причинам — может быть, и землетрясений — разрушались, и поверх их руин немедленно вырастал новый пласт построек. В конечном итоге это и привело к почти безмерному разрастанию огромного рукотворного холма. Первый его исследователь, английский

Рис. 8.9. Чатал-хейюк; вид с вертолета на жилой холм [Google]

Рис. 8.10. Чатал-хейюк. Хорошо видны стены домов (вверху) и сырцовые кирпичи-блоки, слагавшие стены многочисленных построек (съемка 1976 года, через 11 лет после завершения раскопок Д. Меллаарта)

Рис. 8.11. Чатал-хёйюк. Стенная роспись и барельеф. Слева: участок стены с изображением поселка и действующего вулкана (реконструкция изображения). Справа: схватка леопардов [Mellaart: p. 83, 98; figs. 51—52, 81]

археолог Джеймс Меллаарт (1961—1965 гг.), именовал его даже «неолитическим городом», и в чем-то он был, пожалуй, прав.

Жители на Чатал-хёйюке проникали внутрь построек через лазы в крышах; таким же путем они общались и между собой. Стены построек воздвигали из сырцового крупногабаритного кирпича или же плоских блоков (рис. 8.10). Внутренняя облицовка жилищ была, как правило, гладкой и нередко украшенной росписью. Местные живописцы оставили для нас даже фреску, как полагал Д. Меллаарт, с общим видом «города». Вытянутые в цепочки ряды домов представлены на фоне расположенного неподалеку извергающегося вулкана Гасан-даг (рис. 8.11, вверху). Вообще же изобразительное искусство Чатал-хёйюка не может не поражать: кроме настенной росписи в руинах домов обнаружены прекрасные глиняные статуэтки. Их очень много: сидящие и стоящие люди (рис. 8.12), разнообразные животные — леопарды (рис. 8.11, справа), бараны, быки... Нередко фигурными обкладками украшали кремневые ножи изысканной формы и т. п. В верхних слоях уже находят керамическую посуду.

Исследования громады Чатал-хёйюка продолжаются и по сей день.

Рис. 8.12. Чатал-хёйюк. Глиняная статуэтка богини плодородия [Wikipedia]

Постоянно нарастает число радиоуглеродных датировок, которые теперь надежно определяют время существования Чатал-хёйюка второй половиной VII, а также VI тыс. до н. э. Эти датировки говорят нам, что «город» Чатал-хёйюк существовал существенно позднее другого центральноанатолийского памятника Ашикли — о нем мы уже говорили, — но при этом, конечно же, его целостный облик предстает несравненно более эффективным. На Чатал-хёйюке, равно как и на Ашикли, господствует архитектура из сырцовых кирпичей, но вся она гораздо более выразительна и совершенна. На Ашикли мы знаем о существовании оборонительного вала или же стены, а для «города» очевидных признаков подобного сооружения археологи не обнаружили. Вместе с тем никаких следов разрушений, подобных тем, что остаются в результате чужеродных нападений и нашествий, не замечено. Культура Чатал-хёйюка как бы «скончалась» и завершила свой путь сама собой, без явных посторонних воздействий. И кроме всего, очень трудно проследить ее влияние на позднейших обитателей Центральной Анатолии.

И наконец, о металле. Медных находок, как можно думать, здесь сделано немалое количество, а кроме меди нашли даже капли свинца. Но, к сожалению, статистика в отношении металлических предметов на сегодняшний день в Чатал-хёйюке либо отсутствует, либо автору она оказалась недоступной. Формы же металла напоминают те, о которых мы говорили и для иных — более ранних памятников Малой Азии, то есть среди них бусинки, пронизки, маленькие проколки...

Эпилог эпохи «протометалла»

В протяженных хронологических границах эпохи «протометалла» возможно различать две последовательные фазы. Первая из них связана с X—VII тыс. до н. э. Для нее характерны чрезвычайно эффективные памятники, как поселенческие, так и сакральные. Практически все они сугубо индивидуальны и, как правило, важнейшими чертами своего облика и характера вполне зримо отличаются друг от друга. Даже расположенные поблизости друг от друга Невали-чори и Гёбекли мы должны относить к разным категориям: Невали — поселок, Гёбекли — святилище. О различиях центральноанатолийских поселений Чатал-хёйюка и Ашикли мы только что говорили.

Эпоха «протометалла» предстает перед нами в качестве неожиданного феномена своеобразных «точечных взрывов», направленных, по преимуществу, по технологическому и мировоззренческому руслам. Я склонен именовать эти взлеты, или взрывы, достижений и открытий «точечными», поскольку они были связаны, по всей вероятности, с довольно немногочисленными популяциями, оставившими нам единичные и неповторимые поселки — либо сравнительно небольшие как Ашикли, либо гигантские,

подобные Чатал-хёйюку. Каждый такой коллектив искал свой путь развития и находил его. Искания эти отразились для нас в мегалитической скульптуре, в каменной или глиняной архитектуре, в появлении и развитии земледелия и скотоводства и, конечно, в открытии металла. Вместе с тем мы не замечаем, чтобы их достижения распространялись сколько-нибудь широко, захватывая другие, даже соседние популяции.

Наверное, поэтому мы и остерегаемся именовать эти явления «археологической культурой», но лишь соотносим подобный феномен с культурой одного определенного памятника. Ведь «археологическая культура», как правило, должна охватывать значительные территории и, кроме того, быть представленной группой сходных между собой памятников — селищ и/или могильников. На первой фазе «протометалла» мы этого ничего не замечаем. Повторим, что описанные выше «взрывы» касались единичных и неповторимых по большинству признаков памятников.

Культура первооткрывателей могла подниматься до поразительных высот, но затем начинала нисходить вплоть до ее полного исчезновения. Она умирала в процессе своеобразного «оукливания», завершала свой путь без видимых активных внешних губительных воздействий. Более того, ее блистательные черты не только растворялись, но забывались и отвергались популяциями на последующих фазах развития.

В этом отношении крайне любопытной для нас явилась вторая и более поздняя ступень «протометалла», относимая к VI—V тыс. до н. э. На этой фазе уже формируются классические «археологические культуры», территориально представленные на более или менее широких пространствах и, как правило, некоторой — опять же количественно большей или меньшей — группой однотипных памятников. Зона культур «протометалла» расширяется в сторону Леванта и Нижнего Египта, а также Центрального Ирана (рис. Про. 2.4). Среди ранних общностей второй ступени наибольшую известность получили такие широко известные и знаменательные в археологическом мире культуры как Хассуна, Халаф, Самарра, а несколько позднее — Убейд. Их главным отличительным признаком стала керамика, отличавшаяся удивительной красотой, разнообразием и завершенностью форм, богатейшим моно- или же полицветным декором. Архитектура жилищ совершенно не унаследовала мегалитических конструкций ранней ступени; вместо этого полностью возобладала традиция глинобитных обиталищ и святилищ. Огромная масса глиняных статуэток смогла поведать археологам о мировоззрении древних носителей этих культур.

Медные вещицы в памятниках этих культур и общностей встречаются по-прежнему, но столь же редко. Кроме того, они не отличаются ни сколько-нибудь выразительной формой, ни технологическим совершенством. Пожалуй, в сравнении с великолепием глинобитной архитектуры и морем кера-

мического многообразия упомянутых культур Месопотамии, Леванта или же иных смежных регионов, «излучавших» благостный «Свет с Востока», застылость эта не может не привлекать особого внимания и — что естественно — требовать также удовлетворительного объяснения. И это станет особенно очевидным на фоне подлинной металлургической революции, взорвавшей мир в V тыс. до н. э. на севере Балкан и в Карпатах, то есть уже в существенном отдалении от тех «райских куц», что согласно традиционной аксиоме, всегда и непременно были обязаны находиться «впереди планеты всей».

ГЛАВА 9

Металлургическая «революция» в Балкано-Карпатье

Начало эпохи металлов

Взрыв металлургической «революции» произошёл достаточно далеко на северо-западе, в стороне от тех регионов, что служили колыбелью культур эпохи «протометалла». Даже если вести отсчет от крайнего западного и в определенных отношениях наиболее яркого в серии анадолйских памятников «протометаллической» эпохи — Чатал-хейюка, то до географического — но не технологического! — центра грядущей «революции» дистанция получается весьма выразительная: не менее тысячи километров — и это по прямой линии. Географический же центр общностей, в среде которых осуществлялся великий перелом, скорее всего, следует размещать где-то вблизи от так называемых Железных ворот Дуная — там, где великая европейская река прорывает теснину между подступающими друг к другу массивами Балканской и Карпатской горных систем.

Металлургическая «революция» V тыс. до н. э. обозначила поразительный скачок в древней технологии горнометаллургического производства. Как бы внезапно явившиеся перед археологами и историками богатейшие коллекции изделий из меди и золота почти немедленно приобрели статус истинных символов медного века Балкано-Карпатъя. В далекой юго-восточной стороне, в долинах стран «Плодородного полумесяца», продолжали маячить лишь их бледные тени — примитивные по форме и технологии медные вещицы. Весьма выразительная глинобитной архитектура и великолепная керамическая посуда с настоящей металлургией никак не сочетались.

Технологический скачок привел к формированию древнейшей в Евразии и, соответственно, в Старом Свете системы, которую мы именуем металлургической провинцией. Под такого рода образованиями мы понимаем совокупность родственных по своей металлической продукции производящих горнометаллургических центров, и в нашей книге к их характеристике мы будем возвращаться еще не один раз. «Провинция-пионер» получила название Балкано-Карпатской (БКМП). Принятое наименование отражало ситуацию, когда все основные горнометаллургические центры провинции опирались в своем производстве на богатые меднорудные базы Северных Балкан и Карпат. Вместе с тем истинной и формирующей единство провинции, но уже в культурно-производственном отношении, ее своеобразной геоэкологической осью явился Дунай, или же точнее, весь обширный бассейн Среднего и Нижнего Подунавья.

И, наконец, вкратце еще об одном. Зарождение и развитие металлургии меди мы, безусловно, должны поставить в этом ряду событий на первый план. Вторым также весьма важным событием этой поры и этого региона стало зарождение скотоводческих культур великого евразийского Степного пояса, и это имеет к тематике нашей книге уже прямое отношение.

Однако каковой представляется нам та база, что предшествовала «металлургическому взрыву»?

Балканский неолит

Вопрос об истоках металлургической революции в Балкано-Карпатье как бы повисает в воздухе, предложить удовлетворительный ответ на этот вопрос пока что очень сложно. В наших руках почти нет никаких отчетливых свидетельств плавного развития и динамики восхождения от культур каменного века к раннеметаллическим. Все свершалось как бы в стремительном рывке. Общности неолита на Балканском полуострове и в Подунавье, датируемые VI тыс. до н. э., предстают перед археологами в облике достаточно сходном с синхронными им культурами заключительной фазы эпохи протометалла в Анатолии или же в Месопотамии. Весьма сходным кажется и уровень их технологического развития. Здесь также господствовали многослойные жилые холмы, которые в арабоязычных странах обычно именуют «тедьями», в тюркоязычных — «тепе», у греков — «магулами», а у южных славян — «могилами».

Обычно подобные холмы располагались неподалеку от разнообразных водных источников, и холмы эти, как правило, хорошо различимы — в особенности на фоне плоских равнин (рис. 9.1). Постоянное нарастание слоя на этих холмах-«могилах» с течением времени легко объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, древние обитатели соорудили себе глино-

Рис. 9.1. Так выглядят на равнине телли или же «селищные могилы». Вся многометровая толща их напластований сложена из переслаивающихся развалин разновременных и налегающих друг на друга глинобитных построек

битные постройки, которые после разрушения оставляли большую массу строительного мусора и развалин. Во-вторых, в течение нескольких тысячелетий, по крайней мере, с VI по III тыс. до н. э., на Балканах и в Подунавье имела место примечательная и удивительно стойкая традиция: люди почти всегда предпочитали сооружать свои обиталища именно на вершинах покинутых предшественниками жилых холмов. Объяснить такое предпочтение не так-то просто, но сходная традиция господствовала повсеместно, причем не только на Балканах, но также в Анатолии, в Леванте, Месопотамии, Иране и т. д. Вместе с тем ни на Балканах, ни тем более в Карпатах мы не встречаем таких теллей, где мощность культурного слоя превышала бы 12—15 метров. И в Анатолии, и тем более в Месопотамии эти напластования могли достигать существенно больших значений (вспомним хотя бы Чатал-хейюк, а он не самый могучий из такого рода памятников).

Наиболее ярким и значимым материалом при изысканиях археологов по различению и определению конкретных археологических культур, как правило, служит глиняная посуда: в сравнении с прочими артефактами она несравненно более многочисленна, а многообразие и изысканность ее деталей всегда привлекает особое внимание. На Балканах обломками глиняных, великолепных по качеству и оформлению сосудов насыщены даже самые ранние слои еще только начинающих свой «рост» селищных холмов. Даже древнейшие образцы балкано-дунайских сосудов удивляют бесконечным разнообразием форм, весьма сложным по рисунку причудливым орнамен-

том, а также исключительно высокой технологией обработки глины. Как правило, из глины к тому же лепили множество разнообразных статуэток, изображавших фигурки людей (см. рис. в начале главы) или животных. Основным занятием при добыче пищи служило земледелие. Скотоводство же, по всей видимости, играло в этом отношении роль вспомогательную, даже подчиненную. Металл если и встречался в неолитических напластованиях, то крайне редко и в виде невыразительных по форме мелких вещей; к тому же не всегда удается доказать связь этих предметов с руинами новокаменного века.

Повторим, что большинство основных признаков Балкано-Дунайских культур указывало на принципиальное тождество их с оседло-земледельческими общностями Анатолии или же Месопотамии. Однако сходство замечалось, прежде всего, с теми из них, что характеризовали заключительную фазу эпохи «протометалла» и относились по преимуществу к VI—V тыс. до н. э. При всем том в Балкано-Карпатье совершенно отсутствовали памятники, сколько-нибудь похожие на ранние, на те, которые характеризовали фазу т. н. «точечных» взрывов «протометаллической» эпохи, — подобные Чайоню или же Гёбекли с их каменной архитектурой и/или скульптурой. И доныне не удается столкнуться на Балканах с гигантскими поселениями типа Чатал-хёйюка с великим разнообразием цветных фресок на стенах глинобитных строений. В Балкано-Карпатье неолитические селища оставляют более скромное впечатление.

Балкано-Карпатская металлургическая провинция и ее структура

Примечательно, что общий облик балкано-карпатских культур медного века, датируемого здесь уже V тыс. до н. э., на беглый взгляд принципиально почти не меняется. Перед нами все те же бесчисленные «селищные могилы» (рис. 9.1) с глинобитными хижинами, среди их руин; та же восхищающая взор керамика в развалинах жилищ; сходная с более ранней глиняная скульптура с изображением женских статуэток или животных. Порой даже хочется во всей свите многочисленных археологических культур видеть своеобразный мир «глиняного царства», так он ярок и завлекателен. Однако в этот «глиняный мир» буквально врываются металлы — медь и золото, начинают свою деятельность мощные производственные горно-металлургические центры Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП). При этом индустрия каменных орудий продолжает сохранять свой высокий уровень

В предшествующих разделах мы говорили, что истинным культурно-производственным ядром этой провинции служил бассейн Среднего и

Рис. 9.2. Ареал Балкано-Карпатской металлургической провинции: 1 — центральная группа оседло-земледельческих культур, 2 — периферийная группа оседло-земледельческих культур, 3 — степные скотоводческие общности

Нижнего Подунавья. Именно с упомянутыми регионами оказались тесно увязаны все важнейшие производственные очаги. Если ареал распространения и воздействия металлопроизводящих и металлоносных культур и выходил за границы дунайского бассейна, то не намного и не существенно. На карте (рис. 9.2), к примеру, очерчена южная грань БКМП: здесь граница провинции, упираясь в Родопы, проходит по долинам Фракии, а это уже за пределами дунайского бассейна. Однако южнее Родопских гор тогда же продолжают свое нерушимое господство традиционные неолитические культуры: за этой границей о металле либо ничего не знали, либо имели о нем весьма зыбкое представление.

Проблема закономерностей в распространении металлопроизводства и металлопотребления, стремительных территориальных продвижений прогрессивных технологий, процессов их внезапного торможения носит, безусловно, глобальный характер: вопросы эти будут возникать перед нами едва ли не постоянно. Конечно же, мы постараемся каким-то образом пояснить сущность этого исторического парадокса, но кажется, что эти попытки мы предпримем позднее, когда соприкоснемся с более разнообразным сравнительным материалом. Правда, мы отчасти уже затрагивали эту тему при обзоре эпохи «протометалла», когда привлекали внимание к загадкам поразительно раннего открытия меди и — в то же время — трудно объяснимого четырехтысячелетнего застоя в развитии металлургии...

В рамках БКМП нетрудно наметить три четко выраженные группы, или же блока культур (рис. 9.2). Первая и центральная во всей системе группа оседло-земледельческих культур охватывала весь бассейн Среднего и Нижнего Подунавья с некоторыми прилегающими к ним с юга областями (Фракия). Именно в этом обширном регионе были сосредоточены все важнейшие культуры Балкано-Карпатья вкупе с производящими горнометаллургии-

Рис. 9.3. Золотые изделия и мраморный топор из богатых погребений Варненского некрополя

ческими центрами. Общая площадь центрального блока культур оказалась близкой к 700—800 тысяч кв. км.

Вторая группа культур — по сути, тождественных балкано-карпатским и также оседло-земледельческих — распространялась уже за пределами дунайского бассейна в пределах верхнего и среднего течения рек Днестр, Прут, Южный Буг, доходя до Среднего Поднепровья, где проходила восточная граница этого блока. Общая площадь последнего равнялась 160—190 тысяч кв. км. Для российских читателей эта группа культур может показаться достаточно известной, благодаря их совокупному наименованию: в данный блок входили памятники разных хронологических этапов знаменитой трипольской культуры, или же — точнее — общности. Территория последней приходилась на безрудную зону, и по этой причине горнометаллургического производства здесь не могло быть в принципе. Трипольские обитатели полностью зависели от металлургов и от поставок металла из очагов центрального блока БКМП.

Наконец, последняя — и для нашей темы особенно интересная — группа культур была рассеяна по широкой зоне степи и лесостепи, от низовьев Днестра и Буга вплоть до Среднего и Нижнего Поволжья. Здесь на площади в 400—500 тысяч кв. км. господствовали общности подвижных скотоводов, резко несходные по важнейшим проявлениям своей культуры с оседлыми земледельцами первой и второй групп Балкано-Карпатской металлургической провинции.

Центральный блок Балкано-Карпатской провинции: Варненский некрополь

Характеристика культур центрального блока БКМП построена в основном на базе материалов, добываемых археологами из руин бесчисленных поселений, а также из древних кладбищ. Ученые наметили здесь весьма значительное число культур, мы, однако, остановимся лишь на двух из них. Первую из них археологи именуют Караново VI-Гумельница, а вторую — Варна. Они расположены в юго-восточной части провинции — во Фракии и Нижнем Подунавье, а также близ западного побережья Черного моря (рис. 9.2).

Думается, что для лучшего понимания феномена БКМП будет резонно обратиться лишь к двум неординарным памятникам указанных культур, занимающим совершенно особое положение в этой древнейшей системе взаимосвязанных производственных очагов. Первый из памятников, приобретший статус безусловного символа металлургической провинции, — это Варненский «золотой» некрополь, в могилах которого было сосредоточено древнейшее на нашей планете золото. Другой памятник — Аи бунар («Медвежий источник» или же «колодец» в переводе с тюркского) — медный рудник с огромными горными выработками V тыс. до н. э., синхронными погребениям из Варны. Оба памятника находятся на территории Болгарии.

Могильник был случайно обнаружен осенью 1972 года на западной окраине города Варна, близ берега черноморского лимана (рис. 9.4); по этому некрополю, кстати, и получила свое название культура Варны. На сегодняшний день археологам на этом кладбище удалось вскрыть более трехсот могил. В огромном большинстве случаев могильные ямы были предназначены для покойников вполне «обыкновенного» ранга. Трупы их, как правило, укладывали на дне могил на спине с вытянутыми или согнутыми в коленях ногами. Скончавшихся людей в потусторонний мир чаще всего сопровождал довольно скромный инвентарь: глиняный сосуд/сосуды, а также изготовленные из просверленного мягкого камня или же из морских раковин бусины и т. п. Не столь уж редкими оказывались здесь могилы, где помимо останков покойного ничего не находили...

Рис. 9.4. Варненский некрополь, раскопки 1974 года. На заднем плане виднеются берега лимана

Рис. 9.5. Варненский некрополь. Слева: погребение вождя в одной из могил Варненского некрополя. Справа: погребение-кенотаф с золотом и медными орудиями

Однако безусловно, что самый жгучий интерес не только у археологов, но и у широкой публики вызвали несколько могил, чей заупокойный инвентарь отличался феноменальным богатством (рис. 9.3, 9.5 и другие). При этом лишь в единственной из могильных ям находился скелет человека, все прочие богатые захоронения человеческих останков не содержали.

Единственный покойник — мужчина средних лет, — удостоившийся чести быть захороненным в специально откопанной для него яме, был буквально засыпан золотыми украшениями (рис. 9.5, левое фото). Вокруг головы был выложен нимб из золотых бляшек. На руках были надеты массивные, также золотые, браслеты. В правую руку ему вложили обтянутую золотыми муфтами деревянную рукоять, на которую был насажен полированный мраморный топор (см. рис. 9.3). Даже на его пенис надели золотой «презерватив». Погребенный в этой могиле являлся, конечно же, знатной персоной, видимо, даже военным вождем: ведь кроме золота при его останках находилось большое число медных орудий и оружия.

Рис. 9.6. Варненский некрополь, одно из погребений-кенотафов. Глиняная маска человеческого лица с золотыми аппликациями

В каком-то отношении еще более примечательными явились в Варне могильные ямы без человеческих останков. Болгарские архе-

Рис. 9.7. Медные орудия из различных погребений Варненского некрополя

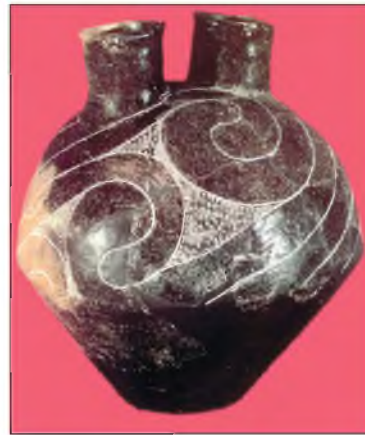

Рис. 9.8. Керамика из погребений Варненского некрополя. Слева: большое блюдо с росписью с применением пылицы золота. Справа: ритуальный сосуд с традиционной техникой орнаментации керамических изделий варненской культуры

ологи определяли эти объекты как символические погребения; в археологической науке такие захоронения чаще всего именуют кенотафами. В ямах находились россыпи золотых украшений; среди золота лежали и медные предметы, правда, здесь уже не столь многочисленные, как в погребении вождя (рис. 9.5, правый). Символом знатного положения той персоны, в память которой сооружался кенотаф, служила глиняная маска, чей лик был также украшен золотыми пластинами (рис. 9.6). Мелкие и также золотые бляшки поверх «лика» на таких масках могли изображать зубы.

Безусловно, что золото Варны сразу же после открытия явилось сенсацией №1 в мировой археологии. В богатых погребениях Варны нашли более трех тысяч золотых предметов. Однако и коллекция медных орудий

(рис. 9.7), среди которых тяжелые топоры и тесла занимали весьма значимое место, также привлекала особое внимание. Повторим, что такие формы металлургии и металлообработки появились на Балканах и в Карпатском бассейне фактически без сколько-нибудь заметного длительного временного «разбега». Естественно, что подготовительный (латентный) этап подобной технологии должен был непременно иметь место. Однако, кажется, что последний протекал весьма стремительно, и такие периоды различать на археологических материалах удастся далеко не всегда.

Древнейший медный рудник Аи бунар

Мощные следы горных разработок на Аи бунаре были обнаружены археологами также осенью, но еще 1971 года. Рудник принадлежит категории древнейших на нашей Земле и относится к наиболее впечатляющим из этого крайне редкого разряда сохранившихся и известных нам памятников горного дела. Отличия Аи бунара от Варненского могильника заключались не только в резком несходстве характера обоих памятников. Некрополь был призван продемонстрировать потусторонним силам — *[получилось, однако, что вместе с ними также и нам]* — все лучшее из творений местных мастеров по золоту и меди. В противоположность этому, горняки и рудознатцы V тыс. до н. э., вгрызавшиеся в рудоносные известняки и доломиты горного урочища, абсолютно не желали, чтобы взгляд посторонних даже касался их работ (об этом мы скажем ниже). Однако исследования этого редкостного и древнейшего в Евразии памятника горного дела, позволили наконец, осознать, сколь тяжела, таинственна и непривычна для той эпохи оказалась работа по извлечению из тисков скальной породы той драгоценной руды, что должна была служить исходным материалом для выплавки меди, попадавшей, в конечном итоге, и в могильные ямы Варненского кладбища.

Медное месторождение Аи бунар находится в лесистом невысоком горном массиве самого центра Северной Фракии (рис. 9.9, левое фото). Рудопроявление невелико, а рудные жилы, где преобладают малахит и азурит, здесь круто падают вглубь земли. При этом зеленые и синие минералы меди выходили на поверхность, что и позволяло древним рудоискателям опознавать само месторождение и вести разработку его основных рудных линз. Мощность сложенных рудными минералами жил колебалась от 0,5 до 5 метров в ширину, а сами прослойки медной руды могли простираться от нескольких десятков до сотен метров. Обнажения минеральных выходов протянулись ломаной дугой, с перерывами примерно на полтора километра, и повсюду древние шахтеры закладывали выработки на всех этих выходах. Самые богатые линзы и жилы минералов локализовались в центре рудопро-

Рис. 9.9. Аи бунар, расчистка горных выработок в 1972 году

явления. Именно на этих участках оруденения и были зафиксированы наиболее выразительные следы значительных горных работ (рис. 9.9, правое фото и 9.10).

Выработки представляли собой, как правило, круто наклонные, длинные щели (рис. 9.11). Последние постепенно сужались в глубину, так что работа в них с определенного уровня оказывалась крайне затрудненной из-за крутых известняковых и доломитовых бортов, сдавливавших щели проходок. Шахтеры старались выбрать все доступные им медные минералы, отчего археологи смогли добраться на ряде периферийных выработок до дна древних разработок. К сожалению, этого не удалось сделать на самых значительных — центральных выработках. Правда, бурение показало, что там их глубина могла достигать 25—30 метров!

Тотальный объем извлеченной на Аи бунаре медной руды мог достигать примерно 30000 тонн. В реальности, исходя из приблизительных норм древней технологии, плавка этой руды могла дать приблизительно 1000 тонн меди. Аибунарская руда и выплавленная из нее медь отличаются от всех прочих значительным разнообразием примесей сопутствующих химических элементов. Признак этот позволил установить, что до нынешнего времени в музеях Болгарии сохранилось всего лишь не более 15—20 кг

Рис. 9.10. Аи бунар. Расчищенный до глубины 6—7 метров участок одной из центральных выработок

меди (см. например, отдельные находки: рис. 9.12). Первоначально это сильно удивляло исследователей, однако все работы по обследованию древнего горнометаллургического производства в Евразии показали, что такова примерная и обычная доля сохраняющихся остатков от металлургического производства эпохи раннего металла.

Рис. 9.11. Аи бунар. Расчищенные малые щелевидные выработки

Проводящиеся в последние десятилетия исследования древних рудников стали приводить ученых к весьма обоснованным заключениям о зачастую громадных объемах добытой руды и, соответственно, металловыплавки. Эти изыскания позволили провести ревизию господствовавших ранее заключений о ничтожных масштабах древнего горнометаллургического производства.

Мнение это опиралось на визуальные оценки тех незначительных коллекций металла, что сохранялись во множестве музеев разных стран.

Теперь обратимся к ряду иных наблюдений за феноменом Аи бунара, также удивлявших ученых своими парадоксами. Например, оказалось, что по завершении тяжких трудов и покидая навсегда рудник, горняки старательно перемещали «пустую» породу, скальные обломки и щебень назад в собствен-

Рис. 9.12. Аи бунар. Медные втульчатые орудия горняков: топор-кирка (вверху) и клиновидный топор

ные карьеры, с таким трудом пробитые в скальных породах. Горы этого отработанного материала, без всякого сомнения, возвышались здесь же, рядом с щелями выработок, когда шахтеры дробили в этих карьерах скалы, извлекая из них медные минералы. А ведь «пустая» порода — это десятки тысяч тонн! — по общему объему всегда многократно превосходила «полезную» рудную массу. С современной точки зрения, эта многотрудная акция абсолютно иррациональна.

Однако древние горняки полагали совершенно иначе. Таинственные недра милостиво позволили им позаимствовать у них некую долю скрытых богатств. Теперь задачей шахтеров становилось как можно тщательнее скрыть следы своего проникновения в глубины земли, — в противном же случае нерадивых ожидала жестокая месть со стороны хозяев подземных кладовых. По мере активного изучения древнейшего горного дела становилось все более и более ясным, что подобная — бессмысленная с позиции современных рациональных взглядов — практика носила едва ли не всеобщий характер во множестве регионов Евразии. По существу, на Аи бунаре удалось приоткрыть явные признаки архетипа в понимании взаимоотношений горняков с властителями недр. В связи с этим любопытно, пожалуй, и захоронения самих горняков в засыпанных пустой породой выработках. В одной из самых тесных щелей археологи натолкнулись на останки

Рис. 9.13. Аи бунар. Погребение горняков в узкой щелевидной выработке (мужской костяк справа)

парного погребения мужчины и женщины (рис. 9.13). У мужчины перед захоронением отчленили левую ногу; ее положили поверх трупа женщины и прикрыли ее крупным камнем. Находки подобного рода на рудниках — редкость чрезвычайная.

Другая неожиданность Аи бунара — полное отсутствие следов выплавки меди как в ближних, так и в его дальних окрестностях. Более того, богатые металлом памятники Балкано-Карпатской металлургической провинции вообще не содержали ни следов выплавки меди из медных руд, ни мастерских, где бы отливали и отковывали те разнообразные орудия, что в массе сохранились до наших дней. Это особенно удивляло на фоне других — существенно более бедных металлом культур, относящихся к иным историческим периодам: там находки глиняных или же каменных форм для отливки медных или бронзовых орудий не кажутся чем-то необычным. По всей вероятности, вся деятельность мастеров горнометаллургического производства в рамках БКМП подчинялась неким загадочным требованиям высокой секретности.

Второй блок БКМП: трипольская общность

Трипольская общность — основное ядро второго блока провинции — являет собой восточную периферию культур центральной группы БКМП. В ней отражены все важнейшие черты более западных сообществ Балкано-Карпатского региона. Здесь также господствует оседлый стиль бытия и хозяйствования. Животноводство явно отступает на второй план в сравнении с зерновым земледелием. Пожалуй, наиболее ярко о родстве трипольцев с культурами центрального блока говорит глиняная посуда. Особенно выразительны парадные, покрытые причудливым многоцветным орнаментом керамические сосуды, относящиеся ко времени расцвета трипольской культуры (рис. 9.14). Глиняная пластика также многообразна: традиционные женские фигурки (рис. 9.15), изображения животных и т. п.

Рис. 9.14. Трипольская общность. Глиняный расписной многоцветный сосуд

У трипольцев практиковались весьма сходные формы домостроительства. Раскопки показывают, что чаще всего фундаментом хижины служила глинобитная платформа, на которой и воздвигалось само жилище. Об этом же говорят и модели жилищ, встречающиеся при раскопках селищ этой культурной общности (рис. 9.16).

Рис. 9.15. Трипольская общность. Глиняные женские фигурки

Мы упомянем о трех основных различиях трипольских культур в сравнении с западными общностями. Первое из них — существенно меньшее число медных изделий в культурных слоях местных селищ на фоне придунайских или же фракийских. Отсутствие собственной меднорудной базы привело трипольцев к полной зависимости от производственных очагов центрального блока БКМП в поставках металла. Специальные исследования дают основание полагать, что на базе привозного металла трудились местные мастера по обработке меди.

Второе отличие заключается в едва ли не полном отсутствии погребальных памятников. Известен лишь единственный могильник, датированный самым финалом существования культуры. Однако по богатству и разнообразию инвентаря этот могильник ни в коей мере не может равняться с Варненским некрополем.

Третье отличие, пожалуй, можно считать наиболее значимым. Охваченный трипольским населением регион полностью лишен тех теллей или же «селищных могил», столь характерных, по крайней мере, для южного района центрального блока БКМП. Поэтому здесь невозможно встретить многослойные поселки с чередованием многочисленных и последовательных разнокультурных напластований. Трипольская общность — это относительно далекий «выплеск» оседло-земледельческих

Рис. 9.16. Трипольская общность. Глиняная модель жилой постройки

Рис. 9.17. Так представляют себе некоторые археологи характер и планировку гигантских поселений трипольской культурной общности [Энциклопедия]

культур балкано-карпатского стиля в восточном направлении. В ареале от Днестра до Днепра археологи никогда не отмечали неолитических земледельческих культур с мощными культурными отложениями и массивными глинобитными сооружениями. Видимо, это явилось основной причиной отсутствия здесь традиции заселения одного и того места в течение тысячелетий. Вместе с тем археологи полагают, что именно в ареале трипольской общности существовали гигантские поселки-протогорода (рис. 9.17). Ученые реконструируют их форму и размеры на базе различных методов аэрофотосъемки, при этом полагают, что площадь таких селищ может достигать 40, 60 и даже 100 гектаров! Правда, вплоть до нынешнего дня ни одно из подобного рода гигантских поселений сколько-нибудь широким раскопкам не подвергалось. Поэтому подобные утверждения должны оставаться в разряде гипотез.

И наконец, последнее. Сам «трипольский домен» соседствовал с весьма неприветливым и нередко жестоким к земледельцам Степным поясом. Возможно, именно поэтому трипольцы здесь выглядели достаточно чужеродным элементом. Однако именно трипольцам принадлежала роль связующего звена между двумя основными и несходными между собой мирами Евразии — древним оседло-земледельческим и зарождающимся степным скотоводческим

Третий блок БКМП: степные скотоводы

Первые шаги скотоводов в мир металлов совершались в зоне стыка между культурами центрального и — по преимуществу — восточного

(трипольского) блоков. Сопоставление их культур между собой не может не поражать, столь разительным выглядит контраст между ними. Вообще же едва ли не все характеристики, с которыми столкнется наш читатель при знакомстве со степными культурами БКМП, вольно или невольно пройдут как бы через своеобразную призму постоянного сравнения их с общностями оседлых земледельцев: мне кажется, что при таком освещении специфические черты культуры пастушеских сообществ проступят несравненно более выразительно.

В эпоху раннего металла подвластная степным скотоводческим народам территория располагалась южнее и восточнее трипольской общности — этого ядра второго блока БКМП. По существу, в зоне господства пастушеских культур оказался весь крайний западный фланг Степного пояса — от низовьев Дуная вплоть до Нижнего и Среднего Поволжья (рис. 9. 2; см. также рис. Про.2.2, В). Именно на этих широких степных и отчасти лесостепных пространствах удалось выявить и изучить большое число памятников — по преимуществу, могильных, — в комплексах которых имелись отчетливые свидетельства знакомства местных скотоводов с металлом. Археологи часто очень по-разному именуют эти пастушеские культуры. Бросается в глаза досадная разноголосица в этих названиях: мариупольская, среднестоговская в Причерноморье, хвалынская в Поволжье и т. д.

Медные изделия здесь в сравнении с металлом центрального блока, конечно же, не впечатляют. Перед нами преимущественно не очень выразительные украшения — браслеты, бляшки и т. п. (рис. 9.18); при этом специалисты предполагают, что большинство из них отковывалось местными мастерами. Согласно химическому составу, вся эта медь восходит к своим коренным источникам — горнометаллургическим очагам центрального блока БКМП. Именно это и послужило основанием для включения степных сообществ в рамки самой провинции, хотя характер металлообработки здесь находился на весьма низком уровне.

Керамические сосуды являются, как правило, основным индикатором кардинальных различий. Степная посуда примитивна; ее выдает по преимуществу округлое или же приостренное дно (рис. 9.19). Нередко полагают, что подобная форма связана с подвижным образом жизни пастухов, и для пущей

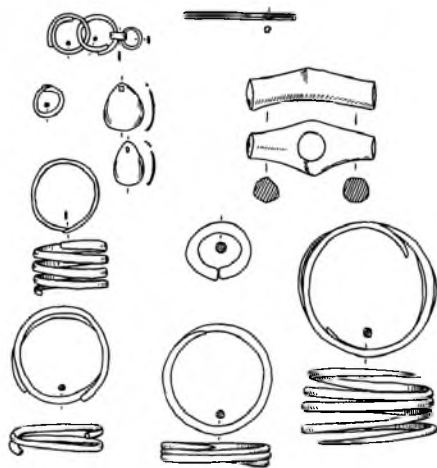

Рис. 9.18. Медные предметы в памятниках степных культур и общностей в рамках Балкано-Карпатской металлургической провинции

Рис. 9.19. Образцы глиняной посуды в памятниках степных общностей медного века

устойчивости кочевники во время стоянок сосуда такой формы помещали в земляные ямки. Совершенно иной выглядит также вся система орнамента сосудов и техника ее нанесения: это не роспись тулова горшка, но нарезка или же его своеобразная гравировка каким то малым инструментом еще на мягкой глине, до ее обжига. Основным материалом для изготовления

оружия служил кремль. Из этого материала, следуя еще неолитической традиции, выделывали многочисленные наконечники стрел, тесла, долота (рис. 9.20) и т. п.

Безусловно, что животноводство являлось главным занятием степных аборигенов. Как правило, в стадах преобладал крупный рогатый скот, хотя доля овец и коз, особенно в степных районах, оказывалась весьма значительной. Однако в ряде коллекций, происходящих из раскопок поселений в междуречье Днепра и Донца, на первый план могут выходить кости одомашненной лошади: доля ее останков в слоях некоторых селищ могла достигать 60%! К глубокому сожалению, сегодня мы не в состоянии сказать с уверенностью, — был ли в этих культурах конь уже освоен под верховую езду. Предположения о всадничестве в этих культурах высказываются

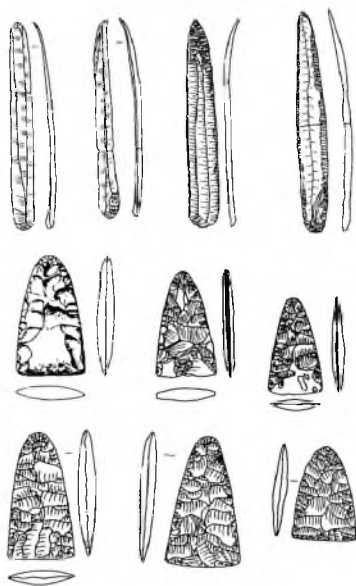

Рис. 9.20. Образцы кремневых орудий и оружия в памятниках медного века степных культур

Рис. 9.21. Зооморфные каменные скипетры-навершия. Распространены в степной зоне Причерноморья, а также в бассейне нижнего Подунавья; однако их находки весьма редки [Govedarica, Kaiser]

довольно часто, однако строгих доказательств этого важнейшего для степняков достижения пока что нет. Порой аргументом для доказательства такой гипотезы считают наличие своеобразных каменных «скипетров» со схематическими изображениями, как часто полагают, конской головы (рис. 9.21). Аргумент этот, однако, не очень весом: у древних весьма нередко приобретали сакральный смысл фигурки заведомо диких животных — медведей, лосей, оленей и т. п.

Земледелие не практиковалось вовсе. Если же в культурных слоях и попадались отдельные зерна злаков, то их можно было относить либо на счет контактов со своими соседями-земледельцами, либо на счет случайного и неконтролируемого попадания таких зерен в слои степных культур.

Основную долю материалов степных обществ поставляют нам раскопанные археологами кладбища. Погребения людей крайне редко отличаются богатством; чаще всего покойники уходили на тот свет совершенно лишенными инвентаря. Вполне вероятно, что именно наиболее знатные из погребенных сопровождались немногочисленными медными украшениями, но такого рода факты очень мало характерны для степных культур медного века.

Поселения мало выразительны, их культурный слой беден находками. Население обитало в хижинах легких конструкций, чей земляной пол был слегка углубленным в землю. Скорее всего, сам характер селищ также нес на себе признаки подвижного быта скотоводов-степняков. Если прибегать к этнографическим параллелям, то можно, например, полагать, что подобные обиталища использовались пастухами лишь в зимний период, когда скот со

своими пастухами не мог свободно передвигаться с места на место, но был «привязан» к определенным местам обитания пастушеских семей.

Еще об одном: составляющие ядро третьего блока БКМП культуры степной зоны отличаются — опять-таки на фоне балкано-карпатских сообществ — чрезвычайной расплывчатой картиной. В большинстве случаев здесь очень трудно определить, как же следует разграничивать по территориальному и хронологическому признакам рамки степных культур. Где и когда завершается одна культура и начинается другая? Этнокультурные грани как бы размазаны по координатам времени и пространства. В среде археологов это порождает бесконечные и далеко не всегда плодотворные дискуссии о наименованиях степных культур, об их территориальных («горизонтальных»), а также хронологических («вертикальных») рамках. Исторические параллели, которые в изобилии можно почерпнуть из первой — исторической — части книги, позволяют утверждать, что такая ситуация чрезвычайно характерна для огромного большинства мобильных кочевых или же полукочевых обществ. Стремительные пространственные передвижения, бесконечные междоусобицы и стычки, захваты и перемещения различных групп населения — все это приводило к активному смешению различных этнокультурных групп. Естественно, что все это также впрямую и непременно должно было отражаться на археологическом материале, с чем мы и сталкиваемся постоянно при изучении материалов степных скотоводов.

И наконец, последнее. Сравнение обоих блоков оседло-земледельческих культур со степными сообществами не может не привести к заключению, что последние предстают глубокими варварами на фоне тех буквально по всем основным позициям. Любопытно при этом, что наиболее активными посредниками, скажем, в металлургических контактах с коренными очагами БКМП послужили именно металлообрабатывающие мастерские трипольской культуры, с которыми скотоводы поддерживали вполне очевидные связи. Однако эти длительные и постоянные контакты совершенно не поколебали приверженности основных принципов жизнеустройства у населения обеих противоположных по своему характеру культурных групп. Более того, отдельные степные группы проникали по Дунаю на сотни километров, вплоть до центральных областей оседлых земледельцев. Однако и при этом внешние проявления их культуры оставались совершенно неизменными; об этом легко судить, поскольку сами взаимодействующие между собой культуры хранили верность своим основным канонам. Но как это ни парадоксально, финал этих контактов оказался во многом не в пользу культур, блиставших своими золотом и медью, расписными сосудами, выразительной пластикой. . . Впрочем, парадоксами насыщены буквально все периоды исторического развития человеческих сообществ.

Направление импульсов

Начало данной главы было сосредоточено на обсуждении феномена металлургической «революции», неожиданного и могучего взрыва горно-металлургического производства в Старом Свете, обаянного культурам медного века Балкано-Карпаты. При обсуждении этого важнейшего события чаще всего в археологической среде склонны принимать во внимание два возможных исходных импульса, приведших к зарождению самого феномена.

Первый из них мог исходить из среды «протометаллических» анатолийских культур VII—VI тыс. до н. э. Правда, сомнения в этой гипотезе кроются в отчетливо выраженном торможении развития данной технологии в Анатолии и Месопотамии; причину этого можно усматривать в строгих запретах на развитие такой технологии в нормативных канонах культур «протометаллической» зоны. Однако еле заметная пульсация производства меди продолжалась там в течение не менее четырех тысячелетий, и невозможно исключить, что предполагаемый — хотя и очень слабый — анатолийский импульс мог последовать в северо-западном направлении. Реакция носителей подунайских культур на эти инновации оказалась неожиданно благоприятной, что и послужило основой для вспышки абсолютно нового для балкано-карпатских культур прогрессивного производства.

Доказать подобный механизм проникновения, равно как и анатолийский источник балкано-карпатского феномена, крайне сложно. Материалы начальной, скрытой (латентной) фазы развития горнометаллургического производства на севере Балкан весьма ограничены и крайне невыразительны. По этой причине данная гипотеза может подкрепляться лишь отсылками к позднейшим историческим параллелям типа вспышки новых технологий на северо-американском континенте после заселения его пространств энергичными «диссидентами» западноевропейских культур. Согласимся, однако, с тем, что такую возможность исключать не следует.

Остается другое объяснение: основой здесь явились как вполне самостоятельный внутренний импульс, так и вполне очевидное отсутствие запретов в нормативных канонах балкано-карпатских сообществ на широкое внедрение и развитие этой технологии. Во всяком случае, такого рода объяснение феномена балкано-карпатского технологического скачка выглядит существенно более простым и надежным.

Теперь коснемся проблемы *импульсов уже со стороны металлургии балкано-карпатских культур*: в какие же стороны были направлены их русла? Ответ здесь однозначен: *импульс последовал на восток и северо-восток, в зону культурно чужеродных им скотоводов-степняков*. Заметим — и это очень важно! — не в ареалы близких по характеру и духу

оседло-земледельческих культур Анатолии, ни на соседний юг Балканского полуострова с его высокоразвитыми неолитическими сообществами, но в те степные края, откуда по балкано-карпатским культурам центрального, а также периферийного трипольского блоков в не столь уж отдаленном будущем последуют тяжелые удары.

Однако произойдет это уже на следующем этапе развития культур и общностей обширного региона БКМП. Причем основные события будут связаны не с теми степняками Северного Причерноморья, которые первыми восприняли столь завораживающие знания о новом материале — меди, но со скотоводческими сообществами уже иного региона.

ГЛАВА 10

Циркумпонтийская провинция и майкопская культура больших курганов

Четвертое тысячелетие стало периодом заката для большинства горно-металлургических центров Балкано-Карпатской металлургической провинции. Правда, при беглом взгляде на эту сложную систему производящих очагов признаки упадка проявлялись здесь не столь очевидно. Так, казались устойчивыми сложившиеся еще в V тысячелетии территориальные рамки БКМП. Оставалась внешне неизменной основная структура провинции с подразделением ее на три основных блока культурных общностей: оседло-земледельческие центральный и периферийный, а также степной. В горнометаллургических центрах провинции по-прежнему выплавлялась изрядная масса меди, а из нее отливались и отковывались многочисленные изделия. В этом периоде ведущие центры производства в БКМП постепенно сдвигались с юга ближе к северным областям провинции — в Карпаты, в Трансильванию. Вместе с тем на фоне этой стабильности в культурном облике основных сообществ провинции не столь уж трудно было подметить заметный технологический застой, а подобный признак почти всегда предвещает — либо стремительный, либо растянутый во времени — коллапс системы.

Параллельно этому четвертое тысячелетие породило в Евразии новые культурно-технологические феномены и опасного «конкурента» Балкано-Карпатской провинции. Переходя к знакомству с этими неожиданными материалами, мы в очередной раз столкнемся со странными и внезапными скачками, или же взлетами, технологического развития. Автор данной книги будет доволен, если читатель станет постепенно привыкать к мысли, что

старт едва ли не всех ярких событий и технологических достижений почти всегда предстает перед исследователями как бы внезапно, внешне парадоксально, напоминая чем-то своеобразный взрыв. События такого рода, как правило, отражались в форме целостного клубка исключительно броских и материально выраженных комплексов, — именно о подобных явлениях мы и вели рассказ в предшествующих восьмой и девятой главах. О событиях сходного характера речь пойдет также здесь.

Циркумпонтийская металлургическая провинция: фаза зарождения

«Конкурента» Балкано-Карпатской металлургической провинции породил тот регион, что на удивление долго и вяло, едва ли не бесконечные пять тысячелетий, пребывал в дремотном состоянии. Металлургия как бы застыла здесь на весьма примитивном уровне, что особенно бросалось в глаза на фоне иных аспектов культуры вроде архитектуры или скульптуры. Данную не всегда до истинной глубины понимаемую стадию мы и окрестили «эпохой прото-металла». Предыдущая глава завершалась утверждением, что наиболее четко выраженным направлением импульса балкано-карпатской металлургии являлось северо-восточное — к чужеродным скотоводческим культурам степных и лесостепных пространств северного Причерноморья; и что балкано-карпатский импульс в сторону анатолийских нагорий — к малоазийским культурам — проследить практически не удастся. Судя по всему, именно такой странной изоляцией Северных Балкан от Анатолии легче всего объяснить достаточно очевидное отличие зародившейся там новой металлургии как в технологии металлургического производства, так и в формах производимых изделий.

Важнейшим событием IV тысячелетия, безусловно, стало зарождение и формирование *Циркумпонтийской металлургической провинции* (ЦМП). Свое название эта — ставшая вскоре центральной в Евразии — система взаимосвязанных горнометаллургических и металлообрабатывающих центров получила от древнегреческого наименования Черного моря — Понт Эвксинский. Иначе говоря — «окружающая Понт» провинция. Система эта в своем развитии прошла две основные фазы.

Первая из них явилась временем сложения и формирования, и мы предпочитаем именовать ее «прото-ЦМП». На этой стадии основные производящие очаги ЦМП охватывали «Понт» лишь с юга и востока, в то время как границы угасающей Балкано-Карпатской провинции по-прежнему огибали Черное море с запада и севера (рис. 10.1). Общая площадь прото-ЦМП составляла приблизительно 1,7—1,9 млн. кв. км, а сам ранний этап провинции вписывался по преимуществу в рамки IV тыс. до н. э.

Второй фазой ЦМП явилось очевидное торжество технологических установок ее ведущих центров уже по всему обширному периметру Причерноморья над господствовавшими до того времени формами БКМП. По данной причине именно с того времени, то есть уже в III тыс. до н. э., провинция по праву получает название Циркумпонтийской. На втором этапе территория ЦМП увеличилась более чем в два раза, достигнув 4—4,5 млн. кв. км.

В рамках провинции необходимо отметить два события, сыгравшие огромную роль в технологической и культурной жизни народов Евразийского континента. Основные металлургические очаги ЦМП перешли на производство искусственных бронз — *сплава меди с мышьяком* (мышьяк — не металл, его нередко именуют металлоидом). В данном отношении металлурги провинции явились «пионерами» новой технологии в производстве *мышьяковых бронз*. Уже на последующих хронологических этапах в весьма значительном ряду производящих очагов Евразии можно было наблюдать использование подобной и, надо заметить, весьма неожиданной даже для современных исследователей технологии сплавов.

Другим событием, также чрезвычайно ярко окрасившим многие страницы евразийской истории, стало зарождении так называемых *курганных*

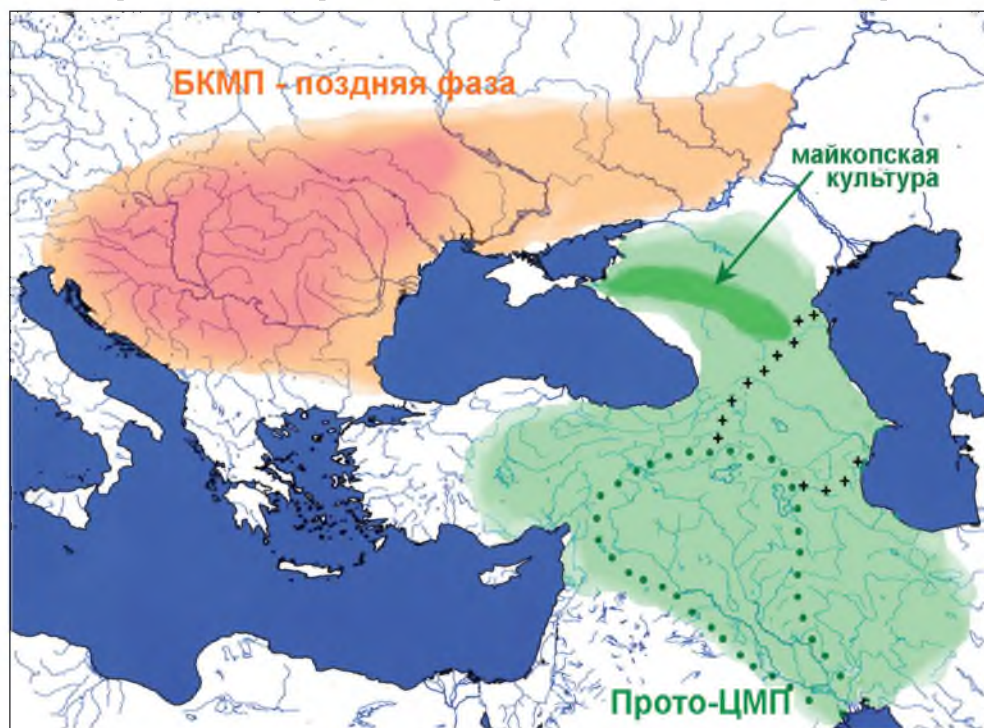

Рис. 10.1. Ареалы Балкано-Карпатской и прото-Циркумпонтийской металлургических провинций. Точками помечен ареал культуры поздний Урук, звездочками — куро-араксинской культуры

культуры. Надмогильные «поминальные» насыпи — большие или малые, скромные или же гигантские — стали служить истинным символом степных скотоводческих культур. Чаще всего именно они становились теми специфическими маркерами, по которым археологи решаются ныне определять этно-культурную принадлежность тех или иных групп населения, даже если эти погребальные курганы сооружались людьми далеко за пределами Степного пояса. Именно по этой причине наше дальнейшее описание археологических культур и общностей Степного пояса в той или иной мере станет отзвуком оценки такого — зачастую неперменного для степняков — ритуала сооружения надмогильных холмов.

Структура ЦМП на первой фазе ее существования по ряду важных деталей напоминала ту, что мы отмечали для провинции Балкано-Карпатской: ее составляли два блока культур. Южные оседло-земледельческие общности определяли, безусловно, основную и самую обширную группу в рамках ЦМП. Их памятники обозначили весь тот ареал, которому мы посвятили выше раздел об эпохе прото-металла (см. главу 8, рис. 8.1). Кроме того, в это тысячелетие зона металлоносных оседло-земледельческих культур расширилась за счет Южного Кавказа. Общая площадь культур данного блока достигла в тот период приблизительно 1,3—1,5 млн. кв. км. Сырьевой базой для горнометаллургического производства в этой обширной зоне послужили богатейшие и разнообразные месторождения меди и иных полезных ископаемых (мышьяка, сурьмы, серебра, золота), рассеянные по горным областям Анатолии, Южного Кавказа и Западного Ирана.

Северные скотоводческие культуры в границах ЦМП оккупировали пространства к северу от Большого Кавказа. Территория, покрытая памятниками северного блока скотоводческих курганных культур, оказалась сравнительно небольшой: примерно 350—400 тыс. кв. км., то есть ее доля лишь приближалась к четвертой части от общей площади прото-ЦМП (рис. 10.1). В северном блоке коронной культурой, вне всякого сомнения, являлась майкопская, хотя площадь ее была незначительной — всего около 75 тысяч кв. км.

Майкопская культура и ее курганы

Впечатляющая серия курганов майкопского типа — а именно эти надмогильные насыпи скрывали под собой богатейшие захоронения местных вождей — и составила истинный лик самой культуры. Памятники майкопского облика по преимуществу рассеяны по северным предгорьям Кавказа, в бассейнах рек Кубани и верхнего Терека. Основная доля до настоящего времени раскопанных и ставших весьма знаменитыми подкурганных погребений сосредоточена по преимуществу на северо-западном Кавказе,

Рис. 10.2. К сожалению, автор не имеет возможности продемонстрировать читателям выразительные фотографии гигантских курганов майкопской культуры. То, что вы видите на этом рисунке — это также гигантский курган, но уже более позднего — скифского — времени, то есть I тыс. до н. э. Однако уже в IV тыс. до н. э. на Северном Кавказе сооружали надмогильные насыпи и сооружения вполне сходных громадных масштабов для вождей культур самого начала бронзового века

в предгорьях левобережных притоков Кубани; однако близкие им древности в немалом числе встречаются и на низинном, более плоском, уже чисто степном правобережье кубанского бассейна. Восточнее Прикубанья памятники майкопского типа доходят до Чечни, и здесь границы этой культуры едва ли не вплотную подходят к знаменитым Дербентским воротам Прикаспия (рис. 10.1). Поселения майкопской культуры также известны, но они в сравнении с курганными памятниками крайне невыразительны: мы посвятим им краткий раздел вслед за характеристикой курганных захоронений.

Рис. 10.3. Золотая и серебряная посуда из погребения вождя под большим курганом в городе Майкопе

Рис. 10.4. Курган в г. Майкопс. Серебряные сосуды с выдавленными и гравированными изображениями животных на фоне, как предполагают, горного кавказского (?) ландшафта.

Внизу: деталь изображения на венчике нижнего сосуда какого-то животного, объедающего листья или плоды с дерева. Хорошо видны заклепки — следы починки сосуда

Сколько-нибудь подробно описывать курганные некрополи майкопского типа абсолютно нереально, да и постановка подобной задачи в нашей книге выглядела бы весьма нелепо. Поэтому мы ограничимся знакомством с наиболее выразительными комплексами и начнем наш рассказ о получившем

мировую известность Майкопском кургане, который и явился своеобразным «родоначальником» всей этой культуры.

Еще в позапрошлом веке разраставшийся в конце столетия вширь город Майкоп «накрыл» своими кварталами древнюю и впечатляющую своими размерами надмогильную насыпь. После получивших широчайшую известность раскопок даже ту улицу, с которой этот древний курган оказался неожиданно связанным, назвали Курганной. Местное население ведало об этом впечатляющем холме давно, однако лишь в 1897 году к его раскопкам приступил известный русский археолог Н. И. Веселовский. И хотя похвастать высоким уровнем его раскопчной методики ныне вряд ли возможно, восстановить важнейшие черты этого памятника все же удалось.

В майкопском погребальном сооружении все казалось огромным: высота насыпи превышала 10 метров; диаметр рукотворного холма превышал сотню метров (он напоминал своими размерами тот, — не-майкопский — что изображен на рис. 10.2). Сам холм перекрывал обширный могильный прямоугольный котлован размером 5,5 м на 3,7 м и глубиной около полутора метров. Погребальную яму окружал кольцевидный кромлех из поставленных на ребро каменных плит. Стены обширного котлована-усыпальницы были укреплены деревом. Дно могилы выложили каменными окатанными речными булыжниками или массивной галькой. Деревянные стенки разделили котлован на три неравные части, в которых и сохранились останки трех покойников. «Важнейшего» в этом погребальном комплексе покойника поместили в южную половину могильного сооружения.

Густо засыпанный красной охрой погребенный лежал скорченно на боку. Именно эту персону и сопровождал самый выдающийся по богатству инвентарь. Золото: 68 бляшек-львов, 19 бляшек-быков, 38 колечек, весьма многочисленные пятилепестковые бляшки-розетки (рис. 10.6). Покойник был украшен ожерельями, от которых сохранилось огромное число весьма разнообразных по форме бусин — золотых, серебряных, бирюзовых (рис. 10.7). Голову погребенного обвивали золотые ленты. Перед покойным лежали шесть метровых серебряных стержней. На концах четырех стержней были насажены золотые и серебряные — по две

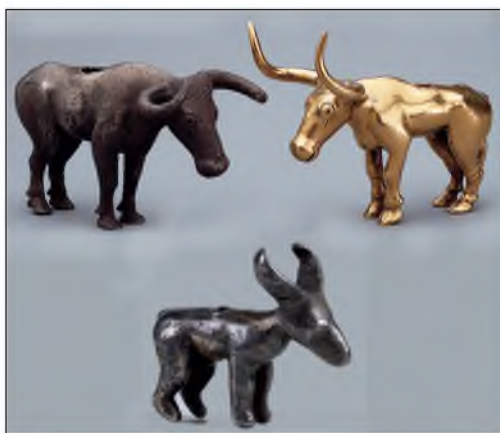

Рис. 10.5. Курган в г. Майкопе. Серебряные и золотая фигурки быков и осла. Все фигурки имеют в области спины и живота отверстия для насадки их на серебряный стержень сложного по форме балдахина (?) над телом покойного вождя

Рис. 10.6. Курган в г. Майкопе. Золотые бляшки и колечки

для каждого металла — фигурки быков и осла (рис. 10.5). У стенок могилы поставили 17 драгоценных сосудов, из которых были два золотых, 14 серебряных, а также бронзовые (рис. 10.3, 10.4, 10.8) и один каменный. В этом ярком ряду сакральной посуды самыми примечательными оказались два серебряных сосуда с гравированными изображениями различных животных (рис. 10.4). В могиле лежали также 10 бронзовых изделий — оружие и орудия: топоры-тесла, большой кинжал, долото, крюки и т. д. (рис. 10.9, 10.11). Кроме всего здесь же были поставлены круглодонные глиняные сосуды.

Погребения в двух меньших по размеру «отсеках» могильного котлована также сопровождалось богатым инвентарем, хотя и сильно уступали в этом отношении «южной» — центральной персоне майкопского кургана.

Километрах в пятидесяти юго-восточнее Майкопа тем же Н. И. Веселовским в следующем 1898 году были проведены раскопки других курганов, правда с методической точки зрения, уже заметно более низкого уровня. Однако и здесь материал оказался весьма впечатляющим, хотя по своему богатству последний и уступал майкопскому. Тем не менее курганы у станицы Царской, переименованной после революции 1917 года в Новосвободную, также получили мировую известность. Самым любопытным, пожа-

Рис. 10.7. Курган в г. Майкопе.
Серебряные и золотые ожерелья, бусы из полудрагоценных камней

луй, явилось здесь то, что захоронения совершались в крупных могильных домиках, сложенных из массивных каменных плит, которые ныне чаще всего именуют дольменами. Удивлял огромный общий вес каменных погребальных конструкций: не менее 14—16 тонн! Дольмены окружались кольцевой кладкой из каменных булыжников и крупной речной гальки, после чего перекрывались массивной земляной насыпью.

Рис. 10.8. Курган в г. Майкопе. Бронзовый сосуд («ведро»). Само погребение сопровождалось большим количеством бронзовой посуды

Рис. 10.9. Майкопская культура. Бронзовые ножи-кинжалы, желобчатое долото и втульчатые крюки: довольно обычный набор орудий в богатых могилах этой культуры

Рис. 10.10. Майкопская культура. Основные типы бронзового оружия — черенковые наконечники копий и втульчатые топоры. Эти категории бронзовых изделий вошли в едва ли не обязательный стандарт орудий и оружия в подавляющем большинстве металлургических и металлообрабатывающих центров гигантской Циркумпонтийской металлургической провинции. При этом наконечники копий были более характерными для южных регионов провинции, а топоры — для северных

шары четыре метра каждый. Как и в майкопском кургане, пол гробницы был также выложен массивным галечником (булыжником).

Некоторые из поставленных вертикально плит были выполнены в виде антропоморфных стел: человеческую голову на них довольно грубо и схематично обозначили навершием-выступом. На этих стелах, а также на некоторых обычных прямоугольных могильных плитах гравировкой были нанесены геометрические узоры (рис. 10.12).

В гробнице сохранились останки двух покойников. При этом исследователи предполагали, что один из них — гораздо более рослый и мощного сложения в сравнении с соседним — был умерщвлен насильно. Весь погребальный инвентарь сопровождал уже второго — отличавшегося от первого заметно субтильным сложением — покойника. Его фигуру и одежду украшали более трехсот мелких золотых изделий — в основном, бусин. Здесь же лежал богатый набор бронзового оружия, а также металлический котел.

В целом к древностям майкопской общности можно относить примерно 400 бронзовых изделий (преимущественно орудий и оружия), до 7,5 тысяч золотых украшений и сакральных предметов, а также более 1100 серебряных

Однако мощь и величие каменных погребальных конструкций курганов левобережного бассейна Кубани превосходил, пожалуй, надмогильный холм, раскопанный в пределах города Нальчика, то есть уже в бассейне Терека. Высота его сохранившейся насыпи достигала 11—12 метров, диаметр превышал сотню метров. Тотальный объем земляной насыпи равнялся 23000—25000 кубических метров! Курганная насыпь перекрывала гробницу размером 313 x 234 см. Стены гробницы были выложены из 24 массивных и поставленных «на попа» туфовых плит (рис. 10.12). Длина каждой из вертикально поставленных плит-стел колебалась от 1,7 до 2-х метров. Крышей гробницы служили положенные горизонтально поперек пристенных блоков шесть аналогичных плит из вулканического туфа; здесь длина таких блоков могла превы-

Рис. 10.11. Курган в г. Майкопе. Бронзовое оружие: тесло-топор, топор и тесло. Под ними — желобчатое долото

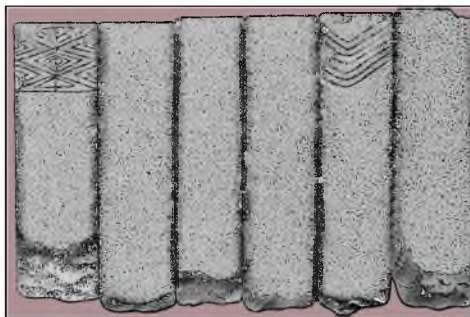

Рис. 10.12. Майкопская культура. Подкурганная гробница в Нальчике. Такими могучими туфовыми блоками были выложены стены ее погребальной камеры

вещей. Практически все эти сокровища происходят из раскопанных археологами или же разрушенных до научных раскопок богатых захоронений.

Мы упомянули здесь лишь о трех выдающихся захоронениях знатных персон майкопской культуры, хотя число ныне раскопанных ярких могил здесь существенно больше. Не следует думать, однако, что все погребения майкопской культуры отличались подобным набором разнообразного инвентаря и сходными типами сложных могильных сооружений. Конечно же, богатейшие могильные комплексы сооружались в честь родовых или племенных вождей или хотя бы выдающихся клановых старейшин. Большинство захоронений этой культуры характеризовалось существенно более скромным набором инвентаря, указывая тем самым на более низкий социальный статус погребенных.

Майкопские поселения

В любом случае на фоне общей пышности и очевидного — пусть выраженного даже «суммарно» — богатства погребального инвентаря поселения майкопской общности выглядят если не убого, то уж, по крайней мере, совершенно непрезентабельно. Селищные материалы, за исключением некоторых общих для этой культуры форм глиняной посуды, не содержат практически ничего, что соответствовало бы погребальному инвентарю, или же тому, что позволяет нам видеть в майкопской культуре явление феноменального ранга.

Как правило, селища располагались в трудно доступных урочищах кавказских предгорий. Некоторые совсем невыразительные поселения-стоянки ухитрялись ютиться даже под скальными навесами. На месте майкопских селищ практически никогда не удастся встретить сколько-нибудь выразительного металлического инвентаря, хотя бы отдаленно сходного с

погребальным. В культурных слоях этих, как правило, весьма незначительных по площади поселков преобладают орудия из кремня и иных видов камня. Почти нереально выявить на местах обитания выразительных форм жилой или же сакральной архитектуры. Лишь только на одном из селищ культуры, носящим название Мешоко и расположенном в верхнем течении левого притока Кубани — реки Белая, исследователям удалось наткнуться на остатки каменной стены, в которой археологи распознали деталь оборонительного сооружения. Однако площадь самого поселения Мешоко также совсем невелика — не более 1,5 га.

Поселения южного блока культур

Как ярчайший контраст этому многие поселения синхронных майкопу культур южной части ЦМП претендуют быть включенными уже в разряд протогородов. Такими, к примеру, являлись крупные центры так называемой культуры Урук, расположенные южнее в бассейнах Тигра и Евфрата (рис. 10.1; 10.13). Им как бы вторят и бытовые памятники куро-араксинской культуры, получившей свое названия от рек Кура и Аракс на Южном Кавказе и распространенной также по всему Армянскому нагорью (рис. 10.1). Культура эта в Дагестане и Чечне соседствовала с майкопской, — но как раз-

Рис. 10.13. Раскопанный участок «протогорода» Хабуба-Кабира в верховьях Евфрата. Едва ли не каждое из таких поселений этой позднеурукской культуры покрывало площадь в десятки гектаров. Весьма выразительна здесь также глинобитная архитектура жилых и сакральных сооружений. Позднеурукские протогорода были синхронны майкопским большим курганам [Strommenger]

ительно отличались поселения этих параллельно существовавших общностей! Руины куро-араксинских селищ выдавали прочные оседлые формы бытия. Их постоянно отличал мощный культурный слой, толщина которого порой достигала 6—8 метров. Отложения на этих селищах всегда буквально набиты массой материала — керамического, костного. Находят здесь порой металл вместе с глиняными литейными формами для отливки крупных втульчатых топоров того типа, что археологи часто извлекают из могил, но только майкопской куль-

Рис. 10.14. Огромный «каравай» жилого холма Арслан-тепе площадью более 4 га (Восточная Анатолия, верховья Евфрата). Здесь были вскрыты руины глинобитного дворцового сооружения культуры самого начала III тыс. до н. э., относящегося к несколько более позднему времени в сравнении с майкопской культурой [Google]

туры. Люди обитали в домах, стены которых были сложены из камня или из комбинации камня и сырцового кирпича. Центр таких домов нередко был обозначен глиняными очажками-подставками сакрального характера.

И если майкопский погребальный обряд почти постоянно характеризовался стремлением к стандарту подкурганного ритуала, то захоронения куро-араксинской культуры отличались обрядовой пестротой. Очень часто погребения свершались в границах поселков, под полами жилых построек или же между стенами последних. Инвентарь могил, как правило, не богат: это, по преимуществу, глиняные сосуды. И в этом отношении невозможно заметить хотя бы какие-то точки соприкосновения с поражающими своим богатством гробницами майкопского облика. Правда, некоторые куро-араксинские

Рис. 10.15. Арслан-тепе. Среди помещений дворца археологи натолкнулись на богатый клад бронзового оружия: наконечники копий и мечи-кинжалы. Рукояти коротких мечей были украшены серебряными треугольными аппликациями [Anatolian: 88]

погребения встречаются и под курганами, однако их время, скорее всего, совпадало уже с позднейшим этапом культуры, когда курганный обряд скотоводов проник в долины Куры и Аракса, а также на высоты Армянского нагорья (об этом мы расскажем в следующей главе).

В ходе подобного рода сопоставлений и размышлений нельзя не обратить внимания читателей еще на одну примечательную особенность. Оседло-земледельческие культуры, по крайней мере, относящиеся к тем, что восходят к периодам до IV тыс. до н. э., чрезвычайно редко выражали себя и свои идеологические установки в отменно пышных погребальных обрядах. Несколько могил Варненского некрополя отличались богатством инвентаря, но отнюдь не величиим надмогильных конструкций. Несравненно чаще оседлые культуры были озабочены сооружениями культового характера — храмами, каменными стелами и т. п., — с заупокойным миром напрямую не связанными. Совершенно иначе, но только в облике майкопской общности предстают перед нами скотоводы: здесь основные усилия культур сосредоточены на обслуживании покойника в мире потустороннем. И эта традиция будет продолжаться, и принимать порой весьма гипертрофированные формы.

Сходным контрастом между комплексами погребальными, с одной стороны, и памятниками бытового характера, с другой, почти всегда отличаются культуры мобильных скотоводов. Ведь господствующие формы их хозяйствования не позволяли привязывать стада животных к определенным местам обитания. Однако при рассмотрении майкопской культуры, по всей вероятности, следует поискать иное объяснение отмеченному выразительному контрасту, и это мы попытаемся сделать ниже.

Хозяйство

В реальности вплоть до нынешнего дня майкопские памятники — равно как селищные, так и погребальные — не содержат сколько-нибудь выразительных аргументов в пользу занятия аборигенов земледелием. В основном, по этой причине доминирование животноводства у обитателей селищ майкопского типа кажется безусловным. Вместе с тем обескураживает то, что, по существу, основным животным, чьи костные остатки сосредоточены в поселенческих слоях, являлась здесь domesticiрованная (одомашненная) свинья. На основе этих материалов археозоологи заключали, что свиньи составляли примерно половину стада у аборигенов. Однако эта категория животных совершенно не присуща формам кочевого скотоводства. Разводить в таком множестве свиней были в состоянии лишь оседлые обитатели. И это также сразу ставит нас перед сложным вопросом этно-культурного соотношения групп людей, условно объединяемых нами в рамки майкоп-

ской культуры. Первую группу составляли те, что оставляли нам свои выразительные подкуранные захоронения; вторую — те, что ютились на скромных по облику селищах в северных предгорьях Большого Кавказа.

Опять-таки, как и для общностей степей Северного Причерноморья, в майкопской культуре также весьма остро стоит вопрос о domesticiрованной лошади. Конские кости если и встречаются в слоях поселениях, то в количестве воистину мизерном. Во всяком случае, их доля здесь совершенно несопоставима с той, о которой мы говорили при исследовании культур степного круга в рамках Балкано-Карпатской провинции. Кроме всего, то незначительное количество остатков лошадиных костей на так называемых майкопских селищах не несет никакой информации о возможном использовании здесь лошади в качестве верхового животного. К этому заключению также как бы подводят нас, правда редкие, находки в майкопских погребениях согнутых в петлю бронзовых прутков (рис. 10.16). Не исключено, что перед нами детали узды для верхового коня — своеобразные псалии.

Все это ставит нас перед необходимостью гораздо более пристально взглянуть в удивляющие своей противоречивостью черты майкопской культуры, чтобы получить на наши вопросы хотя бы гипотетические, но в определенной мере удовлетворительные ответы.

Загадки майкопского феномена

Майкопский феномен открывается перед нами впечатляющим перечнем загадок. Начнем, пожалуй, с первой из них, правда уже сформулированной ранее: действительно ли обретались на этих убогих стоянках те, кто был включен нами в разряд персон вполне очевидного высокого статуса, то есть погребенных под курганами? Крайне сомнительно! По всей вероятности, здесь мы сталкиваемся с отражением, по меньшей мере, двух групп обитателей Предкавказья. Эти группы были каким-то образом связаны между собой, но одновременно достаточно резко отличались своим социальным статусом. К высшим относились те, кому после их кончины полагалась под-

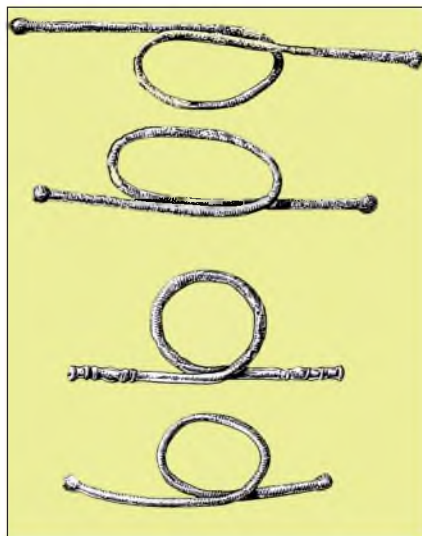

Рис. 10.16. Майкопская культура: в этих согнутых в петлю бронзовых парных прутках многие археологи видят детали конской узды (псалии)

курганная гробница. К низшим же принадлежали обитатели невыразительных селищ

В предложенной гипотезе нет ничего сверхобычного. Этнография представляет нам достаточное число примеров подобной иерархии в рамках единых этно-культурных общностей. Приведем только один пример: сомалийцы в Восточной Африке. Там кланы кочевых скотоводов, по существу, до нынешнего дня явно доминируют над оседлыми земледельцами. Вожди скотоводов предлагают тем «добровольную крышу», как бы обязуясь оборонять их от вражеских происков, а за это «обороняемые» должны стать постоянными данниками номадов. В XIX столетии этнографы фиксировали у сомалийцев также третью, совсем уж угнетенную группу — «тумалло», металлургов и кузнецов. Кланы мастеров по металлу вообще были приняты до статуса неприкасаемых. Однако, если оценивать относящиеся ко всем группам сомалийского народа материалы с позиции археологических источников, то совсем нетрудно было бы обнаружить среди этих материальных предметов явно связующие их признаки — ведь все три эти столь различающиеся по своему статусу группы сомалийцев находились в постоянном и длительном общении.

Теперь следующий пункт загадок. Могильники содержат огромное число бронзовых высококлассных вещей и трудно учитываемую массу золотых изделий. Кто и где добывал руду и выплавлял этот металл? Кто и где отливал и отковывал все эти орудия, оружие и украшения? И здесь мы оказываемся в очевидном тупике, поскольку никаких сколько-нибудь отчетливых следов горнометаллургического производства, связанных с майкопской культурой, до сих пор обнаружить не удалось. Характеризуя центральный блок культур Балкано-Карпатской металлургической провинции, мы отмечали, что там также нет никаких свидетельств обработки металла на селищах, однако медный рудник Аи бунар говорил об огромных масштабах добычи медных минералов.

Майкопские же древности не дают в наши руки ничего: здесь нет ни рудников, ни литейных мастерских; нет среди могильного или же селищного материала ни одной литейной формы для отливки тех великолепных бронзовых изделий, что в изобилии представлены в этих коллекциях. Так из каких же источников появилось все это богатство?

Прежде чем попытаться ответить и на этот вопрос, обратим внимание на еще одно, и пожалуй, более загадочное обстоятельство. Вся учтенная нами мышьяковая бронза для культур IV тыс. до н. э. в системе прото-ЦМП — если не на две трети (!), то по меньшей мере наполовину — сосредоточена в могилах майкопской культуры. Это касается в основном металлического оружия и орудий — бронзовые украшения мало интересовали майкопских вождей. Зато по золоту дисбаланс предстает намного более впечатляющим.

Майкопские курганы заключают в своих могилах более 9/10 золота, известного среди древностей **всей** прото-ЦМП.

Какой поразительный контраст с Балкано-Карпатской металлургической провинцией. В структуре той провинции ее третий блок — степных скотоводов — выглядит маргинальным по всем признакам, включая металл. Здесь же скотоводческая периферия не только выдвигается на первый план, но подавляет массой металла — и особенно драгоценного — все прочие центры ЦМП. Удивляет не только это: комплексы богатых майкопских захоронений содержат золотых изделий приблизительно *в два раза больше*, нежели во всей Балкано-Карпатской металлургической провинции. Кроме того, в центрах последней едва ли совершенно не знали о серебре, а в майкопе его очень много. И параллельно с таким превосходством по массе драгоценных металлов оказывается, что меди в прото-ЦМП примерно *в пять раз меньше* (!), чем во всей Балкано-Карпатской провинции.

Судя по всем признакам, и бронза, и золото поступали в распоряжение майкопских воинственных номадов с юга, из-за хребтов Главного Кавказа. Именно там и можно было встретить те месторождения медной руды и золота, которые резонно было бы считать источниками металлов для культур ранней фазы провинции. Северокавказские медные месторождения не отвечали по своим химико-минералогическим свойствам составу той меди, что составляла пышный погребальный инвентарь майкопских вождей. Месторождений золота, доступных для разработки в древности на Северном Кавказе вообще не известно. Кроме того, на ряде богатых южных поселений обнаружены находки глиняных литейных форм для отливки характерных для ЦМП форм бронзового оружия. Южные корни этого богатства нетрудно различить и в тех изображениях, что сохранились на гравировке серебряного сосуда из Майкопского кургана (рис. 10.4). Изображенные на этом сосуде животные слишком необычны и экзотичны для фауны Северного Кавказа. Аналогичных сосудов к югу от Кавказа для IV тысячелетия нам не известно, однако общий стиль изображений, вне всякого сомнения, ведет нас в этом направлении.

Наверное, на этом месте может возникнуть дополнительный, и весьма коварный, вопрос: если на юге, среди оседло-земледельческих культур бронза, золото и серебро чрезвычайно редки, то чем же возможно объяснять столь значительный майкопский «перевес»? Напрашиваются два варианта объяснений. Первый и относительно простой указывает на идеологические каноны: мировоззрение номадов требовало сопровождать покойника в вечное путешествие всеми возможными материально выраженными богатствами. Мы даже не исключаем, что именно в этом видели воинственные кочевники важнейший смысл своего земного существования. У оседлых земледельцев подобные идеологические каноны явно отсутствовали; их погребения скромны, а похоронный ритуал не стандартизован.

Второй вариант труднее доказать с помощью археологических материалов, однако, он вполне реален: конные номады облагали данью или же — выражаясь проще — грабили своих южных соседей: они могли присваивать не только металл, но и захватывать в плен тех мастеров, что были в состоянии создавать все эти высококачественные изделия.

Нетрудно предвидеть и последующий за этим предположением вопрос: а как доказать, что майкопские воины были всадниками? Действительно, ныне у нас нет прямых свидетельств наличия у этого населения лошадей под верховую езду. Однако я не в состоянии назвать иной причины — кроме развитого всадничества, — которая позволила бы этим скотоводам накопить поразительную массу богатств; а оно, без всякого сомнения, было связано с культурами южной зоны прото-ЦМП. Я повторюсь: скотовод без верховой лошади не способен всерьез угрожать кому бы то ни было. Он мало подвижен, привязан к своему медлительному стаду. Кроме того, у него не было ни возможности, ни технологических традиций производить все это на собственной горнометаллургической базе и собственными силами.

У нас имеются лишь косвенные свидетельства наличия верхового коня. В инвентаре ряда погребений встречаются парные, скрученные петлей бронзовые прутки (рис. 10.16); в этих предметах некоторые археологи желают видеть детали конской упряжи. Доказать это сложно, однако версия не лишена привлекательности.

Майкопский феномен в истории евразийских культур занимает свое особое и весьма выразительное место. Его носители явились родоначальниками столь широко распространившегося в скором времени курганного погребального обряда, который был воспринят степными скотоводами. В гигантском геоэкологическом ареале Степного пояса сама культура занимала крайнее географическое положение. Она как бы прижималась к Большому Кавказу, охватывая там весьма ограниченный район предгорий. Вряд ли ее можно считать порождением мира степных народов, оккупировавших степные и лесостепные пространства от устья Дуная вплоть до Южного Урала: ее основные признаки не слишком отвечают их монотонной и «размазанной» картине, о чем мы вели речь в предыдущей главе.

Майкопская скотоводческая общность стала, по существу, первой из тех культур, что столь явно и отчетливо противопоставили себя миру оседло-земледельческих культур. Она заняла весьма значимое место в иерархии крупных систем взаимосвязанных общностей и центров Западной Евразии. В ней, как в некоем фокусе, скрестились самые разнохарактерные черты. Здесь выражена особая пышность погребального обряда, чем прочно запечатлеют себя в тысячелетиях некоторые культуры номадов Степного пояса. Великолепный металл упорно указывает на южную зону Циркумпонтийской провинции. Кроме того, мощь и выразительность ее каменных погре-

Рис. 10.17. Мир мегалитической архитектуры III—II тысячелетий до н.э. Вверху: знаменитый Стоунхендж, южная Англия. Внизу: храм-усыпальница на острове Мальта в Средиземном море

бальных конструкций требует от нас внимания к обширному миру мегалитов, раскинувшемуся по всему бассейну Средиземноморья — от западного Кавказа вплоть до Атлантики (рис. 10.17). И в этой необъятной и загадочной системе культур с впечатляющими каменными сооружениями майкопская культура также может претендовать, по крайней мере, на хронологическое лидерство.

И наконец, последнее. Несомненно, что насыщая погребальные камеры своих вождей золотом, серебром и бронзой, выкладывая огромные камен-

ные кольца вокруг гробниц, подтаскивая многотонные каменные плиты к могилам, сооружая гигантские насыпи над этими комплексами, майкопцы имели перед собой цель совершенно ясную и, думается, очевидную — представить потусторонним силам поразительное могущество не только собственных вождей. Тот народ, что был в состоянии сооружать подобные величественные мемориалы для своих лидеров, мог вполне рассчитывать также на признание собственной доблести уже в иной, неземной сфере.

Достиг ли этот народ желанной цели? Безусловно, да! Ведь мы, как уже говорилось ранее, и явились странными представителями тех самых мистических миров. Мы признали если не доблести, то уж, по крайней мере, мощь и силу этих кочевников на фоне иных племен. Вот только не слишком ли дорого заплатили они, вкладывая свой непомерный труд в эти материальные доказательства? И очень непросто представить себе — сколько же лет и сил потребовала это непрерывная транспортировка безмерного числа кубометров грунта и каменных блоков для возведения этих бесконечных надмогильных насыпей...

Майкопский феномен и «монгольский синдром»

Кажется вполне резонным вновь вспомнить здесь о сформулированном в Прологе-2 понятии «монгольского синдрома», каковой будет неизменно напоминать о себе в нашем путешествии по истории кочевых народов Степного пояса Евразии. Хотя при этом совершенно ясно, что майкопский феномен в ряде своих проявлений являет собой предельно полярную противоположность тем монголам-номадам времени чингизовой империи, от которой и берет начало сам тот термин — «монгольский синдром». Настоящий заключительный раздел этой главы и ставит своей задачей подчеркнуть этот контраст, чтобы для нас стали более ясными черты культуры многих иных кочевнических объединений Евразии.

У майкопских племен вся их погребальная обрядность абсолютно противоположна монгольским. Здесь истоково заботились о придании впечатляющего облика обеим погребальным «ипостасям» — подземной и надземной. Подземное сооружение могилы и богатство инвентаря, в основном, должно было убеждать хозяев потустороннего мира в высокой доблести усопшего. Надземная «ипостась» — гигантский насыпной курган — должен был все непременно внушать обитателям реального мира мысль о величии и значимости ушедшего из этой жизни и захороненного под этой насыпью.

Скорее всего, они в реальности добились желанного. И — пусть читатель извинит фантазии автора — майкопские воины, думается, остались бы весьма довольны нашим — в конце II и начале III тысячелетия уже новой эры, то есть более пятидесяти истекших столетий — пристальным внима-

нием к их творениям и восхитительно звучащим оценками их реальных или придуманных нами достижений. Но ведь действительно: очень трудно представить, чтобы культура структурно рыхлая и слабо консолидированная, не обладающая мощной военной организацией, не имевшая возможностей для подчинения соседних и более слабых сообществ могла соорудить столь величественные надгробья с фантастическим для того времени набором богатств. Мысли такого рода вряд ли придут к вам при созерцании заупокойного блеска этого феномена.

И наконец, еще об одном. В периоды изучения всех предкавказских больших курганов и поразительного по изобилию могильного инвентаря в скрытых под ними могилах нередко и назойливо беспокоит вас странного свойства мысль. Размышления эти наводят исследователя на отчетливую ассоциацию с историей пирамиды Хеопса (о ней мы вспоминали раньше). Если целый народ свои лучшие силы нацеливает на свою высшую и конечную цель, а цель эта — потусторонняя и вечная жизнь, то вряд ли его судьба будет завидной. Расплата рано или поздно ворвется в его обиталища. Конечно, вряд ли совокупную мощь кланов майкопских воинственных номадов IV тысячелетия можно равнять с многими сотнями тысяч обитателей, трудившихся в долине Нила в середине III тысячелетия, когда сооружение великой пирамиды своего фараона чуть было не довело Египет Древнего царства до подлинной катастрофы. Однако и в кавказских предгорьях майкопцам удалось соорудить изрядное множество огромных курганов. При этом любопытно, что на Северном Кавказе в последующие три тысячелетия — вплоть до появления здесь скифов — от сооружения гигантских курганов уже отказались.

ГЛАВА 11

Степной пояс заявляет о себе

Металлургическая провинция становится Циркумпонтийской

К началу III тыс. до н. э. Циркумпонтийская металлургическая провинция (ЦМП) стала полностью оправдывать свое наименование — «охватывающая Понт Эвксинский». Производственные центры и разнообразные культуры, вовлеченные в эту огромную систему, распространялись от Леванта и низовьев Двуречья в Месопотамии на юге вплоть до верховьев Дона и Днепра

на севере; от Адриатики на западе до Южного Урала и Заволжья на востоке (рис. 11.1). Общая площадь ЦМП тогда достигла 4,0—4,5 млн. кв. км, а к концу существования провинции ее территория возросла до 5 млн. кв. км.

К финалу IV тыс. до н. э. предшествующая ей Балкано-Карпатская металлургическая провинция погрузилась в небытие, и все ее регионы оказались в территориальных рамках ЦМП. Примечательно, что едва ли не повсеместно оказались забытыми или даже совершенно отринутыми бывшие технологические установки, господствовавшие в основных производящих центрах Балкано-Карпатской провинции, — а ведь уровень тех методов производства казался достаточно высоким. На смену прежним приемам пришли уже несходные с ними. На первый план выдвинулись такие формы и технические навыки металлургии и металлообработки, что нашли свое яркое выражение в погребальном инвентаре майкопской культуры. Орудия и оружие, отлитые преимущественно из мышьяковой бронзы и сосредоточенные в богатейших могилах этой культуры, получили с того времени статус знаковых, едва ли не обязательных для важнейших производственных очагов ЦМП (рис. 11.2).

Рис. 11.1. Циркумпонтийская металлургическая провинция в III тысячелетии до н. э.: основные блоки археологических общностей и культур

К концу IV — началу III тыс. до н. э. площади, занятые металлоносными культурами на всех пространствах Евразии, расширились с 6,5 — 7 млн. кв. км. — в период предшествующий — вплоть до 10—11 млн. кв. км (см. Пролог-2; рис. Про.2.С и D). Безусловно также, что центральные очаги Циркумпонтийской провинции стали играть среди этих передовых евразийских культур роль главную. Продукция ЦМП и технологические каноны ее металлургического производства стали своеобразным символом и эталоном так называемой западной модели металлургии, и модель эта в течение, по крайней мере, двух тысячелетий во многом определяла характер горнометаллургического производства в западной половине Евразии.

Существенные перемены наблюдались в характере и облике многих сообществ. Бывшие яркие оседло-земледельческие культуры Балкано-Карпатя как будто утратили тот глянец, что придавал их памятникам особую прелесть: сменившие их культуры выглядели существенно более тусклыми. Исчез блеск узоров расписной керамики; отныне в руинах множества селищ господствовала довольно «скучная» рядовая посуда, без особых изысков. Значительно более низкой представлялась и технология выделки глиняных сосудов. Носители вновь сформировавшихся земледельческих культур Подунавья и Фракии отказались также и от глинобитной архитектуры. Теперь они обитали в облегченных по конструкции домах и хижинах, где стенами служил обмазанный глиной плетень. Их жилища утратили ту былую сложность и привлекательность, которой мы могли любоваться

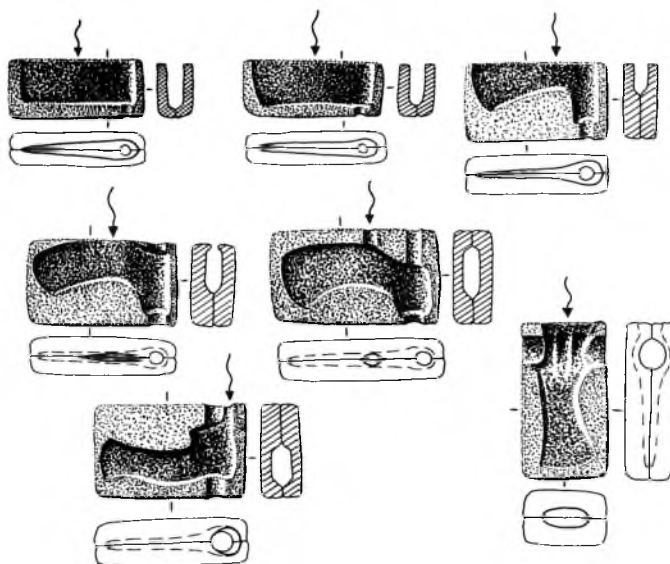

Рис. 11.2. Циркумпонтийская металлургическая провинция: некоторые из основных для производственных центров провинции типов литейных форм для отливки бронзовых боевых втульчатых топоров — основного оружия в ее ареале

даже при изучении глиняных моделей домов в культурах системы Балкано-Карпатской металлургической провинции.

Однако среди огромной массы археологических артефактов обнаружилась одна чрезвычайно важная и принципиально новая деталь: появилось немалое число обломков или даже хорошо сохранившихся глиняных литейных форм для отливки орудий и оружия — такого прежде в этих регионах мы не встречали. Прежде всего, литейные матрицы относились к тем видам изделий, что служили истинными маркерами продукции в важнейших производственных очагах ЦМП: мы имеем в виду так называемые боевые втульчатые топоры (рис. 11.2).

В рамках ЦМП четко отразились два основных блока культур: оседло-земледельческих и скотоводческих (рис. 11.1). И если на первой фазе формирования провинции — прото-ЦМП — для блока скотоводческих общностей мы фиксировали весьма незначительный по площади ареал, то в III тыс. до н. э. вырос он многократно — до 1,7—2 млн. кв. км. И это без учета активного проникновения кочевников в регионы, занятые оседлыми земледельцами.

Первостепенной задачей нашей книги является, естественно, освещение загадок развития скотоводческих культур, и в данном случае тех, что оказались втянутыми в систему ЦМП. Заметим, что загадок подобного рода ока-

залось изрядное множество. Первой из их числа, пожалуй, следует назвать судьбу майкопской общности.

К рубежу IV и III тыс. до н. э. майкопская культура как бы «растворилась». После этого на холмистых равнинах и северокавказских предгорьях можно было столкнуться лишь с отдаленными напоминаниями об этом ярчайшем феномене ушедшего тысячелетия. Курганы на Северном Кавказе в III тысячелетии приобрели облик существенно менее выразительный, и этим они уже не вполне отвечали майкопским прототипам. Практически исчезло золото в погребальных сооружениях северных предгорий большого Кавказа, и это особенно бросается в глаза на фоне баснословного богатства майкопских могильных комплексов. Однако отчетливые следы воздействия майкопа нашли свое отражение в исходящих от него импульсах, и импульсы эти оказались устремленными по двум противоположным направлениям — на юг и на север. Безусловно, что так называемый южный импульс привел к результатам, наиболее полно отражавшим исходный характер базовой майкопской предосновы. Однако существенно большую роль в формировании генерального облика культур и общностей Степного пояса сыграл импульс, устремленный в противоположном направлении.

Импульс на север

Северный импульс майкопского феномена сказался на характере и облике культур европейского фланга Степного пояса Евразии. Два важнейших признака отличали пастушеские культуры предшествующего периода от последующих: курганный обряд погребений и производимые ими формы металлических изделий. В гораздо меньшей степени эти перемены отразились на таком тривиальном для археологических исследований признаке, каковым является глиняная посуда.

Первые тесные контакты с кочевыми скотоводами степей достаточно явно прослеживались уже в самом начале формирования майкопской общности, то есть уже в первой половине IV тыс. до н. э. В Кумо-Манычской впадине, в Калмыкии, а также на равнинах к югу от Дона встречаются курганные погребения, содержащие керамику майкопского типа, но от захоронений собственно майкопского типа заметно отличающиеся. По этой причине их очень часто именуют «степным майкопом». Радиоуглеродные даты подтверждают одновременность этих комплексов собственно майкопским курганам Предкавказья. По всей видимости, именно этому «буферу» выпала доля осуществить следующий, уже промежуточный инновационный «толчок», или же импульс, в сторону сообществ скотоводов более северных регионов, что и привело к широчайшему распространению курганных культур в европейском ареале Степного пояса.

Радиоуглеродные датировки также подсказывают нам, что первичное направление этого «толчка» протекало в северо-восточном направлении, по засушливым степям междуречья Волги и Урала. Именно между бассейнами Средней Волги и Среднего Урала удалось выявить группы наиболее ранних подкурганых захоронений, датированных еще второй половиной IV тыс. до н. э.

Ямная общность культур

Северный импульс привел к широчайшему распространению группы очень близких по своим проявлениям культур, которые получили общее и весьма странное наименование «ямных». Истоки такого названия восходят к раскопкам курганов, которые более чем столетие назад проводил на Восточной Украине выдающийся российский археолог В. А. Городцов. Изыскания привели исследователя к заключению, что погребения, совершенные в простых, прямоугольных в плане ямах, необходимо считать здесь древнейшими. За ними в хронологическом порядке следовали захоронения людей также в ямах, но уже более сложной конструкции: в донной части ям сооружали подбой, напоминавший катакомбу, где и укладывали тело усопшего. Позднейшей хронологической группой в изученных курганах исследователь считал также простые по форме могилы, в которых из стволов дерева сооружалось подобие сруба, куда уже и помещали покойника. Эти изыскания В. А. Городцова и привели к тем весьма устоявшимся и ставшими ныне привычными для археологов названиям указанных гигантских по своей площади общностей культур — *ямной, катакомбной и срубной*.

Конечно, спустя столетие названия эти выглядят недостаточно логичными и корректно обоснованными. К примеру, подавляющая часть захоронений, совершавшихся самыми разнообразными народами в различных регионах Земного шара, связана именно с простыми по форме ямами. Могилы

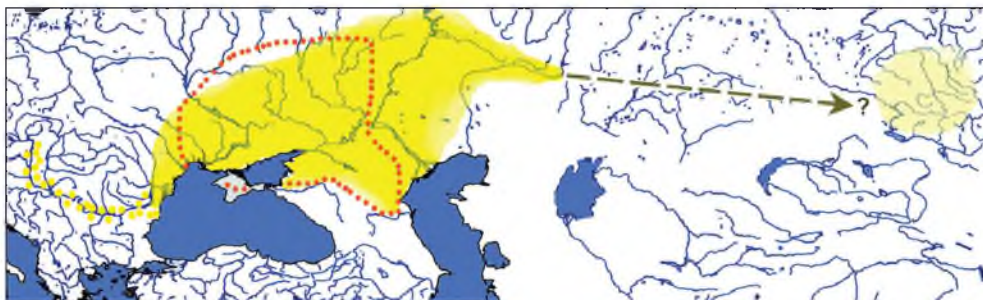

Рис. 11.3. Общности скотоводческих культур в рамках Циркумпонтийской металлургической провинции. Вариациями желтого цвета обозначен ареал культур «ямной» общности, а также направления их воздействий, красноватым пунктиром — ареал общности «катакомбных» культур

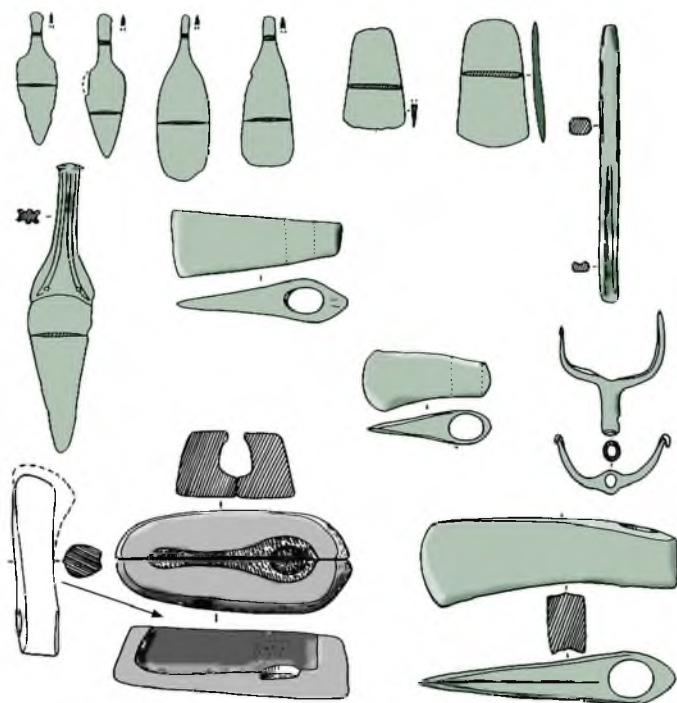

Рис. 11.4. Основные типы медных и бронзовых орудий, а также глиняная литейная форма для отливки втульчатого топора из комплексов ямной общности и некоторых близких ей степных культур

катакомбной конфигурации встречаются не столь часто, однако степные скотоводы III тысячелетия были далеко не единственными, кто предпочитал такую форму погребального устройства. Со «срубниками» получился изрядный конфуз: доля могил со срубками в ямах оказалась ничтожной. Выяснились и другие неувязки, которые в настоящей книге обсуждать нет резона, — эта тематика годится для сугубо специальной литературы. Все это автор посчитал полезным сообщить читателям, не вполне знакомым с проблематикой пастушеских культур эпохи раннего металла, поскольку мы будем этими устоявшимися и традиционными терминами пользоваться и далее.

Ямная общность культур поразительно монотонна в своих внешних проявлениях, и наряду с этим ее географические и хронологические грани весьма расплывчаты. Основной домен ямных и очень близких к ним культур охватил громадные территории от Южного Урала на востоке вплоть до крайнего западного фланга Степного пояса (рис. 11.3). На этих пространствах общей площадью до 1 млн. кв. км «ямными» номадами были оставлены тысячи и тысячи захоронений соплеменников в тех самых простых

ямах, что и послужили В. А. Городцову ведущим признаком для обозначения культуры данного типа — «ямная». Покойников чаще всего укладывали в могильной яме на спине или же на боку с подогнутыми в коленях ногами. Нередко труп обсыпали охрой, отчего сохранившиеся его кости оказывались прокрашенными в красный цвет. Покойников, как правило, сопровождал весьма небогатый инвентарь: глиняные горшки, бусинки. В огромном же большинстве случаев усопший лежал в могиле вообще без каких-либо вещей.

Богатые захоронения в больших курганах редки, и по большей части такие погребальные комплексы встречаются на востоке «ямной» территории, в Волго-Уральских степях. Диаметр таких курганных насыпей над погребениями вождей мог достигать порой сотни метров, а в могилы тогда помещали медное или бронзовое оружие — втульчатые топоры, кинжалы и другой инвентарь (рис. 11.4).

Иногда в могильных ямах присутствуют немногочисленные кости жертвенных животных. По ним порой стараются определить характер стада у этих пастухов; правда, свидетельства такого рода многие считают весьма ненадежным признаком для корректных реконструкций состава стада. Опять же, среди этого материала не находят костей лошади, хотя освоение коня под верховую езду пастухами этих курганных культур, как правило, сомнений не вызывает.

Поселения единичны и облик их невыразителен; остатки скромных по материалу и по размерам селищ изредка встречаются в бассейнах Днепра или Дона. Для археологов гигантский перевес погребальных памятников над селищными как раз и служит определяющим признаком кочевого характера культуры. Керамические материалы указывают на следование традициям населения предшествующего — «докурганного» периода: это все те же круглодонные или же остродонные горшки, украшенные нехитрым узором, чаще всего выполненным посредством специально приготовленных штампов (рис. 11.5).

Бедность памятников культуры, особенно безынвентарных захоронений, в 30-е годы прошлого столетия у некоторых советских археологов порожидала вопрос: а не являются ли все эти убогие могилы погребениями рабов? В те времена в моде было упражняться на тему марксистской догмы о производительных силах, порождающих производственные отношения.

Весьма примечательно, что подобная внешне мало выразительная общность скотоводческих культур покрыла собой громадные пространства. Дело, однако, этой территорией не ограничилось: следы проникновения ее носителей хорошо прослеживаются вдоль Дуная вплоть до Паннонии (рис. 11.3). В Подунавье «ямники» распознаются по подкурганам могилам, в которых полностью отсутствует инвентарь, но в этих областях очень

часто костяк бывает окрашен в красный цвет, благодаря обильной порции охры на теле покойного.

Восточный «язык» воздействий протягивается вплоть до Алтая (рис. 11.3). Правда, этот импульс отражен в производстве на Алтае некоторого числа отливок-подражаний втульчатым топорам, обычным для коренных центров ЦМП; курганных же культур здесь пока что не выявлено. Находки эти означают, однако, что импульс с запада докатывается в III тысячелетии едва ли не до самого створа Джунгарских ворот, сквозь которые уже можно «разглядеть» окраину

Рис. 11.5. Типичные формы глиняной посуды в культурах ямной общности

восточной половины Степного пояса. Тогдашний размах широкого проникновения не может не удивлять: от Паннонии до Алтая почти пять тысяч километров. Судя по всему, в III тысячелетии номады этой общности как будто разыгрывают перед нами первый акт реального освоения многотысячекилометровых открытых пространств и господства над ними. Ведь речь идет о целостной западной половине евразийского Степного пояса.

Еще одно обстоятельство привлекает пристальное внимание к ямной общности. Кажется, что они стали пионерами освоения рудных богатств Степного пояса и освоения самостоятельного комплекса горнометаллургического производства. Ими впервые были обнаружены и начали разрабатываться богатейшие залежи южноуральских медных руд.

Гигантское меднорудное поле Каргалы принадлежит к типу широко распространенных на Западном Урале месторождений медистых песчаников. Именно здесь группы первых рудознатцев заложили свои открытые карьеры и шахты (рис. 11.6), начали добычу медных минералов, стали выплавлять из зеленого малахита и синего азурита медь, а из меди отливать и отковывать те предметы, что являлись маркерами центров Циркумпонтийской провинции.

При раскопках курганов каргалинскую руду стали обнаруживать даже в некоторых могилах вождей ямной культуры; по всей видимости, этим зеленым камням придавалось некое особое, сакральное значение. Химический состав большинства медных изделий также вполне достоверно указывал на каргалинский источник этого металла. И наконец, редчайшая находка: под одним из небольших курганов, насыпанном в самом центре Каргалинского

Рис. 11.6. Вверху: один из участков Каргалинского меднорудного поля. Видны многочисленные следы древних и старинных заваленных шахт, а также археологический раскоп 1994 г. Древнейший на Каргалах карьер III тыс. хорошо заметен по густой травянистой растительности. Внизу: археологический разрез средней части этого поискового карьера (1998 г.). Длина карьера — около 46 м, глубина — до 9 м. Отсюда древнейшие на Каргалах горняки извлекли примерно 1200 куб. м тяжелого вязкого глинистого грунта, общий вес которого был равен примерно 2,5—3 тысячам тонн. Рудознатцы ямной культуры рассчитывали попасть на этом пологом склоне холма на богатую линзу медных минералов, однако тщетно: их тяжелая работа оказалась напрасной

рудного поля, удалось выявить могилу мастера-литейщика (рис. 11.7). Его скелет выдавал пол и возраст погребенного: то был мальчик 12—13 лет от роду. У левого виска юного литейщика положили двустворчатую глиняную и намеренно разбитую литейную форму для отливки из меди втульчатого топора. В ней должны были отливать истинно княжеское оружие абсолютно типичной для ЦМП формы. Скорее всего, юношу инициировали в статус мастера-литейщика совсем незадолго до кончины (инициация очень часто

совпадала с наступлением полового созревания). Радиоуглеродный анализ указал дату его смерти: она случилась между 2890 и 2670 годами до н. э.

Комплекс этих находок поверг нас не только в изумление, но поставил ряд сложных вопросов. Вот например, кто и каким образом смог обнаружить выходы медистых песчаников Каргалинского рудного поля? Сами «ямные» кочевники? Но ведь этнографические примеры старательно подчеркивают, что номады, как правило, такой «грязной» работы чурались и ее обычно презирали. Для этой цели они предпочитали всегда захватывать и уводить в плен мастеров чужеродных культур. Но где же смогли бы они таких мастеров добыть? Материалы носителей майкопской культуры никак не предоставляют свидетельств, что номады

майкопа были полны стремлением освоить горнометаллургическое производство и заниматься им. Далее, если верно предположение, что ремесло кузнеца-литейщика было презренным у майкопцев, то почему внезапно его стали выставлять в качестве «визитной карточки» при начале потустороннего путешествия у ранних скотоводов Степного пояса? Кроме того, не мог не вызвать удивления юный возраст мастера, захороненного на Каргалах: сходного с этим погребением примера нам до сих пор не встречалось.

Таковыми представлялись очевидные факты и порожденные ими проблемы изучения предполагаемого нами первого акта освоения гигантских просторов Степного пояса.

Катакомбная общность

Как мы уже знаем, другая мощная группа кочевников предпочитала хоронить своих соплеменников также под курганами, но в ямах с подбоем-катакомбой (рис. 11.8). Некоторые ученые полагают, что такая усложненная форма могилы символизировала женскую родительскую матку, где через какое-то время душа покойного должна была материализоваться в новом

Рис. 11.7. Погребение юного мастера-литейщика ямной культуры на Каргалинском рудном поле

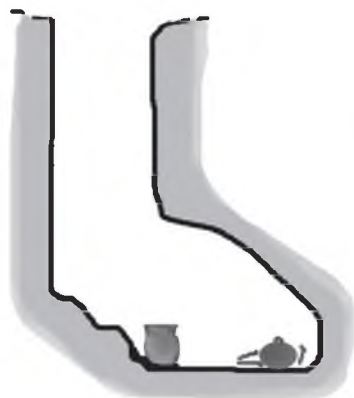

Рис. 11.8. Погребальные катакомбы — типичные для захоронений одноименной археологической общности формы погребальных ям. На дне подбоя укладывали тело покойника и сопровождающий его инвентарь

в той курганной насыпи, которую изначально сооружали сородичи «ямников». Однако разница в датах появления относительно невелика: лишь две сотни лет. Зато сосуществуют они на одной и той же территории примерно шестьсот лет. Культура ямной общности исчезает, а катакомбная продолжает после этого свое развитие еще пару сотен лет.

Катакомбная общность отличается от ямной меньшим пространственным охватом — примерно 0,7—0,8 млн. кв. км. Ее территория полностью

Рис. 11.9. Катакомбная общность. Глиняные горшки и так называемая ритуальная курильница на фигурной ножке [Энеолит и культуры]

обличье. Может быть, догадка историков верна, но для нас этот признак усложненной ямы важен пока лишь для того, чтобы отличать «катакомбников» от их соседей «ямников».

В. А. Городцов полагал, что ямная культура исчезает, а ее место в восточноевропейской степи занимает культура катакомбная. Долгое время это положение господствовало в археологической науке о степных общностях. Прделанные в последние десяток лет большие серии радиоуглеродных датировок сильно сказались на общей картине взаимосвязи этих общностей. Действительно, носители катакомбной культуры появляются в степях позднее, нежели «ямники». По этой причине весьма нередко могильные ямы с катакомбами отрывались

как бы накрывает самый центр «ямного» ареала (рис. 11.3). Именно поэтому ниже мы волей-неволей будем сопоставлять основные признаки указанных культур. Основные группы катакомбных некрополей сосредоточены в бассейнах Днепра, Донца и Дона; очень большое их число зафиксировано также в степях Калмыкии и Предкавказья.

Число поселений в катакомбной общности заметно превосходит единичные ямные; то есть оседлость насе-

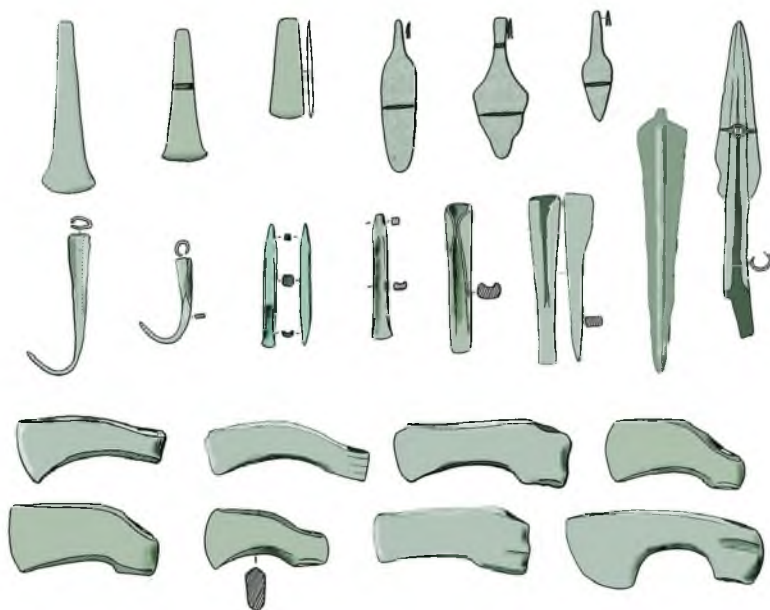

Рис. 11.10. Бронзовые орудия и оружие катакомбной общности и некоторых синхронных ей культур северокавказского круга

ления здесь была выражена сильнее. Правда, большинство селищ обнаружено в северных регионах общего катакомбного ареала. В целом же эти поселки достаточно невыразительны; равно, как и во многих иных местах, основной материал катакомбного облика был получен из кладбищенских комплексов. В отличие от ямной общности, здесь с трудом выявляются выдающиеся по своему богатству и величию курганы знати. Материалы из погребений в целом небогаты, и, по крайней мере хотя бы по своей количественной представительности, инвентарь здесь сnivelирован существенно сильнее.

Керамика катакомбного облика (рис. 11.9) более выразительна, благодаря своей форме и декору. Самое главное отличие от ямного материала, пожалуй, заключено в металле. Во-первых, формы предметов кажутся более совершенными и разнообразными на фоне сосуществующих стандартов ямной общности (рис. 11.10). Во-вторых, согласно химическому составу, источники этой практически повсеместно мышьяковой бронзы находились в Закавказье или же в Анатолии. В то же время большая часть проанализированных образцов ямной общности связана с уральскими рудными месторождениями, и в частности, с Каргалинским рудным полем.

В этом отмеченном нами длительном, почти шестивековом симбиозе общностей III тыс. до н. э. кроется, пожалуй, еще одна весьма примеча-

тельная особенность мира степных пастушеских культур. Мы обнаружили одновременное сосуществование на одном и том же пространстве ряда — в данном случае, по меньшей мере, двух — культур с заметными различиями в идеологических установках. Подобную толерантность, или же веротерпимость, далеко не всегда можно было обнаружить в ходе исторического развития у разнообразных культур Евразии. В данном же случае эта их черта представляется достаточно очевидной.

Майкопский импульс на юг

После северных степных равнин мы вновь обратимся к иным экологическим зонам — к Кавказу. Характер южного направления воздействий майкопского феномена, пожалуй, весьма заметно отличался от описанного выше: он несет на себе явные и неоспоримые следы майкопской первоосновы. Здесь курганные культуры с явными пост-майкопскими следами оказались рассредоточенными в чуждой для скотоводов среде оседло-земледельческих общностей Южного Кавказа (Закавказья). Культура ранней группы курганов этого типа получила наименование Марткопи-Бедени (по местам с характерными памятниками данного облика). Более поздние

Рис. 11.11. Золотые и серебряные кубки и украшения из богатых подкурганных захоронений знаги культур Маркопи-Бедени и Триалети на Южном Кавказе [Georgien]

Рис. 11.12. Плато Цалка в Южной Грузии. На этом плато воздвигали в III тысячелетии ставшие знаменитыми «золотые» курганы Триалети

курганные некрополи Закавказья в археологической литературе именуется триалетскими (Триалети — наиболее знаменитая курганная группа в Южной Грузии).

Курганные насыпи Марткопи-Бедени, равно как и в исходной для них культуре майкопа, как правило, отличаются крупными размерами. С майкопскими их роднит также архитектура надмогильных сооружений: погребальную яму здесь чаще всего окружали каменной кольцевидной выкладкой. Принципиально похожим оказался и набор инвентаря знатных покойников: бронзовое оружие, сакральные изделия, украшения из золота или серебра (рис.11.11). Правда, теперь сами формы металлического оружия в той или иной мере отличаются от майкопских: сказывается тысячелетнее развитие приемов металлообработки. Однако неприкосновенность важнейших принципов технологических канонов сомнений не вызывает.

Как и в предшествующее тысячелетие, мы по-прежнему отмечаем чрезвычайно выразительный разрыв между выдающимся богатством могильных комплексов курганов народов и фактическим отсутствием золота или серебра в окружающих их селищах или же в захоронениях их соседей-земледельцев. Следовательно, сохраняли прежнюю и безусловную силу идеологические каноны минувшего тысячелетия.

Равно как и в предшествующее время, носители этих культур не оставляют нам прямых свидетельств всадничества. Как и прежде, нам ничего не

известно относительно останков верхового коня у народов Южного Кавказа. По этой причине мы будем придерживаться той гипотезы о всадниках-скотоводах, которую мы высказывали при обсуждении майкопского феномена: номады без верхового коня не имели бы никакой силы. Почти невозможным выглядит предположение, что они, не владея эффективными рычагами насилия, были бы в состоянии насыщать могилы своих вождей таким поразительным богатством. «Крышевание» древних фермеров кочевниками, по всей видимости, широко практиковалось также на Южном Кавказе и в III тысячелетии.

В этой связи весьма примечательно также и другое. Внедрившись достаточно глубоко в регионы с явным преобладанием культур оседло-земледельческого толка, номады «отвели» себе те зоны, в которых они чувствовали себя наиболее комфортно. Их курганы, особенно некрополи триалетской культуры, как правило, сооружались в безлесных, сравнительно высоких и относительно плоских нагорьях (рис. 11.12). Подобные районы оказались чрезвычайно привлекательными для пастбищ, но совершенно не годились для земледелия. Таким, по всей вероятности, может казаться тот своеобразный земельный передел между доминирующими кочевниками-скотоводами и подчиненными им оседлыми земледельцами. Во всяком случае, здесь достаточно отчетливо прослеживается логическая связь между экологическими условиями и хозяйственным укладом разных групп закавказского населения. В главах первой части книги мы касались тех исторических периодов, когда номады и земледельцы обретались на единой территории, занимая при этом различные экологические ниши. Стало быть, в закавказском симбиозе двух противоположных систем хозяйствования вряд ли следует видеть что-то необычное.

Дрейф золота вокруг Черного моря

Крайне интересна и загадочна судьба «золотоносных» центров V—III тыс. до н. э. Они по какой-то странной и плохо осознаваемой нами воле случая, каждый раз со сменой эпохи, ставшими для нас уже привычными скачками, смещались с запада на восток, затем на юг и наконец на запад, но уже окружая Понт Эвксинский в юга. Первый центр — Варна, от Варны к майкопским курганам, от майкопа через Большой Кавказ в южную зону ЦМП — Закавказье, Малую Азию... Черное море с V по III тыс. до н. э. оказалось похожим на своеобразный центр, вокруг которого рывками передвигались эти «золотопоглощающие воронки» (рис. 11.13).

О золоте и серебре в курганах Южного Кавказа мы уже говорили выше. Золотых изделий в этих могилах вождей скотоводов много — примерно две с половиной тысячи; однако по своему количеству закавказские пред-

меты втрое уступали известным ныне и более ранним по своему возрасту майкопским. Доля же серебра в закавказских курганах вообще очень невелика.

В этот период основная масса известных нам драгоценных металлов смещается на юг — в Малую Азию и Месопотамию. В III тыс. до н. э. в тех областях лишь в совершенно ограниченном ряду «царских» некрополей оказалось сосредоточено более 40 тысяч золотых украшений и сакральных изделий, а также более 5 тысяч серебряных предметов.

III тысячелетие для южных культур в известном смысле явилось переломным по переоценке значимости погребального обряда в жизни человека. Почти одновременно в ряде высокоразвитых сообществ Месопотамии, достигших в своем развитии уровня государств со знанием письменности, скажем в Уре, или же в таких протогосударствах, с каковыми связываются памятники до хеттского времени в Анатолии, начали сооружать пышные гробницы и насыщать их потрясающими богатствами. Не подлежит сомнению, что имел место резкий слом в понимании потусторонней жизни, о вечности этого бытия, о необходимости снабжать покойника всем необходимым, чтобы его статус в загробном мире выглядел не ниже земного. Скорее всего, такая трансформация идеологических представлений явилась результатом самостоятельного развития в указанных общностях представлений о необъятной сложности окружающего их мира. Однако стоит ли исключать также вероятность того, что изначальный толчок к таким кардинальным переменам мог последовать с севера — от носителей курганных культур? Ведь майкопские вожди удостаивались подобной чести не менее чем за тысячу лет до знаменитого царского некрополя Ура.

Этот комплекс царских гробниц датируется серединой III тыс. до н. э. Великолепие и сложность его разнообразных сооружений, а также погребального инвентаря уже давно стали объектом едва ли не обязательных упоминаний в хрестоматиях. Особым вниманием пользуются сокровища из гробницы царицы Шубад или же царя Мескаламдуга, чей золотой шлем

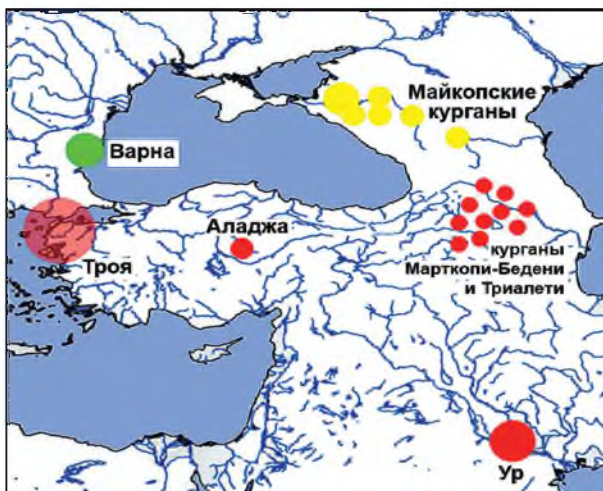

Рис. 11.13. Распространение основных золотосодержащих погребальных комплексов в V (зеленый цвет), IV (желтый цвет) и III (красный цвет) тысячелетиях до н. э.

Рис. 11.14. Царский некрополь Ура в Месопотамии. Шлем царя Мескаламдуга и так называемая «арфа» из его погребальных комплексов

(рис. 11.14) нередко может украшать заглавные страницы книг. Из королевских погребений этого кладбища извлекли более 6500 золотых и около 3800 серебряных изделий. Причем некоторые из этих предметов были весьма массивными, подобно уже упоминавшемуся шлему.

Рис. 11.15. Второй «город» Трои — III тыс. до н. э. Так называемый «клад Приама»: покрывало из золотых лепестков

Однако самая крупная коллекция золотых украшений и иных предметов — почти 32 тысячи экземпляров — происходит из Трои, ставшей столь знаменитой благодаря великолепному Генриху Шлиману, потратившему столько усилий, чтобы найти воспетый Гомером в его «Илиаде» легендарный город ахейцев. Когда подручные Шлимана откопали эти удивительные сокровища, то он совершенно не сомневался, что в руки ему попал клад мифического и престарелого троянского царя Приама. С тех пор эта коллекция и приобрела ставшее ныне традиционным название — «клад Приама» (рис. 11.15). Вскоре стали осознавать, что раскопки Шлимана с методической точки зрения

Рис. 11.16. Парадные ворота в храмово-погребальном комплексе Аладжа-хэйюк в Центральной Анатолии

были весьма уязвимы для критики; что он ошибался в хронологических определениях; что время этого золотого сокровища следовало бы удревить как минимум на тысячу лет; и что, скорее всего, это вовсе не клад, а инвентарь из очень богатого погребения, не замеченного Шлиманом во время его безумно торопливого поиска следов гомеровской «Трои».

В каком-то смысле существенно более важными для наших целей служат несравненно более тщательные раскопки расположенного в центральной Анатолии комплекса, носящего имя Аладжа-хэйюк. Золота там существенно меньше, нежели в Трое — всего около 500 предметов, — однако весь комплекс каменных сооружений, сопряженный с этим некрополем, привлекает особое внимание (рис. 11.16). Кроме золота в могилах Аладжи много бронзовых изделий — орудий, оружия и очень сложных по методу отливки сакральных предметов.

Крайне примечательно также, что повальное стремление обеспечить покойника в загробный путь соответствующей его рангу «визитной карточкой», достигло в III тысячелетии даже Египта. Причем именно там оно нашло свое выражение в поистине экстремально гипертрофированной форме. Эпоха Древнего царства прославилась, в основном, пирамидами фараонов, и имя Хеопса сохранилось вплоть до наших дней благодаря той фантастической по конструкции гробнице, к которой ежегодно устремляются миллионы туристов.

Египет не имел отношения к Циркумпонтийской провинции. Мы сочли возможным упомянуть о пирамидах, чтобы показать — сколь невообрази-

мые усилия должно было затрачивать общество на эти сугубо иррациональные цели. «Отец истории» Геродот посещал нильские пирамиды спустя два тысячелетия после Хеопса. Но в сознании жрецов, повествовавших ему об этих фантастических по размаху деяниях фараона, сохранился ужас от того, как в результате таких строек *«Хеопс вверх страну в пучину бедствий»*. Но мы уже ранее, в прологе к первой части книги, цитировали геродотовы свидетельства...

Конечно, майкопские курганы с пирамидой Хеопса сравниться не могут. Но ведь и майкопские воины-пастухи по численности своей никак не ровня народу египетскому. А для того, чтобы добыть, скажем, золото и изготовить из него более семи тысяч предметов также требовался труд, и, судя по всему, труд для тогдашних обществ беспримерный...

Северные топоры в южном исполнении

Одними из самых ярких и безусловных символов активности циркум-понтийских производственных очагов являлись боевые втульчатые топоры (см. например: рис. 10.10; 11.2; 11.10). Инвентарь могил совершенно явно демонстрировал, что это оружие княжеское; простые воины обладать им не имели никаких прав. Привлекал внимание также тот факт, что господствующая доля находок этого оружия в комплексах IV и начала III тыс. до н. э. была сосредоточена именно в северной зоне ЦМП. Кажется, что именно воинственные скотоводы первыми оценили эффективность данного металлического оружия, и богатые коллекции подобных предметов из могил майкопской культуры в особенности подкрепляют это заключение. Топоры уже более развитых типов широко распространяются в Анатолии, Месопотамии и Леванте лишь со второй четверти или же с середины III тысячелетия. Причем оружие такого вида в этих областях предназначалось для указания на весьма высокий социальный статус персоны, этими предметами обладающей. Только обозначали это не так, как было принято в среде номадов — через погребальный инвентарь, — но почти всегда через изображения, причем часто на парадных барельефах.

Мы сошлемся здесь лишь на один пример: выгравированные на пластинах из слоновой кости изображения различных сцен из жизни Шумера эпохи пре-саргонидов (28—26 вв. до н. э.). Пластины были обнаружены во время раскопок 1933 и 1952 гг. храма богини Иштар, сооруженного в древнешумерском городе Мари. На некоторых из пластин можно видеть процессию высших сановников с топорами на плечах (рис. 11.17). Прекрасно выражен даже тип самого оружия, который полностью отвечает тем стандартам ЦМП, о которых мы говорили в двух последних посвященных металлу этой провинции главах.

Рис. 11.17. Вооруженные бронзовыми топорами знатные персоны древнейшего Шумера (гравировка на пластинах из слоновой кости из храма богини Иштар в шумерском городе Мари). Справа: бронзовый топор — полностью сходный по форме с изображенными на пластинах из храма Иштар (поселение поздней фазы куро-аракской культуры в Грузии)

Следовательно, не только удивляющая нас своей неожиданностью вспышка ритуала богатейших погребальных сооружений, но также и форма этого почти сакрального оружия заставит нас еще много раз обращаться к проблеме путей и интенсивности воздействия степных воинственных скотоводов на мир южных высокоразвитых культур. Впрочем, об этом довольно часто шла речь еще в первой части нашей книги, когда мы оперировали ясными примерами на эту тему из исторических источников.

И еще одно связанное с этими загадочными вопросами примечательное изображение на пластинах слоновой кости из храма Иштар: головы взнузданных животных лошадиной породы (рис. 11.18). Никто не рискует определить этих животных как безусловно

Рис. 11.18. Изображение пары взнузданных животных лошадиной породы. Гравировка на пластине из слоновой кости; храм богини Иштар в Мари

относящихся к виду лошади. Однако опять же это наводит на мысли о воздействии культуры номадов на южные общества. Ведь вряд ли может подлежать сомнению, что без узды конь не мог подчиняться человеку. Майкопцы не оставили нам никаких изображений на эту тему. Просто мы коснулись одного из самых выразительных свидетельств одомашнивания лошадиных, и вряд эти процессы в Месопотамии могли произойти без активных северных воздействий.

ГЛАВА 12

Большой скачок и Великая стагнация

Второе тысячелетие до н. э., без всякого сомнения, предстало в роли ключевого периода в поступательном развитии огромного большинства евразийских культур. То был истинный апогей Эпохи Раннего Металла. Именно тогда определились не только состав и характер блоков важнейших социальных общностей на всем гигантском пространстве континента, но также динамика контуров всех систем. В значительной степени результат свершившихся тогда событий предопределил абрис этнокультурного и в определенном отношении даже социально-политического полотна, сохранившего многие из своих основных черт вплоть до Нового времени.

Вот краткий перечень ряда наиболее значимых и кардинальных событий этого тысячелетия, определивших лицо апогея Эпохи Раннего Металла:

- а) распад Циркумпонтийской металлургической провинции;
- б) металлургический «взрыв», или же стремительное четырехкратное увеличение территорий, охваченных металлоносными культурами Евразии, а также Северной Африки («Большой скачок»);
- в) металлургическая революция в Восточной Азии;
- г) формирование в Евразии протяженной цепи новых металлургических провинций;
- д) трехтысячелетняя пространственная стагнация («Великая стагнация») и связанное с ней начало формирования так называемого Евразийского ядра высокотехнологичных культур.

События эти в той или иной мере коснулись подавляющего большинства культур Евразийского континента, а также некоторых, в основном пристрадиумноморских, областей Северной Африки. Необходимо хотя бы очень кратко охарактеризовать весь перечень упомянутых явлений: ведь все эти

взлеты и падения прямо отразились и на культурах Степного пояса. Конечно, подобные события, сказавшиеся и на социальных объединениях номадов, кажутся нам весьма важными и значимыми; однако на фоне глобальных общеевразийских феноменов их более частный характер также достаточно очевиден. Поэтому понимание последних будет затруднено, если анализ степных коллизий будет оторван от контекста более широкого звучания. По этой причине речь о культурах Степного пояса мы поведем несколько ниже.

Джинн, вырвавшийся из плавильного горна

К концу III тысячелетия некогда прочная система Циркумпонтийской металлургической провинции приобретала черты все более призрачные; сама система шаг за шагом как бы погружалась в прошлое. В течение примерно двух тысяч лет этот невероятно сложный по своей структуре огромный культурно-технологический массив служил безусловным центром и одновременно символом западной модели древней металлургии. Гигантская цепь тесно взаимосвязанных металлургических и металлообрабатывающих центров распадалась, а ее отдельные звенья начали обособляться друг от друга. Агонизирующая ЦМП породила клоны не менее четырех новых аналогичных систем. При этом нетрудно было заметить, что эти вновь возникающие системы уже достаточно определены и порой весьма выразительно отличались друг от друга. Старт всех этих событий восходил по преимуществу к столетиям рубежа III и II или же начала II тыс. до н. э.

Размах территориального скачка, который свершили во втором тысячелетии металлоносные культуры Евразии, поразителен. Примерно за пятьсот — максимум семьсот — лет пространства, оккупированные металлоносными культурами, возросли примерно четырехкратно: с 10—11 в III тысячелетии до 40—43 млн. кв. км (рис. 12.1). Надолго задержалось в неолитическом («безметаллическом») состоянии лишь население северной и северо-восточной Евразии. Правда, занимаемая этими культурами площадь оказалась не так уж мала: до 10—13 млн. кв. км.

Параллельно этому и другая часть Старого Света — Африка — оказалась в своей подавляющей части за гранью металлических цивилизаций. Исключение составляла долина Нила, а также примыкающие к Красному и Средиземному морям полосы земель (рис. 12.1). Стало быть, южнее этой узкой полосы — пустынные и каменистые взгорья Сахары, джунгли и саванна, а это едва ли не 30 млн. кв. км — оставались под своеобразным покрывалом культур эпохи камня. Следовательно, в Старом Свете металлоносные культуры, с одной стороны, и культуры каменного века, с другой, занимали примерно равную площадь — от 40 до 43 млн. кв. км, хотя и в совершенно различных геоэкологических зонах.

Второе тысячелетие преподнесло нам еще один новый и весьма выразительный сюрприз в поддержку теории взрывов и скачков в культурно-технологическом развитии. В немалой степени этот рывок был спровоцирован, а, возможно даже инициирован, распадом Циркумпонтийской провинции. Во всяком случае, это утверждение кажется справедливым для множества культур западной половины Евразийского материка.

Однако — что также совершенно очевидно — чрезвычайное значение в этом глобальном процессе сыграла металлургическая революция в Восточной Азии. Ведь еще в III тыс. до н. э. едва ли не весь восток Азиатского континента был занят либо чисто неолитическими, совершенно не ведавшими металла культурами, либо медные вещицы в восточноазиатских памятниках встречались, но представляли редкость исключительную. Ситуация с невыразительными и мелкими медными поделками в ярких неолитических общностях речных бассейнов Хуанхэ и Янцзы оказалась в чем-то сходной с эпохой «протометалла» в Анатолии и Северной Месопотамии. Ведь там в слоях поселений IX—VI тысячелетий с феноменально развитой каменной и глиняной архитектурой также обнаруживали медные мало впечатляющие по своему облику вещицы (см. разделы главы 8). И вот во втором тысячелетии фантастичный рывок внезапно и решительно выводит восточноазиатскую металлургию на самый передовой уровень. Тогда на восточ-

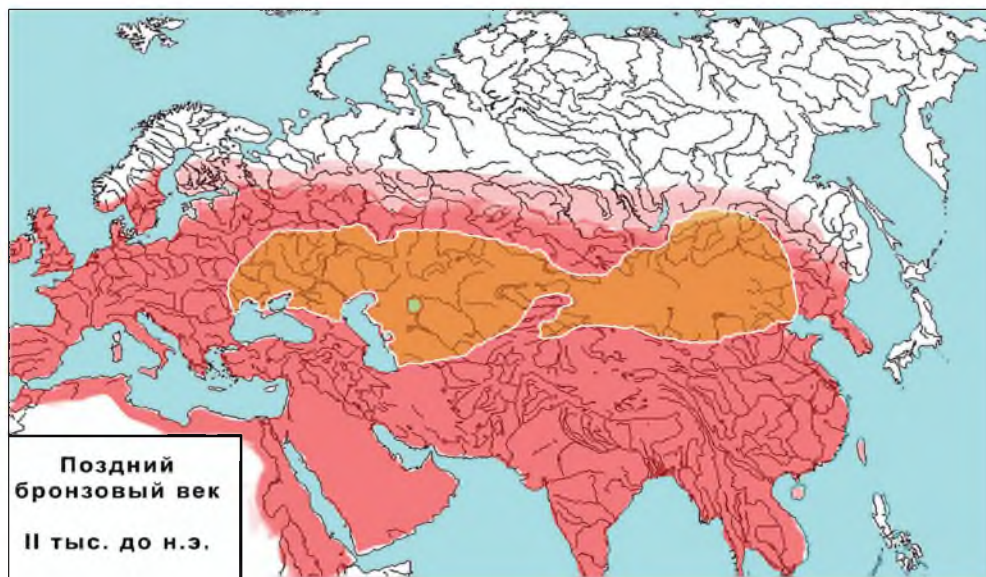

Рис. 12.1. Поздний бронзовый век, второе тысячелетие до новой эры. Генеральный ареал металлоносных культур в Евразии и Северной Африке. В обозначенных на карте территориальных рамках в течение примерно трех последующих тысячелетий возникали и распались важнейшие культуры и сообщества Старого Света. Коричневая заливка обозначает ареал Степного пояса

Далее. Если мы такого рода скачок аттестуем, к примеру, в качестве некоего позитива, то стагнацию, естественно, следует оценивать как его негатив. При этом думается, что стагнация является совершенно неотъемлемой фазой любого стремительного развития. Быстрое освоение социальными группами новых пространств, тем более сопряженных с какими-то неведомыми для носителей культуры технологическими вершинами, требует от каждой из культур времени для их освоения. Именно эта необходимость и влечет за собой вполне понятное и закономерное торможение. Однако характер той стагнации, о которой мы ведем речь, никак не желает вписываться в рамки тех относительно кратких периодов торможения, что нам удалось наблюдать на примерах более ранних периодов.

Вспомним три предшествующих стадии территориального распространения металлоносных культур. Каждый пространственный или же технологический рывок — будь-то период медного века в V тыс. до н. э., или же последующие «всплески», связанные с культурами ранней и средней бронзы — завершился относительно кратковременной стагнацией, вряд ли превышавшей две-три сотни лет. Здесь же стагнация растянулась на целых три тысячелетия. Согласитесь, что объяснить данный факт в рамках только что хотя и вкратце изложенной теории весьма трудно!

Более того: именно в тех территориальных рамках, в которых оказались заключенными блоки высокотехнологичных культур (рис. 12.1 и 12.2), в течение последующих тридцати веков имели место подлинные и воистину судьбоносные события. Последние, прежде всего, были связаны с технологическими инновациями, и прежде всего, с открытием металлургии железа или же с производством пороха и изобретением огнестрельного оружия. Сферу информатики подняла на новую ступень алфавитная система письменности. С той же эпохой оказались сопряженными и основные достижения в духовной сфере и в попытках объяснения окружающего мира: ведь зарождение всех мировых религий явилось продуктом развития культур эпохи Великой стагнации.

Равно как и **все** мировые социально-политические системы вырвались, развивались и завершали свой путь в эту поразительно странную эпоху. Вот, например, I тыс. до н. э. — знаменитое противостояние греческих полисов или городов-государств с империей персов. Легендарные походы Александра Македонского в IV в. до н. э. сокрушали государства Ближнего Востока. Римскую республику сменила Римская империя, и та столь же упорно стремилась вслед за победоносным Александром покорить Восток, но так и не смогла одолеть Парфию. На самом далеком Востоке Евразии зарождались и распадались многочисленные древнекитайские государства, и о них мы вели краткую речь в первой части книги. На смену Римской империи пришла Византия, а раннехристианским государствам пришлось вскоре

выдерживать бурю и натиск ислама. Наконец, покорившие большую часть Евразии Чингис-хан и чингизиды: их империя — при всей своей трудно вообразимой неохватности — также полностью укладывалась в это удивительное время и пространство Великой стагнации.

Все эти феномены — для нас хрестоматийно и очень хорошо известные — зарождаются, развиваются, бесконечно бьются между собой, распадаются, гибнут. Однако при этом такого рода события — великого или же не вполне заметного ранга — никогда не выходили за пространственные рамки того ареала, что как **для них, так и для нас** оказался очерченным культурами позднего бронзового века во II тыс. до н. э.

Ядро евразийских культур

В этом тысячелетии становится возможным наметить грани нового гигантского феномена, связанного с возникновением обширного ядра технологически высокоразвитых евразийских культур. Основа этого технологического превосходства опиралась, конечно же, на металл, на знание металлургии. Мысль эта отнюдь не нова. Вот, скажем, американский этнолог Генри Льюис Морган, труды которого буквально потрясли Фридриха Энгельса — одного из апостолов марксистского исторического материализма и знаменитой «пятичленки» исторического развития человечества. Сам Морган писал еще в 1877 году:

«Изобретение металлургии должно быть признано самым великим событием в истории человеческого опыта, подготовляющим цивилизацию».

Однако его намного опережали и другие мыслители. Так, примерно за 2600—2700 лет до Моргана один из великих поэтов древней Греции Гесиод в удивительно яркой форме рассказывал о созданном всемогущим Кронидом «третьем поколении людей»:

*Медное ... ни в чем с поколеньем несхожее прежним.
С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приблизиться
К ним не решался, великою силой они обладали,
И необорные руки росли на плечах многомогущих.
Были из меди доспехи у них и из меди жилища,
Медью работы свершали. Никто о железе не ведал.*

Любопытно: когда Гесиод говорит, что эти могучие и страшные медные люди «**хлеба не ели**», не возникает ли здесь сама собой напрашивающаяся ассоциация с воинственными номадами? Пусть даже эта ассоциация кажется не вполне отчетливой и ясной, но ведь именно степные воины никогда не

ели хлеба и почти всегда служили источником ужаса для оседлых народов. Предполагаемые «медные кочевники» устрашали, но при этом в их могуществе оказалась заложенной невидимая глазу таинственная и губительная «бактерия», приведшая их к трагичной кончине:

*Сила ужасная рук принесла им погибель.
В затхлую область они ледящего душу Аида
Все низошли безымянно; и как не страшны они были,
Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца.*

Ареал самого «ядра» евразийских культур выглядит как бы застывшим или же почти недвижимым. Создается впечатление, что высокотехнологичным сообществам никак не удавалось прорвать невидимые, но месте с тем на удивление прочные границы каким-то странным образом сформировавшегося ареала. Причем это касалось не только обширнейшего севера Евразии, но также и пространств Африки, лежавших к югу от Сахары. Народы южных областей африканского континента будут самостоятельно пытаться осваивать эти непривычные для них технологии, однако у племен саванн и джунглей подобные процессы приобрели странный, пестрокалейдоскопичный облик, весьма несходный с тем, что мы могли наблюдать в пределах евразийского «ядра».

Еще раз вспомним: прорыв казавшихся едва ли не вечными границ свершился лишь близ 1500 года, но уже нашей эры, когда занялась заря Великих Географических открытий. Произошло это, как мы хорошо знаем, на крайнем западе Евразии, а точнее — даже на самом западе Европейского субконтинента, в королевствах Испании и Португалии, а затем уже в Англии и Голландии. На востоке это случилось несколько позднее. В конце XVI века русские казаки сумели перевалить Уральские горы и устремились на восток по холодным лесным и болотистым пространствам Сибири.

...Вспомним также, что приблизительно за 17—15 тысяч лет до отважных русских землепроходцев люди древнекаменного века — той культуры, чья технология не могла идти ни в какое сравнение со временем русского сибирского казачества — сумели первыми пересечь ледяную Берингию, ступить на Аляску и начать заселение великого Американского материка.

ГЛАВА 13

Второе тысячелетие: кардинальные перемены в Евразийской степи

В IV и III тыс. до н. э. в Евразии доминировала, по существу, единственная и уже по этой причине — центральная система взаимосвязанных горнометаллургических и металлургических центров: то была Циркумпонтийская металлургическая провинция, и мы достаточно подробно о ней рассказывали. Во II тыс. до н. э. ситуация резко меняется, и число подобного рода сложных и разветвленных систем достигло на этом континенте, по меньшей мере, семи. Причем каждая из возникших провинций в тот период оказалась четко сопряженной с обеими — западной и восточной — частями Евразийского континента.

К западной половине относились четыре провинции, представлявшие собой безусловные и поздние «клоны» распавшейся ЦМП. Речь идет об Европейской, Кавказской, Ирано-Анатолийской и, наконец, наиболее важной для нашей темы Евразийской (ЕАМП) провинциях. Наследие ЦМП хорошо проявлялось в целом ряде наиболее характерных форм металлургического производства всех этих объединений.

На пространствах восточной половины Евразии можно было различать три уже совершенно независимо возникших новообразования: Восточно-азиатскую степную (ВСМП), Древнекитайскую и, наконец, Индокитайскую металлургические провинции (рис. 13.1). О каких-либо признаках циркумпонтийского наследия здесь говорить невозможно.

Для темы нашей книги самым существенным явилось то, что вся огромная по своей широтной протяженности территория Степного пояса оказалась к этому времени под властью металлоносных культур скотоводческой модели. И при этом опять же обязательно мы должны упомянуть о весьма четкой зависимости географических контуров металлургических провин-

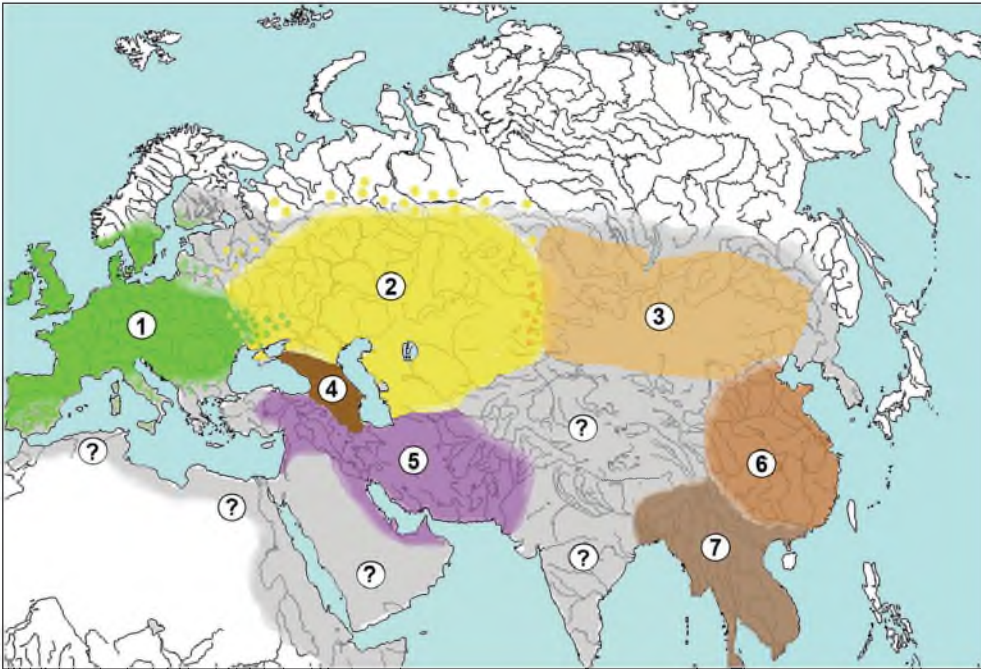

Рис. 13.1. Metallургические провинции II тыс. до н. э. 1 — Европейская, 2 — Евразийская, 3 — Восточноазиатская степная, 4 — Кавказская, 5 — Ирано-Анатолийская, 6 — Древнекитайская, 7 — Индокитайская. Знаками вопроса помечены территории с неопределенным отношением металлической продукции к той или иной провинции.

Примечание: в своих ранних работах автор именовал Восточноазиатскую степную провинцию Центральноазиатской, а Ирано-Анатолийскую — Ирано-Афганской; принятые здесь наименования полнее соответствует исторической реальности

ций от геоэкологических ареалов и зон. Так, система производящих очагов и культур Евразийской металлургической провинции полностью накрывала западную половину Степного пояса. А ее соседка — Восточноазиатская степная провинция — охватывала, главным образом, пространства другой половины пояса, к востоку от знаменитого Джунгарского водораздела обеих частей евразийского материка (рис. 13.1).

Евразийская металлургическая провинция: перемены в характере культур

Из всех провинций западно-евразийского блока именно на Евразийской ярче и полнее всего отразилось наследие ЦМП. Максимальный пространственный охват ЕАМП в период стабилизации ее центров достигал огромных значений — до 7 или даже 8 млн. кв. км. Занимая всю западную половину Степного пояса, продукция евразийских очагов широко распространя-

лась в основном уже по немалой площади лесных культур, примыкавшей к степному домену с севера. Именно в этом направлении и наблюдался основной территориальный прирост провинции.

Распространение основных моделей металлургии ЕАМП по северным лесным ареалам оказалось во многом обусловлено тем, что со второго тысячелетия принципиально изменилась ориентация генерального направления культурно-технологических связей для всего блока производственных очагов степных культур. Вспомним, что в предшествующее время, то есть в период господства ЦМП, скотоводческие культуры (к примеру, майкопская) самым тесным — пусть весьма сложным и противоречивым — образом были связаны именно с южными оседло-земледельческими культурами. По крайней мере, именно с юга они получали тогда основную долю металла. Напомним также, что для ЦМП на протяжении фактически двух тысячелетий (IV и III) было характерно параллельное существование двух главнейших зон общностей: южной — оседло-земледельческой и северной — скотоводческой. Со второго тысячелетия блоки этих культур предстают уже изолированными друг от друга, а разделительная грань между прежними тесно взаимосвязанными ареалами проступает весьма отчетливо. Основные культурно-технологические импульсы из степных производственных очагов отныне были устремлены на север, в таежно-лесную зону Евразии.

Другой кардинальной сопряженной с формированием ЕАМП переменной стала фактическая утрата степными культурами статуса кочевых. С самого начала II тыс. до н. э. гораздо более точным для обозначения характера скотоводческих культур этих народов будет, пожалуй, служить термин полукочевые или же полуоседлые. Отражение произошедших перемен заключалось в том, что к этому периоду относятся следы многих тысяч оставленных скотоводами поселков. Остатки этих становищ весьма отличны от мощных и порой огромных стационарных селищ оседлых земледельцев. В сравнении с ними у скотоводческих культур так называемые «культурные» слои поселений невыразительны: они редко превышают 30—40 см, а насыщенность «культурных» напластований бытовыми остатками, и прежде всего наиболее представительными из них — обломками глиняной посуды, кажется незначительной. Поселки пастухов малы, и их площадь очень редко превышает 1—2 гектара. На фоне земледельческих глинобитных домов (вспомним хотя бы трипольские, см. главу 9) или же каменных сооружений эпохи прото-металла убогими кажутся здесь и останки обиталищ скотоводов. Археологическая реконструкция большей части жилищ на поселках говорит об их невеликих размерах. Зачастую скотоводы обитали в простых полуземлянках, либо же пол их наземных жилищ оказывался слегка углубленным в почву. Стены подобных сооружений по большей части толщиной не отличались и зачастую напоминали плетень.

Все эти признаки, как правило, сопутствуют становищам сезонного характера, и примеры таковых нетрудно сыскать в среде народов, хорошо изученных современной этнографией. Основная жизнь в подобного рода поселках протекала, конечно же, в зимние периоды, когда скот не мог свободно передвигаться по заснеженным просторам степи и пастухи оказывались привязанными к определенному месту. Летом же, наоборот, селища пустели, на них чаще всего оставались лишь старики с малыми детьми. Все остальное активное пастушеское население передвигалось со своими стадами по степным или же лесостепным просторам в поисках лучших пастбищ. К зиме люди могли возвращаться к своим прежним становищам либо устраивать свои нехитрые жилища на новых местах. Подобную модель жизнеобеспечения у пастушеских народов зачастую определяют как «мобильное скотоводство». Сколько-нибудь заметных следов занятия земледелием в слоях этих поселков обнаружить не удалось. Домашние животные — крупный и мелкий рогатый скот — по-прежнему оставались основой жизнеобеспечения пастушеских народов.

Чрезвычайно сильные перемены отразились на той стороне жизни скотоводов, которой они по давней традиции придавали исключительное значение, то есть на погребальном обряде. Теперь эти культуры мы не можем относить к категориям курганных, столь характерных для сообществ кочевников двух предшествующих тысячелетий. Курганы еще кое-где сохраняются, особенно на ранней фазе становления ЕАМП, однако уже тогда эти погребальные холмы утрачивают свой величественный облик. Надмогильные насыпи невелики, и их трудно ставить в один ряд с теми, что являли собой своеобразное лицо культурного феномена собственно «курганных» сообществ. На более поздних фазах провинции признаки курганов исчезают едва ли не совершенно, а их кладбища приобретают тот характер, который археологи определяют термином «грунтовые могильники»; на такого рода некрополях перекрывающие захоронения искусственные насыпи отсутствуют совершенно.

Результатом перемен явилось то, что культуры утратили тот — выразимся так «героический облик», который создавали для степных общностей грандиозные курганные памятники. Мы уже говорили в предшествующих главах, что, по мысли соорудивших их соплеменников, сами насыпи — эти степные «пирамиды», — равно как и поразительное богатство при останках погребенного вождя, служили — во что они глубоко верили — надежной «визитной карточкой» при переселении знатной персоны в иной мир. Археологи, а вслед за ними и все интересующиеся прошлым наши современники, весьма серьезно воспринимают такие «визитные карточки», и это обеспечивает последним беспрепятственное турне по центральным музейным выставкам различных стран.

Совершенно иная картина предстает перед нами при созерцании степных культур второго тысячелетия до новой эры. Здесь нас ожидает унылое однообразие археологических памятников, рассеянных по всем неохватным просторам Евразийской металлургической провинции. Сотни и тысячи похожих друг на друга небольших поселков с материалом, резко проигрывавшим по своей выразительности своим южным соседям. Бесконечное число раскопанных трудно различимых между собой захоронений, сопровождавшихся однообразным и весьма скудным по количеству и качеству инвентарем. Здесь практически отсутствуют признаки иерархического членения тогдашнего общества. На кладбищах никак не обозначены могилы вождей или героев, а захоронения низших по социальному статусу можно угадывать среди лишенных инвентаря погребений.

Вообще степные культуры претерпевают тогда крайне удивительную метаморфозу. С потерей своего «героического облика» их некогда выразительные черты как бы стираются, унифицируются, приобретают скучно монотонный облик. Ныне к ним не испытывают интереса суетливые топ-менеджеры выставок древностей, ведь привлечь внимание широкой публики здесь нечем.

И если бы археология была ориентирована лишь на шоу-бизнес, то наверняка мы могли бы спокойно пройти мимо этого злополучного для степняков периода их внешней «демократизации» и перейти к тем эпохам, что сулят нам новые сокровища. Однако это не так и, конечно же, совсем не так. Самым важным в выявленном здесь феномене второго тысячелетия является, пожалуй, желание обнажить и вникнуть в глубинные причины этой парадоксальной метаморфозы культуры степных народов. Для археологов, историков и обществоведов несравненно важнее уяснить смысл этого парадокса, нежели впадать в бесконечный восторг перед извлеченными из могил знати творениями древних мастеров. И хотя этот путь быстрого и несомненного успеха не сулит, мы постараемся проследить более детально как линию, так и динамику сложения характера этих культур, втянутых в рамки гигантской системы ЕАМП.

Евразийская провинция: начало формирования

Ранний период или же стадия формирования обширнейшей системы ЕАМП, согласно радиоуглеродной хронологии, должен датироваться в пределах приблизительно пятисот лет: от 22/21 до 18/17 веков до н. э. В этот отрезок времени из пределов бассейна Дона и Средней Волги начали свое быстрое продвижение на восток, за Урал, скотоводы северной, лесостепной полосы Степного пояса, потомки недавно господствовавших здесь культур в рамках ЦМП. По Абашевскому некрополю — первому, рас-

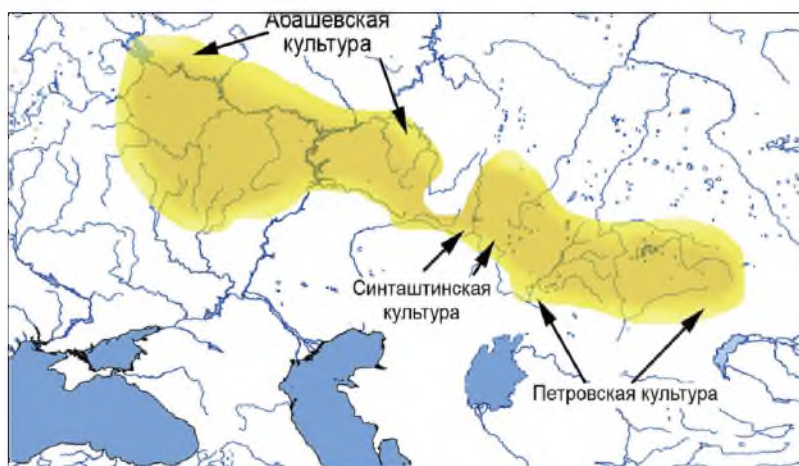

Рис. 13.2. Ареал абашево-синташтинской археологической общности был вытянут в широтном направлении почти на три тысячи километров

копанному здесь более 80 лет назад — археологи именуют эту культуру *абашевской*. Ее носители довольно быстро преодолели невысокие хребты Южного Урала, и зауральский клон слегка видоизмененной по ходу продвижения абашевской культуры получил наименование *синташтинской*. *Абашево-синташтинские* скотоводы продолжили свой рывок на восток, и уже последний, самый восточный вариант этой общности стали называть *петровским* (опять-таки по названию одного из селищ). Общая площадь данного блока родственных культур, осуществивших продвижение с запада на восток достигала примерно 1—1,2 млн. кв. км и была вытянута довольно узкой лентой по северной полосе Степного пояса (рис. 13. 2).

Те черты степных культур второго тысячелетия, о которых мы говорили в предшествующем разделе, оказались присущими также и абашево-синташтинской общности, причем в достаточно полной мере. При этом были не лишены интереса также некоторые отклонения. Например, в бассейне Среднего Поволжья в начале 60-х годов археологи раскопали один из курганов (сам курган получил название Пепкинский), под которым в одной длинной и узкой яме находились останки 28 молодых мужчин (рис. 13.3). Надмогильная курганная насыпь в сравнении с гигантскими сооружениями пред-

Рис. 13.3. Пепкинский курган абашевской культуры. Довольно беспорядочный склад костей, оставшихся в обширной могиле от 28 погибших и захороненных здесь молодых мужчин

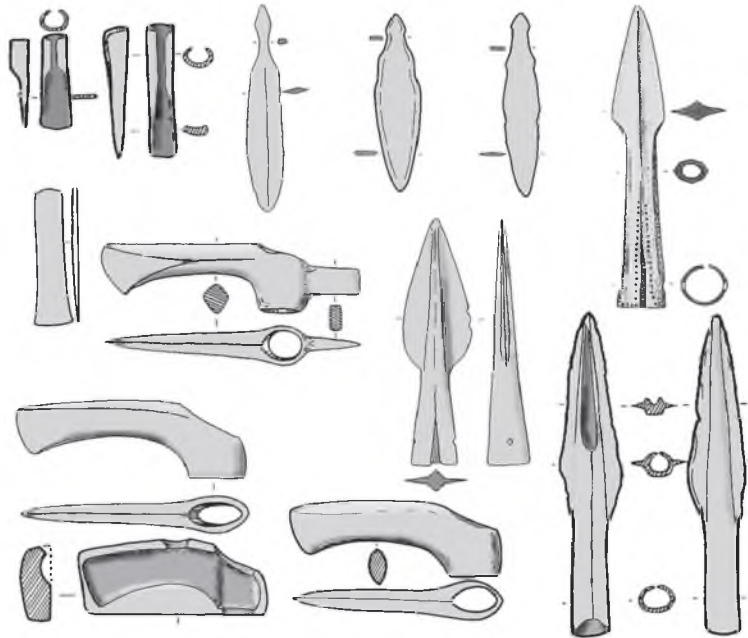

Рис. 13.4. Медные и бронзовые орудия и оружие, а также глиняная литейная форма отливки топора из погребений и поселений абашево-синташтинской общности. Формы изделий четко выдают их исходные корни в очагах Циркумпонтийской металлургической провинции

шествующих эпох ничего примечательного собой не представляла. Однако одновременное погребение целого весьма значительного по численности отряда явно убитых молодых людей встретилось впервые. Среди них находился и кузнец-литейщик, профессию которого определили по лежавшей рядом глиняной форме для отливки боевого медного топора (рис. 13.4).

Другими заметными памятниками, отложившими свой яркий отпечаток на облик абашево-синташтинских культур, явились расположенные в Южном Зауралье, рядом друг с другом, Синташтинские могильник и поселение (по ним, кстати, и стали именовать зауральский вариант древностей данной общности). Расположение примерно двух десятков жилых построек на упомянутом селище напоминало правильный полукруг. Прижатый к берегу небольшой степной речушки поселок с одной стороны окружал невысокий земляной вал. Примечательной по своим формам и элементам декора оказалась также керамическая посуда абашево-синташтинской общности (рис. 13.5).

Пожалуй, намного более интересным оказался обнаруженный неподалеку одноименный могильник. Кладбище привлекло пристальное внимание археологов прежде всего тем, что в могильных сооружениях человеческие останки сопровождалась захоронениями лошадей с элементами конской

Рис. 13.5. Образцы глиняной посуды в комплексах абашево-синташтинской археологической общности

узды. Здесь увидели также детали повозок или же боевых колесниц (следы их колес — правда, не вполне ясные — были замечены в некоторых могильных ямах). Пожалуй, в относительно богатых материалах Синташтинского некрополя удалось обнаружить, по существу, первые явные свидетельства развитого коневодства и знания колесного транспорта.

Металл абашево-синташтинской общности несет на себе отчетливые признаки дальнейшего развития стандартов ЦМП. В этой коллекции много топоров и ножей, формы которых явно указывают на свои циркумпонтийские прототипы (рис. 13.4). Горняки и металлурги западного варианта всей общности ориентировались на рудные богатства Приуралья с их медистыми песчаниками. После пересечения южноуральских хребтов, уже на восточных склонах Урала им удалось открыть иные богатые рудные источники. То были знаменитые ныне медно-мышьяковое месторождение Таш-Казган и медно-серебряное — Никольское, располагавшиеся буквально в километре друг от друга (рис. 13.6). Благодаря своеобразию химического состава ташказганской и никольской меди, ее удалось довольно надежно отличать от металла иных рудных источников. По существу эта медь приобрела роль знаковой для всего этого блока культур, а ее доля среди всей коллекции металлических орудий и украшений оказалась весьма значительной. Любо-

Рис. 13.6. Никольское медно-серебряное месторождение в Южном Зауралье. На рубеже III и II тысячелетий рудник разрабатывали абашево-синташтинские горняки. На поверхности холма (на переднем плане) отчетливо видны темные провалы ям: это следы древних горно-рудных выработок

пытно также, что при существенном росте числа абашево-синташтинских поселений, металл из некрополей резко доминировал.

Следует, конечно же, упомянуть здесь еще об одном чрезвычайно важном явлении, сопровождавшем процесс формирования Евразийской провинции и придававшем ему весьма специфическую окраску. На всем широтном протяжении ареала абашево-синташтинской общности, протянувшемся почти на три тысячи километров, ее носителям при продвижении на восток пришлось постоянно сталкиваться с агрессивными и весьма мобильными группами, устремленными уже в противоположном направлении — с востока на запад. В этом заключалась особая и необычайно яркая страница истории взаимоотношений различных скотоводческих общностей Евразии. Однако мы поведем об этом рассказ позднее, когда станем знакомиться с восточными культурно-технологическими системами Степного пояса.

Евразийская провинция: пора стабилизации

Период стабилизации ЕАМП резонно связывать с началом формирования на пространствах западной половины Степного пояса двух громадных археологических общностей. На территориях от северного Причерномо-

рья вплоть до Южного Урала были рассеяны могильники и поселения так называемой *срубной археологической общности* (с ней читатель немного знаком из разделов предыдущих глав). Ареал блока культур «срубного» типа равнялся не менее 1,5 — 1,8 млн. кв. км. К востоку от Урала до Алтая и от лесостепи Западной Сибири вплоть до пустынных предгорий Копетдага было сосредоточено множество бытовых и погребальных памятников ряда родственных культур, составлявших блок гигантской *андроновской археологической общности*. Ее пространственный охват был не менее 2,5 — 3 млн. кв. км. Многочисленные серии радиоуглеродных датировок указывают, что начало периода стабилизации приходится по преимуществу на вторую четверть II тыс. до н. э.

Облик всех этих культур и общностей западной половины Степного пояса оказался достаточно сходным между собой. По этой причине весьма нередко археологи предпочитают даже говорить о великой *срубно-андроновской общности*, охватившей необозримые — до 4 и даже 4,5 млн. кв. км — пространства от Причерноморья до Алтая (а это около четырех тысяч километров в широтном простирании) и от южной кромки таежно-лесной полосы вплоть до предгорий Кавказа и пустынь Каракумы и Кызылкумы (в долготном простирании до тысячи километров на западе и до полутора тысяч на востоке). Также далеко не всегда удается вполне надежно отличать друг от друга памятники абашево-синташтинской и срубно-андроновской общностей: по ряду важнейших деталей они весьма сходны друг с другом. При этом ясно, что связанная с зарождением срубно-андроновских древностей вторая волна распространения западных культур затопила и поглотила более раннюю — абашево-синташтинскую (рис. 13.7).

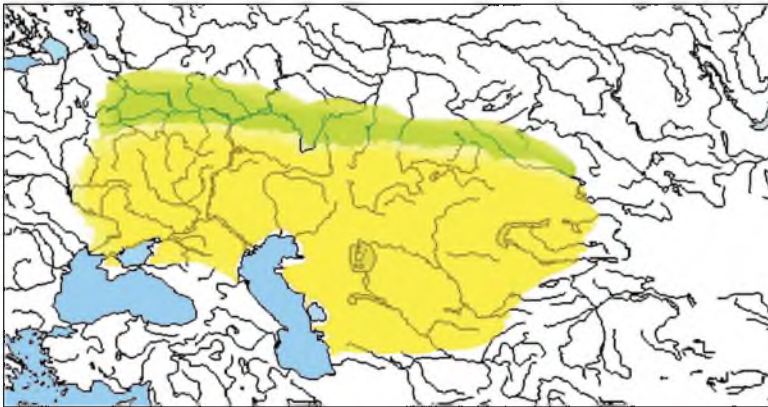

Рис. 13.7. Период стабилизации Евразийской металлургической провинции. Желтым цветом окрашен ареал степных памятников срубно-андроновской археологической общности. Зеленым цветом обозначена зона примыкающих к ним с севера лесных культур, очень близких по своему облику степным и, видимо, во многом зависимых от последних

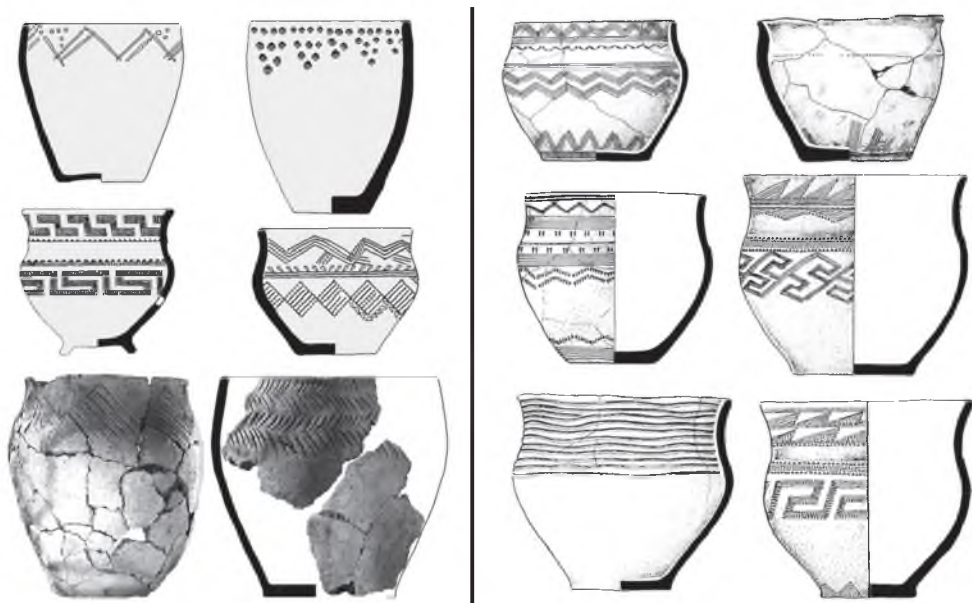

Рис. 13.8. Образцы глиняной посуды срубно-андроновской археологической общности. Морфология сосудов западной и восточной ареалов этой огромной общности очень близка между собой: слева — культуры срубного круга, справа — андроновского круга

Как территориальные, так и хронологические грани между культурами всех перечисленных блоков в большинстве случаев размыты и туманны. Причины этого восходят, по всей вероятности, к бесконечно подвижному характеру степных скотоводов, к постоянному культурному и одновременно активному — уже чисто биологическому — смешению и «скрещиванию» различных родственных этносов. На это накладывалась примечательная толерантность у степных этно-культурных групп в отношении внешних проявлений исходной культуры у родственных им социумов. Выражая мысли «академическим языком», это можно определить термином «культурная непрерывность». В такой ситуации легче и корректнее очерчивать тенденцию развития, но не пытаться устанавливать жесткие границы между культурами и их вариациями.

Тогда же по южной полосе таежно-лесной зоны Евразии возникает целая цепь новых культурных «клонов» срубно-андроновского степного мира. Блоки этих лесных культур археологи весьма нередко объединяют, присваивая им не слишком звучные и выразительные наименования «срубидных» или же «андроноидных»; тем самым как бы подчеркивается их родство со «старшими степными родственниками». И в этом случае археологи почти всегда довольно безуспешно сражаются между собой в попытках определения четких границ между степной основой и ее лесными «клонами».

Равно как и в ситуации с границами столь же трудно кажется определение механизма возникновения чрезвычайно ярко выраженного культурного сходства (а порой даже единства) на широчайших пространствах западной половины Степного пояса от Северного Причерноморья вплоть до Алтая. Ведь в предшествующее тысячелетие равнинные области к востоку от Урала были заселены племенами с неолитической экономикой. Во втором тысячелетии мы наблюдаем разительный скачок: местные народы сразу же постигают технологию весьма развитой металлургии! Одновременно с этим происходит значительная унификация основных признаков их культур. Вместе с тем представляется достаточно очевидным, что изначальный или же исходный импульс для формирования нового типа культур к востоку от Урала мог последовать лишь с запада, из среды общностей северного блока Циркумпонтийской провинции, чье существование завершилось в канун III тыс. до н. э.

Каков же был конкретный механизм предполагаемого импульса? Обычно в этом процессе предполагают решающую роль мигрантов — носителей кардинальных инноваций. Однако вряд ли все протекало столь однозначно. Миграция могла сочетаться с принятием технологических и идеологических инноваций, по крайней мере, частью коренного неолитического населения этой части Степного пояса. Ведь уже задолго до этого, еще в начале III тыс. до н. э., редкие медные топоры западных форм, по всей видимости, отливали в предгорьях Алтая (см. главу 11). Кажется, что западные воздействия во втором тысячелетии имели свою и достаточно долгую предысторию, латентный период которой мог ускользнуть от нашего внимания.

Все те наиболее выразительные черты степных общностей, о которых шла речь по поводу культур второго тысячелетия, полностью обнаруживают свои четкие параллели и в срубно-андроновском мире. Здесь опять-таки археологи обнаруживают и фиксируют великое множество поселков

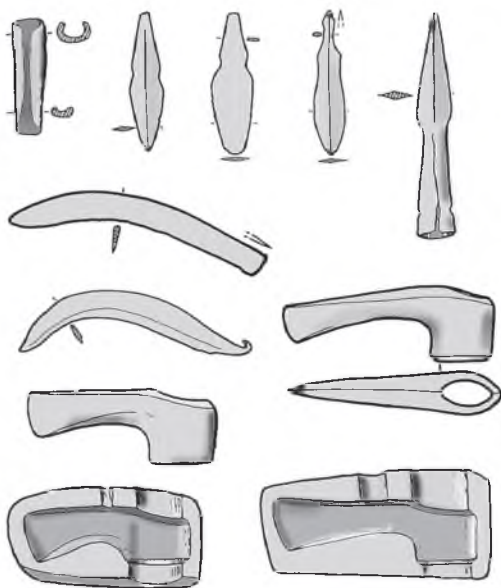

Рис. 13.9. Медные и бронзовые орудия и оружие срубно-андроновской археологической общности. Морфология металлических изделий близка к несколько более ранней продукции абашиво-сингаптинской общности. В конечном итоге, большинство этих форм восходит к стереотипам Циркумпонтийской провинции

со сравнительно слабо выраженным и довольно бедным культурным слоем. Бесконечным раскопкам подвергаются также мало выразительные кладбища, а ряды их бесчисленных могил по-прежнему являют нам свой явно выраженный «демократический» облик. Среди погребенных их соплеменники не отмечали очевидными знаками ни знатных персон, ни героев, а низкий социальный статус погребенного обозначали, может быть, абсолютным отсутствием вещей в их могилах...

Пожалуй, самым ярким из достижений степных полукочевых народов стало их экономическое обособление, приведшее к очевидной независимости от южных культур. Наиболее четко это отразилось на примере горнометаллургического производства. Если с первой волной абашево-синташтинских племен связано открытие ими зауральских полиметаллических месторождений, то вторая волна привела к открытию и началу эксплуатации множества медных и даже оловорудных месторождений по

Рис. 13.10. Каргалинский горно-металлургический центр (Каргалы). Здесь на площади, равной примерно 500 кв. км, зафиксировано до 35 тысяч поверхностных следов засыпанных или оплывших шахт. На снимке, отражающем лишь весьма незначительный участок, заметны лишь до одной или двух сотен провалов рудных выработок, связанных, по преимуществу, с разведывательными шахтами II тыс. до н. э.

всем регионам Казахстана, Средней Азии и Рудного Алтая. Безусловно также, что знаковым событием явилась способность опознавать и находить оловорудные минералы (касситериты) и уметь их использовать для выплавки высококачественных оловянных бронз.

В этой цепи достижений наиболее ярким и лучше всего обследованным комплексом, как и в предшествующее III тыс. до н. э., вновь явился Каргалинский горнометаллургический центр. О нем мы уже рассказывали в главе 11 при характеристике металлургии у кочевников раннебронзовой поры. Этот богатейший меднорудный центр оказался забытым и покинутым древними горняками и металлургами ямной общности. Примерно через 500—600 лет на этих столь богатых медными минералами холмах и увалах вновь появились группы профессионалов, но связаны они были уже со средой культур срубной общности.

На Каргалах рудознатцы снова и снова вгрызались в прекрывавший

меднорудные линзы многометровый глинистый чехол, стремясь достигнуть столь желанных для них зеленых или синих минералов малахита и азурита (рис. 13.10, 13.11). Тяжелыми медными кайлами и костяными клиньями день за днем дробили они неуступчивую песчаниковую породу в надежде натолкнуться на богатые гнезда руды. Терпение вознаграждалось, и добытую в недрах руду дробили в своих поселках каменными молотками и молотами (рис. 13.12), чтобы очистить медные минералы от пустой породы (так именуется процесс обогащения руды). Курились присыпанные землей тлеющие кучи поленьев и березовых стволов, чтобы «выжечь» древесный уголь, без которого никакая плавка руды была невозможной. На вершинах холмов в раскаленных печках выплавляли металл, а из шлаковых лепешек затем выколачивали большие и малые капли меди, чтобы сплавить их в большие слитки...

Рис. 13.11. Каргалы: в сохранившихся подземных выработках. Их общая длина на рудниках Каргалинского центра фантастично велика: она достигает многих сотен километров

Тяжкие труды «срубных» мастеров горного дела и металлургии продолжались на Каргалах около пяти столетий — с 19/18 по 14/13 века до новой эры. За это время профессиональные горняки срубной общности пронизали недра Каргалов многими десятками, если даже не сотнями, километров подземных проходов — шахт, штолен и штреков (рис. 13.10). Лабиринт подземных выработок выглядит порой фантастичной сетью (см. рис. в самом начале данной главы, а также рис. 13.11). Шахтерам бронзового века удалось извлечь на поверхность до 50 миллионов кубических метров скальной рудосодержащей породы. После ее обогащения не менее 5 миллионов тонн руды оказались пригодными для выплавки металла. И за эти пять столетий из обогащенной руды металлургам удалось выплавить не менее 55—60 тысяч тонн меди. Руду плавил не только на Каргалах, ее пускали и на обмен. Вместе с рудой выплавленная на Каргалах медь и изготовленные здесь медные изделия отправлялись только на запад; восточнее Урала мы их не находим. Химический состав металла позволил очертить зону распространения каргалинской меди — не менее 750—800 тысяч кв. км! Ее образцы достигают бассейнов Дона, Донца и левобережья Днепра.

Согласитесь, что все приводимые здесь цифры удручающе громадны, и их трудно комментировать в кратком изложении. Добавим, однако, в этот перечень еще ряд сведений о раскопках одного из самых ярких в преде-

Рис. 13.12. Каргалы, поселение срубной общности Горный. Каменные наковальня, молоток и фрагменты литейной формы для отливки медного кайла

Рис. 13.13. Каргалы, поселение срубной общности Горный. Здесь на весьма ограниченной раскопанной археологами площади было выявлено более 2,5 миллионов костей домашних животных. Полностью обработанные и изученные археозоологами, затем собранные вместе они составили впечатляющий своими размерами холм

лах Степного пояса поселений горняков и металлургов срубной культуры на Каргалах.

Селище Горный, а именно такое название присвоили ему археологи, подвергалось раскопкам почти 10 лет. За это время удалось вскрыть примерно одну тысячу квадратных метров культурного слоя. Площадь эта весьма незначительна на фоне раскопок многих иных степных поселенческих памятников. Однако насыщенность культурного слоя различными материалами оказалась здесь воистину фантастической, что и не позволило сколько-нибудь заметно ускорять процесс его вскрытия. Горный предстал совершенно непохожим на все тонкослойные и обедненные материалами степные поселки бронзового века.

На этом ограниченном участке культурного слоя селища удалось обнаружить более 110 тысяч глиняных фрагментов от 7 или 8 тысяч горшков. Отсюда извлекли около 1,5 тысяч обломков и сколов каменных молотков и молотов, которыми дробили породу. Слой содержал сотни фрагментов песчаных литейных форм, предназначенных в основном для отливки тяжелых горнопроходческих орудий (рис. 13.12). Количество образцов выплавленной здесь меди — а их оказалось

более 4 тысяч — перекрывало все, что мы знаем для могильных и селищных памятников всей срубной общности.

Однако все эти рекорды решительно затмила гора костей домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота: число их превысило 2,5 миллиона целых и фрагментов! Такая чудовищная масса (рис. 13.13), насыщавшая лишь крайне незначительный участок культурного слоя Горного, намного превысила всё, что нам известно ныне для всех степных памятников Евразии эпохи раннего металла. Горняки и метал-

Рис. 13.14. На Каргалах в бронзовом веке длинные кости десятков и десятков тысяч принесенных в жертву коров и быков шли на изготовление бесчисленных по своему количеству клиньев. С их помощью горняки добывали из рудосодержащих песчаниковой и мергелевой пород медные минералы

лурги Каргалов скотоводством (равно как и земледелием) не занимались, это совсем не было их делом. Огромные стада скота — коров, овец и коз — пригоняли сюда для обмена на руду и металл со всей обширной ойкумены распространения каргалинской меди, даже за сотни километров. Наверное, на большинство этих животных смотрели как на жертвенных, умерщвляемых с целью умиловить властителей подземных богатств. При этом туши животных все равно поедали, а длинные кости коров расщепляли на острые клинья для дробления в глубинах недр песчаниковой породы (рис. 13.14).

Каргалинский горнометаллургический центр играл чрезвычайно существенную роль не только в жизни степных народов эпохи раннего металла. В XIV—XIII вв. до н. э. срубные профессионалы покинули Каргалы совершенно внезапно, и с тех пор эти холмы рудных отвалов погрузились в *трехтысячелетнее «великое забвение»*. Лишь с приходом российских промышленников в XVIII столетии (уже нашей эры) на Каргалах вновь появляются рудознатцы, и этот уникальный центр обретает новую жизнь. Понятно, что в этой главе не место вести подробный рассказ об этом удивительном комплексе. По этой причине желающие могут получить более полную информацию в специальном Приложении 5.

Евразийская провинция: финал и распад

С XIV—XIII столетиями до новой эры можно связывать начало финального периода функционирования центров Евразийской провинции. Однако при этом какие-либо яркие изменения принципиального уровня в важней-

ших чертах археологических общностей заметить бывает довольно сложно. По-прежнему в Степном поясе господствовали сходные с общностями более раннего периода стабилизации внешне не слишком выразительные поселения. Людей продолжали хоронить на кладбищах, где, как и прежде, преобладал «демократический» облик могильных сооружений и погребальных ритуалов.

Основным знаковым признаком, позволяющим отличать степные сообщества этой поры от культурных блоков предшествующего периода, явился весьма характерный декоративный элемент на керамических сосудах. Множество — порой от четверти и даже до половины коллекции — глиняных горшков, датированных этим периодом, было украшено по своим горлышкам или плечикам так называемым налепным валиком (рис. 13.15). Не могло не удивлять поразительно широкое и территориально непрерывное распространение этого элемента: почти пять тысяч километров степных пространств — от Нижнего Подунавья вплоть до Джунгарских «ворот». При этом такую керамику обнаруживали даже в прилегающих к этим «воротам» районах Синьцзяна, то есть уже за юго-восточными пределами этого знаменитого евразийского «водораздела».

Реальный смысл данного «валикового знака» угадать очень трудно. Порой приходит на ум желание увидеть в нем некий идеологический знак, — ну что-то вроде обязательного для истинных христиан креста или же иного символа какой-то нам неведомой веры. Однако в таких размышлениях мы скованы отсутствием каких-либо иных данных, позволяющих продвинуться далее этих туманных аналогий и смутных соображений; да и вряд ли такие догадки смогут доставить нам удовлетворение. Во всяком случае, археологи использовали признак налепного валика на сосудах, чтобы выделить по всему ареалу западной половины Степного пояса особую *общность культур «валиковой керамики»*.

Территория общности охватывала примерно 4—4,5 млн. кв. км. Параллельно с формированием этого блока «валиковых» культур как-то не очень заметно, как бы сами собой, исчезают или же заметно трансформируются северные лесные «клоны» сообществ предшествующего срубно-андроновского мира. Теперь степные полуоседлые скотоводы более отчетливо соответствуют рамкам своего исходного геоэкологического домена, не выходя сколько-нибудь далеко в лесные зоны. Причем на южных окраинах домена, в пределах среднеазиатских пустынь и полупустынь, намечается некий симбиоз с культурами оседлых земледельцев, селившихся, к примеру, по оазисам вдоль русел Сырдарьи или Амударьи. По этой причине иногда предполагают, что скотоводы в этих областях могли — пусть даже в весьма ограниченных масштабах — заниматься также и поливным земледелием; однако доказательств этого пока что явно не хватает.

Рис. 13.15. Типичная глиняная посуда общности культур с так называемой «валиковой керамикой»; во многом формы подобного рода сосудов восходят к керамике срубно-андроновской общности

Вместе с этим нарастает совершенно отчетливое ощущение неких весьма существенных кардинальных перемен. Заметное уменьшение числа селищных степных памятников наводит на мысль о вновь усилившейся тяге скотоводов к кочевому образу жизни. И это находит свое подтверждение в том, что весь последующий период (I тыс. до н. э.) будет целиком ознаменован безусловным господством культур номадов. Можно уловить даже некие намеки на возврат к обозначению могил вождей и/или героев. Так, к примеру, в Центральном Казахстане появляются прообразы будущих «мавзолеев» степной знати раннего железного века.

Об ослаблении общности культур с валиковой керамикой говорит также «размывание» западной и восточной границ Евразийской металлургической провинции. В степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья резко возрастает доля бронз, связанных с центрами Европейской провинции (рис. 13.16). На востоке, в районе Алтая и верховьев Иртыша и в Казахстане чувствуется заметное влияние уже культур Восточноазиатской степной металлургической провинции (речь о них пойдет ниже).

Сама же ЕАМП теряет прежнюю завидную четкость своих контуров и стереотипов. Период ее сложения был стремительным; сравнительно недолгой оказалась фаза ее стабилизации; вслед за стабилизацией она устремилась к своему финалу. Сама провинция просуществовала около тысячи, как кажется, относительно мирных лет.

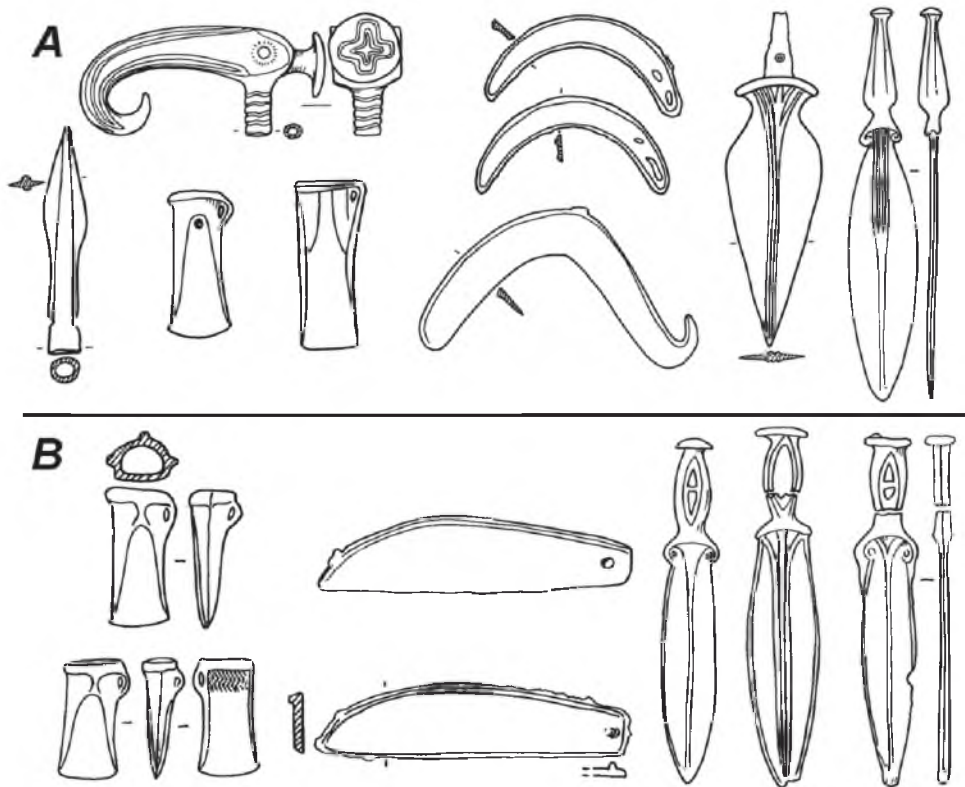

Рис. 13.16. Вторая половина II тыс. Бронзовая продукция, несущая отчетливые следы воздействия металлургических центров западной Европейской металлургической провинции на восточные степные очаги. *А* — изделия в кладах с территории Молдовы и Западной Украины. *В* — клад литейщика из Сосновой Мазы в бассейне Нижней Волги

* * *

В последних 12-ой и 13-ой главах был сформулирован ряд исключительно важных вопросов. К первому из них — о причинах «*великой*» или же, по крайней мере, относящейся к материкам Старого Света загадочной *пространственной стабилизации (или же стагнации)* в распространении высокотехнологичных культур — автор обратится несколько позднее, когда для читателей станет более ясной и отчетливой характеристика соседей степных сообществ. Ведь материалы даже столь обширных провинций, каковой являлась, к примеру, степная Евразийская, не могут таить в себе исчерпывающие ответы на такие весьма и весьма сложные и емкие вопросы.

Были затронуты и другие сюжеты. К примеру, о *глубинных причинах очевидной самоизоляции полукочевых скотоводов западной половины*

Стенного пояса во втором тысячелетии; *о внезапной внешней «демократизации» и странной «монотонности» их культур*; о причинах как бы неожиданного отказа от столь любезного менталитету номадов «героического образа», выражаемого в погребальных памятниках или монументах. На эти вопросы мы не в состоянии ныне предложить достаточно внятных объяснений. Автору кажется более предпочтительным ограничиться формулировкой проблем и вопросов, нежели предлагать заведомо мало пригодные и зыбкие ответы. Поэтому лучше оставим здесь формулировки лишь тех заключений и гипотез, которые были изложены в данной главе.

ГЛАВА 14

Рывок из центра Азии: Чингизовы провозвестники

Перенесемся теперь в самый центр Азии — туда, где безграничные пустынные степи вплотную примыкают к таежным массивам Саяно-Алтая, а лесистые Алтайские взгорья отделены джунгарским прогибом от ледяных пиков Восточного Тянь-Шаня. Народы, населявшие эту область, вплоть до рубежа III и II тыс. до н. э. отнюдь не блистали сколько-нибудь заметными культурно-технологическими достижениями. Однако именно там, на переломе этих тысячелетий, и произошел тот уникальный технологический «взрыв», которому, пожалуй, очень трудно подыскать прямые параллели на всем Евразийском континенте. Заключение это кажется справедливым, даже если не забывать о всех феноменальных «взрывах» минувших эпох — идет ли речь об удивительной и поразительно древней эпохе «прото-металла», либо о Балкано-Карпатской металлургической провинции V тыс. до н. э. Технологический рывок в Центральной Азии чем-то напоминал упомянутые здесь, но во многом существенно отличался от них.

Два тесно взаимосвязанных фактора придают яркое своеобразие этому феномену. Те относительно редкие находки металла III тыс. до н. э., о которых нам известно в данном регионе, в какой-то мере, могли наводить на мысль о весьма далеком западном импульсе (мы об этом уже говорили раньше, в главе 12). Однако столь внезапно зародившаяся центральноазиатская металлургия с этим импульсом не имела никаких явных соединительных связей: все здесь представало в облике удивительно самобытным. Неожиданной оказалась не только произошедшая вспышка бесспорно самостоятельного и изолированного от западных центров производства. Изумлял технологический уровень новой металлообработки: во многих отношениях он оказался существенно выше того, что мы наблюдали в центрах Циркумпонтийской провинции, а также ее наследницы — провинции Евразийской.

Наряду с этим технологическим взлетом не менее сложным для исследователей оказалось найти объяснение тому бесподобно стремительному пространственному броску, который свершили носители этой культуры (или же блока родственных культур?) от центра Азиатского материка вплоть до Балтики и даже бассейна Нижнего Днестра (во всяком случае, они оставили там свои следы). Металл — и прежде всего металл — стал основой представления об этом феномене.

Своеобразие этой проблемы на фоне прочих евразийских культур столь велико, что мы позволим себе несколько изменить характер настоящей главы. Значительное место в ней будет уделено более подробной характеристике археологических материалов, связанных с этой темой. Без этого вряд ли удастся достаточно отчетливо высветить важнейшие аспекты новых социо-культурных формирований на восточной половине Степного пояса.

Некрополи или же только мемориалы-жертвенники?

Погребальные или же какие-то иные сакральные памятники, а также рассеянные по необозримым пространствам отдельные находки металлического оружия и орудий (археологи такого рода находки обычно именуют «единичными случайными») протянулись гигантской, но пологой дугой с востока на запад, и ее протяженность превысила восемь тысяч (!) километров (рис. 14.1). На востоке край дуги упирался в Центральный Китай, на западе его «плечи» касались Восточной Балтики и даже низовьев Днестра. При таком гигантском территориальном охвате вся дуга — а это до пяти миллионов квадратных километров! — была представлена крайне ограниченным числом металлических предметов: не более шести сотен — всего лишь! И в своей основе коллекции этих изделий были представлены едва ли не исключительно бронзовым оружием! Суровый характер инвентаря подчеркивала крайняя редкость металлических украшений. Наряду со столь трудно объяснимым малым числом изделий, оружие этих воинов на фоне металла соседних культур оказалось столь специфичным по форме и технологии изготовления, что вплоть до сегодняшнего дня у серьезных исследователей не зарождалось сколько-нибудь заметных сомнений в ярко выраженном своеобразии культуры его носителей.

Также чрезвычайно незначительным оказалось и общее количество тех памятников, что археологи обычно относят к категории кладбищ или могильников: вряд ли более десятка. И это при том, что среди тех имеются такие местонахождения групп металлических предметов, которые по своему характеру остаются не вполне ясными для исследователей. Столь непривычная оговорка вызвана тем обстоятельством, что даже те памятники данного круга, которые в специальной литературе привычно именуют

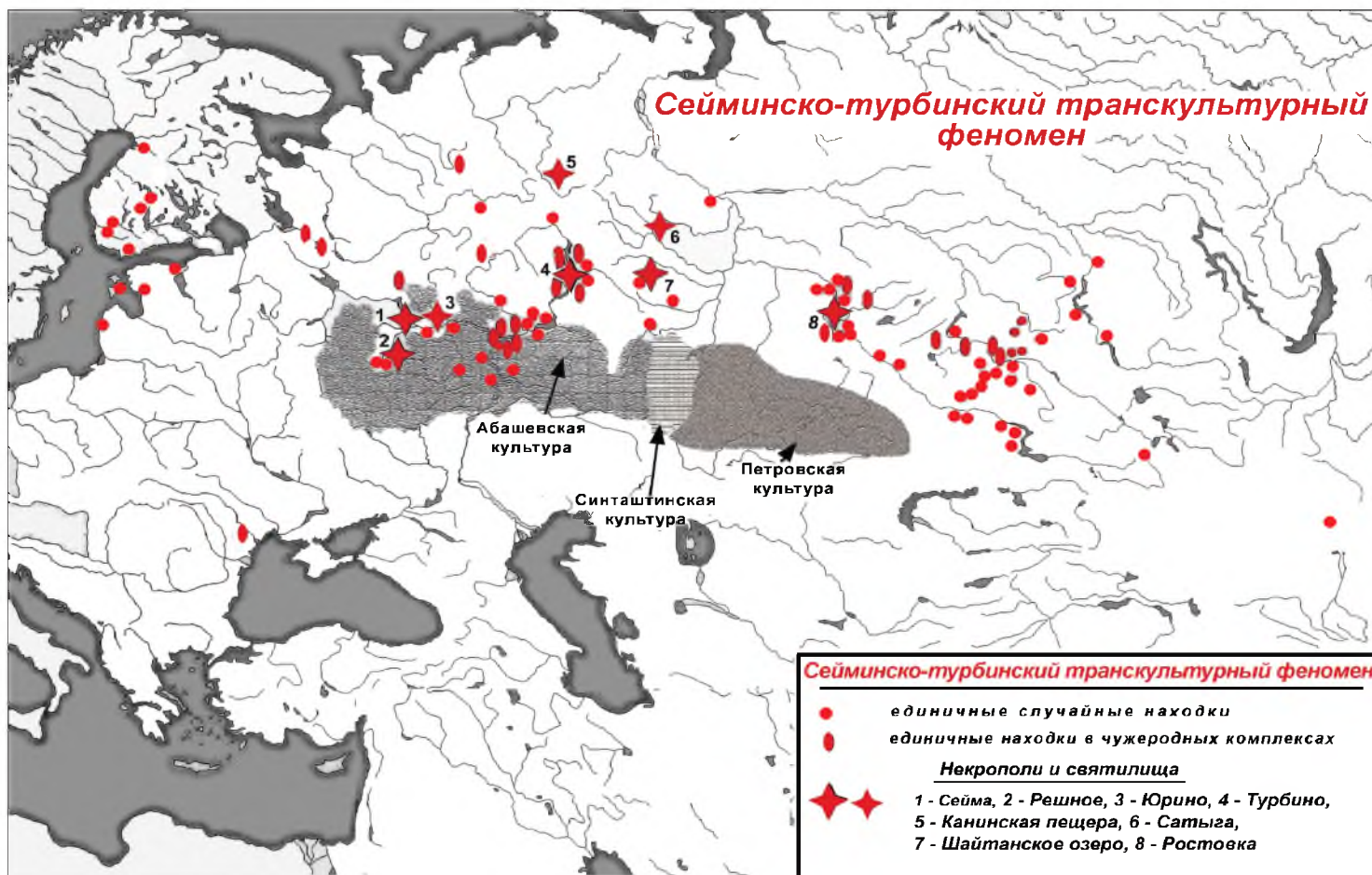

Рис. 14.1. Две встречные волны распространения носителей новых технологий в Северной Евразии. С запада на восток в Сибирь проникали наследники культур распавшейся Циркумпонтийской провинции. Из центра Азии на запад стремительно продвигались конные группы, олицетворявшие яркий сейминско-турбинский транскультурный феномен

могильниками, оказываются в огромном большинстве мало похожими на обычный «археологический стандарт» древних некрополей. В них, к примеру, не удастся проследить следов погребальных ям; и даже в тех местах, где как будто можно угадать признаки выкопанных могил, нет человеческих костей. Материал в местах его скопления представлен, по преимуществу, лишь металлическими предметами; кроме них встречаются кремневые наконечники стрел, да изредка нефритовые кольца-браслеты и уже совсем редко литейные формы для отливки бронзового оружия. Таких памятников, относимых к разряду некрополей, в разбираемом нами круге подавляющее большинство. Если же в могилах некоторых западносибирских кладбищ и встречаются кости человека, то они часто пережжены до того состояния, что антропологи не решаются судить по их фрагментам о расовой принадлежности захороненных там людей.

В ряду этих весьма условных некрополей обязательно обратим внимание и на так называемые могильники-святилища или же жертвенники. Здесь опять-таки важнейшим объектом явились металлические предметы. Однако здесь зачастую не удастся различить даже имитаций погребальных ям. Бронзовое оружие может залегать отдельными скоплениями. При этом кажется, что такого рода внешне взаимосвязанные группы предметов раскладывались и втыкались в грунт древними в каком-то лишь им ведомом порядке, а сформировавшийся позднее дерн и поныне служит для тех изделий укрытием, хотя вряд ли очень надежным. Во всяком случае, такой представляется картина совсем недавно открытого археологами мемориала-жертвенника этого культурного феномена на берегу таежного зауральского Шайтанского озера (см. рис. 14.1 а также рисунки Приложения б).

По существу, перед нами некие весьма странные святилища-мемориалы. Нам очень трудно с достаточной определенностью составить мнение о том, выкладывались ли все эти драгоценные тогда металлические предметы в честь павших на поле боя, либо просто скончавшихся соплеменников? Или же таким образом древние воины отмечали некие памятные для них события? Кроме того, они довольно слабо или же почти не отличаются от иных, ставших уже знаменитыми, памятников, которые традиционно считаются некрополями (мы упомянем их ниже).

Еще одной чрезвычайно характерной особенностью рассматриваемых здесь древностей следует назвать отсутствие поселений. Попытки обнаружить их следы наталкиваются на полную неясность в отношении сколько-нибудь четко выраженных ориентиров, чтобы уловить связь материалов из предполагаемых мемориалов-некрополей с местами самых разнообразных селищ. Проблема предстает еще более трудно разрешимой на фоне гигантского территориального рассеивания этого яркого металла: ведь на таких

пространствах археологи обыкновенно различают изрядное множество разнообразных археологических культур.

Два памятника из тех, что исследователи по устоявшейся традиции причисляют к реальным могильникам, явились своеобразным символом этого уникального явления и послужили основой для обозначения самого феномена. Первый из некрополей получил название Сейминский; находится он в самых низовьях Оки, близ места ее впадения в Волгу, недалеко от Нижнего Новгорода. Второй обозначен как Турбино; он расположен на Каме близ Перми, напротив впадения в Каму ее крупнейшего уральского притока — реки Чусовой. По двум указанным некрополям данный феномен и стал именоваться *сейминско-турбинским*, и название это уже давно закрепилось в мировой литературе. В последнее время к этому наименованию феномена прикрепились также весьма важные прилагательные — *транскультурный*. Прилагательное подчеркивает, что это явление покрывало территории множества культур, нисколько не утрачивая важнейших ярких черт своей самобытности.

Заметим кстати, что в целом большинство основных, так называемых погребальных памятников сейминско-турбинского типа находят близ крупных рек — они зачастую тяготеют к устьям их притоков. Кроме Сеймы и Турбина на Волге близ впадения в нее Ветлуги обнаружены следы еще одного некрополя того же типа (Юрино или же Усть-Ветлужский); в низовьях Оки раскопан могильник Решное. Кажется также, что на стрелке-мысу у слияния Волги с Камой находился еще один некрополь (Соколовский), но от него мало что сохранилось. Один из самых выразительных и богатых могильников Западной Сибири — Ростовкинский — также привязан к реке Омь, причем близ впадения ее в Иртыш, уже совсем неподалеку от Омска.

Из этого вытекает вполне определенное заключение, что носителей сейминско-турбинских культур отличало отчетливо выраженное тяготение к крупным речным магистралям. Подобная «привязка» окажется весьма важной для понимания характера и основной территориальной устремленности сейминско-турбинских групп, о чем речь пойдет ниже.

История открытия и изначального обсуждения характера сейминско-турбинских памятников кажется весьма интересной и поучительной. Поэтому заинтересованные читатели могут обратиться к Приложению 6, где многие из связанных с этой проблемой «интриг» излагаются более подробно.

Сейминско-турбинский металл

Бронзовые и медные изделия сейминско-турбинского облика являются безусловным и важнейшим признаком, пожалуй, даже символом этих столь необычных евразийских культур. Среди всех известных ныне их коллекций

определенно выделяются четыре категории металлических изделий, прису-щих исключительно лишь данному феномену. Самыми распространенными и наиболее характерными для этих категорий являются две: топоры-кельты, или же просто кельты, (рис. 14.2), а также наконечники копий (рис. 14.3 и 14.4). Различия среди этих кельтов касаются, прежде всего, размеров конкретного орудия (или оружия), характера орнаментации по тулову и под венчиком, а также наличия или отсутствия боковых ушек для крепления кельта к рукояти. У наконечников копий по форме стержня пера различаются также две основные группы изделий. Наиболее характерны для сейминско-турбинского металла копья усложненного вида (рис. 14.3), так называемые «вилчатые» (от слова вилка), и кроме них — наконечники с простым ромбическим стержнем (рис. 14.4), служившим также достаточно надежным ребром жесткости для пера такого оружия. Конструкция кельтов также почти обязательно предполагала наличие двух ребер жесткости по вертикальным краям изделий.

Обе эти категории изделий — кельты и наконечники копий — характеризуются так называемым тонкостенным литьем со «слепой» втулкой. Такая инновация для евразийских культур конца III и начала II тыс. до н. э. яви-

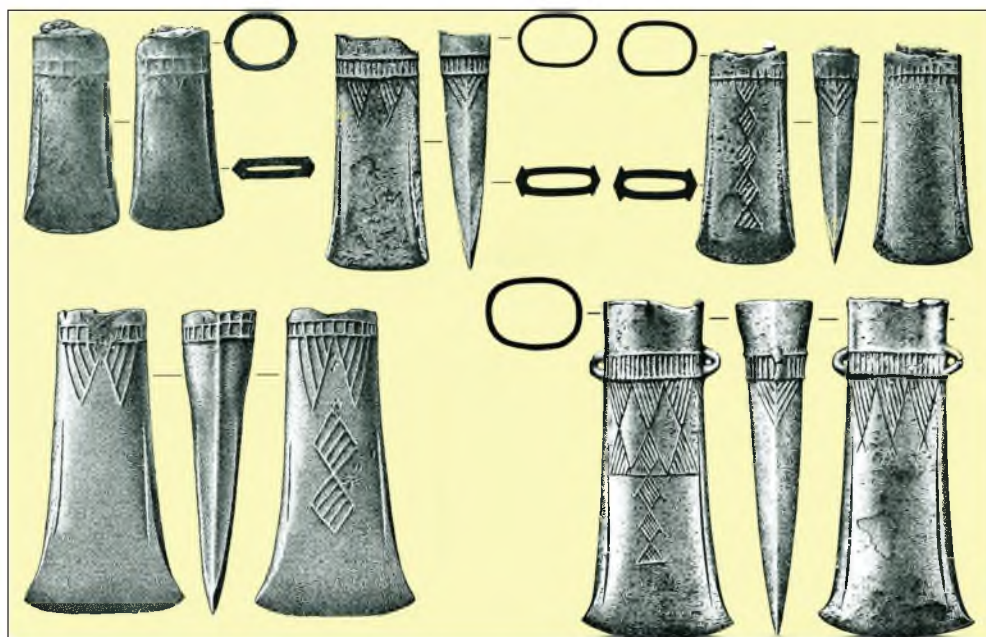

Рис. 14.2. Бронзовые и медные топоры-кельты сейминско-турбинского типа. То были самые распространенные типы орудий у этих популяций. Во втулке кельтов нередко сохранялось дерево от рукояти, на которую насаживалось само тонкостенное орудие. Внизу справа кельт с боковыми ушками для лучшего его крепления к рукоятке. Поверхность кельтов литейщики старались украшать любимым ими видом орнамента: заштрихованными поясками, треугольниками или ромбами

Рис. 14.3. Так называемые «вилчатые» наконечники копий: у этих типично сейминско-турбинских экземпляров стержень пера напоминает трезубую вилку. Оба изображенных по краям рисунка изделия связаны с крайними точками ареала этих бронз: левое — из Бородинского клада в бывшей Бессарабии; правое — из урочища Шенна в центре северного Китая. Расстояние между ними по прямой (!) линии достигало не менее шести тысяч километров. Центральный наконечник происходит из могилы Ростовкинского некрополя близ Иртыша: сам некрополь находится как раз посередине гигантской пологой дуги распространения металла этого феномена

лась принципиальным технологическим достижением в сфере металлургического производства. Их связанные с западными корнями степные соседи подобных приемов литья оружия тогда еще не ведали.

Другой аспект технологического уровня металлообработки касался широкого применения искусственного сплава меди с оловом, то есть, по существу, уже классического вида бронз. Именно этот легкотекучий сплав и позволил в немалой степени освоить и успешно применять технику тонкостенного литья оружия со «слепыми» втулками — кельтов и наконечников копий.

Еще одна категория орудий или оружия относилась также к литым, но уже плоским ножам или кинжалам (рис. 14.5). Как правило, пятка клинка формовалась без явно выраженного черенка, а сам нож вставлялся в обойму деревянной или костяной рукояти и крепился там с помощью какого-то растительного или животного клея.

Однако даже на фоне этого высокотехнологичного бронзового оружия ярко выделялась серия кинжалов или кинжалов-ножей с фигурными рукоятями. Первые три выше охарактеризованные категории изделий в большей или меньшей степени отличались очевидной стандартизацией форм. На фоне их каждый из кинжалов с фигурной рукоятью, по существу, являлся уникальным по своим формам и технике исполнения. В этих случаях признаки стандартизации проявлялись лишь в форме клинка, где различались две основные формы: прямые двулезвийные (рис. 14.5 и 14.6) и однолезвийные с вогнутым лезвием (рис. 14.7 — 14.11).

Рис. 14.4. Литые наконечники копий так называемого «обычного» вида, то есть без «вилки». Этот тип оружия характеризовался более широким ареалом распространения, нежели у типичных сейминско-турбинских или же «вилчатых»

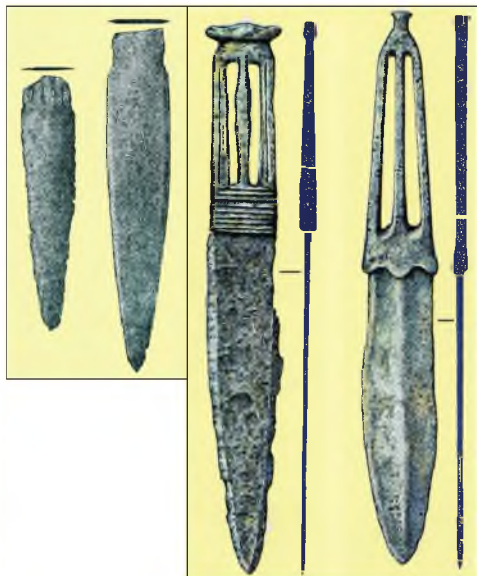

Рис. 14.5. Ножи-кинжалы с рукоятями (справа) и без рукоятей (слева). Короткие и широкие черенки клинков (верхние рисунки) могли вставляться в костяную или деревянную рукоять. К черенкам ножей нередко могли приливать также фигурные медные или бронзовые рукояти (левые рисунки)

Наиболее примечательными деталями этих кинжалов служат, однако, навершия рукоятей, где скульптурные изображения животных и даже человека смогут приоткрыть нам своеобразие картины их представлений об окружающем мире, об исходной области формирования их культур, а также появления их на западе. Кроме наверший на ножах-кинжалах, изображения животных отмечены лишь на одном кельте, а также на втулке наконечника копья, но мы рассмотрим эти предметы в совокупности с кинжалами. Фигурные рукояти, как правило, приливались к прямым или изогнутым клинкам. По всей вероятности, литейные формы для подобных наверший выделявали с помощью первично изготавливаемых тонких и изящно выполненных восковых моделей для грядущей отливки этого выразительного уникального парадного оружия.

Фигурки животных на сейминско-турбинском металле

Чаще всего на рукоятях изображены лошади. Кони могут быть представлены либо в полный рост (рис. 14.7), либо только в виде гривастой головы

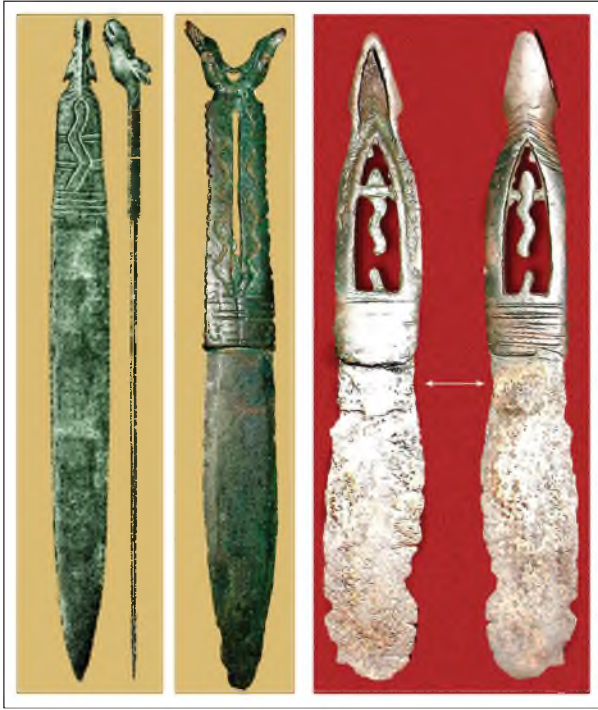

Рис. 14.6. К черенкам прямых клинков нередко приливали фигурные рукояти с изображением лосиных голов и змей [фото И. В. Ковтуна]

Рис. 14.7. Знаменитый однолезвийный нож-кинжал с фигурками большоголовых лошадей на рукояти из Сеймы. Каждый экземпляр подобного оружия готовился, по всей видимости, по специальному заказу для знатной персоны, и его форма никогда не повторялась в деталях

(рис. 14.8) Совершенно уникальной среди «конских» наверший является, конечно же, рукоять ножа из Ростовкинского могильника (рис. 14.9). Здесь изображен зацепившийся вожжой за лошадь лыжник в плоской шапке. Заметим, и это важно, — у лыжника отчетливо выраженное широкоскулое лицо монголоида. Примечательно также, что «лошадиные» сюжеты связаны только с однолезвийными кривыми ножами-кинжалами.

К другим крупным копытным животным относятся лоси, головы которых венчают рукояти кинжалов исключительно с прямыми двулезвийными клинками. Одна из лосиных голов совмещена с контуром змеи (рис. 14,6). А вот пара сцепившихся рогами быков сопряжена опять-таки с однолезвийным изогнутым ножом-кинжалом (рис. 14.10). Чрезвычайную важность в этом ряду имеет, без сомнения, группа из трех горных баранов-архаров, отлитых на рукояти также криволезвийного ножа из Турбина (рис. 14.11)

Рис. 14.8. Однолезвийный «обушковый» нож-кинжал с изображением гривастой лошадиной головы [фото И. В. Ковтуна]

Рис. 14.9. Скульптурная группа на однолезвийном ноже-кинжале из Ростовкинского некрополя. Это изображение воистину уникально для исследователей. Нам демонстрируют целую сцену из жизни сейминско-турбинских пришельцев в Западной Сибири [фото И. В. Ковтуна]

Особое место в сейминско-турбинской коллекции металла занимают изображения из так называемого Галичского клада (город Галич, что расположен в междуречье Волги и Камы). Один из кинжалов с прямым клинком был увенчан рукоятью со змеей (рис. 14.6, справа). Однако самыми примечательными в клада стали фигурки обнаженных людей (рисунок в начале главы), в которых многие справедливо видят изображения шаманов. Лица этих древних медиаторов из Галича также характеризуются довольно определенными монголоидными чертами.

И наконец, очень существенным добавлением ко всей этой коллекции изображений животных и людей является фигурка крупного хищника кошачьей породы на обломанной втулке «вильчатого» наконечника копья (рис. 14.13). Судя по ярко выраженным полосам на тулове зверя, по всей

Рис. 14.10. Сцепившиеся рогами быки на однолезвийном нож-кинжале [фото И. В. Ковтуна]

Рис. 14.11. Знаменитый, но ныне утраченный нож с фигурками баранов-архаров из Турбино

Рис. 14.12. Самец-архар в пустыне Южная Гоби. Довольно медлительные на равнине, эти — нередко массивные — животные могут в горах стрелой взлетать по едва ли не отвесным скальным склонам

вероятности, здесь художник старался представить тигра. И наконец, обратим внимание еще на один контур животного на тулове кельта из Ростовкинского некрополя: профильное изображение длиннорогого горного козла (рис. 14.14).

Хоровод животных и «визитная карточка» восточных пришельцев

Из всего хоровода зверей на сейминско-турбинском металлическом оружии лишь два вида животных относительно безразличны к соответствующим геоэкологическим зонам: лось и змея. Лось встречается по огромной зоне едва ли не всей Евразии от лесотундры на севере континента вплоть до лесостепных регионов. Змею же во множестве разновидностей данного вида пресмыкающихся можно встретить где угодно. Все остальные животные сопряжены с геоэкологическими областями гораздо более четко.

Лошадь — это, прежде всего, порождение степной фауны. Почти все изображенные на рукоятях кинжалов кони отличаются небольшими размерами и крупной головой. Этими чертами они полнее всего соответствуют сохранившимся в изобилии вплоть до наших дней лошадям монгольских степей

Рис. 14.13. Сломанный в древности во время жертвенных ритуалов наконечник копья (найден близ Омска). На его втулке хорошо видна фигурка животного кошачьей породы, по всей вероятности, тигра [фото И. В. Ковтуна]

Рис. 14.14. Бронзовый топор-кельт из Ростовкинского могильника. На боковой поверхности орудия древний художник изобразил в профиль фигурку горного козла длиннорогого козла [фото И. В. Ковтуна]

(см. например, рис. 7.1). С той же степной зоной надежнее всего связывать и рогатых быков, которых мы также можем видеть на одном из наверший.

Однако в определенном отношении наиболее интересной для нас является группа из трех видов животных — архаров, горного козла и хищника кошачьей породы (тигра). Ареалы обитания этих зверей локализованы не ближе Южного Алтая, пустыни Гоби или же Восточного Тянь-Шаня. Прибегая к тому языку, что стал — как надеется автор — более привычным для читателей книги, ареалы обитания этих животных не могут выходить западнее и, пожалуй, севернее «водораздела» Джунгарских ворот. Ведь для областей таежного или же так называемого Русского Алтая подобного рода фауна практически не характерна.

Стало быть, те художники и скульпторы, кто был в состоянии изображать всех животных нашего «хоровода» — как относительно экзотичных, вроде тигра или архаров, так и широко распространенных, подобно лошади, — должны были их постоянно видеть и хорошо знать. Помимо всего, именно

все эти млекопитающие центральноазиатских регионов приобретали чрезвычайную роль тотемных животных — в противном случае они вряд ли венчали бы «княжеское» оружие сейминско-турбинских лидеров. Подобные сакральные для них тотемы могли быть связаны прежде всего с теми видами животного мира, что корнями восходили к верованиям их предков. Именно поэтому комплекс фигур зверей на сейминско-турбинском оружии приоткрывает нам завесу над теми зонами и даже территориально более ограниченными регионами, в которых носители этого феномена зародились и из которых они проникли на западную половину великого Степного пояса Евразии. То были степные и лесостепные, а также, возможно, и южные горно-таежные области Центральной Азии: Джунгария, южный Саяно-Алтай, монгольские степи...

К этому же выводу нас подталкивают и находки в сейминско-турбинских комплексах браслетов из беловато-зеленого нефрита. Месторождения этого полудрагоценного камня практически не встречаются западнее Саянской горной системы. Хорошо известно, что нефрит в течение длительных периодов широко использовался также в древнем Китае, а в Западной Сибири и к западу от Урала в бронзовом веке самые ранние нефритовые украшения принесли с собой лишь сейминско-турбинские пришельцы.

Культуры центра Азии и «монгольский синдром»

Внимательный читатель, сумевший подробно взглянуть на карту распространения сейминско-турбинских комплексов (рис. 14.1), наверняка заметил в ней ряд загадочных и мало понятных моментов, требующих специального обсуждения и более подробных пояснений.

Назовем первый из них. Если согласиться с гипотезой об исходном регионе сейминско-турбинских популяций, — весьма близком в географическом отношении к «центровому пупу» Азиатского континента, то чем в таком случае можно объяснить заметную и весьма странную «свободу» этих территорий от того металла, что столь характерен для сейминско-турбинского феномена? Ведь очевидная «пустыньность» гипотетического центра выглядит удивительно контрастной на фоне «сгустков» металлических комплексов в весьма отдаленных областях Сибири, и в особенности, уже западнее Урала.

Разгадка этого вопроса требует, как мне кажется, обращения к сформулированному нами понятию о так называемом монгольском синдроме (об этом феномене мы довольно подробно говорили в конце 10 главы). Напомним основу его существования: кочевники оставляют по себе археологическую память фактически только в форме погребальных сооружений. Если таких, по причинам идеологического характера, на какой либо территории кочевники не сооружают (подобно, к примеру, монголам XIII столетия), то

исследователи чаще всего склонны думать о пустынности и незаселенности тех земель. Однако подобный вывод в огромном большинстве случаев исторической реальности не соответствует.

Попробуем оценить с позиции этого синдрома и характер проявлений культуры у сейминско-турбинских групп. В наших руках имеются, хоть и косвенные, но очень весомые признаки тесной связи этих популяций с геоэкологическим центром Азиатского континента. Однако отсутствие здесь погребальных памятников с характерным материалом, конечно же, не свидетельствует о полном отсутствии здесь кочевых племен — это попросту нереально. В своем исконном домене они переправляли на тот свет своих покойников, по всей вероятности, без сооружения привычных для нас могил.

Заметим и другое: если бы сейминско-турбинские отряды не оставили своих крайне странных «кладбищ-мемориалов», то мы бы даже и не подозревали о появлении в бассейнах Оби и Волго-Камья этих носителей столь своеобразной центральноазиатской культуры. Возникает естественный вопрос; отчего же они оставляли свои следы именно здесь, но в своей *alma mater* таковых не заметно. Вот, на мой взгляд, наиболее вероятное объяснение этого: после того, как они покинули свой домен, жизнь их изменилась во всех отношениях весьма кардинально. Номады продвигались по совершенно чуждым для них — как в экологическом, так и в культурно-демографическом смысле — пространствам, и внешние проявления их культуры, конечно же, должны были претерпевать и претерпевали заметные перемены. Удивляться этому, на фоне богатых этнографических параллелей, вряд ли имеет смысл.

Воины-пришельцы

Безусловно, ядром сейминско-турбинских мобильных групп являлись вооруженные всадники. Об этом говорит их многочисленное оружие и та микроскульптура, что они оставили нам на своих «княжеских» ножах-кинжалах. Влекли ли они за собой также свои семьи и свои стада, как это едва не постоянно случалось в походах воинственных номадов, сказать трудно, хотя исключать это вряд ли стоит. Сомнительно, что сами эти мобильные группы были многолюдны. Скорее всего, малое число металлических комплексов, обнаруженных на обозначившей их стремительный путь на запад гигантской дуге, отражает относительно небольшое число воинственных пришельцев с востока.

Генеральным направлением их агрессии являлось западное. Путь наших воителей — вслед за уходящим солнцем — скорее всего, был связан и во многом определялся током многочисленных рек, из которых они предпо-

читали ориентироваться на самые заметные. В их первоначальном маршруте русла этих больших и малых рек входили в огромный бассейн Оби, а после перевала через невысокий Урал — опять таки, к примеру, вдоль Чусовой — сейминско-турбинские популяции спускались уже в обширный Волго-Камский бассейн.

Двигались они не только летом, но и зимой. Им были известны также лыжи, и своих выносливых небольших лошадей воины приспособили для передвижения по глубокому снегу (поразительно демонстративным в этом отношении явилось навершие рукояти кинжала из Ростовки, см. рис. 14.9). Освоили ли они плавание на челнах по рекам? Скорее всего — да, хотя прямых свидетельств этого они нам не оставили.

Изучение карты (рис. 14.1) опять-таки подводит нас к еще одному загадочному вопросу. Чем же объяснить, что коренные степняки — выходцы из горных степей Джунгарии и Монголии как бы вдруг и едва ли не весь свой нелегкий путь должны были проделывать по лесным областям Урала и Волго-Камья? Что побудило их резко сменить столь привычное для себя природное окружение? Безусловным здесь кажется лишь одно: то явилось вынужденным решением.

В незнакомых для себя степях и лесостепях юга Западной Сибири, где-то в бассейне Иртыша, они натолкнулись на встречный и весьма мощный массив племен абашево-синташтинской общности в ее так называемом петровском, или же наиболее восточном варианте (об этих популяциях мы вели речь в предшествующей главе). Металлическое оружие сейминско-турбинских групп было более совершенным, но, скорее всего, огромный численный перевес племен западной ориентации сыграл решающую роль. И это тем более, что абашево-синташтинские племена были хорошо знакомы с domesticiрованной лошадью. Восточным воинам-мигрантам пришлось продолжать свое продвижение вслед за солнцем, но уже севернее. Здесь в лесной зоне, в домене охотников и рыболовов, угроз их беспокойной жизни было, конечно же, несравненно меньше.

Карта показывает, что на Урале, и особенно в Волго-Камском бассейне, имела место очевидная чересполосица в ареалах сосредоточения памятников абашево-синташтинской общности и сейминско-турбинских пришельцев. Сомнительно, чтобы отношения между ними отличались миролюбием. Здесь очень любопытным является факт инкорпорации некоторых носителей абашево-синташтинской культуры в ряды сейминско-турбинских групп. Мы застаем в мемориалах-некрополях последних находки — правда, очень редкие — определенно абашево-синташтинских комплексов. Как правило, на близкой площадке залегало медное оружие, свойственное последним (рис. 14.15), а порой рядом с этим западным металлом лежал также типичный абашевский горшок.

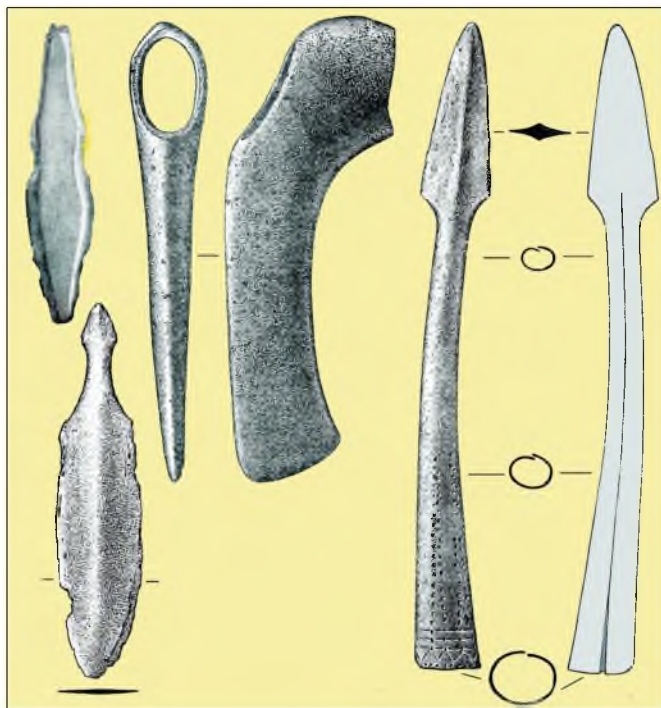

Рис. 14.15. Образцы медного оружия абашево-синташтинских инкорпорантов в ритуально-жертвенных комплексах памятников сейминско-турбинского типа

Почему инкорпоранты? Дело в том, что никаких останков покойника с такими комплексами не найдено; то есть, по всей видимости, выходцы из абашево-синташтинской среды — принудительно или же добровольно — включались в состав сейминско-турбинских групп со своими атрибутами. Но при этом они должны были подчиняться ранее им чуждым обрядам и ритуалам.

Любопытно также, что для абашево-синташтинской среды картина была обратной: в их комплексах мы не смогли заметить ни следов сейминско-турбинских инкорпорантов, ни признаков заимствования чуждых западным общностям восточных форм металла. Объяснение этому можно найти в феномене идеологической толерантности обеих культур. Сейминско-турбинские популяции оказались намного более терпимыми и восприимчивыми к проявлениям чуждых им культур. В связи с этим нельзя не вспомнить, какое удивление вызывал непостижимо высокий уровень идеологической толерантности у монгольских завоевателей XIII столетия на фоне западной религиозной нетерпимости (см. главу 4).

Пожалуй, стоит завершить этот раздел главы словами еще об одном свидетельстве сложных взаимосвязей восточных мигрантов с абашево-

синташтинским населением. Оторванные от прежней рудно-металлургической базы, они теряют возможность отливать свои орудия из высококачественной оловянной бронзы. Местная уральская медь — а они могли заимствовать ее только от абашево-синташтинских мастеров — для этой цели оказывалась менее пригодной. Источники же оловянных минералов оказывались весьма удаленными. Отсутствие оловянных бронз определенно сказалось на ухудшившемся качестве отливок, рассеянных к западу от Урала. Заметной стала доля металла, связанного, к примеру, с упоминавшимися еще в предшествующей главе рудниками Таш-Казган и Никольское. К руде Никольского комплексного серебряно-медного месторождения (см. рис. 13.6) привязывалась группа медно-серебряных и серебряно-медных изделий. Самой интересной связкой в этом плане стали серебряно-медные наконечники вильчатых копий из Турбина, а также из столь знаменитого Бородинского клада — этого самого удаленного юго-западного комплекса, связанного с сейминско-турбинским металлом (см. рис. 14.1 и 14.3).

Финал феномена

Финал сейминско-турбинских популяций также оказался примечательным и нестандартным. Вытесненные в таежную зону Евразии, эти группы не смогли продолжать свой привычный для кочевников образ жизни. Их уделом стало оседлое пребывание в болотистых и суровых краях Западной Сибири, а также отчасти бассейна Камы и более северных рек Приуралья (скажем, даже бассейна Печоры). Станным оказалось то, что потомки сейминско-турбинских групп продолжали свою активную металлургическую деятельность. Однако при этом археологи столкнулись с любопытным явлением: в слоях этих поселений оказалось намного больше литейных форм, нежели металлических изделий. В обычной практике исследований поселков литейные формы представляют собой редкость исключительную, они всегда намного уступают по числу металлическим находкам. Объяснить такую неожиданную пропорцию для пост-сейминского таежного населения довольно сложно — даже в процессе своего затухания этот феномен не перестает нас удивлять.

Вместе с тем наследие сейминско-турбинской высокотехнологичной металлообработки заметнее всего сказалось уже на заключительном этапе существования Евразийской металлургической провинции, на инвентаре культур общности с так называемой валиковой керамикой. Здесь появились достаточно многочисленные изделия, характеризующиеся тонкостенным литьем и «слепой» втулкой — наконечники копий и кельты. Правда, такие наконечники боевых копий встречались и на более раннем (среднем) этапе

функционирования ЕАМП, но появлялись в памятниках срубной общности крайне редко.

Оформление Восточноазиатской степной металлургической провинции

Весьма любопытно сравнивать характер развития культур, а также их производства в пределах обеих важнейших частей Степного пояса — западной и восточной. На западной половине мы фиксируем сравнительно плавную динамику развития, по крайней мере, начиная с периода распада гигантской системы Циркумпонтийской металлургической провинции в последней четверти III тысячелетия. На разнообразных материалах относительно легко угадываются исходные формы как производства, так и материально выраженных погребальных обрядов; здесь прослеживаются этапы перехода к полуседлому типу хозяйствования, а также отказа от последнего. Одновременно с этим нельзя пройти мимо своеобразных скачков, имевших место на рубеже III и II тысячелетий, но по своей выразительной динамике западные, конечно же, уступали восточным.

Иной представляется картина восточной половины Степного пояса. Здесь уже с самого начала формирования культурно-хозяйственных систем мы сталкиваемся с каким-то неровным, даже рваным и по-своему «нервным» ритмом развития. На востоке все начинается как бы с пустого места; однако сейминско-турбинские формы металла сразу же поражают нас своим удивительно высоким технологическим уровнем. Отраженная в бронзах этого феномена технология явно превосходит более древнюю по своим истокам западную. Мы останавливаемся перед загадкой сейминско-турбинских мемориалов-жертвенников, распространенных отнюдь не на своей «родине», но за тысячи километров к западу от нее. Наконец, именно археология восточной половины Степного пояса подтолкнула нас к выработке формулировки столь специфического понятия, как «монгольский синдром», — ведь этот недавно родившийся и своеобразный термин позволяет более отчетливо понимать и объяснять некоторые загадочные черты культур степных номадов.

Может показаться странным, но монгольский синдром будет постоянно и навязчиво преследовать нас при попытках выявления важнейших этапов долгого существования и развития скотоводческих сообществ восточной половины Степного пояса. Данный синдром также имеет прямое отношение к трактовке ступеней формирования Восточноазиатской степной металлургической провинции.

...Мы пришли к заключению, что сейминско-турбинские группы устремились на запад, не оставляя на своей *alma mater* никаких или почти ника-

Рис. 14.16. Коленчатые однолезвийные ножи-кинжалы — самые распространенные металлические изделия карасукской общности. Справа внизу изображена, как часто полагают, модель ярма для пары упряжных животных

ких отчетливых следов своего зарождения в этом центральноазиатском регионе. Если ориентироваться на прямые и косвенные данные по абсолютной хронологии сейминско-турбинского феномена, то временной диапазон его функционирования не выйдет за границы полутысячелетия: с 22/21 по 18/17 вв. до н. э. Но вот вслед за последней датой мы вновь сталкиваемся с хронологическим «провалом» — вплоть до 14/13 столетий до новой эры. Об этом «провале» мы судим, конечно же, по серии радиоуглеродных датировок. Традиционная археология, к сожалению, не предоставила нам в этом реальном центре Евразии сколько-нибудь надежных материалов для заполнения этого весьма странного — около четырех сотен лет — хиатуса.

Примерно в 14/13 столетиях в горной области Саянской системы, а также в Монголии появляется новая обширная культура, или же — точнее — общность родственных культур: *карасукская* — так именуют ее археологи. Полнее всего она оказалась изученной на территории Минусинской котловины, что примыкает к выходу Енисея из Саянских теснин. Именно здесь сосредоточена основная масса известных ныне карасукских материалов.

Древности этой культуры довольно однородны. Основные из них — это бескуржанные некрополи, где могильная яма по верху обкладывается каменными плитами или небольшими скальными обломками. Человеческие погребения, как правило, одиночные; покойник сопровождался часто круглодонным орнаментированным глиняным сосудом, а также металлическими предметами. Огромное большинство могил было, однако, вскрыто и ограблено еще в древности, отчего полноценная оценка характера погребального обряда порой бывает затруднительна. Грабителей, по всей видимости, привлекал металл.

Медные и бронзовые предметы карасукской культуры, как и во множестве иных сообществ, являются самым привлекательным для исследователей материалом. Важнейшее место в коллекциях занимают так называемые коленчатые однолезвийные ножи, зачастую увенчанные фигурной рукоятью (рис. 14.16). Исходную форму для этого вида орудий или оружия легко обнаружить в сейминско-турбинских ножах-кинжалах принципиально сходной конструкции (рис. 14.8 — 14.11). Правда, там они были связаны, по всей видимости, с персонами «княжеского» ранга. Видимо, носителям карасукской культуры принадлежат также и кинжалы (рис. 14.17), напоминающие по форме двулезвийные сейминско-турбинские (см. рис. 14.6). Однако таких кинжалов в карасукской общности совсем немного.

В остальном же весь прочий набор карасукских металлических орудий или оружия от своих предшественников отличается, и весьма существенно. Здесь фактически нет наконечников копий, которые являлись столь яркой категорией в сейминско-турбинских коллекциях. Топоры-кельты здесь крайне редки, да и весьма отличны от своих не вполне очевидных прототипов. Высокотехнологичные оловянные бронзы отступают на задний план, а их место занимают менее совершенные в техническом смысле сплавы меди с мышьяком (мышьяковые бронзы).

Сейминско-турбинские популяции не оставляли нам следов ни поселков, ни мест захоронений покойников-соплеменников, ни керамической посуды. Знаковыми признаками носителей карасукской культуры служат унифицированные по своему облику могильники с характерной глиняной посудой.

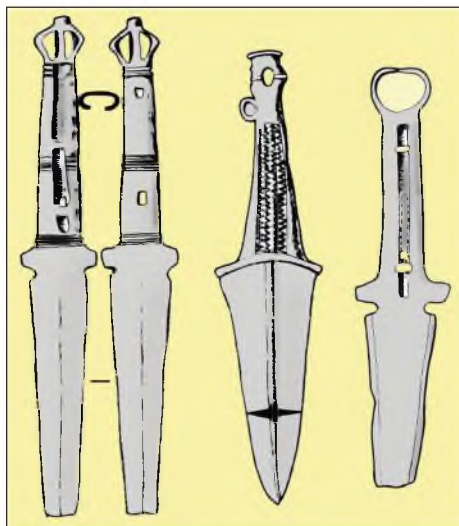

Рис. 14.17. Двулезвийные кинжалы карасукской общности — сравнительно редкая здесь форма металлического оружия

Поселений нам не известно, и это выдает в более поздних популяциях карасукской культуры «чистых» номадов.

Некрополи карасукского типа внешне монотонны, а их могилы порой неотличимы друг от друга. Среди захоронений очень трудно встретить такие, что выделялись бы на фоне иных своим исключительным богатством, подобно, скажем, тем, что удивляли нас своим невообразимым богатством в курганных некрополях майкопской культуры IV тыс. до н. э. в предгорьях Северного Кавказа. Однако усматривать в нивелировке погребальных сооружений номадов строгое свидетельство «демократизма» такого рода культуры вряд ли реально. Идею демократического устройства общества первобытных скотоводов Центральной Азии «разрушают» многочисленные каменные стелы — одна из самых ярких категорий древностей восточной половины Степного пояса

Подобные стелы обыкновенно именуют «оленными камнями», и сосредоточены они по преимуществу в Монголии (таковых там известно ныне не менее шести сотен). Крупный — до полутора и даже трех метров длиной — блок скальной кристаллической породы обтесывался и служил болванкой для антропоморфного изображения человеческой фигуры (рис. 14.18, низ). Только очень редко оленному камню придавался облик, сравнительно близкий к скульптурному изображению человека (рис. 14.18, верх). Верхняя часть блока должна была выражать собой человеческую голову, на височной части которой очень часто изображали круглую серьгу. Тулово от шеи вплоть до пояса представлялось в виде парадного одеяния, сплошь затканного и украшенного аппликациями, изображающими летящих в стремительной скачке оленей, — по этой причине эти стелы и были названы оленными камнями. На каменном блоке под поясом нередко оказывались хорошо заметными высеченные формы оружия: ножи кинжалы, луки, стрелы и тому подобное. Эти изображения форм оружия и позволили исследователям говорить, что творцами многих стел являлись скульпторы карасукской общности. И конечно же, нереально думать, что подобные стелы-мемориалы могли сооружать в честь кого-либо кроме племенного вождя этих воинственных кочевников Центральной и Восточной Азии.

Еще одно весьма примечательное свойство поздних центров культуры Восточноазиатской степной провинции. В отличие от своих сейминско-турбинских предшественников, всю свою агрессивную мощь эти кочевые группы последней трети II тыс. до н. э. устремили в совершенно противоположном направлении, на восток, в области, зависимые или же подвластные древнекитайскому государству Шан, а также сменившему последнее — Западному Чжоу (рис. 14.19). Именно среди китайских древностей мы застаем множество подражаний карасукским типам ножей, кинжалов и других изделий.

Рис. 14.18. Каменные стелы или “оленные камни” в Монголии. Верхняя стела более всего отвечает образу человеческой фигуры. Однако, как правило, антропоморфный облик стелы передается в довольно условной форме (нижняя фигура)

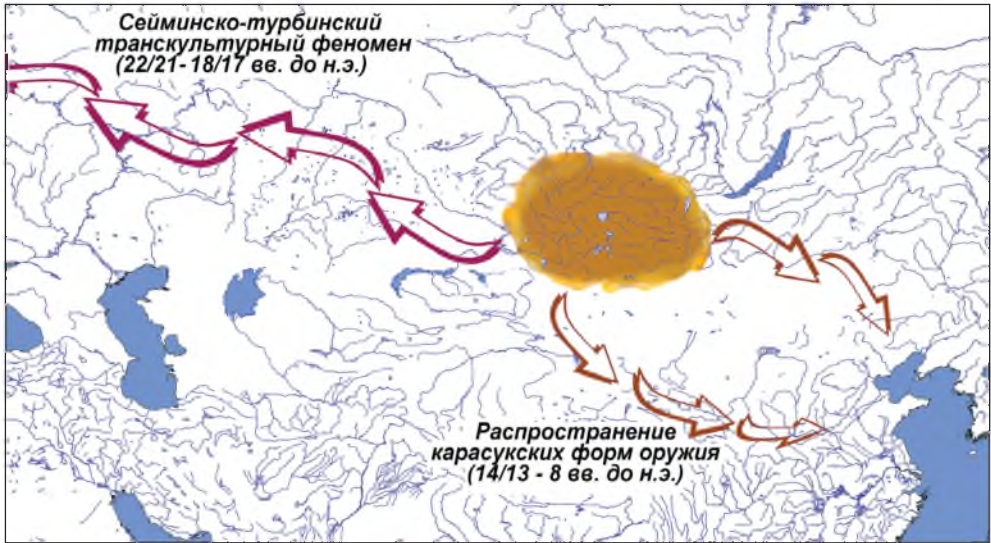

Рис. 14.19. Схематическая карта основных направлений проникновения сейминско-турбинских и карасукских групп номадов (согласно картам распространения металлических форм оружия и орудий)

Любопытно и другое: китайцы конца II тыс. до н. э. воспринимают чуждые им типы металлического оружия, а у степняков китайских форм мы не видим. Во всех коллекциях, связанных с карасукской общностью, мы не смогли заметить сколько-нибудь явных свидетельств подражания китайским южным формам металла. Однако более подробно мы поведем об этом речь в следующей главе.

И наконец, последнее. Равно как и культуры Евразийской провинции, чьи ареалы размещались на западной половине Степного пояса, Степная Восточноазиатская провинция блокирует выход технологически развитых сообществ на север Азии. Металл там редок, а неолитический облик лесных культур Сибири и Дальнего Востока безоговорочно господствует здесь вплоть до XVII—XVIII столетий. В этих «блокадах» — как на западной, так и на восточной половинах Степного пояса — следует, пожалуй, усматривать одну из наиболее существенных причин Великой трехтысячелетней пространственной стагнации высокотехнологичных культур Старого Света, о чем мы ведем речь в последних главах второй части книги. Мы не затрагиваем здесь Африки, но там ведь тоже существовал свой могучий пустынный пояс — Сахара с ее трудно одолимыми кочевыми культурами.

ГЛАВА 15

Соседи Степного пояса

Итак, второе тысячелетие предстало поворотным периодом в истории культур Евразийского материка. Степной пояс от Черного моря на западе вплоть до моря Желтого на крайнем востоке оказался полностью под властью разнообразных объединений кочевых культур, жестко обозначив свои южные границы, кочевые культуры тем самым как бы отчленили от мира технологически высокоразвитых образований гигантский кусок севера континента. С этого времени лесные и еще более отдаленные громадные пространства Евразии, населенные охотниками, рыболовами или даже кочевыми оленеводами, превратились в верный тыл скотоводов Степного пояса.

Примечательно также то, что блоки культур западной и восточной половин Степного пояса Евразии в те времена проявляли себя по-разному. Мобильные полуоседлые скотоводы западной половины вполне определенно изолировали себя от своих соседей — по крайней мере, это следует из анализа археологических материалов и сопоставления их с предшествующим периодом развития в рамках Циркумпонтийской металлургической провинции. Номады восточной половины Степного пояса предстали намного более активными и, пожалуй, даже агрессивными. На раннем этапе их энергичные передвижения оказались устремлены на запад, что крайне ярко продемонстрировал нам сейминско-турбинский феномен. Поздний этап характеризовался резкой сменой основного канала: в конце II тыс. явные следы движения кочевников уводят нас на юг и юго-восток, к областям древнекитайских государств.

Второе тысячелетие явилось также отчетливо знаковым и для развития южных соседей Степного пояса, относящихся к кругу оседло-земледельческих культур. В предыдущих главах мы договорились, что при наших сопоставлениях различного типа культурных объединений чаще всего мы будем пользоваться показателем развития горно-металлургического произ-

водства. Ведь металл для археологии служил почти всегда одним из самых ярких критериев степени технологического развития того или иного общества. Именно по этой причине основным разрядом тех важнейших культурных блоков, которыми мы оперируем в данной книге, являются, как правило, металлургические провинции. По этой причине и в этих разделах мы также будем придерживаться подобного порядка.

Скотоводы западной половины Степного пояса граничили с тремя провинциями, связанными с культурами оседло-земледельческого уклада: Европейской, Кавказской и Ирано-Анатолийской. Для кочевых сообществ восточной половины важнейшим соседом в этом отношении являлась Древнекитайская металлургическая провинция (см. рис. 13.1). Вполне понятно, что даже самое лапидарное, донельзя спрессованное обозрение этих сложнейших культурно-производственных систем в одной краткой главе ставит перед автором невероятно сложную задачу: слишком неохватно разнообразными предстают их материалы. Однако обойтись без этого не резонно — в противном случае мы попросту утрачиваем возможность демонстрации сколько-нибудь их четких сопоставлений с технологией производств у скотоводческих объединений Степного пояса.

Европейская металлургическая провинция

Во втором тысячелетии до новой эры, а скорее всего, во второй четверти этого тысячелетия на широких пространствах Европейского субконтинента — от Карпат и Северных Балкан вплоть до Атлантики и Британских островов — всплывают очевидные признаки могучего взрыва горно-металлургического производства. Вместе с этим и параллельно этому проявляются отчетливые черты формирования новой на Евразийском континенте металлургической провинции — Европейской (ЕвМП). Ее территория охватывала пространства около 3,5—4,0 млн. кв. км. Важнейшие производящие горно-металлургические и металлообрабатывающие центры данной провинции функционировали в границах одной тысячи лет — вплоть до ранних столетий I тыс. до н. э. и, соответственно, до начала раннего железного века.

Пространственные рамки Европейской металлургической провинции достаточно четко соответствуют сложным географическим контурам данного субконтинента. При этом на севере Скандинавии или же в юго-восточной Балтии концентрация комплексов с металлическими изделиями предстает как бы сильно «разбавленной», и это хорошо заметно на фоне массивных сгустков материала в альпийском или карпатском регионах. Подмеченную ситуацию возможно — в традиционном стиле — объяснить довольно легко: в периферийных северных областях практически все мате-

Рис. 15.1. Бронзовая модель повозки с фигуркой лошади и солнечным диском с золотой аппликацией (найдена на территории Дании). К тому времени лошадь в культурах большинства регионов Евразии уже была domestцирована и приучена к упряжи [Kaul: 54—57]

риалы предстают, как правило, намного более тусклыми в сравнении с центром. Однако гораздо труднее будет понять причины крайне слабой насыщенности типичным металлом Европейской провинции уже не на севере, но на юге — в Средиземноморье. Плотность и состав комплексов с металлом по мере продвижения к югу, к берегам столь знаменитого в мировой истории «внутреннего» моря падает, порой приближаясь к нулевой отметке.

По всей видимости, к XVI—XIV столетиям до новой эры можно полагать, что в сравнении с металлом III тысячелетия — среди сохранившихся археологических материалов на этой части Европы — масса бронзовых изделий увеличилась не менее чем десятикратно. Бронзы Европейского субконтинента изучены и представлены в специальной археологической литературе несопоставимо лучше и полнее, нежели в любом другом регионе Евразии. Но, к глубокому сожалению, автор в отношении количественных показателей этого металла в состоянии ограничиться лишь кратким резюме подобного рода.

Европейская провинция — это, прежде всего, провинция кладов металла. Их совокупное число достигает нескольких тысяч. В сравнении с единичными кладами металла степной Евразийской провинции их масса неправдоподобно огромна. Некоторые из этих кладов столь же невообразимо велики. Так, в предположительно самом крупном кладе Европейской провинции — Уюара де Суз из Трансильвании — было сосредоточено почти 6 тысяч (!) разнообразных изделий, а его общий вес достигал 1100 кг (!). Столь же поразительными предстают показатели территориальной концентрации кладов. К примеру, с крайне ограниченной площади — вряд ли пре-

Рис. 15.2. Бронзовый шлем с нашечниками (слева); бронзовые наконечники копий [Born, Hansen: Taf. XII, XXIV, Abb. 105]

Рис. 15.3. Слева: бронзовые длинные мечи с прилитыми рукоятями — один из самых эффективных и запоминающихся видов оружия, изготовлявшихся в рамках Европейской металлургической провинции [Born, Hansen: Taf. XVII—XXII]. Справа: крупные бронзовые кинжалы и тесла [Meller: 95]

вышающей 8—10 тыс. кв. км — так называемой Закарпатской Украины (район Мукачево—Ужгорода) в музеях собрано 150 кладов, в которые содержалось более двух тысяч металлических предметов.

Сами клады очень часто являются собой явное свидетельство их принадлежности каким-то группам мастеров металлообработки. В составе наиболее крупных комплексов чаще всего можно видеть следующий и разный по своему характеру набор изделий: 1) предметы, готовые к употреблению; 2) отливки орудий, оружия или украшений, не доведенные до уровня полной готовности; 3) лом изделий, годных для переплавки; 4) черновые слитки меди.

Общее число металлических изделий ЕвМП просчитать очень трудно, а скорее всего, почти нереально. Кажется, однако, что их совокупное число превышает сотню тысяч предметов. Для сравнения хочу указать, что весьма скрупулезно проведенный учет всего металла соседней

Евразийской провинции выявил многократно меньшую цифру: *всего около 11 тысяч* различных изделий. И это при том, что Евразийская провинция по своей территории двукратно превосходила европейского соседа.

Очень высок уровень технологии металлообработки. В огромном большинстве случаев употреблялись высококачественные оловянные бронзы. Рудными источниками для металла служили многочисленные медные месторождения, богатые группы которых были сосредоточены по большинству регионов Европейского субконтинента: в Альпах, на Карпатах или же на Иберийском полуострове. Эксплуатировавшиеся в древности оловянные

Рис. 15.4. Вверху: бронзовые алебарды, кинжалы, чеканы и шейные украшения.

Внизу: бронзовые чеканы, кинжал, разнообразные браслеты из различных кладов Европейской провинции [Muhl: 101, 103]

Рис. 15.5. Бронзовые втульчатые топоры-кельты. Эта категория орудий или оружия вместе с серпами и теслами являлась наиболее многочисленной среди металлических изделий в очагах Европейской провинции [Born, Hanscn: Abb. 118]

рудники известны на Британских островах (Корнуэл). Очень многие из них тщательно изучались и изучаются археологами и геологами.

Среди форм металла, как правило, наибольшее внимание привлекает великолепное оружие: мечи с рукоятками, большие кинжалы, наконечники копий, алебарды, боевые клевцы и др. (рис. 15.4). Однако самыми многочисленными изделиями, пожалуй, являются в провинции втульчатые топоры-кельты и разнообразные серпы (рис. 15.5 и 15.6), хотя их формы по своей изысканности и не привлекают восхищенных взоров посетителей музеев и выста-

Рис. 15.6. Бронзовые серпы (слева) и тесла (справа) из кладов Центральной Европы. Наряду с топорами-кельтами, эти орудия были также одними из наиболее употреблявшихся и изготавливаемых в производственных центрах Европейской провинции [Sommerfeld: 121; Krause: 171, Abb. 7]

вок. Понятно, что здесь мы имеем возможность представить лишь самую минимальную долю всего многообразия бронз Европейской системы производственных центров. Однако даже этого, думается, будет достаточно, чтобы составить верное представление о столь отличной технологии металлургического производства у ее западного и юго-западного соседа — в степной евразийской провинции.

Апогей производства в границах ЕвМП приходится на вторую половину II тыс. до н. э., предпочтительно даже на его последнюю треть. К этому времени, как мы знаем, ее восточного соседа — Евразийской металлургической провинции — коснулся очевидный процесс распада. Западные границы этой степной Евразийской провинции размываются, теряют отчетливость своих контуров, и на пространствах Молдовы, Правобережной Украины — даже вплоть до Нижней Волги — появляются комплексы металла (клады), явно связанные своими корнями с более западными центрами, локализованными в Карпато-Балканском регионе (мы кратко говорили об этом в главе 13; см. рис. 13.16).

Иногда, и не так уж редко, с населявшими Европейский субконтинент племенами пытаются связывать устрашавшие Хеттскую империю и Египет Нового царства нашествия так называемых «морских народов», вооруженных длинными мечами и копьями. Внешне это не кажется убедительным: ведь в Средиземноморье очень мало европейского оружия, а материковые области Европы с их обилием великолепного оружия, вроде бы, далеки от моря. Но вот на петроглифах этого времени можно видеть целые флотилии больших лодок, набитых людьми. Случайно ли это? Может быть, перед нами скальные панно (рис. 15.7) с изображением своеобразных отважных морских дружин прото-норманов бронзового века? Может быть, перед нами изображения далеких потомков тех варяжских воинов, что наводили ужас на обитателей не только прибрежных, но и глубинно-материковых областей Европы уже спустя два тысячелетия? Кроме того, — ведь заселяли же эти

Рис. 15.7. Наскальные изображения целых флотилий. Не исключено, что именно во II тысячелетии до новой эры подобные флотилии судов с воинами и смогли посеять в Египте и Анатолии страх перед неведомо из каких краев явившимися «морскими» народами [Kaul: 59]

народы и Британские острова, и плавали, конечно же, по Северному морю. Так что: отчего бы и им не выступить в роли тех «морских народов», что сеяли страх среди древних обитателей Средиземноморья ?..

Кавказская металлургическая провинция

Кавказская металлургическая провинция (КаМП) являла собой безусловный феномен даже на фоне только что охарактеризованной и бесспорно блистательной по уровню своей технологии Европейской провинции. Ее производящие центры функционировали, по преимуществу, в пределах II тыс. и вплоть до начальных столетий I до н. э., т. е. в целом синхронно с ЕвМП. Однако календарную хронологию ее ведущих производственных очагов и важнейших периодов функционирования установить сложно: надежные серии радиоуглеродных датировок здесь чрезвычайно редки и малочисленны.

Территория КаМП удивительно мала — не более 500 тысяч кв. км, то есть Европейской провинции она уступала в 7 или 8 раз. И при этом совокупное число самых разнообразных металлических изделий здесь воистину бесчисленно: по всей видимости, количество их должно измеряться многими сотнями тысяч. Еще более разителен контраст Кавказской провинции с неохватной по пространству провинцией Евразийской: КаМП меньше своей северной «соседки» примерно в 15—16 раз! Такой контраст особенно примечателен, если напомнить при этом о сумме всех тщательно посчитанных металлических предметов в рамках северного гиганта — ЕвМП. Напомним еще раз: их совокупное число с трудом достигает 11 тысяч.

Причем подчеркнем особо: по своей территории КаМП являлась самой незначительной из всех намеченных к настоящему времени для эпохи раннего металла металлургических провинций Старого Света. Однако насыщенность ее — прежде всего, за «счет» погребальных памятников — высококлассным металлом предстает столь фантастично высокой, что в XIX и XX столетиях — но уже нашей эры — возникла целая «индустрия» хищнической охоты за ее привлекательными для коллекционеров древностей бронзами. Варварские и неконтролируемые никем раскопки множества некрополей привели к тому, что великолепные металлические предметы — продукцию очагов КаМП — можно и по сегодняшний день встретить в витринах не только ряда европейских, но североамериканских музеев, а также у частных коллекционеров.

Территориально Кавказская провинция характеризуется весьма четкими контурами, по крайней мере, как с севера, так и с юга (см. рис. 13.1). Севернее Кавказских предгорий, за пределами левобережья Терека и правобережья Кубани, продукция ее металлургических и металлообрабатывающих

Рис. 15.8. Бронзовые боевые топоры в производственных очагах Кавказской провинции являлись самой распространенной категорией оружия. В левой колонке — топоры т. н. кобанского типа; в правой — топоры т. н. колхидского типа [Georgien]

очагов практически мало заметна или даже не встречается вовсе. Типичным же металлом ее производственных центров насыщены погребальные комплексы основных регионов не только Главного Кавказа, но и так называемого Кавказа Малого или же Южного. Однако найти что-либо сходное с этой продукцией, скажем, на соседних с Кавказом нагорьях Восточной Анатолии почти невозможно. Пожалуй, лишь в прилегающих к Каспию районах северного Ирана границы Кавказской провинции утрачивают свою примечательную четкость: в Прикаспийском Иране ее черты как бы расплываются. Впрочем, этот регион мы не можем ныне относить к разряду досконально изученных, и будущие изыскания в состоянии изменить эти наши впечатления.

Теперь очень коротко о том, как можно представить отличия КаМП от провинции Европейской, хотя между ними и нет общей границы. Вспомним: ЕвМП — это, прежде всего, провинция кладов; в тамошних комплексах среди прочих орудий по числу предметов доминируют серпы и топоры-кельты, а оружие — прежде всего, мечи — являет собой, пожалуй, наиболее выразительную и яркую категорию металлической продукции.

Кавказская же провинция — это система производственных очагов, активность которых направлена, по преимуществу, на удовлетворение заупокойных нужд, на сопровождение усопшего богатым набором, прежде всего, оружия, а также украшений. На Кавказе встречаются также и клады металлических предметов. Однако в сравнении с европейскими они, конечно же,

Рис. 15.9. Бронзовые боевые секиры колхидского типа, обнаруженные в одном из кладов на территории Грузии [Georgien]

Рис. 15.10. Бронзовые топоры и секиры нередко украшались фигурками зверей или же химер, а также сложной гравировкой [Georgien]

не столь многочисленны и, кроме того, резко отличаются от европейских набором категорий представленных в них металлических изделий. На западе — в крупнейших комплексах ЕвМП — мы встречаем самые разнообразные ряды вещей: от готовых изделий до полуфабрикатов, лома изделий, а также порой и черновых слитков меди. Вкладах же КаМП преобладают готовые, предназначенные, по всей видимости, для погребальных ритуалов бронзовые предметы (см. например, рис. 15.9).

В целом даже поверхностное изучение огромной массы извлеченных из могил орудий, и прежде всего оружия, наводит на весьма определенную мысль: металл этот никогда «в деле» не бывал. Скончавшимся соплеменникам в их могилы закладывали специально и искусно отлитый и обработанный после литья бронзовый инвентарь; извлеченные из погребальных комплексов топоры, кинжалы или мечи никогда не были ни в работе и не становились «участниками» воинских сражений. Покойник должен был вступать в ристалища уже с обитателями потустороннего мира, и эти великолепные изделия служили бы ему главным оружием в неведомых и бессчетных стычках с врагами. Вещи эти не только не несут на себе следов употребления, но многие из них любовно покрывались сложной причудливой гравировкой; их нередко украшали причудливые навершия в виде различных животных — коней, оленей, горных баранов (рис. 15.12—15.14) — либо фантастических химер (рис. 15.10 — левый топор). Конь вообще предстает одной из самых

Рис. 15.11. Бронзовые наконечники копий, кинжалы и мечи также относились к разряду массовых видов оружия в КаМП [Georgien]

любимых фигур, изображавшихся резцом мастера-металлурга на тулове топоров (рис. 15.8, кобанский ряд изделий). Утверждение об его освоении под верховую езду на Кавказе вряд ли может вызвать сомнение; однако лошадь служила здесь также и тягловым животным (рис. 15.16).

С этой позиции великолепие кавказской позднебронзовой индустрии предстает перед нами едва ли не в некоем супер-иррациональном облике. Для того чтобы усопших достойно — конечно, с точки зрения их соплеменников — сопроводить на тот свет приличествующими их воображаемому статусу «визитными карточками», то есть погребальным инвентарем, общество шло на колоссальные затраты энергии. Причем интересно: в пределах КаМП не сооружали громадных — подобных более ранним — курганов, либо вызывающих восхищение туристов мавзолеев. Внешние признаки их некрополей мало выразительны.

Долгое время в среде археологов, историков, краеведов бытовало поверье, что Кавказ фантастично богат медными и иными рудами, что где здесь ни копни, повсюду буквально выпирают минеральные богатства: медные,

Рис. 15.12. Наконечники копий с гравировкой по втулке [Georgien]

Рис. 15.13. Рукоять бронзового кинжала, украшенная фигурками животных [Georgien]

Рис. 15.14. Летящий конь и спираль-имитация головы и рогов горного барана [Georgien]

золотые, серебряные, мышьяковые, сурьмяные руды. Но вот, наконец, в пределах северного и южного склона Главного Кавказского хребта археологи обнаружили медные и иные рудники, датированные II тысячелетием до н. э., но не отличавшиеся выразительным богатством рудных минералов. Горные выработки на месторождениях располагались зачастую в чрезвычайно труднодоступных — воистину заоблачных и близких к ледникам — ущельях или же на крутых склонах альпийских зон Главного хребта. Добыча руд здесь была особенно трудна. После подобного рода открытий легенда об изумительном богатстве и легкой доступности кавказских недр сильно потускнела. На Кавказе, как и в иных местах, труд горняка и металлурга представлял собой одно из самых тяжелых среди известных в мире занятий.

Рис. 15.15. Типичные украшения в рамках КаМП. Ожерелья составлялись из бусин, пронизей и бляшек, изготовленных из самых различных материалов. В особом ходу были медносурьмяные сплавы с очень высоким содержанием сурьмы [Georgicn]

В рамках КаМП довольно определенно намечаются две зоны производственных очагов. Северная зона связана по преимуществу с Главным Кавказским хребтом, и даже главным образом с его обращенными в степную сторону склонами. К южной зоне относится все Закавказье, или же Малый Кавказ. На археологическом сленге северная зона именуется кобанской по знаменитейшему и в основном хищнически разоренному могильнику Кобан, располагавшемуся в Северной Осетии. Очаги южной зоны обозначаются как колхидские, поскольку самые первые и выразительные коллекции металла происходили здесь из легендарной Колхиды. Обе зоны имеют свои отличительные особенности, что выразительнее всего отражается на формах боевых бронзовых топоров (рис. 15. 8).

В очагах КаМП как северной, так и южной зон совершенно не производили топоров-кельтов — этого столь любимого на Европейском субконтиненте вида изделий. На Кавказе мы практически не встречаем также металлических серпов. Вообще порой даже думается, что КаМП можно было бы именовать «провинцией топора»: ведь именно этот вид оружия являлся, пожалуй, наиболее любимым изделием у кавказских мастеров II тыс. до н. э. (рис. 15.8—15.10). Параллельно литейщики отливали очень большое число кинжалов с фигурными сложными рукоятками (рис. 15.13). Мечи относились к самым крупным категориям оружия (рис. 15, 11, две правые фигуры); однако на Кавказе их общее количество и морфологическое многообразие,

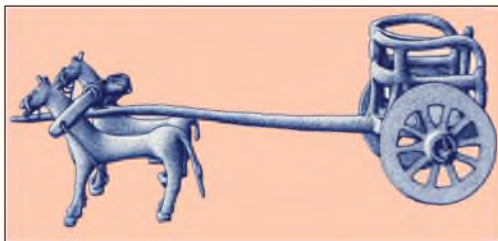

Рис. 15.16. Бронзовый макет двуконной боевой (?) колесницы, происходящий с территории Грузии. Датируется самым началом I тыс. до н. э. [Inanischvili: 147]

конечно же, не могло равняться с продукцией ЕвМП. В некрополях сосредоточена также и огромная масса украшений (рис. 15.15). В могилах очень часто можно было встретить бусы, различных очертаний подвески, которые были изготовлены из сурьмы; либо украшения отливались из весьма легкоплавкого сплава меди с большими присадками этого металлоида.

Автор замышлял в качестве основной задачи данной главы продемонстрировать резкий контраст металлопроизводства степных у скотоводческих народов и у их южных и западных соседей, а также показать наиболее выразительные элементы сходства и различий, если таковые, правда, имеются. Мне кажется, что в случае с Европейской и Кавказской металлургическими провинциями контраст со степными традициями в металлургии оказывался столь очевидным, что даже простое сопоставление приводимых в данной главе, а также в главе 13-ой множества иллюстраций, думается, способно вполне убедить читателя в этом заключении.

Однако мы должны теперь коснуться вкратце самой южной металлургической провинции, именуемой здесь Ирано-Анатолийской, и в ней картина приобретает уже заметно отличный характер.

Ирано-Анатолийская металлургическая провинция

Изложение темы Ирано-Анатолийской металлургической провинции (ИрАнМП) в рамках настоящей главы для автора таит в себе, пожалуй, наибольшее неудобство. Весь металл, о котором мы поведем речь ниже, связан с очень широко и хрестоматийно известными государственными образованиями II тыс. до н. э. в Месопотамии, Малой Азии, западном Иране — с Вавилонией, Эламом, Касситами, Хеттской державой. Именно этим древнейшим государствам оказалась посвященной гигантская, воистину необозримая литература. Вся ее масса представлена не только книгами научными и научно-популярными. Этим древностям посвящены также сочинения художественные или вовсе малохудожественные, насыщенные до предела фантастическими выдумками. Число же статей на данные темы вообще никакому учету не поддается.

Связанные с этими цивилизациями древнейшие письменные документы и породили во многом ту традицию, которая надолго закрепила в парадигме мировой археологии казавшуюся до последнего времени неоспори-

мой аксиомой — «*Ex oriente lux*», то есть «Свет с Востока». Согласно этой «истине», свет высших знаний и достижений человечества всегда и непременно зарождался и расцветал в среде избранников Высшей Силы. Свет этот распространялся с того самого Востока, о котором мы кратко побеседуем в настоящем разделе. Одаренность прочих, не допущенных в «блаженный круг», народов оценивалась лишь по способности тех понимать и усваивать достигавшие их ушей и взоров откровения. Обретавшиеся за «сакральным кругом» древние народы спорить с этой аксиомой, естественно, не могли, поскольку своей письменности не придумали. Правда, аксиома эта в последнее время заметно потускнела, однако данную тему мы оставим здесь в стороне. В центр внимания наших предшествующих глав мы поместили металл, и вполне естественно, что и здесь, в первую очередь, мы должны будем дать хотя бы самое общее представление об этом материале в памятниках классической древности «Ближнего и Среднего Востока».

Уже не в первый раз — даже в рамках второй части нашей книги — мы сталкиваемся с различиями между оценками исторической реальности при опоре, с одной стороны, на документы исторические, а с другой, при обращении к источникам археологическим. К сожалению, здесь также встаем в тупик перед барьером подобного рода, причем барьером весьма заметным.

Вот, к примеру, перед нами типичное описание воинства легендарных и воинственных хеттов, восходящее к письменным текстам их державы. Нескончаемы ряды воинов, принимающих воинскую присягу; их тела прикрыты щитами, а мечи и наконечники копий сияют под солнечными лучами. Легкие — не более 10—15 кг — и стремительные боевые колесницы вмещали трех человек. Первый из них — возница, второй — оборонял всех щитами, а третий — лучник, разил врагов своими острыми стрелами. Такому воинству якобы не было равных среди вражеских полчищ.

Но вот мы обращаемся теперь к археологическим материалам: где все это? Куда подевались или были запрятаны груды мечей и наконечников копий? Где хранятся останки стремительных колесниц?

Увы, здесь мы упираемся в досадно и столь нередко повторяющуюся для исследователя-археолога сложность: руины хеттских городов и даже древние могилы Анатолийских нагорий не являют нам ни массы блещущего на солнце бронзового оружия, ни следов колесниц.

Только что перед нами прошли описания удивительной мощи, разнообразия и фантастической массы металлического оружия и орудий в кладах и некрополях Европейской и Кавказской металлургических провинций. Здесь же — на малоазийских взгорьях — на фоне систем тех могучих металлургических центров нас ждет едва ли не пустыньность. Да и сама эта обедненность бронзами кажется странной, трудно объяснимой. Металл, конечно, встречается и здесь, но он относительно редок, а формы изделий

Рис. 15.17. Столица Хеттской державы — Хаттусас (северная, более низменная часть города). 1 — цитадель (Бюйюк-кале), местоположение строений царского дворца; 2 — большой храм столицы [Google]

Рис. 15.18. Хаттусас. Оборонительная стена и Царские ворота с барельефом монарха.

Верхнее фото: сохранившийся к декабрю 1976 г. вид барельефа. Нижнее правое фото: реставрированный барельеф зимой 2005 года. Нижнее левое фото: верхняя часть реставрированного барельефа хеттского царя

из него чаще всего не столь уж выразительны. К тому же они во многом повторяют то, что было известно на этих пространствах в предшествующем III тыс. до н. э. (см. главу 11), но золотой или же серебряной продукции мы фактически не знаем. Во II тысячелетии никнет не только масса бронзовых предметов, но равно и их морфологическое разнообразие.

По этой причине каждый раз, когда автор данной книги намеревался приступить к выделению и определению важнейших черт особой Ирано-Анатолийской металлургической провинции, его охватывала постоянная и досадная нерешительность: на поверку здесь оказывалось так мало выразительного материала! И это при том, что пространственный охват этой предполагаемой провинции не столь уж мал: примерно 2,2—2.5 млн. кв. км (см. рис. 13.1).

Автор счел необходимым вкратце коснуться здесь материалов, отражающих характер металлопроизводства в рамках пока что гипотетической Ирано-Анатолийской провинции, поскольку на крайнем востоке ее прикопетдагский ареал граничит с южной окраиной Евразийской провинции. В области Маргианы ряд исследователей выделяют даже так называемый Бактриано-Маргианский археологический комплекс, где заметно смешение несходных между собой черт культур северных степных скотоводов и южных оседлых народов, ориентированных на поливное (орошаемое) земледелие.

Автор полагает, что нет резона давать характеристику всего металла на данной, довольно обширной территории. Наверное, будет достаточно беглого обзора вопросов, связанных с металлопроизводством в пределах только Хеттского царства. К такому решению подталкивают три причины. Во-первых, хетты обретались в пределах Анатолии, где богатство и относительная доступность рудных источников сомнений не вызывали и не вызывают. Во всяком случае, горно-металлургическое производство в державе хеттов, очевидно, имело место, и хетты находились в безусловно более выгодном положении в сравнении с теми социальными объединениями, что локализовались, скажем, в пределах безрудного Двуречья. Во-вторых, письменные источники, причем не только хеттские, но известные также в иных центрах, скажем в Месопотамии, как будто говорят о некоей весьма значимой роли передовой хеттской металлургии в этом обширном регионе. По крайней мере, в исторической литературе бытует широко распространенное мнение, что в Евразии именно хетты явились пионерами, к примеру, в открытии производства железа. И наконец, в-третьих, с севера едва ли не вплотную к Хеттскому царству подходили границы Кавказской металлургической провинции, яркие картины металлопроизводства в которой только что прошли перед нами. Сопоставления эти вряд ли потребуют комментариев: судя по всему, картина предстает достаточно ясной.

Рис. 15.19. Язылыкая — святилище Хаттусаса. Барельеф, именуемый как «Двенадцать». Шествие двенадцати хеттских божеств низшего ранга, вооруженных бронзовыми «ятаганами»

Хеттскую державу нередко называют империей, хотя это явное преувеличение: она была не столь велика и всеохватна. Величественные руины столицы этого царства — Хаттусас или же Хаттушаш — дали самый яркий материал для характеристики культуры этого народа (рис. 15.17). Для специалистов по древней истории наиболее важным или же одним из самых важных объектов явился, конечно же, архив документов — клинописных глиняных табличек, а также и иероглифических надписей, найденных в слоях и руинах города. Расшифровка текстов позволила лингвистам установить принадлежность языка хеттов к индо-европейской языковой семье, а также вникнуть во многие стороны духовной жизни хеттского общества.

Общая площадь хеттской столицы превышает 1,5 кв. км, но, по существу, она предстает еще большей. К примеру, знаменитое святилище Язылыкая, расположенное в скальной узкой щели и знаменитое своими барельефами (рис. 15.19), отстояло на два километра к северо-востоку от центральной точки города. Могучая каменная архитектура обеспечила руинам Хаттусаса трехтысячелетнюю сохранность. Каменные фундаменты различных построек царского дворца или же цитадели города на вершине большого скального холма-возвышения (Büyükkale) позволяют судить о величии комплекса этих сооружений. Пожалуй, еще более впечатляют прекрасно сохранившиеся следы огромного храма, общая площадь которого вместе с двором может превышать четыре гектара (рис. 15.17).

Хаттусас окружали стены, сложенные из крупных каменных блоков. Особый предмет внимания туристов, конечно, знаменитые ворота — Львиные, Царские. На выходе из города, на массивном каменном блоке Царских ворот высечена в полный рост фигура хеттского владыки, держащего в руке топор — своеобразный символ высшей власти в этой державе (рис. 15.18). Мы можем судить также и о другом виде оружия, которым пользовались боги хеттов. В святилище Язылыкая, как правило, привлекает внимание знаменитый барельеф «Двенадцать» (рис. 15.19). Обычно предполагают,

Рис. 15.20. Некоторые бронзовые предметы с Иранского плато, характерные для Ирано-Анатолийской провинции; «хвостатый» боевой втульчатый топор слегка напоминает тот, что держит в руках хеттский владыка на каменном блоке у Царских ворот Хаттусаца [Stöllner, Körlin]

что на нем изображено шествие божеств низшего ранга. Каждый из богов этой странной колонны несет на плече некое весьма своеобразное по виду оружие, которое ряд исследователей признают за специфический ятаган.

Нам приходится привлекать внимание к наскальным изображениям металлического оружия, прежде всего, потому что этим изображениям оружия на этих барельефах очень трудно сыскать точные параллели среди дошедшей до наших дней металлической продукции хеттских кузнецов и литейщиков. Некоторые подобия топору (рис. 15.18, нижнее фото), который держит в руке хеттский царь, можно видеть среди так называемых луристанских бронз (рис. 15.20, нижнее фото). Правда похожий чем-то топор происходит уже с территории Ирана. Иные виды бронзового оружия мало выразительны. По этой причине мы и ограничились здесь демонстрацией небольшого числа изображений металлических предметов с территории Ирана (рис. 15.20).

По времени близкому 1200 г. до н. э. Хеттская «империя» гибнет; от нее потомкам остаются лишь величественные каменные руины, а также клинописные архивы и иероглифические надписи на скалах. Чаще всего считают, что в этой катастрофе оказались повинными нахлынувшие с запада, всепобеждающие в те столетия, «народы моря». Их волны, как утверждают авторы множества исторических трудов, прокатились огнем и мечом

по обширным пространствам от Анатолии до Египта. И даже в одной из древних египетских надписей говорилось как будто, что *«Ни одна страна, начиная от Хатти, не устояла перед их войсками»*. Таковой ли была действительность, сказать трудно. Правда, весьма примечательно, что явные следы их нашествия на Центральную Анатолию и Хаттусас в археологической реальности остаются весьма мало заметными или даже совсем неуловимыми. Думается, однако, что если и протащили свой тяжкий каток через анатолийские нагорья не очень понятные для археологов «народы моря», то, по всей видимости, внутренне хеттское общество ослабело тогда до чрезвычайности. Иначе вряд ли немногочисленные — а они и не могли быть иными — дружины пришельцев смогли бы преодолеть с такой легкостью могучие каменные стены столицы и сокрушить некогда почитавшееся почти непобедимым хеттское воинство.

Древнекитайская металлургическая провинция

Территориально Древнекитайская металлургическая провинция (ДКМП) ассоциируется в основном с так называемой Великой Китайской равниной, с нижним течением Хуанхэ и отчасти северным бассейном Янцзы. Важнейшие производственные горнометаллургические центры провинции были связаны с системами ранних государственных объединений древнего Китая — династий Шан (XVI—XI вв. до н. э.) и Западное Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.).

В сравнении с западом Степного пояса Евразии, его восточной половине присуща иная картина взаимодействий народов оседло-земледельческого толка и степных кочевников. Напомним, что первая яркая волна носителей сейминско-турбинского металла, воинственных кочевников-скотоводов, совершает стремительный прорыв очень далеко на запад (см. главу 14, рис. 14.19). В то же время в наших руках вплоть до настоящего времени не имеется никаких отчетливых доказательств их проникновения на просторы Великой Китайской равнины. Иное дело вторая волна, то есть та, что датируется последней третью II тыс. до н. э. и четко ассоциируется со знаменитой карасукской культурой. В этом случае у нас нет никаких сомнений, что важнейшее русло устремлений этих кочевников направляется на восток и юго-восток (рис. 14.16—14.19). Именно к этому времени и сформировались принципиальные черты облика Степной Восточноазиатской металлургической провинции (СВАМП).

Во взаимоотношениях очагов металлообработки степных кочевников и мощного горнометаллургического производства в рамках древнекитайских государств мы останавливаемся перед довольно странной картиной. Китайское общество приемлет, а китайские мастера металлургии и металлообра-

Рис. 15. 21. Космический снимок некрополя Иньсуй (Сяютунь). Хорошо видны крестовидные конструкции царских усыпальниц с длинными траншеями и с расширением в средней части, где на большой глубине находилась основная погребальная камера [Google]

Рис. 15.22. Некрополь Иньсуй. Ведущая к центральной погребальной камере наклонная траншея. У ее левого борта около двух десятков черепов обезглавленных людей, сопровождавших владыку в иной мир. У спуска в погребальную камеру поставлен большой бронзовый сакральный ларь.

Рис. 15.23. Некрополь Иньсуй. Строгие и выровненные будто по линейке ряды могильных ям для упокоения людей менее значимого социального ранга

Рис. 15.24. Некрополь Иньсюй. Погребальный «гараж» двухколесных боевых колесниц со скелетами умерщвленных животных и колесничих

ботки производят многие формы оружия степняков. Однако параллельно этому на базе изучения достаточно представительных коллекций металла кочевых культур, известного ныне от Саяно-Алтая вплоть до Манчжурии, мы почти не видим никаких отчетливо выраженных заимствований (если же они и отмечаются некоторыми исследователями, то почти всегда вызывают обоснованные возражения). Удивление вызывает даже не сам факт отсутствия подражаний. Древнекитайская металлургия в технологическом отношении стояла на безусловно более высоком уровне. Однако все разработанные и практиковавшиеся в китайских культурах технологические приемы, а также формы и характер представления их продукции оказывались чуждыми для степных кочевников и, видимо, ими отвергались.

Начнем поэтому с характеристики тех основных черт, которые можно причислять к безусловно китайским творениям в металле. Правда, перед этим следует хотя бы упомянуть о легендарной династии Ся. О реальности этого китайского прагосударства ведется очень много дискуссий не только в среде китайских археологов, но также и западных специалистов по востоку Евразии. Как будто династия Ся бытовала примерно с XXII по XVIII вв. до н. э. Металл здесь редок, а изделия из него выразительностью своих форм не блистали. Зарождение реальной металлургии приходится, конечно же, на время династии Шан. Причем самые яркие коллекции бронзы мы находим в погребальных комплексах поздней стадии самого государства. Этап этот чаще всего обозначается как Иньский, а берет свое начало в наименовании тогдашней столицы государства Шан — Иньсюй, древности которой сосредоточены в пределах нынешнего города Аньян. Иньсюй («иньский холм») существовал примерно с 1300 по 1027 гг. до н. э. Даты эти установлены историками и лингвистами на базе письменных иероглифических источников, которых к концу II тысячелетия накопилась уже изрядная масса.

Даже беглый взгляд на блистательные бронзовые изделия эпохи Шан не может не удивлять и не восхищать. Накопленные огромные коллекции великолепных бронз вновь заставляют нас обращаться к столь часто всплывающей на страницах настоящей книги теории технологических взрывов. Основная часть известного ныне металла была сосредоточена в огромных могильных сооружениях высшей и, без сомнения, царской знати Шан. В Китае порой далеко за пределами Иньсуй было также обнаружено немалое число великолепных бронзовых изделий сакрального

Рис. 15.25. Некрополь Иньсуй. Могила принцессы или же любимой императорской наложницы Фу Хао. Огромная коллекция из сакральных бронзовых сосудов, ларей, оружия. Их общий вес достигает полутора тонн. По верхним краям погребальной камеры расположены скелеты умерщвленных слуг этой сановной дамы

характера, датируемых тем же временем. Они могли быть обнаружены как бы случайно и вне каких-либо комплексов; однако почти наверняка эти предметы должны были быть также связаны с разрушенными или частично разграбленными усыпальницами столь же высокого ранга.

Весьма примечательна и форма этих царских могильных сооружений. Они очень велики, порой истинно громадны, а контуры их очертаний прекрасно различимы даже из космоса (рис. 15.21). Мы специально обращаем внимание на характер подобных некрополей, поскольку своеобразные попытки подражания могильным громадам иньского некрополя мы обнаруживаем также в могилах вождей степных северных народов, однако уже для более поздних столетий.

Вообще же конструкция некрополей высшей знати на восточной половине Евразийского континента имела одно весьма существенное и бросающееся в глаза отличие от усыпальниц западной половины материка. На Западе надмогильное сооружение для привилегированных персон, по сути дела, почти обязательно должно было впечатлять своими огромными размерами и быть хорошо заметным на фоне окружающего пейзажа. Гигантские насыпные курганы майкопской культуры — яркое свидетельство этому (см. главу 10). Позднее аналогичные майкопским величественные погребальные холмы будут воздвигать уже I тыс. до н. э. для скифо-сарматской знати. И конечно же, в этом ряду западных надмогильных «чудес» мы непременно вспомним о египетских пирамидах времен Древнего царства с их донныне непревзойденным «лидером-маяком» — усыпальницей Хеопса.

Рис. 15.26. Сакральные бронзовые сосуды, ларь, фигурки людей и фантастических животных. Все эти великолепные отливки найдены по преимуществу в бассейне Желтой реки (Хуанхэ) и относятся ко времени династии Шан [Formation]

Устройство некрополей для высшего сословия на истинном Востоке, и прежде всего в Китае, представало по ряду важных деталей как бы обратной картиной. Некрополь Иньсюй в Аньяне стал этому ярким свидетельством. Здесь вся сложная конструкция могильного сооружения для властителей архитекторами того времени была как бы устремлена в глубину земных недр. Центральное сооружение усыпальной камеры покойного монарха устраивалось на впечатляющей глубине до 10—12 метров. К самому месту

Рис. 15.27. Некрополь Иньсюй, экспозиция музея в Аньяне. Сакральные бронзовые сосуды и маска человеческого лица из различных царских погребальных комплексов этого кладбища.

упокоения властителя вели наклонные крестовидные могильные траншеи (рис. 15. 22). Никаких сколько-нибудь грандиозных, хотя бы просто хорошо заметных или уж тем более величественных насыпей здесь не возводили.

При этом добавим, что вполне сходные черты оказались присущими также воистину грандиозной и весьма сложной по конструкции погребальной усыпальнице императора Цинь-ши-хуанди. Этот жестокий и проклинаемый авторами многих китайских сочинений властитель в конце III в. до н. э. распорядился соорудить себе подземную гробницу, где его покой должна была охранять ныне ставшая всемирно знаменитой многотысячная армия терракотовых воинов (гробница эта вплоть до настоящего времени еще не раскрыта полностью).

Скелеты или же черепа умерщвленных слуг ближнего к владыке Иньсюй ряда помещались в это же могильное сооружение по краям могильной камеры либо в наклонных траншеях (рис. 15.22). По всей вероятности, телам иных спутников монархов уже не очень высокого ранга были суждены скромные, идущие строгими ровными рядами погребальные ямы (рис. 15.23), а их на этом некрополе трудно даже подсчитать.

В том же феноменальном по богатству могильнике сосредоточены целые «гаражи» боевых колесниц, этих — на протяжении не менее трех тысячелетий — считавшихся главной боевой ударной силой китайского регулярного войска (рис. 15.24). Каждую колесницу влекла пара коней, управлявшихся возницей. В пугающем подземном «гараже» Иньсюя все колесничие и животные были умерщвлены: они должны были последовать за своим властелином в бесконечно долгий потусторонний поход.

Однако вряд ли может вызвать сомнение, что именно блистательный и богатейший набор бронзовых изделий явился наиболее выразительным отличительным знаком Древнекитайской металлургической провинции. Отливки почти не повторяющихся по своей форме и орнаментации, изделий невероятно сложны с технологической точки зрения (рис. 15.26, 27). Самой крупной из известных до настоящего времени отливок стал огромный сакральный, весьма своеобразный по форме и орнаментации, четвероногий «ларь» (автору трудно подобрать в русском языке более подходящий термин для этого изделия). Его различные изображения приведены на рисунках 15.29—15.31. Вес этого удивительного ларя составляет почти целую тонну (!) и, по всей вероятности, заливка расплавленной бронзы для отливки этого сверх-тяжкого «ларя» протекала одновременно и в весьма сложную литейную форму (вполне возможно, что приливались отдельно лишь его «ноги»). Крупные фрагменты подобного рода глиняных матриц сохранились в слоях Иньсюй (рис. 15.28).

Ставшая также знаменитой погребальная камера Фу Хао — то ли принцессы, то ли любимой императорской наложницы властителя Шан —

Рис. 15.28. Музей Аньяна. Фрагменты стенок огромных глиняных литейных форм для отливки сакральных ларя и сосуда

заполнена самыми разнообразными бронзовыми сакральными сосудами и ларями (рис. 15.25), а их общий вес достигает полутора тонн. Кроме сакральных изделий в этом наборе могильного инвентаря встречено и оружие (рис. 15.32). Причем среди его образцов замечены и безусловные подражания формам ножей степных воинов. По узким краям-приступкам усыпальной камеры этой важной дамы были выложены тела намеренно лишенных жизни ее слуг.

Заметим, конечно же, что в нашем поле зрения — по крайней мере, в настоящей главе — безусловно доминируют изделия, предназначенные для высшей знати. Вряд ли можно сомневаться, что металл для простонародья отличаться подобным блеском никак не мог. Это следует иметь в виду, но мы, однако, преследовали цель показать технологические вершины металлургии и металлообработки шанского Китая. При этом сопоставления металла ДКМП могут быть весьма любопытными не только при разборе металлической продукции соседней с Китаем Степной Восточноазиатской провинции, но, пожалуй, и при обращении к гораздо более отдаленным и более «демократичным» по своему облику огромным коллекциям бронз Европейской и Кавказской металлургических провинций.

Бронзовое оружие ДКМП достаточно своеобразно и почти не напоминает то, что известно нам в арсенале степного воинства (рис. 15.32 и 15.33). Однако стоит напомнить и о том, о чем мы уже в этом разделе главы вкратце вели речь раньше: в шанском Китае местные мастера металлургии и металлообработки выпускали довольно большое количество бесспорных подражаний тем формам, что были широко распространены среди кочевых племен, сопряженных с карасукской археологической общностью (рис. 15.34).

Рис. 15.29 (слева фото). Музей Аньяна. Так представляют современные китайские историки массовые моления перед огромным священным бронзовым ларем в эпоху Шан (конец II тыс. до н. э.)

Рис. 15.30 (справа фото). Конец II тысячелетия, но уже нашей эры. Торжественная церемония представления обществу отреставрированного самого крупного из ныне известных сакрального бронзового ларя эпохи Шан

Рис. 15.31 (нижнее фото). Музей Аньяна, некрополь Иньсюй. Точная копия самого крупного сакрального бронзового ларя эпохи Шан как символ преемственности китайской культуры на фоне современного металлургического завода

Данный факт производит довольно странное впечатление на фоне едва ли не полного отсутствия отчетливых форм китайских изделий в инвентаре степных кочевых культур, синхронных эпохам Шан и Западного Чжоу. Объяснение этому обстоятельству представляется довольно сложным и вряд ли однозначным.

С другой стороны, вполне вероятно, что на китайской бронзовой продукции еще в конце II тыс. до н. э. отразилось то, на что вынуждены были пойти истерзанные нападениями степняков императоры ранней Хань в самом конце III века до н. э., то есть фактически спустя тысячелетие. Ранее мы приводили — уже в главе 6 — характеризующий этот факт выразительный отрывок в переводе отца Иакинфа; повторим его:

«Дом Цинь приобрел Лун-си, Бэй-ди и Шан-гюнь, и для ограждения себя от ху построил Долгую стену. Ву-лин Великий князь из Дома Чжао [в 207 году] ввел в своих владениях одеяние кочевых ху [кочевников], и начал обучать своих подданных конному стрельбию из лука».

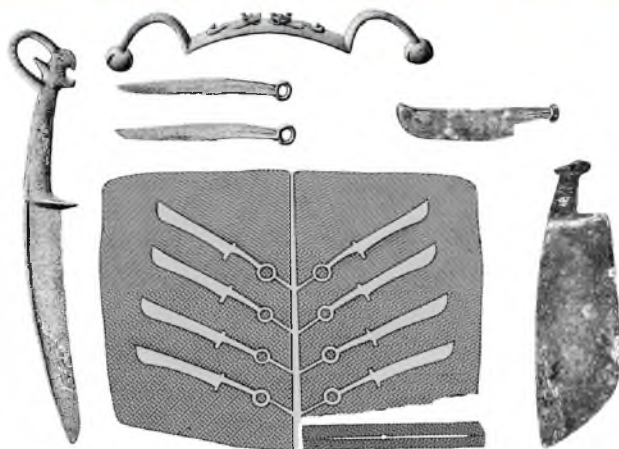
Рис. 15.32. (верхнее фото).
Образцы парадного бронзового
оружия эпохи Шан. Ле-
вая секира из могилы Фу Хао
[Formation: 164]

Рис. 15.33. (среднее фото).
Наконечники копий и боевые
клевецы с нефритовыми клин-
ками или рукоятями типичных
форм эпохи Шан в Китае

Рис. 15.34. (нижний рис. и
фото). Каменная литейная форм-
ма для отливки ножей степных
форм, бронзовые ножи — под-
ражания степным формам ору-
жия, а также бронзовая пред-
полагаемая модель «ярма» для
двуконных повозок (также хоро-
шо известна в могильном инвентаре
степной карсукской куль-
туры). Все они найдены в
комплексах эпохи Шан и За-
падного Чжоу в Китае

Однако имеются свидетельства, и существенно более ранние, относящиеся, скорее всего, к началу династии Чжоу, а это XI или X столетия до н. э. Правда, выражены эти свидетельства в форме победной, хотя и весьма тревожной реляции. Однако нам хорошо известно как часто о победе могли громко трубить и проигравшие битву.

В шестом месяце кругом царил переполох и волнение.

Стояли в готовности боевые колесницы...

Сяньюнь были в огромном числе,

Нельзя было терять времени.

Правитель приказал идти в поход,

Чтобы спасти земли царства...

[Но армия Чжоу]

Нанесла сяньюнь решительное поражение

И снискала великий почет.

Мы гнали сяньюнь

До самой Великой равнины...

[Однако теперь]

У нас не будет времени на отдых

Из-за сяньюнь...

Да, мы всегда должны быть начеку...

[Ловелл: 54]

Может быть, именно в этом кроется разгадка на первый взгляд столь странных заимствований? Вполне вероятно, что уже во втором тысячелетии конные орды кочевников невольно принуждали китайцев перенимать у степняков все те приемы боя и оружие, которыми кочевники неустанно и зачастую весьма успешно досаждали Китаю. И подобные сюжеты повторялись на этой половине Евразийского материка едва ли не все три последующие тысячи лет.

ГЛАВА 16

Железный век Степного пояса

Появление железа

Автор сознает, что повествование о скотоводческих народах Степного пояса Евразии можно продолжать бесконечно долго. Во всяком случае, оно вряд ли может быть заключено в формат одной сравнительно небольшой книги. Думается, по этой причине резонным будет выбрать наиболее пригодный барьер, у которого следует остановиться и подвести хотя бы промежуточный итог. Таким рубежом автору представляется I тысячелетие до новой эры, когда культуры Евразийского «ядра» вступают в век железа. Резонно обратить внимание на четыре основных причины предпочтения подобной грани.

Причина первая. Степной пояс Евразии уже не менее чем за тысячу лет до этого оказался целиком «оккупированным» металлоносными скотоводческими культурами. Их северный тыл составляли в большей или меньшей мере зависимые от них лесные сообщества охотников и рыболовов. С юга многотысячекилометровой линией — опять же от моря Черного вплоть до моря Желтого — обозначился достаточно четкий пунктир линии конфронтации с миром оседлых общностей и цивилизаций.

Причина вторая. Завершилось формирование евразийского территориального «ядра», о чем мы вели подробную речь в главе 12. С тех пор почти три тысячи лет, вплоть до XV—XVI столетий, но уже новой эры, *все* кардинальные — можно выразиться еще более пышно: «судьбоносные» — события как технологического, так и социо-политического свойства протекали на Евразийском континенте исключительно в пространственных рамках этого ядра. За его пределами едва ли не все исторические сдвиги в глазах сторонних наблюдателей представляли как бы смутными и по большей части совсем мало значимыми.

Причина третья. В самом начале I тыс. до н. э. прозвучали отчетливые сигналы одного из самых значительных для истории многих евразийских культур революционных технологических «скачков» — на нашем континенте начался переход к эпохе железа.

Причина четвертая. Едва ли не все — или, по крайней мере, многие — скотоводческие культуры Степного пояса попали в поле зрения официальных летописцев и историков государств южного домена оседлых популяций. Теперь уже не только в древнекитайской историографии, но и для историков греко-римского мира общности кочевников, облик их культур, а также основные вехи их истории начинают приобретать все больший и больший интерес. Тем самым, исходя из направленности и манеры изложения нашей книги, данный исторический период позволяет нам сомкнуться с тем разделом истории степных народов, о котором шла речь в первой части монографии. И вот что, пожалуй, особенно важно: с I тыс. до н. э. археологические памятники в большей или меньшей степени начинают активно «перекликаться» с историческими документами. С этого периода мы уже в состоянии сопоставлять между собой оба наших базовых источника для понимания древности.

Характер и суть первых двух причин в той или иной мере уже обсуждался выше. Поэтому заключительную главу второй части книги автор предпочитает начать с изложения причины третьей.

Вряд ли в наши дни имеет смысл доказывать величайшее значение технологического рывка, восходящего к началу производства железа и широкого внедрения его в быт сообществ того времени. Железо и его производные с тех пор и до наших дней, то есть в течение примерно тридцати столетий, служат основой или же «костяком» всего человеческого бытия на нашей планете. Много десятилетий назад наш выдающийся минералог академик А. Е. Ферсман попробовал в своих научно-популярных трудах нарисовать ту фантастично устрашающую картину, которая ожидала бы человечество, если бы из его жизни внезапно исчезло железо.

Однако не следует думать, что на железо всегда молились. Может показаться странным, но гораздо чаще в нем видели источник ужасающего зла. Около 700 г. до н. э. уже упоминавшийся нами ранее древнегреческий поэт и мыслитель Гесиод в своих знаменитых «Трудах и днях» с горечью восклицал:

*Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы или позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.*

Эти мрачные оценки бытовали не только в Древней Греции. В далекой от блаженных эгейских островов суровой лесной стране финно-угров, где с металлами, согласно эпосу «Калевала», управлялся легендарный кузнец Илмаринен, терзаемое огнем железо умоляло мастера вытащить его из пылающего горна. Но воскликнул Илмаринен:

*Коль тебя отсюда выну,
Может, станешь ты ужасным,
Станешь слишком беспощадным,
Своего порежешь брата,
Сына матери поранишь.*

[Калевала: руна девятая]

Спустя 22 или 23 века после Гесиода, уже в середине XVI в., многие даже весьма образованные европейцы верили, что именно в металлах, и в первую голову, в железе заложены для человечества неотвратимые беды и даже гибель. Ведь именно из металла — и опять-таки из железа — выделялись самые страшные орудия войны и убийств. Вот если бы их совершенно уничтожить, то ...

В попытке разубедить этих людей немецкий выдающийся ученый, основоположник науки о горнометаллургическом производстве Георгий Агрикола тогда же восклицал в весьма эмоциональном настрое: *«Ибо если бы не было металлов, люди влачили бы самую жалкую и омерзительную жизнь среди диких зверей. Они вернулись бы к желудям и лесным яблокам и грушам, питались бы травами и кореньями, ногтями вырывали бы себе логовища, чтобы лежать в них ночью, а днем бродили бы там и сям по лесам и полям, подобно зверям»* [Агрикола: 52].

Уничтожить, однако, металлы никому не удалось, а железо шаг за шагом, но с изрядной скоростью стало захватывать наиболее значимые позиции в жизни многих евразийских народов.

В определенной мере начальная, восходящая еще к VI—V тыс. до н. э., история с металлами повторилась и теперь: железо на западе Евразийского континента освоили раньше, чем на востоке. Правда, разрыв между их освоением не был столь внушительным. Приблизительно с VIII—VII вв. до н. э. на западной половине материка огромное большинство археологических культур специалисты стали относить к железному веку. В этом отношении восточная половина Евразии «запаздывала» примерно на три-четыре столетия. С этих столетий в культурах западной половины континента, включая Степной пояс, важнейшие категории оружия и орудий — мечи, кинжалы и тому подобное — едва ли не повсеместно начали отковывать из железа. Медь и бронза употреблялись также широко, однако их роль явно смеща-

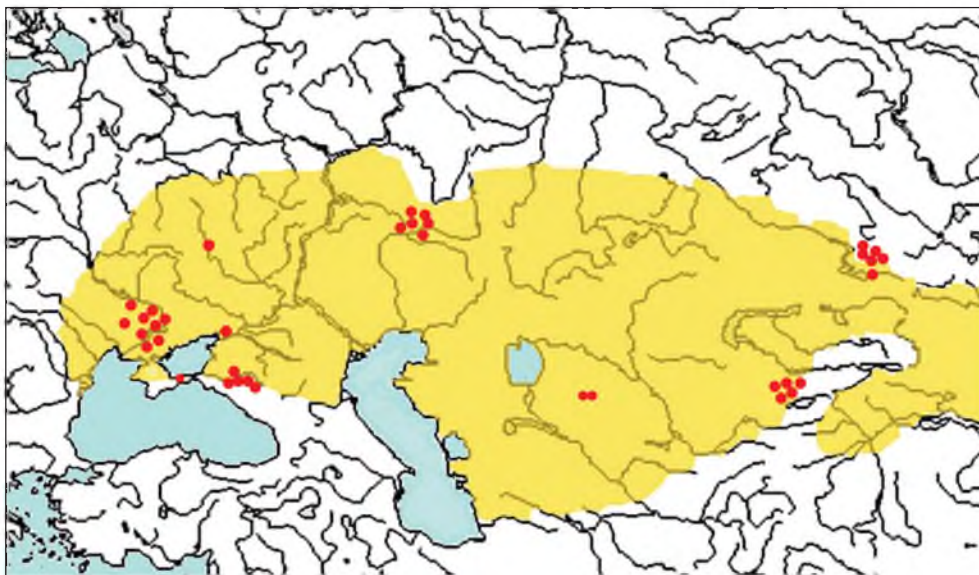

Рис. 16.1. Схематическая карта расположения основных групп наиболее богатых и значимых курганных некрополей «скифского» мира на западной половине Степного пояса (отмечены красными точками). Не может не бросаться в глаза, что все нанесенные на карту курганные группы тяготеют к периферийным регионам Степного пояса; центр самого пояса оказался едва ли не полностью «свободен» от них

лась на второй план: по большей части из них изготавливают украшения или же выделывают некоторые детали оружия.

Хронология диктует нам прежний порядок изложения, и по этой причине мы начнем с западной половины Степного пояса, на которой воцарился мир скифских культур.

Скифский мир

Вообще же, скорее всего, будет неточным именовать скифским весь тот мир кочевых курганных культур, что целиком покрыл западную половину Степного пояса, раскинувшись от Северного Причерноморья на западе вплоть до Алтая на востоке (рис. 16.1). Но в этом отношении археологи и историки невольно отдают дань истинному «отцу» западной исторической науки Геродоту, жившему и создававшему свой знаменитый труд в V в. до н. э. Ведь именно он посвятил скифским культурам Северного Причерноморья свою — четвертую — книгу, названную им «Мельпомена». Геродот употреблял этноним «скифы» в отношении, прежде всего, большой группы скотоводческих племен Северного Причерноморья. Согласно сведениям историка, сами эти скотоводы возводили свои корни к легендарному пращуру Таргитаю и именовали себя «...сколотами, то есть цар-

Рис. 16.2. Гигантские курганные насыпи над могилами вождей кочевников. Вверху: пока не исследованный савроматский курган в степях Южного Урала

Внизу: раскопки кургана Аржан-2 в республике Тыва. Саянская горная система; пазырыкская археологическая культура [Im Zeichen: 71]

скими. Эллыны же зовут их скифами». Стало быть, в наименовании этих прославленных в евразийской истории кочевников наши современники следуют древнегреческой традиции. Мы также не будем нарушать в нашей книге устоявшуюся в нашей литературе привычку, но пусть читатель знает, что понятие «скиф» включает в себе определенную условность.

Геродот более всего доверял тому преданию, в котором утверждалось, что скифы в припонтийских степях появились откуда-то из глубин Азии, по-видимому, с востока, хотя и перешли при этом через Аракс (так греки называли тогда Волгу; заметим здесь, что понимание Азии у историка сильно отличается от принятого ныне). В Причерноморье обитал народ киммерийцев, который при появлении скифов по не вполне ясной причине погрузился в братоубийственную битву, после чего остатки киммерийцев

Рис. 16.3. Курганный некрополь скифского времени в Семиречье (юго-восток Казахстана). Курганы сооружались на плоской степной равнине близ подножья одного из хребтов Тянь-Шаня [Im Zeichen: 163]

«... покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной». Действительно, присутствие народа киммерийцев отражено в ряде других исторических источников и — что, пожалуй, главное — в сохранении таких топонимов, как, к примеру, «Боспор киммерийский» в отношении Керченского пролива между Азовским и Черным морями. Археологи уже давно пытаются «привязать» киммерийский народ к некоторым причерноморским культурам эпохи финальной бронзы. Однако, их успехи на

этом поприще не выглядят впечатляюще и, во всяком случае, доказательств такого рода связей не вполне очевидны. Скорее всего, время бытования легендарных киммерийцев приходится на финальный период существования культур, втянутых в западный регион обширной системы Евразийской металлургической провинции.

После этого краткого «киммерийского» отступления мы вновь возвратимся к теме единства так называемого скифского степного мира. По сведениям Геродота, даже в Северном Причерноморье и Приазовье обитали племена не только скифские, но также и, вроде бы, чуждые тем — вроде андрофагов и прочих. Восточнее Танаиса, то есть Дона, вплоть до южноуральских степей раскинулись обширные земли *савроматов*, с которыми в нашей археологической реальности связывают курганную культуру, охватившую обширные пространства вплоть до южноуральских степей (для более поздних периодов их будут именовать *сарматами*). Кроме того, древности скифского типа были хорошо известны на Северном Кавказе, но вряд ли мы узнаем, как они называли сами себя. Скифские по типу курганные некрополи встречаются и в Средней Азии: археологам местные народы известны под именем *массагетов*. Оставившие свои богатые усыпальницы также скифского типа народы, именуемые *саками*, обитали на востоке Казахстана. Наконец, уже наиболее восточная группа входящих в «скифский мир» племен расселялась по горным районам Алтая совсем близко к Джунгарским воротам и к границам между обеими половинами Степного пояса (археологи чаще всего объединяют их древности под названием *пазырыкская* культура). Основные регионы сосредоточения

Рис. 16.4. Знаменитая золотая гривна — шейное украшение скифского вождя из кургана Толстая могила в Поднепровье. На гривне представлены поразительные по своей реалистичности сцены из бытовой жизни (малый диаметр) и здесь же — понятий степняков Северного Причерноморья о фантастичности окружающего их мира (большой диаметр) [Im Zeichen: 295]

Рис. 16.5. Золотые аппликации: скифы-побратимы и отдых скифского семейства под деревом [Im Zeichen: 51, 297]

Рис. 16.6. Золотые сосуды из Частых курганов с Дона (вверху) и кургана Куль-оба из Восточного Крыма. Выразительные сцены из повседневного быта скифов [Im Zeichen: 279—281; Королькова: 45]

важнейших и наиболее примечательных памятников скифского мира представлены на схематической карте (рис. 16.1).

Скифский мир зародился на руинах степных общностей, составлявших костяк Евразийской металлургической провинции. Вспомним вновь, что третья фаза ее существования «обещала» не совсем ясный тогда, но уже намечавшийся отказ от полуоседлой жизни культур срубно-андроновской общности — в рамках последующей за ней общности культур с «валиковой» керамикой. В тот же период наметился переход к более привычному для скотоводов Степного пояса кочевому образу жизни. По всей видимости, эти события совершались в промежутке XII—XI и IX—VIII столетий до новой эры. К VIII веку во всей западной половине пояса безусловное господство номадов железного века стало вполне очевидным.

Хотя местные истоки скифского мира достаточно очевидны, нас не может не удивлять скорость кардинальной трансформации буквально всех степных культур, что протекала на гигантских пространствах Западной Евразии за относительно короткий отрезок времени. Нельзя не поражаться — может быть, даже в большей степени — тому контрасту, который являли между собой два этих мира. С одной стороны, то был мир исходный,

Рис. 16.7. Знаменитый золотой гребень из кургана Солоха в Поднепровье. Сцены из батальной жизни [Im Zeichen: 247]

Рис. 16.8. Боевые железные мечи скифских вождей. Рукояти таких мечей, их различные части, а также ножны почти непременно украшались богатыми золотыми аппликациями [Im Zeichen: 172, 250]

позднебронзовый, заключенный в рамки общностей Евразийской провинции (см. главу 13). Он предстает перед нами в бросающемся в глаза унылом единообразии и внешней «демократичности» большинства своих внешних признаков. Все это хорошо заметно не только на огромном числе

Рис. 16.9. Золотые нашивные бляшки из курганных погребений Семиречья [Im Zeichen: 167]

Рис. 16.10. Серебряный ритон с золотыми аппликациями из кургана Уляш-Адыг на Северном Кавказе [Im Zeichen: 213]

известных ныне поселений, но и на бесконечной массе их погребальных памятников. Основные культуры этого мира явно — и даже как будто внезапно — изолируют сами себя от своих южных и западных соседей (см. главу 15). И эту перемену трудно понять и объяснить на фоне тех тесных контактов степняков с оседлыми культурами, о которых мы вели речь для времени IV и III тыс. до н. э., что во многом и составляло суть структуры Циркумпонтийской металлургической провинции (см. главы 10 и 11).

В эпоху раннего железа на тех же самых пространствах возникает мир западной половины Степного пояса. Внешне по основным своим проявлениям он, вроде бы, совершенно

отличен от своего «бронзового прародителя». С началом железной эпохи возникает и реализуется мир героики, воспеваящий собственные подвиги и вождей-соплеменников через гигантские курганные усыпальницы, буквально набитые уникальными драгоценностями. Здесь господствует кочевой образ жизни, а унылые на вид скромные поселения прежних столетий исчезают едва ли не совершенно. Этот мир заявляет о себе, благодаря поражающим зрителя великолепным «визитным карточкам» своих некрополей, и эти «визитки» действуют на нас безотказно.

Конечно же, первое, мимо чего пройти просто невозможно, — это огромные надмогильные курганные насыпи для скифской знати. Здесь, как будто из глубины IV тысячелетия вырывается на поверхность память о курганах вождей майкопской культуры: они чрезвычайно сходны не только своей громадой, но весьма похожи также и их конструктивные особенности (см. главу 10). Диаметр многих из них достигает, а порой и превышает сотню метров; высота насыпи может также намного превышать 10 метров (рис. 16.2, 16.3). В конструкции курганов могли использовать также каменные выкладки и облицовки. Вполне очевидной является изрядная сложность планировки их погребальных подземных усыпальниц. Однако не может при этом вызвать никаких сомнений, что важнейшей и самой привлекательной особенностью выдающихся захоронений скифских вождей являлся, конечно же, могильный инвентарь. Благодаря этому скифский мир уже издавна

стал во многих странах мира любимейшей темой для историков, археологов, музееведов, разнообразных популяризаторов науки и — к сожалению, параллельно с этим — спекулянтов от науки. Этим древностям посвящены тысячи и тысячи книг, брошюр, статей. Последнее освобождает автора настоящей книги от обязанности сколько-нибудь подробного описания культур скифского круга и истории их развития¹.

Одни из самых ярких и впечатляющих музейных каталогов связаны именно со степными курганами I тыс. до н. э. Своей неизменной привязанностью все эти специалисты обязаны, конечно же, сокровищам под курганными захоронениями, датированных в своем большинстве V—IV столетиями до новой эры. Среди таких сокровищ, без каких-либо сомнений, на первом плане стоит золото, украшения из этого металла: ведь в высокохудожественных золотых изделиях заключен буквально целый мир, особый и столь поражающий воображение зрителя (рис. 16.4—16.10).

Чаще всего считалось, да многие так считают и поныне, что мастерами по золоту являлись отнюдь не скифы, но — скажем, для причерноморских областей — греки. Но вот что следует сказать: для нас остаются совершенно неизвестными те места и мастерские, где некие мастера создали материально этот скифский «золотой мир». Причем, неизвестность эта относится не только к скифам, но и к причерноморским грекам. Куда же подевались те

Рис. 16.11. Алтай, высокогорное плато, где сооружали свои курганы носители пазырыкской (скифской) культуры

Рис. 16.12. Раскопки кургана пазырыкской культуры на высокогорном плато Уюк на Алтае [фото экспедиции под рук. Н. В. Полосьмак и В. И. Молодина]

¹ В этом отношении из опубликованных в последнее время научно-популярных изданий я могу порекомендовать читателям, к примеру, обратиться к книгам В. И. Гуляева или Е. Ф. Корольковой; из книг более раннего выпуска следует, конечно, иметь в виду также книгу Б. Н. Гракова (см. перечень библиографических источников).

Рис. 16.13. Вечная мерзлота на плато Укок сохранила для нас мумифицированные останки человека скифской поры с прекрасно сохранившейся татуировкой на его теле [Im Zeichen: 146]

образцы, что хотя бы косвенно смогли бы подтвердить высокое искусство греческих мастеров в поразительном своеобразии и широте распространения по всем необъятным степным просторам западной половины Степного пояса так называемого скифо-сибирского звериного стиля? Причем курганные усыпальницы скифского круга культур находят даже в заоблачных высях горного Алтая (рис. 16.11 и 16.12), где вечная мерзлота сохранила для нас удивительные и редкостные останки мумифицированных захороненных (рис. 16.13). Так что же: там тоже трудились греческие ювелиры? Может быть, все-таки резонно не лишать собственно скифских мастеров или, может быть, тех оказавшихся пленниками скифов и савроматов кузнецов-ювелиров признания в их способности к подобному высокому творчеству?

Вместе с тем крайне любопытно, что огромное большинство курганов знати с богатейшими наборами погребального инвентаря жались к краям их ойкумены (рис. 16.1). Вряд ли это можно счесть за случайность. Скорее всего, это пограничье подсказывает нам те пути, по кото-

рым к скифам попадали драгоценные металлы, как, вероятно, и некоторые изделия из них. К примеру, курганы из Причерноморья, из бассейнов Днепра и Дона будут говорить о балканских связках. Среднеазиатские драгоценности могут указывать нам на Иран. Саяно-алтайские погребальные комплексы могут даже связать тамошних обитателей с весьма отдаленным Китаем. При этом весьма сомнительно, чтобы такие удивительные дары прочие народы передавали скифам совершенно добровольно, в порыве любви и дружбы.

Теперь о другом. Геродот оставил нам максимально возможный для историка того времени обстоятельный и беспристрастный рассказ о столь чуждых грекам далеких народах. В его «Мельпомене» мы можем прочесть рассказ об основных нравах и обрядах припонтийских скифов, о неприятии ими чужих обычаев и о многом другом.

Когда-то «скифы были властителями Азии; затем после изгнания их мидянами они ... возвратились в родную страну. Вот за что Дарий пожелал наказать скифов и собрал против них свое войско». Описание провала этого грандиозного похода 512 г. до н. э., когда персидский властитель направил свое огромное войско в неведомые ему причерноморские степи, бесчисленное множество раз комментировалось в мировой науке. Мы же обратим здесь внимание лишь только на одно из множества примечательных мест Геродотовой книги — на причины очевидной неуязвимости воинских отрядов степных кочевников. Царь скифов Иданфирс так объяснял посланнику Дария,

Рис. 16.14. Головное покрывало и маска животного из курганов скифского времени на высокогорных плато Алтая. Благодаря вечной мерзлоте в захоронениях отлично сохраняется органика — не только кожа, но и ткани [Im Zeichen: 125, 129]

Рис. 16.15. В высокогорных захоронениях пазырыкской (скифской) культуры удалось обнаружить даже парадную деревянную колесницу [Королькова: 129] явно китайского производства. Подобного рода изделия среди скифских курганных могил являются исключительной редкостью. Китайские изделия довольно обычны среди погребений вождей гуннских племен (см. далее рис. 16.24 и 16.25)

вопрошавшего скифского вождя — отчего же он сразу стал уклоняться от лобовых столкновений с персидским войском:

«У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их, попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет» [Геродот: IV, 127].

Наверное, именно это и являлось важнейшей причиной неодолимости культур Степного пояса Евразии от моря Черного до моря Желтого почти на всей долгой истории их существования. Напомним, что многие древние китайские письменные источники в отношении кочевых воинств утверждали то же самое.

Интересно, однако, что для коренных, но не причерноморских греков скифы казались народом не очень пугающим. Ведь они кочевали где-то на далеком от греков севере, за пределами хмурого для них Понта Эвксинского, и до Эллады их конные отряды никогда не добирались. Над ними можно было даже поиздеваться, представляя их в качестве людей не совсем полноценных, довольно потешных, которые никогда не могли бы подняться до статуса даже рядового греческого гражданина. Поэтому, например, Аристофан в своих «Женщинах» выводит комичную фигуру похотливого и глуповатого скифа-охранника, когда того, чтобы отвлечь его от обязанностей охранника, пытаются соблазнить девицей:

*Мулчат, старик дурной!
Потстилку притащу, лижсача поглижу
Што брехаешь,
Ты смиялся миня!
Ни дивка он сапсим, адин гришина старик,
Мушенник, вуруват пришла.
Задка яво хуруш! Цыц, цыц, свой миста знай!
Вот так ... и тиридкам красива бульна туж.
Ай бульна хуруша, ай сладка дученька!
И смирна дивка, ни сирдита. Где старух?*

Скифы, как мы видим, были нередкими гостями в Элладе, могли там даже служить (наподобие современных гастарбайтеров); над ними можно было насмеяться. Однако сами кочевники могли беспощадно карать даже своих властителей за отречение от национальных традиций, признавая это за тяжкие грехи — предательство и измену.

«Скифы также старательно избегают пользоваться обычаями других народов и больше всего эллинскими, как показала судьба Анахарсиса и второй раз снова — Скила... Анахарсис, после того как посетил многие земли

Рис. 16.16. Золотые и бронзовые сокровища из кургана Аржан, относящегося к крайне восточной группе некрополей скифского мира (см. рис. 16.1 и 16.2). По своему облику эти предметы могут несколько отличаться от западных изделий сходного типа. Однако в принадлежности их к «скифскому миру» сомневаться не приходится [Im Zeichen: 44]

и в каждой из них воспринял много мудрого, возвращался в местопребывание скифов. Плывая через Геллеспонт, он прибывает в Кизик и застаёт кизикенцев очень пышно справляющими праздник в честь Матери богов. Анахарсис принес Матери обет: если здоровым и невредимым возвратится к себе, то будет совершать жертвоприношения таким же образом, как он это видел у кизикенцев, и установит ночное празднество. Когда же он прибыл в Скифию, то, углубившись в так называемую Гилею, ... Анахарсис стал совершать весь обряд в честь богини — с тимпаном, увешав себя священными изображениями. И кто-то из скифов, заметив, что он это делает, донес царю Савлию. Тот прибыл сам и, когда увидел, что Анахарсис делает это, выстрелил из лука, убил его. И теперь, если кто-нибудь спросит об Анахарсисе, скифы утверждают, что не знают о нем, из-за того, что он побывал в Греции и воспользовался чужеземными обычаями» [Геродот: IV, 76].

Однако в определенном смысле случай со Скилом стал еще более показательным: ведь Скил был одним из «царей» скифских племен.

«Очень много лет спустя Скил, сын Ариати́фа, претерпел подобное этому... Управляя скифами, Скил отнюдь не был доволен скифским образом жизни, но гораздо больше был склонен к эллинским обычаям вследствие воспитания, которое он получил. Делал он следующее: всякий раз, как Скил вел войско скифов к городу борисфенитов... и приходил к ним, он оставлял войско в предместье, сам же проходил внутрь, за городскую стену и запирали ворота. Сняв с себя скифскую одежду, он надевал эллинское платье. Когда он шел в этом платье на рыночную площадь, за ним не следовали ни телохранители и никто другой (а ворота охраняли, чтобы никто из скифов не увидел его в этой одежде). И во всем остальном он пользовался эллинским образом жизни и приносил жертвы богам по законам эллинов. Проведя так месяц или более того, он уходил, надев скифскую одежду. Делал он это часто, и дом построил себе в Борисфене, и женился там на местной женщине». Затем царь Скил в своем падении пристрастился к «вакхическому исступлению», что было обычаем эллинов того времени.

«А скифы презирают эллинов за вакхическое исступление. Они говорят, что не подобает выдумывать бога, который приводит людей в безумие. Когда же Скил был посвящен Вакху, какой-то борисфенит стал издеваться над скифами, говоря: «Над нами вы смеетесь, скифы, что мы приходим в вакхическое исступление и что в нас вселяется бог. Теперь это божество вселилось и в вашего царя, и он в вакхическом исступлении и безумствует под влиянием божества. Если же вы мне не верите — следуйте за мной, и я вам покажу. Старейшины скифов следовали за ним, и борисфенит, приведя их, тайно поместил на башне. Когда прошел со священной процессией Скил, и скифы увидели его в вакхическом исступлении, они сочли это очень большим несчастьем. Выйдя из [города], они сообщили всему войску то, что видели... Когда же после этого Скил возвратился к себе домой, скифы восстали против него... Скилу же Октамасад [кстати, его брат] ... отрубил голову. Вот таким образом скифы охраняют свои обычаи, а тех, кто перенимает чужеземные законы, вот так наказывают» [Геродот: IV, 78—80].

Жестокая позиция скифов по отношению к проявлениям чужеродных влияний должна быть понятна современному исследователю: в этом кочевники видели залог сохранения высшего смысла своего бытия, своих исконных традиций. «Тлетворное» влияние культуры эллинов разъедало монолит скифских базовых ценностей, по этой причине и было необходимо прибегать к столь суровым мерам. Подобного рода защитная реакция была вполне обычной не только у скифов. Вспомним, к примеру, и процитируем вновь обращенные в VIII веке, но уже новой эры, к единоплеменникам-

номадам заклинания тюркских вождей не поддаваться соблазнам китайцев, у которых: «...речь всегда сладкая, а драгоценности изнеживающие; прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они весьма сильно привлекали к себе далеко жившие народы. Те же усваивали себе дурное мудрование... погибли в большом числе... Дав себя прельстить, ... ты, о тюркский народ, погиб...» (см. главу 7).

На агрессивность скифов указывают, как правило, ссылаясь на письменные источники. Однако то же самое подтверждали и археологические находки. Обыкновенно утверждают, что походы их конных отрядов достигали на юге даже северной Палестины. Во всяком случае, находки весьма характерных для скифского боевого оружия трехгранных наконечников стрел как будто подтверждают и это. Их обнаруживают по ряду регионов не только Восточной Анатолии, но также Ирана и Северной Месопотамии. Встречаются, но крайне редко, даже погребальные памятники скифских вождей, например, на востоке Малой Азии. По-видимому, хоронить останки соплеменников скифам обязательно полагалось лишь на их священной родине. Скорее всего, скифские отряды пересекали Кавказ, пользуясь все той же «натоптанной» тропой прикаспийского Дербентского прохода.

За много тысяч километров от Кавказа, восточнее Джунгарских ворот, неподалеку от отрогов Монгольского Алтая также порой встречаются кладбища скифского типа; но ведь там начинались уже пространства, что были подвластны чужеродных скифам и говорящим на иных языках монголоидным кочевникам восточной половины Степного пояса.

Сарматы оттесняют скифов

В конце IV и начале III вв. до н. э. скифы уступают свою первенствующую роль *сарматам* — новым властителям народов западного фланга Степного пояса. В общем поле *сарматской культуры* специалисты включают многие кочевые народы, говорившие на языках индо-иранской лингвистической группы и обитавшие на степных просторах от Южного Урала до Северного Кавказа, а также по всему Причерноморью вплоть до низовьев Дуная. То были *аланы* и *аорсы* в восточной части этого ареала, а

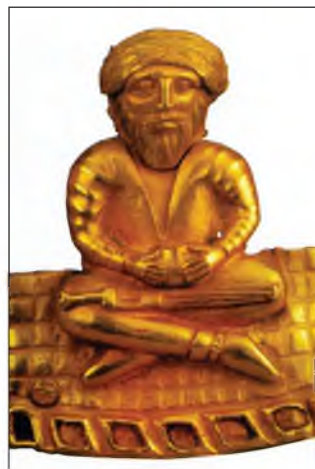

Рис. 16.17. Золотая фигурка сидящего сармата с коротким мечом на коленях [Королькова: 68]. В пору сарматского господства курганные захоронения в восточноевропейских степях содержат несопоставимо меньше золотых предметов по сравнению со скифским временем

также *роксоланы* и *языги* — уже на крайнем западном краю великой Степи. Культуры сарматского мира по своим внешним проявлениям во многом напоминали те, о которых мы весьма часто вели речь в нашей книге. Сарматы в археологии уже не оставили для нас ничего похожего на тот блистательный «золотой» мир, который явили скифы и их ранние предки — савроматы своим далеким потомкам в курганах их вождей. Культура сарматов предстает перед нами в гораздо более рациональном облике. Но сопоставления скифской и более поздней сарматской общностей невольно пробуждают такую мысль: не послужила ли столь выпукло выраженная иррациональность скифской «золотой» погребальной культуры одной из базовых причин низвержения этого народа с роли ведущей действующей силы на той исторической сцене, где они пребывали весьма длительное время? Во всяком случае, думается, что предположение это заслуживает как внимания, так и обсуждения.

О сарматских народах теперь уже начинают говорить античные авторы. Верный своей традиции не излагать слова древних писателей, но предоставлять им слово, автор приводит ниже краткое описание сарматов (аланов) из труда позднеримского историка Аммиана Марцеллина, излагающего события 375—378 гг.:

«Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как Nomads, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения. Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это — их постоянные жилища, и куда бы они не зашли, там у них родной дом. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням... Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами. Поэтому-то и персы, будучи скифского происхождения, весьма опытные в военном деле. Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие лег-

кости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют... О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» [Аммиан Марцеллин: XXXI—2, 17—25].

Гуны монгольских степей

Три примечательные особенности отличают, пожалуй, восточных кочевников от своих западных, правда, весьма отдаленных соседей. О первой из них — запаздывании в освоении железа — мы говорили ранее. Вторая особенность заключается в том, что целый ряд сторон культуры восточных кочевников нам становится известным лишь из китайских текстов III—II вв. до н. э. В сравнении с западной половиной Степного пояса база археологических памятников на востоке выглядит несопоставимо более бедной. Напомним, что многие китайские тексты, касавшиеся восточных гуннов (*сюнну*, *хун-ну* и т. п.), мы обильно цитировали уже в первой части книги (см. главы 6 и 7, а также Приложение 3). Третья особенность такова, что восточные погребальные памятники по своей конструкции заметно отличались от синхронных им западных некрополей.

Начнем свой рассказ именно с последнего пункта. Сегодня мы в состоянии относительно подробно — разумеется, исходя из характера нашей книги — продемонстрировать читателям в качестве типичного примера погребальных ритуалов богатую гробницу гуннского вождя, которая подверглась весьма тщательным раскопкам в самые последние годы. Курганная группа, получившая название ноин-улинской (от урочища Ноин-Ула) расположена в центральной части Монголии, к северу от Улан-батора. Внимание на этот некрополь археологи обратили давно. Еще в середине 20-х годов прошлого века там была вскрыта богатая, но ограбленная в древности усыпальница вождя с массой изделий китайского происхождения.

Рис. 16.18. Некрополь гуннской знати в Центральной Монголии. Надмогильные (курганые) насыпи не очень легко заметить с поверхности земли

Рис. 16.19. Одну из этих усыпальниц кто-то (из археологов?) пытался вскрыть, но потерпел неудачу: вся глубокая подземная гробница оказалась заваленной тяжелыми каменными глыбами

... Однако на этом месте мы должны предупредить читателя, что понятия «курган» для общностей скотоводов западного — скифского мира, с одной стороны, а с другой — для культур восточных гуннов весьма и весьма расходятся. Употребляя в отношении некрополей гуннской знати термины «курган» или же «курганная группа», сразу же следует учесть, что при возведении погребальных конструкций гуннских вождей-шаньюев (китайский термин, близкий великому хану) их строители следовали иным принципам, в сравнении с господствовавшими на западе. Истинные насыпные курганы, сооружавшиеся на далеком западе уже в IV тыс. до н. э., должны были поражать воображение наблюдателей своей невообразимой громадой. На востоке же масштаб надмогильного холма подобной роли не играл. Однако саму насыпь над усыпальницей можно было различить лишь с известным трудом, а контуры относительно сложных по конструкции погребальных ям чаще всего обозначали невысокими каменными оградами-выкладками. Поэтому в случае приложения к гуннским некрополям термин «курган» мы будем воспринимать как весьма условный.

Рис. 16.20. Курганная группа в Ноин-Уле (курган 20). Археологические раскопки обнажили первую (верхнюю) каменную выкладку на погребальной усыпальнице знатного гунна. В центре выкладки отчетливо виден след древнего грабительского лаза [Полосьмак и др.: 80—81]

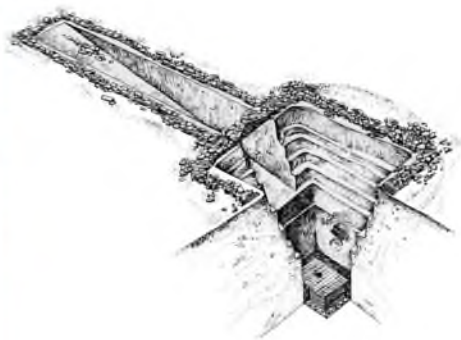

Рис. 16.21. Курган 20. После вскрытия последнего — пятого яруса усыпальницы. Именно там в деревянном «срубe» и уложили тело покойного вместе с колесницей

Рис. 16.22. Реконструкция раскопанного кургана в Ноин-Уле. Эти прекрасные по методике и тщательности раскопки кургана провела в 2006 году совместная российско-монгольская экспедиция под руководством Н. В. Полосьмак [Полосьмак и др.: 77—87]

Основные усилия соорудивших погребальный комплекс соплеменников были, безусловно, направлены на обустройство громадной подземной камеры-усыпальницы. Глубина погребальной ямы в случае исследованной ноин-улинской усыпальницы поражает: она превышала 18 метров! Сама яма имела четыре последовательно сужающихся к дну уступа; с этими уступами были связаны и четыре каменных перекрытия огромной целостной ступенчатой камеры. К центру погребального сооружения — а это был уже пятый уступ — вел длинный наклонный ход, часто именуемый греческим словом дромос (рис. 16.21 и 16.22). Погребальная камера оказалась ограбленной еще в древности, и грабители не только изыали оттуда наиболее ценные вещи, но во многом нарушили также общую картину захоронения.

Судя по всему, тело покойного гуннского шаньюя (?) спускали в камеру по дромосу на колеснице. То была легкая повозка явно китайского производства III—II вв. до н. э., то есть того типа, что бытовали в Поднебесной

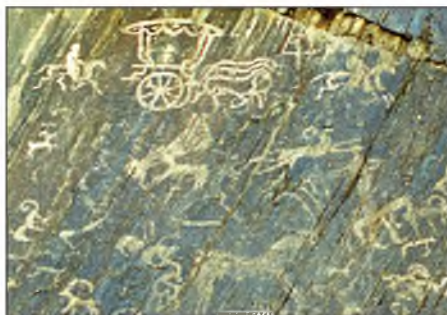

Рис. 16.23. Раскопанная в Китае древняя усыпальница высшего чиновника династии Цинь, конец III в. до н. э. [The Formation: 256]. Не может не броситься в глаза принципиальное сходство в конструкции погребальных сооружений в Ноин-Уле (рис. 16.21) и этой пышной могилы древнекитайской знатной персоны

империи во времена династий Цинь и Хань. Колесницы служили для передвижения лишь весьма знатных персон. Разнообразие их конструкций достаточно хорошо распознаваемо, благодаря многочисленным живописным, равно как и наскальным изображениям (рис. 16.24). Кроме того модели колесниц — выполненные в натуральную величину — были помещены в тот, пожалуй, самый фантастичный из ныне известных погребальный комплекс императора Цинь-ши-хуанди, которого, как мы знаем, охраняла целая армия терракотовых же воинов (рис. 16.25).

Гуннские погребальные сооружения знатных персон отличались от западных — скифских — не только своей конструкцией. Вряд ли вызовет сомнение вывод, что для мира скифских курганных громад самобытный подход к планам возведения могильных комплексов являлся достаточно очевидным. На востоке картина иная. Здесь китайскую имперскую доминанту легко угадать при анализе мно-

Рис. 16.24. Разновременные петроглифы на одной из многочисленных скальных стенок гор Монгольского Алтая. В верхней части скального панно отчетливо виден кортеж из запряженной тройкой лошадей колесницы китайского типа, которую сопровождает пара всадников. Наиболее вероятная датировка этого изображения — время Ханьской династии, когда практически вся Монголия находилась под властью Поднебесной империи (II в. до н. э. — II в. н. э.)

жества деталей их могильных конструкций. Гробниц здесь раскопано не так уж много, во всяком случае, в сопоставлениями со скифскими. Однако их структура, равно как и общие черты их облика вполне определенно повторяются. Вот например, сооружение для погребения весьма значимой персоны современника, возможно, даже придворного императора Цинь-ши-хуанди (рис. 16.23). Общий вид его усыпальницы чрезвычайно сходен с теми, в которых погребали свою знать степные кочевники гунны. Об этом же свидетельствует изрядное множество вещей китайского происхожде-

Рис. 16.25. Модели легкой и тяжелой колесниц; выполнены в натуральную величину, лошади — из терракоты, колесницы — из бронзы. Обнаружены в огромном могильном комплексе императора Цинь-ши-хуанди, конец III в. до н. э. [The Formation: 266, 267]

ния, из коковых, конечно же, наиболее ярким свидетельством таких связей может служить колесница в Ноин-Уле.

Немного удивляет другое — и здесь нам нужно вновь вернуться к высоте надмогильной насыпи. В Ханьском Китае были строго канонизированы нормы размеров этой насыпи. Скажем, надмогильный холм над склепом членов императорской фамилии не мог превышать 13 метров; у могил обычных чиновников насыпь должна была быть менее 5 метров и т. д. Высоту в 13 метров могли превышать лишь погребальные холмы над захоронениями императоров. Усыпальницы монархов начинали сооружать еще при их земном существовании. Поэтому, можно думать, что сам великий Цинь-ши-хуанди распорядился перекрыть собственную гробницу громадой 50-метрового холма, и это, кажется, самый крупный надмогильный холм из ныне известных в древнем Китае. На фоне этого как-то очень скромно выглядят курганные насыпи гуннских вождей. Трудно объяснить, по какой причине, старательно подражая китайским стандартам во многих деталях, они ограничивали себя в этом отношении. Ведь порой их победный натиск на Китай, особенно в раннюю пору Ханьской династии, был столь значим, что гуннские шаньюи могли бы, кажется, запечатлеть свою мощь и свои воинские успехи также в более величественных внешних деталях погребальных конструкций над собственными могилами.

Рис. 16.26. Терракотовая гвардия усопшего императора Цинь-ши-хуанди. Практически все фигуры этой почетной заупокойной охраны по своим размерам заметно превышали средний рост китайского мужчины тогдашней Поднебесной империи [The Formation: 265]

Так или иначе, но при завершении этого краткого раздела о гуннах восточной половины Степного пояса на память вновь приходят горестные восклицания жившего в более позднее время тюркского вождя Кюль-тегина относительно обольстительных речей и китайских деяний: «*Дав себя прельстить, ... ты, о тюркский народ, погиб...*». Наверное, вождь тюрок в этом был прав, — но ведь текст-то этот высекали сами китайцы на его каменной надмогильной стеле (рис. 7.1). Наверное, в немалой степени именно по этой причине и гунны также вскоре стали терпеть поражения от ханьских армий.

Мы достаточно много говорили о тактике китайских властителей по взаимодействию с номадами в финальных разделах главы 6 и Приложении 3. Мы приводили китайские тексты о необходимости обольщать вождей этих кочевников даже в случае побед над ними. Из долгой тысячелетней истории сложнейшего хоровода взаимоотношений с номадами китайские лидеры извлекли достаточно много уроков. Они давно уяснили себе, что даже после сокрушительных поражений силы кочевников способны стремительно возрождаться вновь и вновь. И тогда к властителям Поднебесной уже в который раз подступала необходимость усаживаться на становившуюся привычной, но весьма опасную и коварную карусель усмирения и умиротворения своих «диких» степных соседей. По всей видимости, такая тактика в какой-то мере отразилась и на материалах ноин-улинской усыпальницы гуннского вождя.

Север и Юг в трехвековых битвах

Во второй половине IV века нашей эры орды гуннов внезапно появляются на западе, уже в пределах, подвластных Восточной Римской империи. Истоки народа гуннов и его культуры — или же ряда родственных культур — безусловно, коренятся в восточной половине Степного пояса Евразии. Их отрыв от своих восточных корней и появление на столь отдаленных западных территориях — все это, без сомнения, явилось весьма заметным элементом одного из самых драматических и переломных периодов в истории громадного большинства культур и государств Евразийского континента — эпохи Великого переселения народов. Старт самого периода обыкновенно связывают с событиями IV века, а финальные стадии этих тяжелых и зачастую трагичных времен относят к VII и даже VIII столетиям. Для европейской историографии вполне традиционным является ставить акцент всех основных событий эпохи на крушении Римской империи под натиском северных, преимущественно германских или же готских народов.

Великое переселение народов, без сомнения, следует рассматривать на более широком — общеевразийском полотне: ведь стремительный и во многом взаимосвязанный слом культур протекал тогда от океана до океана.

Но не в четвертом, а пожалуй, еще в третьем столетии новой эры обозначилось резкое ослабление трех важнейших узловых центров огромного мира Южной Евразии: Римской империи на западе, Парфянской державы в центре и Ханьской империи на крайнем востоке континента.

В III столетии Рим испытал тяготы так называемых готских (или же «скифских») войн, сопряженных с пятью десятилетиями мало чем запомнившихся в истории Вечного Города поры быстро сменявшихся друг друга «солдатских императоров» (235—284 гг.). Деяния Диоклетиана (284—305 гг.) привели к замедлению процессов распада некогда могущественной системы, но вряд ли к их остановке. Скорее всего, Диоклетиан осознавал это сам и потому решил отказаться от короны римского властителя, удаляясь от трона в частную жизнь, чем поразил тогда многих. Константин I Великий (реально с 306, а формально с 323 по 337 гг.) внешне как будто бы сумел укрепить империю. Однако уже в 330 г. он перенес столицу из Рима в Византий на Босфоре, к которому вскоре пристанет имя Константинополя. С этого года и можно вести отсчет долгих лет Византии, хотя официально сама Римская империя и продолжала существовать в прежних рамках. Формальный распад империи на Западную и Восточную был декларирован в 395 г., а последний — свергнутый вождем северных варваров Одоакром — беспомощный император Ромул-Август вынужденно отрекся от трона в 476 г. На том и завершилась поразительная по величественной протяженности, по удивительному и неповторимому блеску история Рима.

На западной половине Евразийского материка основным соперником Рима являлось Парфянское царство. Однако в начале III века и к этой державе подступил тяжкий кризис. В 226 г. был убит последний монарх Парфии Артабан. На месте Парфии начало возводиться здание царства Сасанидов.

Китай: к концу II и началу III столетия великая и столь славная в китайской истории Ханьская империя слабеет. В 220 г. на ее месте формируются три враждующих между собой государства — Вэй, Шу и У (так называемая эпоха Троецарствия). Но под следующими одна за другой волнами кочевников эти три царства гибнут. Особую активность в этой агрессии проявляют северные номады — хорошо знакомые нам гунны, а с более восточных рубежей — из Манчжурии — племена сяньби. Этот мрачный для истории Китая период был назван «Эпохой 16 варварских государств». Все варварские претендующие на статус государств новообразования непременно получали, однако, китайские наименования. В их протяженном ряду гуннам принадлежали четыре государства: Северное Хань, Раннее Чжоу, Северное Лян и Ся. Весьма недолговечный хронологический отрезок, в который успели уложиться все четыре «гунно-китайских» объединения, ограничивался 127 годами (304—431 гг.). Нетрудно заключить, что история каждого из них была весьма скоротечной.

Кажется безусловным, что в эпоху Великого переселения народов роль кочевников на евразийских просторах возрастает чрезвычайно. Воинственные племена Степного пояса, не сдерживаемые более жесткой уздой военной мощи южных империй, резко активизируются. Теперь удары кочевников по их исконным и явно слабеющим противникам отличаются особой результативностью. Вообще же, иногда к наименованию «эпоха Великого переселения» резонно добавлять весьма существенную приставку — «война Севера и Юга». Действительно, от крайнего востока Евразии вплоть до приатлантического фланга Европейского субконтинента с III по V столетия кипели ожесточенные битвы. Инициатива агрессии шла с севера. На всем 8-тысячекилометровом протяжении Степного пояса эту роль брали на себя кочевые сообщества. Европа также сотрясалась от агрессивной энергии хлынувших с северных окраин этого субконтинента варваров, правда сильно отличавшихся всем строем своей жизни от степных кочевников.

Не следует думать, однако, что северные агрессоры устремлялись на южные цивилизации в полном согласии друг с другом, как, скажем, добрые союзники. Увы, кровавых сражений между этими «союзниками» было очень и очень немало. Просто автор желал бы здесь подчеркнуть, что основные стрелы северных «варваров» были устремлены, конечно же, на юг. И победа в тогдашней трехвековой битве оказалась на их стороне: фактически все южные цивилизации подверглись полному разорению.

В запутанном клубке этой кровавой картины хотелось бы привлечь внимание еще к одному любопытному сюжету: встрече восточных кочевников с северными варварами — готами Европейского субконтинента. И об этом мы поведем речь в следующем разделе данной главы.

Гунны на западе

До второй половины IV века государства Средиземноморья не вполне отчетливо представляли себе характер, мощь и силу конных воинов Степного пояса. Евразийские степи с тамошними вечными, страшными для истинных европейцев, номадами граничили лишь своим узким западным флангом. Почти все силы Рима в Европе в это время были брошены на борьбу с наседающей с севера варварской окраиной. Но вот совершенно внезапно во второй половине IV столетия с востока в Подунавье, в области Фракии и Мёзии, вторгаются конные орды наводящих жуть человекоподобных существ. Римский историк Аммиан Марцеллин писал, что *«члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставят на краях мостов. При столь диком безобразии человеческого облика,*

Рис. 16.27. Победоносные гунны на полях сражений в Европе. Цветная гравировка на дереве, XIX в. [Chronik: 218]

они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть» [Аммиан Марцеллин XXXI—1].

И кроме всего выясняется, что с ними крайне трудно бороться — они почти непобедимы, устрашающе жестоки и коварны.

При виде этих чудищ в головах цивилизованных обитателей империи начинают всплывать воспоминания о сравнительно недавних и весьма странных находках в Константинополе каменных плит с высеченными на них мрачными пророчествами:

*Но когда влажные Нимфы по граду закружатся в пляске,
В резвом веселье вдоль улиц несясь хорошо укрепленных.
И когда стены со стоном оградой станут купанья:
В эту годину толпа несметная бранных народов,
Силой прошедши Дуная прекрасно текущего волны,
Скифов обширную область и землю мизинцев погубит.
В дерзком и диком порыве вступивши в страну неонийцев,
Там же и жизни конец обретет и жестокою гибель.*

[Аммиан Марцеллин XXXI—1, 5].

Оторвавшись от своей исторической прародины тюркоязычные гунны преодолели тот путь с далекого востока, по которому спустя восемь столетий пронесутся орды наследников Чингис-хана. Они преодолели эти необъятные просторы, скорее всего, столь же стремительно, однако никакими сведе-

Рис. 16.28. Аттила побивает в Италии символы западной цивилизации. Фреска Э. Делакруа, около 1840 г. [Wikipedia]

ниями об этом броске на запад мы не располагаем. Восточно-римские (византийские) источники говорят только, что они победили сарматов, или же аланов, после чего вышли к Дунаю.

Нашествие гуннов на Европу и их неистовства на пространствах между Подунавьем и Галлией длились не более 80—90 лет. Для европейцев эти гуннские страсти сфокусировались, пожалуй, на единственной персоне — их легендарном вожде Аттиле. Имя первого гуннского предводителя, о котором упоминают византийские источники, было Руа (или Руя). После его смерти власть над гуннскими ордами перешла к двум братьям — Аттиле и Бледе. Однако вскоре Аттила прикончил своего брата и сосредоточил всю власть в собственных руках.

Труды трех основных авторов обыкновенно используют историки для воссоздания картины гуннских завоеваний в Европе: Аммиана Марцеллина, Приска Панийского и Иордана. Марцеллин, по рождению грек, жил в IV веке и был, пожалуй, последним из крупных римских историков, написавших «Римскую историю» или же «Деяния в 31 книге». Именно в последней, XXXI-ой книге и сосредоточены все важнейшие сведения об известных ему номадах, и в частности, о деяниях гуннов (еще до Аттилы). Именно в его сочинении мы можем, пожалуй, найти самые жесткие оценки гуннов — этих пугающих свет человекоподобных чудовищ.

Приск Панийский — это дипломат историк и писатель V столетия, который в 448 году был направлен в стан гуннского вождя для переговоров с этой жуткой для византийцев фигурой. По ходу своей миссии Приск вел подробный дневник, который и лег в основу его сочинения «Византийская история и деяния Аттилы». К сожалению, этот труд до нашего времени не сохранился, и потому историки пользуются цитированием обширных выдер-

жек из этой книги у иных древних авторов. В его произведении гунны уже не выглядят чудищами. Это довольно обыкновенные, хотя и весьма чуждые для исконных европейцев по своему облику и нравам люди.

И наконец, Иордан — уже готский историк, автор крупного сочинения под названием «Getica» (в русском переводе — «О происхождении и деяниях гетов»), которое он завершил 551 г. В основном он ведет речь о народах эпохи Великого переселения, по преимуществу о гетах (готах). Однако много разделов в этом труде автор, цитируя нередко Приска, отвел и Аттиле, вплоть до его нелепо-постыдной смерти и последовавшего вслед за кончиной вождя исчезновения гуннов с европейских пространств. Сам Иордан жил и творил уже тогда, когда от основных связанных с гуннским нашествием деяний его отделял почти столетний отрезок времени. Вполне возможно, что по этой причине стиль его изложения заметно отличался от творений как Аммиана Марцеллина, так и Приска.

Следуя принятой в настоящей книге традиции, мы и в данной главе предпочтем не пересказывать тексты древних авторов своими словами, но предоставим им слово в Приложении 7. Здесь же я ограничусь приведением лишь небольших отрывков из разных авторов, чтобы текст настоящего раздела звучал более внятно. Сосредоточим свое внимание, прежде всего, на легендарной фигуре Аттилы и некоторых эпизодах из его жизни.

Начнем с характеристики гуннского лидера у Иордана; только учтем, что гунны у Иордана и у других писателей и историков могут нередко именоваться скифами, поскольку все степняки зачастую принимались ими за столь привычных для грекоязычных авторов скифов:

«Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи] он являл все признаки своего происхождения. Хотя он по природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес

его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах».

У встречавшегося с Аттилой во время своего посольства Приска характеристика вождя иная, как бы более приземленная. Весь состав посольства однажды был приглашен к Аттиле на обед, и когда расселись, то:

«Первым вошел слуга Аттилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним служившие гостям поставили на столы хлеб и закуски. Для прочих варваров и для нас были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-либо другим ценным».

Чаще всего считают, что после знаменитой битвы на Каталаунских полях (это современная Шампань во Франции) судьба Аттилы и гуннских пришельцев в Европе была решена. Но это далеко не так. Действительно, Аттила ту битву проиграл, но не позволил врагам — везеготам окончательно его добить. Готам же победа далась с великим трудом; их король Теодорид погиб в сражении, а его наследники сразу же ускакали с поля победы, чтобы никто не посмел и не успел захватить опустевший трон после гибели монарха. Аттила же вернулся на север Апеннин *«... истребляя с яростью... чуть ли не всю Италию»*. В какой то момент прокатился слух, что он намерен направить все свое воинство на Рим. И тогда, по сведениям Иордана, *«с мирными предложениями... пришел к нему сам папа Лев на Амбурейское*

Рис. 16.29. Пир у Аттилы. Художник Мор Тан. 1870 г. Картина написана по мотивам текста Приска Панийского. Сам Приск изображен в белой одежде в первой части картины с книгой ΙΣΤΩΡΙΑ в руках [Wikipedia]. Однако картина шире, чем описание обеда у самого Приска

Рис. 16.30. Римский Папа Лев I Великий прибывает в 452 г. в лагерь Агиллы, чтобы отговорить его от похода на Рим. Фреска Рафаэля 1513 г. [Wikipedia]. Любопытно, что в отличие от Понтифика, фигура Агиллы трудно различима в густой толпе

поле в провинции Венетий... Агилла прекратил тогда буйство своего войска и, повернув туда, откуда пришел, пустился в путь за Данубий».

Кончина Агиллы весьма слабо гармонировала с его образом мирового властителя. Конец его жизни застиг легендарного вождя не на поле битвы, не в жестокой и героической схватке с врагом, но в постели своей молодой наложницы, а может и новой жены, о чем опять же повествует Иордан:

«Ко времени своей кончины он, как передает историк Приск, взял себе в супруги — после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, — девушку замечательной красоты по имени Ильдикю. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю. На следующий день, когда миновала уже большая его часть, королевские прислужники, подозревая что-то печальное, после самого громкого зова взламывают двери и обнаруживают Агиллу, умершего без какого бы то ни было ранения, но от изливания крови, а также плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом».

А вот как хоронили Агиллу:

«Среди степей в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги... «Великий король гуннов Агилла, рожденный от отца своего Мундука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира... И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от

вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли... Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмицению?» Ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в три гроба — первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они, почему все это подобает могущественнейшему королю: железо — потому что он покорил племена, золото и серебро — потому что он принял орнат (?) обеих империй. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения, каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно, таким образом, вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного».

Вас не удивляет, как соплеменники воспевают его смерть: *«не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли»?*

Впрочем, как это весьма часто бывает, его близкие немедленно сцепились между собой, и почти немедленно гунны исчезли с европейских полей. Однако о них, и в первую голову об Аттиле, в Европе осталась очень долгая память, сохранившаяся вплоть до наших дней.

Для археологов, конечно же, особенно интересным является, похоронный обряд вождя (опять-таки в изложении Иордана). По описанию историка, он был таким пышным! Но вот беда: в археологической реальности западные гунны не отразились никак или же почти никак! Едва ли не все, что нам известно об этом воинственном народе, доступно лишь в свидетельствах трех этих столь часто цитированных выше авторов. Пусть не постоянные поселения, которых у них могло и не быть, — но где-то должны были бы сохраниться их погребения. Ведь погибших гуннов в ходе бесконечных битв было, наверное, изрядное число... Но тщетно! Как и в случае с могилой Чингис-хана, любители ищут описанное Иорданом место захоронения Аттилы. Но тщетно... Археология молчит.

И вновь мы вынуждены объяснять ситуацию, обращаясь к «монгольскому синдрому». Если бы не было письменных источников, что бы мы знали о гуннах, об их вожде Аттиле? Гунны преподнесли нам урок монгольского синдрома на восемь столетий раньше чингизовых завоеваний. Здесь же — в данной главе — мы не в состоянии даже привести сколько-нибудь запоминающихся примеров хотя бы материальной культуры этих пришельцев. Их нет, и не может не поражать удивительный контраст с проявлениями культуры скифского мира или же древнекитайской. По этой причине мы и вынуждены иллюстрировать в настоящем разделе гуннское пребывание

в Европе через творения художников, живших на тысячу и даже более лет позднее Аттилы.

В памяти европейских народов образ гуннов и Аттилы сохранился на долгие столетия. Его изображал в XVI веке Рафаэль, а почти четырьмя столетиями позднее — Делакруа (рис. 16.28 и 16.30). Гунны очень долго служили нарицательным образом для всех агрессивных монстров. Во время Первой Мировой войны образованная публика на Британских островах гуннами окрестила развязавших войну агрессоров-германцев.

Краткий эпилог второй части книги

В заключительной главе мы вплотную приблизились к тем разделам, с которых начиналось наше изложение о судьбах и феномене степных народов. Свое сочинение Иордан завершил в 551 году. Через 71 год в далекой Аравии из Мекки в Медину бежал Мухаммед, объявленный вскоре арабами пророком Аллаха. Вслед за этим стремительно входило в силу распространение канонов новой религии. В Европе уже к эпохе Великого переселения народов шаг за шагом набирало неодолимую там мощь христианство, распространяясь вширь и уничтожая по ходу языческие «ереси». Начинается эпоха Средневековья.

Эту эпоху и сам термин «Средневековье» не принимают китайские историки, подчеркивая самобытный путь развития их половины Евразийского континента. После тягостных для китайского самосознания эпох «16 варварских государств», а затем и «династий Юга и Севера» в финале VI века формируется недолговечное государство Суй. Затем, наконец, ей на смену приходит могучая империя Тан. О впечатляющих успехах этой державы мы упоминали еще в первой части книги, когда заходила речь о знаменитой Таласской битве китайцев с арабами, произошедшей в 751 году в долине Северного Тянь-Шаня.

В VIII и IX столетиях европейские народы понемногу приходят в себя от жарких и беспорядочных схваток Эпохи Великого переселения. На Европейском субконтиненте начинают складываться новые государства и формироваться современные этносы.

Пожалуй, для русскоязычных читателей наибольший интерес может представить появление древнерусского этноса и древнерусских княжеств на самом западном краю Степного пояса — этого домена бесконечных кочевых сообществ. С тех пор более чем тысячелетняя культура Древней Руси, а потом и России окажется тесно связанной и во многом обусловленной ее взаимодействием со степными номадами и их наследниками. Об этом и пойдет речь в заключительной, третьей части нашей книги.

Часть третья

**РУСЬ, РОССИЯ
И СТЕПНОЙ ПОЯС**

ПРОЛОГ-3

От древности к современности

Вновь о любопытной взаимосвязи истории с археологией

Третья часть книги снова возвращает нас от весьма широких в пространственно-хронологическом отношении археологических полотен к картинам историческим и — в данном случае — уже гораздо более узким. Как и в первой части нашей книги, заключительные главы будут вновь опираться по преимуществу на исторические источники. Археологические же источники окажутся здесь сдвинуты даже не на второй план: о них мы будем, конечно, вспоминать но изредка. Такое перераспределение ролей продиктовано тем, что основные сюжеты окажутся связанными с политическими аспектами российской истории, и в этом отношении археология никакой весомой конкуренции историческим хроникам — тем более приближенным к нашему времени — составить, естественно, не может.

В главах заключительной части, как и в двух предшествующих, я предпочту цитировать либо первичную (изначальную) документацию (летописи, хроники, письма), либо предоставлять слово тем авторам, которые, по моему мнению, наиболее выразительно сумели изложить на бумаге характер тех или иных отдаленных от нас событий или же общественных представлений. Вполне понятно также, что другому исследователю могут показаться более привлекательными соображения уже иных авторов и с иными оценками.

Вводные замечания к Прологу-3 преследуют, однако, цель несколько иную. Напомню, что в Прологе-2 мы говорили о весьма высоком уровне различий в возможностях дешифровки исторической реальности на базе исторических источников, с одной стороны, и археологических — с другой. Здесь же следовало бы остановить внимание читателя на динамике развития обеих наук. Это представляется важным, хотя бы в относительно частном приложении этой проблемы к расшифровке истории Руси в ее долговременном взаимодействии с культурами Степного пояса.

Рис. Про.3.1. Николай Михайлович Карамзин

Получилось так, что практически все основные исторические документы, откуда были извлечены сведения относительно древнейших этапов истории Руси, — летописи, хроники и иные — стали известны довольно узкому кругу образованных россиян к концу XVIII или же к самому началу XIX веков. В первой четверти XIX столетия их активно использовал Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) в своей 12-томной «Истории Государства Российского», увидевшей свет в 1816—1829 годах. Безусловно, его труд стал первой и весьма ценной системной публикацией по отечественной истории.

Вскоре, спустя всего два с небольшим десятилетия, появились первые выпуски 29-томной, и к сожалению, оставшейся незавершенной автором, «Истории России с древнейших времен». Она принадлежала перу нашего выдающегося историка Сергея Михайловича Соловьева (1820—1879). «История» же Карамзина послужила истинным импульсом всего его творчества: «...до тринадцати лет, т. е. до поступления в гимназию я прочел ее не менее двенадцати раз».

Однако мы были бы неправы, не упомянув здесь о, пожалуй, наиболее ярком предшественнике как Карамзина, так и Соловьева — Федоре Ивановиче Миллере (1705—1783), а в исходном немецком варианте Герарде Фридрихе Мюллере. Двадцатилетним студентом он прибыл в Санкт-Петербург из Вестфалии и к 26 годам заслужил звание профессора. С 1733 по 1744 год Миллер работал в так называемой «Второй Камчатской экспедиции». До Камчатки он не добрался, но зато ему удалось объехать большое число городов и городков Сибири, где он и собрал поистине уникальный архив записей. Все это позволило Миллеру создать и опубликовать фундаментальный труд (рис. Про.3.3) по истории «Сибирского царства». В истории российской науки он также весьма знаменит своим смело высказанным предположением о норманно-варяжском происхождении российской государственности, а также оставленными им 258 «портфелями Миллера», в которых были сосредоточены его бесчисленные выписки из множества архивных документов.

Мы возвращаемся вновь к творчеству С. М. Соловьева, поскольку чаще всего в дальнейшем мы будем цитировать отрывки из его «Истории». Само

это удивительное произведение, многолетнюю публикацию которой он начал спустя всего два с небольшим десятилетия после карамзинской, оказалась уже весьма несходной со своим карамзинским «первоисточником». «История» весьма заметно отличалась от предшествующей как по характеру и основному содержанию, так и по стилю изложения. Труд Соловьева предстает поистине феноменальным по той поразительно неохватной и разнообразной массе исторической документации, которую удалось привлечь историку. Все его 29 томов насыщены выдержками из летописей, хроник, писем, государственных документов... Вряд ли я ошибусь заявив, что и донныне никто из историков не смог превзойти Соловьева в этом отношении. Поэтому обращаясь к более поздним произведениям по отечественной истории, ловишь себя на невольно возникающей мысли, что новых открытий в сфере документации не появилось; что источниковедческая база по ранней российской истории уже вся полностью известна и вряд ли в этом отношении стоит ожидать чего-то принципиально нового.

Рис. Про.3.2. Сергей Михайлович Соловьев

ОПИСАНИЕ СИБИРСКАГО ЦАРСТВА

и всѣхъ
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ НЕМЪ ДѢЛЪ,
отъ начала
а особливо отъ покорения его
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВѢ
по сии времена;

сочиненъ
ГЕРАЛДОМЪ ФРИДЕРИКОМЪ МИЛЛЕРОМЪ,
Историкомъ и Профессоромъ Учености,
Академикомъ Импер. и Императриц.
Академическаго Ученств.
КНИГА ПЕРВАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Иудей 1750. года.

Рис. Про.3.3. Обложка книги Г. Ф. Миллера «Описание Сибирского царства», изданная Санкт-Петербургской Академией наук в 1750 году. Портретов Миллера, кажется, не сохранилось; здесь мы воспроизводим лишь его профиль [Wikipedia]

Именно поэтому историки последующих десятилетий все свои усилия сосредоточили не на бесперспективных поисках новых источников, но на истолковании исторических событий, опираясь на все те же — уже очень давно известные специалистам летописи, хроники, переписку... В скобках заметим, что находки довольно многочисленных берестяных грамот, к примеру, в Новгороде не меняют нашего заключения: все они касаются бытовых подробностей, но не политических аспектов тогдашней жизни.

Яростные споры и ожесточенные диспуты весьма долгие годы ведутся, скажем, по вопросу: так откуда же все-таки пошла Русская земля (хотя бы в смысле ее наименования)? Было ли это обусловлено названием какого-то варяжского племени из числа приглашенных славянами, что согласно с текстом «Повести временных лет»? Или же это исконно русское имя, к примеру, от речки Рось? А также что: «Слово о полку Игореве» — это истинное творение XII века? Или же это имитация XVIII века, принадлежащая, скажем, архимандриту Иоилу Быковскому? А как все-таки следует оценивать личность Ивана Грозного — в образе кровавого деспота-параноика или же облаченного в белые одежды бесстрашного рыцаря в борьбе с гнусным боярством за обновление и единение Руси?

В советское время всем историкам было велено распределять культуры и сообщества в согласии с марксистско-ленинской «пятичленкой», с концепцией в духе исторического материализма. Тогда был обозначен генеральный путь постепенного восхождения человечества от первобытно-общинного строя через отвратительные рабовладельческий строй, феодализм и капитализм к светлым вершинам социализма и коммунизма. Подобные, кажущиеся ныне диковинными, инновации ни к чему, однако, не привели. И в те годы все, как и в старину, по-прежнему опирались на тексты летописей, хроник и прочих документов, не забывая, правда, обязательно поминать про гениальные провидения «основоположников» нового абсолютного учения о судьбах человечества.

Теперь об археологии. Может ли кто-нибудь представить себе, что источниковедческая основа археологической науки оказалась исчерпанной, скажем лет 200 назад? Совершенно ясно — нет. Ведь даже о такой науке как археология в те отдаленные годы было невозможно говорить — во всяком случае, на пространствах России. Понятно, что не должно возводить до уровня системной науки те относительно редкие находки древних вещей с необъятных пространств Российской империи, ради которых Петр Великий, к примеру, организовал в Петербурге свою знаменитую Кунсткамеру.

Археология как наука — естественно, в современном понимании этого термина — начала оформляться в России лишь в XIX столетии. С тех пор и по сей день ее важнейшей задачей является извлечение из земли все новых и новых древностей и их осмысление. Причем вал этих находок нарастает

тает год от года, и процесс этот не затухает поныне. Зачастую, накрываемые этими валами археологических источников, специалисты не успевают качественно осмыслить значение и роль вновь добываемой документации.

В археологии в последние пять десятилетий появился еще один принципиально новый источник информации. В арсенал ее исследовательских приемов властно вторглись методы различных естественных и технических наук — физико-химических, биологических, геолого-минералогических и прочих. В этом отношении ни одна из наук гуманитарного цикла не в состоянии сравниться с археологией. Порой результаты комплексных изысканий на базе этих методов оказываются столь существенными, что заставляют переиначивать основы сложившейся издавна традиционной парадигмы этой науки.

Во второй части книги, в которой все изложение исторических процессов строилось на основе археологических источников, автор не мог себе позволить излагать те заключения, что были сформулированы и предложены в этой науке даже десять или же, скажем, двадцать лет назад. В крайнем случае, все те выводы общего порядка, что были сделаны в более ранние годы, должны были найти свое подтверждение в изысканиях археологов разных стран, состоявшихся в последние два десятка лет. В противном случае — я уверен — мои коллеги могли бы встретить такие устаревшие страницы вполне недвусмысленной усмешкой. Я мог описывать и описывал во второй части книги результаты раскопок, имевших место еще в конце XIX века, но их интерпретация всегда обязана была соответствовать современному состоянию археологической науки.

В истории меня ожидала несравненно бо́льшая свобода. Читатели убедятся, что я с охотой и очень часто буду предоставлять слово С. М. Соловьеву, хотя труд его и создавался примерно полтора столетия назад. Я попросту не смог найти в позднейших известных мне произведениях ничего более выразительного (может быть, плохо искал?). Конечно, автор настоящей книги — археолог, и его могут упрекнуть в пристрастии к близкой и «родной» ему науке. Только вряд ли я смогу согласиться с подобным упреком, если он вдруг прозвучит. Ведь не от автора же зависит динамика сложения обеих наук и их основной характер.

Тем не менее в последующих разделах Пролога-3 и дальнейших главах книги я перейду к изложению собственных взглядов на сформулированные задачи, ориентируясь, как уже говорилось, по преимуществу на источники исторические.

Скверная экология, скверные соседи

В настоящее время по отношению прародины славян в кругах специалистов чаще всего звучит мнение, что она то ли в конце I тыс. до н.э., то

ли в самом начале I тыс. уже новой эры локализовалась по преимуществу в обширной области Дунайского бассейна, а также прямо или косвенно связанных с этим бассейном рек южного и северного склонов Карпат. Из упомянутой области наиболее активные славянские группы двинулись на восток и на северо-восток. Эти же — ставшие именоваться позднее восточными славянами — мигранты и породили тот знаменитый этнос, который получил позднее имя — *русский*. Подобные взгляды в немалой степени отражают текст, может быть, самой почитаемой и древнейшей в российской истории летописи — «Повесть временных лет»:

«Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовиане, иные — поморяне.

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие - древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской» (см. перевод Д. С. Лихачева [Повесть]).

Пусть не покажется странным, что позднейшим исследователям каким-то образом удалось догадаться, что поспешившие на восток Европы славяне не вполне удачно выбрали места своего нового расселения. Так, например, в середине XIX века С. М. Соловьев начинал свой 29-томный труд такими словами:

«Однообразна природа Великой восточной равнины, не поразит она путешественника чудесами... Составляя восточную часть Европы, отличающаяся климатом суровым, представляя на юго-востоке степь, населенную кочевыми племенами, сменявшими друг друга в постоянном стремлении из Азии, на северо-западе — страну, покрытую девственными лесами, наполненную реками, озерами, болотами, среди которых кое-где блуждали орды звероловов, Великая равнина не могла получить скоро многочисленного народонаселения... На огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких

переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения» [Соловьев, том 1: 56—59].

Однако гораздо худшим на фоне этой унылой экологии оказалось для русских окружение — скверные соседи, особенно с юга, со стороны степи:

«Русское государство основалось в той стране, которая до него не знала истории, в стране, где господствовали дикие кочевые орды, в стране, которая служила широкою открытою дорогой для бичей Божиих, для диких народов Средней Азии, стремившихся на опустошение Европы. Основанное в такой стране, русское государство изначала осуждалось на постоянную черную работу, на постоянную тяжкую изнурительную борьбу с жителями степей. Вскоре после основания государства четвертый русский князь, самый храбрый, погибает от кочевых хищников, из черепа Святославова пьет вино печенежский князь, и только в конце XVII века, в конце нашей древней истории, русское государство успело выговорить освобождение от посылки постоянных обязательных даров крымскому хану, т. е. попросту дани...

...Долгое время все внимание русского человека было обращено на Восток, к миру степных, хищных варваров, народов кочевых, нехристианских, стоявших на низшей ступени развития, чем народ русский. Русский человек сознал свое резкое отличие от этих народов и, находясь в том возрасте, когда преобладает чувство, сознал свое резкое отличие от степного варвара в религии; не русский и татарин, но христианин и бусурманин, или поганый, вот какие представления были наперед; здесь прошла резкая нравственная граница между русской народностью и азиатским миром» [Соловьев, Публичные чтения: 18, 19, 27].

В этих звонких пассажах было, пожалуй, заложено то оправдание отсталости российского общества — отсталости той, что по своей сути была предопределена скверной экологией и «дикими» соседями. Такое объяснение в последующие периоды нашей истории и станет воистину базовым. Такое оправдание будет звучать постоянно, в разные годы из уст и писаний самых различных по политической ориентации авторов. Объяснение это вошло, к примеру, даже в изданные еще до Октябрьской революции учебные руководства типа, скажем, «Истории русской словесности»:

«Сравнительно с другими родственными племенами, русский народ был поставлен в гораздо менее благоприятные условия культурного развития. Жизнь на открытой со всех сторон равнине делала его постоянной жертвой азиатских кочевников; отдаленность от морей и наиболее просвещенных центров Европы задерживала рост материального благосостояния,

образования и государственности; жизнь о-бок с хищными кочевниками и среди полудиких финнов отвлекала слишком много народных сил и понижала культурный уровень; борьба за существование осложнялась суровым климатом севера, разбросанностью и разобщенностью населения, сравнительно бедностью природы» [Саводник: 139].

Еще позднее, уже в советское время самым расхожим объяснением отсталости царской России от западных стран служило выражение «триста лет татаро-монгольского ига». Тяжкое ярмо оказалось столь невыносимым, что отставание от «передовых народов» сказывалось вплоть до XX века. Лишь только сравнительно недавно, в «Краткой истории СССР» срок ига был «сокращен» до 240 лет [Краткая история: 63].

Вообще-то в высказываниях С. М. Соловьева, как и в приведенном выше расхожем объяснении советского времени таятся два трудно объяснимых противоречия. Ну, скажем, у историка фраза «*одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения*» абсолютно не согласуется с весьма длительным периодом феодальной раздробленности Древней Руси. Ведь хрестоматийно известно, что русские князья в течение многих столетий не могли выбраться из клоаки кровавых споров и междоусобиц. Также хорошо известно, что факт этих бесконечных драк служил для историков дежурным аргументом при объяснении стремительного поражения Руси от монголов в XIII веке.

Весьма нередко победу на Куликовском поле в 1380 году стремились утвердить в качестве реальной даты свержения ненавистного ига. Однако параллельно с таким стремлением в исторических установках нашей литературы бытовал непреложный факт «трехсотлетнего ига», то есть до времени Ивана Грозного, или же XVI века. Как можно объяснить все это?

Действительно, вся более чем тысячелетняя протяженность истории русского этноса густо окрашена сложными, зачастую весьма кровавыми взаимоотношениями с культурами кочевых скотоводов Степного пояса. Но при сравнении с другими странами удивить этим довольно трудно. Ведь мы знаем, что, к примеру, китайские государства находились никак не менее трех тысячелетий в подобных и, думается, никак не менее тяжелых контактах со степняками-номадами. Те разъяснения, о которых только что шла речь, звучат, конечно же, как-то весьма узко и ограниченно. Следует, наверное, попытаться рассмотреть эти проблемы на более широких историческом и пространственном полотнах.

ГЛАВА 17

От аваров до Ивана Грозного

Наверное, многих читателей может смутить тот крайне протяженный хронологический охват — целое тысячелетие, — который предлагает эта относительно краткая глава. Однако объяснение звучит достаточно просто: вряд ли имеет смысл ставить перед собой цель изложения всех насыщенных весьма разнообразными событиями тысячи лет Древней Руси и России. Ведь подробное описание этих долгих столетий содержится в сотнях книг разного калибра, качества и исследовательского уровня, а также в поистине бесчисленном количестве статей и заметок. Их популярное отражение можно найти даже в пособиях для начальной школы.

В первых разделах настоящей главы мы последуем за хронологической канвой древнейшей на Руси и, пожалуй, самой знаменитой летописи российской истории — «Повести временных лет», сопровождая ее достаточно короткими выдержками из основного текста и необходимыми, но также краткими комментариями

Авары, хазары, печенеги

Вслед за западными гуннами, характеристикой которых мы завершали вторую часть книги, в VI веке на земли Северного Причерноморья навалились *авары*, или же «*обры*», как их именует летопись.

«Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли белые угры и заселили землю Славянскую. Угры эти появились при царе Ираклии, и они воевали с Хосровом, персидским царем. В те времена существовали и обры, воевали они против царя Ираклия и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: бывало, когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жесн и везти его — обрина, — и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни

Рис. 17.1. Нестор-летописец. Традиционно историки и лингвисты относят его к числу самых почитаемых авторов «Повести временных лет». Скульптура П. Антокольского

одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньне: “Погибли, как обры”, — их же нет ни племени, ни потомства. После обров пришли печенеги, а затем прошли черные угры мимо Киева, но было это после — уже при Олеге»¹.

Кочевья аваров появились в степях Причерноморья прежде восточнославянских племен: сведения о славянах Поднепровья ранее VIII—IX столетий туманны и мало надежны. Гораздо чаще обров в «Повести» упоминаются тюркоязычные *печенеги*, что очевидно уже из приведенного выше отрывка. Печенеги прибыли в эти края позднее аваров, кочевали здесь с IX по XI вв., и у славян от этих кочевников сохранились мало приятные впечатления. На крайней западной половине Степного пояса народ кочевых печенегов был не одинок: здесь пасли свои стада и иные группы тюркоязычных степняков.

В истории более знатными и, разумеется, более могущественными в сравнении с печенегами являлись, конечно же, *хазары*. Многие исследователи полагают, что первоначально хазары представляли крайний западный фланг необъятного Тюркского каганата, раскинувшего свое влияние от Китая до Византии. Во всяком случае, тюркские конные отряды в 570—580 гг. появились в Крыму, атакуя византийские поселения и крепости. Однако уже в 603 г. этот рыхлый гигант распался на враждующие между собой Восточный и Западный каганаты. О тюрках Восточного каганата мы упоминали ранее в связи с их вождями Бильге-каганом и Кюль-тегином, оставивших о себе память в степях центральной Монголии (см. главу 7). Примерно к 745 г. завершил свою историю и Западный каганат, распространявший свое влияние на всю западную половину Степного пояса. В ведении собственно Хазарского каганата находились степные земли от Северного Причерноморья вплоть до Северного Прикаспия, охватывая бассейны рек Кубани и Терека в Предкавказье, а также Днепра, Дона, Волги и Урала. О хазарах в «Повести» появляется краткая запись:

¹ Все отрывки из «Повести временных лет» в настоящей главе даются в переводе Д. С. Лихачева. См. [Повесть].

«По прошествии времени... стали притеснять поляны древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посоветовавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы»».

Некоторые хазарские кланы вели полукочевую жизнь. Свидетельством этого служат руины некоторых поселений-крепостей. Самым известным из них является Саркел. Русский князь Святослав в 965 г. разгромил хазар и захватил эту крепостицу (уничжительный суффикс здесь появился по той причине, что размеры ее были очень невелики — всего около

2,5 гектаров). После победы русского князя ее принялись именовать Белой Вежей, но и в этом качестве она просуществовала недолго.

В бесконечном калейдоскопе кочевых племен, по всей вероятности, самым примечательным признаком канувшего в вечность хазарского народа являлось принятие близ середины VIII в. его социальной верхушкой иудаизма. Случай, безусловно, крайне редкий (если не единичный) в мировой истории: ведь обыкновенно за пределы еврейских общин иудейская религия не распространялась и уж, тем более, никогда — тем более после римского разгрома Иудеи — не поднималась до высот государственной власти. Это удивляло настолько, что в середине X столетия один из придворных и приближенных к властителю Кордовского халифата, еврей по национальности, Хасдай ибн-Шафрут отправил в удивительную от Кордовы даль — в каспийско-черноморские степи — хазарскому кагану Иосифу письмо с вопросами: что же это такое Хазария? Передача письма оказалась задачей невероятно трудной, хотя в конечном итоге послание и достигло своего адресата. Иудаизм у хазаров являлся объектом множества рассуждений и спекуляций (об этом, кстати, краткая речь велась в Приложении 1 при обсуждении взглядов Л. Н. Гумилева).

Долгая борьба с хазарами уподобляется в «Повести» одному из главных событий древнейшей истории еврейского народа, когда Моисей увел свой

Рис. 17.2. Хазарский всадник ведет пленника. Реконструкция Н. Финкельштейна [Wikipedia]

народ из египетского плена, что приравнивалось комментаторами к победе. Похожей кажется летописцам и история с этими степняками.

«Так же и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день».

При этом, конечно же, почти непременно едва ли не у каждого должны всплыть в памяти строки А. С. Пушкина: *«Как ныне собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам // Их села и нивы за буйный набег // обрек он мечам и пожарам».*

Заметим, однако, что «вещий» (то есть мудрый) князь Олег, «прибивший свой щит на ворота Царьграда», если исходить из текста «Повести», особых хлопот хазарам не доставлял. Его стрелы были направлены по преимуществу в сторону соседних, родственных по языку славянских племен, а также Византии. Разгром хазар пришелся на долю киевского князя Святослава, но это случилось уже существенно позднее:

«В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял».

Но мы вернемся на столетие назад — к Рюрику и Олегу. Годом 862-м в «Повести» отмечен, пожалуй, один из самых примечательных, вызывающий донныне яростные дискуссии отрывок:

«В год 6370 (862). Изгнали [славяне] варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Пошщем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами»... И от тех варягов прозвалась Русская земля».

С этих пор и начинается многовековая история восточнославянских народов, объединенных именем Русь. Отсюда восходят истоки первой русской династии Рюриковичей.

«Вещий» Олег стал вторым после легендарного Рюрика князем новой династии. Многие же и донныне почитают Олега истинным основателем древнерусского государства.

«В год 6387 (879). Умер Рюрик и передал княжение свое Олегу — родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал».

По всей вероятности, в ходе бесчисленных боев и стычек со степными отрядами древнерусское военное дело не могло не испытать воздействия тактических приемов и уловок кочевников. Это можно заметить хотя бы по

Рис. 17.3. Князь Олег наблюдает, как его воины прибивают щит к воротам Царьграда в знак победы над Византией. Рисунок Ф. А. Бруни [Wikipedia]

описанию также чрезвычайно знаменитого в истории Древней Руси князя Святослава Игоревича, внука Олега.

«Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус [леопард], и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постлая потник с седлом в головах, — такими же были и все остальные его воины».

Князь вообще явно предпочитал жизнь воина-кочевника:

«Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мёд и рабы».

Однако в 972 г. по возвращении из Болгарии князя подкараулили его недавние союзники печенеги: *«Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него... А всех лет княжения Святослава было 28».*

Н. М. Карамзин комментировал его гибель скорбными словами: *«Таким образом скончал жизнь сей Александр [Македонский] нашей древней Истории».*

Рис. 17.4. Крещение князя Владимира в Киеве в 988 году [Фреска В. Васнецова во Владимирском соборе Киева]. Принятие христианства на Руси, бесспорно, явилось одним из самых важных и судьбоносных событий в российской истории. Ему и посвятил наш известный художник свою знаменитую работу. К сожалению, изображение религиозного действия на фреске несколько не отвечает реалиям тогдашнего бытия в «матери городов русских». Никаких храмов, тем более таких помпезных, в Киеве в X веке возведено еще не было

Половцы

Этот народ в жизни древнерусских княжеств играл роль совершенно особую. Именно поэтому половецким кочевым племенам «Повесть» уделяет намного больше внимания, нежели всем прочим. Вот, к примеру, как впервые Русь узнает об этом новом для нее народе:

«В (году 1054) приходил Болуш с половцами, и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы назад, откуда пришли...»

Однако тот краткий визит оказался лишь разведкой, но уже через семь лет:

«В год 6569 (1061) впервые пришли половцы войною на Русскую землю; Всеволод же вышел против них месяца февраля во 2-й день. И в битве победили Всеволода и, повоевав землю, ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов».

И с тех пор, вплоть до битвы с монголами на Калке, до 1223 года — то есть более 160 лет крутился непрерывный хоровод мелких и крупных стычек, сражений, битв русских князей с половецкими конными отрядами. Мелькал бесконечный калейдоскоп княжеских имен, бесчисленных противостояний между княжествами, непрочных, почти незамедлительно распадающихся союзов, ближних и дальних рейдов вооруженных групп — именно это мы постоянно встречаем на страницах «Повести временных лет».

Или, скажем, еще единожды, но также через семь лет после победы степняков над Всеволодом:

«В год 6576 (1068). Пришли иноплеменники на Русскую землю, половец множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас Бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы».

Но совсем вскоре последовал реванш Святослава:

«... когда половцы воевали по земле Русской, а Святослав был в Чернигове, и когда половцы стали воевать около Чернигова, Святослав, собрав небольшую дружину, вышел против них к Сновску. И увидели половцы идущий полк, и приготовились встретить его. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: “Сразимся, некуда нам уже деться”. И стегнули коней, и одолел Святослав с тремя тысячами, а половец было 12 тысяч; и так их побили, а другие утонули в Снови, а князя их взяли в 1-й день ноября. И возвратился с победою в город свой Святослав».

В 1078 году невеселая для русичей новость: уже сами русские князья привели половец на Русь и пошли на Всеволода:

«В год 6587 (1079). Пришел Роман с половецами к Воиню. Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половецами. И возвратился Роман с половецами назад, и убили его половцы, месяца августа во 2-й день. И доселе еще лежат кости его там, сына Святослава, внука Ярослав».

Одно из самых тяжелых поражений русское воинство потерпело в 1093 г. в битве под Трипольем в Среднем Поднепровье и при осаде половецами города Торческ:

«Половцы же между тем осаждали Торческ, а торки противились и крепко бились из города, убивая многих врагов. Половцы же стали налегать и отвели воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки к Святополку, говоря: “Если не пришлешь еды, сдадимся”. Святополк же послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества воинов неприятельских. И стояли около города 9 недель ... Святополк

же вышел на Желань, и пошли друг против друга, и сошлись, и началась битва. И побежали наши от иноплемеников, и падали, раненные, перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Святополк же пришел в Киев сам-третьей, а половцы возвратились к Торческу. Случилась эта беда месяца июля в 23-й день. Наутро же 24-го, в день святых мучеников Бориса и Глеба, был плач великий в городе, а не радость, за грехи наши великие и неправды, за умножение беззаконий наших... Это Бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от злого пути своего. И был плач велик в земле нашей, опустели села наши и города наши, и бежали мы перед врагами нашими».

В этом отрывке мы сталкиваемся с весьма стандартным объяснением поражений: «за грехи наши великие и неправды». Не прошло и года, как печальная история повторяется, уже с предательством:

«Сотворил мир Святополк с половцами и взял себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкого. В тот же год пришел Олег с половцами из Тмутаракани и подошел к Чернигову, Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около

Рис. 17.5. Также не менее знаменитая картина В. Васнецова «После побоища Игоря Святославича с половцами». И здесь, к сожалению, мало сходства с реалиями: все избыточно «картинно». По всем описаниям очевидцев такого рода битв, пейзажи после сражений выглядели, как правило, несравненно более пугающими и жуткими

Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он поганых на землю Русскую, его же грех да простит ему Бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям».

Но не один Олег водил половцев на русские княжества. Вот и столь почитаемый в нашей древней истории Владимир Мономах в своем «Поучении» повествует о таких деяниях совершенно спокойно, видимо, за грехи их не считая:

«И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород: весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов... На ту осень ходили с черниговцами и с половицами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины».

Но, как известно, счастье переменчиво, и, наконец, в 1103 году Всевышний повернул свой лик к русским князьям:

«Вложил Бог в сердце князьям русским, Святополку и Владимиру... И стала совещаться дружина Святополкова и говорить, что “не годится ныне, весной, идти, погубим смердов и пашиню их”. И сказал Владимир: “Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашиут; а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возьмет жену его, и детей его, и все его имущество? Лошади вам жаль, а самого не жаль ли?”. И ничего не смогла ответить дружина Святополка... И пошли на конях и в ладьях, и пришли пониже порогов, и стали в порогах у острова Хортицы... Половцы же, услышав, что идет русь, собрались в бесчисленном множестве и стали совещаться. И сказал Урусоба: “Попросим мира у руси, так как крепко они будут биться с нами, ибо много зла сотворили мы Русской земле”. И сказали Урусобе молодые: “Ты боишься руси, но мы не боимся. Перебив этих, пойдём в землю их и завладеём городами их, и кто избавит их от нас?”. Русские же князья и воины все молились Богу и обеты давали Богу и матери его... И пошли полки, как лес, и не окинуть их было взором, и русь пошла против них. И великий Бог вложил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет перед лицом русских воинов, и оцепенели сами, и у коней их не было быстроты в ногах. Наши же с весельем на конях и пешие пошли к ним. Половцы же, увидев, как устремились на них русские, не дойдя, побежали перед русскими полками. Наши же погнались, рубя их. В день 4 апреля свершил Бог великое спасение, а на врагов наших дал нам победу великую. И убили тут в бою 20 князей, ... а Белдюзя захватили. После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предла-

гать за себя золото, и серебро, и коней, и скот, Святополк же послал его к Владимиру... И повелел [князь] убить его, и так разрубили его на части. И затем собрались братья все, и сказал Владимир: “Вот день, который даровал Господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день, ибо Бог избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и “сокрушил головы змеинные и передал достояние их людям” русским”. Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победою великою».

И в случае победы как обычно следовало в «Повести» стандартное объяснение: *«даровал нам Господь победу за наше благочестие».*

Завершим раздел о половцах упоминанием о хрестоматийно известном — я абсолютно уверен в этом — всем читателям нашей книги «Слове о полку Игореве». Основной пафос этого поразительного сочинения, конечно же, в горечи от неистребимых склок, интриг и сражений, в которых виноваты сами русские князья. Автор этого произведения вспоминает и давние страницы русской истории:

«И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная течет среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а неверные сами, с победами набегая на Русскую землю, брали дань по серебряной монете со двора... Ярославичи и все внуки Всеславовы! Опустите стяги свои, вонзите в землю свои мечи, покрытые позором, ведь уже выпали вы из дедовской славы. Ведь своими раздорами вы начали наводить неверных на землю Русскую, на богатства Всеслава, из-за раздоров случилось насилие от земли Половецкой!»

Калка

Наверное, в последний раз мы услышали в русских хрониках рассказ о половцах, когда весной 1223 года подвергшаяся тяжелым монгольским ударам половецкая орда, ведомая ханом Котяном, возникла под стенами Киева. Половецкий вождь запросил помощи у своего зятя галицкого князя Мстислава Удалого: *«Сегодня татары взяли нашу землю, а завтра и вашу полонят, если мы все дружно не встанем против них».* Русские князья согласились, и тогда союзное русско-половецкое войско двинулось на общего врага.

От Киева до речки Калки, что недалеко от Азовского моря, по прямой линии примерно 650 км. Стало быть, по реальной — не прямой — линии продвижения конных отрядов к юго-востоку не менее 800 или 900 км. Монголы заманивали союзников до Калки 12 дней, и проходить они должны были в таком случае ежедневно по 65—75 км. Напряжение немалое!

Нет смысла описывать эту трагичную для двух десятков русских князей битву: исход ее также широко известен. Монголы после своего триумфа двинулись, однако, не на Киев, но на восток, к своим далеким кочевьям. Ведь фантастичный по достигнутым результатам поход туменов Джеббе и Субутая являлся лишь разведывательной операцией завоевателей (см. главу 2).

Четыре года и четыре волны Батыева нашествия

Спустя 14 лет после Калки монгольские отряды Бату-хана (или же Батгя, как его принято называть в русской транскрипции) вновь надвинулись на восточные рубежи Руси. Странно, конечно, — а может, и совсем не странно, — но русские князья никаких уроков из трагичной Калки не извлекли. Может быть, именно тогда во всю свою мощь заявил о себе знаменитый русский «авось»: авось пронесет, авось как-нибудь выкрутимся...

Так или иначе, но в ноябре 1237 года первыми, кто ощутил на себе непротистительный промах своих лидеров, оказались обитатели Рязанского княжества: именно по ним пронесся испепеляющий огонь нового нашествия. Пять дней осады — с 16 по 21 декабря того года — решили дело: (Старая) Рязань оказалась стертой с лица земли. Через несколько дней вслед за Рязанью наступила очередь Коломны (1 января 1238 года).

Первые три исключительно жестоких месяца 1238 года явились неповторимо трагичными для Древней Руси. Удары следовали с поразительной быстротой: Москва пала 20 января, а за ней та же участь постигла Владимир (7 февраля). Лишь за один февраль месяц этого мрачного года монгольским отрядам удалось захватить и разорить 14 городов, не считая мелких поселений: Суздаль, Юрьев-Польской, Ростов Великий, Городец, Галич, Кострому, Вологду, Ярославль, Углич и ряд других (трагедии Ярославля мы коснулись в Приложении 2 нашей книги).

Всегда особым образом историки отмечают в этом ряду семинедельную осаду Козельска — небольшого городка на востоке Черниговского княжества: «сидение» монголов под Козельском заняло у победителей едва не половину времени всей их первой волны завоеваний.

Вторая волна нашествия пришла на Русь через несколько месяцев, осенью 1238 года и завершилась в начале 1239 года. Были захвачены и разорены города бассейна Среднего Поволжья и Оки: Нижний Новгород, Гороховец, Городец, Муром.

Третья волна (конец 1239 — начало 1240 гг.) ударила по Черниговскому княжеству, когда были взяты столица княжества Чернигов, а также Путивль и другие городки.

Четвертая волна оказалась последней. Она вздыбилась опять же во второй половине того же 1240 года и прокатилась с чрезвычайной суровостью

по южным княжествам Руси. Наиболее значимым эпизодом этой бойни предстала, безусловно, гибель Киева. В начале сентября батыева орда окружила «мать городов русских», а после осады — либо в конце ноября или же в самом начале декабря — рухнула Десятинная церковь, этот последний оплот сопротивлявшихся киевлян.

На этом, собственно, и завершилось покорение Руси. Бату-хан отправился далее на запад, по областям Польши и Венгрии, достигнув в 1241 году берегов Адриатики, после чего повернул назад. Тогда до ушей наследников Чингис-хана донеслись первые звуки начавшихся опасных внутренних борений в еще недавно казавшемся столь монолитным организме необъятной монгольской кочевой империи.

С этих пор начинали отсчитывать советские историки знаменитые «триста лет татаро-монгольского ига».

Иго и русские князья

Нет слов: те мрачные столетия, безусловно, относились к наиболее драматическим в российской истории. Вот только как быть насчет уроков истории для древнерусской аристократии? Мы говорили, что князей ничему не научила Калка. Им не пошла впрок также наука тяжких междоусобиц половецкого периода.

Вот слова С. М. Соловьева, которые, пожалуй, могут явиться едва ли не эпиграфом и выразительной картинкой для Руси XIII—XIV веков. И выражает эту картинку наш выдающийся историк в безумно длинном предложении, которое своей растянутостью как нельзя полнее отражает всю тягостную ситуацию с междоусобицами:

«По смерти [Александра] Невского Ярославу тверскому помешал усилиться Василий костромской, но сам умер скоро и беспотомственно, очистив таким образом старший стол для сыновей Невского; здесь повторяется то же явление: Димитрию переяславскому мешают усилиться Андрей городецкий; начинается продолжительная усобица, во время которой старшие Александровичи истощают свои силы, не могут сделать ничего для своего потомства, притом же сын Димитрия умирает бездетным; а между тем во время усобицы князья переяславского и городецкого в тиши усиливаются два княжества: Тверское... и Московское — при младшем сыне Невского, Данииле. Соперничество между ними по этому самому необходимо; но будет ли это соперничество последним?» [Соловьев 4: 441].

Соловьев задает этот вопрос, конечно же, риторически — ведь он точно знает на него ответ: еще очень долго!

Есть, конечно, принципиальное отличие между усобицами в половецкий период и временем под монгольской пятой. При половцах князья интри-

говали друг против друга, сражались между собой и с половцами на равных, обращаясь к «мерзким язычникам» половцам за помощью, когда им очень хотелось скинуть с престола своего соседа — соплеменника и единовременца. Теперь же, чтобы свершить то же самое в отношении нелюбезного тебе русского князя, нужно было отправляться в дальний и не всегда надежный путь, в Нижнее Заволжье, в Орду, с богатыми подарками и даже с аманатами-родичами. Нужно было унижаться, чтобы снискать ханское расположение. Как же будем оценивать все это позорное мельтешение князей вокруг ханского престола для получения заветного ярлыка?

Мы не будем прибегать к перечислению всего хоровода княжеских заискиваний. Упомянем лишь два примера в отношении персон, наиболее значимых в нашей истории. То будут канонизированный церковью Александр Невский и собиратель Московского княжества Иван Калита.

Александр Ярославич (Невский) стал княжить в Новгороде с 1236 г. В 1240 г. нанес известное поражение шведам на Неве.

«Новгородцы любили видеть Александра в челе дружин своих; но недолго могли ужиться с ним как с правителем, ибо Александр шел по следам отцовским и дедовским: в самый год Невской победы он выехал из Новгорода, рассорившись с жителями... Жалобы граждан на самовластие [Александра] остались в договорах их с братом Александровым» [Соловьев 3: 149].

В 1242 году (видимо, зимой) он мчит в Орду, поскольку Батый прислал ему недвусмысленное предупреждение: *«Мне покори́л бог мно́гие народы, неужели ты один не хочешь покориться моей державе? Если хочешь сбере́чь землю свою, то приходи поклониться мне и увидишь честь и славу ца́рства моего»* [Соловьев 3: 151].

После этого визита он поспеваает на свою вторую столь же славную победу: пятого апреля состоялось знаменитое Ледовое побоище немцев на Чудском озере.

После этого, однако, начались неприятности с братьями и великие споры между ними за право княжения в том или ином городе. Уже в самой Орде, во время ее очередного посещения *«...Александр с Андреем имели... большой спор, кому быть во Владимире, кому — в Киеве, и хан отдал Киев Александру [Невскому], а Владимир — [его брату] Андрею... Но Александр, как старший не мог быть доволен таким решением, ибо давно уже Владимир получил первенство перед Киевом, ... давно уже киевские князья не могли быть без владимирских... Киев представлял одни развалины, владение им не могло быть лестным... В 1252 году Александр отправился на Дон к сыну Батыеву Сартаку с жалобой на брата, который отнял у него старшинство и не исполняет своих обязанностей относительно татар. Александр получил старшинство, и толпы татар... вторгнулись в землю Суздальскую. Андрей при этом сказал: «Что это, Господи! Покуда*

нам между собою ссориться и наводить друг на друга татар; лучшие мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им» [Соловьев 3: 152].

Потом началась вражда Невского с другим братом, Ярославом, который княжил в Твери. Александр вместо себя посадил княжить в Новгороде своего сына Василия. Однако новгородцы в 1255 году выгнали Василия и призвали другого князя. Тогда Невский подступил с войском к Новгороду. После долгих скандальных переговоров ему удалось вновь усадить своего сына на княжеский стол.

Однако уже в 1257 году он приводит в Новгород татарских послов с их требованием ясачной переписи всех дворов, а также *«десятины и тамги»*. Не согласились с этим новгородцы, оказался против и его сын Василий. Тогда Александр изгоняет сына из Новгорода. В 1259 году в Новгороде вспыхнул мятеж, и татарские баскаки испугались, упрасывая Александра: *«Дай нам сторожей, а то убьют нас»* [Соловьев 3: 155]. Невский велел стеречь их по ночам. Когда послам все-таки удалось провести перепись населения, то Александр уехал вслед за ними, оставив вместо себя на княжение в Новгороде другого сына, Димитрия.

И все-таки весьма любопытно — вот, удачливый полководец, победитель шведов и тевтонов: отчего ж он так оробел против Орды, сделался ей таким послушным, враждовал с братьями и сыном?

Теперь другой видный деятель русской истории — собиратель будущего Московского царства Иван Калита.

«Против прежнего для князей прибавилась теперь новая, важная и тяжкая обязанность — это поездки в Орду; Иоанн Калита ездил туда девять раз; сын его Симеон Гордый в кратковременное княжение свое был там пять раз. Иногда князья отправлялись в Орду и с женами и с детьми, иногда собиралось по нескольку князей и ехали туда вместе; ... иногда князья должны были отправляться с ханом в поход» [Соловьев 4: 487].

Но самым тяжким деянием Калиты в этом ряду явилось безжалостное и кровавое сокрушение Твери вкупе с татарами. Московское и тверское княжество соперничали друг с другом и обращались все время к ордынским властителям за ярлыками.

«Борьба сначала решилась было в пользу Твери; но мы уже видели, что все великие князья стремятся примыслить к своей отчине Новгород...; предприятие против богатого Новгорода было для [тверского] князя довольно затруднительно: и теперь, стесненные Михаилом, новгородцы обращаются к Юрию московскому, и нет сомнения, что деньги их всего более помогли последнему успеть в Орде и сблизиться, породниться с семейством ханским, что и было причиною гибели Михайловой. Но Тверь не пала вместе с Михаилом; Юрий, хлопотавший так много для примыс-

лов, не разбиравший средств для них, проведший всю жизнь в беспокойствах, странствованиях, не воспользовался плодами своих тяжких и непривлекательных трудов, погиб беспотомственно в Орде от руки сына Михайлова. Но ему наследовал брат его Иоанн Калита, и если Александр Михайлович тверской получил от хана великое княжение Владимирское, то Калита перезвал к себе в Москву митрополита, что было важнее всяких ярлыков ханских. Борьба, следовательно, не кончилась; Калита ждал удобного случая, и вот в Твери вспыхнуло восстание, вырезали татар; Калита с татарским войском опустошил, обессилил вконец Тверское княжество и погубил потом Александра в Орде. Москва восторжествовала и, не имея более соперников, стала собирать Русскую землю» [Соловьев 4: 442].

Наша книга не может ставить основной целью разбор причин столь яростных многовековых борений русских князей друг с другом, но отнюдь не против тех, кто накрывал мрачным покрывалом своего владычества всю Русь. Причем, даже победа на поле Куликовом не выправила в корне этой тяжелой картины. Проблема, как представляется, крылась в ином: понятие Руси в обществе уже имелось, но отсутствовало чувство единой родины. К сожалению, это чувство созреет на Руси существенно позднее.

Куликово поле

С событиями начала сентября 1380 года и также хрестоматийно известной победой Дмитрия Ивановича Донского над войском Мамаю многие связывают начало освобождения от ига и возрождения Руси. Весьма трудно хотя бы очень грубо прикинуть — какая же масса высокопарных слов была произнесена по поводу этой схватки. Более того, роль этой битвы приравнивалась к таким вершинам мировой истории, что ее причисляли к событиям, определяющим судьбы цивилизаций целых континентов.

«[Вначале] *Западная Европа была спасена от азиатцев [монголов], но восточная ее половина надолго еще осталась открытою для их нашествия; здесь с половины IX века образовалось государство, которое должно было служить оплотом для Европы против Азии; в XIII веке этот оплот был, по-видимому, разрушен; но основы европейского государства спаслись на отдаленном северо-востоке; благодаря сохранению этих основ, государство в полтора столетия успело объединиться, окрепнуть, — и Куликовская победа послужила доказательством этой крепости; она была знаком торжества Европы над Азией; ... она имеет характер страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азией, долженствовавшего решить великий в истории вопрос — которой из этих частей света восторжествовать над другою?» [Соловьев 3: 278].*

Выдающегося российского историка С. М. Соловьева, слова которого вы только что смогли прочесть, следует ценить и уважать за очень многое. Я же хочу обратить внимание специально на одну также весьма примечательную особенность его творчества. Вот, скажем, ученый глубоко уверен в справедливости какой-либо своей мысли или собственного заключения; он горячо и искренне воспеваает столь значимые для него события. Однако почти тут же вы можете увидеть в его тексте то, что — или противоречит его истовой увлеченности, или, по меньшей мере, заставляет корректировать высказанные им восторги и сомневаться в их победном звучании. Это же относится и к тем звучным, но явно избыточным фанфарам мировой славы, адресованным историком к Куликовской битве. Вот он продолжает:

«Но Куликовская победа была из числа тех побед, которые близко граничат с тяжким поражением. Когда, говорит предание, великий князь велел считать сколько осталось в живых после битвы, то боярин Михайла Александрович донес ему, что осталось всего сорок тысяч человек, тогда как в битву вступило больше четырехсот тысяч... Вот почему в украшенных сказаниях о мамаевом побоище мы видим, что событие это, представляясь, с одной стороны, как великое торжество, с другой — представляется как событие плачевное, жалостное... Говорит летописец: оскудела совершенно вся земля Русская воеводами, и слугами, и всяким воинством, и от этого был страх большой по всей земле Русской» [Соловьев 3: 278].

«Страх большой по всей земле Русской» оказался вполне обоснованным. Потерпевший поражение Мамай отправился собирать новое войско, собрал его, но на его беду из-за Яика появился новый анти-герой русской истории — хан Тохтамыш. И опять же на берегах Калки — какая странная и столь привлекательная для

Рис. 17.6. Фигура Дмитрия Донского, попирающего поверженного татарского мурзу на памятнике «Тысячелетие России» в кремле Великого Новгорода (авторы — скульпторы М. О. Микешин и И. Н. Шредер, архитектор В. А. Гартман). Герой Куликовской битвы помещен здесь в ряду 109 представленных на монументе самых значимых деятелей тысячелетней российской истории

битв речонка! — Тохтамыш наголову разбил Мамаю и воцарился в Орде. Незамедлительно посылает он в Москву послов известить московские власти о переменах в ставке. *«Князья приняли послов с честью и отправили своих послов в Орду с дарами для нового хана»*. Правда, и сами ордынцы наполнились немалым страхом от Куликовского поражения. Тохтамыш *«решил разогнать этот страх»* и отправился уже в 1382 году с большим войском к Москве. Нижегородский и рязанский князья в сильном испуге. Нижегородский князь посылает к хану двух своих сыновей, а рязанский — показывает Тохтамышу, как удобнее всего подобраться к Москве.

У победителя Мамаю Дмитрия Донского нет сил защищать Москву, и он отбывает в Переяславль и Кострому собирать полки. В Москве начинается *«сильное волнение»*. Многие желают бежать. Начинаются распри, разбой и грабеж. *«Кто хотел бежать вон из города, тех не пускали, били и грабили»*. В число таких беглецов попали митрополит, великая княгиня и «большие» бояре. Татары сожгли город и осадили Кремль. После трехдневного штурма, уже хитростью, Тохтамыш врывается в это сердце Москвы и учиняет обычный для завоевателей полный погром с массовым истреблением ее обитателей.

После московского поражения многие князья поспешили, как и в прежние годы, отправляясь в ставку хана засвидетельствовать свою преданность ордынской власти.

По моему мнению, основное значение Куликовской победы заключалось в зарождении у русских уверенности, что монголы могут быть побеждены, что не все так безнадежно. Тогда проявились очевидные признаки духовной свободы; забрезжили пока еще не вполне ясные проблески света в конце мрачной и долгой пещеры; начала колыхаться и распадаться доселе плотная и всепоглощающая тень «ига». Но это были лишь первые, хотя и явные признаки начала раскрепощения русского этноса и российской культуры.

Золотая Орда слабеет

На исходе XIV столетия силы Орды уже не походили на те, чем они славились при Батые или же при его ближайших наследниках. Безусловно, что Куликовское поражение также сыграло в этом свою роль. Однако намного более сильное воздействие имели три войны, проигранные Тохтамышем легендарному Тамерлану. Тохтамыш помнит и кичится тем, что в его жилах течет кровь Чингис-хана. Это подвигает его на нелепую веру в то, что именно он истинный властитель Вселенной. Фигура выскочки Тимура, или же Тамерлана, его раздражает; он желает окоротить этого наглого — даже не султана! — простого эмира. В 1387 году, вдохновленный победой над москвитями, Тохтамыш отправляется через Дербентские ворота в Закавказье, где

Рис. 17.7. «Повелитель Вселенной», «Железный хромей» Тамерлан (Тимур-ленг). Персидская миниатюра [Ру: 192]

уже побывало тамерланово воинство; но там его ждет неудача. Тогда зимой следующего года он отправляется в еще более сложный и трудный поход по закаспийским степям и пустыням, к тамерлановой столице Самарканду. Однако и здесь его кампания терпит крах. Побезденный Тохтамыш отправляет к эмиру посольство с лукавым и, как его определяют придворные Тимура, двусмысленным письмом и пожеланием мира. Тамерлан отвечает послам предельно жестко: «... [ваш хан] переступил рубеж Трансоксианы, поднял против меня мои же народы... Да будет он удушен своим желанием мира... Горе ему! Он разбудил богов войны, роковым оружием войны которых я являюсь... [И не будет мне покоя] пока не угаснут Тохтамышевы очи от зренья моей мести» [Ру: 84].

В 1395 году Тохтамыш вновь пробует одолеть Тамерлана в Закавказье. Однако в испуге через Дербентские ворота вновь отходит в Предкавказье, на Терек. Туда же устремляется Тимур. Битва на Тереке оказалась весьма жестокой, и постоянное счастье едва не изменило Тамерлану. Но Тохтамыш внезапно дрогнул, и его воинство ударилось в бегство. На том завершилось тохтамышево царство, а Тимур отправился в неизвестные ему северные края, на Волгу. Он не дошел до Булгара, повернул на юго-запад, захватив Елец. Затем по Дону он спустился до Азовского моря, уничтожая христианские центры. Вышел на Кубань, победив черкесов. Затем суровой зимой 1395/1396 гг. его воины штурмовали в самых низовьях Волги Хаджитархан (Астрахань). После Хаджитархана Тамерлан, конечно же, не смог удержаться от того, чтобы подняться вдоль волжской долины на север и мстительно стереть с лица земли столицу Золотой Орды Сарай-ал-Джадид (Сарай-Берке).

Тамерлановы победы повергли Орду в то состояние, что она надолго перестала быть пугалом для формирующегося Московского царства. Русские князья не навещали ставку степных вождей даже после похода хана Эдигея под Москву, когда город вновь оказался окруженным краткой блокадой ордынских отрядов. Лишь только в 1412 году, «когда новый хан Зелени-Салтан (Джелаледдин Султан), сын Тохтамышша, дал изгнанным

нижегородским князьям ярлык на их отчину, Василий Димитриевич поехал в Орду с большим богатством и со всеми своими вельможами» [Соловьев 3: 288].

Но даже после всех ордынских несчастий невозможно было сказать, что степняки ослабели настолько, что московиты могли не обращать на них внимания. Так, в 1445 году хан Улу-Махмет победил в одной из битв Василия II (Темного) — внука Дмитрия Донского — и захватил его в плен. По некоторым сведениям, за свободу великого князя пришлось заплатить «великий окуп» в 200000 рублей. Из известных мне «поклонных» поездок в Орду за ярлыками последняя датируется 1431—1432 годами, когда молодой и к тому времени еще не ослепленный коварным Шемякой Василий в споре со своим сановным дядей получил право на московское княжение.

Следует заметить, что к XV веку ситуация с кочевыми сообществами в Степном поясе заметно изменилась в целом. Ислам все сильнее и сильнее проникал в жизнь степняков. Это сказалось на той роли, которую начали играть южные мусульманские центры. Во многих случаях они стали опорными и базовыми регионами для продолжавших вести кочевую жизнь тех племен, что обретались на более северных территориях. Так, например, складывалась судьба зависимых от Тамерлана номадов Средней Азии и казахских степей.

К 1440-м годам под властью клана Гиреев (Гираев) набирает силу и приобретает самостоятельность Крымское ханство (вскользь о Гиреях мы еще вспомним в дальнейшем). С 1478 года крымские ханы официально признают себя вассалом Османской империи. В последующие долгие четыре столетия это ханство будет играть весьма важную роль в сложной динамике взаимоотношений Российского государства со своими южными и даже западными соседями.

От стояния на Угре до Ивана Грозного

На фоне кровавой и громкой — хотя и крайне тяжелой — победы на Куликовом поле многомесячное стояние в конце 1480 года на притоке Оки реке Угра армии московского князя Ивана III против воинства ордынского хана Ахмата выглядит деянием скромным и отнюдь не героическим. Тем более, что русский — и по номинации великий — князь трусил чрезвычайно, бросил свое войско и даже велел оставленному во главе отрядов своему наследнику Ивану Молодому покинуть свои позиции и отойти к Москве. Наследник отказался подчиниться указанию державного отца, а высшее духовенство и даже обыкновенные горожане-москвичи нещадно и прилюдно срамили великого князя за трусость и бегство от татар. Тем не менее, когда выпал снег и лед сковал реки, противники разошлись, так и

Рис. 17.8. Стояние на Угре. Миниатюра из летописного свода XVI века [Wikipedia]

не вступив в сражение. Историки же вполне справедливо сочли стояние на Угре победой русских.

Ровно сто лет прошло с момента Куликовской битвы. За это время консолидированная Московская Русь возмужала и окрепла, а некогда единая Золотая Орда утратила свою мощь. Во время стояния на Угре все это проявилось весьма контрастно. Правда, Иван III весьма страшился в одном сражении потерять все то, что Москва смогла приобрести за последние полтора столетия. Ахмат хан справедливо опасался, что поражение его войска повлечет за собой печальные похороны Орды. С этого момента можно говорить о финале «ига», хотя от русских дань (так называемые подарки) к степным ханам и поступала вплоть до времен раннего Петра I. Однако с этих пор окончательно завершились столь унижительные для русской высшей аристократии процедуры вымаливания ярлыков на княжение.

С конца XV века роли меняются. Русские все чаще и настойчивее проявляют себя в роли инициаторов «передела мира и влияния» в своем противостоянии со степью и ее северными сателлитами. Однако должно пройти еще семь десятилетий, пока Иван Васильевич Грозный не сумел нанести, пожалуй, самый болезненный из числа первых удар по одному из северных центров некогда монолитного, но к тому времени существенно изменившегося мира степных культур — по Казанскому ханству. Произошло это в 1552 году, когда, наконец, после трудных подступов пала столица ханства — Казань.

Вслед за этим в значительной мере стал гораздо более свободным и безопасным речной путь по великой Волге. И уже четырем годами позднее слабое Астраханское ханство также оказалось под властью Москвы. В 1586 и 1589 гг. с целью укрепления пути на Каспий начинают строиться у Волги городки-крепости Самара и Царицын. Длинный волжский путь, как бы разрезал весьма узким — и потому выглядевшим не вполне надежным — клином степной мир западной половины евразийского пояса.

В XVI столетии обозначились еще два «славянских клина», вонзившихся в тюркоязычное тело массива степных скотоводов. Оба клина также оказались привязанными к речным путям — к Дону и Днепру. Именно на этих просторах зарождалась история донского и запорожского казачества.

Рис. 17.9. Казачье войско перед походом. Рисунок художника И. А. Владимиrowa [Wikipedia]

Донские казаки в эпоху Ивана Грозного, пусть не жестко, но в какой-то мере были подчинены московской власти. Судьбы же Запорожской сечи на ранних этапах своего относительно вольного существования гораздо теснее были связаны, конечно же, не с Москвой, но с Польшей.

Вряд ли можно сомневаться, что в XVI веке инициатива перешла в руки Москвы, и даже вроде бы удалось вбить «клинья» в чужеродный мир. Но заблуждением было бы думать, что юг решил тогда уйти в тень и запросил пощады. Отнюдь! Важнейшей целью, терзавшей Ивана Васильевича после сокрушения им Казани, стал не Юг, но Запад, хотелось завоевать Ливонию и выйти к Балтийскому морю. Долгая и неудачная Ливонская война Ивана Грозного вкупе с опричниной буквально пожирали всю его энергию. Судя по всему, это не прошло мимо внимания его врагов. И вот сразу же после наиболее кровавых и массовых «опричных» неистовств 1570 года царя в Новгороде, крымский хан Девлет I Герей во главе своих отрядов в мае 1571 подступил к Москве и сжег ее. Уцелел лишь только Кремль. Во время этого краткого, но крайне жестокого нашествия погибло, как утверждают некоторые источники, несколько сотен тысяч сбежавшихся к Москве людей, да и татары полонили до 150 тысяч. Иван Грозный в ту страшную годину из Москвы постыдно исчез и в защите столицы участия не принимал. Хан Герей поэтому и отправил ему письмо, наполненное презрительными выражениями вроде: *«Были б в тебе стыд и дородство так ты б пришел против нас и стоял»*.

Помимо всего и те донские и запорожские «казачьи клинья» зачастую могли внезапно и коварно обращаться своим острием в сторону совершенно

противоположную. В. С. Соловьев, например, всегда крайне скептически относился к роли казачества в российской истории. Поэтому мы завершим эту главу краткой цитатой из его лекции, затронувшей историю великой смуты на Руси в самом начале XVII века:

«...степи снова всколыхались, явились оттуда казаки с самозванцами и выполнили степную работу опустошения, уравнивания, т. е. уравнивали все с землей получше татар; долго Россия должна была отдыхать, оправляться после посещения этих проповедников протеста. Путешественники рассказывают, что когда они проезжали местами, где гостили казаки, то, чтобы остановиться и погреться в избах, прежде нужно было очистить эти избы от трупов их прежних обитателей» [Соловьев, Публичные чтения: 29].

Однако уже совсем близко придвинулось время решительных перемен в истории народов и их культур не только в Евразии, не только в Восточном, но также и в Западном полушариях. Человечество вступало в тот период, который некоторое время спустя будет признан в качестве «Нового Времени».

ГЛАВА 18

Крушение границ ядра евразийских культур

Три волны слома

Я не исключаю, что на первый относительно беглый взгляд настоящая глава может показаться чужеродной в контексте третьей части книги: ведь содержание этой части должно быть сосредоточено на проблемах взаимоотношения Руси/России и Степного пояса. Однако вряд ли следует торопиться с подобного рода заключением. В том колоссальной силы взрыве, который взломал и разметал казавшиеся незыблемыми и вечными пограничные рубежи Евразийского ядра культур, активное участие принимали и подданные Российского государства. Для того чтобы максимально точно и по возможности более контрастно понять и оценить характер судьбоносных процессов, крайне желательно сопоставить направления обоих — западного и восточного — каналов этого глобального взрыва. Эти каналы оказались весьма различными по множеству своих черт, но в них также заключено немало того, что позволяет исследователям улавливать ряд важных и сходных деталей. Во всяком случае, автор полагает полезным сосредоточить внимание в нашей книге на хотя бы краткой канве этой — кажущейся внешне странной — параллели.

Напомню весьма сжато о том, что подробно излагалось ранее, в главе 12, и по этой причине возвратимся на некоторое время к стартовым событиям эпохи поздней бронзы Евразии. Конец III и начало II тысячелетий до новой эры: гигантский пространственный скачок технологически передовых металлоносных культур. Данный территориальный рывок по своей мощи и охвату многократно превосходил аналогичные события предшествующих эпох. Однако последовало неожиданное торможение, и мы с удивлением отмечали достаточно резкую остановку в пространственном росте ареала высокотехнологичных культур. Не позднее середины II тыс. до н. э. наступает трудно объяснимая и весьма длительная — трехтысячелетняя — эпоха, которую я предпочитаю именовать Великой пространственной стагнацией. Именно тогда сформировалось так называемое Евразийское ядро металло-

носных культур (рис. 12.1). Все важнейшие события исторического характера, поступательная динамика как социо-политического так и технологического свойств огромного большинства общностей концентрировались в течение долгих — приблизительно тридцати — столетий внутри Евразийского ядра. Эти события практически не выходили за его пределы или же не отражались сколько-нибудь явно за его рубежами. Ареал самого ядра оказался равным приблизительно 40—43 млн. кв. км. Зыбкий и нечеткий характер границ был обусловлен по преимуществу расплывчатыми и не вполне ясными контурами ядра в северной, лесной зоне Евразийского континента.

По ходу изложения разнообразных материалов в нашей книге мы, наконец, вплотную подошли к тому критическому периоду, когда стали вполне очевидными первые признаки крушения дотоле казавшихся едва ли не вечными рубежей Евразийского ядра. Удары, приведшие к слому центральной евразийской «конструкции», последовали изнутри самой системы. При этом возможно подметить три направления волн важнейших прорывов. Все ударные волны были связаны с европейскими культурами — в целом с христианским миром, однако различных его конфессий.

Первую волну резонно именовать испано-португальской; она оказалась целиком связанной с католическими государствами Иберийского полуострова. Старт этого движения восходил к последним десятилетиям XV века, однако максимум активности совпал уже со следующим столетием. Первые шаги португальских и испанских мореплавателей были связаны с поисками новых путей к странам загадочного Востока. Однако очень быстро морской акцент путешествий дополнился континентальными завоеваниями и походами.

Вторую волну можно окрестить британской, хотя в таком наименовании будет заключена большая доля условности: ведь в этих процессах весьма деятельное участие принимали тогда голландцы, французы, да и представители других народов Западной Европы. Здесь явно доминировали религиозные общины англикано-протестанского характера, хотя участие принимали и католики. В этих полиэтничных рядах англичанам удавалось шаг за шагом оттеснять иных участников движений на второй и даже задний план. Само движение второй волны в целом запаздывало по отношению к испано-португальскому примерно на столетие. Здесь, как и в испано-португальском варианте, важнейшие каналы энергии были направлены на морские странствия с целью поиска путей в Восточную Азию. Но довольно скоро континентальные захваты стали занимать все большее и большее место в этом движении. Оба направления прорывов — и испано-португальское, и британское — оказались не только тесно связанными друг с другом, но одновременно представляли жесткими конкурентами в господстве не только на океанских просторах, но и на суше также. Переломным моментом в этом

состоянии явилась гибель в 1588 г. испанской «Непобедимой Армады» в битве при Гравелине, ставшей вершиной славы английского вице-адмирала Френсиса Дрейка.

Направление третьей волны по северным рубежам Евразийского ядра было обусловлено исключительно активностью подданных Российского государства. Эта волна обеспечивалась исключительным благословением иерархов православной церкви. Начало российского прорыва практически совпадало по времени с британским, но характер обоих движений различался весьма существенно. Кроме того, российское продвижение представляло в реальности совершенно изолированным как от британских, так и от более ранних — испано-португальских прорывов. В российской волне едва ли не полностью отсутствовала морская составляющая подобного рода движений. О российском направлении колонизации мы будем говорить особо, уже в следующей главе.

Год 1500 — начало Нового Времени

В работах многих западноевропейских и американских историков эта дата — 1500 год — приводится нередко в качестве порубежной для проведения водораздельной линии между европейским Средневековьем и Новым временем. Этот подход довольно часто подвергался критике за явную попытку навязать евроцентристский взгляд на общий ход мировой истории. Следует признать, что в данном отношении во многом критики правы: ведь понятие Средних веков по своей основной сути следует соотносить, прежде всего, с культурами Западной Европы. В то же время крайне многочисленные и синхронные западноевропейским весьма разнохарактерные группы сообществ Восточной или же Южной Азии к динамике западноевропейского развития отношения — по крайней мере, прямого — не имели. Мы коснемся вкратце этой дискуссии несколько ниже. Теперь же следует обратиться к более точному смыслу этой едва ли не сакральной даты — 1500 год.

Безусловно, предложение установить некий единственный год точкой отсчета для начала новой эпохи в истории человечества выглядит, на первый взгляд, довольно нелепо. Ведь никогда в мировой истории переломные эпохи не могли свершаться и не свершались в неправдоподобно сжатый отрезок времени: как правило, такого рода перестройки требовали столетий. И здесь также — уже в случае перехода к Новому времени — кардинальная трансформация громадных и разнохарактерных блоков культур протекала в течение достаточно длительного отрезка времени.

Однако около 1500 года — десятилетия до и после него — можно было наблюдать плотный сгусток большого ряда чрезвычайно знаменательных и безусловно связанных между собой событий. Последние, сплетаясь

между собой в тугие жгуты, стали активно влиять на процессы развития множества культур уже на разных континентах Земли. По этой причине указанный год оказался удобным для историков в качестве некоего легко запоминающегося символа, обозначающего активное начало процессов переустройства тогдашнего мира практически на всех обитаемых материках нашей планеты.

Мы уже говорили, что первую волну, сокрушавшую барьеры Евразийского ядра, мы предлагаем именовать испано-португальской. Однако в качестве инициаторов этого движения, равно как и в хронологическом отношении следует, конечно же, отметить португальцев.

Однако вначале об исходных причинах этих перемен: каковы же были те обстоятельства, что позволили западноевропейским культурам первой и второй волн выступить пионерами в сломе границ Евразийского ядра? Что послужило толчком для подобных деяний?

Представляется, что в качестве основной причины можно предполагать накопленный ко второй половине XV века сгусток внутренней энергии этих общностей, тот своеобразный избыточный уровень такой энергии, который и позволил им направить ее уже в сторону, противоположную от традиционных русел. Ведь в предшествующие столетия огромная доля такой энергии уходила на борения, устремленные почти исключительно вовнутрь Евразийского ядра. Крайне западное, периферийное положение западноевропейских государств подталкивало их к приложению накопленных сил по освоению морских путей, для поисков тех территорий и земель, где можно было бы с максимальной эффективностью реализовать свои пока еще скрытые возможности.

Еще одной причиной, в которой ярко отразилась накопленная к этому времени высокая мера внутренней энергии, явилась технологическая. К этому столетию европейцы сумели широко освоить огнестрельное оружие, и это сразу же выводило их армейские подразделения на новый качественный уровень. Причем это касалось не только сухопутных войск, но и флота. Последнее обстоятельство сыграло, пожалуй, особую роль для тесно связанных с морем западноевропейских сообществ.

Наконец, возникла ситуация, которая, без сомнения, активно подталкивала западноевропейские общности к кардинальным переменам в стратегии своего жизнеобеспечения. К XV столетию исламский мир в борьбе против христианских государств добился очевидных успехов. В 1453 году под натиском победоносных османов пал Константинополь, и с этим окончательно погрузилась в историческое прошлое великая Византийская империя. Правда, полвека спустя европейцам удалось добиться определенного контр-успеха на крайнем западе конфронтации с мусульманскими сообществами. Наступил финал длившейся почти восемь веков Реконкисты: на

Пиренейском полуострове испанцам Кастилии и Арагона удалось покорить Гранадский эмират — последнее исламское государство на крайнем западе Европейского континента.

Однако в целом ситуация для европейских государств представляла не вполне радостной: две трети Средиземноморского побережья оказались в руках едва ли не извечных врагов христиан. XV столетие для европейцев совпало с фактически полной блокадой мусульманами восточных торговых путей, к которым обитатели западноевропейских княжеств и королевств питали особую привязанность, уходящую своими корнями еще во времена Римской империи.

Предлагая в настоящей главе краткий рассказ о начале Нового Времени, можно вспомнить, что, как правило, его старт олицетворяет эпоха Великих географических открытий. Равно как и в предшествующей главе, автор хотел бы также напомнить читателям, что многие из важнейших событий этого переломного периода достаточно хорошо известны и фактически могут быть причислены к разряду хрестоматийных. По этой причине в данной главе наше внимание будет сосредоточено лишь на исторической канве, когда те или иные акции будут лишь упоминаться; и несколько более подробное внимание может быть уделено менее известным событиям и персонам. В целом же эта глава должна послужить тем фоном, на котором характер и картина русского подчинения Сибири предстанут намного более выпуклыми и красочными.

Первая волна слома: начало за Португалией

Эпоха Великих географических открытий связана, прежде всего, с именами выдающихся португальских мореплавателей. Почему же получилось так, что в целом небольшая, не очень яркая в последующей мировой истории страна завоевала право стать пионером в этом великом историческом процессе? Причин можно назвать две. Первой из них, как ни странно, послужило отчетливо выраженное периферийное юго-западное положение, к примеру, даже в сопоставлении с ее вечной соседкой Испанией. Вся жизнь португальцев во все периоды существования их государства была связана с Атлантикой. Второй причиной стало раннее освобождение от исламского владычества. Уже в 1143 году Португалия объявила себя независимым государством. Испания же, хотя еще в XV веке она не являлась единым социальным организмом, вплоть до конца этого столетия продолжала вести изнурительные войны с маврами.

Впрочем, следует упомянуть также и о третьей причине, которая выражалась в навязчивой мечте обязательно достичь далекой Индии и наладить с ней особые отношения. Однако подобной странной мечтой были оча-

Рис. 18.1. Ключевые персоны португальских морских путешествий XV—XVI вв. Слева направо: принц Энирике-Мореплаватель, Васко да Гама, Педро Альварес Кабрал

рованы многие европейские мореплаватели конца XV и начала XVI столетий. Ведь не должны же мы забывать, что, скажем, и Америка была открыта первоначально в качестве Индии.

Ключевой фигурой в организации португальских морских экспедиций явился, без сомнения, Энирике-мореплаватель (или же Генрих-мореплаватель). Сын португальского короля Жуана I и, стало быть, принц, он всю незаурядную энергию в течение четырех десятилетий своей жизни сосредоточил на освоении морских путей и побережья Западной Африки.

Рис. 18.2. Мраморное надгробье великому португальскому мореплавателю Васко да Гама. Кафедральный собор Лиссабона

При нем были также открыты и колонизованы остров Мадейра и Азорские острова.

После его кончины в 1460 году продвижение португальцев на юг продолжалось. Знаковым стало открытие в 1488 году Бартоломеу Диашем мыса Доброй Надежды на крайнем юге Африки (первоначально Диаш называл его мысом Бурь). Уже десять лет спустя, в апреле 1498 года самый знаменитый португальский навигатор — адмирал Васко да Гама огибают этот мыс и достигает на своем корабле «Сан-Габриель» многовековой мечты европейцев — Индии. Свою жизнь он завершает в 1524 г. в этой стране в качестве индийского вице-короля — то есть с титулом, пожалованном ему португальским монархом еще в 1499 году.

Однако португальцы стараются не только осваивать южные пути в Индию. Пример Колумба (его мы коснемся чуть ниже) побуждает их искать западный путь в Азию, через Атлантику. Так, в 1498 г. Жоао Фернандес Лаврадор первым увидел берега Гренландии. Затем Гаспар Кортес-Реаль в 1500 году достигает Лабрадора (название этому полуострову он предложил в честь своего предшественника Лаврадора). Он открывает тогда и остров «Новая Земля», который позднее переименовывают на английский манер в Ньюфаундленд.

Рис. 18.3. Земной глобус, созданный немецким картографом Мартином Бехаймом в 1492 году [Chronik: 383]

Рис. 18.4. Карта земного шара, известная как Cantino planisphaera. Сам Альберто Кантино — шпион герцога из Феррары — к ее созданию не имел ни малейшего отношения. Начертили ее в 1501 или 1502 гг. португальские картографы на базе сведений, добытых не только португальскими, но и испанскими мореплавателями конца XV столетия [Wikimedia]. На карте нанесена линия раздела мира, согласно папской булле 1494 года (помечена стрелками)

Любопытно при этом, что португальцы действуют близ северных берегов Америки вкупе с английскими мореплавателями (с испанцами в те времена у Португалии уже сложились «не вполне дружественные» отношения на почве разногласий по части открытия и владения новыми территориями).

И наконец, Педро Альварес Кабрал 22 апреля 1500 года привел свои суда к берегам Бразилии.

К достижениям португальского не только мореходного, но и картографического искусства следует отнести, без сомнения, и составленную португальцами карту известной им поверхности Земли на базе сведений добытых не только португальскими путешественниками (рис. 18.4). Правда, эта карта сохранилась лишь благодаря изворотливости секретного агента герцога Феррары с Апеннинского полуострова по имени Альберто Кантино. Этот ловкий разведчик в 1502 году сумел добыть очень ценную секретную карту и доставить ее своему хозяину.

Испания — Колумб

Может показаться до известной степени курьезным, что два самых значимых великих мореплавателя, возглавлявших свои знаменитые эскадры под испанским флагом, испанцами не являлись. Христофор Колумб (по-итальянски Cristoforo Colombo, по-испански Cristóbal Colón) происходил родом из Генуи. Фердинанд Магеллан (по-португальски — Fernão de Magalhães, а по-испански — Fernando (Hernando) de Magallanes был по рождению португальцем.

Рис. 18.5. Портрет Христофора Колумба [Chronik: 373]

Заинтересованность обоих католических королей — Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского — в необходимости скорейшей и незамедлительной погони за ушедшим вперед в открытии новых земель португальским соседом Жуаном II сыграла на руку Колумбу. Долгое время добивавшийся и от Жуана II, и от обоих католических монархов возможности организации экспедиции в западном направлении, он внезапно и весьма неожиданно ее получает. Первого января 1492 года Гранада сдается испанцам. Ликующая процессия во главе с католическими королями вступает в город и поднимается в королевскую резиденцию гранадских властителей — Альхамбру. Казалось бы, государям было не очень кстати в процессе победного ликования уделять внима-

ние какому-то мало ведомому гемуэзцу, который, кстати, до этого неудачно служил португальцам.

Однако ему везет, и уже 17 апреля в Санта-Фе королевская чета подписывает договор с Колумбом: ему жалуют — и при том «навечно»! — титулы Адмирала Моря-Океана и вице короля всех тех земель, что ему удастся обнаружить в безбрежном Океане. Колумб немедленно прилагает весьма энергичные усилия для организации эскадры. И уже утром 3 августа 1492 г. три корабля — флагман «Санта-Мария» (тип корабля «пао»), а также «Нинья» и «Пинто» (обычные каравеллы) отправляются в неизвестность. Но большая удача не за горами: менее чем два с половиной месяца спустя в дневнике плавания появляется запись:

«Пятница, 12 октября. В пятницу достигли одного из Лукайских островков, а на языке индейцев он назывался Гуанахани. Тут же увидели нагих людей, и Адмирал съехал на берег в лодке, а с ним были Мартин Алонсо Пинсон и Висенте Яньес, брат Мартина Алонсо, капитан «Ниньи». Адмирал захватил с собой королевский стяг, капитаны два знамени с зелеными крестами... Высадившись на землю, они увидели очень зеленые деревья, и очень много воды, и разнообразные плоды. Адмирал призвал обоих капи-

Рис. 18.6. Высадка Христофора Колумба на острове Гуанахани (Сан-Сальвадор) в столь знаменательный для мировой истории день — в пятницу 12 октября 1492 года [Chronik: 372]

танов и всех прочих, кто высадился на землю, в том числе Родриго Эсковеду, нотариуса всей флотилии, и Родриго Санчеса де Сеговию, и сказал им, чтобы они под присягой засвидетельствовали, что он, Адмирал, первым вступил, как оно воистину и было, во владение этим островом от имени короля и королевы, его государей, свершив при этом все формальности, какие требовались...» [Свет: 193].

Остров Гуанахани — один из Багамских островов — был тогда же поименован Адмиралом как «Сан-Сальвадор».

Так впервые (если не считать не вполне ясных для нас путешествий викингов в X веке) европейцы появились на островах Американского континента. Как хорошо известно, Колумб до конца своих дней считал эти земли восточной Индией; и именно поэтому весь мир донныне называет американских аборигенов индейцами.

Христофор Колумб совершил четыре путешествия к берегам открытой им «Индии». Может быть, следует специально вспомнить о третьем его путешествии, состоявшемся через шесть лет после первого. С плаваниями через Атлантику Колумбу чаще всего везло; также и в 1498 году он всего за два месяца пересек океан. Первого августа 1498 г. корабли Колумба вошли в бухту Эрин: тогда впервые европейцы ступили уже не на острова, но на коренную материковую землю Южной Америки. Еще через четыре года Колумб, с уже сильно подорванным здоровьем, отправился в свое четвертое и последнее плавание. Тогда в 1502 году он достиг Американского перешейка — той части континента, что именуется ныне Мезоамерикой. В 1506 году Колумб скончался.

Папские буллы и раздел мира

Испания и Португалия оказались в этой океанской гонке весьма недружелюбно настроенными друг к другу конкурентами. Поэтому они постоянно апеллируют к Римскому Первосвященнику, чтобы тот благословил предлагаемый обеими сторонами раздел того мира, что, казалось, с каждым новым плаванием как будто возникал из океанских пучин. Еще до первых колумбовых открытий в 1481 году линия папской буллы «Aeterni Regis» подразделяла мир по широтному принципу. К югу от широты Канарских островов все земли принадлежали португальцам, а севернее — испанцам.

Сразу же после возвращения Колумба из его первого плавания Жуан II объявил, что открытые Адмиралом острова должны принадлежать Португалии. Колумб же утверждал, что Багамы лежат севернее раздела «Aeterni Regis», но, видимо, лукавил. В склоку между двумя монархиями католическим королям Изабелле и Фердинанду удалось втянуть римского папу — испанца Александра VI Борджа (по-испански Борха). Понтифик в 1493 году

Рис. 18.7. Изображение знаменитого флорентийца Америго Веспуччи на странице изданной в 1513 г. немецким картографом Мартином Вальдземюллером карте мира. С этого времени и благодаря появившемуся изданию атласа Колумбу Индию стали именовать Америкой. Сам же Америго такой чести никогда не домогался и никакого отношения к инициативе переименования материка не имел. Все решила случайность [Chronik: 387]

подписал буллу «Inter caetera» (в переводе с латинского звучит как «Между прочим»), где вместо широтного принципа раздела мир провозглашался долготный. Однако и этот вариант буллы не устранил противоречий. В конце концов, все же победа осталась за парой испанских королей, и в кастильском городке Тордесильяс было подписано испано-португальское соглашение, вошедшее в историю как «Тордесильяский договор между королями Испании и Португалии о разделе мира 7 июня 1494 года» (рис. 18.4). Первая статья договора гласила:

«Высокие договаривающиеся стороны ... условились и согласились во избежание сомнений и споров относительно островов и земель, уже открытых, или тех, которые будут открыты в море-океане, чтобы была проведена прямая линия от полюса до полюса, то есть от полюса арктического до полюса антарктического с севера на юг, в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса, на расстоянии, определенном в градусах или иными способами, каковые будут признаны наиболее приемлемыми и удобными, и измеренном без излишка или недохватки, и чтобы все, что уже открыто или будет открыто королем Португалии или его кораблями, будь то острова или материка к востоку от этой линии и внутри ее на севере и на юге, принадлежало названному сеньору-королю Португалии и его прием-

Рис. 18.8. Испанский конкистадор Эрнандо де Сото в 1541 г. достигает со своим отрядом великой североамериканской реки Миссисипи. Картина 1849 г. [Wikipedia]

никам на веки вечные и чтобы все острова и материки как открытые, так и те, что будут открыты королем и королевой Кастилии и Арагона или их кораблями к западу от названной линии, на севере и на юге, принадлежали означенным сеньорам — королю и королеве и их преемникам на веки вечные... Если же, по счастью, таковая линия пересечет остров или материк, да будет установлен столб или знак, и да будет он разделять ту часть, что принадлежит Португалии, от той, что отведена Кастилии» [www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/].

Следует добавить к этому: вся Южная Америка, как и Мезоамерика, оказались в конечном итоге подчиненными провозглашенному в Тордесильясе принципу. Бразилия с ее крупным восточным выступом материка стала португалоязычной, а все прочие страны Южной Америки — испаноязычными. Попытки испанцев распространить эти условия раздела мира также на Северную Америку, как известно, успеха не имели: их с этого континента позднее вытеснили силы более мощных англоязычных соседей. Хотя заметим при этом, что в Северной части Американского континента испанцы появились существенно раньше англо-саксов и даже достигли в 1541 г. великой североамериканской реки Миссисипи (рис. 18.8). Правда, конкистадор Эрнандо де Сото назвал ее тогда Рекой Святого Духа.

Испания — Магеллан

О португальце Магеллане, добившемся милостивого разрешения Карла V Габсбурга на это плавание, мы уже упоминали выше. 20 сентября 1519 года

эскадра Фердинанда Магеллана из пяти кораблей вышла в море. Флагман эскадры назывался «Тринидад». Через два месяца корабли достигли берегов Бразилии и в марте 1520 года остановились на зимовку в одной из бухт южноамериканского побережья. В конце октября того же года эскадра Магеллана достигла того пролива, который вскоре стал одним из самых желанных для мореплавателей и потому весьма примечательным местом на нашей планете. Его назвали позднее именем капитана эскадры. Осторожно пробираясь по извилам пролива эскадра вышла вскоре в Тихий океан. Магеллан назвал его «Южным морем». Океан показался тогда португальским морякам огромным и ласковым. Но беда двигалась рядом: за три месяца путешественники не встретили никакой земли, и негде было наполнить пустые бочки пресной водой; люди пухли от голода...

...В скобках заметим, что первым из европейцев, кто увидел Великий океан и окунулся в его воды, стал «сухопутный» испанец, также конкистадор, Васко Нуньес де Бальбоа. Перейдя в 1513 г. Панамский перешеек он восхитился увиденной ширью и также окрестил представший перед ним океан «Южным морем».

Наконец, к великой радости почти потерявших надежду магеллановых спутников на горизонте показались острова — Филиппинский архипелаг. Наверное, Магеллан тогда на время утратил в нежданно возникшем из-за горизонта «зеленом» раю чувство меры и необходимой осторожности. По совершенно ненужному ему поводу он ввязался в схватку с туземцами на стороне одного раджи, кстати, ложно присягнувшего на верность испанскому королю. Великого мореплавателя тогда смертельно поразило копье аборигена, и случилось это 27 апреля 1521 года.

Странно, конечно, но в изначальных планах Магеллана совершенно не значилось совершение кругосветного путешествия: такой результат был получен как бы совсем случайно. После гибели Магеллана, а также многих португальских моряков и плутания по морям в эскадре остались на плаву лишь два корабля: бывший магелланов флагман «Тринидад» и «Виктория». «Тринидад» попал в плен к португальцам, поскольку их король

Рис. 18.9. Портрет Фердинанда Магеллана [Wikipedia]

Рис. 18.10. Испанский морской парусник типа карраки. Примерно так должна была выглядеть знаменитая каррака Колумба «Санта Мария». С картины Андриеса ван Еергвельта 1628 г. [Wikipedia]

умением сооружать превосходные суда. Полагают, что их флоты по своим мореходным качествам превосходили все известные в тогдашнем мире корабли. Слов нет: их каравеллы, карраки, нао и другие типы судов оказа-

Рис. 18.11. Сопоставление размеров испанской карраки (передний план) и китайского корабля XV века. На таких огромных парусниках китайский мореплавател Чжэн Хэ несколько раз плывал в Индию и достигал берегов Восточной Африки. В период 1405—1433 годов ему удалось совершить семь дальних морских путешествий [Wikipedia]

объявил Магеллана изменником. «Виктория» же под командованием Хуана Себастьяна Элькано продолжила путь вокруг Африки, держась вдали от ее берегов и тем самым стараясь избежать встреч с португальцами, что и удалось.

И вот, наконец, по прошествии долгих трех лет 8 сентября 1522 года 18 человек на этой обветшавшей карраке — так именовался тип парусника — достигли Испании. Эта уцелевшая команда представляла первых людей, сумевших обогнуть земной шар. Король Карл V присвоил тогда же их капитану Элькано личный герб с девизом «Primum circumdedisti me» («Впервые обогнувшему меня»).

Успехи испанцев и португальцев в их морских скитаниях нередко стараются объяснить их

лись хорошо приспособленными к этим не только многомесячным, но даже многолетним плаваниям, как показали суда Магеллана. Однако в том же XV столетии китайцы сооружали корабли, резко превосходившие по своим размерам (рис. 18.10), а — возможно — также и по мореходным качествам суда европейских путешественников того времени.

Эпоха открытий или же колонизации?

В англоязычных странах тот период, который по-русски обычно именуют Эпохой Великих географических открытий, звучит или короче — просто как *век Открытий/Открытия (the Age of Discovery)*, или же, если по-научному, то несколько более претенциозно как *век Исследований/Исследования (the Age of Exploration)*. Мне кажется, что существенно более точным окажется определение данной эпохи в качестве *века колонизаций/колонизации (the Age of Colonization)*, хотя в англоязычных источниках с таким определением я почему-то не сталкивался (возможно, плохо искал). При всем при том стремительно накатившийся вал подчинения тех человеческих общностей, что находились за пределами Евразийского ядра культур, вовсе не исключал, что на неведомых до тех пор пространствах параллельно могли свершаться и, конечно же, свершались открытия, порой весьма значительные, равно как и проводились какие-то исследования. Определение *век колонизации* ставит ударение на том, что первостепенное значение для завоевателей вновь открытых земель всегда играли захват этих территорий и полное подчинение, а иногда даже и биологическое истребление отсталых в технологическом отношении аборигенов.

Примеров этому множество бесчисленное. Наверное, самыми яркими и выразительными стали деяния в Америке испанских конкистадоров XVI века. Имена Эрнандо Кортеса — сокрушителя царства ацтеков, или Франсиско Писарро — завоевателя государства инков, я думаю, достаточно хорошо известны читателям. Примечательно, что конкистадоры и сами не скрывали своих зверств и коварств. Оправданием служило одно: поганые язычники должны были или принять христову веру, или же им нет места на Земле. Для того чтобы не быть голословным, следует, возможно, вспомнить хотя бы вкратце о некоторых из наиболее ярких эпизодов того мрачного для множества культур века колонизации. Возьмем для примера, пожалуй, Писарро и его акции против империи инков: в чем-то он может послужить вполне выразительной иллюстрацией того периода.

Франсиско Писарро был уже совсем немолод, когда ему довелось подступиться к расположенной в Андах столице государства Куско: в 1533 году его возраст приближался к шестидесятилетию. Войско его было совсем немногочисленным, но впереди обладавших грозным огнестрельным ору-

Рис. 18.12. Испанские изображения различных акций Франсиско Писарро против принца Атауальпы. Слева: коварство конкистадора, заманивающего сановного инка в свой лагерь. Справа: казнь Атауальпы после получения испанцами фантастического золотого выкупа за жизнь их властителя [“Conquistadors” by M. Wood. University of California Press, 2001; www.pbs.org/conquistadors/pizarro/]

жием конных испанских отрядов катилась весть, буквально парализовавшая аборигенов: страшные пришельцы — суть нерушимые божества. Правда, даже при таком мифе сражение с десятками тысяч туземцев испанцам казалось неразумным.

За право обладать престолом тогда боролись два инкских брата-принца — Атауальпа и Туаскар. Писарро, узнав об этом, решил воспользоваться распрей и, не встречая какого либо сопротивления, продвинулся со своим отрядом вглубь державы инков, подойдя к городу Кахамарка, где располагался со своим войском принц Атауальпа.

«Предательски приглашенный в испанский лагерь Атауальпа, явился туда безоружный в сопровождении лишь телохранителя. В тот же момент на его ничего не подозревающую свиту набросились конные испанцы и поголовно истребили всех. Сосредоточенная в окрестностях Кахамарки многочисленная, но лишенная своего вождя армия в растерянности отступила. За освобождение Атауальпы инки предложили испанцам невообразимый по ценности выкуп. Должна была полностью (под потолок) заполнена золотом комната площадью 35 кв. м., в которой содержался пленный принц» [Catholic Encyclopedia; www.newadvent.org/cathen/].

Инки собирали это золото несколько месяцев. Общий вес переплавленного в слитки золота оценивался примерно в 6 тонн, а цена в пересчете на испанские деньги в 15 миллионов песо. Однако вопреки договору, 24 июня

Рис. 18.13. Перу, город Кахамарка. Восстановленный дом, в котором в течение нескольких месяцев содержался обреченный на смерть принц инков Атауальпа. Главную комнату этой постройки инки должны были наполнить до потолка золотом. Здесь же принца и казнили. Ныне это активно посещаемый туристический объект [Google]

1534 года испанские конкистадоры зверски казнили Атауальпу (рис. 18.2).

Однако жажда кровавых деяний у Писарро не утихала. Спустя четыре десятилетия после гибели Атауальпы один из свидетелей показывал, как он лично «*видел, что после смерти Атауальпы дон маркиз Франсиско Писарро также убил и приказал убить большое количество индейцев и полководцев и родственников самого Инки и более 20 тысяч индейцев, находившихся с тем Атауальпой для ведения войны с его братом Туаскаром*» [Testimonios: 196].

Достаточно широко известны в литературе также весьма странные свидетельства Диего де Ланды — главы францисканского ордена Юкатана и Гватемалы с 1553 по 1579 гг. Он был чрезвычайно жестким приверженцем инквизиции и относился к числу ярых фанатиков католической

Рис. 18.14. Испания, город Трухильо. Здесь родился знаменитый конкистадор Франсиско Писарро. Конный памятник в его честь на центральной площади города

церкви. Но вот что неожиданно: в своей книге, которую он завершил в 1566 году, особая глава оказалась посвященной жестокостям испанцев:

«Индейцы тяжело переносили ярмо рабства. Но испанцы держали разделенными их поселения, находившиеся в стране. Однако не было недостатка в индейцах, восстававших против них, на что они отвечали очень жестокими карами, которые вызвали уменьшение населения. Они сожгли живыми несколько знатных лиц в провинции Купуль, других повесили... Испанцы схватили знатных лиц, заперли в одном доме в оковах и подожгли дом. Их сожгли живыми, с наибольшей в мире бесчеловечностью. И говорит это Диэго де Ланда, что он видел большое дерево около селения, на ветвях которого капитан повесил многих индейских женщин, а на их ногах [повесил] их собственных детей...»

Индейцы провинций Кочвах и Чектемаль возмутились, и испанцы их усмирили таким образом, что две провинции, бывшие наиболее населенными и наполненными людьми, остались наиболее жалкими во всей стране. Там совершали неслыханные жестокости, отрубая носы, кисти, руки и ноги, груди у женщин, бросая их в глубокие лагуны с тыквами, привязанными к ногам, нанося удары шпалой детям, которые не шли так же [быстро], как их матери. Если те, которых вели на шейной цепи, ослабевали и не шли, как другие, им отрубали голову посреди других, чтобы не задерживаться, развязывая их. Они вели большое количество пленных мужчин и женщин для обслуживания, обращаясь с ними подобным образом...

Испанцы оправдываются, говоря, что их было мало и они не смогли бы подчинить столько людей, если бы не внушили страх ужасными карами. Они приводят примеры из истории и приход евреев в землю обетованную с большими жестокостями по повелению божью. С другой стороны, индейцы имели основание защищать свою свободу и доверять мужественным капитанам, которые были среди них, надеясь таким образом освободиться от испанцев» [Диэго де Ланда: 131—133].

И еще один связанный с каноником сюжет привлекает внимание. За свои собственные жестокости в 1564 г. он был даже отозван для церковного следствия в Испанию. Высшие богословы оправдали его, и он — «окруженный ореолом святости» — умер в Юкатане уже в сане епископа в 1579 г.

Завершая этот раздел, я хотел бы высказать следующее суждение. **Век или эпоху открытий** следует, как мне кажется, соотносить с путешествиями тех мореплавателей, что пробивались к новым материкам и островам, описывали их, составляли новые карты неведомой доселе земной сферы. **Век колонизации**, бесспорно, связан уже с деятельностью тех, кто ступал на эти открытые европейцами земли. Пришельцы желали максимально полного «освоения диких пространств». У этих завоевателей, которые, скажем, на испанский манер могли вполне откровенно именоваться конкиста-

дорами либо любыми другими словами, в багаже непременно находилось оправдание тем жестокостям и крови, чем чаще всего и сопровождалось их «культуртрегерство». Все их жестокости почти непременно благословляла христианская церковь: ведь главная цель — это приведение «дикого стада» к кристальным источникам христианской добродетели.

Вторая волна слова: Северная Америка

Колонизации Северной Америки в предшествующих разделах настоящей главы мы почти не касались. Между тем история ее открытия и колонизации заметно отличалась от манившей своими прелестями испанцев и португальцев Америки Южной. Хотя испанцы в качестве «хозяев» и появились на северной половине материка первыми, и даже успели открыть для европейцев величавый поток Миссисипи (см. рис. 18.8), инициатива обладания северным континентом постепенно переходила в руки англосаксов. Случилось это, однако, несколькими десятилетиями позднее, что и ознаменовало в те поры вторую волну, разрушавшую рубежи Евразийского ядра.

Еще раз напомним, что основной целью третьей части нашей книги является демонстрация продвижения Российского государства в восточном направлении. Однако смысл и характер этого восточного рывка, представленного в книге в качестве третьей волны, может, пожалуй, проявится гораздо более отчетливо на фоне первой и второй волн и при сравнении с ними. В этом смысле вторая волна прорыва, накрывшая северную половину Американского континента, кажется нам особенно пригодной для предполагаемых сопоставлений, если обратить дополнительное внимание на два обстоятельства. Во-первых, старт второй и третьей волн совпадают во времени: последние десятилетия XVI века и начальные годы XVII столетия. Во-вторых, Северная Америка в экологическом отношении гораздо более сходна с Северной Азией, нежели Америка Южная. Однако в то же время по всем прочим ключевым признакам вторая и третья волны различались между собой чрезвычайно существенно.

Хотя мы и предпочитаем добавлять к наименованию второй волны прилагательное *британская*, вполне очевидно, что в ней участвовали весьма разнообразные группы западноевропейского населения: не только англичане, но также ирландцы, голландцы, французы, немцы и другие. Наряду с полиэтничным составом ранних мигрантов столь же пестрым оказался и состав представителей различных религиозных конфессий. В числе переселенцев находились приверженцы англиканской церкви, протестанты, католики, пуритане-кальвинисты, равно как и различные сектанты типа мормонов и других. Вскоре сюда из Африки стали завозить и чернокожих рабов,

чья религиозные представления кардинально отличались от христианских канонов.

Вся эта «этно-конфессиональная» пестрота второй волны переселенцев выглядела особенно контрастной на фоне едва ли не однородного, во всяком случае, весьма близкого испано-португальского состава конкистадоров, со строгой их принадлежностью к католической ветви Христовой церкви.

Капитан Гудзон и Новый Амстердам

Чаще всего историю колониального освоения Северной Америки начинают с упоминания первой британской колонии — Джеймстаун, возникшей в 1607 году. Но в целом ряде отношений более любопытной и примечательной является история освоения того места, где позднее возник город Нью-Йорк. Ведь фундаментом Нью-Йорка стал основанный голландскими колонистами также Новый, но Амстердам. Красочную историю зарождения этих поселений изложил в своей книге известный американский писатель Вашингтон Ирвинг «История Нью-Йорка»; первая публикация его книги относилась еще к 1809 году. Стиль Ирвинга отличается прекрасным, порой весьма язвительным юмором, что на фоне множества прочих сочинений по поводу «освоения» новых земель, как правило, окрашенных густыми потоками пролитой крови, кажется автору весьма привлекательным.

Акт первый начинается с того, что *«в навеки памятный год от рождения Христова 1609, марта 25 дня, в прекрасное субботнее утро... этот достойный и безвозвратно исчезнувший исследователь, капитан Генри [Хендрик] Гудзон пустился [из Амстердама] в путь на прочном корабле,*

Рис. 18.16. Изображение города Новый Амстердам на острове Манхэттен (1664 год)

называвшемся «Полумесяц», имея от голландской «Ост-индской компании» предписание отыскать Северо-Западной проход в Китай» [Ирвинг: 43].

... Удивительно устойчивая, уже более столетия манившая мореплавателей разных стран мечта: пробраться сквозь Американский материк к берегам Восточной Азии...

«Находясь под особым покровительством providения, корабль благополучно достиг берегов Америки; ... [судно] 4-го сентября вошло, наконец, в величественную бухту, которая и сегодня расстилает свою широкую гладь перед городом Нью-Йорком и которую до тех пор не посещал ни один европеец... Когда [голландцы]... с восторженным вниманием вглядывались в представшее их взору зрелище, из одной долины появился краснокожий мужчина; над его головой развевались перья. В молчаливом изумлении он некоторое время созерцал прекрасный корабль, державшийся на воде, как стройный лебедь, плывущий по серебряному озеру, затем испустил военный клич и, подобно дикому оленю, стремительно бросился в лес, к крайнему изумлению флегматичных голландцев, которые за всю свою жизнь ни разу не слышали такого крика и не видели таких прыжков» [Ирвинг: 45, 46].

Имея ясную цель выйти от этой величественной бухты прямо к берегам Китая, корабль смело продолжил плавание по реке Шатемук (ей вскоре дадут имя Гудзон). Вскоре океанский парусник наскочил на мель, а моряки испив воды, по которой направлялось судно в Китай, с удивлением обнаружили что она пресная и что это, кажется, не пролив, но река. Тут Гудзон решил, что до Китая по такой воде добраться невозможно, и парусник воротился в Европу.

Ликование в Амстердаме по поводу открытий Гудзона было полным, и уже через четыре года весьма многочисленная группа голландцев на большом паруснике «Гуде вроу» («Добрая женщина») отправилась в качестве добровольных переселенцев на запад по пути Гендрика Гудзона. Немедленно в устье Гудзона торжественно обустроили базу Новых Нидерландов — первой голландской колонии в Америке — в виде форта Новый Амстердам. Однако уже на следующий год «...спокойствию голландских колонистов суждено было оказаться временно нарушенным. В 1614 году капитан сэра Сэмюэл Аргол, ... посетил голландские поселения на реке Гудзон и потребовал, чтобы они подчинились английской короне» [Ирвинг: 53].

Рис. 18.15. Изображение XVII века форта Новый Амстердам на острове Манхэттен в устье Гудзона

Так вышли на поверхность ранние признаки британского стремления подчинить себе весь североамериканский материк.

Тем не менее Новый Амстердам заложили, и довольно скоро город приобрел процветающий вид (рис. 18.16; 18.17). Первоначально центр селения — форт Амстердам (рис. 18.15) размещался на острове Маннахата, выкупленного у индейцев в 1626 году за дешевые украшения («погремушки»), стоимостью 60 гульденов (ныне на этом острове громоздятся небоскребы знаменитого центра Нью-Йорка — Манхэттена). Однако в 1664 году англичане сумели ликвидировать колонию Новые Нидерланды, и с этого времени началась собственно история Нью-Йорка, равно как и новый этап в развитии британских североамериканских колоний.

Тринадцать британских колоний у истоков независимости

С только что упомянутого 1664 года территория, примыкавшая к бывшему Новому Амстердаму, стала, как и сам город, именоваться штатом Нью-Йорк. Так на карте появился 11-ый из тех 13 штатов-колоний, которые примерно через столетие громко заявят о своем праве на самостоятельность и о желании освободиться от тягот британской короны. Все 13 штатов пристро-

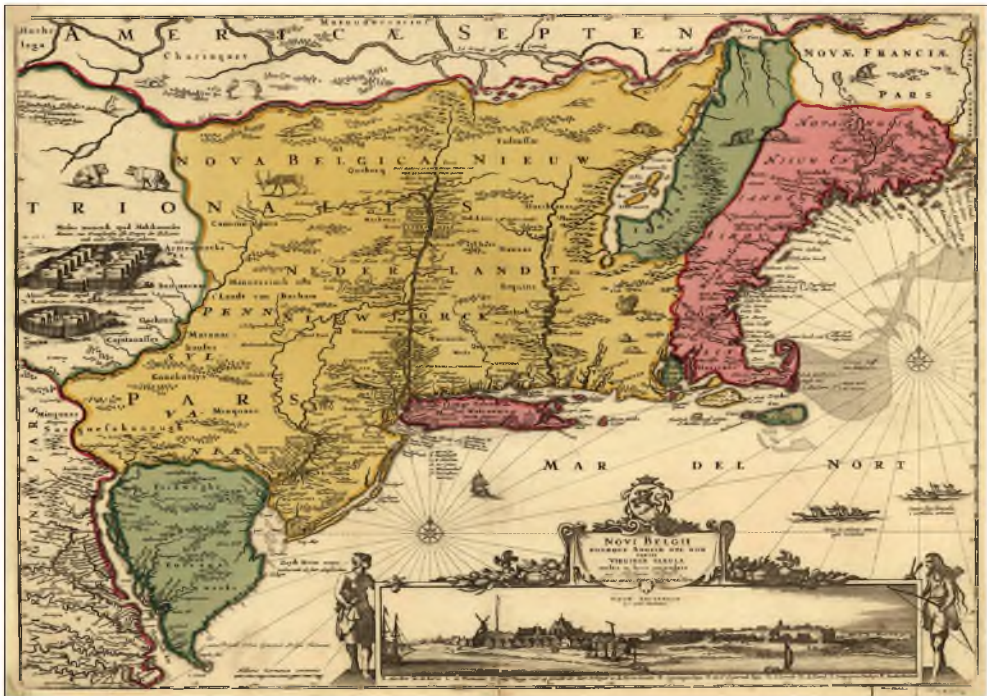

Рис.18.17. Карта колонии Новая Голландия с изображением внизу города Новый Амстердам (XVII век) [Wikipedia]

ились довольно узкой полосой к побережью Атлантики (рис. 18.18). Общая площадь суши всех этих колоний была сравнительно невелика — не более 800 тысяч кв. км. Уже с самых первых этапов их формирования в штатах-колониях начали довольно быстро, а с каждым десятилетием все более и более энергично развиваться производство как сельскохозяйственной продукции, так и — что, пожалуй, было гораздо более существенным — производство промышленное. Явные успехи послужили очевидным залогом вызревания в среде активных американских колонистов идеи независимости.

Стремительная динамика заморских удач будила у британской метрополии весьма ревнивые чувства. Вскоре последовала и соответствующая реакция: в 1750 году Британия наложила запрет на строительство в колониях предприятий, связанных с черной металлургией. С 1763 года для колонистов оказалось возможным перевозить свои товары лишь на тех судах, что плавали под британским флагом. Выпустили еще немало число законов, которые должны были давить американцев нарастающим прессом налогов. Однако роль стартового запала для освободительной войны сыграло знаменитое «Бостонское чаепитие». Тогда в декабре 1773 года жители Бостона, центра штата Массачусетс, возмущенные несправедливым налоговым законодательством, сбросили в море 45 тонн чая.

Ответные карательные меры английских властей привели лишь к обострению ситуации. Возникла необходимость организации протестного движения. В 1774 года в Филадельфии собрались представители штатов на Первый Континентальный конгресс, где и были озвучены основные требования к британским властям по отмене дискриминационных законов и мер по отношению к обитателям колоний. Лондон ответил ужесточением репрессий. Через полгода началась война за независимость.

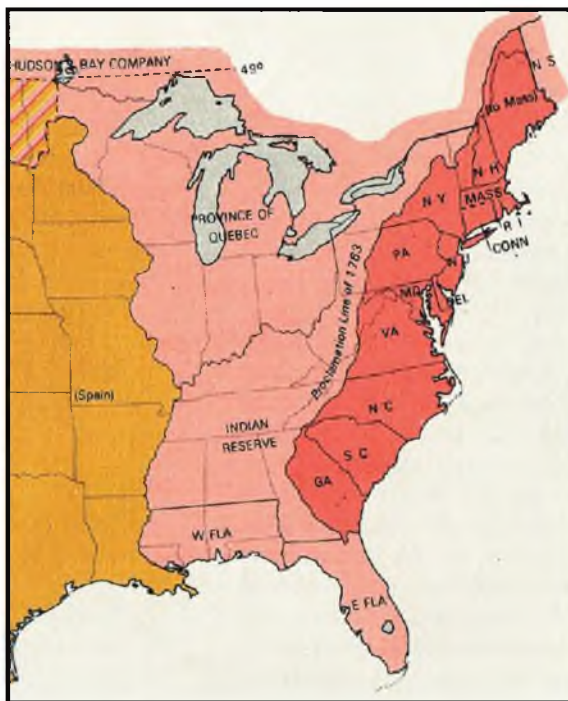

Рис. 18.18. Карта расположения тринадцати североамериканских штатов-колоний Британии перед войной за независимость [Wikipedia]

Первое серьезное сражение между повстанцами и регулярными английскими войсками произошло 17 апреля 1775 года. Упорные бои на суше и на море продолжались шесть лет. Франция — этот вечный соперник Англии — не замедлила послать свои подкрепления американским сепаратистам. И вот, наконец, в октябре 1781 года с активной помощью французских добровольцев в битве у Йорктауна американские отряды принудили к капитуляции 9-тысячную армию британского генерала Корнуоллиса. С этого времени военные действия стали затихать, и в 1783 году Англия вынужденно предоставила 13 бывшим штатам-колониям независимость.

На землях Северной Америки Британия проиграла, но при этом никак не отказалась от жажды приобретения новых земель, таившихся на необъятных океанских просторах. Легендарный английский мореплаватель Джеймс Кук в свое трагическое третье путешествие отправился в 1776 году, когда уже вовсю кипела война английской метрополии с американскими колонистами. До финального в своей жизни 1779 года капитану Куку удалось в очередной раз избороздить на своем паруснике едва ли не все океаны нашей планеты (рис. 18.20 и 18.21). Неведомых земель на нашей планете к концу XVIII столетия оставалось все меньше и меньше.

Соединенные Штаты Америки: от Флориды до Аляски

До войны за независимость все пространства суши и вод Североамериканского материка находились под политической эгидой четырех европейских стран — Англии, Франции, Испании и России. Однако довольно скоро после победы американских сепаратистов стало вполне очевидным, что все

Рис. 18.19. Глава американских инсургентов во время опасной переправы через реку Делавэр 25 декабря 1776 года [Wikipedia]

европейские властители этих огромных территорий владеют ими, по существу, номинально. Оказалось, что у всех этих мнимых и столь отдаленных от Нового Света хозяев очень мало или даже вовсе нет сил для реального обладания этими отдаленными землями. Соединенные Штаты Америки, почти незамедлительно продемонстрировавшие исключительно бурный темп в своем промышленном развитии, получили тогда почти невиданную фору для относительно мирного присоединения тех земель, где повседневная жизнь протекала, как и столетия назад, где продолжалась традиционная и мало затронутая инновациями жизнь коренных обитателей североамериканских лесов и прерий. С этого времени весьма четко начала выявляться роль истинных владельцев необъятных пространств Северной Америки.

Рис. 18.20. Портрет легендарного английского мореплавателя капитана Джеймса Кука (1728—1779) [Wikipedia]

Кажется, самым первым из числа наиболее выгодных для США и впечатляющих приобретений стала покупка в 1803 году у Франции огромного массива земель Луизианы. Тогда 2,1 млн. кв. км территорий, связанных по преимуществу с обширным ареалом бассейна речной системы Миссисипи-Миссури, перешли в ведение Соединенных Штатов всего за 23 с небольшим миллиона долларов. Средняя цена земли составила около трех центов

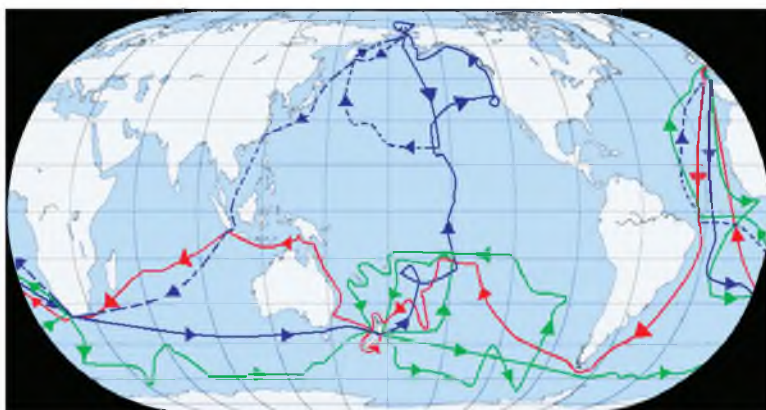

Рис. 18.21. Карта трех путешествий капитана Джеймса Кука. Первое путешествие — красный цвет (1768—1771); второе — зеленый цвет (1772—1775); третье и последнее — синий цвет (1776—1779)

за акр. Позднее на этих пространствах полностью или же своими частями расположились земли 14 новых штатов.

Потом была серия относительно коротких испано-американских боевых столкновений. Для нашей же темы важно, пожалуй, то, что в 1841 году американцы выкупили у России знаменитый Форт-Росс — тот самый южный на американском континенте пункт российского проникновения, расположенный уже в Калифорнии. И наконец, последним из наиболее значимых территориальных приобретений США стала покупка в 1867 году у России ее Аляски. Площадь полуострова превышала 1,7 млн. кв. км, и за это Америка заплатила всего 7,2 миллиона долларов (то есть, около двух центов за акр земли). Аляска явилась 49-м штатом США, и тогда общая площадь всего государства приблизилась вплотную к его максимальному значению — более 9 млн. кв. км.

В утверждении о том, что стремительное индустриальное развитие США явилось залогом ее нарастающей мощи, не содержится, естественно, ничего нового. Однако, может быть, полезной станет краткая иллюстрация этого тезиса одним-единственным примером — динамикой роста железнодорожных магистралей. Очень быстро американские промышленники поняли, что реальное единство этой страны, стремительно прирастающей огромными территориями, можно обеспечить лишь с помощью надежной сети транспортных сетей. В 1830 г. удалось собрать первый американский паровоз. Через 10 лет, то есть к 1840 г., общая длина железнодорожных путей в стране превысила 5 тысяч км. А еще через 20 лет протяженность магистралей достигла 50 тысяч км! В 1869 г. первые поезда пересекли всю территорию США от Атлантики до Тихого океана: началось сооружение скоростных многотысячекилометровых трансконтинентальных трасс.

Таковыми явились одни из множества нитей, обеспечивавших реальное единство тех пространств, которые не в столь уже отдаленное время признавались европейцами за весьма «дикие».

ГЛАВА 19

Третья волна слома: прорыв к Тихому океану

Третья волна, сокрушившая рубежи Евразийского ядра культур, была связана уже с энергичными устремлениями подданных Российского государства на восток, через Урал, в Сибирь, к Тихому океану. Самым существенным отличием этого движения от первых двух явился ее почти исключительно сухопутный характер (если не считать, конечно, плаваний по речным магистралям), а также фактическая моноэтничность этого прорыва: русский этнос в этом движении на восток безусловно главенствовал. Мы говорили также, что третья волна оказалась синхронной со второй — или же той, что была направлена на колонизацию Северной Америки. Относительно сходной оказалась и та геоэкологическая ниша, по которой следовали оба этих прорыва. Однако по всем прочим аспектам и деталям характер этих колонизаций различался весьма существенно.

Начало: до Ермака

Отсчет времени российского броска за Урал, в Сибирь, традиционно ведут от того момента, когда то ли 1 сентября 1581 года, то ли того же сентября, но уже следующего 1582 года (для нас это не суть важно) Ермак Тимофеев «со товарищи» отправился через Урал воевать «Татарское царство нечестивых Агарян». Однако такой взгляд грешил забвением более ранних попыток проникновения отрядов Московского царства за «Камень», как тогда именовали Уральскую горную цепь. Эти попытки предпринимались как до, так и после покорения русскими Пермской земли, охватывавшей бассейн Камы. В 1483 г. Иван III распорядился об организации большого — и уже второго в его царствование — похода. Восемнадцатью годами раньше устюжанин Василий Скрыба ходил в «Югрскую землю» и полонил некоторых ее князей. Однако гораздо более результативной явилась зауральская экспедиция, когда во главе большого войска стояли князь Курбский Черный и Салтык Травин. Они «пришли в Сибирскую землю», завоевали множество «городов», взяли на Иртыше и Оби изрядное число пленных, а также местных югорских князьков.

Рис. 19.1. Таковым представлено расположение морей, рек, городов и стран в пределах Восточной Европы на карте 1549 года Сигизмунда Герберштейна; гравюра базельского издания 1556 года [Герберштейн: 139]

В изданном в 1838 г. весьма объемистом сочинении «Историческое обозрение Сибири», принадлежащем перу изрядно подзабытого ныне автора П. А. Словцова, этот «пред-ермаковский» поход за Урал воспевается в словах кратких, но до изумления возвышенных:

«Не замечательно ли, что в конце XV века, в то же время, когда Эммануил Португальский снарядил Васко де Гаму для обхода Африки на восток, Иоанн III послал также на восток, за Югорский камень, своего сухопутного Васко де Гаму, в Обдорю или низовую Обскую страну...? Промышленность Вычегодская еще прежде спознала пути за Камень, но не промышленность указала их, а государственная гордость за покушения Закаменных звероловов на безопасность Великой Перми. Меч Московский около 1501 года омылся в крови дерзких» [Словцов: XV].

С этих торжественных слов начиналась пухлая книга Словцова, однако при этом он, как ни странно, забыл указать имя русского «сухопутного Васко де Гамы» — ведь гордость всегда должна быть персонифицированной.

Вся информация о приуральской стране Пермь, об Урале и Зауралье сохранялась в неких государственных архивах, и с нею удалось ознако-

миться Сигизмунду Герберштейну — посланнику австрийского дома Габсбургов в Москву ко двору Василия III в 1517 и 1526 гг. Его быстро ставшая знаменитой и выдержавшая несколько изданий книга «Записки о Московии» кроме разнообразных сведений о далекой и таинственной стране «Московия» содержала также добытую им информацию о восточных рубежах этого государства. Посланник именует оказавшиеся доступными ему документы «русским дорожником». Приводимые им сведения любопытны сочетанием в описании вполне реальных мест и маршрутов с заведомо сказочными и фантастическими сюжетами и небылицами, о чем сам Герберштейн догадывается:

«Все, что я сообщил доселе, дословно переведено мной из доставленного мне русского дорожника. Хотя в нем, кажется, и есть кое-что фантастическое и едва вероятное, как например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой Старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе с человеческим образом...» [Герберштейн: 160].

В любом случае, вся собранная им информация представляет большую ценность. Кроме того, в изданной в 1549 году австрийским посланником книге опубликована также и карта Московии (рис. 19.1). Имя автора этого творения, к сожалению, осталось для нас неизвестным, но сама карта, безусловно, не лишена любопытства как памятник картографической науки первой половины XVI века в приложении к плохо изученным пространствам Московского государства.

Казанский «барьер»

Столетний разрыв между первыми попытками Ивана III пробиться за «Уральский камень» мог объясняться главным образом казанским «барьером». Москве необходимо было сломить и подчинить Казанское ханство для того, чтобы открылся достаточно надежный и безопасный путь на восток. В 1552 году это удалось молодому внуку Ивана III Ивану IV. После удачного штурма 2 октября Казань пала, 4 октября приступили к очистке города от бесчисленных трупов, а 6 октября заложили церковь Благовещения.

Однако ж сразу *«...надобно было распорядиться насчет дикого, воинственного народонаселения, жившего в ее области... Около Казани сосредоточивались и укрепляли ее разные дикие народы, жившие в привольных для первобытного человека местах по обеим сторонам Волги, западной и восточной, горной и луговой: черемисы, мордва, чувашы, вотяки, башкиры... Мы видели также, что первым делом Иоанна по взятии Казани была посылка к этим народцам с приглашением вступить в подданство московское, войти к Москве в те же отношения, в каких находились они к Казани. Они согласились, и дело казалось конченным...»* [Соловьев - 6: 458, 462].

Но это только казалось. Кто-то откликнулся на приглашение-повеление царя, кто-то сделал вид, что никаких приглашений не получал. Степной пояс даже в его периферийно-северном варианте не спешил отдаваться на милость московском владыке. Мы говорим сейчас об относительно слабой окраине Степного пояса. Южная же степь оставалась и до тех пор почти неодолимым и намного более мощным по сравнению с Казанью барьером для набирающего силу Российского государства.

«Московское государство могло с успехом вступить в окончательную борьбу с магометанским Востоком, с Турцией не прежде, как по прошествии двухсот лет, когда уже оно явилось Российской империей и обладало всеми средствами европейского государства. Теперь, следовательно, в XVI веке, внимание правительства его должно было обращаться главным образом на приобретение этих средств, должно было для этого обращаться к Западу, где могло найти их; и вот Иоанн, как скоро успокоил свои восточные границы взятием Казани, обращает внимание на Запад» [Соловьев - 6: 481].

Иван Грозный обратил свои взоры на запад и ввязался в долгую Ливонскую войну. Вначале война эта сулила немалые успехи, но завершилась невеселым финалом. Лишь под занавес своей жизни царь дал добро на восточное движение. Однако инициатором в этом порыве выступил отнюдь не царь, но семейство Строгановых.

Строгановы и Ермак Тимофеевич

Со знаменитым в российской истории кланом Строгановых и атаманом Ермаком, безусловно, оказалось связанным реальное начало колонизации неохватных сибирских земель. Чтобы добиться царского благоволения на продвижение в восточном направлении, нужно было убедить царя, что, с одной стороны, как будто земли здесь совершенно «пустынные», а с другой — из этих пустошей, неведомо откуда, постоянно налетают орды нехристей, грозя разрушить строгановские и к тому весьма полезные царю начинания. И для этого им — Строгановым — нужны, конечно же, особые привилегии. Вот, к примеру, еще задолго до Ермака, в 1558 году Григорий Строганов «... бил царю челом и сказывал: ... что ниже Великой Перми, по реке Каме, по обе ее стороны, до реки Чусовой, лежат места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые, и всего пустого места здесь сто сорок шесть верст; до сих пор на этом месте пашины не паханы, дворы не ставали и в царскую казну пошлина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому... Григорий Строганов бил челом, что хочет на этом месте городок поставить, город пушками и пищалями

Рис. 19.2. Атаман Ермак Тимофеевич (художник неизвестен) [Wikipedia]. Крайне сомнительно, что это изображение самого Ермака: вряд ли с него когда-либо и кто-либо мог писать портрет. Скорее всего, здесь представлен собирательный образ знатного «вольного» казака XVI—XVII веков.

Нередко спорят о происхождении имени Ермак — что оно означает и какого оно происхождения? По всей вероятности, это уже кличка, и восходит она к тюркскому — ирмак (irmak), что означает «река» или же «большая река». Так, в Турции есть река Kizilirmak (Красная большая река), впадающая в Черное море. Может быть, за этой кличкой кроется нечто вроде «Казак с большой реки» (Волги)?

снабдить, пушкарей, пицальников и воротников прибрать для береженья от ногайских людей и от иных орд» [Соловьев - 6: 666]

Истинные владельцы огромной Пермской страны (легендарной Биармии) Строгановы имели желание и немалые возможности преумножить свои богатства. В. С. Соловьев, как это он часто делал, постарался придать их банальным желаниям высокий патриотический смысл:

«Понятно также, что Строгановы могли совершить этот подвиг на пользу России и гражданственности не вследствие только своих обширных материальных средств; нужна была необыкновенная смелость, энергия, ловкость, чтоб завести поселения в пустынной стране, подверженной нападениям дикарей, пахать пашни и рассол искать с ружьем в руке, сделать вызов дикарю, раздражить его, положивши пред его глазами основы гражданственности мирными промыслами» [Соловьев - 6: 667].

Загадочный путь приобщения дикарей к цивилизации путем раскладывания *«пред его глазами основ гражданственности»* должен был выпасть, судя по нарастающим событиям, вольному атаману Ермаку Тимофееву с казаками. Вот что гласят летописи по этому поводу:

«О призвании Волских [вольных?] атаманов и казаков Ермака Тимофеева с товарищи, с великия реки Волги в Чусовские городки на спомогание против неверных.

В лето 1579 году Априля в 6 день, слышаху бо сия Семен и Максим и Никита Строгановы от достоверных людей, о буйстве и храбрости Поволских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с товарищи, како на Волге, на

перевозех, Нагайцов побивают и Ардобазарцов грабят и побивают; и тии людие, слышав то про их буйство и храбрость, и людей своих с писанием и с дары многими послаша к ним, дабы или к ним в вотчины их в Чусовские городки и в острожки, на спомогание им. И они де вельми сему возрадовашася, яко послании приидоша к ним от честных людей и зваху их к себе на помощь; тогда атаманы и казаки, Ермак Тимофеев с товарищи: Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан, Матфей Мецерьак, собрався со единомысленною и предоброю дружиною, число же их 500 и 40 человек, вскоре шестие учиниша к ним...

...Тогож года Июня в 28 день... приидоша с Волги атаманы и казаки, Ермак Тимофеев Поволской с товарищи, в Чусовские городки; они же Семен и Максим и Никита Строгановы прияша их с честию и даяха им дары многи, и брашны и титии изобильно их наслаждаху. Атаманы же и казаки стояху против безбожных Агарян буйственно и единомысленно, с живущими ту людьми в городках, и бияху с безбожными Агаряны сурово и немилостиво, и твердо стояху, и на неверных поощряхуся: пожисиа же они атаманы и казаки в городках их два лета и месяцы два» [Спасский: 13—15].

Крайне сомнительно, чтобы Строгановы не лелеяли мечту о дальнем походе Ермака за Урал, где было изобилие столь ценимой на Руси разнообразной пушнины. Именно поэтому Строгановы спустя «два месяца и два года», придав атаману еще три сотни людей и снабдив его всем необходимым, отправили Ермакову дружину в столь знаменитый поход через «Уральский Камень» вверх по Чусовой. И случилось это 1 сентября 1581 года.

Вольные казаки, известные своими храбростью, буйством и разбоями не очень-то были в чести у Грозного царя. Правой руке Ермака Ивану Кольцо за его «былые подвиги», случись ему оказаться в руках царских властей, грозила бы верная смерть. Однако явных возражений царя тогда на этот поход вроде бы не последовало, или же Строгановы монарха не запрашивали. Правда, ситуация вскоре сильно изменилась. Пелымские «нехристи» напали на российские пермские владения и «...оставиши люди в городках и в острожках своих от окаянных и безбожных Татар, от их злаго притужания, едва смерти смерти избьшиа».

Об этом Чердынский воевода донес Ивану IV с жалобой на то, что Строгановы никакой помощи ему не оказали. Царь в гневе великом велел отписать Строгановым: вместо того, чтобы оборонять Чердынь и биться с ворогом, вот что «...сделалось вашей изменою: вы Вогуличь, и Вотяков и Пельмцов от нашего жалованья отвели, и их задрали и войною на них приходили; за тем задором с Сибирским Салтаном ссорили нас; а Волких атаманов, к себе призвав, воров наняли в свои остроги, без нашего указа; а те атаманы с казаки, преж того ссорили нас с Нагайскою ордою, послов Нагайских на

Волге на перевозех побивали, и Ардобазарцев грабили и побивали, и нашим людем многие грабежи и убытки чинились...»

За эти вины царь якобы повелел им Пермскую землю от врага оберегать, а вместо этого в тот же день, когда вогуличи напали на Пермь то «Ермак с товарищи», пошли воевать Вогуличь и Остяков и Татар, а Перми ничем не пособили...».

А ведь велено было им стоять на определенных местах и за врагами зорко наблюдать. И если этого сразу же исполнено не будет и «... не вышлите из острогов своих Волских казаков, Ермака Тимофеева с товарищи, а учнете их держати у себя, и Пермских мест не учнете оберегати, и такую вашей изменю... в том опала на вас своя положити большая; а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешать» [Спасский: 24—25].

Такой суровой угрозой и завершился первый тур знаменитого похода. Однако царский гнев пропал втуне. Ермак «с товарищи» оказались уже далеко за Уралом, где они вступили в сражения с воинством Сибирского хана Кучума. После побед на Кучумом, сбора пушного ясака, отсылки ясака к царскому двору вместе с известием о покорении Сибири Иван Грозный сменил гнев на милость. Владыка даже повелел отправить на подмогу Ермаку три сотни стрельцов. Отряд двинулся на восток на зиму глядя, без достаточных припасов и надежной амуниции. Но летописец с прискорбием записал, что «... которые люди присланы были с воеводою со князем Семеном Болховский ис головами казанские да свияжские стрельцы да пермичи и вятчяня, а запасу у них не было никакого, и те все присылные люди... померли в старой Сибири з голоду» [Скрынников: 193—194].

Примечательно, но сложные коллизии на тему «Иван Грозный и Ермак» нашли отражение в фольклоре. Вот, например, в одной из песен атаман обращается к своим сподвижникам:

*Да пора нам, ребятаушки, во поход идти,
Во поход идти да Сибирь покорять.
А и вот нам, ребятаушки, быть повешенным
А когда же мы, ребятаушки, да Сибирь покорим,
То за это нас, ребятаушки, царь простит, помиловат,
Царь простит нас, ребятаушки, всех пожаловат.*

Невзирая на большое превосходство огнестрельной пищали над луком, даже не забывая о многих победах «вольных» казаков над нестройными отрядами Кучума, Ермак и его соратники были обречены. Таяла в постоянных стычках дружина атамана. Погиб со своим отрядом Никита Пан. Смерть настигла и Ивана Кольцо — знаменитого разбойника и сподвижника Ермака.

Рис. 19.3. «Покорение Сибири Ермаком». Картина выдающегося русского художника Василия Сурикова 1895 г.

Наконец, наступила пора и самого атамана. Почти через четыре года после появления его отрядов за Уралом, в начале августа 1585 года, он оказался вновь со своей тогда уже немногочисленной дружиной на Иртыше. Его главный и неукротимый враг Кучум «...подсмотри их, и разосла многих Татар, и повеле твердо стрещи; тое же ноци бысть дождь велик, погани же, аки ехидна некая, дышуце на Ермака с дружиною, и мечи свои свои готовляху на отомщение... Ермак же с дружиною спаху в станех в полгах, погани же яко неистово дышуце готовляшеся на пролитие крови...» [Спасский: 56—57].

В ту ночь погибла практически вся дружина Ермака, и вряд ли кто мог видеть, как очнувшийся от сна Ермак пытался доплыть до своего струга, но утонул в Иртыше. Это может быть поздней легендой, как и текст той знаменитой песни, как в предсмертную ночь «на диком бреге Иртыша сидел Ермак, объятый думой». А во время ночных атамановых раздумий «товарищи его трудов беспечно спали средь дубравы». Ермак же, согласно песне, был совершенно уверен, что

*Нам смерть не может быть страшна,
Своё мы дело совершили.
Сибирь Царю покорена,
Не праздно мы на свете жили!*

Такого рода мифы и легенды почти непременно окутывают память знаковых фигур, к каковым, безусловно, относился и Ермак Тимофеевич.

Завершить же этот раздел главы мне хочется странным и отчасти двусмысленным, насыщенным диковинными словосочетаниями, курьезным

панегириком, который сочинил сибирскому завоевателю спустя полтора века после его гибели уже упоминавшийся ранее автор весьма объемистого «Исторического обозрения Сибири» П. А. Словцов:

«История, редко не краснея за своих героев, с откровенностью отвечает за козака, превзошедшего свое имя, свое намерение, и ныне идущего среди потомства вровень с историческою пирамидою, — отвечает, повторяем, что Ермак принадлежит к особливому разряду людей необразованных, которым, как говорится, на роду написана большая игра желаний и надежд, поочередная смена удач и опасностей... Завоеватель Кучумова юрта действительно схватил венки свои, покори́л страну, собирал дани, и в очаровании самоудовольствия с месяца принимал подданство уstraшенных аулов на свое имя, а не на имя своего природного Государя, которого столица за десять лет (1572) была превращена в пепел от Крымцев» [Словцов: XXV—XVI].

Надо полагать, что во времена П. Словцова немалое число образованных людей размышляло о Ермаке примерно так же, как и автор этого «Исторического обозрения».

От Урала до мыса Дежнёва

Последователей пути Ермака насчитывается весьма изрядное число, и — самое главное — многие из них отличались поистине безудержной энергией, характерной вообще для завоевателей-конкистадоров. Даже простое перечисление их имен может занять слишком много места: в этом списке будут Василий Власьев, Колесников, Петр Головин, Никита Савельев, Семен Шелковник и многие другие. Да и нет смысла упоминать в книге всех участников этого покорения восточных земель — это не наша задача. Лучше будет остановиться хотя бы вкратце на тех ключевых фигурах, с которыми связаны наиболее значимые достижения колонизации севера Евразии.

Знаковое имя этой эпопеи, конечно же, Семен Дежнёв (1605?—1673?), родом из Великого Устюга. По крайней мере, с середины 1630-х годов он служил в Сибири, где принуждал непокорных якутов к подчинению и «объясачивал диких нехристей» различных национальностей. В 1641 и 1642 годах активность его группы была заметна в приполярных бассейнах Яны и Индигирки. Потом — Колыма (1647 год), и наконец, включенный в отряд Федота Попова в качестве сборщика ясака уже с чукчей, он и Попов летом 1648 года сумели достичь самой восточной точки Евразийского континента, или же мыса, получившего позднее имя Дежнёва. Руководителю отряда Федоту Попову не повезло: его настигла смерть то ли в морской буре, то ли во время стычки с аборигенами.

Рис. 19.4. Семен Иванович Дежнёв. Скульптор Б. Н. Бродский (гипс). Заметим также, что реальных портретов этого землепроходца, конечно же, не сохранилось; таким его облик представлялся скульптору

Был еще один претендент на роль первооткрывателя — Михаил Стадухин. Как будто с 1642 он вместе Дежнёвым года собирал ясак с «дикарей» по многим урочищам Якутии. Затем они оба появляются и на Чукотке. Отношения между ними складываются совсем не блестяще. На *«Анадыр-реке... Дежнёв встретился с Семеном Моторою, который сухим путем достиг Анадыра, и пошли вместе. Но Стадухин идет следом за Дежневым и Моторою и громит тех дикарей, которые уже дали ясак Дежнёву. Однажды в виду дикарей, сидевших в своем острожке, произошла любопытная сцена: между Дежнёвым и Стадухиным началась перебранка. «Ты делаешь негораздо, — говорит Дежнёв Стадухину, — побиваешь иноземцев без разбора». «Это люди неясачные, — отвечал тот, — а если они ясачные, то ты ступай к ним, зови их вопи из острожка и возьми с них государев ясак». Дежнёв начал говорить дикарям, чтобы они выходили без боязни и дали ясак, и один из дикарей стал подавать из юрты соболи. У Стадухина разгорелись глаза на соболи, которые брал Дежнёв, он бросился на него, вырвал из рук меха и стал бить по щекам. Дежнёв после того почел за лучшее уйти как можно подальше от Стадухина» [Соловьев - 12: 566, 567].*

Крайне любопытно: концентрация русских на этой окраине Евразии не более, чем один «первопроходец» на неохватную тысячу квадратных километров. Но «первопроходцам» этого мало, и они лупят друг друга «по щекам», отнимая ясак. Впрочем, такого рода выражения «дружбы» и сотрудничества не являлись особой новостью не только на севере Евразии; вряд ли где-либо торопливые колонизаторы обожали друг друга.

Встречи на Амуре: маньчжуры

Морские побережья Ледовитого океана и Берингии обозначили к середине XVII столетия северные и северо-восточные границы российского стремительного проникновения. Южные рубежи пока что плотно перекрывались культурами Степного пояса, хотя в глубинах Сибири и Дальнего Востока о Степном поясе вряд ли помнили. Около 1641 года якутскому воеводе стало известно, что где-то *«на реке Шилке сидят многие пахотные хлебные люди и живет князек Лавкай, у которого на устье реки Уры в двух местах серебряная руда: одна в утесе, а другая в воде, да на той же реке Шилке внизу медная и свинцовая руда, а хлеба всякого много»*. Тогда в

Рис. 19.5. Реконструкция Илимского острога, заложенного на притоке Ангары реке Илеме в 1630 году. Музейный комплекс «Тальцы» близ истока Ангары, недалеко от Байкала (село Никола Иркутской области). Такие небольшие, обнесенные деревянными стенами и башнями крепости («крепостицы») являлись совершенно неотъемлемым элементом всего двухвекового процесса колонизации Сибири

1643 году воевода повелел Василию Пояркову во главе отряда из 133 человек отправиться в поиски этой желанной реки.

«Плыли они из Якутска Леною вниз, потом Алданом вверх и из притоков Алдана волоком в притоки Зии [Зей], впадающей в Амур. От устья Зии Поярков поплыл вниз по Амуру, представляя себе, что плывет по Шилке... Поярков достиг устья Амура и тут зимовал, а летом пошел на судах морем к устью Ульи-реки, из Ульи волоком переправился в Маю, приток Алдана, которым и Леною возвратился в Якутск, привезши богатый ясак соболями, но потерявши человек 80 из своего отряда» [Соловьев - 12: 569—570].

Правда, в большей степени Василий Поярков прославился не этим, но своими неоправданными жестокостями, направленными к тому же на собственных спутников.

«Вместе с пышными рассказами Пояркова о Пегой Орде (как называли приамурские страны) слышались страшные рассказы спутников его о поведении самого Пояркова во время похода. «Служилых людей он бил и мучил напрасно и, пограбя у них хлебные запасы, из острожка их вон выбил, а велел им идти есть убитых иноземцев, и служилые люди, не желая напрасною смертию помереть, съели многих мертвых иноземцев и служилых людей, которые с голоду померли, приели человек с пятьдесят; иных Поярков своими руками прибил до смерти, приговаривая: «Не дороги они, служилые люди! Десятнику цена десять денег, а рядовому два гроша». Когда он плыл по реке Зие, то жители тамошние его к берегу не припускали, называя русских людей погаными людоедами. Когда весною в устье Амура снег с лугов сошел и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали корень травной копать и тем кормиться, но Поярков велел своему

человеку выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него запас доро-
гою ценою» [Соловьев - 12: 570].

Слава российского первооткрывателя Амура Василия Пояркова сохрани-
лась в памяти поколений, безусловно, с жутковатым оттенком. Его затмила,
конечно же, фигура Ерофея Хабарова. В 1649 году от Якутска тот уже иным
путем добрался до Амура и попытался вступить там в торговые перего-
воры с местными старшинами. К его удивлению немногочисленный отряд
натолкнулся на пять совершенно пустых поселений (Хабаров именовал их
городами). Местный князь Лявкой встретил его и объяснил, что местный
народ скрылся от страха перед обещанным неким русским пришествием
казачьих разбойных банд. Предусмотрительный Хабаров на следующий год
воротился в Якутск и поведал воеводе о крае, где «...по славной великой
реке Амуру живут даурские люди, пахотные и скотные, и в той великой
реке всякой рыбы много против Волги, по берегам луга великие и пашни,
леса темные большие, соболя и всякого зверя много, государю казна будет
великая. Хлеб в поле родится, ячмень и овес, просо, горох, гречиха и семя
конопляное; если даурские князьки государю покорятся, то прибыль будет
большая, в Якутский острог хлеба присылать будет ненадобно, потому
что из Лавкаева города с Амура-реки через волок на Тугурь-реку в новый
острожек, что поставил он, Хабаров, переходу только со сто верст, а из
Тугурского острожка вниз Тугирем, Олекмою и Леною до Якутска поплаву
только две недели. Даурская земля будет прибыльнее Лены, да и против
всей Сибири будет место украшено и изобильно» [Соловьев - 12: 571].

Рассказы произвели желаемое впечатление, и уже в тот же самый год
Ерофей Хабаров во главе более многочисленного отряда с довольно зна-
чительным огнестрельным вооружением (три пушки) вновь устремился на
Амур. На сей раз местные жители (дауры) из своих городков не ушли, но
приготовились защищаться. На требование Хабарова сдаться и выдать ясак
они отвечали: «Даем мы ясак богдойскому (китайскому) царю, а вам какой
ясак у нас? Хотите ясака, что мы бросаем последним своим ребятам?» «И
настреляли дауры, — пишет Хабаров, — из города к нам на поле стрел, как
нива стоит насеяна. И те свирепые дауры не могли стоять против госу-
дарской грозы и нашего бою». Хабаров взял городок, положивши на месте
больше 600 неприятелей» [Соловьев - 12: 571—572].

Однако жизненные принципы дауров оказались непохожи на те, с кото-
рыми русские успели свыкнуться при столкновении с коренными народами
евразийского севера. Там при захвате в качестве заложников родовых или
племенных старшин-князьков, весь род или даже племя немедленно под-
чинялись пришельцам. Здесь же о групповом повинении даже после пле-
нения властных фигур клана речи не шло: сопротивление продолжалось не
менее ожесточенно.

Вообще русские в Приамурье неожиданно для себя столкнулись впервые уже с иным и совершенно незнакомым для себя миром. В 1652 году против Хабарова на Амур выступило манчжурское войско, осадившее построенный наспех Хабаровым Ачанский городок. Защитникам городка удалось отбиться, но Хабаров признавал, что это ненадолго, и что лучше уйти — иначе жди скорого появления гораздо более мощного войска, да еще с огнестрельным оружием. Необходимо было продумать новый план укрепления на Амуре, показавшемся сразу столь желанным. Но об этом повороте в процессе колонизации мы поговорим немного ниже.

Мирное освоение?

В годы господства советской исторической науки в отношении завоевания Сибири и Дальнего Востока в литературе вообще отсутствовали термины «колонизация» или «завоевание». В ходу были лишь «освоение», «мирное вхождение» и тому подобные выражения. Увы, дело обстояло совсем не столь благостно. Методы колонизации оказывались вполне сходными с теми, что применяли западные европейцы на Южной и Северной половинах огромного Американского континента. Об этом говорит множество разнообразных рапортчиков самих авторов проведенных захватов и казней: завоеватели ни чуточки не сомневались, что подобные действия вполне законны, ничего аморального они не содержат и достойны наград.

С. В. Соловьев, который постоянно стремился своим высоким слогом обосновать подобные действия возвышенными целями, писал: *«Так, отодвигаемые от образованного Запада, русские люди на востоке, в пустынях Северной Азии прокладывали пути для европейской гражданственности... [И] чтоб иметь понятие о том, как происходило это распространение русских владений, как отыскивались новые землицы, ... взглянем на донесения некоторых из возжей отдельных предприятий. В 1641 году Василий Власьев доносил, что он с отрядом своим ходил на брацких людей (бурят), Чупчугуев улус погромили, побили людей человек с 30, а живком взять не могли ни одного человека, потому что тунгусы сели в юртах в осаду; Власьев велел толмачу говорить братьям и Чепчугую, чтоб они в осаде не сидели, а сдались бы на государево имя, но Чепчугуй стал говорить толмачу с бранью: «Али вы не знаете Чепчугуя, каков Чепчугуй своею головою?» — и стал из юрта стрелять, крича: «Жив я вам, козаки, в руки не дамся». Ранил одного человека; на ком были кюяки и панцири, и он кюяки пробивал насквозь; русские стреляли по юртам и в юртах, но стрельбою ничего взять не могли, и зажегли юрту. Чепчугуй сгорел с сыном, а жену с другими двоими детьми выкинул верхом»* [Соловьев - 9: 297, 298].

В XVII веке похожие сцены повторялись многократно. Сцены отвратительного насилия имели также место не только в отношении коренного населения, но этой участи подвергались и колонисты. Так, с Лены в 1665 году вынуждена была бежать на Амур большая группа казаков и крестьян из-за злодейств илимского воеводы Лаврентия Обухова. Их *«невозможное терпение»* иссякло, и они прикончили воеводу, потому *«... что он, Лаврентей, приезжая к нам в Усть-Киренскую волость, жен их насильничал, а животы их вымучивал»* [Артемьев: 104].

Отчеты о разного рода кровавых акциях отправлялись и в последующее столетие не только в адреса местных властей, но и в Петербург. В 1731 году армейский офицер Павлуцкий, возглавлявший карательный отряд для наказания непокорных чукчей писал в своем отчете: *«... И 9 мая дошел до первой сидячих около того моря чюкоч юрты, в коей бывших чюкоч побили... Усмотрели от того места в недалеком расстоянии... сидячих одна юрта и бывших в ней чюкоч побили... И дошел до их чюкоцкого острожку... и в том остроге было юрт до осьми, кои разорили и сожгли»*. Но и позднее, уже в 1742 году правительственный Сенат издал указ: *«на оных немирных чюкч военною оружейною рукою наступить, искоренить вовсе»*.

Однако, спустя 5 лет после сенатского указа Павлуцкий со своим отрядом гибнет в одном из сражений с чукчами, и это приводит к тому, что власти начинают сознавать необходимость перемен в бессмысленной — и добавим — бесчеловечной практике подавления аборигенов. Сенатский доклад Екатерине II гласил: *«В разсуждении лехкомысленного и зверского [туземцев] состояния, також и крайней неспособности положения мест, где они жительство имеют, никакой России надобности и пользы нет и в подданство их приводит нужды не было»*. Признание хотя и запоздалое, но тяжкое, и с 1764 года начинается отвод вооруженных гарнизонов с Чукотки на «материку» [Зуев].

Начало колонизации

В предшествующих разделах мы говорили о завоевательных походах различных российских групп «землепроходцев». Однако уже к самому концу ермаковских подвигов у московских властей могла, кажется, пробиваться смутная мысль, что одними наскоками даже с помощью весьма боеспособных казачьих отрядов Сибирь не одолеть. Ее громада одновременно и привлекала, и пугала, — а ведь тогда Российскому царству удалось прикоснуться лишь к западному флангу этой безбрежной страны. Об истинных масштабах Сибири не имели в те поры ни малейшего представления. Нужно было методично обустривать здесь укрепленные места поселений. И вот появляются царские указы о необходимости строительства горо-

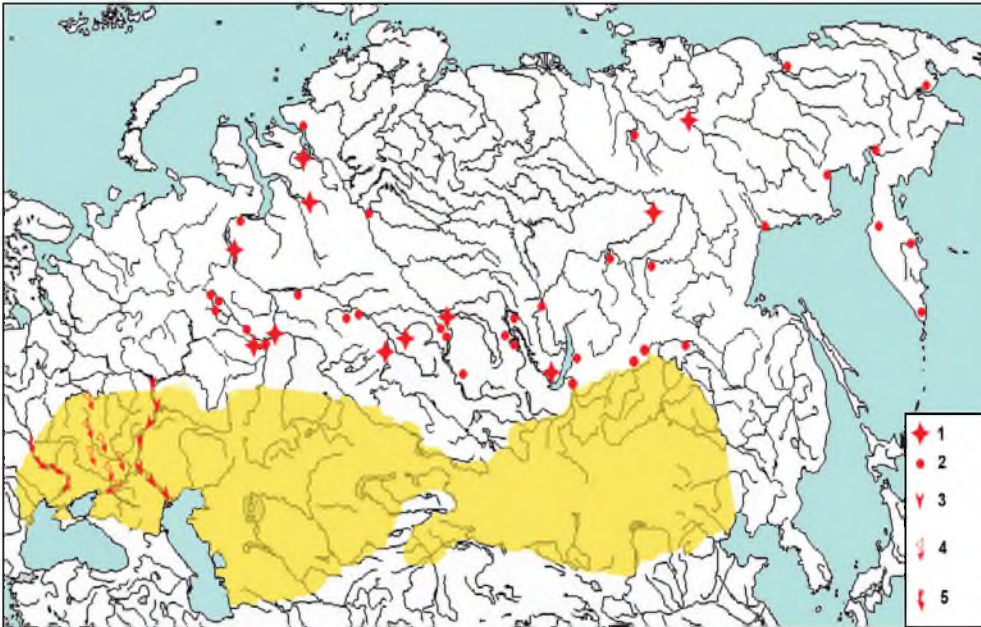

Рис. 19.6. Распространение основных центров и опорных пунктов российской колонизации с 1585 по 1700 гг. в Северной Евразии. Желтый цвет окрашивает уже хорошо известный читателям ареал Степного пояса. Красным цветом обозначены: 1 — основанные русскими «первопроходцами» города (городки), 2 — также обустроенные русскими небольшие остроги-крепостицы, 3 — направление русского продвижения в пределах Степного пояса вдоль Волги к Каспию, 4 — направление продвижения и зона обитания донского казачества, 5 — направление продвижения групп запорожского казачества.

Карта отчетливо показывает, что российская колонизация Северной Евразии не смогла пробиться в пределы Степного пояса, а в Забайкалье и Приамурье ей удалось лишь «коснуться» северного края его ареала

дов и острожков, и будет тогда *«распространяться православная вера, и церкви Божия воздвигнутся, и проповедь Евангельского учения обтече во вся конца Сибирския земли, и псаломский гром огласи на мнозех местах»* [Спасский: 65—66].

Но ведь для всего этого нужно было переправить за Урал множество приверженцев и носителей православной веры, которые и производили бы *«на мнозех местах тот псаломский гром»*, что побудил бы *«диких и неверных»* сибирских аборигенов принять *«основы гражданственности»* и заняться *«мирными промыслами»*. Но откуда же было взять такое количество людей? Охотников было совсем немного. Просторы Российского государства ни в какие времена избытком населения не страдали. Опять же вспомним слова С. М. Соловьева о той «Великой восточной равнине», какими он начинал свой знаменитый 29-томный труд: *«не могла эта равнина получить скоро многочисленного народонаселения»*. В таком случае, как это постоянно

имело место в российской практике, необходимо было загонять людей за Урал приказами и насильственным переселением.

«Земли было много, рук мало; служилым людям была тощета, что крестьяне уходили от них, а между тем пространство земель требовавших населения, увеличивалось все более и более, колонии вытягивались и на юг, в степи, и на северо-восток, за Уральские горы, в бесконечную Сибирь. Россия же в XVI веке должна была непрестанно отправлять людей в новые и новые колонии. И какое следствие должен был иметь для государства этот вывод колоний? Флетчер говорил, что на дороге между Вологдою и Ярославлем он видел до 50 обширных деревень, совершенно пустых. Легко понять, как эта редкость населения должна была замедлять общественное развитие, затруднять все государственные отправления».

И далее: *«В 1590 году велено было в Сольвычегодске на посаде и во всем уезде выбрать в Сибирь на житье тридцать человек пашенных людей, с женами и детьми и со всем имением, а у всякого человека было бы по три мерина добрых да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодские посадские и уездные люди должны были им дать по 25 рублей человеку»* [Соловьев - 7: 290, 291].

Скорее всего, такие указы оказывались попросту благими намерениями. Трудно было представить, как крестьянская семья *«...со всем имением, да еще с двумя козами, пятью курами, парой утят...»* — бредет через Урал в совершенно необжитые и лишенные дорог бесконечные лесные дебри. Тем не менее колонизация началась, и шаг за шагом, прижимаясь к долинам больших и малых рек на всех эти неохватных просторах стали строиться обнесенные деревянными стенами городки, острожки, зимовья. К концу XVII века их общее число должно было, кажется, перевалить за сотню. Правда, картина заселения представляла в целом в виде крайне и редкой сетки с неровными зыбкими ячейками (рис. 19.6). Однако эта — пусть даже не очень надежная — сеть невеликих укреплений ухитрилась накрыть все пространства от Урала до Тихого океана и от океана Ледовитого до Амура и северной кромки Степного пояса.

Основной и важнейшей целью колонизации явилось регулярное получение дани с коренных сибирских туземцев. Пушнина — вот что в данном случае в первую голову интересовало московскую власть: *«... для прибыли государственной, понеже в тех местех соболь и протчей зверь родитца».* Меха уже давно стали одним из основных видов своеобразной «валюты» при получении совершенно необходимых для России товаров с Запада.

Блестящий знаток Сибири, а также времени и процессов ее колонизации Г. Н. Потанин (1835—1920) писал: *«Так как соболиный промысел*

тотчас же был оценен Москвой по достоинству, то Московское государство приняло на себя заботу о снабжении промышленников провизией и снарядами... Вся добыча зверовицников была обращена в государственную казну. Соболь, как впоследствии золото, был признан государственной регалией; велено было, чтоб весь соболь, уловленный в Сибири, сдавался в казну. Часть соболей поступала в нее, как ясак; но и те соболи, которые поступали от инородцев в продажу или были изловлены русскими промышленниками и потом куплены скупщиками, не могли миновать казны. Скупщики, под строгим наказанием, обязаны были привезти их в Москву и сдать в Сибирский приказ, из которого им выдавали по оценке деньги, как теперь выдают их золото-промышленнику, когда он ссыплет добытое им золото в плавильную печь в Барнаул или Иркутск. В своих наказах или инструкциях сибирским воеводам, московское правительство настаивало — всеми мерами стараться, “чтоб во всей Сибири соболи были в одной его Великого Государя казне”. В Китай был дозволен вывоз только худых мехов; бухарским купцам было вовсе запрещено вывозить меха в Туркестан; самим воеводам было строго настрого запрещено носить соболями шубы и соболями шапки. Как невыделанные шкуры, так и шитые меха воеводы должны были выбрать из края и отправить в Москву. Для этого им из Москвы присылали товар, который они должны были выдавать Остякам, Якутам и Тунгусам под добычу; им было разрешено также торговать от казны водкой по улусам, чтоб выменивать на нее пушнину» [Потанин: 40]

Заботило власть и другое: очень хотелось сыскать руду, и не просто руду, но такую, которая к тому же содержала много золота и серебра. Такого рода наказы следовали еще со времени Ивана III, но толку было мало. Руда — это не пушной зверь. Здесь требовался огромный опыт мастеров-рудознатцев, а их на Руси не водилось. Ведь российское государство охватывало ту обширную восточноевропейскую равнину, которая была лишена сколько-нибудь богатых месторождений минералов, из которых можно было выплавлять, скажем, медь и свинец, восстанавливать железо и т. п. Без этих сырьевых ресурсов Россия оказывалась в полной зависимости от изобильного подобными дарами Запада. Лишь богатство этими металлами позволяло в те поры успешно развивать собственную промышленность и поднимать армию до современного в тогдашних условиях уровня. Поэтому именно пушнина явилась со времени колонизации весьма и весьма весомой прибавкой к традиционным и дорогим продуктам российского экспорта (едва ли не наши нефть и газ).

Возникла и еще одна головоломная забота государственного уровня: распространение православия среди туземцев. И нельзя было однозначно сказать, что же являлось первичным и важнейшим в этой нужде? Ставилось

ли в качестве основы внедрение христианских канонов в головы и психику туземцев — то есть, преобладал здесь чисто идеологический мотив? Или же религия должна была служить одним из основных орудий приведения аборигенов к столь заветному московскому центру подчинению? Но и здесь властей ожидали весьма немалые трудности.

«С распространением границ государства, с переселением русских людей в новые страны распространялись, разумеется, и пределы церкви. Но, приобретая новых членов между инородцами, церковь должна была принимать меры, чтоб не отпадали от нее старые. В 1593 году казанский владыка Гермоген писал царю, что в Казани и в уездах Казанском и Свияжском живут новокрещенные вместе с татарами, чувашами, черемисами и вотяками, едят и пьют с ними, к церквам божим не приходят, крестов на себе не носят, в домах образов и крестов не держат, попов не призывают и отцов духовных не имеют; обвенчавшись в церкви, перевенчиваются у попов татарских, едят скоромное в посты, живут мимо своих жен с немецкими пленницами. Он, владыка, призывал их и поучал, но они ученья не принимают и от татарских обычаев не отстают и совершенно от христианской веры отстали, о том сильно скорбят, что от своей веры отстали и в православной вере не утвердились, потому что живут с неверными вместе, от церквей далеко; и видя такое неверье в новокрещеных, иные татары не только не крестятся в православную веру, но и ругаются ей; да прежде, в сорок лет от казанского взятья, не бывали в татарской слободе мечети, а теперь стали мечети ставить близ посада, на лучной выстрел». [Соловьев - 7: 291].

Однако сами распространители и приверженцы веры могли чрезвычайно способствовать отращению местного населения от христианства. Одна из летописей, к примеру, кратко, но весьма выразительно представляет приемы христианизации коренного населения: *«пятидесятник положил на стол окровавленную саблю и велел... целовати за государя царя, чтобы им [татарам] служить и ясак платити по вся годы, а не изменить»* [Скрынников: 187]. Наверное, не всегда и повсюду в Сибири заставляли целовать не крест, но окровавленную саблю, однако...

Новые гигантские колонии приносили московскому центру не только обильную пушную «валюту», но порождали в стране огромное число мало предсказуемых и трудно решаемых проблем. К их числу относились не только подчинение туземцев или же поиски металлоносных руд. Возникла и крайне болезненная проблема коммуникаций в этих столь сложных для обитания и передвижения регионах. Однако на этой теме мы останавливаться не будем, мы лишь упомянем о ней, чтобы яснее выглядели кардинальные различия между обустройством сибирских и североамериканских колоний.

Степной пояс и Китай

Сначала отряд Пояркова, а затем и Хабаров, добравшись до богатых земель Приамурья, столкнулись с неожиданным и мало приятным для них сопротивлением. Местные жители то совершенно исчезали из мест привычного их обитания, то возвращались с явным намерением биться с агрессивными пришельцами. Внезапно откуда-то с юга могли подтягиваться к долине Амура «богдойские» регулярные отряды с огнестрельным оружием. Понять все это сразу было крайне трудно, и осмотрительный Хабаров решил не искушать судьбу авантюрными порывами, в чем, безусловно, был прав.

Дело в том, что Даурия, до которой добрались русские, являлась северной периферией Маньчжурии, которая составляла восточный край («четверть») великого Степного пояса Евразии. К началу XVII века занятия местного тунгусоязычного населения уже не характеризовались полным господством кочевников, как это была, скажем, еще в чингизовы времена. Очень большая часть родов и кланов вела тогда уже комплексное и оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Вместе с тем почти всегда и с очень давних времен народы Маньчжурии представляли в большей или меньшей степени домен враждебных центру Поднебесной империи групп. В 1609 году правители маньчжуров отказываются платить дань имперскому правительству. Отношения накаляются, дело доходит до военных действий, и в 1644 году маньчжуры захватывают Пекин. Повторяется очень старая история: китайская традиционная культура подчиняет завоевателей. И хотя с 1645 года победители-маньчжуры провозглашают новую династию Цин, традиции прежнего — «старо-

Рис. 19.7. Изображение одного из штурмов и осад маньчжуро-китайскими войсками крепости Албазин на Амуре в периоды 1685—1687 гг. Рисунок-топограмма Николааса Витсена, конец XVIII века [Google]. См. также [Артемьев: 275]

китайского» — будут доминировать, хотя, безусловно, появятся некие новые нюансы. «Китаизированные» маньчжуры Цин удержат власть до 1911 года, когда на смену имперской форме правления появится республика.

Произойдет то, чего очень хотелось бы наследникам Чингис-хана, сформировавшим в 1280 году монголо-китайскую династию Юань. Однако существовала та недолго — менее девяти десятилетий. При монголах также Степной пояс одержал безоговорочную военную победу, но, как мы знаем, кочевники проиграли, погрузившись в непривычную для них обстановку и роли. Степной пояс с «окитаенными» маньчжурами оказался удачливее: завоеватели продержались у власти 266 лет. Стало быть, можно считать, что восток Степного пояса остался за Китаем. Русским пока что не удалось пробиться сквозь рубежи пояса и на далеком Востоке.

Российские колонизаторы придвинулись к северным границам управлявшейся маньчжурскими князьями Поднебесной именно в тот момент, когда власть Цин над всей империей только формировалась. Однако вряд ли даже до объявления маньчжурского владычества немногочисленным русским отрядам удалось бы добиться каких-то ощутимых успехов, — ведь маньчжурские правители обрели достаточно мощную силу еще раньше, а Даурия была под их рукой. Именно поэтому местное население оказалось столь послушным: оно по приказам то покидало свои селища, то возвращалось на защиту своих угодий. Пожалуй, самым знаменитым городком, который 1651 году удалось построить на Амуре Ерофею Хабарову явился Албазин. Именно в отношении его возникали многократные российско-китайские распри; городок несколько раз разрушали и отстраивали вновь. Для России он сделался своеобразным символом выхода к Амuru и обладания теми краями.

Известно, что вскоре вслед за появлением здесь отрядов Хабарова начинается новый этап взаимоотношений России со столь неясным тогда для нее Китаем: в решении проблем начинают преобладать дипломатические ходы. Правда, отношения эти налаживались с большим трудом. Сначала Федор Байков пытался в 1654—1657 годах пробить стену той изоляции, в которую погружал сам себя цинский Китай. Более результативной оказалась миссия Николая Спафария (1675—1678 гг.). Любопытно, что в этих переговорах активную роль играли португальские католики-иезуиты, миссия которых была организована в Пекине еще в XVI веке. С этого времени граница между Россией и Китаем в бассейне Амuru приобрела относительно стабильный характер.

Цинский Китай, хотя и придерживался жесткой линии самоизоляции, активно продвигал свое влияние на запад и северо-запад. Уже к 60-м годам XVIII границы империи достигли Восточного Туркестана. Китай в те поры

гораздо энергичнее России «осваивал» восточную половину традиционно враждебного ему Степного пояса.

Колонизация Северной Евразии и блокада Степного пояса

Причина, по которой мы относительно подробно говорили о российской колонизации Северной Евразии, кажется достаточно очевидной. Русским — сначала «волским» казакам, а затем и «служивым людям» — удалось полностью «объять» те гигантские лесные и даже тундровые пространства материка, что в течение тысячелетий служили прочным и надежным тылом для кочевых культур и общностей Степного пояса (ведь с севера для степняков никогда и никаких угроз не следовало). Однако не может быть ни малейших сомнений, что подобные стратегические цели ни перед Ермаком, ни перед Дежнёвым, или, скажем, перед Поярковым с Хабаровым, конечно же, не ставились, да и не могли ставиться. Все получалось как бы «само собой», ведь формулировка задач перед этими землепроходцами звучала крайне заземленно и просто: отыскивать для казны новые земли и собирать богатый ясак. Реплики же С. Соловьева о высоких целях *«распространения принципов гражданственности и мирных промыслов среди диких народов»* никакого отношения к конкретной реальности процессов «освоения», конечно же, не имели.

Тем не менее нельзя не удивляться той неистовой энергии и поразительному темпу колонизации. В 1581 году Ермак отправляется за Урал, а в 1648 году — то есть всего через 67 лет — Семен Дежнёв достигает восточного мыса Евразии. В этом заключены хронологические грани того изумительно короткого отрезка времени, когда весьма немногочисленные русские группы и воинские отряды появились во всех совершенно им неизвестных регионах Северной Евразии. И эта активность малых — особенно на фоне необъятных пространств — групп и отрядов охватила в те поры примерно 13 млн. кв. км!

Я совершенно уверен, что на страницах настоящей главы нет абсолютно никакой необходимости вдаваться в тему о том, сколь сложные области приходилось преодолевать этим отрядам (в этом разделе главы автор хотел бы избежать обсуждения вопросов моральной трактовки непростых взаимоотношений российских завоевателей с коренным населением этих просторов). Да, была глухая тайга с тучами неистового гнуса летом и сорокаградусными морозами зимой; тянулись тысячекилометровые болотистые плоские равнины Западной Сибири и высились запутанные системы горных массивов Восточной Сибири; простирались бескрайние тундры, соседствуя с полусом холода на планете... Но все это выходит за пределы основных задач нашей книги.

Важнейшим же результатом колонизации Северной Евразии в XVII веке мы будем считать то, что от бассейна Днепра, почти от восточного побережья Балтики вплоть до Тихого океана над Степным поясом нависла с севера нарастающая мощь грядущей Российской империи. С тех пор именно этот расклад сил станет определять динамику многих кардинальных событий в истории народов Евразийского материка.

ГЛАВА 20

Слом рубежей Евразийского ядра: колонизация и ее принципы

Тяжкий крест европейских «цивилизаторов»

В предыдущих главах мы говорили, что сформировавшееся еще к середине II тыс. до н.э. Евразийское ядро так называемых высокотехнологичных культур охватывало площадь от 40 до 43 млн. кв. км. Более точную количественную оценку этого пространства, заключающегося между значениями 40 и 43, установить вряд ли возможно, поскольку границы ядра по кромке Северной Евразии и отчасти Северной Африки колебались и далеко не всегда отличались постоянством в течение тысячелетий. Но это обстоятельство не может играть сколько-нибудь заметной роли при обсуждении сути тех процессов, о которых мы поведем речь далее.

Совокупная площадь обитаемой суши нашей планеты на всех материках и островах близка к 134 млн. кв. км. Следовательно, Евразийское ядро занимало примерно 30—31% от этой площади. Разрыв уровней **технологического** развития между культурами ядра и всеми иными, разбросанными за его пределами, достиг к 1500 г., кажется, своего критического значения, что в очень большой степени и обеспечило быстрый эффект в сломе дотоле невообразимо устойчивых границ самого ядра. Стало быть, культурам, занимавшим примерно 30% земной обитаемой суши, предстояло «цивилизовать» остальные 70%, где вплоть до XVI века обретались лишь «*дикие народцы*». Но на самом деле это не так: нести «тяжкий» крест приобщения к благам «цивилизации» обитателей почти трех четвертей земных пространств выпало на долю культуртрегеров Европы — как Западной, так и Восточной. Культуры последних занимали площадь около 6—7 млн. кв. км, то есть не более 5% от обитаемой суши, и именно им предстояло взять на себя ответственную «заботу» о развитии в «истинном» русле культуры народов, населявших примерно 92—93 млн. кв. км. Согласитесь: задача не из простых.

Порой весьма склонный к громким фразам и восклицаниям С. М. Соловьев писал: *«Всем племенам Европы заведено историею высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено завершить это дело морским, восточному племени, славянскому, — сухим путем»* [Соловьев-1: 58]. То есть именно они были обязаны взвалить на себя нелегкую долю добровольных вождей и наставников погрязших в заблуждении и дикости народов в их долгом шествии к истокам подлинных истин бытия. Эти слова историка украшают вводный раздел его знаменитой «Истории России» и, пожалуй, достойны служить едва ли не эпиграфом к большинству из 29 томов его гигантского труда.

Впрочем, в этом отношении наш российский историк в известной мере явился наследником взглядов западноевропейских философов и правоведов XVII—XVIII веков — «мудрецов», как аттестовал их крайне язвительный американец Вашингтон Ирвинг, в своей вышедшей в 1809 году книге «История Нью Йорка». Вот его комментарий, который, правда, увидел свет на четыре десятилетия ранее соловьевского «эпиграфа»:

«Всему миру известно, в каком плачевном состоянии застали этих бедных дикарей: они не только испытывали недостаток в жизненных благах, но, что еще хуже, были самым жалким и злополучным образом слепы к своей несчастной участи. Стоило, однако, милосердным жителям Европы узреть их печальное положение, как они немедленно взялись за работу, чтобы изменить и улучшить его» [Ирвинг: 36].

При этом весьма нередко «мудрецы» (по Ирвингу) выражали свои мысли несравненно более жестко, нежели С. Соловьев. Так, скажем, видный швейцарский правовед Эмери де Ваттель (1714—1767) в своей объемистой, изданной в Лейдене в 1758 году, книге *«Право наций или естественное право в приложении к деяниям государств и их правителей»* утверждал:

«Возделывание земли, — говорят нам, — это обязанность, возложенная природой на человечество. Весь мир предназначен для пропитания его жителей; но это было бы невозможно, если бы он оставался невозделанным. Каждый народ, стало быть, обязан по закону природы возделывать землю, доставшуюся на его долю. Такие народы, которые, подобно древним германцам и современным татарам, владеют плодородными землями, но гнушаются их возделыванием и предпочитают жить грабежами, не выполняют своего долга и заслуживают, чтобы их истребили, как диких и вредных зверей» (цит. по [Ирвинг: 34]).

Обратите внимание: середина XVIII века, вполне цивилизованная западноевропейская страна, и автор книги — отнюдь не конкистадор, но ученый правовед.

«Следовательно, — комментирует Ваттеля Вашингтон Ирвинг — по при- бытию во вновь открытую неводеланную страну пришельцам оставалось лишь вступить во владение тем, что, согласно упомянутой выше доктрине, являлось их собственностью; следовательно, сопротивляясь им, дикари посягали на их бесспорные права, нарушали непреложные законы природы и противодействовали воле небес: следовательно, они были повинны в нече- стии, воровстве и злоупотреблении обстоятельствами; следовательно, они были закоренелыми преступниками, нарушителями божеских и челове- ческих законов; следовательно, их надлежало истребить».

И далее: *«Но, несмотря на все многообразные труды, направленные к их благу, упорство этих упрямых, жалких тварей было столь необычай- ным, что они, неблагодарные, отказывались признать чужеземцев своими благодетелями и решительно отвергали учение, которое им старались вдолбить в голову; при этом они самым наглым образом утверждали, что проповедники христианства, судя по их поведению, сами в него не верят»* [Ирвинг: 35—36].

Открытие новых земель и приобщение к цивилизации

Обратим внимание еще на одно весьма важное обстоятельство: мягкое понятие «цивилизовать» скрывало за собой несравненно более грубое — «колонизовать». После **1500 года**, который приобрел ныне почти «сакраль- ное» звучание, в стремительно развернувшихся тогда процессах приобще- ния к «цивилизации» мы в состоянии различить три основные разновид- ности познания и освоения Нового мира.

Разновидность первая: открытие новых земель — для себя и для пра- вителей тех стран, что сумели отрядить целые флотилии на поиски новых земель с абсолютно непредсказуемым результатом. Этот вариант наиболее торжественный, даже благостный, поскольку он почти никогда не был свя- зан с массовыми кровопролитиями и жестокими деяниями мореплавателей. Примеры: Колумб, Васко да Гама, Магеллан.

Разновидность вторая: процесс приобщения «диких» народов к «цивили- зации» группами конкистадоров-землепроходцев, или — выражаясь иными словами — европейская колонизация вновь открытых земель. В отличие от первого варианта, связанные с ним акции, как правило, густо залиты кровью и с позиции нравственных оценок крайне непривлекательны. Про- цессы колонизации чаще всего незамедлительно следовали за открытием новых земель. Колонии тогда рассматривались лишь как источник богатств, а сама добыча такого рода сокровищ базировалась исключительно на наси- лии и принуждении «диких народцев». Та форма колонизации, о которой мы ведем здесь речь, предусматривает полное военное и политическое

господство над попавшими под ярмо завоевателей народов. Примеры: золото инков для испанских конкистадоров, пушнина для русских землепроходцев¹.

Разновидность третья: появление на вновь открытых и колонизованных землях европейских поселенцев и формирование там новых культур — своеобразных европейских «клонов». Однако в той или иной мере последние часто противостояли своим европейским метрополиям, и эта конфронтация принимала нередко весьма жестокую и непримиримую форму. Почти всегда процессы отвержения власти метрополий базировались на зарождении и активизации собственных производств. С этим связан, пожалуй, истинный смысл понятия — «освоение новых земель». Эта разновидность непременно сопряжена с широким внедрением и развитием новых форм технологии и социальных организаций. Примеры: Соединенные Штаты Америки, государства Латинской Америки — Мексика, Бразилия и т. п.

Источник наслаждений

Цели колонизации, цели завоеваний и захватов всегда и всюду — касалось ли это монгольских нашествий, или же более древних, «археологических» эпох — имели своей целью обогащение победителей. Конечно, полученные в награду за такие подвиги богатства обильно оплачивались собственной кровью, но в несравненно большей степени то была кровь поверженного противника. Цели подобного «материального» рода никогда не скрывались, а результаты побед обязательно демонстрировались живущим на земле либо таинственным потусторонним силам. Непременным становилось появление победителей на родине с караванами бесчисленных трофеев, триумфы и триумфальные арки, набитые золотом курганы. Все это служило бесспорным свидетельством величия и их необоримой мощи.

В гораздо меньшей степени в качестве целей завоеваний провозглашался источник совсем иного рода — не материальный, но духовный. То был источник безмерного наслаждения властью победителя над покоренными народами. Мне кажется, что достижение подобного рода целей, по существу, и являлось тем истинным венцом, к которому так влекло победоносных воителей. Подобные желания редко обсуждались в открытую.

¹ Подобные формы «освоения» новых земель резко отличались от тех форм «краевой» или периферийной колонизации более или менее узких полосок земель, которые характерны, например, для так называемой греческой колонизации отдельных областей Северного Причерноморья в I тыс. до н.э.; последняя никак не была сопряжена с политическим и военным господством греков над окружающими греческие города степными народами.

Чаще всего истинные цели скрывались под пышными волнами словесных накидок — либо о необходимости распространения в окружающем мире единственно верного учения о сущности бытия, либо о приведении заблудших стад к истокам истин или же, в крайнем случае, о возмездии соседям за совершенные теми реальные или же придуманные злодеяния. И даже самые изысканные захваченные у поверженных народов сокровища служили лишь символами этой власти, свидетельствами неоспоримого превосходства над униженными.

Наверное, в какой-то момент даже эти — кажущиеся вечными — символы утрачивали свою роль. Изобилие сокровищ становилось явно избыточным, и тогда персоны уровня Александра Македонского или Чингис-хана начинали предаваться мечтам о мировом господстве и бессмертии. Вспомним о том, как Чингис-хан понимал собственное счастье: *«Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами; в том, чтобы сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов, в том, чтобы превратить животы его прекрасных супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розово-цветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать»* (см. главу 2).

Вспомним также о демонстративном, показном пренебрежении к роскоши победоносного гуннского вождя Аттилы: *«Для прочих варваров... были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-либо другим ценным»* (см. главу 16).

Меня могут упрекнуть, что я подозреваю стремление к этой мечте у людей, отстоящих безмерно далеко от уровня этих властителей-героев. Увы, эти желания могут быть закодированы в психике большинства; стремления такого рода способны пробудиться и заявить о себе с особой силой именно в результате победных акций. Конечно, власть монголов над китайцами или же гуннов Аттилы над потомками некогда несокрушимых римлян внушала победителям чувства особого восторга. Но готов спорить, что и власть над *«дикими народцами»* где-нибудь в джунглях Южной Америки либо в таежных дебрях Сибири способна была пробуждать даже в простых колонизаторах восторги аналогичного накала. Вот ведь не Чингис-хан, а всего лишь Ермак Тимофеевич *«...собирал дани, и в очаровании самоудовольствия с*

месяц принимал подданство уstraшенных аулов на свое имя, а не на имя своего природного Государя». Так отчего же и прочим удачливым воителям не предаться мечтам о подобном самоудовольствии?

Разновидности российской колонизации

В российском варианте освоения Северной Евразии первая и вторая разновидности, о чем шла речь несколько выше, оказались совмещенными во времени и в пространстве. Выражаясь иначе, открытия новых земель полностью совпадали с процессом их колонизации. Перед устремившимися в конце XVI и в XVII веках на восток казаками и служивыми людьми верховная власть как будто не ставила особых задач по описанию «новых» земель. Во всяком случае, следы подобных исследований либо мало заметны или же не заметны вовсе. Говорили все время лишь о необходимости ясачных поборов и о приведении в покорность «нехристей и агарян». Правда, в какой-то момент власти стали сознавать, что для успеха всего процесса «освоения» в отношении дикарей необходима ласка:

«Правительство беспрестанно твердило воеводам, чтоб они обращались кротко с покорившимися туземцами: «Служилым людям приказывать накрепко, чтоб они, ходя за ясаком, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинили, собирали бы с них государев ясак ласкою и приветом, а не жесточью и не правезом, чтоб с них собирать государев ясак с прибылью, брать с них ясак сколько будет можно, по одному разу в год, а по два и по три ясака на один год не брать. Которые новых землиц люди станут непослушны, таких прежде уговаривать ласкою, а если никакими мерами уговорить будет нельзя, то смирать их войною, небольшим разореньем, чтоб их смирать слегка» [Соловьев - 9: 298].

Однако в лучшем случае все это оставалось лишь благими намерениями. У того же С. Соловьева тексты его «Истории» насыщены описаниями случаев «объясачивания», протекавшего в совершенно противоположной манере, о чем уже говорилось в предшествующей главе. Да и вряд ли кто-либо из «диких народцев» пожелал бы отдавать добытую в трудном охотничьем промысле пушнину «за ласку». Наиболее эффективным средством сбора дани всегда служило насилие, хотя финалом таких жестоких акций становилось, как правило, истинное разорение земель.

Сбору ясака подчинялось все, и правительство, призывая к желательности ласк по отношению к дикарям, вместе с тем не очень-то заботилось о необходимости создания географических карт сибирских необъятных пространств. Во всяком случае, к началу воцарения династии Романовых представление о месте Московского царства в тогдашнем мире и окружении самого государства было весьма примитивным. Об этом мы специально

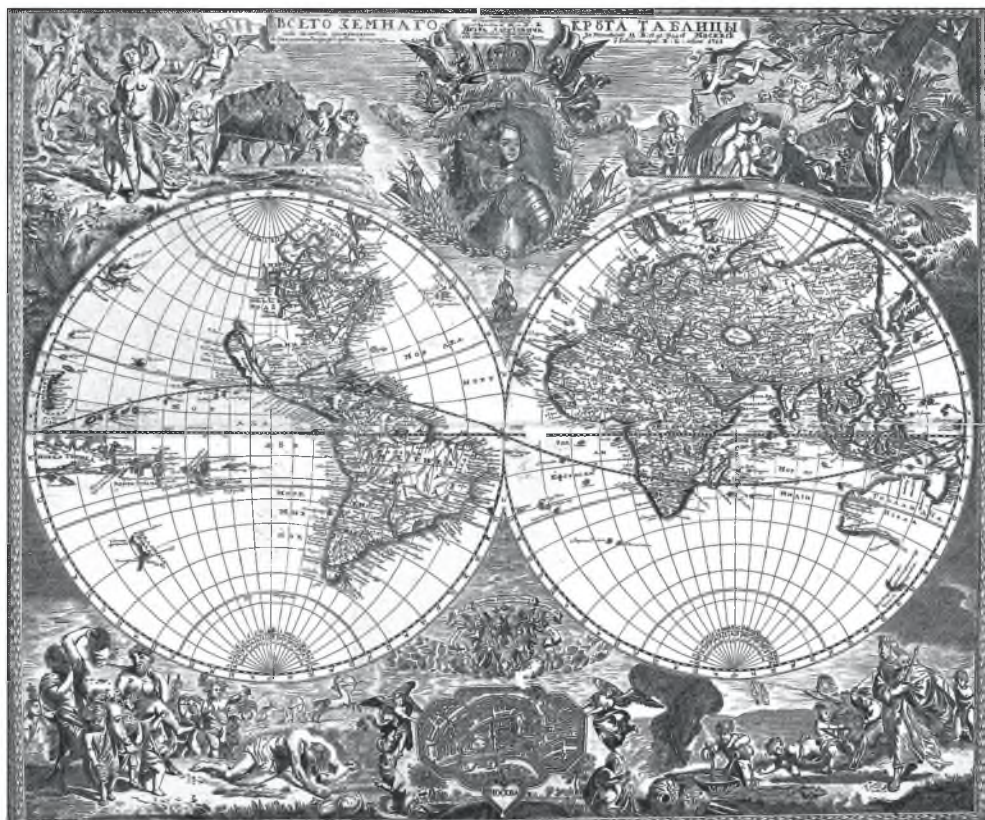

Рис. 20.1. Карта западного и восточного полушарий Земного шара, вычерченная в 1707 году по заказу Петра I. Данная карта дублирует те представления о географии нашей планеты, которые в начале XVIII века были распространены в странах Западной Европы [Wikipedia]

поговорим в Приложении 8, приводя в пример любопытную «Книгу Большому Чертежу» 1627—1628 гг. Ситуация здесь принципиально изменилась со времени Петра Великого², который, как известно, относился к важному искусству картографии весьма трепетно.

Ранее мы демонстрировали карту 1549 года, опубликованную Сигизмундом Герберштейном (см. рис. 19.1), но на этой карте были обозначены лишь пространства Восточной Европы; к востоку от Урала расстилалась подлинная *terra incognita*. Следующая карта (рис. 20.1), которую мы при-

² Иногда упоминающиеся в литературе карты отдельных частей Российской империи, созданные как будто обер-секретарем правительственного сената И. К. Кириловым в 1726—1737 гг., автору видеть не довелось, и по этой причине оценка их здесь невозможна. Кстати, об Иване Кирилловиче Кирилове как вдохновителе и руководителе малоудачного завоевательного похода на Южный Урал говорится кратко в Приложении 5.

Слева сверху: рис. 20.2. Составленная в 1705 году уже известным для наших читателей голландским картографом Николасом Витзеном (см. рис. 19.7) карта Великой Тартарии (TARTARIA MAGNA). Карта весьма несовершенна, но хуже всего на ней представлены восточные рубежи Азии, а также земли собственно Степного пояса с Каспийским морем. Внизу даже обозначена территория Великой Монгольской империи

Слева внизу: рис. 20.3. Преподнесенная Петру Великому в 1720 году голландскими картографами Nova Tabula Imperii Russici с обозначением REGNUM MOSCOVICUM. Модифицирована на базе более ранней карты Н. Витзена (см. предыдущий рисунок)

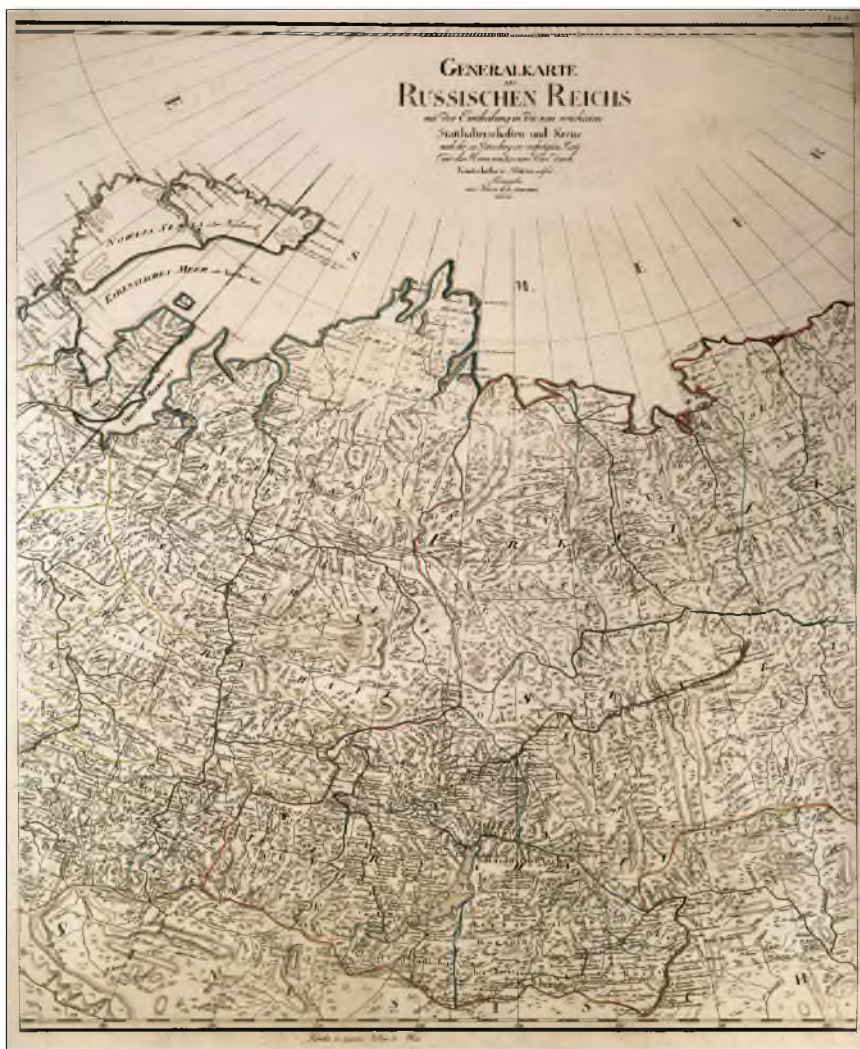

Рис. 20.4. Сибирь на карте Российской империи 1792 г. (автор — Ф. А. Шрэмбль). Данная карта уже довольно близка к истинной географической картине Сибири

водим здесь, составлена в 1705 г. голландцем Н. Витзенем (или Витсеном), то есть относится к петровскому времени. На базе творений Витзена голландские картографы сочинили новый, более изящный, но по сути мало чем отличающийся от раннего вариант карты (рис. 20.2). И это последнее творение как будто было специально преподнесено в 1720 г. в дар Петру I. Однако создание карты, существенно более близкой географической реальности Сибири, относится уже к 1792 г. (рис. 20.3).

Последний прорыв на восток: русские в Америке

Вполне вероятно, что русские сумели побывать на Аляске еще во второй половине XVII века, хотя сведения об этом крайне туманны и ненадежны. Вместе с тем предположение о столь раннем посещении американских берегов подданными российского царя вряд ли прозвучит уж столь невероятно: ведь ширина Берингова пролива не достигает и сотни километров, да к тому же между Чукоткой и Аляской располагается еще пара островов. Для чукчей во времена появления там российских «землепроходцев» вряд ли составляло тайну близкое расположение Аляски и гряды Алеутских островов.

Семен Дежнёв обогнул Чукотку в 1648 г. Выдающийся русский мореплаватель, датчанин по происхождению, Витус Йонассен Беринг, именем которого Джеймс Кук предложил позднее назвать этот знаменитый пролив, сумел преодолеть его в 1728 году. Однако открытие материковой американской Аляски и многих островов Алеутского архипелага случилось лишь в драматическом 1741 году, когда тяжкие условия плавания и губительная цинга привели эту экспедицию Беринга к печальному концу. Тот год стал также последним в жизни мореплавателя.

Новый рывок на восток, приведший уже к появлению в Западном полушарии нашей планеты первых российских поселений, случился сорока двумя годами позднее, когда *«рыльский гражданин»* Григорий Шелехов (Шелихов) организовал экспедицию к крайним западным берегам Американского континента. Его вышедшая в 1793 года в Санкт-Петербурге весьма примечательная книга имела по старинной традиции крайне длинное, донельзя развернутое, но вместе с тем чрезвычайно выразительное заглавие:

«Российского купца именитого Рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 из Охотского по Восточному океану к Американским берегам, и возвращение его в Россию, с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афagnaка, до коих не достигал и славный Аглинский мореходец Капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, покоровившихся под Российскую державу:

также Климат, годовые перемены, звери, домашние животные, рыбы, птицы, земные произрастения и многие другие любопытные предметы там находящиеся, что все верно и точно описано им самим. С Географическим чертежем, со изображением самого мореходца и найденных им диких людей. Во граде Святого Петра 1793 года».

Любопытным оказалось и «изображение самого мореходца» (рис. 20.5) в сцене его меновых контактов с туземцем; при этом сама сценка сопровождалась весьма курьезным четверостишьем:

*Колумбы Росския презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток.
И наша достигнет в Америку держава,
И во все концы достигнет Россов слава.*

Объявленные цели экспедиции Шелехова оригинальностью не блистали: все те же поиски «новых земель», покорение «диких народцев», пушнина. Относительно новым сюжетом в этом перечне традиционных задач стал промысел крупного морского зверя — моржей, тюленей, каланов. Неоднократные стычки с местным населением также были до чрезвычайности сходны с теми, что постоянно случались на соседней Чукотке:

«12 числа августа в самую полночь, во время производимой работными людьми на карауле пересмены, сии Дикие [туземцы] в превеликой толпе, сошед с камня, на нас напали с такою жестокостию, что можно было помыслить, что совершенно достигнут они своего намерения, что и действительно бы им то было не трудно, ежели бы мы менее были осторожны, и большие боязливы. Очевидная смерть подала нам бодрость; и мы с оною защищаясь нашими ружьями, насилу могли обратит их в бегство; сражение продолжалось с четверть часа. С восхождением солнца не увидели уже мы никого из них близ себя, да и убитых ни одного

Рис. 20.5. Григорий Шелехов на Алеутских островах: сцена обмена товарами “мореходца” Шелехова с “дикими туземцами”. Фронтиспис его книги о морском путешествии в Америку 1783—1787 гг.

человека, ибо они таковых носили с собою. Мы же напротив того были столько щастливы, что ни кто из наших ни убит, ниже ранен был, что одному я особому Божию промыслу приписываю» [Шелехов: 13—14].

Самым примечательным результатом этой экспедиции явилась, безусловно, организация торгово-промышленной Русско-Американской компании, устав которой был утвержден императором Павлом в 1799 году. С этих пор территории, на которые заявила права компания (рис 20.6) стали именоваться «Русской Америкой», официально вошедшей в состав Российской империи. Несколько позднее — в 1812 году, продвинувшись очень далеко на юг, вплоть до территории современной Калифорнии, российские колонисты основали Форт Росс. Ныне этот весьма знаменитый памятник старины на крайнем западе США охраняется федеральными властями (рис. 20.6). При попытках пройти еще южнее русские «землепроходцы» столкнулись уже с испанцами и мексиканцами и были вынуждены поэтому остановить свой «бег».

В своем неистовом рывке на восток и в возможности достойным образом надежно опекать и развивать коммуникации и производства на этих необъятных землях к первым десятилетиям XIX века Россия явно исчерпала свои силы. Ведь совокупно с Русской Америкой общее пространство колонизируемых территорий возросло примерно до 15 млн. кв. км (!). Между центром российской метрополии и тихоокеанскими азиатскими берегами пролегли тысячи и тысячи километров с крайне ненадежными путями сообщения, без чего налаживать регулярный характер связей на этих пространствах становилось попросту нереально. А ведь добраться до Аляски через беспокойный и коварный в этих широтах океан было совсем непросто. Да и строить корабли для таких плаваний приходилось на Камчатке или же в немногочисленных городках-портах Охотского побережья, а с народом здесь всегда были особые сложности.

К этому времени американцы уже вплотную придвинули к Тихоокеанскому побережью границы своих западных штатов, и безнадежное положение наших колоний на этом континенте становилось очевидным. Поэтому сначала в 1841 г. Форт Росс продали калифорнийскому предпринимателю Джону Саттеру. А в 1867 году царское правительство решилось на вполне разумный шаг, согласившись продать правительству США все территории Русской Америки, включая земли Аляски и Алеутского архипелага (рис. 20.5). Правда, сумма выручки оказалась смехотворной — всего 7,2 миллиона долларов. Однако к этому времени Российская империя полностью исчерпала те силы, которые были потребны не только для развития, но даже для регулярного надзора за этим столь отдаленным и пустынным краем-колонией. Так что вряд ли имелся основательный резон в суровых упреках, звучавших порой в адрес центральной власти, когда утверждали едва ли не преступный, коррупционный характер заключенной сделки.

Рис. 20.6. Проникновение русских на Американский континент: «Русская Америка» (территория выделена коричневатым цветом) и самый южный пункт российского продвижения — Форт Росс

Колонизация и судьбы народов

Прорыв за рамки Евразийского ядра привел к колоссальным изменениям в этно-демографической картине на ряде материков Земного шара. Многие народы с их самобытной культурой попросту исчезли с исторической арены. Культура и демография других оказалась донельзя искаженной в тяжких для них процессах «приобщения к благам цивилизации».

Стремление многих историков и публицистов возложить основную вину за распространение подобной человеконенавистнической политики на монгольские завоевания XIII столетия, конечно же, несправедлива. Для монголов времени чингизидов их завоевания представляли по своей важ-

нейшей, ключевой сути абсолютно то же, что и для колонизаторов XVI—XVIII веков. Устанавливая и упрочивая на гигантских пространствах свое военное и политическое господство, степняки добивались главного результата — регулярного поступления обильного ясака. Добровольная доставка дани поощрялась, неповиновение каралось смертью.

В истории победоносной монгольской империи имел место один крайне любопытный сюжет. Около 1230 года, когда была покорена подавляющая часть китайских земель, монгольские нойоны (князья) обратились к великому хану Угэдею: вот мы — непобедимые в этом мире всадники «...*хотя и приобрели китайский народ, но никакой пользы от него не видно; что лучше убить до единого человека, а земли, которые могут покрыться лесом и травой, превратить в пастбища*». Однако приближенный к великому хану и весьма влиятельный в его окружении мудрый китайский советник Елюй-чуцай отговорил Угэдея: «*При обширности Поднебесной, при богатстве четырех морей, неужели возможно остаться без выгод...? Поистине, если положить умеренную подать с земель, ... пошлину с купцов, обоброчить вино, уксус, соль, железо, горы и воды, то можно ежегодно получать по пятьсот тысяч ланов серебра, по восемьдесят тысяч кусков шелковых тканей и около четырехсот тысяч мешков хлеба. Как же можно сказать, что нет никакой пользы?*» [Бичурин-2005: 113—114].

В этом сюжете легко вычленяются две примечательные параллели. Первая параллель ведет к процессам поздней европейской колонизации, о которой мы достаточно подробно говорили в двух предшествующих главах. И, не правда ли, с этим кровожадным желанием монгольских нойонов паразитично перекликаются уже цитированные нами слова швейцарского правоведа и, наверняка, приверженца христианских догматов Эмери де Ваттеля о необходимости истребления «как диких зверей» всех непохожих на европейцев народов.

Вторая параллель уводит нас к священной книге христиан — Библии:

*«И сказал Самуил Саулу: Господь послал помазать тебя царем над народом Его, над Израилем; теперь послушай гласа Господа. Так говорит Господь Саваоф: вспомнил я, что сделал Амалик Израилю, как он противостоял ему на пути, когда он шел из Египта; теперь иди и порази Амалика и Иерима и истреби все, что у него; не бери себе ничего у них, но уничтожь и предай заклятию все, что у него; и не давай пощады ему, **но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла...** И порази Саул Амалика от Хавилы до окрестностей Сура, что пред Египтом; и Агага, царя Амаликова, захватил живого, а народ весь истребил мечом» [1 Царств: 15, 1—8].*

Но подобный по циничной жестокости текст в Ветхом Завете отнюдь не единичен. Стало быть, сходные каноны были освящены религиями — вряд

ли только иудаизмом и христианством — за много тысячелетий до монгольских или европейских покорений непохожих на них народов.

И опять слова язвительного Вашингтона Ирвинга по поводу подобного рода сюжетов: «...*Милосердные отцы, постаравшиеся путем рассуждений превратить этих несчастных дикарей в бессловесных животных, выдвигают еще более веские доводы; ибо, как утверждают некоторые богословы шестнадцатого века..., американцы ходят голые и у них не растет борода!.. В них нет ничего от разумного животного, если не считать внешнего обличия. Но даже это обличье мало могло помочь им, так как вскоре обнаружили, что кожа у них отвратительного медного цвета; а обладать кожей медного цвета—это все равно, что быть негром; а негры — черные, «а черный цвет, — говорили благочестивые отцы, набожно осеняя себя крестным знаменем, — это цвет дьявола!».* Следовательно, они не только неспособны были владеть собственностью, но не имели даже права на личную свободу — ибо вольность слишком лучезарное божество, чтобы поселиться в столь мрачных храмах. Все изложенные обстоятельства полностью убеждали добродетельных спутников Кортеса и Писарро, что эти нехристи не имели права на страну, которую они заполнили; что они порочные, невежественные, бессловесные, безбородые, голозадые, настоящие черное семя, просто дикие лесные звери и, подобно им, должны быть либо покорены, либо истреблены» [Ирвинг: 34].

Таковым, пожалуй, мы можем предложить читателям наш своеобразный эпилог к этой столь драматической эпохе слома границ Евразийского ядра культур и «приобщения диких народов» к благам цивилизации. После этого нам уже можно будет перейти к более детальному знакомству с этапами борения Российского государства с культурами плотно блокированной с севера западной половины Степного пояса.

ГЛАВА 21

Штурм Степного пояса

Итак, к середине XVII столетия русские в безудержном и воистину молниеносном броске достигли крайних пределов Азиатского материка. На Северную Азию удалось набросить обширную сеть опорных пунктов начавшейся колонизации. Сеть эта никак не выглядела плотной, но вместе с тем — хотя и с огромными прорехами — она накрывала все эти гигантские пространства.

Совсем иначе в тот же период представляли дела на «фронтах» Степного пояса. Здесь постоянно кровоточили и гноились раны от вечно ноющей занозы Крыма с его будто бы бесконечно плодящимися ханами династии Гиреев, от которых время от времени на север устремлялись неприятные волны. Восточнее Волги раскинулись пугающие своей бескрайностью «киргиз-кайсацкие» (казахские) степи с кочевыми тюркоязычными группами племен (жузами).

Правда, к этому времени в самом Степном поясе произошли весьма заметные перемены. Россия отрезала от степняков столь спокойный и дотоле мало их беспокоивший северный тыл. Теперь за спиной кочевых народов, но уже с юга, располагались мусульманские государства. Для тюркоязычного мира скотоводов западной половины Степного пояса гораздо более естественной явилась ориентация на во многом родственные им тюркоязычные государства — Оттоманскую Порту или же среднеазиатские Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства. И это тем более, что ислам шаг за шагом все плотнее и настойчивее определял многие идеологические позиции у знати кочевых народов. Во всяком случае, именно это во многом стало определяющим в борьбе России с народами Степного пояса, и временная протяженность этой финальной конфронтации оказалась равной примерно двум сотням лет.

Крымская крепость-заноза

Крымчаки у государей Московского царства вызывали самые малопрятные ассоциации и обидные воспоминания. Наконец, власти решились

пойти еще на одну попытку придушить этот мерзкий очаг, и «осенью 1686 года был сказан ратным людям поход на Крым. В царской грамоте говорилось, что поход предпринимается для избавления Русской земли от нестерпимых обид и унижения; ниоткуда татары не выводят столько пленных, как из нее, продают христиан как скот, ругаются над верою православною. Но этого мало: Русское царство платит бусурманам ежегодную дань, за что терпит стыд и укоризны от соседних государей, а границ своих этой данью все же не охраняет; хан берет деньги и бесчестит русских гонцов, разоряет русские города» [Соловьев - 14: 379—380].

Во главе похода правительница Софья поставила своего любовника князя Василия Васильевича Голицына, полководца, впрочем, талантами не блиставшего. В мае 1687 г. года войско двинулось в путь, а вскоре к стотысячному русскому войску присоединились еще 50 тысяч казаков гетмана Самойловича.

Перо Алексея Толстого выразительно коснулось и этого нелепого похода: «Медленно двигалось войско, таща за собой бесчисленные обозы. Кончились городки и сторожки, вошли в степи Дикого поля... Степь была пуста — ни дорог, ни троп. Передовые полки уходили далеко вперед, не встречая ни живой души. Видимо, татары заманивали русские полчища в пески и безводье...». Люди ослабели от зноя и бескормицы. Потом полыхнула степь. Наверное, подожгли ее татары, но тогда некоторые думали, что к этому приложили руку и казаки, которым этот поход был совсем не люб. «На заре стало видно, что идти дальше нельзя, — степь лежала черная, мертвая. Только, завиваясь, бродили по ней столбы. Усиливался ветер с юга, погнав тучами золу... Так без славы окончился крымский поход. Войска с большой поспешностью двинулись назад, теряя людей, бросая обозы, и остановились только близ Полтавы» [Толстой: 97—100].

Обратите внимание на «бесчисленные обозы войска» и медленное его движение. Об этом будут говорить еще добрые полсотни лет, усматривая здесь одну из самых болезненных причин частых неудач русской армии в битвах со степняками.

Рис. 21.1. Князь Василий Васильевич Голицын (1643—1714). Предводитель двух русских походов на Крым в 1687 и 1689 гг. [Wikipedia]

Рис. 21.2. Горящая степь — это всегда непредсказуемо и поэтому тревожно и страшно

В Москве Василия Голицына, однако, царевна Софья встречала как победителя... Князь, желая доказать, что очевидный для большинства провал был вызван какими-то досадными недоразумениями, организует второй поход на Крым. Уже менее чем через два года, в феврале 1689 года 112 тысячное войско вновь двинулось на юг. На сей раз ему удалось преодолеть степные дали и выйти к Перекопу. И здесь — у ворот Крыма — Голицын внезапно для себя увидел, что он совершенно не ведает — что же это «... такое Крым и как его завоевывать? Думали, что стоит только вторгнуться в Крым с большим войском, татары испугаются и отдадутся на волю победителя... [Но и за] Перекопью та же безводная степь... что татары могут истребить все и заморить врага голодом и жаждою». Перекоп нужно было штурмовать, но войско буквально гибло без пресной воды. Спасаясь от катастрофы, опять нужно было спешно уходить, и утешением служило лишь то, что татары не слишком наседали на измученное отступавшее воинство. Но вновь, как и в финале первого похода, «ослепленная страстию Софья была в восторге... Голицын казался ей Моисеем проведшем людей своих по дну морскому... она видела действительно великий подвиг, великую победу» [Соловьев-14: 396].

Так на фоне совершенно невообразимых успехов на гигантской североазиатской арене XVII столетие завершалось безнадежным штурмом степных бастионов крымской мелкой «занозы».

Прошло более двух тысячелетий с того времени, когда персидский владыка Дарий со своим огромным войском — по тем же самым степям Причерноморья — безнадежно пытался нагнать и сокрушить ускользавших от его царского гнева кочевых обидчиков-скифов. За этот кажущийся бесконечным отрезок времени очень многое изменилось: теперь в арсенале воинства было огнестрельное оружие, артиллерия. Однако — и как это ни

обидно — все столь же бесславно завершались попытки нагнать и наказать неуловимых степных агрессоров.

Прошли еще 22 года, и, вдохновленный победой над Карлом XII под Полтавой, Петр Первый устремляется к Днестру, чтобы сразу наказать и Османов, и крымских Гиреев. Тяжкая и общеизвестная неудача и этого похода 1711 года привела к тому, что Россия потеряла все свои прошлые завоевания в Северном Причерноморье и Приазовье. Империи нужно было вновь накапливать силы для решительного штурма.

Равно как и во времена Софьи, в правление императрицы Анны Иоановны последовали в 1736 и 1738 гг. также как бы «сдвоенные» — один за другим — походы на Крым. Первым походом руководил весьма известный в нашей истории фельдмаршал Христофор Антонович Миних. Вторым — тоже фельдмаршал, но уже несравненно менее именитый Петр Петрович Ласси (его в исходном ирландском варианте могут называть и как Пидер Ласа или Питер Лэйси и т. п.).

По своим конечным результатам оба рейда производят весьма странное впечатление. Вот первый поход на Крым под водительством Миниха в 1736 году. С ходу взят Перекоп. Татары бегут, оставляя весь фураж и продовольствие. Ликование. Миних доносит в Петербург: *«Татары вышли из города так торопливо: свинцу досталось на всю армию да еще немало побросали в море; хлебом армия запаслась на 24 дня; казаки из близлежащих деревень нахватили до 10000 баранов; получено было также медной посуды, жемчугу, парчей и прочего добра. «Ныне армия — писал Миних — ни в чем недостатка не имеет и вся на коште неприятельском содержаться будет»* [Соловьев-20: 398].

17 июня взяли и порушили Бахчисарай, однако уже 25 июня, то есть буквально через неделю, внезапно отступили к Перекопу. Вдруг выясняется, что надо уходить, поскольку нет воды и провианта. Начались повальные болезни. Вспыхнули безобразные склоки в командной верхушке армии, понеслись доносы в Петербург.

Да и второй поход производил впечатление не менее странное. Сам рейд в Петербурге задумали, чтобы исправить впечатление от явной и досадно нелепой

Рис. 21.3. Христофор Антонович Миних или же Иоганн Буркхардт Христофор Мюнх (1683—1767) [Wikipedia]. Видный российский военачальник

неудачи похода Миниха. Вначале вроде бы опять удача: возглавляемая Ласси русская армия перешла Сиваш и подошла к укреплениям Перекопа. И как выразался журнал военных действий — *«русские начали посещать крепость бомбами»*. Крымчаки сдались, но через несколько дней появилось из глубин Крыма другое их войско и *«начало беспокоить русских»*. Поэтому на военном совете было решено: *«так как армия терпит недостаток в воде и конских кормах, а неприятель прежде изнурения нашего войска не намерен вступить в сражение»*, то Крым следует покинуть [Соловьев - 20: 432].

Вместе с тем, в Петербурге это решили объявить победой, и императрица благодарила за нее не слишком удачливого полководца. Официальный, но малоизвестный нам историк Д. Н. Бантыш-Каменский буквально воспел подвиг Ласси: *«В году 1738 фельдмаршал Ласси покрыв себя новою славой: вступил в Крым с тридцатипяти тысячною армией, не потеряв ни одного человека. Хан стоял у Перекопской линии с сорока тысячным корпусом для защиты оной... Перекоп содлся 26 июня с двух тысячным гарнизоном янычар. Въ нем найдено до ста пушек. Ласси пошел далее в Крым, который оказался почти пустым. Взорвав все укрепления Перекопской линии, он возвратился в октябре месяце в Украйну»*.

Пытаясь проанализировать безусловно нелепые финальные провалы после очевидных стартовых побед, С. Соловьев приводит впечатления о характере тогдашней русской армии ее постороннего наблюдателя — австрийского офицера Парадуса: *«...русские пренебрегают порядочным походом и затрудняют себя огромным и лишним обозом: майор имеет до 30 телег, кроме заводных лошадей; брат фаворита генерал Бирон рассказывал..., что при нем 300 быков и лошадей, 7 ослов, 3 верблюда и что есть такие сержанты в гвардии, у которых было по 16 возов. «Может быть, — пишет Парадис, — что они хотели тем выставить богатство своего народа, но я думаю, что они тем показали слабость свою в войне, ибо такой неслыханно большой обоз эту знатную армию сделал неподвижной. Я не видал, чтоб когда-нибудь армия прежде двух, трех, а часто и четырех часов по восхождению солнца выступала в поход; причина тому громадность обоза и несколько застарелое нерадение в русских офицерах... При беспорядке обоза возы так между собой перепутываются и сцепляются, что армия должна по два и по три часа на одном месте стоять... Русская армия употребляет более 30 часов на такой переход, на какой другая армия употребляет 4 часа»* [Соловьев-20: 432—433].

Наверное, и здесь также повторялась похожая ошибка, которую внезапно при подходе к Крыму осознал князь Василий Голицын. Что же это такое Крым? И как его можно одолеть? Только наскоком? Но это не выход — требовалась несравненно более серьезная подготовка.

Князь Потемкин Таврический

Пройдет еще полсотни лет, и безусловный талант организатора, который открыла в своем фаворите Екатерина Великая, смог решить, наконец, это столь затянувшееся дело. Оказалось, что Крым можно будет присоединить без единого выстрела. Нужно просто умение дожидаться, когда полностью созревший плод сам упадет тебе в руки. Однако столь долгожданный плод Крыма упал в руки Российской империи лишь после победоносной русско-турецкой войны 1774—1778 гг. Тогда же русская армия под водительством князя В. М. Долгорукова вошла на полуостров и полностью разорила его. Но по букве знаменитого Кучук-Кайнарджийского мира Крымское ханство объявлялось независимым от Османской Порты, а к России этот злополучный полуостров тогда присоединить не удалось. Сразу же после заключения мира выяснилось, что крымские власти и не думают отказываться от союза с Портой. То тут то там вспыхивали вооруженные столкновения с русскими войсками.

Самый влиятельный после Екатерины человек тогдашней России — Григорий Александрович Потемкин довольно быстро понял, что Крым должен войти в состав империи, но следовало бы дожидаться более удобного момента. Императрица соглашалась, но торопилась и настойчиво, едва ли не каждую неделю напоминала ему об этом. Например, 30 мая 1783 года она писала князю: *«Дай Боже, чтоб татарское или, лучше сказать, крымское дело скорее кончилось»*; 9 июня: *«Не мешкай с занятием Крыма»*; 13 июня: *«Желательно, чтоб ты скорее занял Крым, дабы противники как-нибудь в чем излишнее препятствие не учинили»*.

Но у Потемкина были веские мотивы не спешить — он считал более выгодным для России, чтобы «бородавка на носу», как он называл Крым, была ликвидирована неоперационным путем, то есть без применения оружия. Императрицу он извещал: *«Я сторонник, чтобы они сами просили подданства, думаю, что тебе то угоднее будет»*. На этот раз Потемкин оказался прозорливее Екатерины, вероятно, потому, что имел возможность наблюдать события в Крыму с близкого расстояния.

Рис. 21.4. Князь Григорий Александрович Потемкин Таврический (1739—1791) [Wikipedia]

Наконец, 10 июля императрица получила от Потемкина долгожданную депешу: «Я через три дни поздравляю вас с Крымом. Все знатные уже присягнули, теперь за ними последуют и все».

Одновременно с крымскими татарами присягнули на верность России ногайские. Церемония состоялась в небольшой крепости в устье реки Еи — Ейском укреплении, являвшемся ставкой Суворова. Там собралось около шести тысяч крымских и ногайских татар. Началось празднество, продолжавшееся три дня. Было съедено сто быков, восемьсот овец. Выпито пятьсот ведер простой водки. Шагин-Герей¹ объявил, что он добровольно слагает с себя ханское достоинство, дает право избрать себе преемника, а сам решил вести частную жизнь» [Павленко: 248—249].

Так завершилась многовековая борьба с крымской «занозой». Вместе с тем в руках Российской империи оказался весь западный фланг Степного пояса. Наступила очередь битв за гораздо более обширные и неясные для россиян пространства, лежавшие к востоку от Волги.

Уральский плацдарм

Урал явился надежной базой для технологического рывка России лишь с эпохи Петра Первого. В 1702 году напутствуемый царем Никита Демидов отправился на Урал и стал истинным зачинателем здесь металлургической промышленности. Те имевшиеся производства под Тулой или в Карелии никак не могли обеспечить нужды России в металле. Дефицит не только в железе, но в меди и свинце стал особенно болезненным в ходе тяжелой двадцатилетней Северной войны. Вскоре обозначились контуры еще одной достаточно парадоксальной картины. По лесной Евразийской зоне русские предприниматели смогли проникнуть далеко на восток. Скажем, Акинфий Демидов, знаменитый даже более своего отца Никиты — и в качестве организатора заводской сети, и в особенности как беспримерно жестокий хозяин — уже в 1728—29 гг. проводил добычу медных руд, пытался наладить выплавку меди на Алтае. Но сам Рудный Алтай был очень далеко — за несколько тысяч верст на востоке, а расположенный совсем рядом Южный Урал продолжал оставаться недоступным для русских. Населявшие этот полулесной или полустепной край башкиры пока что успешно держали оборону. Не правда ли, очень странно: ведь тогда формально считалось, что эти полуоседлые и/или кочевые народы суть подданные Российской империи, и это было провозглашено еще Иваном Грозным сразу же по сокрушении им Казанского ханства (см. главу 19). Но социально-политическая реальность тех времен порой плохо отвечала декларациям.

¹ Относительно потомков Гереев-Гераев смотрите Приложение 9.

Вообще-то о минеральных богатствах Южного Урала догадывались, и мысли о необходимости их освоения время от времени мелькали в головах российских ответственных лиц. Однако еще в 1726 году даже сам Вилим Иванович де-Геннин — «генерал-маеор» голландского или же саксонского происхождения Георг Вильгельм де-Геннин, назначенный еще Петром I генеральным Берг-директором Урала, организатор металлургического производства в стране, первый строитель и основатель Екатеринбурга, к тому же наиболее информированный в этом отношении человек — практически ничего не ведал о южной и весьма обширной области Уральской горной системы.

В зимние месяцы 1725/26 годов в эти почти наглухо закрытые для россиян южноуральские области под видом вольного торговца по заданию де-Геннина отправляется разведчик, он же бургомистр Кунгура некто Юхнев. В задачи разведчика-бургомистра входит сбор сведений о числе «деревень» и количестве населения во всех четырех основных областях («дорогах») Башкирии, а также о характере занятий местного населения. В некоторые из районов Южного Урала Юхневу попасть не удалось — его попросту не пустили туда башкирские старшины.

Повторим — действительно крайне любопытно: ведь к тому времени башкиры уже более 170 лет как значатся подданными Российской империи, они платят государству ясак, а властям о них, по сути, ничего неизвестно, да и пускают они к себе кого и когда захотят.

Юхневу удалось собрать кое-какие сведения, впрочем, не очень завидные, и он немедля переслал их де-Геннину. «Генерал-маеор», однако, счел эти юхневские записи столь серьезными и секретными, что не доверил сочинение своего письма в Санкт-Петербург своим русскоязычным секретарям. Писал сам и очень старался. Но поскольку русский язык де-Геннина за 30 лет пребывания в России остался, скажем так, весьма своеобразным, если не диковатым, то нам придется прибегнуть к вольному переводу заклю-

Рис. 21.5. Петр I и Никита Демидов. Памятник в Невьянске (Средний Урал)

Рис. 21.6. Никита Демидович Антуфьев или же Никита Демидов (1656—1725) и его сын Акинфий Никитич Демидов (1678—1745) основатели российской металлургической промышленности на Урале и Алтае [Wikipedia]

чительного раздела его отчета. Впрочем, думается, что для украшения данного раздела лучше будет привести и сам оригинал:

«1726 году марта 16 дня.

Секретное уведомление о башкирском деле, которое начато ведат чрез кунгурского бургомистра Юхнева прошлого 1725 году с ноября месяца, а окончилось марта 13 дня 1726 году по инструкции от генерал-маеор Геннина».

Так начиналось его длинное письмо, а следующими фразами оно завершилось:

“Ежели случится, что война имет против паикир время сметнение, от чего Бог храни, отнако прежде сего от их был, то в оной земля свободен с арме ступат. Для того причина - посаде они не задержит, но скоре покинут. А летом таке летуче народ в степ не поймаши, разве жен и дете их. И симой способне для того, что они в домах живут и лошаде их то время плох, токмо надлежит зарание учинит в удобних местах магасины с провиантом, тако же де и сена. Я мну без кровилитие, ежели кака намера впред будет для сбасения, чтоб они впред не бунтовал, то надлежит их сколке возможно вывест в Руси и разделит. От того в Руси луде множитца и бусроман примут христианске вере. И по тому Паикир будет от них пуст и

така хороше добро земля будет впред руским селит.

Генерал-маеор Вилм Геннин» [Геннин: 339—346].

И наконец, здесь необходим перевод послания:

«В случае войны против башкир, от каковой пусть сохранит нас Бог, хотя она и прежде случалась, в их землю можно будет свободно ввести войска. Посады свои (башкиры) скоро оставят. Летом же этот летучий народ в степи не поймашь, разве только их жен и детей. Лучше всего делать это зимой, когда они обитают в домах, а их лошади плохи; только тогда заранее следует организовать магазины с провиантом, а также запасы сена. Лучше же всего без кровопролития, и чтоб они впредь не бунтовали — башкир надлежит — сколько будет возможно — вывести в Россию и разделить. От этого в России возрастет народонаселение, а бусурмане примут христианскую веру. И поскольку Башкирия будет от них свободна, добрую эту землю можно будет заселить русскими».

Наверное, наш читатель легко может угадать в этих строках подоснову несравненно более четко выраженной и едва ли не философской максимы швейцарского правоведа де Ваттеля (см. главу 20). Вот только предложения де-Геннина, касающиеся башкирской «помехи», представлены не в виде абстрактных рассуждений, но в предельно заземленной форме.

Иван Кирилов и «окно на юго-восток»

«Птенцы гнезда Петрова» еще долгие годы питались идеями императора и даже пытались как-то развивать их. Основная идея Петра Великого, как известно, была связана с «окном» на запад, в Европу; на это он положил фактически всю свою жизнь. Не менее грандиозная мысль овладела и одним из его последователей Иваном Кирилловичем Кириловым: прорубить для России окно на юго-восток, вплоть до Индийского океана. Правда, и его фигура была, разумеется, совсем не того калибра: Кирилов во времена Анны Иоанновны значился обер-секретарем правительствующего сената. К

Рис. 21.7. Вилим Иванович или же Георг Вильгельм де-Геннин (1676—1750). Основатель металлургической промышленности в России

тому же этому неистовому фанатику собственной идеи явно не хватало конкретных знаний о том, что же придется преодолеть для реализации столь захватывающей и желанной эпопеи (Кирилова мы уже поминали в главе 20 и Приложении 5).

Сначала требовалось сломить южноуральских башкир. Обер-секретарю удалось убедить императрицу, и он сумел, получив звание статского советника, сделаться главой так называемой Оренбургской экспедиции. Кирилову была придана солидная воинская команда вместе *«Инструкцией, данной стацкому советнику Ивану Кирилову 1743 году мая 18 дня за подписанием ... государыни императрицы Анны Иоанновны собственные руки»*.

Судя по всему, толчком к инициативе Кирилова по организации Оренбургской экспедиции явилось прибытие в Петербург делегации Малой киргиз-кайсацкой Орды или же Младшего западного жуза кочевой знати. В самом начале 1734 г. их приняла императрица, а вскоре *«... бывший тогда правительствующего сената обер-секретарь Иван Кирилов... сочинил и подал в кабинет е.и.в. два прожекта... [в которых говорилось] ..какая великая польза от содержания оных народов в подданстве российском происходит может, и что то от удержания многих авантажей в Азии, особливо же для умножения комерции, служить будет; так же и об чаемой им великой прибыли от руд и минералов, кои как внутри башкирии, так и вне оной — в киргизском и прочих тамошних владениях находятся»* [Рычков: 8].

Кирилову данная *«Инструкция»* предписывала особое внимание уделять поиску *«металлов и минералов кои найдены могут в ближних местах в башкирском и киргиз-кайсацком владениях в том поступать надлежащим образом ища интересы ея Императорского Величества пользы и приводя к тому тамошние народы лаской и награждением чтоб нетто известное скрывали и таили но и вновь сыскивая объявляли и для того сделать в городе лабораторию... При том же позволяется такие фабрики и заводы строить и иметь около города [Оренбурга] расстоянием до ста верст в ведомстве и призрении городского магистрата, токмо кои земли башкирского народа, о тех прежде иметь с владельцами письменные договоры, а без владельческого письменного договору отнюдь не допускать»* [Рычков: 13; Черных-1997: 89].

Нет слов, *«Инструкция»* производит, конечно, крайне нелепое впечатление. Ведь еще никто и, по сути, ничего толком не знает о том крае, куда собирается экспедиция; совершенно неизвестно удастся ли заложить город, да и что это за устье реки Орь, куда должен устремиться Кирилов? Пригодно ли это место вообще для сооружения города-крепости? Но уже высочайше предписано строительство в этом городе фабрик и заводов *«расстоянием до ста верст в ведомстве и призрении городского магистрата»*.

В поход Кирилов отправился летом следующего 1735 года. Как только воинская команда Оренбургской экспедиции вступила в земли башкир, то немедленно вспыхнули вооруженные мятежи. С большим трудом пробившись сквозь налеты башкирских конных отрядов Кирилов, действительно, с безумной скоростью закладывает Оренбург — *«город о девяти бастионах по ситуации места регулярно, при выстреле трижды из тридцати одной пушки»*. Эта скоротечная церемония имела место 31 августа, а уже 7 сентября Кирилов поспешил в Уфу, оставив здесь многочисленный гарнизон совершенно без питания.

Участь русских воинов оказалась трагичной. Уже осенью подступили жестокие морозы, а провианта не было. Голод заставил командующего гарнизоном полковника Чемодурова принять меры, и он *«...более 800 человек отобрав, 24 числа ноября отправил [из «города»] под командованием премьер-майора Рагинского, но он отошел от Оренбурга через три дня верст до 30, за бывшими тогда великими морозами близ полтораста человек познобил, а пять человек до смерти померзло, яко были весьма безодежны. Чего ради принужден был к упомянутому Чемодурову возвратиться. Но провиантская крайняя нужда никак не позволяла, чтоб всех оных людей содержать, и надежды не было, отколь бы провиант получить, яко вся башкирь находилась в замешани... Того ради рассуждено им, переменя ознобленных людей, отправить их Яиком рекою в Сакмарский казачий городок, от Оренбурга в 300 верстах отстоящий, куда оный Рагинский 27 числа ноября из Оренбурга в 773 человеках и выступил, взяв провианта токмо декабря по 13 число. И понеже он по зимнему и едва проходимому там пути долгое время шел, и провиант, не перешед половины, весь изошел и в команде его крайний голод учинился, то от того, также и от бывших тогда морозов, будучи на половине пути и переправляясь с Яику на Сакмару реку, более 500 человек из команды его, Рагинского, на стети померзло и померло, а остальные 223 человека едва живы, и кто как мог на Сакмару вышли, да из тех 80 человек руки и ноги познобили»* [Рычков: 22—23].

Однако через несколько лет и заложенный Кириловым город за Оренбург не признают, а позднее переименоуют в Орск. Оренбург же еще дважды будут «перетаскивать» вдоль реки Урал на запад, пока он не займет то место, где город расположен и поныне.

Однако Кирилов прибывает в Петербург, и его победным отчетом императрица оказывается вполне довольной. Он снова мчит на Урал, к основанному им Оренбургу, и в самом конце июня 1736 года вновь оказывается на уральской реке Белой, — но это пока очень далеко от желанного «города». Его безумно торопливые акции производят воистину фантастическое впечатление. Вот, к примеру, 10 июля Кирилов прибывает в Табынск, что на Белой, а уже 14 июля там, на этом старом местечке Табынск, Кирилов

«заложил настоящий земляной город о пяти бастионах... При том же и медный завод строить определил, назнача, чтоб на оном девять плавильных печей построить, и посланным в кабинет от 15 июля доношением обнадежил, что в каждый год имеет выплавленным быть от десяти до тридцати тысяч пудов чистой меди» [Рычков: 25].

Увы, не нашел Кирилов ни руд, ни минералов. Ему даже удалось не заметить находившихся буквально под его носом фантастических богатств гигантского меднорудного поля Каргалов (см. Приложение 5); а он посылал регулярно в Петербург фиктивные репортажи об открытии им невероятно богатых месторождений.

Странной и скоротечной фигурой в российской истории оказался обер-секретарь правительственного Сената, статский советник Иван Кириллович Кирилов. *«Случившаяся ему головная болезнь все его государству полезная и сущее безпристрастныя намерения в действо произвести не допустила... Она болезнь в нем умножилась, что он 14 апреля 1737 года жизнь свою христиански окончил» [Рычков: 28].*

Рычков — краевед, историк и «счетовод»

В истории колонизации Южного Урала фигура Петра Ивановича Рычкова (1712—1777) также представляет для нас незаурядный интерес. В определенном смысле он являлся живым свидетелем едва ли не всех начальных

шагов «освоения» этого богатейшего края. Когда Рычкову в 1734 году исполнилось всего 22 года он был зачислен на службу в качестве бухгалтера в ту Оренбургскую экспедицию И. Кирилова, о которой мы только что вели рассказ. Его любознательность и наблюдательность для нас ценны и бесспорны. Как историк Рычков очень систематичен, что и позволило ему создать столь важные для всех историков и географов «Оренбургскую историю» (1759), а также «Топографию Оренбургскую губернии» (1762). Он привержен достаточно точной публикации разнообразных документов, что застав-

Рис. 21.8. Петр Иванович Рычков (1712—1777). Оренбургский историк и краевед широкого профиля. Первый член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук

ляет с большой уверенностью опираться на его труды. Рычков вел переписку с В. Н. Татищевым, М. И. Ломоносовым, Г. Ф. Миллером. И, пожалуй, что самое примечательное: он стал первым членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук, что для провинциального ученого явилось, безусловно, высочайшим признанием заслуг. Житель Оренбурга — не того, который заложил Кирилов, но реального — он пережил тяжкие месяцы осады этого города Емельяном Пугачевым в 1773—1774 гг. Дневниковые записи Рыčkова об этом драматическом времени использовал А. С. Пушкин в своей «Истории Пугачева».

Вместе с тем, конечно, он — прежде всего краевед широкого профиля. Рычков описывает все известные и кажущиеся ему важными события. Все они касаются преимущественно Южного Урала, и лишь крайне редко историк рискует выходить за его границы. Любовь к официальным документам и присущая ему тщательность в их воспроизведении порой насыщает его труды теми курьезными страницами, что придают, пожалуй, особый и специфический интерес его писаниям. За этими разделами рычковских трудов как бы невзначай, но очень явно проглядывают занимательные контуры идеологических установок того времени, направленных на «освоение» Российской империей новых пространств.

Вот, к примеру, одно из описаний относительно стандартных экзекуций, применявшихся правительственными отрядами, пытавшимися погасить башкирские восстания 1735—1740 гг. Захваченных в плен повстанцев — *«возрастных и главных от башкирцев людей»* привели в лагерь правительственных войск, и они *«... все пали на землю при явлении им грозного военачальника Урусова и старшины их плача с немалым воплем в винах своих у ея и в-ва [Ее императорского величества] просили всемилостивейшего прощения... Урусов начал свою речь так: “Отчаянные воры башкирцы, разорители своего покоя и отечества!... Нынешнее ваше воровское собрание... приводит меня в великое удивление...”*».

Затем 25 августа учинилась экзекуция, и Рычков перечисляет многочисленные имена казненных: *«... пять человек посажены на столбах каменных, нарочно для того сделанных, на колья: оным же подобные 11 человек, в том числе семь есаулов помянутого Карасакала повешены за ребра; 85 человек повешены; 21 человеку отсечены головы и взоткнуты на колья, в том числе и у самого главнейшего возмутителя башкирского Аландзиангула, который частопомянутого Карасакала вымыслил, голова отсечена у мертвого, ибо он, будучи под караулом и везен в Оренбург, сам себя умертвил тем, что не пил и не ел более десяти дней. А прочим оставшимся злодеям экзекуция была 17 сентября по прибытии его, генерал-лейтенанта, в Сакмарск: 120 человекам отсечены головы, 50 человек повешены, 301 человек итрафованы отрезанием носов и ушей»* [Рычков: 48—50].

Любопытно также, что все эти данные о проведенных наказаниях ученый историк счел необходимым даже свести в специальную суммарную таблицу (наверное, он был неплохим и усердным бухгалтером в Оренбургской экспедиции Кирилова).

Но Рычков ведет учет не только отрубленным головам повстанцев, ему представляется не менее важным подсчет тостов и оружейных залпов в честь императрицы, ее гостей, а также иных персон. *«Между вышеописанными действиями [т.е. казнями] 19 августа — пишет историк — Нурали и Ерали салтаны, большие Абулхаир-хановы дети, прибыли в расстояние от Оренбурга семь верст»,* где и состоялся их торжественный прием. Для чего были посланы *«капитан, поручик, гренадеров 24, мушкетеров 60 человек с трубами, 6 лошадей заводских, ... Была учинена им салютация из 7 пушек».* После этой встречи высокие гости *«трактированы были обедом... За первым столом посредине сидел генерал-лейтенант, от него по правую — Нурали и Хотжеармет салтаны, а по левую сторону — Ерали салтан и Джанбек батырь, — тут же обедали и штаб-офицеры; а за другим столом сидело старшин киргиз-кайсацких 74 человека; а прочим поставлено было по их мануру рубленное мясо и пиво за воротами. Во время обеда пили за здоровье с пушечной пальбою.*

1) Ея и. в-ва... .. 17.

2) Ея и. в-ва фамилии... .. 13.

3) Счастливого оружия... .. 9.

4) Ханское и всей орды... .. 7.

Напротив того Нурали салтан зачал:

5) Всех ея и. в-ва верных подданных... .. 7

6) За здоровье ханши и салтанов... .. 7

7) Всех желающих подданства ея и. в-ва... .. 5»

[Рычков: 50—51].

Любопытно — не правда, ли? Ведь именно такими довольно нехитрыми по своему разнообразию приемами и проводили истинную, а не увенчанную героическим флером эпопею колонизации. Судя по всему, приемы эти вряд ли принципиально отличались от тех, что имели место где-нибудь в Южной Америке или же Африке.

Однако довольно быстро после этих пиршеств и казней наступило время реального освоения южноуральских богатств. Пришло время промышленников типа братьев Твердышевых, быстро и надежно осваивавших богатства Каргалов или Магнитной горы (см. Приложение 5). Деяния Твердышевых были уже совсем не похожи на исторически победные реляции Ивана Кирилова. За счет этих вновь открытых рудников и построенных заводов

Россия действительно совершила впечатляюще мощный рывок в металлургическом производстве.

Путь в казахские степи

Южный Урал разными способами и постепенно, но был приведен хотя бы относительно к желанному покою. Правда, регион этот примерно через три десятка лет ждали намного более трагичные испытания: именно здесь вспыхнула потрясшая всю громадную империю кровавая пугачевская эпопея. Но пока... пока, наконец, удалось на месте слияния Яика с Сакмарой построить Оренбург — и не тот, который с пушечным салютом в мгновение ока заложил в свое время И. Кирилов, а настоящий административный центр до невероятия огромной провинции с неясно-расплывчатыми рубежами. Город этот приобрел тогда роль своеобразного плацдарма, с которого было удобнее всего продолжить покорение Степного пояса. К началу XIX столетия созревало время для старта колонизации Средней Азии. Однако ее ханства — Бухарское, Хивинское, Кокандское — были отделены от российских рубежей трудно одолеваемыми и бескрайними казахскими — или, как тогда они именовались, *киргиз-кайсаукими* — степями. В 1820 году правительство Александра I решает направить в Бухару посольство. Его должен был возглавить действительный статский советник А. Ф. Негри, а Егор Казимирович Мейендорф исполнял при нем особые роли, будучи на службе в гвардейском генеральном штабе в чине капитана. Ему было вручено специальное *«Наставление... касательно обозрения Киргизской степи во время следования с посольством в Бухару»*. Мейендорф должен был *«...назначить места, удобные для крепостей вдоль по дорогам от крепостей Орской и Троицкой... до реки Сырдарьи, на коей равномерно назначить место, удобное для крепости»*. Ему также следовало провести астрономические наблюдения с определением географических координат и подготовить *«Общую генеральную карту»*. Кроме Е. Мейендорфа в состав экспедиции был включен также ученый натуралист Эдуард Эверсманн [Халфин: 7].

В каком-то отношении это посольство больше походило на вооруженный поход в среде полувраждебных кочевых народов, хотя еще почти девяносто лет назад казахи (киргиз-кайсаки) клялись в верности российскому престолу. Однако объявленная верность была, разумеется, чистой фикцией. Ситуация эта оказывалась пригодной для кочевых ханов, чтобы иногда прикрыться авторитетом северного соседа и пострадать других. России же такая «присяга» внушала — пусть не очень реальную, но — уверенность в территориальной громаде империи, а также манила возможным «освоением» в будущем киргиз-кайсацких степей. Так, спустя три года после при-

Рис. 21.9. Небогатая казахская семья позапрошлого века [Wikipedia]

несения присяги— в 1734 году — российская императрица вынуждена была снова сочинять послание хану так называемого Среднего казахского жуза, кочевавших по степям Центрального Казахстана: *«Божиею милостию мы, Анна, императрица и самодержица всероссийская, и проч. и проч. и проч. Нашему подданному Шемяки-хану, старшинам и всему киргиз-кайсацкому Средней орды войска нашего и. в-ва милость. Нам великой государыне, нашему и. в-ву, известно, как в 1731 году ты Шемяки-хан, в бытность посланного нашего в киргиз-кайсацкую орду мурзы Тевкелева, в подданство наше вступил и в верности нам присягу учинил»* [Рычков: 15]. Однако затем императрица с укоризною напоминает, как часто хан коварно нарушал свою присягу и устраивал непотребные разорения башкирам — российским подданным. Заметим, однако, что с этими «верными подданными», то есть башкирами, Анне Иоанновне придется бороться до конца своего царствования.

Е. Мейендорф выполнил данные ему поручения и постарался собрать по максимуму все сведения, столь желательные центральному правительству. Вначале своего отчета он пояснял: *«Так как нам предстояло пересечь необъятные степи, посещаемые только кочевыми ордами, правительство снабдило нас конвоем из двух сотен казаков и двухсот пехотинцев, к которым затем присоединились двадцать пять всадников-башкир. Мы взяли с собой 2 артиллерийских орудия; 358 верблюдов везли наш багаж. Кроме того, у нас было 400 лошадей...*

Чтобы преодолеть за два месяца пустыню, требовалось по 150 фунтов сухарей на каждого солдата и по 4 центнера овса на каждую лошадь, кроме того, крупы для отряда, двойного запаса снарядов для наших двух

Рис. 21.10. Перекочевка зажиточной казахской семьи. Из «Туркестанской серии» картин известного русского художника-баталиста В. В. Верещагина 1871—1872 гг

пушек, 15 кибиток, или войлочных палаток, 200 бочек для воды, наконец, немалое количество бочек водки...»

Перед самым отправлением из Оренбурга Е. Мейендорф вспоминает о сравнительно недавних печалях, которые испытало такое же российское посольство в попытках пересечь эти населенные «союзниками» Империи степи и полупустыни, чтобы достичь южных ханств: *«Киргизы [казахи], недовольные тем, что русские исследуют их пустыни, нередко совершают нападения на проходящие караваны. Так, в 1803 году недалеко от Сырдарьи подверглось нападению киргизов посольство поручика Гавердовского. Благодаря упорной обороне ему едва удалось спастись самому, но его жена, врач и большая часть отряда остались во власти степных кочевников...»*

Опасности подстерегают вас и в самой Бухарии, стране подвластной варварскому и воинственному народу. Как я узнал впоследствии, перед нашим приездом в Оренбург бухарские купцы доверительно говорили своим знакомым: «Может статься, что никто из путешественников-христиан не вернется домой. Если даже хивинский хан разрешит им пройти, то уж наш хан не совершит ошибки, дозволит им отправиться обратно. Мы не хотим, чтобы христиане знакомились с нашей страной» [Мейендорф: 22—24].

Посольство отбыло из Оренбурга 10 октября, а в Бухару прибыло 20 декабря, то есть на 72 день. За это время было пройдено только по прямой линии примерно 1700 км, а по реальной — ломаной — не менее 2,5 тыс. км.

То есть в среднем в день караван проходил по 33-35 км. Однако путешественникам повезло: все время стояла прекрасная погода, и на караван никто не рискнул нападать. Сами же переговоры с бухарскими властями ни к каким положительным результатам не привели. Преобладали протяженные дискуссии относительно церемониала приемов у хана. Сама аудиенция у хана продолжалась всего 20 минут. Посольство провело в Бухарском ханстве три месяца, после чего отправилось на родину. Из пределов Бухарского ханства сотрудники посольства отбыли 25 марта 1821 года, *«довольные тем, что познакомились с этой страной, но еще более довольные тем, что покинули ее»*.

Невзирая на вполне очевидные помехи, Мейендорф сумел собрать довольно обширные сведения об этой почти незнакомой для русских и европейцев стране. Все это он описал в книжке, которая, как это нередко бывало в российской реальной жизни, впервые вышла во Франции в 1826 г. Только через 150 лет ее перевели и опубликовали в России. Другой сотрудник посольства — натуралист Э. Эверсманн — об этом путешествии также сумел написать на немецком языке книжку *«Reise von Orenburg nach Buchara»*. Ее автор — натуралист, и поэтому в большей степени книга касалась природных особенностей края. Но и в данном случае этот труд также увидел свет за пределами России: его опубликовали на немецком языке в Берлине, но очень быстро — даже на три года раньше книги Мейендорфа, еще в 1823 г.

У Мейендорфа наверняка может привлечь внимание весьма примечательная заключительная фраза его книги: *«Это путешествие все же удовлетворило мое любопытство, не оставив, однако, никакого приятного впечатления и никаких утешительных воспоминаний»* [Мейендорф: 154].

Последние дни бывшего Казахского ханства

Некогда единое казахское ханство распалось в 1729 году на три уже упоминавшихся в данной главе жуза — племенных союза: Младший (западный), Средний (центральный и северо-восточный) и Старший (семиреченский или юго-восточный). В борьбе друг с другом Младший и отчасти Средний жузы пожелали получить хотя бы фиктивную «крышу» Российской империи, объявив себя ее подданными. Однако, как мы видели, все это подданство оказалось слишком далеким от реалий. К петербургскому правительству пришло сознание, что без оккупации этой обширной страны начертанные на картах — но в значительной мере воображаемые — южные границы Российской империи будут абсолютно вымышленными. Поэтому уже где-то через 10—15 лет после описанного Е. Мейендорфом посольства А. Негри в степи Младшего и Среднего жузов вторглись русские воин-

Рис. 21.11. Битва российских казаков с киргиз-кайсаками (казахами)
[Wikipedia]

ские отряды. И опять-таки весьма заметную роль в процессах колонизации стали играть подразделения казачьих войск — Уральского, Сибирского и Астраханского.

Волнения и бунты казахских племен не замедлили отозваться на захват их степей. Может быть, первым из таких восстаний явилась попытка некоторых родов Младшего жуза отстоять свою землю и волю. В 1836—1837 годах это движение возглавили старшины ряда заволжских кланов Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов. Однако в 1838 году с инсургентами было покончено. В 1846 году в стремлении остановить русскую оккупацию возглавил восстание сам Кенесары — хан Среднего жуза, ставший крайним среди относительно независимых казахских правителей. Кажется, что последним или же одним из последних в этом ряду явился бунт Батыра Жанкожа в 1856—1857 гг., но и здесь повстанцев постигла неудача.

После подавления восстаний кочевников перед русскими открылся путь к желанным рубежам Бухарского эмирата, а также Хивинского и Кокандского ханств.

У ворот Бухары

В процессах колонизации Казахстана и Средней Азии вполне очевидно возобладала военная составляющая. Дипломатия здесь отступала на второй план. Однако путешествие А. Негри с Е. Мейендорфом в Бухару не было последним. По существу, вся политика Петербурга, нацеленная на абсолютное подчинение среднеазиатских государств, была уже четко определена, но

Рис. 21.12. Бухарский эмир Сеид-Агад-Хан Богадур. Старинная фотография с гравировкой из иллюстрированного журнала «Нива» [Wikipedia]

дипломатические игры все еще должны были иметь место. Тем более, что после окончательного подавления в казахских степях сколько-нибудь опасных мятежей путь в Хиву, Бухару, Самарканд стал несравненно безопасней. Последней игрой такого рода стал обмен посольствами в 1857—1858 годах. Характер и стиль словоизлияний этой переписки между бухарским эмиром и императором Александром II может также показаться любопытным.

«Письмо Бухарского эмира к Государю Императору.

Известие о переселении из тленного мира в вечный могущественного государя и о восшествии на императорский престол Великого Монарха дошло до высокого нашего слуха в то время когда высоко священное существо наше было занято завоеванием владения Шагар-Киш, благодаря Всевышнего и благодати Его, при молении святых знаменитого царства, повеял зефир победы и славы, и по неисчерпаемой милости и щедротам Создателя, владения Шагар-Киш, Китаб, Утракирган и Шаматан, со всеми подведомственными округами, покорены и подпали под власть всепобеждающего государства. Вследствие сих причин поставлено в обязанность отправить посольство для того, чтобы помолиться об успокоении души доблестного государя, принести поздравление с восшествием на престол Монарха по достоинствам равного Джемшиду, и доставить радостное известие о завоевании названных владений. Вместе с тем оно отправлено для большего скрепления уз существующих еще со времен предков, и для упрочения взаимных отношений предшествовавших великих царей. Почему повелено нами ехать в качестве посланника почтенному и уважаемому искреннему доброжелателю нашего могущества мир-ахуру Мулладжану, который известен правотой и справедливостью между нашими вельможами. Когда он удостоится благосклонного царского приема, то мы надеемся, что будут оказаны ему разные царские ласки, и уверения его милостиво выслушаны, а затем будет ему даровано позволение возвратиться. Потом да обратят драгоценный и светлый ум на отправление из той страны посольства. Кроме сего других желаний не будет. Итак, да будет открыта дорога к дружбе и взаимным отношениям между обоими

Рис. 21.13. Улицы Бухары. Старинные фотографии с гравировкой из журнала «Нива» [Wikipedia]

высокими государствами, дабы караваны и купцы двух держав приходили и уходили спокойно. В память посланы: один ковер кошемирской ткани, две шали резан-мешкин, пара вороньих и пара чубарьих лошадей. Да сияет вечно солнце могущества в пределах государства. Затем приветствие тому, который последует истине».

В отличие от витиеватого и скрывающего истинный смысл письма эмира — послание императора Александра II эмиру звучит достаточно вежливо, но его тональность уже определенно иная.

«Высочайший ответ эмиру

Обладателю Бухары эмиру Наф-Улле-Бегадур-Хану нашего Императорского Величества дружеское приветствие:

Посланец ваш мир-ахур Мулладжан, по прибытии сюда, был Нам, Великому Государю, представлен и вручил грамоту вашего высокостепенства. Выраженные в оной намерения ваши сохранять дружественные связи с Россией приняты Нами с благоволением. Со своей стороны можем уверить вас в Нашем миролюбивом расположении, желаем только чтобы вы устраняли поводы к неудовольствию, оказывали у себя Нашим подданным то же покровительство каким пользуются

Рис. 21.14. Бухарский солдат. Из «Туркестанской серии» картин В. В. Верещагина 1871—1872 гг

Рис. 21.15. Бухарская пехота. Старинная фотография с гравировкой из иллюстрированного журнала «Нива» [Wikipedia]

ваши купцы приезжающие по торговым делам в Россию, и возвратили всех русских пленных находящихся в неволе в вашем ханстве. Согласно просьбе изъявленной вами, Мы в скором времени отправим к вам, для лучших переговоров о всех делах, Нашего посланца, надлежащим образом уполномоченного. Надеемся что вы его примете с тою честью которая подобает доверенному лицу от Высокой Особы Нашей.

За сим желаем вам успеха в добрых ваших начинаниях.

Дано в престольном Нашем граде С.-Петербурге, 24-го декабря 1857, царствования же Нашего в третье лето» [<http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de>].

Тон, конечно, вежливый, но война не за горами, она уже вплотную у ворот всех этих слабых среднеазиатских ханств и эмирата. К ней готовятся войска, тыловые службы, журналисты и художники. Воинству нужно будет побеждать не очень-то могучего и способного к обороне противника. Тылам следует налаживать коммуникации для снабжения войск всем необходимым через тысячекилометровые безводные степи. Журналисты призваны воспевать подвиги солдат в этой чужой и «проклятой стороне».

Широко известный тогда иллюстрированный журнал «Нива» взял на себя обязанность прославления российского воинства. Среди печатавшихся в «Ниве» журналистов и художников на первый план выдвинулся, пожалуй, Н. Каразин:

«Продолжительная, почти непрерывная война, которую мы ведем в Средней Азии, — богата разными кровавыми эпизодами, крупными и мелкими, так и просящимися под перо и карандаш художника. Наши рисунки — эпизоды из этой военной драмы — выхвачены прямо из тревожной, полной опасностей и лишений военной жизни русского солдата, оторванного силою обстоятельств от родины, от всего, что было близко его простому сердцу и брошенного в страну ему чуждую, неприветливую, встретившую его не с поклоном, а с коварным ножом, с предательскою петлею, — с разными бедами и лихами, со всем тем — с чем умеет бороться наш солдат, а если и не умеет сначала, то скоро научивается — благодаря своей сметливости и находчивости, или же горькому опыту. Не всегда опасность грозит в

Рис. 21.16. Русские казаки на верблюдах. Старинная фотография с гравировкой из иллюстрированного журнала «Нива» [Wikipedia]

открытом бою, чаще она таится где-нибудь по близости во время относительной тишины, в минуту спокойствия и отдыха» [Каразин: 4—5].

Репортер постоянно сетует на нелюбезный нрав аборигенов, встречающих «освободителей» не низкими поклонами, но коварным, спрятанным за спину ножом. Наверное, у многих читателей сразу же должны всплыть в памяти язвительные слова Вашингтона Ирвинга по поводу тупости туземцев, погрязших в невежестве и чуждых прелестям той новой жизни, что несут на своих штыках новые культуртрегеры (см. главу 20).

Рис. 21.17. «Парламентеры» — из «Туркестанской серии» картин В. В. Верещагина 1871—1872 гг.

Рис. 21.18. Самарканд. «Торжествуют» — из «Туркестанской серии» картин В. В. Верещагина 1871—1872 гг

А вот что еще мы могли бы узнать из репортажей тех лет других авторов:

«Еще пройдет немного времени — и мы узнаем в подробности о всем, что встретили русские отряды на пути в Хиву любопытного, занимательного и притом совершенно отличного от нашей обыденной жизни; получатся обстоятельные и точные известия о чрезвычайных затруднениях при переходе зыбучих безводных песков, о встречах с хивинскими и туркменскими войсками, о самой Хиве, о ее народонаселении и о тамошнем образе жизни. Литература, статистика, история, география — обогатятся новыми, неизвестными еще сведениями о средней Азии; а для администрации представится новое обширное поле деятельности к обобщению неприязненных пока разнородных, покоренных русским оружием, азиатских племен с подданными России. Отдаленность Хивы от России, а более всего безжизненность степей, отсутствие цивилизации, своеобразные нравы и обычаи кочующих магометанского вероисповедания обитателей степей, отсутствие рек и дорог, — все это до сих пор препятствовало не только с научными целями пускаться по песчаному морю в Хиву, но и замедляло всегда торговое движение в Среднюю Азию. Теперь мало-помалу все эти преграды должны устраниваться; постепенно будет водворяться колонизация и промышленность, проведутся каналы, пророчются на проложенных путях в достаточном количестве искусственно и удобно примененные к употреблению воды колодцы, —

Рис. 21.19. Русские войска входят в Самаркад 8 июня 1868 г. Картина русского художника-баталиста Н. Н. Каразина. Государственный Русский музей

и степные народы, теперь уклончивые и недоверчивые, увидя в русских мирное обращение и доброту сердечную, нечувствительно будут в ними сходиться в случае колонизации, свыкаться и обобщаться в равной трудной доле посреди степей, в жизни и в торговых сношениях; а затем легко будут прививаться к их неприязненным сердцам наши нравы, понятия и убеждения — и водворится правильный сельский образ жизни и промышленность по мере производительности почвы и по качеству климата» [Михайлов: 465].

Расчет такого рода писаний состоял, как видно, в том, что обыватели центральной России непременно получают заряд уверенности, что уже вскоре, невзирая на упорство некоторых аборигенов, вся обширная картина новых земель покроется — в свете сердечной доброты колонизаторов — прелестью розовых цветов всеобщей любви, благолепия и дружеского взаимопонимания.

К 1868 году завоеванный Бухарский эмират получит в рамках Российской империи статус протектората. С самостоятельностью Хивинского ханства будет покончено пятью годами позднее. В 1867 году указом Александра II было специально организовано Туркестанское генерал-губернаторство, под эгидой которого находились все завоеванные к тому времени области. А с 1886 года вся подчиненная России Средняя Азия и ряд областей южного Казахстана стали именоваться обширным Туркестанским краем.

Так почти в самом конце XIX столетия подошло к своему финалу оформление неохватных границ гигантской Российской империи.

Проект «Желтороссия»

Хорошо известно, что аппетит приходит во время еды. Завидный результат среднеазиатской компании привлек внимание российских военных и правительственных кругов к крайне восточному флангу Степного пояса — к Маньчжурии. Цинский Китай слабел буквально на глазах. Глаза на его богатства разгорелись не только у России; в эту «Большую игру» включились европейские страны, а также США и Япония. В 1896 г. Россия заключила контракт с Китаем на строительство через Харбин на Владивосток Китайско-Восточной железной дороги — знаменитой КВЖД. Возник удивительный проект создания в Маньчжурии особой «Желтороссии»

Многим казалось, что все идет прекрасно и строго по плану. Поэтому, к примеру, вдохновленный явными признаками успехов Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков — кстати, незадолго перед этим участник Хивинского похода и военный губернатор Сырдарьинской области — обратился к Николаю II с предложениями:

«Оккупированные территории Маньчжурии постепенно, де-факто, переводить под контроль российской администрации. Основным плацдармом проникновения в Китай должна стать полоса отчуждения КВЖД

Рис. 21.20. Четыре европейские державы и Япония делят Цинский Китай. Французская карикатура начала XX века [Wikipedia]

и особенно Харбин, стоявший не только на железной дороге, но и на судоходной реке Сунгари. Переселение в полосу КВЖД активизировать поелику возможно, для чего отобрать желающих в Забайкальском казачьем войске, которым предстояло создать новое Казачье войско: Сунгарийское... В отношении местного населения предполагалось предпринять меры по русификации, в первую очередь — к увеличению числа православных. Николай II инициативу одобрил и «Желтороссия» вполне могла стать последней военной колонией России на восточном направлении» [Кутузов: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/far-east/project/].

Эти блистательные и, казалось, уже почти свершенные планы рухнули в результате русско-японской

Рис. 21.21. Плакат самого начала Русско-Японской войны 1904—1905 гг. Под этим удивительным по своей выразительности «художественным полотном» помещен почти стихотворный текст:

«Посидим у моря, подождем погоды! Вишь, — какие страшные уроды виднеются из-за Японской спины: должно быть его опекуны?.. Заморские покровители!.. Покурить, господа, не хотите ли — нашей русской махорочки, что виднеется на горочке! А это тебе, Японец, игрушка — наша Российская пушка...».

К сожалению, автор — или авторы? — этого гипер-патриотического творения остались для нас неизвестными

войны, может быть, самой постыдной из войн в протяженной отечественной истории. Россиян же в Маньчжурии скопилось довольно много. Именно здесь после поражения адмирала Колчака возник один из самых значительных центров белой эмиграции. Однако Маньчжурия русской колонией так и не стала.

Конец XIX столетия: финал истории Степного пояса?

К концу 70-х годов XIX века с карты Евразии исчезли все самостоятельные или же полусамостоятельные государственные объединения Степного пояса. Культуры его западной половины оказались полностью под властью стремительно набиравшей мощь Российской империи. Маньчжуры — порождение исконных степных скотоводов — сначала покорили Китай, а затем весьма быстро подчинились основным канонам традиционной куль-

Рис. 21.22. Степной пояс и границы Российской империи, Цинского Китая к 80-м годам XIX столетия. Территории: 1 — Российской империи; 2 — Китая, 3 — Степного пояса

туры Поднебесной империи. Цинская китайско-маньчжурская династия предстала в XVIII веке госпожой восточной половины Степного пояса (рис. 21.22). Столетие назад можно было подумать, что с историей неповторимых культур этой удивительной — и столь непохожей на иные — зоны Евразии покончено; что память о сообществах кочевых скотоводов останется лишь в исторических документах; и сами рedeющие своим числом потомки канувшей в далеких веках громкой славы будут тешить себя лишь туманными воспоминаниями о героических подвигах далеких предков.

Однако не будем торопиться с подобными заключениями. Пожалуй, стоит свершить еще один временной — столетний — прыжок к рубежам нашего времени, но мы прedeлаем это уже в следующей, заключительной главе нашей книги.

ГЛАВА 22

Степной пояс и Советская империя

Недолгий путь к Советской империи

Досадную крымскую «занозу» из своего южного подбрюшья России удалось извлечь к 1783 году. Туркестанские же дела стали «налаживаться» и принимать угодный царской империи порядок спустя почти столетие. В 1867 году указом Александра II на завоеванных в Закаспии землях было сформировано особое Туркестанское генерал-губернаторство. А десять лет спустя, когда в какой-то степени удалось разобраться с приобретенными в боях «сокровищами», генерал-губернаторство преобразовали или же просто переименовали в Туркестанский край.

Историческое развитие и судьбы двух крупных завоеванных Россией частей западной половины Степного пояса — меньшей по своей площади Причерноморской и гораздо более обширной Закаспийской — оказались весьма несходными. Северное Причерноморье активно начало заселяться с севера представителями славянских этносов, приверженцев христианства. Поэтому уже с самого начала XIX века вряд ли было бы справедливым считать данный регион неким вариантом российской колонии. Причерноморские степи довольно быстро и прочно обрели статус органической части Российской империи. К тому же здесь, и ранее всего в Донбассе, стало активно развиваться промышленное производство. Именно в этих областях формировалось ядро будущей Украины.

Совершенно иная ситуация наблюдалась в Закаспии и в Казахстане. Мы уже говорили, что завоевание этих территорий запоздало по сравнению с Причерноморьем почти на столетие. Однако главное не в этом. В Туркестанском крае занимавший верховные позиции славяно-христианский элемент, в долевой пропорции никак не мог соперничать с различными тюркоязычными народами, приверженными исламу и издавна враждебными христианскому славянству, равно как и иным элементам, уходящим своими корнями к базовым основам европейской цивилизации. Поэтому в

Казахстане и Средней Азии сформировавшаяся там социальная структура гораздо полнее соответствовала обычному пониманию колонии.

Динамика исторического развития закаспийских областей при взгляде на стремительный темп ее трансформаций от одного состояния к другому предстает перед нами как бы в крайне «спрессованном» виде. Судите сами. В 1886 году царское правительство формирует здесь Туркестанский край, и жизнь в Средней Азии хотя бы внешне успокаивается. Проходит совсем короткий отрезок времени, и в 1918 году — сразу после падения царизма у бывших властителей «туркестанских» народов вновь просыпается понятное желание самостоятельности, возрождаются вполне естественные попытки учредить некую независимость, установить тем самым более или менее привычный для этих народов порядок бытия.

Но почти сразу же в 1919—1920 году подразделения Туркестанского фронта Красной Армии во главе с неумолимым командармом Михаилом Фрунзе тяжелым железным катком очень быстро и решительно покончили со всеми этими надеждами и иллюзиями бывших ханств. Уже тогда в пределах границ скоротечно распавшейся гигантской Российской империи возрождается ее прямая наследница — Империя Советская, с гораздо более суровым нравом и стремлением к жесткому порядку.

«Союз нерушимый республик свободных...»

Это первая строчка знаменитого стиха Сергея Михалкова из Гимна Советского Союза. Его вторая строчка звучала так: «сплотила навеки Великая Русь». Увы, тот порядок, который в разнообразных и порой весьма странных вариациях распространился на двадцати двух миллионах квадратных километров, господствовал лишь около семи десятилетий. А потом вдруг вся система недавно созданной империи рухнула. Обрушение ее произошло как бы совершенно неожиданно, подобно карточному домику, — и было оно даже более стремительным, нежели у прежней — империи Российской. Но ныне именно этот кажущийся почти невероятным коллапс позволил народам Казахстана и Средней Азии устремиться к желанным высотам той самостоятельности, что была утрачена более столетия назад.

Даже беглый взгляд на карту (рис. 22.1), где обозначены все инновации, произошедшие с социальными объединениями на территории Степного пояса и Северной Евразии, может повергнуть нас в удивление поистине чрезвычайное. Страна как будто в некоем акробатическом, подлинно фантастическом прыжке возвратилась к географическим рубежам XVII столетия! От Российской Федерации почти в мгновение ока — и ока, разумеется, исторического — отпали буквально все(!) бывшие республики — и именно все страны, локализованные в огромной полосе Степного пояса, причем

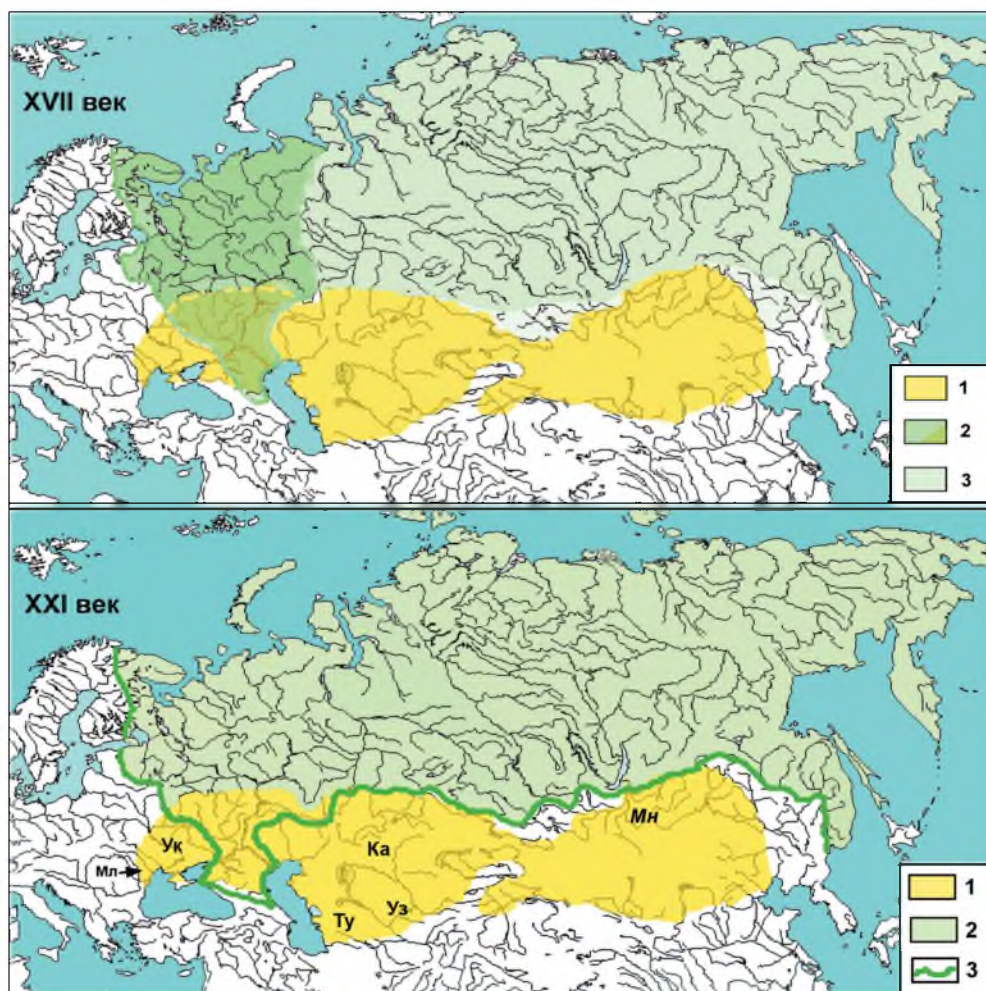

Рис. 22.1. Россия в XVII веке (вверху) и в XXI веке (внизу). Обозначения территорий — на верхнем рисунке: 1 — Степного пояса, 2 — Московского царства 3 — североазиатских колоний Московского царства;

на нижнем рисунке: 1 — Степного пояса, 2 — Российской Федерации, 3 — границы Российской Федерации.

Условные обозначения для стран Степного пояса: Мл — Молдова, Ук — Украина, Ту — Туркменистан, Уз — Узбекистан, Ка — Казахстан, Мн — Монголия

как западной, так и даже восточной (Монголия) его половин. Сказали «нет» Союзу даже абсолютно и по самым разнообразным признакам несходные между собой — на западе Украина, а на востоке Монголия (последняя, правда, формально не входила в состав Советского Союза, но в реальности являлась его сателлитом-колонией).

И вот что странно: характер культур едва ли не всех этих отпавших стран очень сильно — по меньшей мере, в технологическом отношении — отли-

чался от того, который в столетней давности присоединила к себе Российская империя. Ушла в прошлое важнейшая компонента их экономики — кочевое скотоводство. Исключение составляла только Монголия, где мало что изменилось за истекшие периоды. Как же все-таки можно понять и объяснить эту кажущуюся столь странной метаморфозу? Видимо, должны были существовать какие-то общие глубинные причины, которые вырвали из некогда стальных советских «объятий» эти разные страны. Выяснить суть этих причин — задача увлекательная, но совсем непростая. Ниже мы постараемся хотя бы в некоторой степени приблизиться к пониманию данной проблемы. При этом хочу напомнить, что еще в первой части нашей книги — в главе 7 — мы пытались осознать причины быстрого падения Юаньской монголо-китайской династии чингизидов: она ведь также, как и Советская империя, просуществовала немногим более семидесяти лет. Мы обсуждали тогда гипотезу о своеобразных и губительных для завоевателей-монголов синдромах Антея и Нарцисса. Увы, думается, в нашем случае корни распада коренятся уже в иной сфере. По всей вероятности, их сущность таится в неких кардинальных стратегических просчетах обеих империй — как Российской, так и Советской. Проблемы Советской империи нам кажутся более близкими хотя бы по временному признаку. Поэтому попробуем более пристально взглянуть в первые шаги власти Советов — в основные цели партии большевиков, в их успехи и провалы.

«Очередные задачи советской власти»

Заглавие данного раздела буквально повторяет титул тезисов В. И. Ленина, которые ЦК ВКП(б) обсуждал на своем заседании 18 апреля 1918 года и решил опубликовать их в виде специальной брошюры. Полгода спустя после Октябрьского переворота победителям-большевикам предстояло осознать: какие же базовые направления должны будут определять основы политики в этой гигантской стране?..

... Нет, никакого подробного анализа брошюры «вождя мирового пролетариата» здесь не планируется: автор просто позаимствовал для данного раздела название ленинских тезисов. Мне хочется максимально сжато сформулировать те основные стратегические направления, по которым сразу после переворота начиналось и развивалось в дальнейшем строительство новой системы.

Кажется, что большевики в рамках зарождающейся, а в последующие десятилетия уже активно функционирующей Советской империи были нацелены на решение четырех важнейших задач.

Во-первых — и это было изначальной и наиболее главной из задач — установить военно-политическое господство над всеми областями гигант-

ской Российской империи и преобразовать ее в империю Советскую. Без этого реализация всех прочих начинаний была бы попросту невозможной.

Во-вторых, в новой империи следовало по возможности максимально быстро внедрить в головы и психику всей необъятной и разноликой массы наций и этносов единые и господствующие каноны новой идеологии. Выражаясь иначе, осуществить на практике принцип единомыслия миллионов. Естественно, что основой единомыслия должны были послужить азы марксистско-ленинской философии, которые для «широких трудящихся масс» излагались, как правило, в самом грубо-примитивном варианте. Единомыслие также представлялось для большевиков совершенно необходимым условием грядущих успехов. Строительство сначала социализма, а вслед за этим и коммунизма объявлялось высшей целью человечества и, в первую голову, обитателей Советской империи. Данная высокая цель должна была вытеснить из людских голов многомиллионной Советской империи различные «вредные и дикарские» религиозные представления — этот омерзительный «опиум для народа» — о счастливой загробной жизни и прочих заблуждениях.

В-третьих, необходимо было связать различные отрасли сельского хозяйства и промышленности всех разнородных областей империи в некую единую и достаточно надежную экономическую структуру, хотя бы приближенно соответствующую мировому уровню технологического развития XX столетия.

В-четвертых, нужно было в конце концов убедить всех граждан Советской империи в необходимости отказа — пусть даже постепенного — от старых и «замшелых» представлений о национальной принадлежности каждой персоны: узбек, татарин, якут... Всем им следовало уступить место одной единственной национальности — советской. Должно было всегда и гордо произносить: я — советский человек. Это почти как у Маяковского: «Читайте, завидуйте — я гражданин Советского Союза».

В конце раздела и в скобках должен заметить, что формулировки этих задач могут совершенно не совпадать с официальными документами ВКП(б) и КПСС; приведенные здесь пункты полностью лежат на совести изложившего их автора.

Успехи и достижения

Военно-политическая и экономическая сферы: именно в них советской власти удалось добиться очевидных успехов. Задачи военно-политического характера удалось выполнить в очень короткий срок и — по крайней мере, в начале — даже в ходе тяжелейшей гражданской войны. Потери, конечно, были, и весьма досадные: отпали западные куски империи — Финляндия

и Польша. Однако — как бы в утешение за утраты — вскоре удалось присоединить к обширному «телу» новой империи дополнительные полтора миллиона квадратных километров в виде Монголии (об этой стране мы несколько подробнее поговорим ниже). В этой изначальной акции страны Советов ничего принципиально нового не содержалось. Каждая из империй любых тысячелетий прошлого должна была на завоеванных пространствах устанавливать свое военно-политическое господство.

При всем том также довольно быстро жесткие нормы нового военно-полицейского государства удалось распространить буквально по всем регионам СССР. Центр всех властных структур находился в Москве, в Кремле, откуда и исходили основные и обязательные к исполнению указы. Развитая сеть функционеров ВКП(б), а позднее КПСС обеспечивала их безусловное исполнение.

Бесспорно также, что вполне заметные подвижки были сделаны в сфере экономики и создания разветвленной инфраструктуры экономических связей внутри всего государства. Наиболее отчетливые успехи касались тяжелой промышленности: металлургии, машиностроения, горнодобывающих отраслей (период знаменитой индустриализации страны). Очень заметно начинал меняться и меняться облик многих крупных городских центров, связанных либо с промышленным производством, либо с административными функциями (столиц республик, в первую очередь).

Неудачи и провалы

В экономической сфере самое досадное положение наблюдалось в сельском хозяйстве. Именно поэтому деревни, села, кишлаки, аулы чаще всего представляли перед наблюдателем практически в том же состоянии, что сто, двести и даже более лет назад. По ним порой весьма нетрудно оказывалось представлять прошлую жизнь аборигенов. Разрыв между обликом сельских поселений и городов (особенно административных центров) характеризовался весьма удручающим контрастом. Поэтому время от времени из центра раздавались бестолковые пропагандистские призывы о необходимости «стирания граней между городом и деревней». Все эти лозунги к позитиву никогда не приводили; положение со временем, пожалуй, даже ухудшалось.

Однако наиболее тяжкие провалы гнездились в различных областях идеологической сферы. Коснемся вначале крайне болезненной для большевиков проблемы «необходимого единомыслия». Жестокие гонения на религии и религиозные организации стали первым отчетливо выраженным шагом по внедрению единомыслия в сознание обитателей империи. Разрушались христианские церкви и мечети, храмы превращались в складские помещения либо скотные дворы. После Второй Мировой войны коммуни-

сты несколько ослабили гнет подобного рода, а центр тяжести идеологической пропаганды перенесли на обязательное изучение основ марксистско-ленинской философии. Однако еще до войны всем многочисленным членам правящей партии предписывалось едва ли не вы зубрить «Краткий курс истории ВКП(б)», одобренный И. В. Сталиным и Центральным комитетом этой партии в 1938 году, ставший катехизисом тогдашнего СССР. Людям с высшим образованием, особенно гуманитариям, нужно было чуть ли не дословно помнить текст раздела «О диалектическом и историческом материализме» из знаменитой и написанной едва ли не лично вождем советского народа IV главы этого великого учебника жизни для советских людей.

Учение Маркса—Энгельса—Ленина объявлялось истиной, достигшей абсолюта. Не допускалось даже малейших сомнений в ее идеальном совершенстве. При подобном подходе к марксистско-ленинскому учению его философские постулаты ничем от проклинаемых партией религий уже не отличались. От каждого требовалось лишь углублять и совершенствовать собственные знания в этом направлении. Ученым же предписывалось разрешать все самые высокие и спорные проблемы их наук лишь путем приложения к обсуждаемым темам набора утвержденных свыше «лекал» марксистско-ленинской философии.

Сколько-нибудь реального успеха политика большевиков в этом направлении, однако, не имела. В стране подготовили огромное число проповедников этой философии, но уже тогда невозможно было отрешиться от впечатления, что преобладающая часть служителей этого культа и агитпропа в проповедуемые истины совершенно не веруют. Такие подозрения и подтвердились уже в самом начале коллапса Советской империи, когда обрушился буквальный шквал массовых отречений от глубинных основ этого учения.

Религиозные же верования огромных масс населения оказались загнанными глубоко в подполье — в материальном и духовном смысле. Все это время огромная масса людей была вынуждена тщательно скрывать свои убеждения и верования.

Здесь также Советская империя не могла предложить ничего нового. Все завоеватели старались до конца изничтожить старую идеологию и внедрить собственные каноны единомыслия. Аналогии этому можно увидеть, к примеру, в обязательном для всех обитателей Римской империи I века нашей эры поклонении скульптурным изображениям обожествленных императоров. Можно вспомнить, скажем, и о зверствах конкистадоров и следовавших за ними по пятам проповедников христианской веры... Впрочем сходных сюжетов здесь будет предостаточно.

И наконец, об утверждении единой для всех национальности — «советский человек». Данная идея стала, пожалуй, витать в воздухе уже сравни-

тельно поздно, в послевоенный период. Внедрение в 70-х годах данной мысли в народные массы, почему-то наряду с этим не привело к отмене обязательного и так называемого пресловутого «пятого пункта», который обозначал истинную национальность человека. Именно «пятый пункт» весьма нередко строго определял: может ли данный человек занимать определенное место в социальной иерархии ряда учреждений империи, дозволено ли ему проходить курс обучения, к примеру, в Московском Университете или же, скажем, лишь в Институте рыбного хозяйства... Эта идея оказалась полностью провальной, и редко кто шел на забвение своей исходной национальности.

Любопытные параллели напрашиваются здесь опять же с упоминавшейся только что Римской империей, правда, как бы в обратном ключе. Там высоким статусом «римского гражданина», то есть правоспособной персоны, могли обладать далеко не все жители империи. Правда, со временем коррупция в Риме разъела и этот священный принцип: статус можно было легко купить. Однако никогда так не носилась идея поголовного признания всех гражданами Римской империи.

«Дружбы народов надежный оплот»

Продолжим анализ причин коллапса СССР. У автора сложилось впечатление, что Советская империя в сравнении с ее предшественницей — империей Российской — социальных иллюзий и мифов породила существенно больше, и они к тому же впечатление производили более масштабное и величественное. Естественно, что в культуре последней империи в полной мере, буквально на нотах предельной высоты, звучал охарактеризованный нами еще в начале книги синдром «Нарцисса»: в этом мире мы самые лучшие, и «нам нет преград ни в море, ни на суше». А в 1961 году, когда стали всплывать на поверхность очевидные признаки кризиса системы, XXII съезд КПСС объявил в нашей стране программу форсированного построения коммунизма. Были повсюду расклеены плакаты: «Партия торжественно заявляет: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Правда, автору никогда не удавалось в те поры встречать людей, кто бы верил в эту нелепость.

Вот, наконец, и еще один миф, который мы вынесли также цитатой из уже упоминавшегося ранее михалковского гимна Советского Союза: «Славься отечество наше свободное, дружбы народов надежный оплот». В гимне надежный оплот вечной дружбы народов утверждался безоговорочно. Однако все упомянутые здесь, а также и иные мифы мгновенно испарились без заметного следа сразу после распада СССР.

Как известно, империей может становиться та страна, которая в состоянии подчинить и покорить более слабых путем победоносных воинских акций или же демонстрации устрашения. Поверженный всегда испытывает отвратное чувство униженности, и оно поселяется в нем надолго. Победенный этнос, если он не распался, а остался консолидированным, таит в себе это чувство долгими десятилетиями и даже столетиями, стараясь не обнаруживать его раньше времени. Поколения сменяют друг друга, но в памяти народа никогда не умирает жажда мести за прошлые обиды. Подчиненный всегда упорно поджидает слабости хозяина, чтобы нанести ему тяжелый удар мщения.

Империя, безраздельно расширяясь за счет слабых соседей и пребывая в постоянном победном ликовании, сама не ведая того впускает в свое тело те болезнетворные бактерии, что будут грозить ей тяжелой болезнью или же гибелью. В сложной имперской структуре оказывается невольно внедренным чудовищной силы динамит, взрыв которого в некий момент способен разметать до основания все имперское здание. Это не догадки — это история фактически всех исчезнувших империй прошлого.

Поэтому весьма смешно читать про обиды завоевателя, оказавшегося вдалеке *«от всего, что было близко его простому сердцу и заброшенного в страну ему чуждую, неприветливую, встретившую его не с поклоном, а с коварным ножом, с предательскою петлею, — с разными бедами и лихами»* (я вновь цитирую слова патриота позапрошлого века Н. Каразина, о котором шла речь в прошлой главе).

Огорчения от обид от неприветливости аборигенов сменяют розовые мечтания либеральных колонизаторов также позапрошлого столетия. Вот свершились, наконец, столь необходимые и закономерные завоевания Туркестана Россией, наступают благодные времена дружбы и взаимопонимания между народами: *«...Теперь мало по малу все [прежние и досадные] преграды должны устраниться; постепенно будет водворяться колонизация и промышленность, проведутся каналы, пророятся на проложенных путях в достаточном количестве искусственно и удобно примененные к употреблению воды колодцы, — и степные народы, теперь уклончивые и недоверчивые, увидя в русских мирное обращение и доброту сердечную, нечувствительно будут с ними сходиться в случае колонизации, свыкаться и обобщаться в равной трудной доле посреди степей, в жизни и в торговых сношениях; а затем легко будут прививаться к их неприязненным сердцам наши нравы, понятия и убеждения — и водворится правильный сельский образ жизни и промышленность по мере производительности почвы и по качеству климата»* (некоторые из этих слов мы также приводили в предшествующей главе).

Я должен заметить, что мне и сегодня очень трудно понимать полностью высокоумные авторские словосочетания типа — *«стенные народы... нечувствительно будут с ними сходиться в случае колонизации»*, или же — *«легко будут прививаться к их неприязненным сердцам наши нравы, понятия и убеждения — и водворится правильный сельский образ жизни»*. Равно мне и сегодня столь же трудно без горькой усмешки воспринимать слова о вечной и нерушимой дружбе, что украшали Гимн Советского Союза или же донныне красуются на гранитных стелах некоторых городов.

Некогда покоренные народы берут реванш за свои горькие поражения и унижения более чем столетней давности. А метрополия своей неуклюжей и нелепой идеологической политикой активно помогает им в этом.

Средняя Азия столетие спустя

В связи с умилительными строками из статьи либерала-колонизатора XIX века я хотел бы предложить просмотр нескольких слайдов, что сохранились у автора от этих — теперь уже давних путешествий. Картинки эти, а также комментарии к ним, может быть, поведают гораздо лучше о той Средней Азии, что предстала перед наблюдателем спустя столетие после ее колонизации (1977 год). Слов нет, Советская власть вложила изрядную массу усилий, чтобы облик страны предстал преображенным. Здесь были стройки века или даже тысячелетия типа Главного Туркменского канала, от которого остались лишь сухие русла. В этом ряду оказался и великий Каракумский канал, протянувшийся почти на 1300 км от Аму-Дарьи на запад; правда, русло его предстало тогда перед моими глазами затянутой кустарником и камышом глубокой ложбиной. Здесь и отстроенный после чудовищного землетрясения 1948 года Ашхабад, или же «столица мира и тепла» — как пелось в одной песне советских времен — Ташкент. Всего этого нельзя вычеркнуть.

Однако меня никогда не покидало ощущение, что все эти социалистические новостройки не слишком трогают чувства узбеков, туркмен или таджиков; что для их исконной культуры гораздо ближе, понятнее и роднее, например, не столичный Ташкент, похожий на иные города Союза, но Самарканд времен Тимура с величественной гробницей великого полководца (см. рис. 21.18), или же с поразительным по великолепию многовековым погребальным мемориалом Шахи-Зинда. Здесь вы непременно попадете в мир глубоко традиционный, к примеру, тех кишлаков, что носят имена, оставленные им повелением того же легендарного Тамерлана. Говорят, что сам эмир, уверовав наконец в то, что весь мир лежит у его ног, распорядился обозначить в рамках своей империи подобия столиц известных ему стран — Багдада и Парижа. Только Париж произносится здесь как Фариж,

Рис. 22.2. Кишлак Фариж, расположенный относительно недалеко от Самарканда. Наименование поселка обязано повелению Тамерлана об организации на территории его империи столиц тех государств, о которых ему довелось слышать (то есть Парижа)

Рис. 22.3. “Фарижанки” на ослах отправляются в гости в соседний кишлак (1977 г.)

Рис. 22.4. Три старца в многочасовом задумчивом сидении на базаре. Если бы не мотоцикл и велосипед, можно было бы решить, что это, скажем, век двенадцатый или тринадцатый

Рис. 22.5. Дервиш на базаре пользуется большим уважением среднеазиатских торговцев. Его с охотой снабжают фруктами

Рис. 22.6. Ташкент, Ураза-байрам. Тысячи и тысячи верующих и склоненных в молитве мужчин. Буквально через несколько минут они преобразятся в идеологически послушных власти советских чиновников

и мы можем на минутку взглянуть на него — ведь он не столь отдален от Самарканда (рис. 22.2 и 22.3). Все те же окружающие семейные очаги высокие глинобитные дувалы, все та же архитектура, наверняка уходящая во времена до-тимуровы, еще к бронзовому веку. И если бы не электропроводка, то легко было бы перепутать эпохи. Здесь и кавалькада очаровательных «фарижанок» на ослах (рис. 22.3). На среднеазиатских базарах все те же неподвижно сидящие, неведомо о чем беседующие и неведомо что продающие старцы (рис. 22.4). Или же дервиши (рис. 22.5), с величественным видом принимающие подаяние.

Хотя, пожалуй, тогда в еще большей мере меня поразил Ташкент, и не демонстрацией в своих архитектурных монументальных творениях приверженности идеалам социализма, но тем — скрытым — что можно было почти случайно узреть в предрассветные часы во время массовых молений на празднике Ураза-байрам, завершении священного месяца Рамадан. Вокруг мечетей десятки и десятки тысяч коленопреклоненных или по команде муллы гнущихся к земле людей (рис. 22.6). Все они в похожих темных одеяниях, и у всех одинаково сосредоточенно молитвенное выражение лиц. Моя фигура с фотоаппаратом до ненависти чужая в этом людском море; я это ощущаю, но прекратить съемку не в силах. Однако пройдет буквально несколько минут, мулла произнесет заключительные слова молитвы об окончании Саума — месяца воздержания от многих видов пищи, и все эти десятки тысяч мужчин буквально в минуту преобразятся. Они спрячут свои тюбетейки и тюрбаны в портфели, и их облик приобретет вполне стандартный вид спешащих к местам своей работы совслужащих.

Именно в такие моменты наступает ясное понимание, что словесные и архитектурные покрывала официальных постулатов Советской империи в Средней Азии являются именно поверхностным флером, и что этот флер люди используют для сокрытия своих истинных идеалов. Тогда и начинаешь догадываться, что именно в этом и таится тот динамит, что рано или поздно разнесет на куски всю имперскую конструкцию.

Монгольские впечатления: шесть десятилетий спустя

Монголия, как мы знаем, никогда не входила в состав СССР и по нашей официальной версии относилась к разряду совершенно независимых государств. Однако фиктивный характер этой декларации никого и никогда обмануть не мог. Монгольская Народная Республика — так именовалась эта страна — полностью зависела от Советского Союза, и большинство процессов ее внутренней жизни определялось директивами из Кремля.

Автору довелось исколесить в экспедиционных разведках ее обширные пространства в пятилетие 1979—1983 гг. Мне и моим друзьям удавалось разглядеть в жизни монголов то, что вряд ли смогут разглядеть кратковременные посетители-туристы или даже те советские специалисты, что были прочно привязаны к одному месту по характеру своей службы. Здесь также хотелось бы продемонстрировать собственные впечатления десятком слайдов и с комментариями к ним. При этом хочу прибавить, что довольно большое число монгольских иллюстраций было включено в различные главы первой и второй частей нашей книги. Кроме того, будет нелишним, думается, предварить этот раздел главы несколькими словами о монгольской истории в XX веке — той страны, что столь непохожа на другие.

Под нынешней Монголией китайцы понимают так называемую Внешнюю Монголию, отличая ее от более южной Монголии Внутренней, являющейся автономной частью Китая. Сразу же после свержения в 1911 году китайско-маньчжурской династии Цин и объявления Китая республикой Внешняя Монголия успела провозгласить собственную независимость под сенью Богдо-гэгэна (Священного хана), то есть, признавая себя теократическим государством. Независимость эта оказалась весьма скоротечной. Уже в 1921 году ее столицу — полукочевой город Ургу (нынешний Улан-батор) оккупировал своей дивизией «белый» барон фон Унгерн. Однако через четыре месяца в Ургу вошли подразделения Красной армии, и вскоре плененный ими белый генерал был расстрелян в ЧК. Красной Армии помогал тогда со своими конниками Сухэ-батор, и ему большевики разрешили в те поры сделаться основателем Монгольской Народно-Революционной партии и занять все верховные посты в Монголии. Однако молодой вождь монголов в 1923 году скоростижно скончался: ему тогда исполнилось лишь тридцать лет.

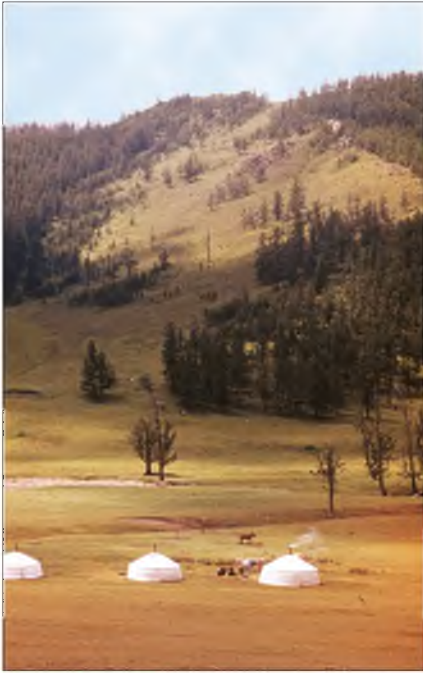

Рис. 22.7. В горной центральной Монголии, где относительно много лесов, юрты, как правило, сосредоточены группами. В таких юртах обитают чаще всего родственные семьи кочевников

Рис. 22.8. Пустыня Южная Гоби. Верблюды в ожидании воды у артезианской скважины

Рис. 22.9. Пустыня Южная Гоби. Здесь чаще всего встречаются одиночные юрты и столь же странно произрастающие одинокие деревья

В ноябре 1924 года объявили о создании «независимой» Монгольской Народной Республики, в которой руководящую роль осуществляла Монгольская Народно-Революционная партия. Ни для кого не составляло секрета, что Монголия явилась сателлитом СССР, и по этой причине все иные государства не желали ее признавать вплоть до окончания Второй мировой войны. Наиболее непримиримую позицию занимал, естественно, Китай, который считал Внешнюю Монголию насильственно изъятой у него территорией. Монголия, пожалуй, явилась своеобразным призом

Рис. 22.10. Сезонная перекочевка монгольской семьи. Лошадь служит только для верховой езды. Верблюды — животные вьючные

Рис. 22.11. Упряжными животными являються чаще всего бык или як. Колесо повозки своей формой и конструкцией весьма сходно с образцами бронзового века

Рис. 22.12. Уродливые пропагандистские монументы, служащие воспеваю труда земледельцев. Рядом с трактором поместили фигуру предполагаемого “колхозника” со снопом сжатой пшеницы

для новой империи за неудачу в попытках отторжения от Китая в начале XX века Маньчжурии — крайнего фланга восточной половины Степного пояса.

Из стран советского блока Монголия оставалась почти или же крайне мало затронутой признаками современной цивилизации. Как и много веков назад, господствовало все то же кочевое скотоводство. Легко разбираемая и собираемая войлочная юрта продолжала оставаться всесезонным обиталищем монгольской семьи. Вы могли натолкнуться на целые группы юрт, либо остановиться у юрты одиночной, отделенной от ближайших соседей доброй сотней километров. Все так же, как и в незапамятные времена, родовые группы или же отдельные семьи ежегодно совершали свои две или четыре сезонные перекочевки. Лошадь использовалась только под верхнюю езду; в телеги впрягали быков или яков, а верблюды предназначались в основном под вьюк (рис. 22.10). Монгольские перекочевки были очень похожи, скажем, на картины В. Верещагина (см. рис. 21.10), эскизы которых набрасывал в своих блокнотах художник во время туркестанских батальи XIX века. Форма и конструкция тележных колес (рис. 22.11) до удивления близки тем, что находят археологи в подкурганых могилах III тысячелетия до новой эры.

Наши долгие путешествия по разным местам всей этой необъятной страны могли порой внушать иллюзию, что ты переместился в иной, совершенно непривычный для тебя мир. Тот факт, что этот мир существует в конце II тысячелетия, но уже новой эры, угадывался по присутствию мотоциклов старых советских моделей, стоявших у некоторых юрт. Мир этот довольно равнодушен к тебе. Интерес просыпался лишь тогда, когда кочевники желали выменять что-либо полезное для себя — скажем, боеприпасы и оружие у советских воинских частей, рассеянных тогда по многим областям страны. Им не важно знать, как ты живешь, о чем думаешь и что тебя занимает. Тот свой мир для них абсолютно самодостаточен.

Но есть еще город Улан-батор. По существу, это единственное место в Монголии, в котором скопилось и обитает не менее четверти населения страны. В Улан-баторе вы попадаете в странное, причудливым образом слитое смешение традиционной архаики и модернистских веяний. Во время наших скитаний центральная часть города весьма походила на областной центр России с его обкомами и административными зданиями. Ныне в нем появились очевидные, но простейшие знаки победной западной цивилизации типа казино, диск-клубов и т. п. Но самое интересное не это. Центр города донныне плотно окружен — буквально сдавлен — тысячами и тысячами юрт. Их бесконечные кусты чрезвычайно напоминают пчелиные соты (рис. 22.14). Сходный с Улан-батором город вы вряд ли сможете обнаружить в какой-либо из стран нашей планеты.

Рис. 22.13. Так выглядит столица Монголии Улан-батор. На переднем плане хорошо заметны скопления юрт. На заднем плане видны строения центральной части города

Рис. 22.14. Улан-батор, вид из космоса. Отчетливо видна разница двух неравнозначных частей города: центр столицы и бесконечные “пчелиные соты” юрт, взбегаящие на горные склоны. Овал в правом углу снимка дает более детальное представление о типичном расположении огороженных заборами групп юрт [Google]

Советская власть принялась почти немедленно приобщать монголов к нормам собственного понимания прогресса и цивилизации. Сначала были уничтожены все противники Сухэ-батора. В эпоху маршала Чойбалсана особое удовольствие доставляло созерцание огромных броских плакатов, на которых монгольский конник из зеленоватой среды, обозначавшей эпоху феодализма, через мрачно-черную полосу капитализма перескаки-

Рис. 22.15. Гандан — единственный разрешенный и действовавший в Монголии в 70-е годы монастырь в Улан-баторе

вал непосредственно в солнечную полосу социализма. Почти сразу было объявлено о формировании колхозов, что в условиях кочевого образа жизни выглядело особой нелепостью. Позднее, уже в 70-е годы начались попытки активного внедрения зернового земледелия в ту геоэкологическую зону, где никогда не знали этого вида занятий, да и не могли знать. Из СССР была доставлена масса тракторов и комбайнов. Они недвижно высились на холмах своеобразным памятником идиотическому волюнтаризму. В те же годы сооружались уродливые монументы, прославлявшие почетный труд колхозника-землепашца (рис. 22.12).

Параллельно с политико-экономическими новшествами нужно было решить чрезвычайно болезненную для властей проблему ламаизма. В начале 20-х годов в стране насчи-

Рис. 22.16. Руины разрушенного армейскими частями в 30-е годы монастыря Ульгий-хийд в пустыне Южная Гоби. В 1983 году мы на нашей экспедиционной машине с трудом смогли пробраться к этому месту. Как находила сюда путь Красная Армия?

тывалось не более 700 тысяч жителей. Из них около 120—130 тысяч — или же примерно половина мужского дееспособного населения — обреталось в приблизительно 750 монастырях в качестве ламаистских монахов. К началу 30-х годов число монастырей возросло еще примерно на сотню. Терпеть такое безобразие власть, конечно же, не собиралась. Как всегда, проблему эту решали быстро и сурово с помощью Красной Армии. Ламы, естественно, взволновались и пытались сопротивляться. К концу 30-х годов практически все монастыри Внешней Монголии были уничтожены. Непокорные монахи без суда и следствия были постреляны или же сумели раствориться в затерянных по монгольским просторам мирных юртах. От всех памятников вредоносных религиозных заблуждений оставили лишь парутройку монастырей. В Улан-баторе один из специально сохраненных комплексов предназначался для демонстрации иностранцам свободы религиоз-

Рис. 22.17. Мне кажется, что этот поистине величественный памятник грозному “властителю вселенной” Чингис-хану является самым грандиозным архитектурным проектом в Монголии после обретения ею независимости. Монумент возвели на холме примерно в 30 км к юго-востоку от Улан-батора; и если бы его поставили в городе, все остальные постройки смотрелись бы крайне жалко на фоне его мощи [Google].

Образ Чингис-хана представляется вечным. Его до настоящего времени воплощают неиссякаемые ряды “Чингизидов” — квази-наследников “властителя вселенной”. Если читатель пожелает познакомиться с последней персоной из этой бесконечной династии, то пусть взглянет в короткое Приложение 9 к нашей книге

ных убеждений в стране (рис. 22.15), а другой — для обучения партийной номенклатуры эффективной антирелигиозной пропаганде. Поскольку мы забирались в самые малодоступные урочища Монголии, то приходилось поражаться той старательной системности, с которой наши войска ухитрялись добираться до самых глухих и труднодоступных мест монастырского уединения (рис. 22.16).

Ныне приверженцами ламаизма считает себя не менее трех четвертей монгольского населения. Но, по всей вероятности, параллельно важнейшим культом современных монголов служит образ Чингис-хана — повелителя вселенной. Именно ему воздвигают ныне поистине грандиозные и величественные памятники как в Улан-баторе, так и в его окрестностях (рис. 22.17).

Завершить этот раздел мне хотелось коротким рассказом об одной курьезной ситуации, связанной с подражательным заимствованием из СССР неких обрядов идеологического свойства. Молодой вождь монгольской революции Сухэ-батор ушел из жизни в 1923 году. Вождь мирового пролетариата В. И. Ленин скончался чуточку позднее — в начале 1924 года, и большевики решили нетленное его тело поместить в Мавзолей. Монгольская народно-революционная партия также решила не отставать от старшего брата и соорудить для Сухэ-батара мавзолей в столице. Трудность заключалась лишь в одном: как найти останки тела вождя? Ведь его провозжали в потусторонний мир по буддийскому обряду — оставляя тело на поверхности земли, чтобы благородные звери и птицы поскорее расправились с его плотью для снятия телесных пут с его рвущейся к обновлению души. Тела знатных персон могли даже расчленять и раскладывать по разным местам для ускорения процедуры очищения плоти хищниками. Говорят, что именно так и поступили в свое время с телом Сухэ-батара. Власть же обязала найти остатки скелета. Те кости, что были доставлены в столицу, как уверяли антропологи, относились к останкам разных людей. Да и были ли в этой куче кости самого вождя? Тем не менее, собранные части некоего скелета поместили в мавзолей...

Много десятилетий спустя появилось сообщение, что в 2004 году «тело Сухэ-батара было извлечено из мавзолея и по буддийскому обряду предано огню». Интересно все таки: что же сжигали в этом ритуальном огне?

Монголию прилепили к телу Советской империи поспешно и неуклюже. Все последующие семь десятилетий масса диктуемых с севера нелепостей лишь нарастала. Так следует ли удивляться, что эта столь чужеродная для нашего менталитета страна предпочла немедленно отколоться от своего огромного северного соседа?

Нива и жатва печали

Более тысячи лет длились бесчисленные — то затихавшие, то вспыхивавшие со свирепой силой — сражения Руси и России со степным миром. Всю эту более чем тысячелетнюю эпопею отразили писания многих ученых историков, писателей, поэтов, публицистов. По степи к нам «...с Востока попадали на Запад перелетные птицы, саранча, кочевые племена, монгольские армии и чума... По словам одного поэта, на «этой ниве вспаханной лошадиными копытами, унавоженной человеческими трупами, усеянной белыми костями, орошенной горячим дождем крови, выросла жатва печали» [Валишевский-3: 217].

За эти долгие века в российской ментальности, наверное, невольно укоренилось ощущение, что степь и ее народы служат постоянным источником чего-то очень чужого и страшного, непредсказуемого и коварного. Все эти тревоги надрывно звучат и в поэзии, и в фольклоре, и в прозе. «Сколько в тех краях битв отгремело, сколько народу полегло — ни счесть, ни упомянуть... На людей в травах охотились, словно на волков или сайгаков. Охотился кто хотел. Преступник в дикой степи спасался от закона, вооруженный пастырь стерег стада, рыцарь искал приключений, лихой человек — добычи. Казак — татарина, татарин — казака... Степь, хоть и пустовавшая, вместе с тем была не пустая; тихая, но злоецающая; безмятежная, но полная опасностей; дикая Диким Полем, но еще и дикостью души» [Генрик Сенкевич «Огнем и мечом»].

Даже сама по себе степь, когда она уже свободна от коренных обитателей, — одним своим обликом могла вселять в русскую душу беспокойство и уныние своими неясными и безграничными просторами, безумством стихий.

«Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Кибитка ехала по узкой дороге, или, точнее, по следу, проложенному крестьянскими санями... Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело поднималась, росла и постепенно облегла небо... Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло... Я выглянул из кибитки; все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным...»

Это слова пушкинского, знакомого для многих, героя Петруши Гринёва из «Капитанской дочки». И далее он же:

«Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзла, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым сне-

гом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большей частью печальные».

А вот степь в глазах Егорушки из повести А. П. Чехова «Степь»:

«Между тем, перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается... Трава поникла, жизнь замерла. Загорелые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами... представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски... Как душно и уныло! ...Для разнообразия мелькнет в бурьяне белый череп или булыжник; вырастет на мгновение серая каменная баба или высохшая ветла...»

Поэты вступают своими строфами в эту унылую череду. Вот знакомый всем фольклор:

*Степь да степь кругом,
Путь далек лежит.
В той степи глухой
Замерзал ямщик*

Потом дадим слово И. Бунину с его стихом «В степи»:

*Здесь грустно. Ждем мы сумрачной поры,
Когда в степи седой туман ночует,
Когда во мгле рассвет едва белеет
И лишь бугры чернеют сквозь туман.*

А теперь «Колодники» А.К. Толстого:

*Спускается солнце за степи, // Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи // Взметают дорожную пыль.
.....
И вот повели, затанули, // Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье, // Про даром минувшие дни,
Поют про свободные степи, // Про дикую волю поют,
День меркнет все боле, - а цепи // Дорогу метут да метут...*

В годы тяжелого кризиса России, в два первых десятилетия XX века, некоторые наши выдающиеся поэты стали мечтать о некоем очистительном огне, который должны породить степи с их гуннами или скифами.

*Где вы, грядущие гунны, // Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугуный // По еще не открытым Памирам.
На нас ордой опьянелой // Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело // Волной пылающей крови.
Поставьте, невольники воли, // Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколосите высокое поле // На месте тронного зала.
Сложите книги кострами, // Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, // Вы во всем неповинны, как дети!*

К гуннам обращал свой призыв Валерий Брюсов. Но Александр Блок в самом начале 1918 года желал видеть в победившем пролетариате скифов:

*Милльоны вас. Нас — тьмы, и тьмы и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!
Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!
.....
Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..
В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!*

Весьма неожиданный образ борющихся за высокую идею скифов Блока, чья «варварская лира» сзывает всех «на братский пир труда и мира», пробуждает в памяти удивительно курьезную параллель. Оказывается, наша императрица Екатерина Великая еще задолго до Блока также увлекалась этими легендарными степными воинами. Образ скифов у Екатерины невероятно восхитителен:

«Никогда еще мир не производил существа более мужественного, степного, открытого, человеческого, милосердного, великодушного и услужливого, нежели скиф. Ни один народ не сравнится с ним ни в правильности и красоте черт лица, в яркости румянца, в осанке, сложенности и росте, так как тело у него очень дородное, или нервное и мускулистое, борода густая,

волосы длинные и пушистые; он по природе своей далек от всяких хитростей и обмана; его прямота и честность гнушаются темных дел. Нет на свете наездника, пешехода, моряка, а также хозяина, равного ему. Ни у кого нет такой нежности к детям и близким. У него врожденное чувство почитания к родителям и начальникам. Он быстро, точно повинуетя и верен» [Валишевский - 7: 257]. Интересно, из каких неведомых нам источников российская, почти всегда отличавшаяся трезвым умом, императрица почерпнула это?

Прошли многие годы. Навалились ужасы Отечественной войны. И вновь в песнях и прозе зазвучал образ степи — для русской души тревожный, неродной, с которым почти всегда связаны тяжкие ощущения.

*Вот солдаты идут // По степи опаленной,
Тихо песни поют // Про березки да клены,
Про задумчивый сад // И плакучую иву,
Про родные леса, // Да широкую ниву.*

[Слова М. Львовского к песне К. Молчанова]

Или же:

*Темная ночь, только пули свистят по степи
Только ветер гудит в проводах.
Тускло звезды мерцают...
Тёмная ночь разделяет, любимая, нас
И тревожная чёрная степь пролегла между нами.*

[Слова В. Агапова к знаменитой песне Н. Богословского]

И наконец, последний отрывок — из романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Перед прорывом на сталинградском направлении, в калмыцкой степи на «...пустынной песчаной равнине обосновались тысячи людей, привыкших к влажному воздуху, к росе на зорьке, к шороху сена. Песок сечет их по коже, лезет в уши, скрипит в пиене и в хлебе, песок в соли и в винтовочном затворе, в механизме часов, песок в солдатских сновидениях... Телу человеческому, ноздрям, гортани, икрам ног здесь трудно. Тело живет здесь, как живет телега, сошедшая с накатанной колеи и со скрипом ползущая по бездорожью».

В процессе работы над книгой я нередко пытался понять логику наших властных верхов, пытавшихся на таком предельно зыбком фундаменте тысячелетнего взаимного — не только духовного, но даже физического — неприятия двух миров возвести дворец вечной дружбы между народами или, по крайней мере, убедить себя и окружающих в осуществлении этой мечты... И это после жестоких завоеваний, связанных с национальным унижением проигравших те битвы...

Ну что ж, тогда будем считать, что и в стремительном распаде нашей империи также не было ничего неожиданного.

ЭПИЛОГ

Беглый взгляд на контуры долгой истории

В своей книге я постарался очертить, на мой взгляд, важнейшие контуры долгой — почти шестидесяти вековой — истории культур кочевых скотоводческих народов, населявших пространства великого Степного пояса Евразии, что раскинулся на восемь тысяч километров — от моря Черного до моря Желтого. Эта история отражалась в картинах как исторических, так и археологических. Кроме того, особое внимание в книге было направлено на крайне сложные взаимоотношения Степного пояса с Русью, Россией. Такой интерес вполне понятен: ведь вся долгая, более чем тысячелетняя история нашей страны оказалась сплетенной с культурами номадов этой неохватной зоны. То был один тугий жгут взаимных кровавых обид, поражений и побед. К тому же — и прежде всего — книга наша рассчитана на русскоязычного читателя.

Роль кочевых культур в истории евразийских народов оказывается поразительно яркой, а в критические, переломные моменты — воистину ключевой. При этом мне совсем не хотелось бы углубляться в нравственные оценки роли и деяний номадов, то есть в ту тему, что служит столь желанным и неременным элементом в сочинениях множества публицистов. Нагрузка от морального аспекта при изучении исторических процессов зачастую ведет к резкому искажению многих акцентов, абсолютно необходимых для трезвой сущностной оценки самих событий.

Почти всегда и как бы параллельно характеристике социальных и/или технологических инноваций, протекавших в недрах степных сообществ, всплывали также картины одновременных событий подобного плана в среде их южных соседей, чья культура была столь несходна с кочевой. Такого рода фон, на мой взгляд, всегда выигрышен, а контрастные сопоставления позволяют гораздо более четко и как бы под микроскопом выявлять исключительно важные детали происходивших тогда событий.

И еще об одном. Первая часть книги была посвящена картинам историческим. Письменные исторические документы с яркими описаниями драматических или же трагических событий многовековой конфронтации культур Степного пояса со своими южными недругами явились в главах этой части базовой основой нашего повествования. Вторая же часть книги

строилась почти исключительно на источниках археологических, а те — в отличие от письменных документов — безгласны. Но и для долгих археологических тысячелетий не столь уж трудно предположить бесконечную череду битв кочевников со своими оседлыми соседями на бескрайних просторах Евразии. Но именно для того, чтобы пробудить наше воображение, и становятся, как мне показалось, совершенно необходимы живые рассказы о переплетениях судеб обоих гигантских и чаще всего враждующих блоков евразийских культур. Вряд ли в глубокой археологической древности желаний агрессоров и страдания пораженных сколь-нибудь заметно отличались от тех, что воплями победного ликования или же потоками кровавых слез заявляли о себе в письменную эпоху.

С какой же эпохой оказались сопряжены те первые, пусть даже весьма неверные и зыбкие признаки зарождения нового феномена в мировой истории? Медный век, начало V тысячелетия до новой эры. Бедные материалом и культурным слоем степные поселки, убогой формы глиняные горшки, не очень выразительные по богатству кладбища в Поднепровье и на Северском Донце. А рядом с ними их западные соседи: там огромные селища — чуть ли не «города», прочные глинобитные дома, пышная расписная керамика, выразительная глиняная пластика. Казалось бы: к чему долгие размышления? Вот они, хозяева, и вот их убогие степные «сервы». Именно по такому пути и должна была бы как будто развиваться культура народов на пространствах Причерноморья и Подунавья. Однако все вышло совершенно иначе. Блистательные культуры сникли, а какие-то из них исчезли почти бесследно. Другие утратили свой блеск, облачаясь в более простые «одежды» и, как мы нередко выражаемся, обретая более рациональный характер. Скромные степняки расправили плечи и начали теснить своих «хозяев», невольно заставляя тех отречься от традиционно-яркой символики их культур.

Наверное, за всем этим победоносным движением стоит то, в чем мы усматриваем истинный залог столь ярких побед степняков, а именно: освоение металла, приручение лошади под верх и формирование самых ранних в человеческой истории кавалерийских отрядов. В этом «дуэте» на первое место я поставил бы все-таки приручение лошади под верх и конницу. Ведь именно за счет конных отрядов степь приобрела то вполне очевидное превосходство над оседлыми культурами, каковое позволило кочевникам терзать земледельцев все долгие последующие тысячелетия: скорость, быстрое формирование отрядов, способность почти моментального маневра, молниеносное нападение и стремительное отступление в случае неудачи...

Конь для степняка, степного воина — это едва ли не все. Конь — его верный побратим, он одновременно и «небесный», и «чудесный». Во множестве эпических сказаний степных народов именно конь не только покровитель, но даже порой истинный вождь своего хозяина, *«превосходящий*

его в даре предвидения, быстроте реакции, ... обладающий твердой волей, подчиняющий себе всадника в минуты, когда тот проявляет слабость» [Липец: 124—125]. Вот, скажем, оказывается в трудном положении батыр алтайского эпоса Темир-Боро:

*Лошадь его Темир-Боро вдруг
Правое ухо направо склонила,
Правой ногой вперед уперлась,
Прислушалась ко дну неба,
Левое ухо налево склонила,
Левой ногой назад уперлась,
К тому, что под землей, прислушалась.*

Однако Темир-Боро не может понять действий мудрого животного, и тогда конь ему отвечает:

*Ты мою голову то туда, то сюда поворачиваешь,
А куда едем, не знаю*

[Баскаков: 84—85].

Первыми из степняков, кто явно и громко заявил о своей победной мощи, стали обитатели северокавказских предгорий IV тыс. до н. э.; археологи именуют их культуру майкопской. Здесь гигантские курганы с насыщенными золотом, серебром и бронзовым оружием могилами вождей явились их своеобразными визитными карточками, удостоверяющими величие покойного при переходе его в потусторонний мир. Мне уже приходилось говорить, что по удивительному стечению обстоятельств именно археологи становятся как бы живыми представителями этого странного — воображаемого потустороннего мира. Мы — и среди них я как археолог — расцениваем выдающееся богатство могилы в качестве верного знака, что покойный являлся персоной выдающегося социального ранга. Хотя — кто знает: ведь порой именно такая погребенная в драгоценной «упаковке» персона никакими личными доблестями вовсе и не обладала, а все золото сопровождало покойника по каким-то иным, неведомым нам причинам.

Совокупная же масса драгоценностей в захоронениях знати какой-либо археологической культуры также служит для археологов отчетливым основанием для зачисления этой культуры в разряд безусловно выдающихся. Скорее всего, в таких случаях мы находимся вблизи истины. Но вместе с тем подчас за фантастическим богатством могил кроется призрак неумолимого и даже близкого распада культуры, необходимой смены ее обличья. Такая культура иррациональна и не в состоянии выдерживать того длительного напряжения, когда огромная — если не львиная — доля общественной энергии направлена на непереносимое обустройство материально подтвержденного величия в том заупокойном мире, что создан воображением идеологических жрецов конкретного общества. Погибающая в своей иррацио-

нальной сути культура бывает вынуждена отринуть целиком или же кардинально видоизменить те каноны, которые являлись для нее обязательной идеологической базой.

Мне хотелось бы вновь вспомнить о проблемах, связанных с характером и оценкой возможностей дешифровки источников исторических, с одной стороны, а с другой — источников археологических. В каждой из них заключены как плюсы, так и грозящие своим коварством минусы. Как правило, в исторических источниках обязательно подозревают различные оттенки лживости, предвзятость в оценках. Победы соотечественников в них почти всегда блистательны и неповторимы. Поражения в летописях и иных письменных документах объясняют либо виною народа перед всевышней силой, либо неожиданным предательством союзников, или же невообразимым численным превосходством врага. В археологии «безупречной правдивостью» отличаются разве что руины древних и старинных поселений — селищ либо городов. Могилы же весьма коварны тем, что они отражают, прежде всего, идеологию подхода к той погребальной обрядовости, что узаконена в данном обществе.

С последним обстоятельством теснейшим образом связан *«монгольский синдром»*, которому автор придает очень большое значение в процессах дешифровки археологических материалов, и в первую очередь, сопряженных с кочевыми культурами. Напомню вкратце его суть. Монголы, покорив большую часть Евразии, фактически никаких примечательных кладбищ после себя не оставили. Аттила с гуннами дошел до Апеннин и Галлии, но где же их могилы, в которых, как и поныне лелеют мечту энтузиасты-кладоискатели, закладывались массы награбленных ими сокровищ? Для археологии коварство погребальной обрядовости многих групп кочевников заложено в идеологии последних. У многих из них материальное в заупокойном мире — вовсе не самое главное, да и вряд ли что-нибудь значит. К чему же в таком случае нагружаться богатствами при путешествии в потустороннее бытие, если там в цене совершенно иное?...

Невозможно исключить, к примеру, что мы очень многого не знаем о причинах столь неожиданного распада блистательного мира Балкано-Карпатских «прото-цивилизаций» V тыс. до н. э. Может быть, в этих драматических процессах очень большую роль сыграли именно те вторгшиеся с востока конные отряды «унылых» по своему облику «сервов-степняков». Конечно, мы не в состоянии разглядеть следов их пребывания на Балканах, поскольку они ничего не оставили для нас на поверхности земли. А вдруг вторжение в чужие просторы повело к резкому изменению погребального обряда у агрессивных степняков? И по этой причине мы не можем найти их могил. Ведь исходя из весьма устойчивой археологической аксиомы, мы должны были бы натолкнуться в Подунавье на захоронения, совершенно похожие на те, что раскопаны археологами в Северном Причерноморье. Но

вспомним в связи с этим еще один пример: ярчайший сейминско-турбинский транскультурный феномен рубежа III и II тыс. до н. э. Эта незаурядная культура преподнесла нам сюрприз весьма странных мемориалов-кладбищ без останков людей, и точные их аналоги невозможно отыскать в исходных областях этих устремленных на запад мигрантов.

Степные номады ярче всего отразили свои идеологические каноны и пристрастия в могильных памятниках. Кочевники почти всегда вспоминаются нам по курганному обряду захоронений, и так называемые культуры «больших курганов» занимают на этом поле особо почетное место. Самая ранняя из этих культур — майкопская — датируется IV тыс. до н. э., ее мы уже упоминали выше. Клонами майкопской общности стали более поздние курганные группы в Закавказье — типа марткопи-бедени и триалетской. Однако самым большим успехом среди широкой публики и популяризаторов древностей пользуются, безусловно, культуры скифского круга с их феноменальным богатством подкурганных захоронений. После распада скифо-савроматского мира более никогда в степной Евразии не повторялась ситуация с помещением в могилы вождей громадной массы сокровищ. Отдельными богатыми погребениями гуннских шаньюев, типа найденных в Монголии, высказанное соображение изменить вряд ли удастся.

Интересно: какие же все-таки причины побудили степняков западной половины Евразии пойти на такую рационализацию идеологических канонов своих культур? Не подлежит сомнению, что вопрос это требует глубоких размышлений. По ходу изложения материалов в книге, мы нередко пользовались понятием «синдром». Остановившись в Эпилоге на важном для нас «синдроме монгольском», стоит также привлечь внимание к еще одному, пожалуй, даже существенно более важному при оценке любой культуры — к *синдрому Нарцисса*, или же синдрому самолюбования. Синдром этот универсален. В той или иной форме или звучании его признаки можно отыскать у всех культур. Любой носитель культуры, то есть человеческий коллектив — и неважно, малочисленный или же многомиллионный — должен быть уверен в истинности избранного им пути; что путь этот полностью созвучен тем заветам, что снизошли к народу свыше. Такая уверенность служит неременным залогом существования любой конкретной культуры.

Вместе с тем у синдрома Нарцисса имеется оборотная, весьма коварная и потому крайне опасная сторона медали — максимально гипертрофированный уровень самолюбования. *«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»* или же *«нам нет преград ни в море, ни на суше; нам не страшны ни льды ни облака...»* — все это не так уж давно звучало, например, в обязательном и ежедневном исполнении по советскому радио. Тогда в ликующем самозабвении культура утрачивает верные ориентиры в окружающем ее мире, и она уже перестает замечать те крутые и трудно одолимые барьеры,

что возникают на ее пути в грядущее. Наступает пора неудач, никнет и исчезает уверенность в истинности предначертанного пути. Культуры вступают в свой драматичный период.

В человеческой истории такие периоды проходили *абсолютно все* культуры. Слабые завершали свое существование, как правило, тихо, растворяясь в соседних и более мощных. Уделом же империй являлась жестокая кончина, и их финал непременно бывал окрашен кровавой цепью свирепых сражений, что и подводило ее к коллапсу. Вершиной коллапса для каждой из них почти всегда становилась гражданская война со всеми ее ужасами и трагедиями.

Пытаясь проникнуть в причины внезапного исчезновения или же гибели внешне блистательных археологических культур, культур-победительниц, наверное, всегда следует иметь в виду, что фанфары реального или же мнимого их превосходства над соседями почти всегда настойчиво подводили их к губительному экстазу запредельного самолюбования. Ведь когда «*нам нет преград ни в море, ни на суше*», все кажущиеся «мелочи жизни» как бы отступают на задний план, превращаются в ничтожества. Однако именно эти «мелочи» и становятся губительным вирусом для могучих победоносных организмов...

...Но как же все-таки нащупать в этом коварном синдроме Нарцисса золотую спасительную середину? И как ей умело следовать? ...

Порой может показаться, что в популярной литературе доминируют мнения о полной бесполезности и даже глубокой вредности для мирового прогресса кочевых народов. Такой подход к историческим процессам представляется мне в принципе неверным. В нем заложен некий жутковатый оттенок расизма, которым грешили даже просвещенные европейские правоведа типа де Ваттеля, который проповедывал необходимость истребления «как диких зверей» всех неземледельческих народов. Вспомним, что именно в среде кочевых или полукочевых племен евреев зародились основы монотеизма; что это учение дало свои мощные ветви в виде христианства и ислама — этих мировых религий последних двух тысячелетий. Ислам ведь также зарождался в полукочевой среде Аравии, и немного позднее арабские воины стремительно разнесли его по огромным пространствам Старого Света (мы, пожалуй, до известной степени намеренно начинали эту книгу с завоеваний семитоязычных мусульман-арабов). Стало быть, не так уж все просто с фактом бесполезного существования скотоводческих народов...

Конечно, кочевые и полукочевые скотоводы Степного пояса Евразии такими постижениями похвастать не могли. Но станем ли мы отрицать их решающую роль в сложении образований мирового класса, подобных, к примеру, Сельджукскому султанату либо Османской Порте?

На мой взгляд, поистине ключевой и одной из наиболее загадочных в истории евразийских народов явилась эпоха так называемого *Большого*

скачка в распространении по этому континенту высокотехнологичных культур и сменившая этот территориальный рывок пора *Великой пространственной стагнации*. Как же можно объяснить, что вслед за невообразимым по своей стремительности четырехкратным увеличением ареала металлоносных культур последовал труднообъяснимый по своей протяженности трехтысячелетний период территориального застоя? В сложении самой эпохи различное значение, наверное, могли иметь различные причины. Но, судя по всему, основную роль в характере данного парадоксального периода сыграло противостояние между народами Степного пояса и культурами оседлых народов южной зоны Евразии.

К середине II тыс. до н. э. на материке произошло окончательное оформление двух важнейших социально-технологических моделей культур: оседло-земледельческой и подвижно-скотоводческой. Первую из них представляли самые разнообразные сообщества южных пространств Евразии, а также т.н. Европейского субконтинента, — то есть от Атлантики до Тихого океана. Скотоводческие же сообщества плотно оккупировали свой домен от Желтого моря до моря Черного. Тем самым гигантская северная часть материка оказалась за спиной кочевых культур, как бы едва ли не абсолютно отрезанная от возможных контактов с иными мирами, кроме скотоводческого.

С тех пор едва ли не основным содержанием и зримым симптомом *Modus vivendi* в развитии и существовании множества евразийских сообществ на протяжении длительного ряда тысячелетий явилась конфронтация между этими двумя важнейшими моделями культур. Кажется, что именно такое по сути бесконечное противостояние требовало у этих культур едва ли не львиную долю потока их социальной энергии. При этом вполне понятно, что утверждение это вовсе не противоречит тому, что великое множество кровавых столкновений протекало также внутри каждой из названных моделей: здесь нет смысла даже приводить примеры, ведь они должны быть у всех в памяти. Я хочу лишь подчеркнуть, что в отличие от войн более локального характера сама «интер-модельная» конфронтация носила весьма нередко общеевразийский характер.

Первые раунды этих жестоких борений были за номадами. В качестве свидетелей этого вступают блистательные археологические памятники героических периодов кочевников типа набитых сокровищами майкопских курганов IV тыс. до н. э. или в особенности кладбищ скифо-савроматских и ранне-гуннских I тыс. до н. э. Чингис-хан, его походы и возникшая неохватная империя Чингизидов явились звездным часом и одновременно лебединой песней степных народов в истории Евразии. Однако о мировой империи наследников Чингис-хана повествует нам уже не археология, но история. После распада монгольской громады уже никогда степные народы не были в состоянии достичь подобных высот. При этом почти все пост-чингизовы тюркоязычные властители ханств и эмиратов вели отсчет своих поколений

от Чингис-хана, непременно причисляя себя к чингизидам. Наверное, в том, что мы завершили 22 главу демонстрацией грандиозного монумента «властителю вселенной», можно усмотреть невольно выраженный здесь странный символ неугасимости самой идеи величия степных народов, которая столь болезненно пульсирует в их умах и донныне...

Но раунды последующих столетий выигрывают уже оседлые культуры. В конечном итоге два гиганта — Россия и Китай — в XIX и XX веках буквально сплющили Степной пояс. Казалось, с этим феноменом прошлого покончено навсегда, и ему уже не возродиться. Завершилась долгая пора неукротимой мощи его степных набегов. Да ведь и степные народы уже совсем не те, что были когда-то.

Но нет! — вновь стремительный рывок из имперских объятий, и теперь уже в абсолютно новом социальном и технологическом обличье перед нами на рубеже II и III тысячелетий новой эры вырастает цепочка государств, вновь припавших к своему извечному домену — Степному поясу... Что это? Зарождение ли перед нами уже совершенно нового феномена? Или же повторение старого, но в совершенно иных одеждах и содержании? И чем этот феномен сможет удивить нас в ближайшие десятилетия?...

Наш нынешний мир пронизан связующими нитями долгих тысячелетий гораздо прочнее, чем можно было бы думать. Порой нас — современников — начинают вдруг окружать туманные тени из какого-то невообразимо отдаленного прошлого, смущать неясными призраками и видениями... Накапливавшие невообразимую мощь и ритмично повторявшиеся в тысячелетиях гигантские катастрофические «цунами» сметали целые блоки сцепленных между собой государств и империй. Однако и на их, как бы рожденных из пены гибельных шквалов, наследниках нетрудно было заметить отчетливо-всенепременные отпечатки прошлого. Поэтому очень нередко хочется воскликнуть и про нас нынешних: вот уж поистине — *все мы родом из бронзового века.*

Мои благодарности

Книга эта вряд была бы завершена и оформлена без помощи близких и друзей. Самые горячие благодарности, конечно, заслужила *Елена Юрьевна Лебедева*. Она внимательно вычитывала рукописи всех глав, делала замечания по поводу содержания, стиля; выправляла грамматические ошибки и даже пунктуацию, хотя пунктуация в русской грамматике и является самым «болотистым» местом.

В книге особое внимание уделялось художественному сопровождению текста. По моему мнению, иллюстрации очень часто в состоянии намного

ярче и эффективнее прояснить ту мысль, которую старательно расписывают множеством слов. Поэтому моя самая глубокая признательность:

Юрию Юрьевичу Пиотровскому за фотографии драгоценностей из Майкопского кургана;

Вячеславу Ивановичу Молодину и Наталье Викторовне Полосьмак за серию иллюстраций гуннских курганов и памятников высокогорного плато Укок;

Ольге Николаевне Корочковой за слайды сейминско-турбинского памятника Шайтанское озеро II (Шайтанка);

Игорю Вячеславовичу Ковтуну, любезно предоставившему серию своих прекрасных фотографий сейминско-турбинских бронз;

Асе Викторовне Энговатовой за материалы раскопок древнего Ярославля;

Сергею Владимировичу Кузьминых, помогавшему автору в поисках литературы с цветными изображениями скифских и иных древностей;

Елене Жамбалтаровой, способствовавшей в подборе литературы по погребальным обрядам у приверженцев северного буддизма (ламаизма).

С особой благодарностью я хотел бы вспомнить всех тех, с кем за долгие годы мне довелось исколесить Степной пояс от устья Дуная вплоть до Восточной Монголии, преодолев в археологических экспедициях многие десятки тысяч километров. С особым чувством хочу вспомнить безвременно ушедшего из жизни моего близкого друга *Виталия Васильевича Волкова*; без него я вряд ли смог бы понять Монголию так, как я представляю эту страну ныне. И наконец, еще о феноменальном меднорудном центре Каргалы: огромная признательность всем тем, с кем мы в 1989—1990 гг. открывали этот поразительный комплекс на севере Степного пояса, с кем до 2002 года его подробно исследовали и с кем публиковали все уникальные материалы.

И наконец, считаю своим приятным долгом сказать огромное спасибо всем, кто способствовал публикации настоящей книги.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Раздел Приложения — это по существу четвертая часть книги, где представлены девять внешне весьма разнохарактерных текстов. Каждое из приложений являет собой либо вполне самостоятельную статью (Приложения 1, 2, 4—6, 9), либо обширные цитируемые тексты из документов древнекитайских (Приложение 3) или же европейских — эпохи Великого переселения народов (Приложение 7), а также из старинных российских (Приложение 8).

Я полагаю, что основная функция Приложений заключается в том, чтобы служить своеобразными «фонариками» для более детального знакомства с той или иной затронутой в книге проблемой. Однако подобного рода проблемы почти всегда являлись «сквозными». Они касались источников самых разнообразных и затронутых во всех трех основных частях монографии. Темы такого рода являлись прямыми или хотя бы косвенными нитями, что связывали все части и главы книги. Поэтому совершенно невозможно утверждать, что каждое из Приложений может соотноситься с содержанием лишь той части, откуда следуют на нее отсылки.

Например, Приложение 1 расширяет наши представления о диапазоне оценок культур степных народов, которые мы встречаем у различных ученых авторов от XIX вплоть до XXI столетия, то есть до наших дней. Скажем, наш выдающийся российский историк С. М. Соловьев — мы весьма обильно цитировали его труды в первой и третьей частях. Сам С. М. Соловьев никогда не изучал внутреннего содержания культур Степного пояса, да, пожалуй, и не особо интересовался им; однако безоговорочно объявлял их источником едва ли не мирового зла. А вот картина совершенно обратная: труды его оппонента Л. Н. Гумилева несут на себе следы, скорее, поверхностно-скользящего, книжного знания о сущности и характере степных культур. Однако кочевые орды для этого историка — столь же безоговорочные носители вершин человеческой доблести; именно они противостоят истинным демонам истории — китайцам и евреям, а также «латинско-крестоносной мерзости».

Я предпочел также публикацию параллельных оценок «злых невольников» — гуннов с позиции придворных китайской династии Хань (Приложение 3) и более поздних европейских свидетелей вторжения их в распадающийся мир великой Римской империи и зарождения средневековых социумов (Приложение 7). Разница здесь, с моей точки зрения, не может не впечатлять. Кроме того, я почти не сокращал сами исходные тексты этих документов, хотя они и могут показаться избыточно длинными. Но ведь в характере и стиле изложения оценок подобного рода заложен своеобразный аромат эпохи.

Наконец, самое коротенькое из Приложений — девятое — о «Последнем Чингизиде». Разве не является фигура наследника Гераев удивительной иллюстрацией кажущейся на первый взгляд странной связи времен и народов? Поэтому сам Чингизид-Герай может служить пусть небольшим, даже курьезным, но также «фонариком» не только для последней, но и для части первой...

...Впрочем, вполне естественно, что «читать или не читать» Приложения остается полной свободой выбора для каждого читателя...

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Отец Иакинф (Бичурин) и его наследники

Никита Яковлевич Бичурин (он же отец Иакинф) относится, пожалуй, к тому не слишком богатому числу разряду ученых, высокая значимость трудов которых со временем становится все более и более очевидной. Его фигура уже давно привлекала внимание многих биографов; не снижается к нему внимание и по сей день. Сошлемся, к примеру, на одну из оценок его творчества, опубликованную в 2002 году в связи с 225-летием со дня рождения и принадлежащую известному китаеведу академику С. Л. Тихвинскому и Г. Н. Песковой:

«Талантливый ученый, обладающий огромными знаниями, он сыграл важную роль в изучении Китая. Широтой и разносторонностью научных интересов о. Иакинф значительно превосходил многих западноевропейских синологов своего времени и за долгие годы творческой деятельности внес в изучение стран Востока огромный вклад. Перу монаха Иакинфа принадлежит свыше 100 крупных исследований, статей, переводов китайских исторических, географических и философских произведений. О. Иакинф был китаеведом по призванию, однако круг проблем, которыми он занимался, далеко выходил за пределы китаеведения. Изучению собственно Китая, Маньчжурии, Монголии, Тибета, Восточного Туркестана и Средней Азии он посвятил более 40 лет. Объем его трудов по Китаю огромен, энциклопедически широк, тематика их разнообразна».

И вот еще один пример: пожалуй, наиболее обстоятельная из мне известных биографо-аналитическая статья видного востоковеда А. Н. Бернштама, предварявшая в 1950 г. переиздание знаменитого труда Бичурина «Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», то есть того произведения, отрывки из которого мы столь обильно цитировали в ряде глав нашей книги. При этом автору кажется гораздо более целесообразным «предоставить слово» именно А. Н. Бернштаму [1950], хотя, имея в виду весьма значительный объем его статьи,

я постараюсь изложить жизненный путь выдающего синолога уже в сильно сокращенном варианте:

«Выдающийся человек своего времени, Никита Яковлевич Бичурин, известный и под своим монашеским именем отца Иакинфа, представлял весьма колоритную фигуру. Крупнейший ученый, намного опередивший свое время, «вольнодумец в рясе», Бичурин был связан с А. С. Пушкиным, декабристом Н. А. Бестужевым, такими передовыми людьми, как А. А. Краевский, В. Ф. Одоевский, К. М. Шегрен, И. А. Крылов, И. И. Панаев, А. В. Никитенко и другими. Нетерпимый к проходнякам в науке и подлецам в политике, неутомимый в работе и остро реагировавший на события внутренней и международной жизни, Бичурин и при жизни, и много лет спустя после своей смерти вызывал самые разноречивые отзывы. Его нелюбимое и резкость, активная защита своих убеждений, любовь к отечественной науке и высмеивание пресмыкавшихся перед иностранщиной, фактический атеизм, несмотря на клобук и монашескую рясу, — все это вызывало к нему любовь и уважение, с одной стороны, ненависть и злобствующие выпады, с другой».

Биограф Бичурина Н. Щукин, лично знавший его, писал:

«...характер имел немного вспыльчивый и скрытный. Неприступен был во время занятий: беда тому, кто приходил к нему в то время, когда он располагал чем-нибудь заняться. Трудолюбие доходило в нем до такой степени, что беседу считал убитым временем. Лет 60-ти принялся за турецкий язык, но оставил потому, что сперва должно знать разговорный язык, а потом приниматься за письменный... Долговременное пребывание за границей отучило его от соблюдения монастырских правил, да и монахом сделался он из видов, а не по призванию».

Николай Малиновский, живший вместе с Бичуриным в ссылке в Валаамском монастыре, отмечал атеизм Бичурина: *«он сомневался в бессмертии души»*. На подобные убеждения Бичурина указывали и другие его биографы.

Родился Никита Яковлевич 29 августа 1777 г. в селе Бичурине (по-чувашски Шинях) Чебоксарского уезда Казанской губернии, в семье дьячка, именовавшегося «дьячек Иаков» и даже не имевшего якобы фамилии, поскольку он был крестьянского происхождения. На восьмом году жизни Никита поступил в училище нотного пения в г. Свияжске, а в 1785 г. перешел в Казанскую семинарию, где и получил фамилию Бичурин, по селу, в котором родился. После блестящего завершения курса обучения в 1799 г. его убедили принять сан священника, и в 1800 г. он получил место учителя высшего красноречия в преобразованной в Академию той же Казанской семинарии.

В 1802 г. Бичурин, приняв монашество, был назначен архимандритом в Иркутский Вознесенский монастырь и там же определен ректором семинарии. Однако «блестящая» карьера его кончилась уже через год. Биографы перечисляют много причин окончания деятельности Бичурина в Иркутске и последовавшей затем ссылки в Тобольский монастырь преподавателем риторики в семинарии. Основными поводами к этому послужили нарушение Бичуриным монастырского устава и конфликт с семинаристами.

При отправлении очередной (девятой) духовной миссии в Китай синод назначил Бичурина начальником ее и архимандритом Сретенского монастыря в Пекине.

История назначения и выезда Бичурина в Кяхту продолжалась с 1805 по 1807 г. Только 17 сентября 1807 г. Бичурин отправился из Кяхты в Пекин, куда прибыл 17 января 1808 г.; с этого года и следует начинать его научную биографию.

В Китае Бичурин с поразительной энергией принялся за изучение китайского разговорного, а затем письменного языка. Для этого он сам составил словарь, который за 14 лет его упорного труда достиг объема современных больших словарей. Трудоспособность Бичурина характеризуется такой частностью: этот словарь он лично переписал четыре раза. Но составление словаря было не единственной работой Бичурина. Биографы Бичурина уже неоднократно отмечали объем проделанной им за те же 14 лет работы. За это время им были написаны все основные труды, впоследствии изданные в России, или подготовлены для них исчерпывающие материалы.

Миссия и монастырь мало привлекали внимание Бичурина, хотя в архиве Синода и хранятся его донесения и рапорты по делам службы. Хозяйство миссии, не получавшей помощи от русского правительства, отвлеченного событиями 1812 г., пришло в упадок. Сменивший Бичурина Каменский столь образно охарактеризовал в своем донесении [своих доносах] запустение в деятельности духовной миссии, что по возвращении в Россию в 1821 г. Бичурин был сослан в Валаамский монастырь со снятием сана, где и провел четыре года.

Помимо огромного количества личных научных материалов, Бичурин привез в Россию целый караван из 15 верблюдов (около 400 пудов) ценнейших китайских книг и в монастыре занимался переводами и обработкой накопленных в Китае материалов.

Бичурина выручило блестящее знание китайского языка. В человеке с такими знаниями нуждалось Министерство иностранных дел. В 1826 г. Николай I «начертал» резолюцию: *«Причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту»*. С выходом в свет в 1828 г. *«Записок о Монголии»* началась кипучая деятельность Бичурина как по завершению научных трудов, в значительной степени подготовленных в Китае, так и по публикации законченных работ.

Известный археолог и историограф Н. И. Веселовский писал об этом периоде жизни Бичурина: *«С этого времени (1826 г.) начинается его неутомимая литературная деятельность, изумлявшая не только русский, но даже и иностранный ученый мир. Клапрот прямо высказал, что отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество»*.

В 1828—1830 гг. Бичурин опубликовал 6 книг и многочисленные статьи. Вторично он отключился от своих основных занятий в 1835—1837 гг., когда отправился в Кяхту для организации там училища китайского языка. Тогда он написал и издал в 1835 г. грамматику китайского языка, которая была удостоена полной демидовской премии и переиздавалась четыре раза. Интересно, что Бичурин получил четыре демидовских премии: в 1834 г. — за *«Историческое обозрение ойратов...»*, в 1838 г. — за *«Китайскую грамматику»*, в 1842 г. — за *«Статистическое описание Китайской империи с географическими картами»* и наконец в 1851 г. — за *«Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»*.

После выхода из Валаамского монастыря Бичурин устанавливает дружескую связь с А. С. Пушкиным, которому в 1828 г. дарит свою книгу «Описание Тибета» с надписью «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апреля 26 1828 г. Переводчик Иакинф Бичурин» и в 1829 г. — «Сань-Цзы-Цзин» («Троесловие». Энциклопедия XII в.) с надписью «Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика».

Погодин, вспоминая об известном литературном салоне князя Одоевского, замечает, что здесь «сходились веселый Пушкин и отец Иакинф (Бичурин) с китайскими, сузившимися глазками». Пушкинисты полагают, что интерес Пушкина к Китаю был вообще возбужден Бичуриным. Пушкин читал работы Бичурина и использовал их в своих исторических трудах, прежде всего в «Истории Пугачева».

По-видимому, под влиянием встречи с декабристом Бестужевым в Кяхте Бичурин решил окончательно порвать со своим монашеским званием. В 1831 г. он подал прошение в синод о снятии с него духовного сана, поддержанное оберпрокурором Мещерским и Министерством иностранных дел. Однако, несмотря на согласие синода, Николай I «в 20 день сего мая (1832 года) высочайше повелеть соизволил: оставить на жительство по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество». Очевидно, по мнению Николая I, Бичурина было уже опасно выпускать из поля зрения, а за одиночной кельей Александро-Невской лавры, где жил монах, симпатизировавший декабристам, было легче следить.

С 1844 г. здоровье Бичурина сильно ухудшается. Он отрывается не только от круга знакомых, ученых и литераторов, но даже от прямых обязанностей по Азиатскому департаменту и, чувствуя большой упадок сил, дарит в 1849 г. почти всю свою богатейшую библиотеку и рукописи библиотеке Казанской духовной Академии.

Последний творческий подъем Бичурина относится к 1846 г., когда он приступил по поручению Академии Наук к созданию «Истории народов Средней Азии», оконченной им в 1848 г. и изданной в 1851 г. После этого Бичурин не возвращался к научной работе. Он скончался 11 мая 1853 г. у себя в келье, одинокий и забытый, и 12 мая был похоронен в ограде лавры. На памятнике по-китайски было написано: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими (его) славу историческими трудами».

Труды Бичурина не могли не привлечь к нему внимания русской научной общественности и получили высокую оценку. В 1828 г. (17 декабря) он был избран членом-корреспондентом Академии Наук. Отношение к трудам Бичурина было весьма неоднородно в русской прессе. И до Бичурина Россия выдвинула немало крупных и оригинальных ученых в области китаеведения, но Бичурин был намного выше своих предшественников. Этого не могла не видеть научная и литературная общественность. Большинство рецензентов и редакторов журналов, где он печатался, наделяли его лестными отзывами и эпитетами.

Интересно отметить отношение к трудам Бичурина за границей. Еще в 1831 г. он был избран членом Азиатского общества в Париже; через год вышли во французском переводе его «Записки о Монголии», переведенные также на немец-

кий язык. На французском языке сначала в том же журнале за 1829—1830 гг., а затем в 1831 г. отдельной книгой в переводе Ю. Клапрота вышло его «Описание Тибета». Переведены были также на немецкий язык «Описание Чжунгарии» и на французский—«Описание Пекина».

Бичурин высмеивал библейские теории происхождения народов вообще (следовательно, и китайцев), резко выступал в защиту Китая от грабительских вторжений европейских держав, особенно в период опиумной войны. Развернутую точку зрения он изложил в 1848 г. в своем труде «Китай», где заявлял, что «европейцам есть чему поучиться у китайцев».

Это «наступление» на европейскую культуру вызвало ожесточенные нападки на него со стороны реакционной критики, которую возглавлял Сенковский. Достоинно внимания, что Сенковский ополчился на Бичурина за то, что последний писал свои труды на русском языке. *«Мы часто сожалеем, читая труды почтенного отца Иакинфа, что он не издает сочинений по-французски или английски. Русский язык до сих пор оставался и долго еще останется вне круга ученых европейских прений о предметах восточных, и самая запутанность, в которую повернуты эти предметы гипотезами известных ориенталистов, еще увеличивается от появления нового диспутанта, изъясняющегося на языке, не получившем права гражданства в ориенталистике».* И далее Сенковский писал: *«... и все это потеряно для науки, потому что писано на языке, который еще не имеет прав на известность в ученом свете».*

В ответ Бичурин писал: *«Если бы мы, со времен Петра Первого донныне, не увлекались постоянным и безразборчивым подражанием иностранным писателям, то давно бы имели свою самостоятельность в разных отраслях просвещения. Очень неправо думают те, которые полагают, что западные европейцы давно и далеко опередили нас в образовании, следовательно нам остается только следовать за ними. Эта мысль ослабляет наши умственные способности, и мы почти в обязанность себе ставим чужим, а не своим умом мыслить о чем-либо. Эта же мысль останавливает наши успехи на поприще образования в разных науках. Если слепо повторять, что напишет француз или немец, то с повторением таких задов всегда будем назади, и рассудок наш вечно будет представлять в себе отражение чужих мыслей, часто странных и нередко нелепых».*

Вместе с тем современники часто подчеркивали увлечение Бичурина всем китайским. И. И. Панаев писал, что когда Бичурин приходил в гости, то *«начинал ораторствовать о Китае, превознося до небес все китайское».* Современник и

друг Бичурина Е. Тимковский говорил, что *«вообще он питал какую-то страсть к Китаю и ко всему китайскому»*. Современники шутили, что он не только думает, но *«даже бредит во сне по-китайски»*.

Так пространно и подробно описывал жизненный путь отца Иакинфа-Бичурина А. Н. Бернштам, и с его оценками очень трудно не согласиться. Ныне труды Бичурина представляют собой, — выражаясь компьютерным новомодным языком, — неисчерпаемую базу данных, на основе которой мы и в состоянии строить свои более или менее удачные гипотезы о взаимоотношениях центрально- и восточно-азиатских скотоводческих культур с великой Поднебесной империей. Без опоры на труды отца Иакинфа ныне это представляется вряд ли возможным.

* * *

Под наследниками отца Иакинфа я понимаю тех, кто воспользовался его богатейшим арсеналом в собственных трудах по истории Китая и взаимосвязи цивилизации последнего с культурами евразийского Степного пояса. К таковым можно причислить, наверное, изрядное число специалистов, но я остановлюсь на единственной и, пожалуй, наиболее именитой фигуре в истории советской и российской науки последнего периода.

Речь пойдет о Льве Николаевиче Гумилеве, авторе многочисленных и неоднократно переизданных работ по истории народов Степного пояса (см., например: [Гумилев 1960; 1967; 1989; 1993; 2003; 2004 и др.]). Ряд читателей настоящей книги, по всей вероятности, будет весьма удивлен тем, что среди основных источников, которые служили мне базой при реконструкции сложных картин истории кочевых культур и цивилизаций, полностью отсутствуют отсылки к его трудам, равно как и цитаты из его работ. И такое небрежение может смущать тем паче, что это именно те книги, что теснейшим образом примыкают к затронутой нами теме. И это уж совсем непонятно, поскольку блистательные оценки его трудов нередко звучат превыше всяческих нормативов. Сожалею, но я не могу припомнить, скажем, чтобы едва ли не при земной жизни автора издательства предвосхищали собственными аннотациями публикации его книг такими оценками, которые, конечно же, требуют цитирования.

Пример: *«История народа хунну» Льва Гумилева — одна из самых значительных работ этого величайшего российского ученого....»*

В этой же аннотации упоминается как бы в едином ряду с Гумилевым другая «величайшая» фигура евразийской истории:

«Величайшего из завоевателей «эпохи переселения народов» — царя гуннов Аттилу помнят все. Но каковы были другие великие полководцы народа хунну, огнем и мечом покорявшие все новые и новые страны?»...

То есть, вроде бы, подразумевается, что на этот вопрос читатель получит ответ в предлагаемой книге.

А вот другой пример: *«Древние тюрки» — знаменитая работа гениального русского историка географа и мыслителя Льва Николаевича Гумилева (1912—1992)... Осуществленный автором анализ этнических политических и религиоз-*

ных аспектов бытия этой державы представлен в присущей автору увлекательной и образной манере повествования».

Не знаю, как и кому, но мне приходит на ум лишь «величайший корифей всех времен и народов, отец народов и т. д., и т. п.» (вы догадываетесь, о ком я говорю).

Со всеми книгами Гумилева я знакомился, по преимуществу, уже после того как исколесил в экспедициях большинство основных регионов Степного пояса Евразии. Вчитываясь в страницы его «представленных в присущей автору увлекательной и образной манере повествования» работ, я внезапно начал ловить себя на мысли, что никак не могу опознать ту или иную степь, ту или иную пустыню, либо горную цепь, которые бесконечно мелькали в разделах книг Гумилева. Ведь я же бывал в этих местах, и не единожды! И отчего же возникает вдруг такая мало понятная аберрация восприятия?

Потом я выяснил, что автор в тех краях, о которых он ведет свой «увлекательный» рассказ, никогда не был. То есть не исключено, что сами края и промелькнули когда-то перед его взором, но чтобы осознать всю — порой весьма загадочную и мало понятную с первого взгляда — суть тех огромных пространств, о которых, ты повествуешь читателю, необходимо там поработать, пожить, самому пройти все эти горы, пустыни и солончаковые равнины... А иначе выходит уж очень по-бумажному, почти как в известной старинной приговорке: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Но именно по таким «бумажным» пространствам Гумилев и движет своим пером бесконечный хоровод уйгурских ханов, воинских отрядов хунну, кочевых масс «голубых тюрок»; на этих страницах бесконечно сокрушают друг друга культуры и цивилизации...

Второй шок я испытал уже после внимательного чтения большинства работ Бичурина. В них я легко и свободно узнавал все, что пересказывал Гумилев своим читателям. Та бездонная «база данных» произведений о. Иакинфа приобретала порой характер важнейшего «костяка» гумилевских книг. Но опять же здесь было что-то не так. База «костяка» угадывалась легко, а вот его «мясная оболочка» во множестве случаев никак не вязалась с «костной» основой. Телеграфный стиль китайских источников в бичуринском переводе в изложении нашего автора почти повсеместно приближался по своему характеру к неожиданному *belle-lettres*. И по этой причине я предпочел бы именовать Л. Н. Гумилева не популяризатором творчества о. Иакинфа, но его, если так можно выразиться, «беллетризатором».

Но и при внимательном изучении «костяка» гумилевского изложения событий можно было легко натолкнуться на своеобразные «инновации» в исторической канве событий. То вдруг в кочевом мире автор оповещал читателей о некоем «благодушном» мире в полстолетия, который приводил в расцвету каких-то кочевых культур; однако о мире этом ты нигде и ничего не можешь найти ни в переводах Бичурина, ни в иных исторических источниках. То наоборот: народы сражались там, где вроде бы ничего не происходило...

К примеру, мы с охотой и даже удовольствием миримся с подобным «беллетризаторством» истории у бесподобного Александра Дюма. Даже В. Пиккуль с его псевдоисторическими «изысками» в области российской истории не вызывает

похожих отрицательных эмоций — ведь он же как будто и не претендует на звание крупного ученого-историка.

Я совершенно не удивляюсь поэтому, замечая, что в специальных книгах по истории народов Степного пояса никаких ссылок на работы Гумилева не приводится (см., например, [Кляшторный, Султанов]). Либо ссылки имеют место, но лишь для того, чтобы указать на грубые искажения автором картины исторических событий [Малявкин: 23, 49, 147, 184—185, 207—208, 242—243]. Создается впечатление, что факты для автора — ничто, главное же — это искусное и увлекательное изложение неких концепций, столь дорогих для автора и его целиком поглощающих. Одна из этих теорий особенно привлекательна для нас: монгольское иго на Руси — это блеф; с монголами же нас связывали теплые, дружеские отношения, и монголы обеспечивали безопасность от окружавших Русь врагов, от особо вредоносного западного крестоносно-католического ярма... Подобного рода дружбу весьма эффектно можно продемонстрировать, скажем, на свежем примере археологических раскопок древнерусского Ярославля (см. Приложение 2).

Однако прервемся здесь буквально на пять минут. Л. Н. Гумилев, уверяя читателей и слушателей в готовности монголов жертвовать собой во имя спасения Руси от омерзительного влияния латинской ереси, был не до конца прав. Его наследники — теперь уже его, Гумилева, но не Бичурина — пошли много дальше. Монголами Чингисхана и его потомков двигала, кажется, неведомая до тех пор идея спасения всего тогдашнего мира, внедрения в те косные евразийские сообщества «планетарного мышления». Тогда и возникло то, что, к примеру, что Б. Б. Дашибалов в своей книге 2003 года назвал «*монголосферой*»:

«Более полное представление мы имеем о XIII—XIV веках — времени, когда Великие монголы создали единое евразийское государство и земли от Корейского залива на востоке до берегов Дуная на западе и от Персидского моря на юге до Ледовитого океана на севере были объединены в одно политическое пространство. Мир тогда не понял замысла Великих монголов и не готов был воспринять их идеи. Тогда же появился миф о монголах как варварах и дикарях, в котором основное внимание уделялось короткому периоду разрушительных войн, а созидательная деятельность монголов почти в течение трех веков замалчивалась. Не все поддерживали этот миф... Здесь необходимо назвать и Л. Гумилева, продолжателя традиций российских евразийцев.

Да, монголы разрушали, они разрушали замкнутость, косность сознания, религиозную нетерпимость, этноцентризм мышления, а создавали новое открытое евразийское пространство и планетарное мировоззрение. Собственно, не было и экономического упадка после монгольских походов...

По всей монголосфере увеличился денежный оборот... Везде идет активное градостроительство. Вся Золотая Орда была «сплошным» городом. Археологами выявлено более ста городов и поселков. По всей империи был установлен такой порядок, что города возводились без крепостных стен. Абуль-Гази (1605—1664) писал: «Во всех местах между Ираном и Тураном (Средняя Азия) царило такое спокойствие, что человек, отправившись с востока на запад,

надев на голову золотую тарелку, не мог подвергнуться нападению со стороны кого бы то ни было».

Весь этот порядок, экономическое процветание и общечеловеческая, лишенная какого-либо центризма философия не могли не привести к интеллектуальному взрыву по всей громадной империи. ... Монголы поощряли как точные науки — строятся обсерватории, где работали ученые разных национальностей, — так и исторические знания. К управлению в государстве привлекаются все талантливые, способные люди вне зависимости от происхождения, религиозных убеждений, но контролировали и давали инициативу всем положительным начинаниям сами монголы» [Дашибалов: 46—48].

Теперь, наверное, читатель может убедиться сам, как тупая человеческая косность стала неодолимым препятствием для олицетворения светлых планетарных идей Чингис-хана и чингизидов...

Но после краткого отступления мы хотим вновь устремить свое внимание к творчеству Л. Н. Гумилева.

... Однако даже не изложенные выше сюжеты навевают самую большую грусть от многих работ Гумилева. Гораздо более горькие ощущения возникают от того, что он с охотой проявил себя в качестве инициатора шовинистических настроений в обществе и, в частности, в каком-то особо «изысканно-интеллигентском» антисемитизме. Не моя задача комментировать все труды «величайшего» ученого, однако последние, как правило, у Гумилева прямо или косвенно соотносятся с культурами Степного пояса.

Наверное, в данном случае будет лучше «предоставить слово» самому себе: моя написанная примерно полтора десятилетия назад, статья была опубликована на английском языке еще в 1995 году в зарубежном сборнике «Национализм, политика и практика археологии» [Chernykh 1995]. Ниже я привожу пару последних страниц из этой публикации, и — что естественно — уже на языке первоисточника:

«Вплоть до самого последнего времени российский антисемитизм почти не проявлялся в археологии; в собственно России (Российской империи) сколько-нибудь широкое появление численно представительных и компактных еврейских групп наблюдается не ранее конца 17 — начала 18 вв. Однако в последнее время совершенно неожиданно на страницах научно-популярной литературы замаячил и этот сюжет.

Пожалуй, наиболее примечательным стало то, что данная тема была инициирована достаточно известным в России ученым — историком и археологом, этнологом и географом, автором очень большого числа работ Л. Н. Гумилевым. Казалось бы, что именно от бывшего узника сталинских лагерей, сына знаменитых и весьма пострадавших от советской власти поэтов Николая Гумилева и Анны Ахматовой меньше всего можно было ожидать подобных акций. Однако... Ранее в вопросах этнических взаимоотношений Гумилев был скорее известен как неустанный певец доблестей кочевых монголоязычных и тюркоязычных народов, а также ненавистником китайцев, которые являлись источником всех евразийских бед [Гумилев 1960; 1967]; теперь к ним прибавились евреи [Гумилев 1993: 366—478].

Заметим в скобках, что именно за свою невообразимую любовь к монголам Л. Гумилев подвергался жесточайшей брани со стороны русофилов [Чивилихин 1982].

Смысл разъяснений Гумилева по еврейскому вопросу состоит в том, что изгнанные из Персии иудеи в 7—8 вв. прибыли в степные восточноевропейские земли, населенные простодушными тюркоязычными хазарами. Очень быстро и коварно в Хазарии иудеи захватили все руководящие высоты и прибрали к рукам основные богатства хазар. В результате этого возникла, как выражается Гумилев сначала «этническая, а затем и социально-политическая химера» Хазарского каганата. В этой социо-этнической «химере» хитрые евреи спланировали очень сложные био-социальные отношения, а именно: «тюрки награждали хазарок детьми, которые вырастали хазарами с повышенной пассионарностью (широко известный термин Гумилева — Е.Ч.). Евреи извлекали из хазарского этноса детей, либо как полноценных евреев (мать еврейка), либо как бастардов (отец еврей), чем оскудняли этническую систему, а тем самым вели ее к упрощению» (с. 397). Более того, они захватили весь Великий Шелковый Евразийский путь от Китая до Франции, и уже тогда в их руках оказались все нити евразийской геополитики. Так, «... в середине IX в. хазарские евреи договаривались с норманнами о разделе Восточной Европы, ... а к началу X в. они захватили ее почти всю». Народам «... всегда было известно, что война дело тяжелое и неприятное. Но есть вещи хуже войны: обращение в рабство, оскорбление чтимых святынь, разграбление имущества и, наконец, оскорбительное пренебрежение. Все это выпало на долю народов Восточной Европы после того, как они оказались в сфере влияния иудейской Хазарии».

Завлекательная своими буйными фантазиями, история «химеры» Хазарского каганата в изложении Гумилева похожа на очень злую и вредную сказку. Химерой, конечно же, являлся не каганат, а те псевдо-факты, которые в изобилии выдумывал автор на потребу читателей совершенно определенного рода, тем, для кого иудеи всегда были едва ли не единственным источником всех человеческих бед. Конечно же, Гумилев неразделим со своими читателями; но ведь такую роль иудеев следует разъяснить, и не простенько, но через высшие, мистические сферы. И вот он венчает свой труд изумительным по лапидарности «странным, — как он сам говорит, — учением», названным им «Апокрифом». Может в интересующем нас аспекте там есть пункт, обозначенный мистическим числом 13: «Лучший друг сатаны — огненный демон Яхве, говоривший на горе Синай; наивысший святой сатаны — Иуда, предавший Учителя; тот кто следует принципу Иуды, — свободен от греха, ибо все, что он творит, надо звать благом. Эти люди по ту сторону добра и зла. Им позволено все, кроме правдивости и милосердия» [Гумилев 1993: 480]. Примерно в таком сравнительно сжатом изложении предстают перед наблюдателями и в России, и в республиках бывшего СССР деяния ученых-археологов и историков, погрузившихся в национал-шовинистические страсти».

Нужно ли добавлять к сказанному что-либо еще? Или же вполне ясно, по какой причине автор настоящей книги, как впрочем и многие другие специалисты, избегают использовать труды Л. Н. Гумилева в своих работах.

Мы привели здесь лишь отрывки из сакрального и таинственного «Апокрифа». Сам же «Апокриф» явил себя, пожалуй, в произведениях Гумилева своеобразным

откровением, даже специфическим ключом ко всей манере его творчества. Вот история открытия данного текста, о чем повествует сам Гумилев:

«Работая в Государственном музее этнографии народов СССР в 1949 г., автор [то есть сам Гумилев] наткнулся на странный текст, написанный уйгурским алфавитом на языке, автору неизвестном. К тексту был приложен перевод на русский язык на отдельном листе толстой бумаги, написанный чернилами с соблюдением дореволюционной орфографии. Текст и перевод находились в одной комнате музея, куда во время блокады было свалено много экспонатов, неопи- санных и незарегистрированных, видимо черновиков.

Автор успел списать перевод текста без соблюдения орфографии, надеясь потом найти время для детального изучения этого документа, но, вернувшись в Ленинград в 1956 г., обнаружил, что часть предметов была передана в Эрмитаж, причем некоторые экспонаты пропали. Таким образом, сохранилась только копия перевода, сделанная безымянным ученым до 1917 г., и несколько его примечаний, которые автор успел скопировать».

При этом Гумилев говорит, что все это «...заставляет считать публикуемый текст недостоверным, но мысли древнего восточного автора столь незаурядны, что ознакомление с ними может заинтересовать современного читателя».

Далее, в книге 1989 года «Древняя Русь и Великая степь» приводится полный текст этого «недостоверного» документа, но насыщенного «столь незаурядными мыслями древнего восточного, — читай, уйгурского, — автора». Потрясая Гумилева поразительная незаурядность мыслей загадочного документа потребовала, конечно же, его непременно публикации с целью довести эти откровения до современных интеллектуалов. Эти же «мысли» со сноской на тот же таинственный документ были опубликованы и в более поздней работе Гумилева 1993 года. Смущало, однако, что текст самого документа, скопированный автором в Музее этнографии, на сей раз по неясной причине заметно отличался от первоначальной его версии (отрывки из последнего я и привел выше).

Конечно же, текст «Апокрифа» с массой «незаурядных мыслей» сотворил сам Гумилев, и это не вызывало ни малейших сомнений сразу же при ознакомлении с его пунктами. Я не исключаю, что кто-нибудь из «современных читателей» и поверил в авторскую версию открытия, однако среди моих знакомых таковых не оказалось...

...Бедный, бедный Н. Я. Бичурин с его 15 верблюдами, груженными четырьмя сотнями пудов старинных китайских книг. Зачем было тащить эти никому не нужные манускрипты сквозь тысячекилометровые пространства? К чему было утруждать себя их утомительными переводами и переложениями? Зачем было учить языки и составлять китайско-русский словарь? Ведь как — благодаря Гумилеву — стало ясно, существует несравненно более легкий и эффектный путь «творчества»...

Стало быть, Гумилев явил нам в своих публикациях грубую ложь. Но ведь для «величайшего ученого» — это позор и скандал! Нужно было как-то выкручиваться из этой ситуации или вообще не обращать никакого внимания на завистников. Выкручивались, правда, уже другие, из числа беззаветных его поклонников.

В 2003 году появился из печати сборник «Вспоминая Л. Н. Гумилева». В этом сборнике один из его авторов — Л. А. Вознесенский [Вспоминая: 50, 51] — постарался объяснить публике, как же все это следует понимать:

«Апокриф» — это 12 в первом и 14 во втором случае тезисов, которые я охарактеризовал бы как мировоззренческие, что ли. При публикации в «Древней Руси...» Лев Николаевич два тезиса убрал и рассказал об истории появления этого документа, сославшись, в частности, на уйгурский алфавит, который-де был использован неведомым автором при написании тезисов. При подготовке же сборника «Этносфера...» произошла «накладка»: составителем и редакцией были изъяты три работы, отделявшие «Апокриф» от предшествующей ему в печатном издании статьи. Эта техническая деталь и привела к недоразумению: читая подряд концовку предыдущей и начало последующей публикации, «Апокрифа», можно понять, что он порожден иудаизмом.

На самом же деле (и Н. В. Гумилева [жена мыслителя] просила меня сказать об этом непременно: «Апокриф» — оригинальная работа самого Льва Николаевича, что, к слову, становится очевидным также и при анализе текста, и при сличении его в двух изданиях. Рассказ же его о якобы найденном и потерянном потом первоисточнике есть лишь попытка мистификации, с помощью которой он хотел опубликовать свои, в чем-то нетрадиционные размышления о том, во что одни верят безоговорочно, а другие отвергают с порога».

Оказывается, все дело в «накладке», виновны в коей составитель книги и редакция. Сам же «Апокриф» — это «лишь попытка авторской мистификации». Как же это все-таки следует понимать? Однако ниже текст апологетики становится уже совершенно непонятным:

«Гумилев глубоко и искренне верил и вместе с тем не мог не размышлять — иначе он не был бы ученым. И, судя по «Апокрифу», можно, пожалуй, сказать: он укреплял свою веру логикой, а логику проверял верой». [???].

И как же это все-таки понимать?...

Далее Вознесенский ищет оправдания уже в цитируемых им словах самого Гумилева, взятых из того же «Апокрифа»; в них уже сам автор срывает маску с мерзкого лица лжи, причем мерзости едва ли не космического охвата:

«Сила зла во лжи. Ложью можно преодолеть ход времени (имеется в виду не космическое, а биолого-психологическое время как ощущение мыслящего существа), доказав, что прошлое было не таким, каким оно воспринималось и каким оно сохранилось в памяти. Ложью легко превратить свободную волю в несвободную, подчиненную иллюзиям. Ложь ломает пространство, создавая облики (или призраки) далеких вблизи, а близких отдаляя от общения. Ложь делает бывшее небывшим, небывшее облакает в призрачное бытие на пагубу всем живым существам».

И что же? Стало быть, мы ошибаемся, а ложь Гумилева — это вовсе не ложь. Да ведь и мысли «Апокрифа» предельно незаурядны, а за это можно лишь превозносить. Читатель просто обязан убедиться, что человек, с таким неистовством обличающий ложь, не мог лгать...

Мне кажется, что на этом пришла пора завершить наш экскурс об отце Иакинфе и его порой весьма странных и столь несхожих с ним «наследниках».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Отель «Мариотт» и Бату-хан

По преданию, город Ярославль возник в 1010 году, то есть ранее Москвы. X—XI века были периодом активного проникновения русских в лесную глубь, занятую народами, объяснявшимися на весьма чуждых для славянского уха языках финно-угорской лингвистической семьи. Видимо, русским первопроходцам приглянулся мыс («стрелка») на левом берегу уже достаточно широкой в этом течении Волги. Именно там и стали возводить оборонительные валы и копать рвы, что было обычной традицией того времени. Город рос, обзаводился церквями, и так продолжалось до февраля 1238 года.

Той злополучной зимой по волжскому льду к городским валам «Рубленого города» подкатились конные отряды Бату-хана и началась осада города. Нам, однако, неведомо сколь длительным оказался этот штурм, хотя вряд ли битва затянулась: ведь тогда, только в 1238-м феврале, степному воинству Чингисханова внука удалось сокрушить 14 древнерусских укрепленных городов и городков. Монголы ворвались в «Рубленый город», и началась та обычная для них бойня, когда истребляли всех. Пожалуй, лишь некоторой части жителей удалось скрыться в окрестных лесах и тем сохранить свои жизни. Затем монголы ушли далее на запад...

Когда обитатели города вернулись к своим руинам, то застали разбросанные повсюду трупы своих родных, близких, соседей. Здесь были останки как мужчин, так и женщин и детей (впережку валялись останки разных крупных животных и даже птиц). Вернулись жители не сразу, но, скорее всего, уже весной: трупы успели изрядно разложиться. Не было сил копать могилы и хоронить всех погибших по христианскому обряду. Рыли общие глубокие ямы или же кидали останки людей вместе со скотом в колодцы или сохранившиеся подвалы домов. Затем все братские захоронения были, судя по всему, перекрыты земляной насыпью. Эта столь

непохожая на традиционную надмогильная насыпь и скрыла те следы страшной трагедии, что вскоре исчезнут из памяти горожан...

Через некоторое время город стал вновь набирать силы, отстраивался, расширялся. На месте братских могил времен Бату-хановой сечи воздвигались церковные постройки, обустроивались монастырские хозяйства...

...Здесь у ряда читателей вполне может возникнуть вопрос: а почему вдруг именно Ярославль был избран автором в качестве объекта для специального приложения к книге о степном поясе? Ведь среди бесконечного ряда истребленных в XIII столетии евразийских городов ничем особенным ярославская бойня не выделяется, — вроде как это было рядовым событием того жестокого века. Все это как будто бы так, но и не совсем так. Внезапные и незапланированные археологические раскопки древнейшей части города преподнесли нам своеобразный сюрприз: от страшной февральской бойни 1238 года уже к нашим дням протянулась отчетливая кровавая нить. И здесь мы опираемся уже не на тексты персидских или же армянских летописцев XIII века — перед нами возникает новая явь. Впрочем, продолжим наш рассказ...

...Уходили друг за другом долгие столетия, город на Волге продолжал расти. На речной «стрелке Рубленого города» торжественно устанавливали памятники, разбивали скверы и аллеи. Наконец, страна вступила в «эру рыночных отношений», когда вдруг возникла острая нужда в роскошных зданиях, коттеджах, отелях. Именно на том месте, где покоились всеми забытые жертвы трагедии 1238 года, городские власти разрешили возведение супер-отеля под претенциозным наименованием «Мариотт». Перед строительством котлован под отелем должны были тщательно обследовать археологи, что они и сделали в 2007 году, то есть спустя 769 лет после ярославской бойни. Результаты раскопок сразу же стали несомненной сенсацией.

То, о чем мы вели рассказ, в начале данного приложения, стало очевидным вследствие не только «полевых» раскопок, но также комплексных археологических исследований. Фактически все материалы из раскопок незамедлительно поступили на специальное обследование специалистам разного профиля: палеоантропологам, археозоологам, археоботаникам, дендрологам¹. По этой причине все, что говорилось в начале приложения и о чем пойдет речь далее, основано на весьма тщательном и комплексном изучении всех материалов.

На весьма ограниченной площади котлована отеля «Мариотт» удалось обнаружить и вскрыть лишь три погребальные ямы, одна из которых оказалась колодцем глубиной в 3,2 м. Во всех этих местах удалось обнаружить останки 212 человек. Наиболее впечатляющие находки были извлечены из колодца — 79 человеческих останков (рис. П.2.1). Кроме тех сюда же были сброшены разложившиеся туши семи коров и одного теленка, трех свиней, двух собак. Из 212 людских трупов 91

¹ Раскопки велись под руководством зав. отделом хозяйственных (новостроечных) работ Института археологии РАН А. В. Энгатовой. Лабораторные исследования проводили: А. П. Бужилова (палеоантропология), Ек. Е. Антипина (археозоология), Е. Ю. Лебедева (археоботаника), А. А. Карпунин (дендрохронология).

Рис. П.2.1. В этом ставшем печально знаменитом колодце находились останки 79 человеческих тел (53 мужских, 17 — женских и 9 — детских). Кроме того сюда свалили разложившиеся туши домашних животных, а также благородного оленя и ловчих птиц

покойный относился к мужским особям; в этой гряде удалось различить останки 76 женских тел, а также 45 детей.

Бесспорно, что все эти люди были убиты. Сокрушали кого сабельными ударами, кого палицей или же каким-то иным оружием, либо затаптывали конями. Причем уничтожали горожан чаще всего в «гоне», то есть ударами сзади. Мужская часть погибших оказалась, по всей вероятности, княжеским дружинниками: их рост превышал среднюю высоту тела у русских мужчин на 5—7 см, достигая 175 см. Профессиональное причастие к воинскому ремеслу выдавали также следы заживших старых травм на черепках и на иных костях убитых. Кроме того, мужчины отличались сравнительно молодым возрастом. Многие из них, по-видимому, гибли в сражении, поскольку смертельные удары саблями или палицей приходились на лицевую часть головы (рис. П.2, 2). Однако судьба и храбрецов, и трусов оказалась в равной мере сходной по своему печальному исходу.

Таковой оказалась столь неожиданная, странная и кровавая нить между нашествием Бату-хана и котлованом отеля «Мариотт». Видимо, напрасно армянский летописец Смбат Спарпет, о чем мы уже говорили в главе пятой, убаюкивал в 1246 году себя мыслями, что *«татары — это меч Божий»*, и что *«...если бы Господь распорядился иначе и татары, которые таким образом уничтожили*

Рис. П.2, 2. Черепа убитых молодых мужчин, по всей вероятности, воинов-дружинников. Слева: сабельный удар прорубил черепной свод воина. Справа: мощный удар кистенем проломил голову дружинника

язычников, не пришли сюда, все эти народы были бы способны завоевать и заселить эти земли до моря». Но вот, оказывается, «меч Божий» уже много западнее Иранских нагорий столь же неистово истреблял братьев Спарапета по христовой вере, и истреблял тех по сути, тем же, вполне сходным «стилем», который более семи столетий назад с нескрываемым удовлетворением отмечал армянский путешественник на мусульманских землях Ирана и Средней Азии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Как победить гуннов?

Наверное не будет заметным преувеличением полагать, что борьба китайцев с господствовавшими на просторах евразийского Степного пояса кочевыми варварами являлась, судя по всему, важнейшей и едва ли не вечной задачей внешней политики Поднебесной империи. В руках историков находится множество документов, где высшие политики выражают мнения по этим крайне болезненным для Срединного государства проблемам. Из архивов раннего периода Ханьской империи мне хотелось бы привести в настоящем приложении два документа такого рода. Их тексты чрезвычайно важны и интересны для понимания реальности той ситуации, в которой после крушения Циньской империи оказался Китай в конце III и начале II вв. до н. э. Тексты подобных документов высвечивают для нас моменты напряженного поиска в Поднебесной гипотез: каковой же должна быть эффективная политика если не полного подчинения неистовых конных варваров, то хотя бы «приведения их в чувство»? Интерес к такого рода документам активно возрастает, поскольку они соответствуют времени, когда мы довольно неплохо осведомлены об археологической ситуации с материалами III — II в. до н. э. в центре и на востоке Евразии. Знакомство с этими текстами создает для нас реальную возможность наведения «мостика» между письменными и археологическими источниками, что на практике удается, к сожалению, далеко не всегда.

Первый из приведенных в данном приложении документов — письменный доклад Цзя И (200 — 168 гг. до н. э.) — «мужа обширной учености» и наставника младшего сына четвертого ханьского императора Вэнь-ди (180 — 157 гг. до н. э.). Положение Хань было тогда таковым, что даже сам державный властитель выражал свою скорбь весьма выразительными словами: «...Мы оказались не в состоянии распространить наши добродетели на далекие земли, поэтому с тревогой помышляем, что люди, живущие за пределами Срединного государства могут сотворить зло».

Возможно, именно эти признания монарха подтолкнули «мужа обширной учености» обратиться к императору с подробными рекомендациями основ политики в отношении сюнну или же, выражаясь иначе, гуннских кочевников.

Меня, пожалуй, в тексте этого послания удивил еще один момент: суровая оценка ситуации, в которой, по мнению автора послания, в значительной мере повинен и сам император. Я что-то не припомню примеров, чтобы, скажем, рос-

сийские монархи разных столетий и обеих династий стерпели бы от своих подчиненных подобные слова. Вероятно, так называемый жестокий «азиатский деспотизм» даже в Китае давал порой сбои.

Издание этого документа, его перевод на русский язык и комментарии к нему принадлежат М. Е. Ермакову [Ермаков: 362 — 382]. Текст доклада приводится с небольшими сокращениями.

«Три манеры поведения и пять приманок» для варваров: доклад Цзя И императору

«Положение Поднебесной такое, как у человека, который висит вниз головой. Ведь Сын Неба — глава Поднебесной. Почему? Он наверху. Варвары от южных «мань» до восточных «и» — ноги Поднебесной. Почему? Они внизу. Ныне же сюнну выказывают к нам пренебрежение, совершают грабительские набеги. Они нисколько не чтят Сына Неба. Для Поднебесной они стали бедой, да такой, которой нет конца. Династия Хань из года в год доставляет золото, разноцветный шелк и шелковую вату им в подношение. Варвары от восточных «и» до северных «ди» призывают нас к себе и отдают приказы, а это составляет прерогативу владыки и высшего. Сын Неба подносит дань, а это подобает подчиненному и низшему. Ноги вопреки всему оказываются наверху, а голова, наоборот, внизу. Поднебесная висит вот так вниз головой, и никто не в состоянии ей помочь... А еще говорят, что в государстве есть достойные люди...

Однако Поднебесная не только висит вверх ногами. Она подобна хромоту, да к тому же еще и больному сыпью. Но ведь и хромота — болезнь, и сыпь — болезнь тоже. Ныне округа на северных и западных границах хотя и обладают высоким рангом, но их жители не освобождены от воинской повинности, начиная с мальчиков ростом в пять чи никто не откажется от отдыха. Наблюдатели издали всматриваются в дневные и ночные сигналы тревоги, не могут прилечь; генералы и офицеры спят в доспехах. Потому-то я, Ваш подданный, говорю о еще одной болезни и берусь ее вылечить. Если Верховный правитель не воспользуется моими советами, то будет от чего лить слезы.

Ваше Величество, подобает ли Вам, носящему титул «божественный император» и «августейший», быть в удельных правителях у варваров-жунов. Ваше положение и без того униженное и постыдное, а Вы продолжаете сносить обиды! Если так пойдет и дальше, то чем же это кончится?!

Все выдвигаемые планы полагали, что это затруднение неразрешимо, что никаких средств для этого не существует. Я же, Ваш недостойный подданный, подсчитал орды сюнну. Все они не превышают населения одного большого уезда империи Хань. Я весьма стыжусь за тех, кто держит в руках дела правления! При громадности ее территории как может Поднебесная испытывать затруднения от орды, населяющей всего один только уезд?

Ваше Величество, почему бы Вам не попробовать сделать меня, Вашего подданного, чиновником, управляющим зависимым государством, ведающим сюнну. Осуществите мой план, и я с Вашего дозволения приведу шаньюя [великого хана сюнну] со инуром на шею, отдам его жизнь в Вашу власть, брошу перед Вами ниц Чжунхан Юэ и стану бить его палками по спине. Вся орда сюнну станет подчиняться только приказам Верховного правителя.

Ныне же Вы охотитесь не на лютого врага, а на полевых кабанов, ловите не взбунтовавшихся разбойников, а поднятых псами зайцев. Вы предались ничтожным развлечениям и не помышляете о великом бедствии. Не это ведет к умиротворению. Благая сила-дэ императора распространяется далеко, грозное величие-вэй императора простирается вдаль. Когда же приказы императора, облеченного грозным величием, действуют лишь на несколько сотен ли окрест, — вот из-за чего стоит лить слезы...

Я, Ваш подданный, установил для Вашего Величества «три манеры поведения» по отношению к сюнну и поставил «пять приманок». Если с их помощью спорить с шаньюем за обладание его народом, то подчинить сюнну будет так же легко, как стряхнуть с дерева привлеченных на яркий свет цикад. Ведь люди, не следующие по истинному пути, способны на нарушения и непокорство. А сюнну таковы с давних пор. Если Вы, Ваше Величество, снизойдете до меня и сообразовите принять план Вашего подданного, то Ваш подданный, сообразуясь с положением дел, возвестит сюнну слово Сына Неба, сделает так, что великая орда сюнну поверит Вашему Величеству. Если кто-то передает слова, они должны непременно выполняться. Человек, давший обещание во сне, и проснувшись, не обманет доверия. Если Ваше Величество уже обещали, то Ваше слово ясно, как солнце на восходе. Поэтому, когда люди слышат единое слово государя, то пусть они будут даже такими далекими, как сюнну, их воля не будет омрачена сомнениями, пусть они даже враждебны нам, в их сердца не закрадется недоверие. А если так, то доверие Сына Неба будет возведено и все, что мы наметили, осуществится. Это первая манера поведения.

Кроме того, я, Ваш подданный, сообразуясь с положением дел, возведу сюнну любовь Вашего Величества, сделаю так, что сюнну сами узрят ее воочию. Если люди, у которых лица варваров-ху и внешность варваров-жуннов, сами убедятся, что они любимы Сыном Неба, то потянутся к нему, как малое дитя к любящей матери. А если так произойдет, то Ваша любовь к ним будет наконец возведена. Это еще одна «манера поведения».

Кроме того, я, Ваш подданный, возведу сюнну, что [уже] приятно Вашему Величеству. Пусть варвары-ху сами увидят: если они в чем-то умелы и искусны, то всем этим можно прийти по вкусу Сыну Неба. А если так произойдет, то будет наконец возведено, что приятно Сыну Неба. Это еще одна «манера поведения».

Итак, Сын Неба любит наружность других людей, ему нравятся умения других людей. В Пути людей доверие является великим моральным устоем, долгом божественного императора. Если то, что он любит их внешность

и ему приятны их умения, так и есть на самом деле; если можно надеяться на данные им обещания, то и в случае смертельной опасности, когда десятерых постигает смерть и лишь один остается в живых, они непременно придут к Сыну Неба. Это и называется «тремя манерами поведения».

Вообще говоря, что касается наград в государстве, то эти награды не могут распределяться поровну. Награждать поровну — значит опустошить государство. Однако, когда награды скудны, этого недостаточно, чтобы тронуть людей. Поэтому умеющий награждать сначала как бы станет топтать, попирает сюнну ногами, а после этого будет время от времени проявлять к ним щедрость. Пусть смотрят на награды, как на нечто, достойное внимания, твердят о них, как о том, о чем стоит говорить. И тогда можно будет привлечь к себе сердца целого государства.

Ваше Величество, соблаговолите внять советам Вашего подданного, и тогда у меня найдутся свободные средства. Прибывшие к нам сюнну от глав кланов и выше пусть непременно будут одеты в расшитые шелковые одежды, а их жены и дети — в узорные парчовые платья. Пусть представят им пять серебряных колесниц, разукрашенных крупными резными узорами, запряженных каждая четверкой лошадей, снабженных зелеными тентами. Пусть придадут им эскорт из нескольких всадников и каждому, кроме кучера, еще и сопровождающего, сидящего на колеснице справа. Даже шаньюй при выездах и возвращениях в ставку не пренебрег бы этим. Пусть сюнну, предавшиеся нам, всегда получают, а Ваше Величество одаривает их этим. Все в государстве, кто услышит и увидит это, с сердцами, полными надежд, сообщат об этом другим. Люди станут уповать на Вашу милость, полагая, что если сами придут к нам, то смогут получить то же. Тем самым мы наведем порчу на их глаза. Это — одна «приманка».

Если среди сюнну, которых Ваше Величество побудили приехать, будет много предавшихся нам, то при большом скоплении народа Верховный правитель непременно призовет кого-то из них и пожалует еду. Еда будет состоять из четырех — пяти превосходных блюд, великолепных кусков вареного и жареного мяса, приготовленного в маринадах. Перед каждым поставят столик в несколько чи в длину и ширину, велят сесть за каждый из них по одному человеку. Варвары-ху, исчисляемые сотнями, пожелавшие посмотреть на пир, будут стоять рядом. Те, кто отведал яства, обрадуются, будут есть и посмеиваться. А еда будет на вкус такой, какой им и пробовать-то никогда не приходилось. Пусть прибывшие к нам всегда получают, а Ваше Величество потчует их этим. В целом государстве, кто это слышал и видел, пуская слюни, расскажут об этом другим. Люди станут алкать того же, полагая, что если сами придут к нам, то смогут это получить. Тем самым мы наведем порчу на их уста. Это еще одна «приманка».

Что до предавшихся нам выдающихся мужей, а также тех, кого Ваше Величество побудили приехать, то Верховный правитель непременно пошлет пригласить кого-нибудь из них в качестве гостей. Пусть получают приглашение и их знакомые. Тем варварам-ху, которые пожелают посмотреть на

прием, не запрещать. Пусть придворные дамы напудрятя, подведут брови тушью и в расшитых шелковых одеждах в количестве двадцати-тридцати человек прислуживают им в зале. За азартными играми, за развлечениями они станут потчевать варваров-ху. Верховный правитель пошлет за артистами Музыкальной палаты, милостиво изволит воспользоваться их услугами. Пусть музыканты дудят в маленькие флейты, бьют в барабаны и барабанчики, а актеры и акробаты сменяют друг друга. Пусть время от времени выступают танцоры и плясуны, а вслед за ними под грохот барабанов исполняет свой танец человек-кукла. А ночью выступают с музыкальным представлением варвары-жуны. Они возьмут за руки и поведут за собой гостей Верховного правителя. С начала и до конца представления их будут поддерживать придворные дамы в количестве десяти и более. Пусть те, кого Ваше Величество побудили предаться нам, время от времени получают, а Ваше Величество услаждает их этим. В целом государстве, кто это слышал и видел, широко раскроют глаза от изумления и расскажут об этом другим. Люди засуетятся, забеспокоятся только о том, как бы им не опоздать с прибытием к нам. Тем самым мы наведем порчу на их уши. Это еще одна «приманка».

Вообще, если кто из предавшихся нам милостиво удостоивается приема у Вашего Величества или прибывает согласно условиям договора, пусть Ваше Величество иногда проявляет к кому-то из них щедрость. Сделайте так, чтобы здесь у них была высокая зала и отдельный флигель, превосходная кухня с большими кладовыми и конюшня с отборными лошадьми, боевая колесница в личном хранении. Рабы и рабыни, множество детишек, домашний скот — всего должно быть в достатке. Устройте так, чтобы в это время был большой пир, и пусть пригласят варваров-ху в гости, станут потчевать послов варваров-ху. Пусть Верховный правитель назначит чиновника в помощь им на пиру, предоставит музыку. И пусть жилище, кухня, музыка, кладовые и скот превосходят то, что они имели прежде. Если сянь-ваны и лу ли-ваны уйдут от своего шаньюя, пусть Ваше Величество иногда кого-то из них так одаривает, предоставляет им дома. Целое государство сюнну будет расположено к Вашему Величеству и станет уповать на Ваше Величество. Люди засуетятся, забеспокоятся только о том, как бы не опоздать с прибытием к нам. Тем самым мы наведем порчу на их желудки. Это еще одна «приманка».

Из тех, кто пришел предаться нам, Верховный правитель непременно кого-нибудь милостиво удостоит приема, одарит родительской лаской, а затем дозволит определиться на службу. Известно, что старшие варвары-ху — грубые родители. Так пусть же Верховный правитель к младенцам-ху будет так же добр и любвеобилен, как к сыновьям своих высокопоставленных подданных. Верховный правитель милостиво соизволит принять у себя с несколько десятков человек, сделает так, чтобы и на официальных приемах, и в часы досуга они сопровождали его при выездах и посменно прислуживали во внутренних покоях. Когда же Верховный пра-

витель потчует варваров-ху, когда учреждает Великие ристалища и приглашает на них послов варваров-ху, силачи и воины, как всегда, будут прислуживать близ императора по одну сторону, а мальчикам-варварам будет дозволено приблизиться и прислуживать по другую. Знатные варвары-ху будут поочередно выступать вперед и предлагать гостям вино. Верховный правитель милостиво изволит лично распорядиться, чтобы подливали вино в чаши послов, обхаживали их. Когда Верховный правитель уходит на отдых, парадное платье расписного шелка, украшенный драгоценными раковинами большой пояс и другие оставшиеся после приема гостей одежды подносятся им в качестве даров. Верховный правитель милостиво изволит ласкать мальчиков-варваров, похлопывает их, играет с ними в кольцо. А когда подают жареное мясо, милостиво изволит кормить их. Верховный правитель снимает с себя великолепные одежды и лично одаривает их. Когда Верховный правитель встает, мальчики-варвары находятся кто сзади, кто спереди него. Знатным варварам будет дозволено подносить вино; и они будут в платье с казенной печатью на шнурке. Знатные варвары будут стоять перед Верховным правителем! Пусть только некоторые люди достигают, а Верховный правитель устанавливает им такое положение. В целом государстве, кто увидит и услышит это, широко раскроют глаза от изумления, возжелают того же. Люди засуетятся, забеспокоятся только о том, как бы не опоздать с прибытием к нам. Тем самым мы наведем порчу на их сердца. Это еще одна «приманка».

Итак, привлечем, притянем к себе их уши, привлечем их глаза, привлечем их рты, привлечем их желудки. И они окажутся в четырех отношениях привлечены. А еще мы привлечем к себе их сердца. Так разве же мы не подчиним варваров-ху, не принудим их упасть к нашим ногам?! Это и называется «пять приманок»

Чао Цо: как победить гуннов?

Видный политический деятель Ханьской империи Чао Цо (205? — 154 гг. до н. э.), с присвоенным ему своеобразным и звучным званием «*мешок мудрости*», также жил при уже упоминавшемся императоре Вэнь-ди. Равно как и Цзя И, он являлся наставником сына императора, но уже рангом выше — наследника престола. Его жизнеописание составлено историком Бань Гу (32 — 92 гг. н. э.), которое тот поместил в «Хань шу» («История Хань»). В тексте Бань Гу повествуется о попытках Чао Цо внушить ханьскому императору свое мнение о наиболее эффективном достижении целей в борьбе с бесконечными нашествиями гуннских орд.

Ниже мы приводим обращение Чао Цо к императору в изложении Бань Гу. Перевод документа на русский язык, его публикация и комментарии принадлежат Е. А. Торчинову [Торчинов: 383 — 409]. В публикуемом ниже тексте автор произвел некоторые сокращения и незначительную корректуру ряда предложений на русском языке.

«В это время усилились сюнну, в большом количестве разбойничая на границах. Высочайший поднял войска, чтобы отразить их. Чао Цо подал доклад трону о военных делах, гласивший: «Я, Ваш подданный, слышал, что с возвышения Хань до настоящего времени презренные варвары ху вторгались в наши пограничные земли. Если вторгались малым числом, то имели малую выгоду; вторгались большими массами, то имели большую выгоду. Во времена императрицы Гао-хоу они вновь вторглись в Лунси, штурмовали города, вырезали жителей поселений, угоняли скот, грабили имущество. После этого опять вторглись в Лунси, убивали офицеров и солдат-призывников, чинили великие разбои и грабежи.

Я, ничтожный, слышал, что от грозного величия победы в бою стократно повышается дух народа, а солдаты-призывники потерпевшего поражение войска навсегда остаются сломленными. Со времен императрицы Гао-хоу Лунси трижды испытывал опасность от сюнну, дух народа был сломлен, и у него не осталось воли к победе.

Ныне эти офицеры из Лунси, опираясь на чудесные силы алтарей божеств земли и проса, приняв мудрый эдикт Вашего Величества, сплотили воинов и солдат-призывников, словно точильным камнем отточили их чувство чести, воодушевили сломленный народ, чтобы противостоять сюнну, которые воспользовались победой. Если, используя малые ударные силы, напасть на великое множество, убить одного их царя, нанести поражение их ордам, то получишь великую выгоду. Дело не в том, что среди народа Лунси есть храбрецы и трусы, а в том, что генералы и офицеры отличаются друг от друга по качествам искусности или неумелости. Поэтому законы военного искусства гласят: «Бывает генерал, который обязательно побеждает, но не бывает народа, который обязательно побеждает». Если взглянуть на это дело с такой точки зрения, то умиротворение границ, совершение подвигов и стяжание славной репутации зависят от хорошего генерала, которого нельзя не выбирать тщательно.

Ваш подданный слышал еще, что если используются войска, готовящиеся к сражению, то у скрецивающих клинки есть три насущные потребности: первая называется «использованием рельефа местности», вторая называется «доведением до конца военной тренировки солдат-призывников», третья называется «остротой используемого оружия».

Законы военного искусства гласят: Там, где есть рвы в пять чжанов шириной, вода, замачивающая колесницы, горные леса, груды камней, реки с неизменным течением, холмы и бугры, места, поросшие травой и деревьями, то это земля для пехоты, — здесь двое на колесницах или двое всадников не смогут противостоять одному пешему. Там, где есть земляные пригорки, холмы и бугры, непрерывно следующие друг за другом, широкие степи, то это земля для колесниц и конников, — здесь десять пехотинцев не смогут противостоять одному конному. Там, где есть пологие склоны, расходящиеся друг от друга, долины, разделенные между собой потоками, вверх посмотришь — высоко, вниз — низко, то это земля для лучников и

арбалетчиков, — здесь сто пехотинцев с оружием ближнего боя не смогут противостоять одному лучнику. Когда сошлись два боевых подразделения, а местность ровная и поросшая редкой травой, где можно и наступать и отступать, то это земля для длинных копий-рогатин, — там трое с мечами и щитами не смогут противостоять одному с копьем-рогатинной. Если есть заросли густорастущего тростника, бамбука, полыни, все покрыто деревьями и травами, пышно разрослись и соприкасаются друг с другом листья, то это земля для длинных алебард и коротких копий с железными наконечниками, — там двое с длинными пиками-рогатинами не смогут противостоять одному с алебардой. Если есть извилистые дороги, скрытые друг от друга, узкие проходы, соединяющиеся друг с другом, то это земля для мечей и щитов, — там трое лучников и арбалетчиков не смогут противостоять одному воину с мечом и щитом.

Если воины не отборные и не обученные, солдаты-призывники не тренированы, поход и привал не выверены, движение и отдых не упорядочены, тогда, если стремятся к выгоде, не достигают ее; спасаются от трудностей, но они не кончаются; передние наступают, а задние ленятся и это противоречит сигналам гонгов и барабанов, такова будет ошибка в необученности солдат-призывников, и тогда даже сто бойцов не смогут противостоять десяти. Если оружие не заострено — это все равно что воевать голыми руками; если латы не крепки и не плотно прилегают к телу — это все равно что воевать обнаженными; если стрелы из арбалета не летят далеко — это все равно что воевать оружием ближнего боя; стрелять, но не попадать в цель — это все равно что не иметь стрел; попасть в цель, но не пробить ее — это все равно что не иметь наконечников. Все эти ошибки оттого, что генерал не обращает внимания на качество оружия, и в таком случае даже пятеро бойцов не смогут противостоять одному. Поэтому законы военного искусства гласят: «Если оружие не остро, это значит отдать солдат-призывников врагу; если солдат-призывников нельзя использовать, это значит отдать генерала врагу; если генерал не знает войск, это значит отдать правителя врагу; если государь не подобрал способного генерала, это значит отдать государство врагу». Эти четыре дела — наиважнейшее в применении оружия.

Ваши подданный слышал также, что малое и большое государства различаются по положению, сильное и слабое владения различаются по силе, пересеченная и ровная местности различаются по характеру подготовки к бою на них. Ведь, униженно согнувшись в поклоне, служить сильному — таково положение малого государства, вступить в союз с малым, чтобы напасть на большое, — таково положение равного государства. При помощи варваров мань-и нападать на варваров мань-и — таково положение «государства центра». Ныне сюнну отличаются от «государства центра» в искусстве приспособления к рельефу местности. Коня сюнну поднимаются и спускаются по горным склонам, переправляются через горные реки, входя и выходя из горных потоков, — не то что коня «государства центра».

Конники сюнну то мчатся по опасным тропам, пригибаясь к земле, то стреляют из луков — не то что конница «государства центра».

Они не страдают ни от ветра и дождя, ни от усталости и утомления, ни от голода и жажды — не то что люди «государства центра».

Таковы преимущества сюнну.

На гладкой равнине, ровной земле, где удобны легкие колесницы и ударные отряды конницы, орды сюнну легко привести в замешательство. Что касается мощных арбалетов и длинных копий-рогатин, то первые из них стреляют далеко, вторые поражают цель, находящуюся на некотором отдалении. Сюннуские лучники не могут противостоять им.

Что касается применения крепких лат и острых клинков, то если применять и короткие, и длинные клинки, расставить повсюду арбалетчиков нерегулярных войск, наступать совместно отрядами по «пятеркам» и «десяткам», то оружие сюнну не сможет противостоять им.

Когда командир конных лучников ведет скорострельную стрельбу, стрелы летят одна за другой в одну и ту же цель, то кожаные латы и деревянные щиты сюнну не могут выдержать удара.

Когда спешиваются и вступают в бой на земле, применяют мечи и копьяз-рогатины, наступают и отступают, тесня друг друга, то ноги сюнну отказывают им.

Таковы преимущества людей «государства центра».

Если взглянуть с этой точки зрения, то окажется, что у сюнну преимуществ — три, а у жителей «государства центра» преимуществ — пять. Допустим, что к тому же Ваше Величество поднимет многочисленное войско количеством в несколько сот тысяч человек, чтобы покарать несколько десятков тысяч сюнну. Тогда при подсчете, кого много, а кого мало, окажется, что это и есть искусство нападения с десятью на одного. Хотя это и так, оружие — это орудие несчастья, а война — опасное дело и превращение большого войска в малое, а силы — в слабость может произойти всего за мгновение, пока поднимаешь и опускаешь голову. Ведь если тот, кто стремится ценою смерти людей бороться за победу, оступился, а ему не помогли подняться, то он пожалеет об этом, но сожаления будут напрасными.

Путь императоров и царей исходит из того, чтобы не иметь ошибок в десяти тысячах случаев. Теперь что касается такого рода людей, как варвары — сдавшиеся [Поднебесной] ху и щюй, которые примкнули к справедливости нашего монарха, то их орды насчитывают несколько тысяч человек. Их питье, еда и военные преимущества такие же, как у сюнну. Стоит пожаловать им прочные латы, одежду на оческах хлопка, мощные луки и острые стрелы, придать им добрых всадников из пограничных округов и приказать мудрому генералу, который в состоянии понимать их обычаи и привычки, а также привести к согласию и сплотить их сердца, возглавить их на основе заключенного Вашим Величеством союзного договора. Если случится стычка с врагом в узких проходах в горах, будем противостоять ему

с помощью этих войск. Если придется биться с врагом на широкой равнине с проезжими дорогами, то командир конных лучников будет подавлять врага с помощью легких колесниц. Обе эти наши армии будут дополнять одна другую, являясь друг для друга как бы лицевой стороной и подкладкой одежды: каждая будет использовать свое преимущество и появится возможность по воле генерала добавлять к одной армии другую. Это и есть искусство не иметь потерь в десяти тысячах случаев.

Комментарий гласит: «Мудрый правитель выберет что-то достойное внимания даже из речей безумца». Ваш глупый и ограниченный подданный Цо дерзнул, понимая, что заслуживает за это казни, представить трону свои безумные речи. Пусть Ваше Величество выберет из них хоть малость, достойную внимания!

Император Вэнь-ди обрадовался этому докладу и пожаловал Чао Цо грамоту с императорской печатью, милостиво ответив ему: «Августейший император задал вопрос, и домоправитель наследника престола подал доклад трону, в котором в трех разделах говорится о способах применения оружия. Мы выслушали его. В докладе сказано: «Мудрый правитель выберет что-то достойное внимания даже из речей безумца». Теперь дело обстоит не так. Речи не безумны, а выбирающий не мудр, и воистину в этом великая беда государства. Если тот, кто не мудр, выбирает из того, что не безумно, то он десять тысяч раз услышит и все же десять тысяч раз сделает не так».

Цо еще раз заговорил о защите границ и обороне пограничной линии укреплений, поощрении земледелия и усердии в основном занятии — двух делах, наиболее важных в тот век. Его доклад гласил:

Ваш подданный слышал, что когда при Цинь мы на севере напали на варваров ху и мо, то тогда воздвигли оборонную линию укреплений на берегу реки Хуанхэ. Когда на юге мы напали на янчжоуских юэ, то там разместили солдат-призывников, несущих пограничную службу. Тогда подняли оружие и напали на ху и юэ не для того, чтобы защитить пограничные территории и спасти народ от гибели, а из-за несправедливой алчности и желания расширить владения. Задуманный циньским императором [Цинь-ши-хуанди] подвиг еще не был совершен, а Поднебесная погрузилась в смуту. Кроме того, когда он поднял войска, то не знал тамошних местных условий. Когда наши воины воевали, то их захватывали в плен, когда становились лагерем, то солдаты-призывники массами умирали от мора. Ведь земля варваров ху и мо является местом скопления инь [скверного], кора деревьев в три цуня толщиной, а толщина льда в шесть чи. Варвары едят мясо и пьют кобылье молоко. Люди там имеют частый рисунок кожи, птицы покрыты густым пухом и перьями, а звери — густой шерстью. По своей природе они могут переносить холод... .. Циньские солдаты-призывники, несшие пограничную службу, не могли вынести тамошние воду и почву; пограничники умирали на границах, перевозившие провиант падали в пути. Циньский народ смотрел на то, чтобы пойти в поход, как смотрят на то, чтобы пойти на казнь.

Император послал осужденных служить на границе, и название им было «несущие пограничную службу из осужденных». Вначале посылали чиновников, совершивших преступления, а также «приемных зятьев», потом стали часто посылать лиц, находившихся в «рыночных списках», а еще позднее — даже тех, у кого деды и бабки либо родители были когда-либо записаны в «рыночных списках». Потом стали входить в деревенские ворота и брать живущих слева от них. То, что их посылали, не соответствовало миропорядку, идущие в поход глубоко негодовали, и у них возникало желание изменить и взбунтоваться.

Вообще говоря, простолюдины, обороняясь или вступая в бой, до самой смерти не сдаются в плен неприятелю и не бегут только из-за расчета. Поэтому если они побеждают в бою или упорно обороняются, то их награждают почетными титулами, а когда они нападают на города и вырезают жителей поселений, то получают их имущество для обогащения своего рода и семьи, и поэтому можно заставить их многочисленную армию пренебрегать градом стрел и камней, бесстрашно устремляться в огонь и под льющийся со стен кипяток и одинаково относиться к смерти и жизни.

Скажем теперь, что когда Цинь подняла солдат-призывников, то от этого получилась гибель десятков тысяч, но не было даже ничтожной награды после гибели солдата и семья погибшего не имела сокращения податей даже размером в один подушный налог. Каждый в Поднебесной знал, что пламя беды уже охватило его. Когда Чэнь Шэн отправился в поход и дошел до Дацзэ, то он стал запевалой [народным вождем] в Поднебесной, и тогда Поднебесная последовала за ним как устремляется вниз текущая вода; все это произошло вследствие того порока Цинь, что она осуществляла правление лишь грозным величием и насильем.

Занятия варваров ху, с помощью которых они одеваются и кормятся, не привязаны к земле, по своему положению они легко учиняют беспорядок и смуты на границе. Как же объяснить это? Варвары ху едят мясо, пьют кобылье молоко, одеваются в шкуры и мех, у них нет жилищ с полями в пределах внутренних и внешних городских стен, куда возвращаются жить. Они — как летающие птицы и рыскающие звери в широкой степи. Если есть прекрасные травы и вкусная вода, то они останавливаются. Если трава кончилась, вода иссякла, то они перекочевывают. Из этого видно, что они кочуют и тут и там, скитаются повсюду; то приходят, то уходят — таков основной промысел варваров ху, из-за которого жители «государства центра» вынуждены покидать «южные поля».

Теперь допустим, что варвары ху в ряде мест, кочуя, пасут скот и занимаются охотой у нашей пограничной линии укреплений напротив царств Янь и Дай, а некоторые — напротив округов Шанц-зюнь, Бэйди и Лунси и вследствие этого наблюдают за нашими солдатами-призывниками, занятыми охраной пограничной линии укреплений. Тогда, если солдат-призывников будет мало, они вторгнутся к нам. Если Ваше Величество не выручит людей, то живущие на границе люди потеряют надежду и у них

появится намерение подчиниться врагу. Если, спасая их, поднимете мало войск, то этого будет недостаточно; если же поднимете много, то едва мобилизованные из далеких уездов придут сюда, как окажется, что варвары ху уже ушли. Если собрать и не распускать войска, то расходы на них будут чрезвычайно велики, а если распустить их, варвары ху вторгнутся снова. Если так будет продолжаться год за годом, то «государства центра» станет страдать и нищать, а народ станет неспокоен.

Вы, Ваше Величество, осчастливили свой народ тем, что озаботились положением на границах, направили туда генералов и офицеров и подняли солдат-призывников для приведения в порядок пограничной линии укреплений. Это чрезвычайно великая милость.

Однако Вы приказали, чтобы солдаты-призывники отдаленных краев, которые охраняют пограничную линию укреплений, по прошествии одного года сменялись. Вы, очевидно, не знали, на что способны варвары ху. Было бы лучше выбрать из тех, кто живет на границе постоянно, чтобы они своей семьей обрабатывали землю и, кроме того, в силу своего положения оборонялись бы от варваров, и для их удобства устроить крепость с высокими стенами и глубокими рвами, заготовить метательные камни и расставить заградительные колья против конницы, снаружи устроить еще одну стену так, чтобы внутри нее между стенами расстояние было бы 150 двойных шагов.

Что касается крепостей, расположенных в стратегически важных пунктах и на таких путях, как судоходные реки, то надо упорядочить численность населения обнесенных стеной поселений, чтобы оно насчитывало не меньше 100 семей, и посередине окружить селение бамбуковым частоколом. Сначала надо построить дома и жилища, запастись сельскохозяйственные орудия, а затем призвать в качестве добровольцев преступников, которые пришли с повинной, а также амнистированных каторжников, продолжающих работать до конца первоначального срока и приказать им поселиться там. Если будет недостаточно, призовите совершеннолетних рабов и рабынь, переданных преступниками государству в качестве откупа за совершенное преступление, и рабов и рабынь, переданных государству лицами, желающими получить за это награждение рангом знатности. Если и тогда людей будет недостаточно, призовите тех из свободного народа, кто пожелает поехать туда добровольно, всех желающих следует награждать рангами знатности и освободить от повинностей их семьи, вначале снабдить их зимней и летней одеждой и выдать продукты, а когда они смогут сами обеспечивать себя, перестать делать это... Те же из людей, кто потерял мужа или жену, должны быть обеспечены [ими] уездным начальником, ибо чувства людей таковы, что если у них нет пары, то они не могут долго радоваться жизни в своем доме.

Если у народа вдоль оборонительной линии укреплений мало жалования и выгод, то нельзя заставить его долго жить в опасной и неспокойной местности. Когда варвары ху вторгаются и угоняют людей вместе с их скотом

и имуществом, то тем, кто сумел задержать то, что те угоняют, хозяин должен дать половину спасенного. Если не может, то это делает из казенных денег начальник. Вот как уездный начальник выкупает свой народ. Если они будут поступать так, то население деревень будет помогать друг другу и устремляться на сюнну, не боясь смерти... Ведь заслуги этих людей в десять раз превосходят заслуги солдат-призывников, несущих пограничную службу на востоке, которым не приходится приспосабливаться к местным условиям и в сердце своем бояться варваров ху

Если во время правления Вашего Величества переселить народ, заполнить им границу и сделать так, чтобы в отдаленных землях не было таких дел, как расквартирование войск для охраны границы, то тогда у народа, живущего у пограничной линии укреплений, отцы и сыновья будут беречь друг друга и не будет опасности захвата и пленения варварами ху, польза от этого распространится на грядущие поколения, а Вас будут называть «прозорливый и совершенно-мудрый государь». Это поистине сильно отличается от того, как при династии Цинь посылали служить на границе ропщущий народ!

Высший последовал этим словам и поселил набранных на службу людей у пограничной линии укреплений.

Чао Цо снова сказал: Ваш подданный слышал, что когда в древности переселяли в дальние местности, чтобы заселить обширные пустующие земли, то прежде оценивали соотношение инь и янь в тех местах, пробовали воду в источниках на вкус, присматривались, что годится для этой земли, наблюдали, изобильны ли травы и деревья, и только после этого планировали поселения, возводили города, обдумывали строительство деревень и делили землю под жилье, открывали пути для обработки земли и исправляли границы в системе продольных и поперечных дорог. Вначале для людей строили дома, причем каждая семья имела один зал, два внутренних помещения, ворота и двери с замками, и располагали там утварь и орудия. У людей было где жить и было чем работать. Вот почему народ с легкостью покидал свои родные места и охотно шел в новые поселения. Для этих людей селили знахарей и шаманов, чтобы лечить болезни и совершать жертвоприношения. Мужчины и женщины вступали в брак, при рождении и смерти люди помогали друг другу, могильные насыпи и холмы следовали один за другим. Люди сажали шелковичные и плодовые деревья и разводили домашний скот... Вот почему это делало людей довольными местами своего проживания и вызывало желание прожить там долго.

Ваш подданный слышал также, что в древности при учреждении пограничных уездов там принимали заблаговременные меры по обороне от противника: там составляли из пяти семей «пятерку», в каждой «пятерке» был старший; десять «пятерок» [во главе] со старшими составляли одну деревню. В деревне был «старший чиновник». Четыре деревни составляли «объединение», а в «объединении» был «старший у бо». Десять «объединений» составляли поселение, в поселении был «старший капитан».

Эти лица выбирались из самых достойных в тех поселениях; они были способны сохранять вверенное им, они были привычны к местным условиям и знали сердца народа. Когда жили на месте, то обучали людей способам стрельбы из лука, когда выступали в поход, то обучали людей, как отвечать врагу. Поэтому, когда солдаты, организованные по «пятеркам», были внутри ее в порядке, то этим определялось и командование всей армией вовне. Благодаря этому возрастала обученность, и жителям не приходилось приказывать переселяться с места на место. Юные совместно развлекались, старики сообща занимались делами. Если во время ночной битвы они узнавали голоса других своих товарищей, то этого было достаточно, чтобы отправиться к ним на выручку. Если во время дневной битвы они узнавали лица других своих товарищей, то этого было достаточно, чтобы осознать необходимость помочь им. Их сердца были исполнены взаимной любовью и благорасположением, и этого было достаточно, чтобы умереть за других. А если это так, то, когда их вдохновляли обильной наградой или угрожали суровым наказанием, они шли вперед насмерть и не поворачивали назад. Что касается переселенных людей, то если у них нет в изобилии способностей и сил, а на них лишь попусту тратят одежду и провиант, то таких людей нельзя использовать. Даже если есть способности и силы, но нет достойных чиновников, — все равно не будет результатов.

Если Вы, Ваше Величество, порвете с сюнну и не заключите с ними договора о мире, основанного на родстве, то у меня, Вашего подданного, есть жалкое предположение, что они зимой придут на юг. Поистине, если Вы в широких масштабах упорядочите эти дела, то они на всю жизнь понесут наказание. Желаящий установить грозное величие начинает с показа своей военной мощи — «осенью сгибают клеенные луки». Если сюнну придут, а мы не сможем поставить их в затруднительное положение, то уйдут они, довольные собой. После этого будет нелегко покорить их.

Ваш глупый подданный не смышлен. Пусть Ваше Величество разберется и примет решение».

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в археологии

Системы отсчета времени

Любое изложение исторического процесса теряет львиную долю смысла, если не существует отсчета времени, в котором события протекают и которым они замеряются. Поэтому наиболее важным приложением к истории и археологии является хронология. Обычно различают две разновидности последней — относительную и абсолютную.

Относительная хронология говорит о последовательности событий по отношению друг к другу: «Революция произошла после войны», «Иван родился раньше Петра» и т. п. К примеру, вспомним восходящую еще к трудам археологов и историков позапрошлого столетия знаменитую «триаду веков человечества»: века — каменный, бронзовый, железный. Причем в подобных случаях ничего не говорится ни о точном отрезке времени, разделяющем события, ни об их отношении к общей шкале времени.

Абсолютная или же календарная хронология обращается уже к внешней шкале замеров, используя чаще всего понятия времени, принятые в определенной культуре, обществе. При всех пугающих различиях между системами абсолютных хронологических шкал, построенных каждой более или менее развитой — в смысле уровня цивилизации — культурной среде, они всегда привязаны к сходному источнику замеров. Источник этот планетарный, с небольшим числом вариаций: Луна, Солнце или Луна плюс Солнце одновременно (крайне редко — звезды). Поэтому в любых вышедших из первобытного состояния социальных системах используют либо лунный, либо солнечный, а часто — комбинированный лунно-солнечный календарь, основанный на периодичности космических явлений.

Каждая культура или же блок родственных культур, нанося хронологические метки на принятой ею шкале, начинает с события, почитаемого наиважнейшим для данной культуры. Сторонние наблюдатели очень часто указывают на мифологический, нереальный характер такого события, однако подвергать сомнению высшую реальность самого факта для конкретной культуры всегда считается

кошунством. Так, христианский мир ведет отсчет времени от Рождества Христова, — то есть 2009 лет назад со времени написания настоящей книги. Для блока исламских сообществ главнейшим событием было бегство пророка Мухаммеда из Мекки в Медину, когда началось победное шествие ислама по миру: 15 июня 622 г., отсюда — 1387 год хиджры. Для иудеев — это сотворение Господом нашего мира, что по их поверьям имело место 6 октября 3761 г. до н. э. или же 5768 лет назад. Однако согласно православной христианской версии это событие произошло раньше — 7517 лет назад, или в 5508 г. до н. э. От этой точки вело отсчет времени Российское государство вплоть до 1700 г., когда Петр Великий распорядился привести российский календарь в соответствие с западноевропейским (юлианским). Древние римляне главнейшим мировым событием почитали, естественно, основание своего Вечного города, от него (в большинстве случаев — от 753 г. до н. э.) они и отсчитывали все годы в своих хрониках. Французы попытались в конце XVIII в. возвести новый календарь ко дню провозглашения Республики — 22 сентября 1792 г. Сами годы революционеры-якобинцы обозначали как I, II... VIII..., да и названия месяцев звучали как «прериаль», «термидор»... «брюмер»... Однако после 31 декабря 1805 г. Франция вернулась к современному григорианскому календарю, установителем которого в 1582 году явился римский Папа Григорий XIII. Любопытно, что уже в следующем году Григорий XIII направил Константинопольскому Патриарху предложение перейти на новый календарь, что православной церковью было отвергнуто, как не соответствующее каноническим правилам празднования Пасхи.

...Но отвлечемся на мгновение от прошлых «исканий» в замерах времени: ведь даже в нашем — уже XXI — веке «великий Туркменбаши», бывший секретарь ЦК КП Туркмении Сапармурат Ниязов, переименовал туркменский календарь. Он повелел, например, именовать январь месяцем «*туркменбаши*» — это в собственную честь, а уже апрель назвать «*гурбансолтан-эдже*» во славу и почитание собственной матери...

Чтобы синхронизировать множество хронологических шкал между собой, потребовалось немало времени и усилий огромного числа специалистов; ну а попытки синхронизаций различных систем отмечались еще в I тысячелетии до н. э. Однако не эта область сопоставлений была самой трудной. Гораздо более туманны и неопределенны бесчисленные локальные шкалы, ведущие отсчет от неких мифических правителей, вроде основателя легендарной династии Ся в Древнем Китае (III тысячелетие до н. э.) или же Скорпиона — будто бы древнейшего фараона Египта (IV тысячелетие до н. э.). Далее выстраиваются в длинные ряды всевозможные списки «Царских канонов», различных династий древнейшей Вавилонии; к ним примыкают так называемые «провинциальные зры» типа македонской, ахейской и многих других, в которых отсчет времени ведется от мелких и малоизвестных событий и лиц. Все эти причудливо переплетающиеся шкалы пестрят невозполнимыми пробелами. Распутывают их с громадными усилиями, да и реконструкции эти нередко насыщены трудно контролируемыми ошибками. Вообще же работа по сопоставлению и стыковке различных хронологических письменных систем напоминает сложение гигантского полотна любимой многими

игры «*puzzle*», и этой труднейшей головоломкой заняты уже сотни лет тысячи и тысячи специалистов в разных странах нашей планеты.

Кроме всего, «...для Ближнего Востока пределы допустимой погрешности быстро увеличиваются по мере того, как мы заходим в глубь веков дальше 900 г. до н. э., — писал один из видных специалистов по хронологии Древнего мира Э. Бикерман. — До XIV в. до н. э. в самых благоприятных случаях пределы погрешности достигают примерно 10 и более лет; к XVII в. до н. э. они доходят примерно до 50 лет, а для более раннего времени — и до 100 лет. Для дописьменного периода у нас нет исторических дат, и следует полагаться только на археологическую хронологию» [Бикерман: 75].

Но вот что следует непременно добавить: к 900 г. до н. э. всего лишь не более 3—4% территории земного шара — и это максимум! — было освоено населением, владевшим письменной культурой. Все же остальные бесчисленные культуры были рассеяны во мраке бесписьменности. Следовательно, без «археологической хронологии» вся неизмеримая масса древнейших фактов могла бы являть собой весьма унылую и беспорядочную свалку.

Тема различий в абсолютных хронологических системах, конечно же, весьма специфична и чрезвычайно обширна. Ныне наиболее распространенной и практически общепринятой на нашей Планете календарной системой является та, что зиждется на базе отсчета лет от современности («столько-то лет назад»). Однако подобный подход включает в себе одно весьма существенное неудобство. Ведь «современность» имеет как бы «скользящий» характер, где каждый новый, «прибавочный» год усиливает нестабильность подобного отсчета. Поэтому большинство тесно взаимосвязанных мировых сообществ согласилось выбрать некую постоянную хронологическую точку: в христианском мире она совпадает с предполагаемым годом рождения Иисуса Христа (своеобразный и не всеми разделяемый «нулевой» год). От нее и ведут календарный счет лет в обе стороны: «до Рождества Христова» [в русском варианте — до Р. Х.] и «после Рождества Христова» [Р. Х.]; или же — что гораздо чаще — в англоязычном варианте — «*Before Christ*» (BC), либо после этой даты — [AD или же *Anno Domini*]. В атеистическом Советском Союзе употребляли выражение «до нашей (новой) эры» [до н. э.], а также и «нашей эры» [н. э.]. В том мире, где Христа не признают, нередко предпочитают использовать английское выражение «*Before Common Era*» [BCE] — или же «до всеобщей эры», что близко к выражению «до новой или до нашей эры».

Хронологические источники в археологии¹

Три основных категории хронологических источников наиболее значимы для археологии. Среди них, во-первых, письменные документы, содержащие прямые или хотя бы косвенные указания на время их создания (о них мы краткою речь

¹ Данное приложение в основном отражает содержание двух крупных опубликованных ранее работ (см. [Черных 2000 и Черных Е. Н., Черных Н. Б.]

вели выше). Во-вторых, ископаемые стволы дерева, пригодные для анализа погодичного или же ежегодного прироста древесины. В-третьих, также ископаемые органические остатки, содержащие изотоп углерода ^{14}C .

Археологическое дерево послужило фундаментом для создания метода дендрохронологии, а анализ изотопа ^{14}C стал базовым материалом для радиоуглеродного датирования археологических объектов. В последние десятилетия оба этих естественнонаучных метода заняли ключевые позиции при определении абсолютного или же календарного возраста археологических памятников.

Опять-таки подчеркнем, что включение в данный список письменных источников не случайно, хотя их роль для археологии ни в коей мере не сопоставима с собственно исторической наукой ни в количественном, ни даже в качественном отношении. Однако при всем этом не следует принижать значимости письменных документов в археологии. Ведь в ряде весьма важных случаев именно они служат своеобразной «печкой» или же отправным пунктом для календарной абсолютизации многих хронологических шкал, построенных, к примеру, на базе анализа ископаемой древесины. Вместе с тем эти операции приобретают весьма значимый характер преимущественно для хронологии более поздних культур, существование которых граничило с новым и даже новейшим временем. И если письменные источники могут играть заметную роль при датировке археологических объектов самих поздних периодов, то роль дендрохронологии и радиоуглеродных датировок является несопоставимо более важной для ранних эпох.

Дендрохронология

Метод датирования по годичным кольцам или так называемый «древесно-кольцевой анализ» вошел в систему естественных наук уже почти сто лет тому назад, когда откристаллизовалась новая отрасль знания, ставшая вскоре известной под термином «дендрохронология». Метод исходит из наблюдений за стойкими и ритмичными колебаниями в ширине погодичного прироста древесины. Толщина каждого кольца на самых различных деревьях сравнительно четко отражает ту климатическую ситуацию, которая имело место либо в год формирования конкретного кольца, либо в годы, ему предшествующие. Климатические условия проявляются, как правило, достаточно однородно на огромных территориях, что и явилось основным определяющим фактором в характере роста годичных колец у бесчисленных древесных стволов той или иной географической области. Благоприятен климат для роста дерева (влажно и жарко), и дерево отреагирует толстым кольцом. Надвигаются критические условия для жизни дерева (сухо и холодно), и годичное кольцо будет тонким, еле заметным на срезе ствола (рис. П.4.1).

При определении взаимного положения на хронологической шкале между собой сопоставляются, конечно же, не сами деревья, но графически выраженные кривые их роста, в основе которых лежат замеры толщины годичных колец. Последовательно шаг за шагом «сцепляя» друг с другом эти кривые прироста, характерные для срубленных в разное время деревьев, дендрологи и смогли в конечном итоге

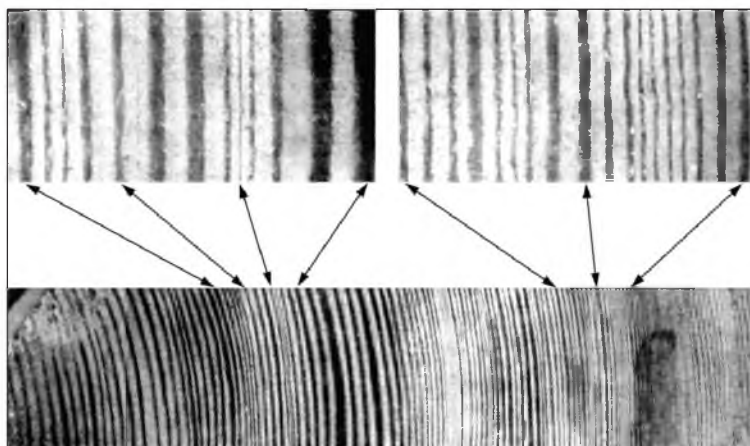

Рис. 11.4.1. Годичные кольца на спиле ствола из древнего сооружения. Вверху: увеличенные изображения двух участков спила (помечены крайними стрелками)

составить великое множество более или менее долговременных дендрохронологических шкал, протяженность которых колебалась от нескольких сотен и до нескольких тысяч лет.

Хронологический охват метода достаточно широк: суммарно до шести-семи тысячелетий вглубь от наших дней для археологических материалов, а для климатологии и того больше: последние изыскания углубили ее границу вплоть до 11—12 тысяч лет! Правда, львиная доля его календарных определений приходится, безусловно, на периоды средневековья и нового времени. Ныне это общепризнанный в мире метод массовой датировки археологических объектов, и его применяют в самых различных странах нашей планеты десятки специализированных лабораторий.

Вместе с тем необходимо упомянуть о регионах, где произрастали деревья, отличавшиеся фантастическим возрастом. Так, североамериканская секвойя (*Sequoia*) могла достигать трехтысячелетнего возраста, и это неизмеримо рас-

Рис. 11.4.2. Это могучее дерево — остистая сосна (*Pinus aristata*) произрастает в Белых горах Калифорнии; дереву более четырех тысяч лет

Рис. П.4.3. Великий Новгород. Один из ярусов «слоеного пирога» расчищенных деревянных мостовых улицы Великой

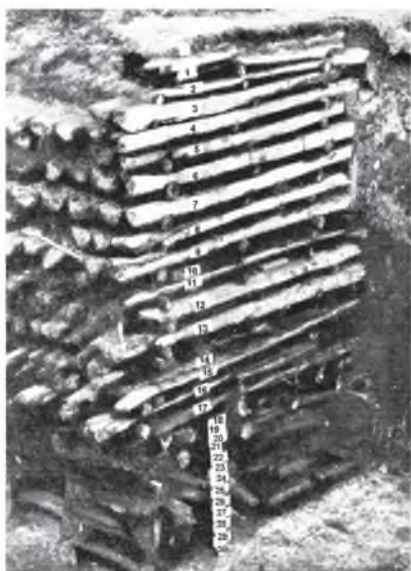

Рис. П.4.4. Мостовые улицы Великой в Новгороде представлены 30 или даже 32 ярусами, что похоже на своеобразный «слоеный пирог». Совершенно ясно, что каждый перекрывающий ярус должен датироваться более поздним временем, нежели его подстилающий [Bowman: 17]

ширяло возможности датировки дендробразцов как из археологических слоев, так и некоторых современных построек, связанных с историко-этнографическими объектами. Еще более долговременными оказались произраставшие в Белых Горах Калифорнии т. н. остистые сосны (*Pinus aristata*) — до 4 и даже более тысяч лет (рис. П.4.2)!

Корректному определению датировок по дендроанализу чрезвычайно способствуют такие комплексы ископаемой древесины, которые встречаются, например, при широко известных раскопках Новгорода Великого. Базовыми коллекциями древесины здесь явились налегающие друг на друга деревянные мостовые (рис. П.4.3 и П.4.4), число строительных ярусов которых могло достигать трех десятков. При этом совершенно ясно, что блок нижележащих деревянных плах, выстилавших, скажем, улицу Великую в этом городе, будет всегда раньше, нежели блок его перекрывающий. На сколько лет раньше? — об этом говорили сопоставления графиков роста наиболее выразительных деревьев из

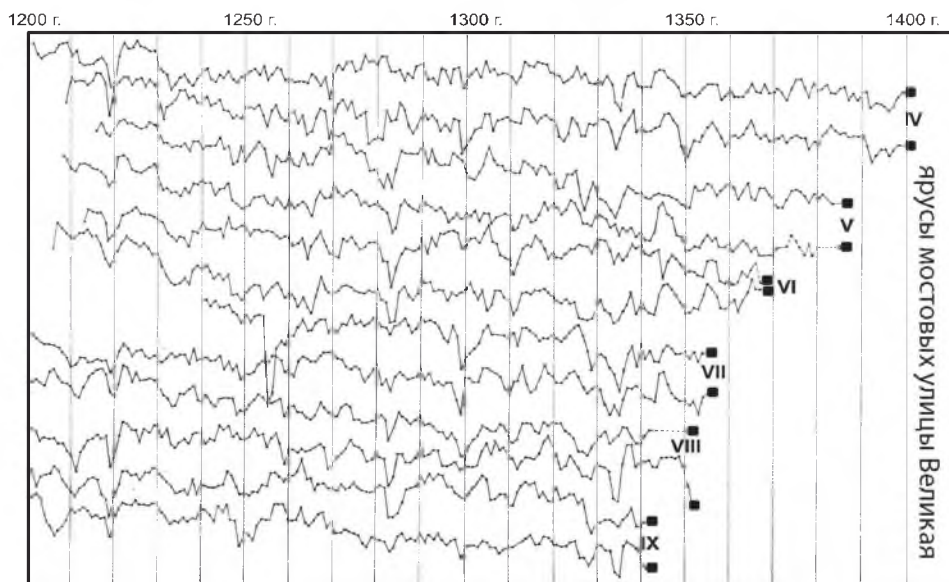

Рис. П.4.5. Хронологическое соотношение 4—9 ярусов мостовых улицы Великой в Новгороде

всех многих сотен образцов, изученных только на этом удивительном «слоеном пироге» (рис. П.4.5).

Дерево, извлеченное для дендроанализа из различных древних или старинных построек, о времени возведения которых нам сообщали письменные источники, становится для нас особенно ценным: именно в этих образцах заключена реальная возможность сопоставления дендродат и датировок по письменным документам. Это связано по преимуществу с сооружениями средневекового возраста — храмами, крепостями и т. п.

Теперь приведем пример иной концентрации ископаемой древесины. Внимание археологов очень часто устремляется к так называемым свайным поселениям культур эпох неолита, меди и бронзы в приальпийских регионах Северной Италии, Южной Германии, либо в межгорных долинах Швейцарии. Люди обустроивали свое жилье на болотистых берегах озер, забивая в грунт сваи — толстые древесные стволы. На вымостках поверх свай они сооружали места обитания. Проходили столетия и тысячелетия, озера мельчали, иссыхали, люди покидали эти места. В конце концов археологи расчищали вязкий болотистый слой, и их взору представала картина бесчисленных торчащих стоймя бревен (рис. П.4.6 и П.4.7). Со стволов брали пробы на дендроанализ и получали динамику строительства этих весьма необычных поселков. Однако даты рубки стволов следовало в этом случае относить к разряду относительных, то есть — исследователи выявляли группы деревьев, срубленных в относительно близкое время. Календарные или абсолютные даты свайных образцов получали уже с помощью иного метода, о котором речь пойдет в следующем разделе.

Рис. П.4.6. Свайное поселение Фьяве в Северной Италии: сотни забитых древесных стволов в болотистый берег древнего высохшего озера [II Veneto: 489]

Рис. П.4.7. Поселение Фьяве. Длина забитых в дно древнего озера стволов достигала пяти-семи метров

Радиоуглеродное датирование

В отличие от дендрохронологии, датировки по ^{14}C безусловно доминируют среди материалов ранних эпох, охватывая прежде всего историко-археологические периоды раннего металла, неолита, мезолита, а также верхнего палеолита. Для более позднего времени, к примеру средневековья, его значение, равно как и эффективность, резко снижаются: по своей «разрешающей способности» изотопный метод сильно уступает не только письменным источникам, но и дендрохронологии.

Другим отличием ^{14}C от метода дендрохронологии является способность радиоуглеродного анализа, опираясь на период полураспада данного изотопа сразу представлять исследователям календарную дату испытуемого образца. Для дендрохронологии, как мы уже знаем, процедура анализа требует первичного и обязательного этапа выявления относительной даты целой группы образцов, а установление календарной даты образцов становится возможным лишь с участием абсолютно датированной дендрошкалы или даже перекрестно сопоставляемых дендрошквал. Вместе с тем воздействие дендрохронологии на степень точности, достоверности, а также характера самих календарных дат по ^{14}C оказалось столь существенным, что резонно будет начать с изложения именно этого аспекта взаимосвязи обоих методов.

Изотопное время и дендрохронология

Изначальные определения абсолютных дат по ^{14}C приводятся ныне всеми мировыми лабораториями в так называемом конвенционном — то есть по соглашению — значении, базирующемся на периоде так называемого полураспада этого изотопа в 5730 ± 40 лет. Однако сам процесс калибровки значений происходит на базе полураспада, установленного еще У. Либби, который, как предполагал нобелевский лауреат, был равен 5568 ± 25 лет. В последние годы подавляющее большинство пользователей радиоуглеродной хронологии предпочитают калиброванные даты как более отвечающие исторической реальности.

По своему существу конвенционные даты исходят из постулата о неизменном — в течении десятков тысяч лет — содержании изотопа ^{14}C в атмосфере Земли. Однако первоначально сформулированная эта базовая аксиома оказалась не вполне достоверной. Прежде всего выяснилось, что реальный возраст образцов в сравнении с «конвенционным» отличается более древними значениями; причем это различие возрастает по мере удревления того периода, к которому относится образец. Кроме того, динамика содержания ^{14}C в атмосфере Земли не отвечает линейному (неизменному) характеру: ее функция изобилует пиками и провалами. По всей вероятности, выявленный характер графиков и калибровочных кривых (рис. П.4.8, а-f) отражает ту флуктуацию содержания изотопа в земной атмосфере, которая имела место в ходе реального времени.

Проверка данного постулата о неизменности концентрации ^{14}C была проведена прежде всего и фактически только на материалах «живой» и ископаемой древесины, то есть на тех образцах, что служили базовой основой многолетних ден-

дрожкал. Причем шкалы эти были связаны не только с материалами из археологических памятников, но также с ископаемыми стволами, обнаруженными вне археологических слоев и положенными в основу дендрожкал для палеоклиматических построений. Поэтому метод калибровки ^{14}C нередко именуют дендроправкой к конвенционному определению возраста образца.

Действительно, именно дерево содержит в своих годовичных кольцах наиболее содержательную и столь существенную для радиоуглеродной хронологии информацию. Здесь, в древесных кольцах, сконцентрирована четкая «летопись» реального содержания и изменчивости концентрации изотопа ^{14}C в атмосфере Земли. И помимо того, по этим кольцам надежнее всего вести отсчет времени с момента прекращения обмена с атмосферным углеродом изотопа ^{14}C и началом полураспада этого изотопа. Надежнее всего для целей калибровки послужили, конечно же, те деревья Северной Америки, что отличались многотысячелетним возрастом: секвойя и остистая сосна (рис. П.4.2).

Калиброванные датировки

Результаты калиброванных дат отличаются от конвенционных не только более древним возрастом, но и формой выражения. Фигура распределения значений возраста конвенционной даты проста и соответствует дифференциальной кривой нормального распределения (рис. П.4.8). Фигура распределения значений возраста калиброванных дат намного более сложна и, как правило, отличается многовершинностью: ее вершины чаще всего сопряжены с «зубцами» зигзагов калибровочной кривой (рис. П.4.8, а—d). Весьма нередко значения ее вероятности в пределах одной или двух сигм не укладываются в непрерывный отрезок времени, но как бы дробятся на некоторый ряд его составляющих (рис. П.4.8, b—d).

Еще более существенным для понимания и оценки возможностей метода калибровки является, во-первых, его ограниченность во времени и, во-вторых, разный характер калибровочной кривой в зависимости от временного отрезка. Здесь уместным будет остановиться на шести примерах калибровки дат, попадающих в различные хронологические периоды 10000-летнего отрезка времени, — от $4000 \pm 50 \text{ BP}$ до $14000 \pm 50 \text{ BP}$ (рис. П.4.8, а—f), то есть весьма существенного для ряда историко-археологических периодов. Не требует особых комментариев отчетливо заметное на графиках изменение калибровочной кривой по мере удреждения ее возраста. По существу, ее эффект, хотя и в разной мере, но весьма существен лишь до пределов 10000—11000 лет от наших дней. Однако уже на рубеже 12-тысячелетнего возраста калибровочная кривая утрачивает четкость (рис. П.4.8, d), и это становится особенно заметным на подходе к хронологической грани в 13000 лет (рис. П.4.8, e). Порог в 14000 лет, в сущности, ставит окончательную точку на возможностях калибровки: сама «кривая» превращается в «прямую», а фигура распределения калиброванных значений возраста уже полностью отвечает по своей форме графику нормального распределения, столь характерного для конвенционных дат (рис. П.4.8, f).

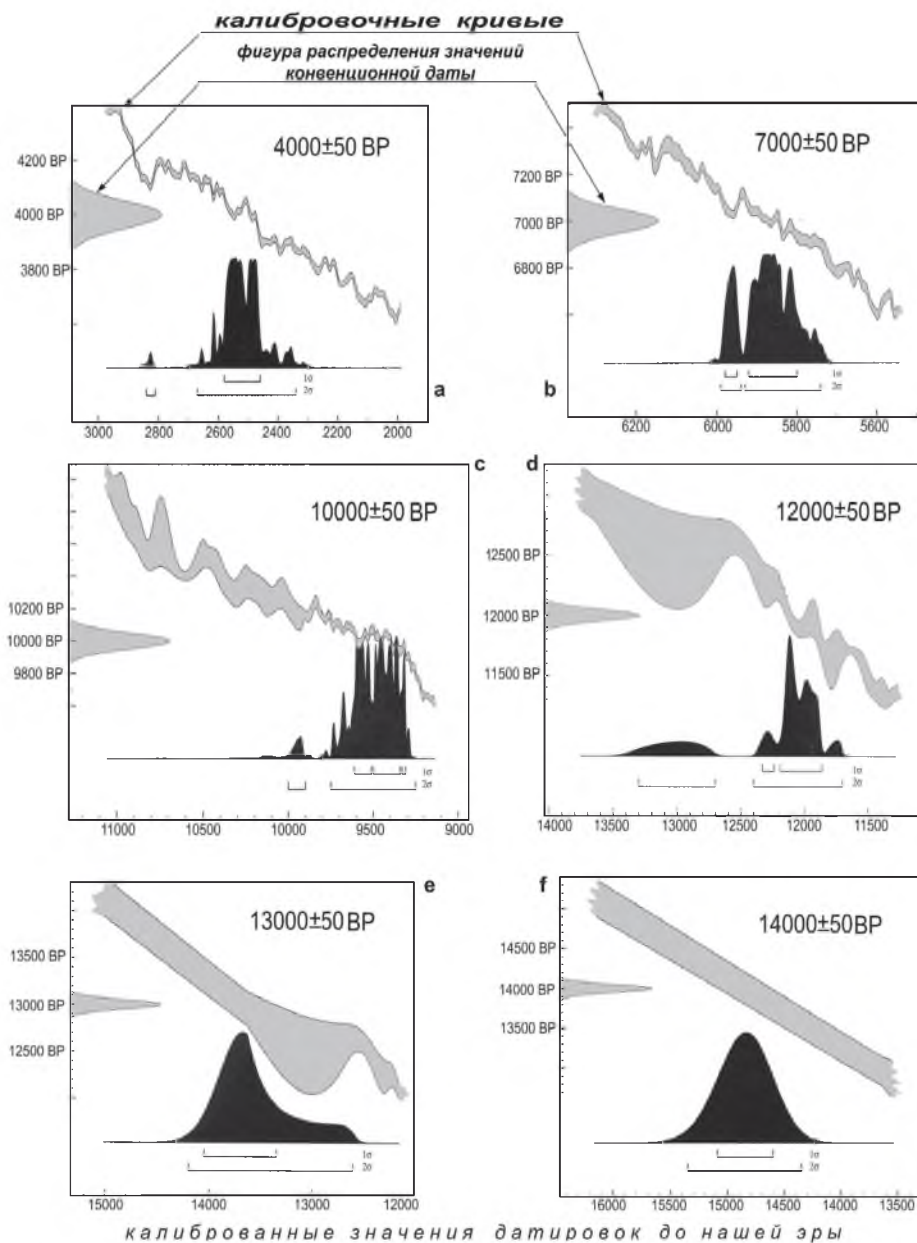

Рис. П.4.8. Различные варианты характера калибровочных кривых, фигур распределения калиброванных датировок и конвенционных дат в зависимости от абсолютного возраста исследованных и датированных образцов [метод OxCal, vers. 3.10]

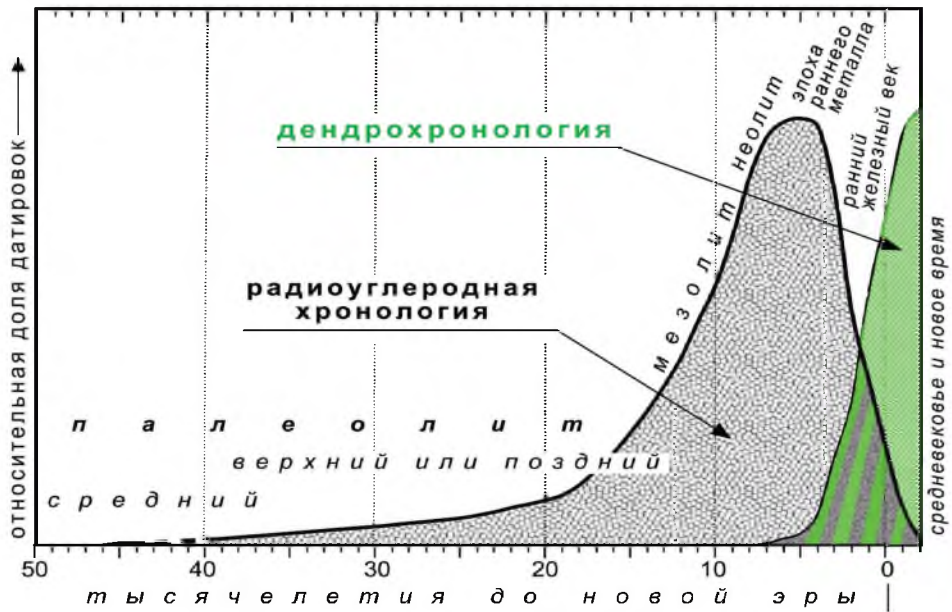

Рис. П.4.9. Схема пропорционального соотношения методов дендрохронологии и радиоуглеродного датирования с основными историко-археологическими эпохами и периодами

Основной причиной описанного явления, безусловно, послужило стремительное падение массы надежного материала для построения корректных дендрошкал по мере удаления от наших дней возраста анализируемых образцов. В периоды 4000 и даже 7000-летней давности калибровочные кривые строятся на весьма многочисленных дендроматериалах и огромном числе радиоуглеродных определений. По этой причине «лента» калибровочной кривой здесь узка и ее основа представляется достаточно надежной (рис. П.4.8. а, b). Однако на последующих ступенях погружения хронологических изысканий в древнейшие периоды исходного материала для таких построений становится все меньше и меньше, а число определений ^{14}C по древесным кольцам катастрофически сокращается. В конечном итоге «лента» калибровочной кривой расширяется и выпрямляется, отчего быстро возрастает ее ненадежность (рис. П.4.8. d—f).

Периоды исторического развития и методы календарной хронологии

Любые методы исследования, как известно, имеют свой более или менее жестко выраженный лимит возможностей, что в наших случаях обусловлено по преимуществу физической природой самих источников определения возраста археологических объектов. Подобные лимиты и предопределили временные и, соответственно, эпохальные ареалы приложения тех методов датирования, о которых мы

и ведем речь, т. е. дендрохронологии и радиоуглеродного, или же в сокращенном варианте — ^{14}C .

Демонстрационная схема таких ареалов и фигур распределения датировок по отношению к определенным историко-археологическим эпохам приведена на рис. П.4.9. Вполне очевидно, что дендрохронология «обслуживает» наиболее позднюю свиту культур и памятников, связанных по преимуществу со средневековьем и новым временем. Доля дендродатировок резко падает для культур железного века и эпохи раннего металла. Совсем редкими гостями выглядят строго датированные стволы деревьев для памятников более ранних периодов.

Определение возраста по ^{14}C характеризуется уже иной картиной. Наиболее заметная доля проведенных датировок приходится на эпохи неолита и раннего металла. Их доля существенно сокращается уже для памятников железного века и, тем более, средневековых. Роль радиоуглеродной хронологии для «верхнего» или же позднего палеолита все еще весьма существенна, хотя значение последней непрестанно снижается по мере удревнения верхнепалеолитических слоев. И только очень редко их удается применить для памятников знаменитой эпохи «мустье» или же так называемого среднего палеолита. На рубеже около 40—45 тысяч лет назад возможности данного метода датирования вполне очевидно иссякают едва ли не полностью.

Взаимное же пересечение ареалов воздействия обоих методов приходится на их краевые, периферийные участки: в основном между III—II тыс. до н. э. и I тыс. н. э. (рис. П.4.9). Однако для целей построения глобальных календарных шкал такого рода участки взаимных наложений имеют, конечно же, значение первостепенное.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Каргалы: пять тысячелетий истории¹

Каргалинский горнометаллургический комплекс расположен на Южном Урале, недалеко от Оренбурга (рис. П.5.1). Здесь проходит малоприметная — хотя и «официально» утвержденная учебниками и различными руководствами — граница между Европейским и Азиатским континентами. Каргалы примыкают к северной зоне Великой Евразийской степи. Вокруг простирается невыразительный ландшафт со скромной растительностью и редкими островками лесных рощиц. Богатая медная минерализация почвы в этих краях заметна главным образом в бассейне реки Урал и его правых крупных притоков — Сакмары и Салмыша. Месторождение относится к категории обширных рудных полей общей площадью до 500 кв. км. Громадный объем горнопроходческих работ: только на поверхности обнаружено около 35 тыс. свидетельств человеческой деятельности. Общая протяженность подземных выработок (штолен, шахт, штреков) составляет, по всей видимости, многие сотни километров (рис. П.5.2). Общий объем извлеченных на поверхность песчаника, мергеля и иных пород оценивается примерно в 100—120 млн. м³ (не менее 250 млн. тонн).

Рис. П.5.1. Географическое положение Каргалинского горно-металлургического центра

¹ Наиболее подробную информацию по Каргалинскому горнометаллургическому центру читатель сможет найти в книгах [Черных 1997; Черных — Каргалы, редактор и автор, тома I—V].

К настоящему времени на Каргалах открыто уже около двух десятков селищ II тыс. до н. э. (поздний бронзовый век), четыре курганных некрополя с захоронениями раннего и позднего бронзовых веков, отдельные надмогильные курганы, а также многочисленные следы начальных шагов российской меднорудной и медеплавильной промышленности XVIII—XIX вв. Масштаб добычи медных руд в бронзовом веке поразительно велик, оценка совокупной массы добытых медных минералов колеблется от 2,5 до 5 млн. т. Общий вес меди, выплавленной в эпоху бронзы из каргалинских руд, по предварительным оценкам составляет от минимальных 55—60 до максимальных 100—120 тыс. тонн.

Четыре открытия Каргалов

Каргалы открывали четырежды, а активной эксплуатации их недра подвергались трижды. Однако их также трижды «забывали». Местные минералы — ярко-зеленый малахит и голубой азурит — впервые привлекли внимание людей в эпоху раннего бронзового века. Именно тогда, в конце IV тыс. до н. э., т. е. более пяти тысяч лет назад, и начался первый период работы Каргалинских рудников.

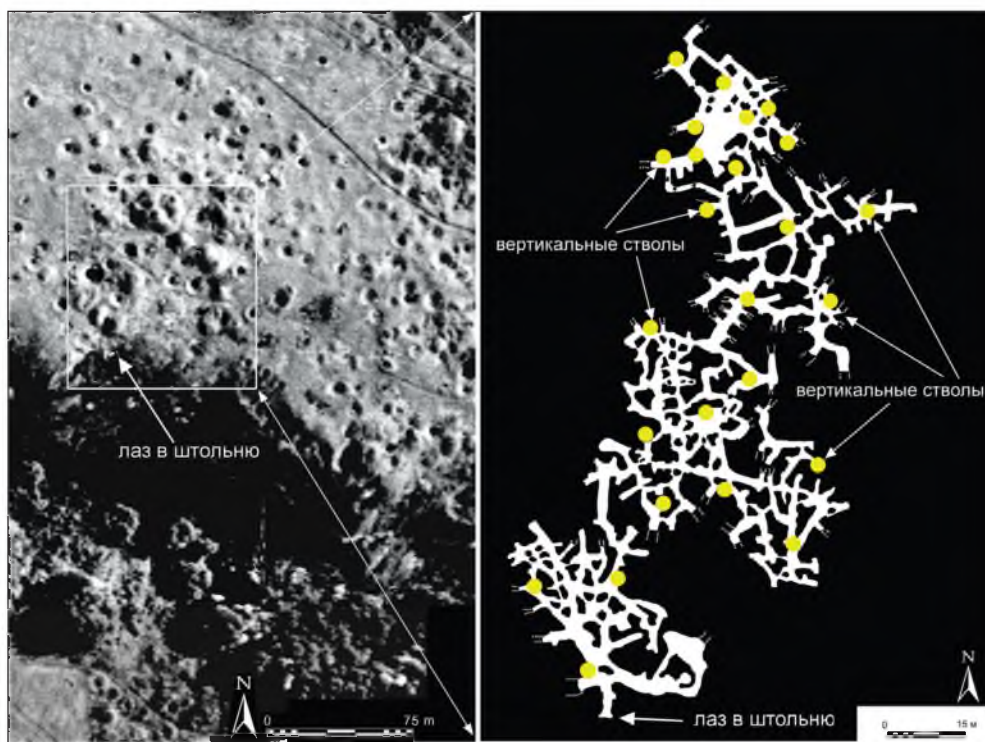

Рис. П.5.2. Слева: аэрофотоснимок небольшого участка поверхностных следов шахтных выработок: о контуренный белой линией прямоугольник охватывает площадь в 1 га.

Справа: план подземных выработок в пределах о контуренного прямоугольника на глубине 10—15 м; общая длина проходок (шафт, штолен и штреков) достигает лишь на этом крайне ограниченном участке 1,5 км

Рис. П.5.3. Так выглядят с глубины подземных выработок хорошо сохранившиеся вертикальные стволы разведывательных и извозных шахт на Каргалах

Длился он примерно 500—600 лет вплоть до середины III тыс. до н. э. Затем последовал перерыв в эксплуатации вплоть до XIX—XVIII вв. до н. э. После этого полутысячелетнего затишья с началом века поздней бронзы последовала вспышка как бы внезапного, но вместе с тем подлинного апогея Каргалинского горнометаллургического центра. К тому периоду относятся все наиболее яркие и приметные следы горного дела и металлургии на Каргалинских увалах. Однако около XIII—XII вв. до н. э. по непонятной причине древние профессионалы-горняки и металлурги навсегда покинули рудоносные каргалинские холмы, оставив после себя множество засыпанных шахт, штолен, карьеров, откуда за столетия разработок были извлечены сотни тысяч тонн медной руды.

И в последующие три тысячи лет, вплоть до нового времени, скотоводы южно-уральских степей гоняли по вздыбленным древними горными проходками увалам свои

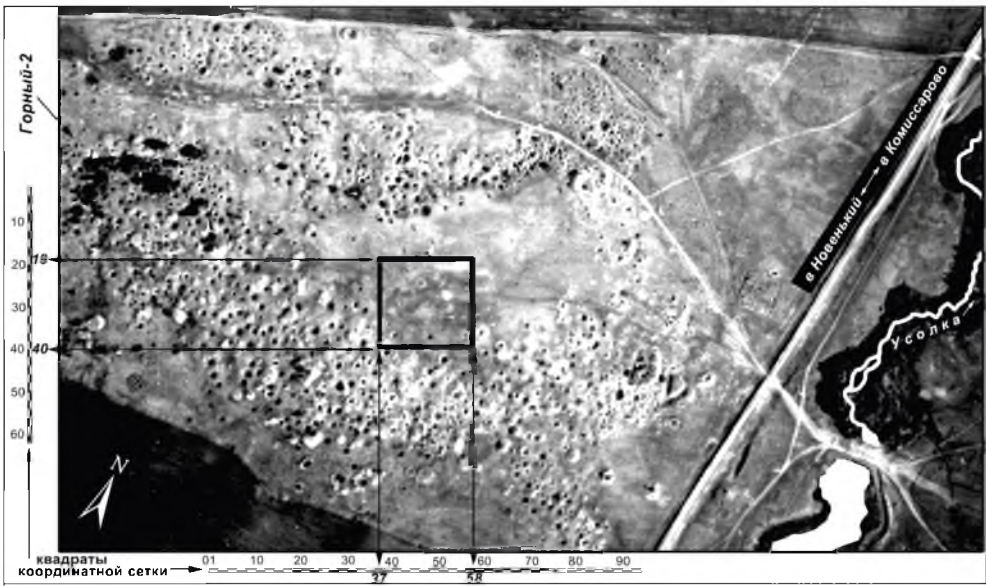

Рис. П.5.4. Аэрофотоснимок площади селища Горный, окруженного бесчисленными следами древних и старинных выработок. Эти шахты и карьеры хорошо заметны на фотографии следами в виде темных точек. Черный квадрат оконтуривает площадь сосредоточения основных археологических раскопов на поселении

Рис. П.5.5. Площадь селища Горный: вид с вертолета. Хорошо различимы поверхностные следы шахт и штолен. Справа можно разглядеть работу на одном из археологических раскопов

Рис. П.5.6. Селище Горный. Археологический раскоп выявил кольцевую обваловку древнего жилищного комплекса и устье рядом расположенной разведывательной шахты (вид с вертолета)

Рис. П.5.7. Селище Горный. Расчистка древней шахты (слева внизу) и спуск в расчищенную шахту для ее обмеров (справа внизу)

стада, не подозревая о том, что же такое медная руда и какое богатство таится под копытами их скота.

Четвертое открытие было связано уже с определением истинной древности Каргалов и их ролью в истории горнометаллургического производства Евразии, а также Российской империи. Уникальный характер данного центра проявился в ходе полевых и лабораторных изысканий, активно продолжавшихся до 2002 года. Истинные роль и значение этого богатейшего комплекса после этих исследований вскоре оценили не только в России, но также во многих зарубежных странах, отчего упоминание о Каргалах теперь можно встретить даже в учебниках.

В этом месте настоящего Приложения вновь намеренно будет нарушен хронологический порядок повествования. Мы начнем с «последнего» или четвертого — археологического открытия Каргалов: ведь оно оказалось связанным, прежде всего, с древностями бронзового века. А предшествующее ему «третье» открытие мы опишем ниже, поскольку коснулось оно чрезвычайно интересного и важного периода — уже собственно российской истории XVIII—XIX столетий.

Четвертое — археологическое — открытие Каргалов

Почти столетие спустя после третьего «забвения» Каргалов — в сентябре 1989 г. — в здешних местах начались разведки, но на сей раз уже археологические. Однако Каргалинский комплекс оказался столь необъятным и для археологов столь необычным, что исследователи не сразу осознали, с каким богатством они столкнулись. Понадобилось несколько лет, чтобы хотя бы приблизиться к пониманию — что же это такое — Каргалы? Вскоре выяснилось, что Каргалинский комплекс представляет собой причудливый и громадный набор самых разнообразных объектов, созданных в глубокой древности на основе неких иррациональных и ныне не всегда хорошо понимаемых принципов.

СЕЛИЩЕ ГОРНЫЙ

Первый этап раскопок поселка, получившего название Горный, начался в 1992 г. и завершился только десять лет спустя в 2002 г. Селище, располагавшееся на склоне высокого холма, занимало площадь в 3—4 га. Вокруг вздымалось хаотичное кольцо горных выработок (рис. П.5.4, П.5.5). Поселок принадлежал той общности, или же культуре, оседлых скотоводов II тыс. до н. э., которую археологи именуют «срубной». Ее многочисленные памятники — селища и кладбища — рассеяны по громадной площади в 1,5 млн. кв. км в степи и лесостепи Восточной Европы от Южного Урала до Днепра.

За девять полевых сезонов экспедиции удалось вскрыть всего лишь около одной тысячи квадратных культурного слоя позднебронзового века, но скромные темпы работ были обусловлены поразительной массой материала: изобилие последнего во много раз превосходило даже самые значительные коллекции, добытые при раскопках прочих степных памятников Евразии.

Изначальные жилые и производственные сооружения Горного ничем не напоминали те, с какими обыкновенно сталкиваются археологи, изучающие данную культуру. На раннем этапе существования поселка работники сооружали примитивные жилища, чем-то напоминавшие норы. То были овальные ямы с вертикальными стенами, глубиной от 130 до 200 см и площадью от 1,5 до 4 м². В таких «землянках» ночью могли отдыхать от одного до четырех человек. На раскопанной площади Горного удалось обнаружить около 60 подобных жилищ, в основном расположенных группами или же «кустами». Вероятно, люди защищались от ночных холодов и дождей, прикрыв сверху ямы шкурами, однако такое возможно было лишь в бесснежные сезоны — с весны до ранней осени. Для свирепых зим, что весьма нередки в этих местах, подобные обиталища уже мало годились. Скорее всего, первоначально люди приходили сюда в относительно теплые сезоны и работали в тех шахтах, что окружали жилую площадку. Зимой же, по всей вероятности, рудники пустели (сегодня мы могли бы назвать подобный метод работы вахтовым).

Однако в какой-то момент старейшины клана рудознатцев и металлургов решили кардинально изменить стратегию жизни и труда и прочно обосноваться на своем рудном холме. Началось обустройство сложных комплексов, пригодных для обитания и в зимнее время. Комплексы состояли из жилого отсека, плавильного двора, а также двора рудного, где хранились специально отобранные для выплавки металла образцы медных минералов. Для их строительства отрывали огромные — площадью до 230—270 кв. м. котлованы глубиной до 120—170 см. Любопытно, что котлованы сооружали прямо поверх «кустов» более ранних сезонных землянок, от которых можно было видеть лишь их нижние части и пол. Такое «наложение» старых и новых жилищно-производственных объектов оказалось для археологов полнейшей неожиданностью.

МЕТАЛЛ — КЕРАМИКА — КОСТЬ

Поселок Горный не переставал изумлять ученых не только необычными конструкциями, но и фантастичными по массе и разнообразию археологическими материалами. Так, на крайне ограниченной площади селища обнаружили более 110 тысяч фрагментов глиняной посуды ручной работы, украшенной порой довольно сложными узорами, характерными для «срубной» общности. Все эти черепки являлись обломками примерно 7—8 тысяч глиняных горшков. Поражала и огромная масса медных образцов (более 4 тысяч). Число медных находок с этой крайне ограниченной площади многократно превышало все, что было собрано в сотнях срубных поселков и могильников от Северного Причерноморья до Южного Урала. Количество каменных молотков превышало 1,5 тысяч — такое невозможно было себе представить. В многочисленных каменных литейных формах отливали тяжелые горнопроходческие орудия — кайлы, пещни и т. п.

Но наибольшее удивление археологи испытали при виде целой горы костей домашних животных, извлеченных из культурного слоя Горного (см. главу 13: рис.13.13). Более 2,5 млн. костей! Цифра без преувеличения фантастическая, ведь ничего подобного не встречалось даже в самых богатых находках культурных

слоях евразийских поселков любой эпохи. Здесь были умерщвлены, принесены в жертву, ну и конечно, съедены более 50 тыс. коров и 10—20 тыс. овец и коз. Еще раз вспомним, что на Горном вскрыто примерно 1000 кв. м. или же около 5% всего культурного слоя. Вот почему даже трудно представить себе общую невероятную массу скота, пригнанного некогда на каргалинские увалы.

Однако животных, чьи кости переполняют культурный слой, пасли и выращивали не здесь, поскольку те, кто изо дня в день был занят горными работами и плавкой металла, были просто не в состоянии содержать неисчислимые стада и ухаживать за ними, особенно зимой. Коров и овец пригоняли издалека, даже со Средней Волги, и меняли на медную руду, которую соплеменники развозили и разносили по многочисленным поселкам. В них каргалинскую руду археологи находят за сотни километров от месторождения.

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ РУДОЗНАТЦЕВ

На Каргалах мы столкнулись со многими сферами иррационального и для нас неясного. И по-прежнему открытым остается один из главных вопросов: как же впервые, тогда, в бронзовом веке, были обнаружены здешние месторождения?

Современные археологи, как и русские старатели XVIII в., так или иначе шли по следам древних горняков, ориентируясь на десятки тысяч холмов рудных отвалов и шахтных провалов, оставленных предшественниками. Но кто и каким образом прознал о местных рудных богатствах в IV тыс. до н. э.?

Обычно в археологической литературе модель первичного открытия какого-либо месторождения выглядит, на первый взгляд, довольно убедительно. В некоем богатом полезными ископаемыми районе появляется неведомо откуда группа людей, хорошо знакомых с горным делом. Они наталкиваются на поверхностные выходы руд и начинают их разработку. Постепенно в работу вовлекается местное население, а их некоторые кланы шаг за шагом становятся профессиональными рудознатцами. Не исключено, что в ряде случаев так и могло происходить. Однако в подобных объяснениях нетрудно заметить и чисто умозрительные выводы. Как правило, не удается убедительно объяснить, откуда же и по какой причине в том или ином регионе вдруг появлялись бродячие рудознатцы? Что и с какой целью их влекло туда?

Для Каргалов же такое объяснение и вовсе не подходит, поскольку там практически нет поверхностных выходов руд. Металлоносные породы связаны с коренными песчаниками и мергелями, перекрытыми толстым, до 10—12 м толщиной, вязким и плотным глинистым чехлом (рис. П.5.6 и П.5.7). Кроме того, на Каргалах почти нет протяженных рудных жил. Здесь преобладают беспорядочно рассеянные в коренной породе рудные линзы разного размера с повышенным содержанием малахита и азурита. А вот отыскать их было совсем непросто.

ВНИМАЯ ГОЛОСУ НЕДР

Надо признаться, что пока специалисты не в состоянии разгадать, как в реальности происходило открытие каргалинских руд. Однако уже можно правдоподобно

объяснить, с помощью каких приемов в IV-II тыс. до н. э. искали рудоносные минералы. Вероятно, люди каким-то образом догадались, что для того, чтобы докопаться до малахита, нужно тщательно очистить коренные песчаники и мергели от крайне вязкого и многометрового глинистого чехла.

Археологи обследовали огромный карьер: его длина 46 м, глубина около 9 м, хотя сегодня он чуть ли не до краев запылен оползшим грунтом (см. главу 11: рис. П.6). Как показал радиоуглеродный анализ, в конце IV тыс. до н. э. люди пробивались к коренным песчаникам, вытащив на поверхность до 1000—1200 кубометров, а это около 2,5—3 тыс. тонн чрезвычайно вязкого и тяжелого для работы грунта. Но старания оказались напрасными — пригодных для разработки скоплений рудоносных минералов в этом месте не оказалось. Кстати, подобный метод поиска, именуемый закладкой разведывательных геологических траншей, сохранился до наших дней.

Во II тыс. до н. э. поисковые методы стали более рациональными. Теперь рудознатоцы для начала пробивали сквозь глинистые наслоения чехла круглую шахту (гораздо позднее русские старатели именовали их «дудками»). На то место, где предстояло копать, указывали некие мистические флюиды, якобы исходящие из недр земли, их должны были улавливать вождь или главный рудознатец клана. Однако и таинственные подземные послания не всегда сулили успех. Археологи расчистили подобную пустую «дудку» (рис. П.5.6 и П.5.7): коренная порода руды не содержала. Такие неудачные шахты надлежало немедленно засыпать, что древние горняки и делали, как бы возвращая недрам ту породу, что извлекли из глубин. При этом они не считались с колоссальными затратами труда, совершенно иррациональными с позиции современного специалиста. Вряд ли «Хозяйка медной горы» баловала тружеников бронзового века — ведь на Каргалах насчитываются многие и многие тысячи засыпанных подобного рода *«шахт-неудачников»*. Однако некоторые «дудки» все же достигали рудных тел, и от них начинали ветвиться донельзя запутанные подземные лабиринты выработок, протянувшиеся на сотни километров (рис. П.5.2 и П.5.4).

Каргалы громадны и загадочны. Своей сохранностью, возрастом и масштабом горных работ они поражают специалистов не только Урала, но всего Старого Света. Уже первые исследования рудника нанесли удар по нашим прежним, во многом умозрительным, представлениям о горно-металлургическом промысле в древности. А ведь речь идет об одном из наиболее важных производств в истории человечества!

О Каргалах в бронзовом веке мы говорили достаточно подробно в 11 и 13 главах. После тридцати столетий «молчания» этот гигантский горно-металлургический центр вновь заявил о себе во всю мощь. Для нас же эти страницы в истории Каргалов интересны не только сюжетами освоения новых рудных богатств, но также характером первых шагов проникновения столь непривычных к восточным степным пространствам российских — весьма рискованных тогда — предпринимателей, да и простых людей. Каргалы оказались тем мощным рудным источником в пределах евразийского Степного пояса, которым овладела начинавшая свой взлет российская индустрия. По этой причине наше повествование об этом периоде освоения Каргалов будет резонным сделать более детальным. Итак...

Три тысячи лет спустя: открытие третье

В середине XVI в. пало Казанское ханство, и восточные границы Российского государства вплотную придвинулись к Уралу. В южноуральских степях тогда обитали кочевые и полукочевые племена башкир, долго и упорно сопротивлявшиеся русской экспансии. В 1735 г. в эти края двинулась специальная воинская экспедиция, возглавлявшаяся статским советником и активным идеологом российского продвижения на юго-восток Иваном Кириловым. Основной целью похода было полное освоение богатейшего края, *«приводя к тому тамошние народы лаской и награждением чтоб нето известное скрывали и таили, но и вновь сыскивая объявляли...»* Искали в первую очередь металлические руды, в которых Российская империя еще с до-петровских времен стала ощущать острую потребность. «Лаской» добиться своего, однако, никак не получалось, и поход был отмечен жестокими кровавыми схватками.

БРАТЯ ТВЕРДЫШЕВЫ И МЯСНИКОВ

Десятилетие с 1735 по 1744 год остается пока для нас самым туманным. Из документов того времени очень трудно выудить какие-то более или менее определенные сведения. Но в конечном итоге на этом зыбком полотне к 1743-44 годам совершенно отчетливо возникнут фигуры братьев Твердышевых со своим непререкаемым компаньоном Мясниковым, и уже вслед за ними — неразрывно связанные с этим кланом Каргалы.

Купеческое семейство Твердышевых происходило из Симбирска, а отец — Борис Твердышев был какое-то время бурмистром городской купеческой палаты. И почти как в русских сказках — у отца было три сына: Иван, Яков и Петр, а также дочь Татьяна. Иван Семенович Мясников также происходил из купеческого симбирского рода и был женат на Татьяне; стало быть, все братья Твердышевы приходились ему шуринами. Безусловным лидером и генератором основных идей и начинаний в этом родственном клане являлся старший брат — Иван Борисович. Он руководил и определял всю сложную «инфраструктуру» их «многоотраслевого» дела, которое кстати, не ограничивалось лишь Каргалами. Яков Борисович играл при нем, скорее, роль помощника, хотя и очень важного; на его долю досталось непосредственное руководство заводами и рудниками. Петр Твердышев, младший брат, умер очень рано — в 1749 году, хотя, кажется, и принял некоторое участие в каргалинской эпопее. Мясников вплоть до последнего часа являлся на протяжении долгих лет весьма верным «компанейщиком» Ивана Твердышева, а затем и Якова.

Какие-то сведения об их молодости дошли до нас, но уж очень смутные и неверные. Изначально родственники занимались винным откупом. Позднее братья завели селитренный завод и, по крайней мере, в 1743 году владели таковым. Как будто они участвовали также в организации провианта для Оренбургской экспедиции при Кирилове, и это могло сыграть особую роль в их судьбе. Если же им вместе с военной экспедицией, возможно, удалось посетить ранее закрытые районы Южной Башкирии, то будущие компаньоны получали определенный доступ к

информации о рудных богатствах края, и в частности, о Каргалах. К тому же в их руках оказался и финансовый рычаг воздействия на администрацию, которым они, кажется, вскоре и воспользовались.

Однако вот что примечательно. Нам, например, известно из архивных источников, что в 1743 году Иван Твердышев купил у знатного башкирина Надира Уразметова медный рудник; однако тот рудник, по всей вероятности, отстоял от Каргалов на несколько сот верст к северу. Уже в самом начале 1743 года, 17 января, в «Журнал протоколам Оренбургской комиссии» рукой П. И. Рычкова вносится запись о выдаче содержателю селитренного завода Ивану Твердышеву *«указа об отыскании по рекам Кинелю и Кинельчику медных и протчих руд»*; места эти располагаются в 150—200 верстах к северо-западу от Каргалов.

Однако пока что о самих Каргалах во всех документах нет ни слова. Значило ли это, что Твердышевы об этом гигантском рудном поле не имели до тех пор никакого представления? Думается, нет. Уже в том же 1743 году Иван Твердышев осматривал руины заложенного в Табынске мифического Воскресенского завода, как бы желая его купить. На деле же он, по всей вероятности, предполагал купить тем самым лишь право некой преемственности — вслед за Кириловым — на разработку рудников и выплавку меди на всем Южном Урале. В первую очередь он намеревался построить завод в том горно-таежном районе Урала, что располагался гораздо ближе к Каргалам. Компаньоны начали строительство нового Воскресенского завода на следующий год, и уже в 1745 году была выплавлена первая каргалинская медь.

Дело с разведками Каргалов представляется иначе. К 1743 году Иван Твердышев, безусловно, не только ведал, где расположено это рудное поле, но и сумел оценить его громадные запасы с помощью каких-то знающих людей. Их имена? — увы, они пока что остаются, а может быть, и останутся навсегда для нас неизвестными. Сами же разведки тогда протекали, как правило, очень просто. Обычно степнякам-аборигенам показывали зеленые или синие камни (малахит и азурит) и обещали немедленно заплатить, если те покажут места, где можно набрести на такие же. Подобный «метод» оказывался самым эффективным и безошибочным при разведках медных руд фактически во всей Евразийской степи. Прекрасно знавшие свои урочища скотоводы быстро — получая взамен гроши или безделушки — приводили разведчиков к поверхностным выходам ярких по своей окраске минералов. Тем более, что, как правило, эти выходы почти всегда сочетались с древними выработками, которые служили для разведчиков самыми надежными маяками.

События развертывались крайне стремительно. Уже 21 сентября 1744 г. Оренбургская губернская канцелярия подписывает с Иваном Твердышевым контракт:

«В... 1744 году мая 15 числа в присланном ис Правительствующего Сената Указе на доношение Берг коллегии ... именем... губернатора Неплюева и бригадира Аксакова на учиненное определение ... об отдаче в Уфимской провинции заведенного стацким советником Кириловым синбирскому купцу Твердышеву завода також и обретенных во всей Башкирии промышленником руд медных протчя определено:

Заведенной бывшей при стацком советнике Кирилове пригороде Табынске медной завод для возобновления по силе Берг привилегии и регламента для показания

в той Берг коллегии еще с ним тайным советником и кавалером определено резону отдать в содержание на учиненных в том определении кондициях синбирскому куцу Ивану Твердышеву и в том с ним заключить контракт с надежными поручками по указу...»

Учитывая медлительность бюрократических процедур во все времена истории Российского государства, совершенно очевидно, что прошение об этом контракте было подано задолго до момента подписания, видимо, еще в 1743 году. В этой связи примечательно даже не то, что Ивану Твердышеву разрешили делать то, что он желал бы получить. Просил же он ни много ни мало как монопольного права на все горно-металлургическое производство на необозримых пространствах Южного Урала. Да к тому же, чтоб иным заводчикам все промыслы здесь были запрещены. Однако даже при всем весьма и весьма благосклонном к нему отношении первого высшего начальника новой Оренбургской губернии — верного воспитанника некогда молодой команды Петра Великого, «тайного советника, кавалера» и губернатора Ивана Ивановича Неплюева — этого ему не позволили. Но прошло всего несколько лет и выяснилось, что Твердышевым удалось приобрести едва ли не весь Южный Урал, и это очень немногим отличалось от запрошенного.

Видимо, тщательно скрываемые Твердышевыми и Мясниковым Каргалы становились главным, но до времени тайным козырем в планируемой ими горно-металлургической деятельности. Эти рудники ни в коем случае нельзя было обнаружить перед конкурентами, а ведь те — заводчики Акинфий Демидов и Петр Осокин — являлись весьма серьезными и могущественными соперниками. Однако Иван Твердышев тот спор выиграл, и предпринимательский нюх его не подвел. Каргалы остались за компаньонами, и тем самым их металлургия обрела долговременную и весьма прочную базу.

НАЧАЛО

Итак, в 1744—45 годах Каргалы столь же стремительно, как и пять тысяч лет назад — во времена раннего бронзового века, обретают жизнь, но теперь уже новую, вторую. Завершилась спячка рудников, длившая три тысячи лет.

И опять-таки мы сталкиваемся с некоей странностью. По всем утвержденным Берг-коллегией правилам предприниматели должны были объявить берг-начальству все приписанные к заводу рудники. Требовалась специальная процедура утверждения рудников, чтобы избежать фальшивых заявок и незаконных отводов земли. Процедура эта тем более усложнялась в Башкирии, где хотя бы номинально, но земля принадлежала башкирским родам (аймакам, тубам). Стандартный рудник всегда должен был являть собой квадратный отвод поверхности земли, где каждая сторона была равна 250 сажням (535 м), а площадь рудника приближалась, следовательно, к 0,29 кв. км. Ничего этого сделано не было. Просто на Каргалинских холмах, обозначенных древними выработками, начали добывать руду и сразу же возить ее почти за 200 км к северо-востоку, к густым лесам, что росли за рекой Белой, за ее крутую излучину, где завершалось строительство пер-

вого южноуральского завода. Не исключено даже, что в первый год руду вообще не добывали, но выбирали из бесчисленных отвалов бронзового века, где сохранялась масса богатых медных минералов. Ведь даже и в более поздних, сохранившихся в архивах записях говорится, что ее надо *«разделять чрез просеивание железными решетками»*. То был своеобразный способ позднейшего сухого обогащения извлеченных когда-то — в глубокой древности — медных руд.

С 1745 по 1748 годы Воскресенский завод работает на каргалинской руде при неоформленных там рудниках. В 1748 году Твердышев с Мясниковым делают заявку на новый — Преображенский завод, который они планируют строить уже в совсем ином месте — в 270—280 км от Каргалов, к востоку, на речке Урман Елаир — притоке Сакмары. Только в один этот год *«геодези-ученик Андрей Веселков»* обозначил 382 места рудников на Каргалах. Еще через пять лет — в 1753 году — геодезист Шулепников наметил дополнительные 100 рудников. На всех этих 482 *«местах теми отводчиками... поставлены для признаку столбы и грани и каждое место опахано сохою»*.

СТАРИННАЯ ГЕОГРАФИЯ И ТОПОГРАФИЯ

Вообще-то в таких рудничных отводах хаос был тогда, кажется, бесподобный. К примеру, почти невероятно, чтобы за один сезон (от снега до снега) *«геодези-ученик»* Веселков смог на быках пропахать сохой борозду общей длиной более 800 километров (помножьте периметр каждого рудника в два с лишним километра на число самих им опаханных рудников). И это по степной целине, да еще иногда с обнаженными на поверхности песчаниковыми породами. В договорах также говорится, что все эти рудники представлены *«в описях, ланкартах и планах обстоятельно»*.

Подобных *«обстоятельных описей»* сохранилось великое множество. Первоначально такие бумаги производят малопонятное — то ли очень странное, то ли очень смешное — впечатление. И. Твердышев и И. Мясников, к примеру, покупают у башкир в 1754 году обширные земли под Верхоторский медеплавильный завод и в купчей определяют границы этих земель:

«...начиная с устья речки Сунгура, которая впадала в реку Тор по течению с правую сторону выше завода, и итти вверх по той реке Сунгура по течению по левую сторону, и дойдя до вершин, а с вершин поворотить налево, итти сыртом подле дач Юрмартынской волости башкирцов и той команды до дач мерещятских, и тем сыртом... выйти на бугор, называемой по-башкирски Чиртили-Тюбя, и с того бугра поворотить направо, итти на вершины Чиккуль, а по-русски Сухой буярак, и по тому буяраку итти вниз по склону по левую сторону до поляны Заклана к реке Белой, и дойдя по тому буяраку до самого устья, а от устья до того буяраку поворотить налево ... через поляну ... поворотить направо, итти вверх по той же реке Нугуша по течению по правую сторону, а взойдя ... по той же стороне и дойти до устья Кульскаго, а от устья Кульскаго поворотить налево на гору Багары, а от горы Багары итти сыртом между склонов реки Нугуши и реки Тора, оставляя все торские склоны внутрь в левой руке, и вытти по тому сырту на Уй-Сак, итти по

тому Ую или долине на Кызларской караул... мимо трех колков, оставляя те колки в левой руке внутрь ... оставляя лес в правой руке, а реку Тор в левой, и выйти по той дороге до дачь Юрмартынской волости, поворотить влево к реке Тору против устья речки Сунгура, и дошедши до речки Тора против устья Сунгура речки перейти Тор, от которой вышеписанная первая межа началась».

Подобные описи, «ланкарты» и планы во многих случаях кажутся нам ныне весьма курьезными. Скажем, на одном из крупномасштабных планов рядом с разметкой рудников самого северного на Каргалах — I участка — геодезисты ухитрились вообще обозначить полосой совсем удивительное — «Уральские горы» (правда, может быть они и в реальности принимали местные невысокие холмы за Уральские горы?). Даже сегодня мы, хорошо знающие этот регион, вооруженные прекрасными картами, аэрофото- и космическими снимками Каргалов, только очень редко можем более или менее точно привязать эти старинные чертежи к конкретной местности. Трудно сказать, как ими могли пользоваться в старину, да и пользовались ли на практике? Вполне вероятно, что основная задача такой бумаги с ее раскрашенными и загадочными геометрическими фигурами — вызвать у неповащенных или мало посвященных людей некий «мистико-административный трепет». Подобные чувства вызывает, например, кажущийся нам крайне важным и серьезным документ вроде мандата от некоей загадочной организации или же какая-нибудь причудливо оформленная грамота.

Чертеж подтверждал право его владельца на владение участком земли, который никто, кроме него самого и его соседей, опознать не мог. Поэтому почти всегда на таких планах встречаются подписи целой группы заинтересованных лиц. К примеру:

«Сочинял план отводам рудника берг-геишворен Мануйлов при начерченных в плане как проидены границами рудника и оными казенными мест немало неприхвачено в чем горный писарь Чухунин подписуюсь, господина Мосолова поверенной служитель Ефим Назаров при начерченных в плане рудникам находился спору немую в чем подписуюсь, ... заводосодержателей и заводосодержательниц Господжи Козицкой и прочих общественного поверенного помошник Иван Каширин отведенными рудниками доволен в чем подписуюсь...»

Правда, обозначенные на чертежах сами владельцы этих выделенных им рудников могли и сроду не видеть. Прокопий Демидов, прожигатель громадного наследства двух его знаменитых предков, сын знаменитого своими жестокостями Акинфия Демидова, в ответ на запрос Берг-коллегии о недостатках организации работ на его заводах сообщил в 1763 году с поистине античной лапидарностью:

«В тамошних заводах быть мне не случалось и затем, какие оные заводы имеют тягости, и какое к тому воспомоществование потребно, — ныне я показать не могу».

Опознавали же эти участки и договаривались между собой об их разграничении лишь приказчики владельцев. Кроме того, множество рудников из числа обозначенных на такого рода планах и описаниях могло и вообще никогда не эксплуатироваться, а из числа рудников, попавших в самые разнообразные реестры горных канцелярий, огромное их количество (буквально сотни!) оказывались совершен-

нейшей фикцией. Так проявился своеобразный вариант вечной российской идеи гоголевских «мертвых душ» и в горном деле!

Только после работ 1753 год, проведенных геодезистом Шулепниковым вместе с вероятной маркировкой заявленных 482 рудников, эта земля, наконец, была официально откуплена у старшин пяти башкирских волостей. Купчая была оформлена лишь в 1754 году, но к тому времени питались целиком каргалинской рудой уже пять металлургических заводов, разбросанных по обширным горно-таежным областям Южного Урала. Однако напрасно было думать, что в этих договорах речь шла лишь о 140 квадратных километрах, что покрывали площадь обозначенных рудников. Нет, всего за 200 рублей Твердышев и Мясников выкупили у башкир несколько тысяч (!) квадратных километров. Башкирские старшины уступали компаньонам

«...и их наследником к медным их заводам впрок без выкупу и бесповоротно в вечное владение из старинных отцов наших и дедов вотчин те места, где они, заводчики Твердышев и Мясников, отыскивали медные руды в землях наших, состоящих подле рек Яику, Сакмары и Белой и подле впадающих в них речек, а именно: Верхней и Средней Каргалы, по Карамалю и по Салмыжу и Янгизу, Ашик-Темиру, Кумбетю, по Юшатырю, Тогус-Темирам, Абиулгану, по Кургазе, по Кизлаиру, по Замзе, по Минусу, по Нижней, Средней и Верхней Чибилнам, по Ику, по Пашле и по впадающим в те речки речкам, ключам, буеракам, долам, розсошам и склонам, и между тех речек по сыртам и по склонам».

Обратите внимание на точность географической маркировки и в этом основном документе.

Пройдет несколько лет, и с фантастической скоростью богатеющие компаньоны скупят на Южном Урале около 15 тысяч квадратных километров земель, что равно половине площади современной Бельгии. Кажется, что вторую половину «своей Бельгии» они закупили уже в прочих регионах России. Вскоре в их руках окажутся также неисчислимые богатства горы Магнитной на Южном Урале, ставшей вслед за Каргалами их вторым «китом». И на этих прочных опорах возвышалось здание их необъявленной империи.

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО СТАРЫМ ШУРФАМ

Итак, Твердышевы и Мясников сделались законными владельцами Каргалов, очень быстро выделив на всем этом громадном рудном поле 482 рудника. На самом деле, по крайней мере до Пугачевской войны, все эти подразделения рудничных отводов, вероятнее всего, были фиктивными. Хозяин — Иван Твердышев — крепко держал всё в своих руках, его помощники и компаньоны-родственники не внушали опасения. Поэтому работа шла слаженно. Правда, в старых названиях и в мелких топонимах вплоть до недавнего времени по странной случайности запечатлелись имена владельцев: Старо-Твердышевский, Мясниковский рудники. Вели добычу там, где хотели и где по признакам руда казалась старателям наиболее богатой, а также легче всего доступной. Почти наверняка самые первые разработки попросту продолжали те древние «штолъны», каковые и до тех пор прекрасно сохраня-

лись и «нимало не осыпались». Ведь заводчики пребывали в восхищении от умения «давешних» штейгеров вести рудокопные работы, и следы их проходок вряд ли обманывали наших предпринимателей. *«Древние здешних мест обыватели в горных делах, а наипаче в плавке меди, в свое время великие и сильные имели промыслы... Тут в старину с таким искусством горная работа производилась, что и нынешние штейгеры и горные служители лучшие того не делают...»*, — разъяснял Яков Твердышев, тогдашний директор медеплавильных заводов, куда транспортировалась каргалинская руда.

Каргалы не были уникальны в этом отношении. Так или примерно так обстояло дело и на Среднем Урале, и даже на Алтае. Еще до открытия Каргалов, в 1734 году, российская экспедиция, в составе которой находился химик и натуралист Иоганн Георг Гмелин, посетила Кольванский завод Акинфия Демидова и приписанные к нему медные рудники близ Усть-Каменогорска. Гмелину бросилось в глаза, что *«...шурфовать жилы здесь не составляет труда, так как при этом следуют по шурфам, сделанным в незапамятные времена... древними жителями. Кто были древние жители, не так то легко можно сказать. Это не могли быть калмыки, которые и по сегодняшний день не умеют даже толком плавить руду... Трудно найти здесь такое место, где не было бы этих древних шурфов»*.

Владельцы Каргалов ведь тоже отмечали, что «достаточного искусства» владеть горно-металлургическим промыслом «в татарских народах» на Южном Урале не наблюдалось. А иначе разве были бы проданы за какую-то смехотворную сумму все сокровища Каргалов?

Рудная работа в недрах велась так же, как и в бронзовом веке. Вот только орудия горняков — клинья, кайла, лопаты — были железными. Богатые линзы и гнезда минералов также искали очень похожими способами: главным качеством здесь становился специфический «нюх» рудознатца. Однако кадровых профессионалов-горняков необходимо было еще вырастить. Пока же основной контингент представлял собой полукрестьян-полугорняков. Рудокопы XVIII столетия забирались в каргалинские недра намного глубже, нежели в далекие от них «бронзовые» тысячелетия. Поэтому и работать на глубине, и вытаскивать руду на поверхность стало много труднее: ведь «механизация» извлечения руд была весьма сходной с древнейшей.

КРУГОВАЯ ПОРУКА

По крайней мере в течение первых десятилетий на Каргалах процветал своеобразный «вахтовый» способ отработок. Например, в 1766 году брат главы всей компании, директор заводов и рудников Яков Твердышев заключает кабальный договор с крестьянами двух сел, которые задолжали компаньонам *«...за непоставку из Илецкой Защиты до Ашкадарской пристани казенной илецкой соли казенных денег 512-ти руб. с одною половиною копейки, да прежде сего от него ж, Твердышева, нами ж в разные времена под разные заводския работы на необходимые наши нужды, яко то для обзаведения домов и домовою нашею экономии и платежа подушных денег, одолжение все мы на себе имели, которых по сие еще заработать не могли... всего на обоих вышеписанных 1440 руб. 22 коп. с половиною. Которыя*

обязуемся мы ему, Твердышеву, при состоящих по речкам Каргалам медных ево рудниках зарабатывать...»

Обе деревни эти были расположены на реке Белой и от Каргалов километрах в 180—200. Оттуда на Каргалинские рудники уходили на шесть с половиной месяцев десятки мужчин. Общинная система предполагала коллективную ответственность за этот долг, круговую поруку:

«По наступлении ж... 1-го числа октября все мы повинны для зарабатывания означенных взятых нами денег на помянутых Каргалинских ево, Твердышева, рудниках в работу действительно вступить и находиться по 15-е число апреля того ж году. А по наступлении оного числа отпускать нас ему, Твердышеву, для произвождения хлебопашества в наши дома, где и находиться чрез все лето, а ему, Твердышеву, во все сие время к работе нас не принуждать. А как по числу толь многого на нас одолжения чрез одну зиму заработать мы не можем, то долженствуем мы вышеписанные работы продолжать в такия ж времена ежегодно, пока все оное число денег действительно нами заработано будет... Вышеписанное число денег во взятые нами означено генерально, а как одному из нас против другого на платеж в казну вознадобится взять меньше, а некоторым больше, то, кто сколько из оных денег взял, для розчету каждой из нас за рукою ево, Твердышева, прикащика, имеем по билету, по которым каждой и должен свою часть зарабатывать. Однако во взятые оных денег обязуемся порукою все друг по друге с таким обязательством: ежели кто из нас волею божию умрет или збежит, за тех должны зарабатывать все обществом или деньги заплатить...»

Отработали ли эти деревни свой долг, мы не знаем, хотя поверить в такое весьма и весьма трудно. Уж слишком тяжелыми были работы в шахтах, их условия крайне жестокими, а плата совсем невеликой. По 13 рабочих часов в день, под землей, за восемь копеек и без какой либо гарантии:

«На рудниках быть нам при добыче медных руд и работать по указанию ево, Твердышева, прикащиков и нарядчиков по горному обыкновению, как при тех рудниках работа издавна происходит, что и нам ведомо, где можно уроком, а где не мож, то и без уроку. И за ту работу зачитать нам ему, Твердышеву, на каждой день или урок по 8-ми коп. А буде кто из нас за болезнь или за другим чем некоторое время в работе не будет, оных прогульных дней, равно и проходных из доимов наших до рудников и с рудников до домов в число работных не почитать, и за оные, также и праздничные дни платы не требовать. По неравенству ж дней работать нам, в которых время ни случилось, и быть действительно в работе 13 часов, не включая в число оных обедов и завтраков. Естли кто данного урока за леностию или невозможностью одним днем не выработает, то должен зарабатывать на другой день, не требуя особливой платы».

Коллективная ответственность «вахтовых» горных рабочих влекла за собой и еще более тяжкие, даже позорные последствия круговой поруки. Даже беглых односельчан горная стража ловила за счет общества:

«В случае ж произвождения между нами ссор, драк или кражи разбирательство, а виновным и наказание чинить ево ж, Твердышева, прикащику, а нам тем разбирательством быть довольными и прозьбы в том не производить. Естли кто

из нас, вступя в работу, за леностию бежит, для сыску таковых посылать нам, нанимая своим коштом и чиня по согласию нашему в присутствии ево, Твердышева, прикащика наказание, паки в работу представлять».

Рудничная контора обычно имела казну и магазин, откуда по завышенным ценам горнякам отпускали нехитрый провиант. Конторы на Каргалах являли собой тип малых крепостей, снабженных даже пушками; там же сидела и жестокая горная стража, которую, как мы видим, оплачивали сами пришлые горняки.

Мы почти ничего не знаем о том, в каких условиях жили на Каргалах эти — связанные жесткой и унижительной круговой порукой — рудокопы поневоле. На сыртах, в непосредственной близости от шахт сохранилось много следов довольно жалких их обиталищ. Мы пока что не успели раскопать ни одно из них. Однако внешнее впечатление таково, что они, скорее, будут похожи на жилища-норы бронзового века начального периода заселения селища Горный, чем на тот более поздний обширный комплекс с относительно удобным и просторным жилым отсеком, что погиб в результате нападения и пожара.

И вновь, как и в иных случаях, спешит нам здесь на помощь сочинение «генерала-маеора Вилма де Геннина» — большого поклонника писать бесчисленные письма и самые разнохарактерные инструкции:

«Хотя в Германии обыкновенно есть в горах работать шахтами в день и в ночь, то там zelo хорошо, понеже у них там дерволные хешворны и штеигеров, тако ж иные работники уроком саженым или числом мерою. И такового порядку здесь учинить еще невозможно и противно его императорского величества интересу, для того: первое, ежели им за пудовое число или за меру за руду платить денги, то они еще не обучены и таковых охочих людей не будет; другое, станут мешать ишфер, которои не годен, з доброю рудою для получения себе болишей прибыли, а смотреть над всяким ко оному делу надобны люди искусные к горному делу, которых у нас еще нет; третье, в Германии всякои штеигер имеет свою работу или имеет унтер-штеигера, то может усмотрит, а у нас штеигеров столко не обретається, чтоб над работниками смотреть. И хотя поутру штеигер наш усмотрит, что мало выработано и за то станет их бить, однако тем убыток не возвратится, а как их оскорбиши наказанием, то они на другой день работать свободно не могут. Четвертое, в Германии горные люди, когда они из ночных шахт выходят, то имеют они свои квартиры и покои, а у нас, когда в ночь работав и придет к мужику для покоя, то в тех избах многолюдство, и работают, и по утрам избы топят рано, и от того дым бывает, что покоя никто иметь не может. Того ради повелевают для лутчего его императорского величества интересу, чтоб штеигеры и прочие ученики и наемщики ходили на работу по утру, по полуночи в начале пятого часа и работали по полудни до осмаго часа, то оная работа прибылее будет, а отпушать их есть в указанные часы, толко, чтоб всяк двенацать часов в сутки работал».

Большой сторонник тех порядков, какие он наблюдал в Германии, де Геннин, тем не менее, ночную смену на уральских шахтах совсем не рекомендует. Ведь в Германии горняки имеют свои квартиры и покои, где и отдыхают. Здесь же — в чужих избах многолюдство и угар, так что отдыха никакого. А от утомленного

человека проку для «интересу ея императорского величества» никакого не увидишь, даже если штейгер и будет лупить его с самого утра. Наверное, такую же картину можно было наблюдать и на каргалинских приютах твердышевских горняков. Вот только работали они под землей не по 12, а по 13 часов, притом «не включая в число оных обедов и завтраков».

Видимо, широко распространенная дурная слава об уральских рудниках побудила А. Герцена сравнить их с аракчеевским детищем, что для российского демократа являлось самым чудовищным:

«Канцелярия Аракчеева была вроде тех медных рудников, куда работников посылают только на несколько месяцев, потому что если оставить долее, то они мрут».

ДАЛЬНИЙ ПУТЬ К ЗАВОДАМ

Руду извлекали на поверхность, потом «обогащали» ее всухую, ныне уже при помощи железных, а не каменных молотков. Так было в самом начале работ на Каргалах, такое продолжалось вплоть до полного истощения руд. В конце XIX века специалисты об этом писали:

«Обогащение же руды на месте на вашигерах кажется невозможным при недостатке воды в Каргалинской степи; по крайней мере сделанные опыты не привели к удовлетворительным результатам, и мы пока принуждены довольствоваться обогащением руды вручную молотками».

Затем ее необходимо было доставить на далекие заводы. Вообще за 150 лет функционирования Каргалов в позднее время насчитывалось до восьми или девяти медеплавильных предприятий, которые либо по преимуществу, либо же полностью зависели от каргалинской руды. Самый ближний из них Воскресенский — он же завод-«пионер», а также рядом расположенный Верхоторский — заводы отстояли от Каргалов на 190—210 км; подальше находилась группа самых южных заводов — Преображенский, Кананикольский, Покровский, Вознесенский — примерно 225—280 км; Богоявленский и Архангельский заводы на Белой располагались еще дальше — около 300 и 400 км соответственно; самым удаленным — до 500 км — являлся Благовещенский завод. Еще дальше на северо-восток отстоял Катав-Ивановский железоделательный завод, правда, с единственной лишь медеплавильной печью; однако нам неизвестно, доставляли ли в эту даль руду с Каргалов.

Следовательно, на телеге летом или же на санях зимой возчик должен был проделать путь в среднем не менее 250 км до завода и столько же обратно. Иначе говоря, одна ездка покрывала полтысячи километров санного или колесного пути. В день делали не более 25—30 км, что занимало от 8 до 10 дней только в одном направлении. Максимальный груз на одной подводе или санях не превышал 25—30 пудов, т. е. 400—480 кг (летом — меньше, зимой — больше).

Владелец и управляющий Благовещенским заводом Д. Дашков так характеризовал этот архаичный способ транспортировки, особенно диковинный для 80-х годов XIX века, когда руда на Каргалах подходила к концу:

«Перевозка эта... делается вся гужом; зимою отчасти выручает [заводы] их собственное население, поставленное в зависимость от заводоуправлений недостатком лугов; отчасти извозом занимаются башкиры и чувашки, населяющие местность между Каргалой и Стерлитамаком. Один Благовещенский завод не находит никакой помощи в богатом своем населении, променявшем заводское дело на земледелие, торговлю и мелкую промышленность.

Местность от Стерлитамака до Уфы также мало представляет средств к перевозке руды, так как густота населения и усиленное земледелие уменьшили прежнюю конную силу башкир. То же явление в близком будущем повторится южнее Стерлитамака, но пока еще зимний провоз большой массы руды там возможен, сообразно этим обстоятельствам Благовещенский завод вынужден перевозить ее гужом до одной из бельских пристаней ниже Стерлитамака (между ним и Табынском) и оттуда сплавлять весной по реке Белой до завода».

Однако здесь нам совершенно необходимо ненадолго прерваться и слегка отступить в сторону от основного изложения.

ОТВЛЕЧЕНИЕ В МИР БОЛЬШИХ ЧИСЕЛ

Рассматривая Каргалы в самых различных ракурсах, мы все время не можем вырваться из плена каких-то избыточно больших чисел: здесь и 35 тысяч выработок, и 250 миллионов тонн извлеченной на поверхность и перелопаченной породы, и бесчисленные массы переплавленной руды... Миллионы тонн медных минералов перевозились на многие сотни километров, а из этого как бы вырастают новые миллионы, но уже «тонно-километров». Оперировать во всех расчетах подобного рода мы можем, конечно, достаточно грубыми и приближенными цифрами, но принципиальные результаты от этого не изменяются.

Итак, конный башкирин или чуваш грузил на подводу или сани от 320 до 400 кг отобранной руды и отправлялся в дальний путь (зимой поклажа была весомей, летом — полегче). В возчики руды принимали лишь двуконных, а то и «трехконных». Одна, а может даже и две лошади двигались в запасе: путь ведь дальний и тяжелый. На ближний — Воскресенский завод воз с рудой прибывал на седьмой—восьмой день; до дальнего — Архангельского — приходилось добираться примерно полмесяца. Обратный путь, если поклажи не было, занимал поменьше времени. Это были настоящие «челноки» XVIII—XIX столетий.

Средний путь доставки руды на заводы равнялся не менее 250 км, и столько же обратно. Стало быть, одна ездка обходилась в полтысячи верст. Для перевозки одной тонны руды — опять-таки в среднем — воз или сани должны были проделать примерно 1300 км. Поскольку с Каргалов на заводы в поздний период эксплуатации этих рудников перебросили до пяти миллионов тонн руды, то все перевозившие руду «экипажи» суммарно преодолели не менее шести — шести с половиной миллионов километров! Эти цифры возносят нас прямо-таки в астрономические выси. Мы можем оценить также и количественный порядок числа поездок с этой рудой: всего около одного миллиона трехсот тысяч. Поскольку каждая из таких

«командировок» в среднем требовала около 20 дней, то суммарное число этих своеобразных «коне-дней», видимо, превышало 50 миллионов!

Опять-таки здесь необходимо приостановить себя, предвидя вероятное недоумение: а зачем все подобного рода расчеты, к чему это жонглирование головоломными цифрами? Счет ради счета? Или же эти мало правдоподобные, многонулевые цифры должны вызывать у нашего читателя восхищение?.. Ответ прост: мы лишь стремимся приподнять завесу над затратами общественной энергии — той энергии, что вкладывали люди, оставаясь в рамках традиционной архаической модели горно-металлургической деятельности. Ведь она в сущности восходила к бронзовому веку. И такие затраты по своей нелепости и несовершенству выглядят чудовищными.

Но продолжим данную тему. Если соотнести число «человеко-коне-дней» со всей хронологической протяженностью позднего периода Каргалов, то выяснится, что в среднем каждый день в своих челночных маршрутах должны были находиться около тысячи лошадей с возницами. Но это в среднем. В реальности же полностью выпадали до четырех «неездовых» месяцев весенней и осенней распутицы. Пиковыми же сезонами становились зимний и летний. Вот тогда максимальное количество лошадей в таких маршрутах вполне могло достигать трех-четырёх тысяч. И это только лошадей-рудовозов, но ведь были и другие.

Я вообще склонен думать, что в реальности их могло быть даже больше, и вполне вероятно — намного больше. Ведь наши расчеты строятся, как бы исходя из предположения, что все животные и возницы здоровы, да и погода нормальная. Ну, а если закрутил свирепый степной буран, или же обрушились стеной ливни, превратившие дорогу в болотистое месиво?.. Но ведь, без всякого сомнения, все эти погодные неурядицы, равно как и больные животные, а также занемогшие люди увеличивали — и очень существенно — грубо просчитываемое нами число «человеко-коне-дней».

Если эскизный набросок полотна «астрономических» чисел соответствует истинному хотя бы приближенно, то за ним прорисовываются контуры весьма разветвленной инфраструктуры горно-металлургического производства, покрывавшего громадную площадь в несколько десятков тысяч квадратных километров, — инфраструктуры, которая была ориентирована на добычу руды и производство меди на Южном Урале. Но тогда в рамках этой инфраструктуры обязана была поддерживаться (хотя бы в грубом варианте) система дорог, какая-то — пусть несовершенная, но сеть станций и постоянных дворов, где извозчики и лошади могли подкормиться и как-то передохнуть, укрыться от непогоды. Ведь без этого вся система снабжения завода рудным сырьем разрушалась бы. Уже знакомый нам Д. Дашков писал по этому поводу:

«Отыскание сырого материала зависит прямо от случайности, доставка его на место переработки требует большой затраты капитала и полгода времени, а на Благовещенском заводе и более, так как руда приходит туда в такое время, когда и руки дороги, и работы при печах утомительны, и потому обыкновенно ожидает следующей зимы на заводской плотине».

Более трех четвертей руды с Каргалов к заводам направлялось по одной дороге — той, что вела к южной излучине реки Белой; далее пути могли уже расходиться. Нагрузка от постоянного присутствия такого числа лошадей на эти участки путей требовала создания громадных запасов продовольствия. Средняя по размеру лошадь потребляет в день до 5—6 кг сена и соломы, а также 4—5 кг овса или ячменя. Четыре тысячи лошадей в день уничтожали до 20—22 тонн сена/соломы, а также 16—20 тонн зерна. Теперь вы можете сами пусть грубо, но вообразить необходимые запасы кормов, скажем, только на один зимний сезон!

Затраты общественной энергии на все эти — в целом посторонние, а в наше время именуемые накладными — расходы, буквально добивали и без того хиревшее производство. Столь охотно цитируемый нами Дашков с тяжелой грустью замечал:

«По данным, бывшим у меня в руках в половине шестидесятых годов [XIX века], провоз медной руды в виде балласта из Австралии к берегам Англии, где она проплавляется, стоит вполонину дешевле провоза руды с Каргалинских рудников до Благовещенского завода; если принять во внимание, что в Англии плавка ведется на минеральном топливе — у нас на древесном угле, то невозможность конкуренции очевидна».

Итак, крайне устаревшая архаичная технологическая модель породила еще один — кажущийся уж совсем безумным — парадокс: медную руду оказалось намного дешевле доставлять из Австралии в Англию — а это более 22 000 километров, чем с Каргалов до их «родных» южноуральских заводов.

ЗАВОДЫ

Ранее мы уже говорили, что технология выплавки меди в бронзовом веке, с одной стороны, и в XVIII—XIX столетиях отличалась не в принципе, но в деталях. Конечно, если бы мы попали на заводы Твердышева после землянок бронзового века, то нашли бы очень много различий. Прежде всего, пруды, откуда вода, сливаясь по желобам, крутила приводы к воздуходушным мехам. Медеплавильные печи были существенно крупнее и совершеннее. Но, повторим, архаичный принцип «древесноугольной плавки окисленных медных руд» оставался неколебимым.

Кстати, это ведь только со времен В. де Геннина оборудование металлургических заводов приобрело более совершенный вид. До тех лет все медеплавильни даже внешне немногим отличались от древнейших. Один из наиболее авантюрных искателей сокровищ, человек, который ранее всех стремился проникнуть на Южный Урал и опередить предполагаемых конкурентов, купец Федор Молодой в 1713 году на казенные деньги соорудил в окрестностях Кунгура заводик:

«Амбар забран заплотом в столбы, покрыт драньем, в том амбаре складено кирпичных три горна и 6 печек, в которых плавят медь ручными мехами, да горн, в котором перепускают медь начисто».

Спустя 14 лет де Геннин весьма сердито изъяснялся по поводу этих сооружений:

«А которые прежде сего от воевод медные плавильны ручные при Кунгуре, а водяные на реке Мазуевке были построены, и те ни к чему годные сделаны, и не в

удобном месте, и совсем пропали, а те которые оное дело завели собою, более от недоумения, толко от их нарядов мужикам немалая была тягость».

Твердышевские заводы имели вид уже гораздо более «приличный». Спустя 24 года после основания Воскресенского завода его посетил известный путешественник академик Петр Симон Паллас:

«Заводское строение, при котором находится несколько сот жилых домов и церковь, обнесено так, как и все в тамошней стороне заводы, деревянную крепостию из лежащих бревен наподобие неправильного многоугольника с башнями и батареями. В верху крепости есть пруд, из которого подведена вода в завод по длинному, в 750 сажен и тесом сплоченному каналу для приведения мехов и протчих машин в действие. В заводе 7 плавильных печей. Добывание, возка руды с Каргалинских рудников, сожжение угольев и отправляемая по большей части крепостными людьми заводская работа требуют небольшого изжидения...»

Завод	Годы производства	Всего лет деятельности	Тысяч пудов	Доля (% %)	Тонн меди
Воскресенский	1745—1795	150	1700	21,6	
Верхоторский	1759—1913	153	1600	20,3	
Богоявленский	1752—1887	135	1300	16,4	
Архангельский	1753—1891	138	1100	14	
Преображенский	1748—1884	136	1150	14,5	
Твердышевские заводы (всего)			6850	86,8	109600
Покровский	1758—1773	16	30	0,3	
Благовещенский	1757—1897	140	610	7,7	
Вознесенский	1756—1773	17	47	0,5	
Кананикольский	1753—1868	115	370	4,7	
Всего			7907	100	126512

Братья Твердышевы с Мясниковым построили пять медеплавильных заводов (в приводимой здесь таблице они обозначены первыми). Кроме того, в 1768 году они купили Покровский завод, построенный заводчиком Герасимом Глазовым в «кумпанстве» со знатным столичным вельможей графом А. И. Шуваловым; однако покупка оказалась неудачной. Вознесенский завод тоже строил видный петербургский вельможа барон Карл фон Сиверс. Кананикольский завод принадлежал известным уральским заводчикам братьям Мосоловым. Самый же отдаленный от Каргалов Благовещенский завод, правда по не очень точной документации, был построен братом Ивана Мясникова — Матвеем; стало быть, по родственной линии он также примыкал к клану Твердышева-Мясникова. Позднее им владело семей-

ство Дашковых, и письма последнего его управителя — Дмитрия Дашкова мы обильно цитировали выше.

Хотя приведенные в таблице данные и не во всем отличаются примерной точностью, они достаточно показательны. На долю компании Твердышевых-Мясникова приходилось до 87% всего производства меди, а с учетом ранней выплавки на Благовещенском заводе — не менее 9/10 каргалинской меди. Участие всех прочих заводчиков в дележе каргалинского «жирного пирога» в целом уже совершенно незначительно.

Общее число выплавленной за все годы позднего периода меди превышает 126 тысяч тонн. Однако цифра эта может оказаться заметно заниженной. Ведь и тогда промышленников преследовал и мучил непременный для Российского государства кошмар «госзаказа». Его доли в разное время были различными, но почти всегда «левый» сбыт меди для заводчиков оказывался несравненно более выгодным. Поэтому значительная часть меди могла оставаться совершенно за рамками официальной статистики.

Расцвет заводов, базировавшихся на Каргалинской руде, был столь стремительным, что уже накануне пугачевской крестьянской войны, в период с 1769 по 1772 год эти заводы выплавили около четверти всей меди Российской империи. Доля поистине впечатляющая!

НАСТОЯЩАЯ ЦЕНА МЕДИ

Заводчики, по всей вероятности, скрывали не только общую массу выплавленной меди, но и ее себестоимость. К примеру, братья Твердышевы еще в 1760 году официально определяли себестоимость пуда меди в 4 рубля 85 копеек. Проверка же заводских книг компании показывала, что в реальности цена колебалась от 150 до 170 копеек — разница трехкратная! После того, как в 1772 году на частных заводах был введен централизованный надзор с участием представителя бергадминистрации, официальную себестоимость пуда металла сразу же понизили до 223 копеек, то есть более чем в два раза.

Поскольку в России главной ходовой монетой была медная, то более половины выплавлявшегося этого металла уходило на Екатеринбургский монетный двор. Отчеканенная в царствование Екатерины в копейки и пятаки цена меди возрас- тала до 16 рублей за пуд. Иначе говоря, себестоимость полученной на заводе меди отличалась от конечной цены почти в десять раз! Если же им удавалось пускать часть меди «налево», то здесь и был сокрыт основной источник феноменального обогащения наших пионеров-промышленников. Правительство знало об этом и пыталось буквально опутать всю эту отрасль самыми разнообразными налогами и обязательствами. В этот кадастр включалась и принудительная сдача в казну бесплатной десятины от всей выплавленной меди; здесь был и «госзаказ» с его фиксированными ценами, резко заниженными в сравнении с рыночными; в это входил и строгий лимит свободной продажи меди на рынке. Поэтому нетрудно было догадаться, что должны были предпринимать заводчики, чтобы получать желаемые доходы. Именно поэтому кажется, что многие из приведенных официальных цифр

могут далеко отстоять от цифр реальных: по сравнению с последними они явно занижены.

Еще одно свидетельство дороговизны меди и особой заботы об этом металле дает нам строгая рекомендация де Геннина, которую он в 1735 году направил на высочайшее императрицы Анны Иоанновны рассмотрение. Бывший генеральный Берг-директор Урала так предписывал организовывать медеплавильное и медеобрабатывающее производства:

«Гармахерские, штыковые и кришные горны огородить решетками железными или чугунными до кровли фабричной, чтоб от мастеров и от рабочих и прочих людей в меди воровства не могло происходить, и приделать к тем решеткам двери и учинить замки, и когда мастеровые и рабочие люди по утрам приходиться будут к работе, то в начале дать им меди, кому надлежит, черной, а другим гармахерской или крох и обресков и прочего надлежащее число, что можно в день переплавить, с роспискою, и угля, сколько к тому потребно, наносить, також и другие какие припасы надобны будут, те все взять в тое фабрику по утру ж, и как начнут плавить, то запереть их, мастеровых людей, в той фабрике за решетку снаружи замком, и при том быть сторожу в фабрике, а ключ иметь в канторе, чтоб им до окончания плавки не выходить и к ним також никому не входить, токмо крохи и обрески, когда в плавку прилучатца, велеть из анбаров к мастерам в фабрики отпущать весом в замкнутых ящиках, и по привозе в фабрику на горны складывать мастеру при плавильном шахтмейстере, которому при складе и пока растопитца, быть при том неотлучно, а как уже плавка окончатца, то и их надлежит отпустить по квартирам, и при выпуске их управителю с подъячим быть в той фабрике и у того мастера сплавленную медь принять весом в ящики за замки при себе и счесть, что меди переплавлено будет, то записать в приход при них, а их ис фабрики опущать с осмотром, и для того иметь повсядневную обстоятельную записку и щет. При той плавке примечать, по коликому числу у пуда меди угарает, и по тому смотреть, ежели будет хотя и излишней сверх надлежащего угару, токмо немного, то по разсуждению за угар принять можно, а и за меньшей излишней угар вычитать у них деньги по указом, а буде потому не достанет меди многова числа и угореть столько никак не можно, то следовать о том необслабно, от чего оное учинилось».

Следовательно, рабочий человек рассматривался им (да и не только им) почти как безусловный преступник и вор. Работника нужно было держать в клетке, а отпускать из «оной» только со строгим осмотром его самого и со взвешиванием меди. Интересно, на заводах Твердышева соблюдался именно такой порядок? Или же было хотя бы чуточку свободней?

Примечание: в данном приложении автор не приводил обозначения многочисленных конкретных источников, откуда были взяты цитируемые отрывки текстов. Все они расщелодочены по упоминавшейся выше использованной литературе.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Сейминско-турбинский феномен: история открытий

С археологическим металлом связано великое множество загадок. Однако крайне трудно будет найти проблему более сложную, чем сейминско-турбинская, о которой мы много говорили в главе 14, и об истории открытий ее удивительных памятников речь пойдет ниже. Трудно еще и потому, что в этом случае главнейшим, а часто и единственным материалом, с которым приходилось работать исследователям, был металл — медь, бронза, серебро или же остатки металлургического производства. Вопросы, которые встали перед археологами почти сто лет назад, не сняты и поныне. Крайне интересна и показательна сама история открытий этих древностей¹.

Находки на Сейминской дюне

23 июня 1912 г. одна из рот 37-го пехотного Екатеринбургского полка занималась саперными работами под командованием штабс-капитана А. М. Конева и поручика А. А. Гринько. Внезапно из-под лопаты одного из солдат, звякнув, выскокил странный зеленый предмет. Очистив его от мокрого песка, рядовой увидел, что держит в руках разъединенный окисью пустотелый клин. Незамедлительно он вручил предмет штабс-капитану Коневу, который после недолгого обследования установил, что найден древний медный или бронзовый топор.

Конев тотчас бросил всю роту на раскопки. Через некоторое время из темного песка извлекли еще два подобных топора, длинный наконечник копья, два ножа и кремневые наконечники стрел.

Это происходило на высокой, покрытой редколесьем песчаной дюне, вблизи станции Сейма, недалеко от Нижнего Новгорода. Здесь было сделано открытие, из-за которого вскоре разгорелись горячие споры. А пока...

А пока, к чести непосредственного начальства штабс-капитана Конева, в адрес Нижегородской ученой архивной комиссии полетело срочное донесение. Делеша возымела свое действие, и уже 4 июля того же года члены комиссии произвели осмотр местности и составили формальный акт за подписью многих лиц. Посоветовавшись, уважаемое собрание решило перепоручить археологические раскопки

¹ Основная часть текста этого Приложения извлечена из книги Е. Н. Черных «Металл— человек— время» (см. библиографию)

штабс-капитану Коневу. Конечно, штабс-капитану более пристало обучать своих солдат военному делу. Но мы еще увидим, что это был не самый плохой выбор, который сделала Нижегородская ученая комиссия.

Итак, раскопки начались, и штабс-капитан Конев непрерывно доносил в комиссию: «...*При раскопках 5, 6 и 9 июля я нашел 6 кремневых наконечников стрел разной величины и формы, 2 кремневых ножа, длиною в 2— 2,5 вершка, 2 кольца из бледно-зеленого (нефритового), камня... Затем с 16 по 22 июля мною найдено из бронзовых предметов топор, с хорошо сохранившейся орнаментировкой, два копья...*»

Справедливости ради отметим, что, хотя штабс-капитан Конев, видимо, лишь слышал о такой науке, как археология, тем не менее не был лишен археологической интуиции. В очередном донесении он писал, что во время раскопок ему встретились четыре группы вещей с повторяющимся набором: топором, копьем, ножом, кремневыми наконечниками стрел. В науке о древностях такие группы называют комплексом, и это одно из самых важных понятий в археологии. Но, кроме донесений, дневников и некоторых зарисовок, Конев не оставил нам ничего.

Вскоре раскопки штабс-капитана Конева и его солдат закончились. Уникальные вещи отвезли в Нижегородский музей.

Счастливым 1912 год

Лето 1912 г. преподнесло русской археологии еще один ценный подарок.

За 2 тыс. км к юго-западу от Сейминской дюны, близ бессарабской деревни Бородино Аккерманского уезда, крестьяне нашли в каменоломне клад серебряных и каменных изделий. Этим находкам повезло значительно больше — их в целости и сохранности переправили в музей Одессы, где они попали в руки археолога Э. фон Штерна. Великолепие Бородинского клада поразило местную археологическую общественность, и весть об этом событии «мгновенно распространилась среди русских историков первобытности. Уже в следующем, 1913 г. Штерн на Международном конгрессе историков в Лондоне сделал сообщение о блестящем открытии.

Штерн, держа в руках бородинские находки, даже не догадывался, что буквально в то же самое время солдаты 37-го полка извлекли из сыпучей Сейминской дюны наконечники копий, как две капли воды похожие на бородинские. Один из типов копий оказался особенно редким: наконечники их имели тройной стержень пера, напоминавший вилку с очень длинным средним зубом (рис. 14.3). Эти копья так и назовут впоследствии — «вильчатыми». Различались они лишь по материалу: сейминские копья были отлиты из бронзы, бородинское — из серебра.

Конец Сеймы

Между тем события развивались. Летом 1914 г. Нижегородская ученая комиссия решила продолжить археологические раскопки Сейминской дюны, в связи с чем

из далекого города Гдова ею был приглашен некий г-н Трофимов. Какие заслуги имел сей ученый муж перед археологической наукой, ведала, видимо, лишь местная Ученая комиссия.

Но так или иначе г-н Трофимов, добравшись до Сеймы, подступился к дюне с *«несколькими сотнями солдат, вызванных начальником местной дивизии из вверенных ему полков при участии гг. офицеров, членов комиссии и других лиц, прибывших в значительном количестве посмотреть на добывание древних вещей из почвы»*.

В два дня с Сеймой покончили, в результате чего *«...было добыто множество вещей»*. А еще через несколько дней в нижегородской газете «Волгарь» появился первый и единственный в своем роде «научный» отчет о деятельности комиссии, подписанный правителем ее дел Парийским. *«Это, конечно, не могильник, — сообщал свое мнение правитель дел, — а поселение, ведь костей-то не было. А если не поселение, то могильник, но особого рода, — случайный и катастрофический»*.

Сейма — Бородино — Сибирь

Деятельность Нижегородской ученой комиссии оставила нам в наследство лишь безгласную грудку медных и бронзовых вещей: копий, топоров-кельтов, ножей, каменных наконечников стрел и т. д. Погубила это открытие комиссия то ли по своему невежеству, то ли еще по какой-то причине. Но вряд ли ей не был известен В. А. Городцов, археолог уже тогда с европейским именем.

Именно Городцов, приехавший незамедлительно в Нижний Новгород, и принялся изучать сейминские находки. Тогда же он пришел к выводу, что уничтоженный памятник представлял собой древний, уникальный из-за своих металлических изделий могильник, относящийся к эпохе бронзы. Исследуя мелкие и разнохарактерные обломки керамики, он понял, что на Сейминской дюне, кроме могильника, присутствовали следы каких-то чужеродных поселений, помешавших установить, что это древнее кладбище.

Затем Городцов отметил два района, где были найдены похожие по форме на выкопанные солдатами из песка Сейминской дюны наконечники копий, топоры-кельты, — Сибирь и Бессарабию. Удивительным казалось то, что их разделяли многотысячекилометровые пространства. Создавалось впечатление, что наш выдающийся археолог нашел звенья длиннейшей, но разорванной цепи.

Шустова гора на Каме

Э. фон Штерн не знал о Сейме. Городцов знал и о Сейме и о Бородинском кладе. Но ни тот ни другой не слышали тогда еще об одном важном пункте — Турбинском могильнике, которому предстояло в будущем сыграть даже более значительную роль. Между тем находки в Турбине были сделаны на 21 год раньше, нежели в Сейме и Бородине.

Летом 1891 г. пермские археологи-краеведы С. И. Сергеев и И. Н. Глушков поднимались на лодке вверх по Каме для осмотра городища, расположенного близ

устья Чусовой. В месте, где сливаются две великие уральские реки, над огромным плесом нависает расщепленная глубокими оврагами Шустова Гора. В деревне Турбино, здесь же за оврагом, Сергеева и его спутника ждал такой невероятный сюрприз, что сначала оба археолога онемели от удивления, а потом не сразу смогли успокоиться. Крестьянин И. Якин показал им бронзовый наконечник копья со стержнем, похожим на трезубую вилку, и кельт-топор. Но совершенно потрясающее впечатление произвел на краеведов большой горбатый нож со скульптурной рукоятью, украшенной фигурками трех круторогих баранов.

«Не уступите ли их?» — спросил Сергеев, ужасно боясь отказа. — Да, пожалуй, за три рубля можно».

Денег не было, поэтому Сергеев снял с себя пиджак и оставил его в залог у крестьянина. Ошеломленные удачей краеведы сели в лодку и отплыли в Пермь, сгоряча забыв расспросить крестьянина о том, где и при каких условиях он все это нашел.

Сергеев торопился сообщить об открытии известному археологу-сибироведу Ф. А. Теплоухову. Сами вещи он переправил в Екатеринбург в музей Общества любителей естествознания. Там они и пролежали 24 года, пока сейминские находки не заставили вспомнить о них. Тогда выдающийся русский археолог А. А. Спицын опубликовал рисунок ставшего впоследствии знаменитым турбинского ножа с архаками (рис. 14.11). Как он был похож на сейминский! Только у последнего рукоять украшали не бараны, а дикие лошадки, как бы внезапно застывшие в испуге (рис. 14.7). Но в 1946 г. турбинский нож выкрали из Свердловского музея, и дальнейшая его судьба нам неизвестна. Лишь зоологи сумели внимательно рассмотреть фигурки архаков на рукояти и определили, что это вид, который никогда не встречался на Урале, но обитал в горах Алтая, Монголии или Восточного Тянь-Шаня.

Так к звеньям многотысячекилометровой цепи прибавилось еще одно: Турбино в устье Чусовой. По прямой линии на северо-восток от Сеймы до Турбина 800 км, а по воде от устья Чусовой до устья Оки путешественник должен был проделать путь в 2000 км.

«Стало ясным, — писал Спицын, — что во всех этих находках археология имеет остатки какой-то замечательной восточной культуры, простиравшей свое влияние как на запад, так и на север России, и на Сибирь».

Первые полевые научные обследования турбинских находок начались лишь в 1924—1927 гг., когда к раскопкам Шустовой Горы приступил заброшенный по воле судьбы в Пермь специалист-египтолог А. В. Шмидт. После кончины Шмидта раскопки продолжил в 1934—1935 гг. бывший его сотрудник Н. А. Прокошев. Тогда же ученые установили, что Турбино и Сейма являются остатками каких-то весьма сходных по своему характеру и материальной культуре могильников.

Но какие все же это были странные могильники! Великолепные бронзовые изделия, так непохожие на все, что археологи знали до сих пор в Восточной Европе, нефрит, месторождения которого вообще неизвестны ближе Урала. И что особенно удивительно: в могильниках отсутствовала керамика. Правда, не исключено, что в Сейме какие-то сосуды стояли в могилах, но после проведенных в 1912—1914 гг.

«исследований» узнать о них что-либо определенное не представлялось возможным.

Прошло 24 года. Холодной осенью 1958 г. с неожиданными для сентября метелями и жестокими морозами на Шустовой Горе начала свои исследования экспедиция О. Н. Бадера. Раскоп заложили рядом с тем местом, где копал Прокошев, посчитавший тогда могильник уже исчерпанным. Наконечники копий, кельты, кремневые и бронзовые ножи не заставили себя ждать. Из темного песка извлекли, наконец, и беловатый серебряный «вильчатый» наконечник копья, совсем такой, как в Бородине. Еще богаче был сезон 1959 г. А в следующем году, вскрыв уже более 5000 м², экспедиция закончила раскопки. Она обнаружила 111— как думал О. Н. Бадер — «могил», в которых, правда, ни разу не встретились ни череп, ни кости человека, ни глиняный сосуд! Виноваты ли в этом почвенные условия на Шустовой Горе или отсутствие костных остатков обуславливалось погребальным обрядом? Так или иначе, но Турбино стало самым богатым памятником этого типа.

Теперь оставим на время Приуралье с его Турбинским могильником и перенесемся на 2000 км (по прямой линии!) на восток, на реку Томь, несколько ниже Томска.

Сибирское звено сейминско-турбинской «цепи»

В 1954 г. молодой и весьма удачливый археолог В. И. Матющенко раскопал уникальное древнее поселение Самусь, на котором нашел несколько десятков литейных форм, в которых отливались похожие на «вильчатые» копья сейминского типа, а также кельтов. Не было только металлических изделий. Удалось

Рис. П.6.1. Шайтанское мелкое озеро в Зауралье. На его берегу были обнаружены следы богатого мемориала-жертвенника сейминско-турбинского типа

Рис. П.6.2. Археологические раскопы обнажили скальные выходы близ берега Шайтанского озера. Скальная основа была перекрыта очень тонким слоем наносов и дерна. На этой малой глубине залегали все бронзовые орудия и кремневые наконечники стрел

добыть лишь три невзрачных обломка. С сейминскими и турбинскими коллекциями литейные формы из селища Самусь вроде бы выглядели похожими, но вместе с тем чем-то заметно отличались от них...

Минуло 11 лет и наступил 1965 год. На археологической карте появилась еще одна точка: поселок Ростовка близ Омска на притоке Иртыша. Здесь, километрах в 800 западнее поселения Самусь, уже знакомый нам В. И. Матющенко нашел новый могильник уже определенно сейминско-турбинского типа — пятый памятник из этой серии. Все те же кельты, наконечники копий, «горбатые» или «коленчатые» ножи. На ручке одного из них фигурка лошадки, совсем такая же, как на сейминском ноже, но за нее вожжой зацепился древний лыжник и при этом присел, чтобы не упасть во время быстрой езды (рис. 14.9).

В Ростовке обнаружили уже и черепа, и кости человека, но, как и прежде, в самих могилах сосудов не было. Встречались лишь редкие небольшие обломки. Многие кости покойных оказались сожженными. Может быть, в обряде трупосожжения и кроется разгадка отсутствия черепов в Турбине? Ростовкинские же черепа оказались в такой плохой сохранности, что антропологи не «рискуют» определять их расовую принадлежность. Значит, нужно ждать других находок.

Итак, на протяжении 6000 км всего пять памятников: три очень странных «как бы могильника» в центре цепочки, а по краям — уникальный клад на западе и уникальное поселение Самусь, которое непонятно было как соотносить с классическими памятниками сейминско-турбинского облика.

И вновь Урал

Однако прошло еще четыре десятилетия после открытия Ростовки, и наука о сейминско-турбинских древностях обогатилась таким памятником, который во многом проясняет характер этого удивительного евразийского феномена. В таежном Зауралье, между Екатеринбургом и Нижним Тагилом, на берегу мелкого, небольшого заболоченного Шайтанского озера археологи — первым Ю. Б. Сериков, а вслед за ним О. Н. Корочкова и В. И. Стефанов — столкнулись с уникальным

по своему облику памятником. Раскопки начались недавно и продолжаются поныне (рис. П.6.1—П.6.3). По тщательности эти исследования на Шайтанском озере уже ни в коей мере не могут быть сравнимы с теми, что проводились ранее. Теперь начало проясняться то, что огромное большинство сейминско-турбинских памятников никак к классического типа некрополям относить невозможно. Восточные воины оставляли нам специфические святилища-мемориалы, где и не предполагались останки людей или же животных. Поэтому они не выкапывали могильных ям. Здесь

Рис. П.6.3. В таком порядке часто залежали вещи — в данном случае топор-кельт и нож — на площади жертвенника-мемориала у Шайтанского озера

на каких-то небольших площадках приносили в «жертву» бронзовые изделия — наконечники копий, топоры-кельты, ножи-кинжалы; здесь же были кремневые наконечники стрел. В сущности, все эти изделия либо оставляли на поверхности сакрального «мемориала», либо втыкали в почву до максимальной глубины 40—45 см. Именно здесь они свершали свои странные и столь непохожие на привычный для археологов стандарт обряды...

Скорее всего, именно такими и являлись квази-могильники Сейма и Турбино. И лишь только в Ростовке, да в самом северном и небольшом зауральском урочище, именуемом Сатыга, вместе с сейминско-турбинским инвентарем удалось обнаружить человеческие кости. Но то были скорее редкие исключения из общего и столь привычного для археологов правила...

...Удивительными извращениями и странными «водоворотами» характеризовалась драматическая и более чем столетняя история изучения этого поразительного сейминско-турбинского транскультурного евразийского феномена.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Аттила и западные гунны в глазах европейских историков и дипломатов

В главе 16 уже говорилось, что при воссоздании картины гуннских завоеваний в Европе обычно прибегают к трудам трех основных авторов: Аммиана Марцеллина, Приска Панийского и Иордана.

По рождению грек — **Аммиан Марцеллин** жил в IV веке и был, пожалуй, последним из крупных римских историков, написавших «Римскую историю» или же «Деяния в 31 книге». В последней из сохранившихся книг (XXXI) оказались сосредоточены все важнейшие сведения об известных автору скотовоодах-кочевниках, и в частности, о деяниях гуннов, но до появления на исторической арене их вождя — легендарной фигуры Аттилы. Именно в его сочинении представлены, пожалуй, наиболее жестокие оценки гуннов — этих пугающих свет человекоподобных чудовищ, а также не вполне правдоподобные картины из их повседневной жизни. В настоящем Приложении тексты приводятся на основании выдержек из публикации [Аммиан Марцеллин].

Приск Панийский — это дипломат, историк и писатель V столетия. Византийский император Феодосий II в 448 году направил его в составе посольства к Аттиле для попытки мирных переговоров с этой крайне мрачной для ромеев (восточных римлян или же византийцев) фигурой. По ходу посольства Приск вел подробный дневник, ставший важнейшей основой его сочинения «Византийская история и деяния Аттилы». К сожалению, этот труд до нашего времени не сохранился, и потому историки пользуются цитированием обширных выдержек из этой книги у иных древних авторов. В его произведении гунны уже не выглядят чудовищами. Напротив, это довольно обыкновенные люди, хотя и весьма чуждые для исконных европейцев по своему облику и нравам пришельцы. Фигура Аттилы также вполне заземленная; его психика, однако, уже развращена многочисленными победами и унижениями обитателей Европы — как римлян Востока и Запада, так и готских народов. Текст Приска очень многословен, насыщен мелкими подробностями, хотя именно в таких подробностях таится порой очень большой интерес; и по этой причине отказаться от них совершенно значило бы резко обеднить свидетельства исключительно ценного для нас наблюдателя. При всем том в настоящем При-

ложении описания Приска весьма существенно редуцированы; для публикации использован перевод В. В. Латышева (см. Библиографию).

И наконец, **Иордан**. Это уже пост-римский, готский историк, живший в VI столетии. Он автор крупного сочинения под названием *Getica* (в русском переводе — «О происхождении и деяниях гетов»), завершеного им в 551 г. По преимуществу в *Getica* он повествует о народах Эпохи Великого переселения и в основном о гетах (готах). Однако немалое число разделов Иордан — зачастую цитируя Приска — посвятил и Аттиле, вплоть до его нелепо-постыдной смерти и последовавшего вслед за кончиной вождя исчезновения гуннов с европейской арены. Иордан жил и писал свой труд уже тогда, когда от основных, связанных с Аттилой деяний его отделял почти столетний отрезок времени. Скорее всего, по этой причине стиль его изложения заметно отличался от творений как Аммиана Марцеллина, так и Приска. Впрочем, переводившая текст труда Иордана Е. Ч. Скржинская поясняла, что его писание «...нелегко поддается переводу на русский язык. Переводчик должен был постоянно остерегаться слишком гладких фраз, так латынь Иордана неправильна и грамматически совершенно непоследовательна» [Скржинская: 7]. Кроме оценки гуннов и их вождя Аттилы, весьма примечательными кажутся также его географические представления об отдаленном от него и загадочном восточном (степном) мире; мне показалось важным привести также и эти отрывки. Текст Иордана приводится здесь также с заметными сокращениями.

Кроме того, следует предупредить читателя, что тогдашние европейцы очень часто всех степных кочевых скотоводов, включая гуннов, по давней и восходящей к Геродоту традиции именовали скифами; а в переводе Приска Панийского гунны по какой-то причине называются даже «уннами».

Аммиан Марцеллин: гунны — злобные двуногие звери

«Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру. Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скотцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов. При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной к вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного погреть. Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробницы, далеких от обычного окружения людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду. И на чужбине

входят они под крышу только в случае крайней необходимости, так как не считают себя в безопасности под ней. Тело они прикрывают одеждой льняной или шистой из шкурок лесных мышей. Нет у них разницы между домашним платьем и выходной одеждой; один раз надетая на тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она расползется в лохмотья от долговременного гниения. Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козыми шкурами; обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути. Иной раз, будучи кем-нибудь обижены, они вступают в битву; в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не приходилось видеть, чтобы они иштурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь. Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком. Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткнут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — вдали оттуда, вырос — еще дальше. Когда нет войны, они вероломны, непостоянны, легко поддаются всякому дуновению перепадающей новой надежды, во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того переменчивы и гневливы, что иной раз в один и тот же день отступаются от своих союзников. Без всякого подстрекательства и точно так же без чьего бы то ни было посредства опять мирятся.

Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов.

И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опу-

стошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха, весьма воинственного царя которого страшались соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов. Пораженный силой этой внезапной бури, Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них; но так как молва все более усиливала ужас надвинувшихся бедствий, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью. Витимир, избранный после его кончины царем, оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений, он пал в битве, побежденный силой оружия. От имени его малолетнего сына приняли управление Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа; но тяжкие обстоятельства сломили их и, потеряв надежду дать отпор, они осторожно отступили и перешли к реке Данастию, которая протекает по обширным равнинам между Истром и Борисфеном. Когда слухи об этих неожиданных событиях дошли до Атанариха, правителя тервингов, против которого недавно, как я об этом рассказывал, выступал в поход Валент, чтобы наказать за помощь, оказанную Прокопию, он решил попытаться оказать сопротивление и развернуть все свои силы, если и на него будет сделано нападение, как на остальных. Он разбил большой лагерь на берегах Данастия в удобной местности поблизости от степей гревтунгов и в то же время выслал на 20 миль вперед Мундериха (который был впоследствии командиром пограничной полосы в Аравии) с Лагариманом и другими старейшинами, поручив им высматривать приближение врага, пока он сам беспрепятственно занимался приготовлениями к битве. Но дело вышло совсем не так, как он рассчитывал. Гунны со свойственной им догадливостью заподозрили, что главные силы находятся дальше. Они обошли тех, кого увидели, и, когда те спокойно расположились на ночлег, сами при свете луны, рассеявшей мрак ночи, перешли через реку вброд и избрали наилучший образ действий. Опасаясь, чтобы передовой вестник не испугал стоявших дальше, они ринулись быстрым натиском на Атанариха. Ошеломленный первым ударом, Атанарих, потеряв кое-кого из своих, вынужден был искать убежища в крутых горах. От неожиданности этого события и еще большего страха перед будущим он стал воздвигать высокие стены от берегов Гераза (Прута) до Дуная поблизости от области тайфалов. Он полагал, что, быстро и основательно соорудив это прикрытие, он обеспечит себе полную безопасность и спокойствие. Пока работа велась со всей энергией, гунны теснили его быстрым наступлением и могли бы совершенно погубить его своим появлением, если бы не оставили этого дела вследствие затруднительного положения, в которое их поставило обилие добычи.

Между тем среди остальных готских племен широко распространилась молва о том, что неведомый дотале род людей, поднявшись с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах рушит и сокрушает все, что попадается навстречу. Большая часть племен, которая оставила Атанариха вследствие недостатка в жизненных припасах стала искать место для жительства подалее от всякого слуха о варварах. После продолжительных совещаний о том, какое

место избрать для поселения, они решили, что наиболее подходящим для них убежищем будет Фракия...»

Приск Панийский: Аттила приземленный

[Приск начинает свой рассказ со времени до Аттилы]

«Руа, царь гуннов, решив вступить в войну со [многими] народами, жившими по Истру и прибежавшими под защиту римлян, посылает Эслу, обыкновенно служившего ему при расправах с римлянами, угрожая нарушить раньше заключенный мир, если они не выдадут всех перебежавших к ним. Римляне предположили послать посольство к (г)уннам... [Однако] Руа скончался и царская власть над уннами перешла к Аттиле и Бледе.. [Послы] прибыли в Марг [видимо, в Сербии]; это был город иллирийских мезийцев, лежавший на реке Истре [Дунае] против крепости Констанции, расположенной на другом берегу; сюда собрались и царские скифы [высшая «каста» гуннов]. Они устроили съезд вне города, сидя на конях, так как у варваров не было в обычае вести совещания спешившись; поэтому и римские послы, заботясь о своем достоинстве, явились к скифам с соблюдением этого же обычая чтобы не пришлось беседовать одним на конях, а другим пешими, и что римляне не только на будущее время не будут принимать прибегающих из скифской земли, но выдают и перебежавших уже вместе с римскими военнопленными, прибывшими в свою страну без выкупа, если не будет дано по восьми золотых за каждого беглеца приобретим их во время войны; римляне обязуются не вступать в союз с варварским народом, поднимающим войну против уннов; ярмарки должны быть равноправны и безопасны для римлян и для уннов; договор должен соблюдаться и оставаться в силе с тем чтобы со стороны римлян ежегодно уплачивалось по семисот литр золота царским скифам, а раньше сумма дани равнялась тремстам пятидесяти литрам [одна литра или либра равнялась 327,5 грамма]. На этих условиях римляне заключили договор с уннами и поклявшись отеческой клятвой, обе стороны возвратились восвояси. Перебежавшие к римлянам были выданы варварам, в том числе и дети Мама и Атакам из царского рода, которых [те] распяли во фракийском укреплении Карее... По заключении мира с римлянами Аттила и Бледа обратились к покорению народов, обитавших в Скифии, и вступили в войну с соросгами.

Скифы осадили Наисс [современный Ниш], иллирийский город на реке Данубе. Говорят, что основателем его был Константин, который воздвиг и соименный себе город у Византия [Константинополь]. Варвары, желая взять этот многолюдный и укрепленный город, делали всевозможные попытки. Так как горожане не осмеливались выступить для битвы, то осаждающие с целью устроить своим полчищам легкий переход через реку построили на ней мост с южной стороны, с которой она оттекает город, и подвели к стене машины, именно, прежде всего, лежащие на колесах бревна вследствие удобства их для подвоза; стоявшие на них люди стреляли в защитников, находившихся на брустверах, причем люди, стоявшие на обоих краях, толкали ногами колеса и подвозили машины куда нужно, чтобы возможно было стрелять с прицелом через проделанные в прикрытиях

окна; ибо для того, чтобы стоявшим на бревнах людям можно было сражаться безопасно, эти машины, прикрывались плетнями из прутьев с кожами и шкурами для защиты как от прочих снарядов, так и от огненных, которые бросали в них враги. После того, как было построено таким образом большое количество орудий против города, так что защитники на брустверах принуждены были податься и отступить перед множеством метательных снарядов, стали подвозиться и так называемые бараны. Это также очень большая машина: это было бревно, свободно висевшее на цепях между склоненными один к другому брусьями и имевшее острый наконечник и покрывки, устроенные вышеуказанным образом, для безопасности рабочих. Именно люди сильно натягивали его канатами с заднего конца в противоположную сторону от предмета, долженствовавшего получить удар, и затем отпускали, так что от силы удара уничтожалась вся подвергшаяся ему часть стены. Стоявшие на стенах защитники в свою очередь бросали заранее для этого приготовленные тележные камни, когда орудия подвозились к ограде, и некоторые из них разбили вдребезги вместе с людьми, но против множества машин сил их не хватало. Осаждавшие подвозили и лестницы, так что город был взят после того, как в иных местах стена была разбита баранами, а в других стоявшие на брустверах принуждены были отступить перед множеством машин, и варвары пробрались в город через разбитую ударом барана часть ограды, а также и по лестницам, которые подвозились к не упавшей еще части стены.

Когда скифы во время ярмарки напали на римлян [в 442 г.] и многих перебили, римляне отправили к ним послов, обвиняя их во взятии укрепления и пренебрежении к перемирию. Скифы отвечали, что в этом деле они не были зачинщиками, а только оборонялись; ибо епископ города Марга, явившись в их землю и обыскав находящиеся у них царские гробницы, похитил положенные в них сокровища; и если римляне не выдадут его, а также и беглецов согласно договору, ... то они начнут войну... Переправившись через Истр, [гунны] опустошили по реке множество городов и укреплений, в числе которых взяли и Виминаций, город иллирийских мезийцев. После этого, когда некоторые стали говорить, что следует выдать епископа маргского, чтобы из-за одного человека не навлекать опасности войны на всю римскую державу, то этот человек [епископ], подозревая возможность своей выдачи, тайно от горожан пришел к врагам и обещал предать им город, если скифские цари дадут ему приличную награду. Они отвечали, что осыплют его всякими благами, если он приведет в действие свое обещание. Обменявшись рукопожатиями и клятвами в исполнении сказанного, он возвращается на римскую землю с варварским полчищем и посадив его в засаду против берега, ночью поднимает его условным сигналом и предает город врагам. Когда Марг был опустошен таким образом, могущество варваров еще более возросло.

При императоре Феодосии младшем [Феодосий II, 408—450 гг.] унский царь Аттила, собрав свое войско, послал к императору письмо [в 442 г.] с требованием, чтобы к нему немедленно были высланы беглецы и дань, которые не были выданы под предлогом этой войны, а для улаживания вопроса о будущей дани были присланы к нему послы для переговоров; он прибавил, что если римляне будут медлить или готовиться к войне, то он даже при желании не в состоянии будет

удержать скифские полчища. Прочитав это, царедворцы сказали, что никоим образом не выдадут прибежавших под их защиту, но с ними вместе выдержат войну, и решили послать послов для разрешения недоразумений. Когда до Аттилы дошло решение римлян, он в гневе стал опустошать римскую землю и, разрушив несколько укреплений, приступил к огромнейшему и многолюдному городу Ратиари [крупный пограничный город Византии на Дунае]...

...После битвы римлян с уннами при Херсонесе [447 г.] был заключен мирный договор при посредстве посла Анатолия. Они помирились на том, чтобы уннам были выданы беглецы и дано было шесть тысяч литр золота согласно прежним условиям; ежегодная дань была условлена в две тысячи сто литр золота... Римляне не должны были принимать ни одного варвара, бежавшего к ним. Римляне притворялись, что добровольно заключают такой договор; но на деле они, благодаря необходимости и отчаянному страху, который обуял их начальников, стремились к заключению мира и готовы были принять всякое, даже самое тягостное требование; поэтому они согласились на условия дани, весьма для них тяжкие, так как их доходы и царские сокровища были растрочены не на дело, а на бесцельные зрелища, безрассудную пышность, распущенные удовольствия и другие расходы, которых ни один благоразумный человек не выдержал бы даже при благоприятных обстоятельствах...

Когда евнух Хрисафий уговорил Эдекона [бывшего телохранителя Аттилы] убить Аттилу [448 г.], император Феодосий и магистр Марциалий на совещании о предстоящих делах решили отправить послами к Аттиле не только Бигилу, но и Максимиана [в качестве императорского посла] с тем, чтобы Бигила, под видом исполнения должности переводчика, делал все, что прикажет ему Эдекон...

...Император писал [вождю гуннов], что не следует Аттиле, нарушая перемирие, высаживаться на римскую землю; «а беглецов, сверх выданных уже, и отправил к тебе семнадцать, так как других нет»... Кроме того Максимиану было приказано сказать на словах Аттиле, что не следует ему требовать, чтобы к нему приходили послы высшего достоинства, так как это не делалось ни при его предках, ни при других владетелях Скифии, а бывали послами первый попавшийся солдат или вестник, ... и Аттиле неприлично было бы после опустошения Сердики [на месте современной Софии] прибыть в нее с лицом консульского звания. Максимиан просьбами убедил меня [Приска] сопровождать ему в этом посольстве.

И вот мы, совершая путь вместе с варварами, приезжаем в Сердику, стоящую от Константинополя на тринадцать дней пути для хорошего пешехода. Остановившись здесь, мы сочли приличным пригласить на обед Эдекона с сопровождавшими его варварами. Купив у туземцев овец и быков и зарезав их, мы приготовили обед. Когда во время пира варвары стали восхвалять Аттилу, а мы — императора, Бигила сказал, что несправедливо сравнивать бога с человеком, разумея под человеком Аттилу, а под богом — Феодосия. Унны обиделись на это и, понемногу разгораясь, стали сердиться. Мы перевели разговор на другой предмет и старались любезностью смягчить их гнев...

...Прибыв в Наисс, мы нашли этот город лишенным населения, так как он был разрушен неприятелями; лишь в священных обителях оставалось несколько одер-

жимых болезнями. Мы остановились немного выше реки на чистом месте, так как весь берег был покрыт костями убитых на войне... После трудной дороги мы вышли в болотистую равнину. Варвары-перевозчики приняли нас и перевезли через реку [т. е. Истр] на челноках-однодеревках, которые они изготавливают сами, срубая деревья и выдалбливая их. Они приготовились не ради нас, а уже раньше перевезли толпу варваров, которая встретилась нам по дороге, так как Аттила хотел перейти на римскую землю под предлогом охоты. Это было для царственного скифа приготовлением к войне под тем предлогом, что не все беглецы были ему выданы. Переправившись через Истр и пройдя с варварами около семидесяти стадиев, мы принуждены были ждать в одной равнине, пока Эдекон со своими спутниками не возвестил Аттиле о нашем прибытии. Вместе с нами остановились и провожавшие нас варвары. В сумерки, когда мы сидели заужином, послышался топот приближающихся к нам коней. Это прибыли два скифа с приказанием отправиться к Аттиле. Мы предложили им сначала поужинать с нами, и они, сойдя с лошадей, получили угощение, а на другой день показывали нам дорогу. Когда мы в девятом часу дня [три часа пополудни] прибыли к шатрам Аттилы, которых было у него очень много, и хотели поставить наши шатры на холме, случившиеся тут варвары не позволили этого, так как шатер самого Аттилы стоял в низине. Когда мы остановились, где указали скифы, к нам пришли Эдекон, Орест, Скотта и другие знатные у них лица с вопросом, с какой целью явилось наше посольство. Пока мы удивлялись этому странному вопросу и переглядывались друг с другом, они продолжали настаивать на ответе. Наконец, мы сказали, что император приказал объяснить эту цель Аттиле, а не другим; тогда Скотта с сердцем отвечал, что таково приказание их повелителя, — ибо они не пришли бы к нам ради своего любопытства. Мы отвечали, что нет такого обычая относительно послов, чтобы они, не представившись лично тем, к кому посланы, посредством других лиц были допрашиваемы о цели посольства, и что это не безызвестно и самим скифам, часто посылавшим посольства к императору; что мы должны получить равное тому, что получали скифы у нас и иначе не скажем цели нашего посольства. Тогда они уехали к Аттиле, но затем вернулись без Эдекона и сообщили нам все, из-за чего мы были посланы, приказывая при этом как можно скорее удалиться, если мы не имеем сказать ничего другого.... Во время приготовлений к пути Бигила стал бранить нас за ответ, говоря, что лучше быть уличенными во лжи, нежели удалиться ни с чем. «Если бы мне удалось поговорить с Аттилой, сказал он, то я легко убедил бы его прекратить вражду с римлянами, так как я подружился с ним во время посольства при Анатолии»...

... Когда поклажа была уже навьючена на животных, и мы по необходимости хотели попытаться двинуться в путь в ночное время, пришли некоторые варвары и сказали, что Аттила приказал нам подождать ввиду ночного времени... С наступлением дня мы надеялись получить от варвара что-либо благосклонное и любезное; но он снова прислал тех самых людей с приказанием удалиться, если мы не имеем сказать кроме известного им. Мы, ничего не отвечая, стали готовиться в путь, хотя Бигила настоятельно советовал сказать, что у нас есть и другие заявления. Видя Максимиана в большом унынии, ... я обратился к Скотте [прибли-

женному Аттилы] и через переводчика Рустиция сказал что он получит от Максимиана множество даров, если выхлопочет ему аудиенцию у Аттилы, так как его посольство будет полезно не только римлянам и уннам, но и Онегесию, который хочет идти к самому императору для разъяснения возникших между нашими народами недоразумений и по прибытии получит величайшие дары... Я говорил ему, что, как мне сообщили, Аттила слушается и его, и что сказанное о нем не будет заслуживать доверия, если мы не узнаем на опыте его силу. Скотта, прервав меня, сказал, чтобы мы не сомневались, что и он говорит и действует у Аттилы одинаково с братом, и, тотчас вскочив на коня, поскакал к шатру Аттилы...

...Аттила пригласил нас через Скотту, и вот мы явились к его шатру, охраняемому кругом толпой варваров. Получив позволение войти, мы застали Аттилу сидящим на деревянном кресле. Мы стали немного поодаль трона; Максимин, приблизившись, приветствовал варвара и, передав ему письмо императора, сказал, что император желает доброго здоровья ему и окружающим его. Аттила ответил пожеланием римлянам того же, чего они ему желают, и тотчас обратился к Бигиле, обзывая его бесстыдным животным и спрашивая, с какой стати он пожелал явиться к нему, зная решение его и Анатолия о мире, причем было сказано, чтобы к нему не являлись послы прежде, чем все беглецы не будут выданы варварам. Когда же Бигила ответил, что у римлян нет беглецов из скифского народа, так как все бывшие уже выданы, Аттила, еще больше рассердившись и осыпав его бранью, крикнул, что он посадил бы его на кол и отдал на съедение хищным птицам, если бы не показалось нарушением посольского устава то, что он подверг бы его такому наказанию за бесстыдство и дерзость его слов; он прибавил, что у римлян есть много беглецов из его племени и приказал секретарям прочитать их имена, записанные на хартии. Когда они прочитали всех, он приказал Бигиле удалиться без всякого промедления, прибавляя, что он пошлет вместе с ним и Эслу сказать римлянам, чтобы они выслали к нему всех варваров, перебежавших к ним;.. ибо, говорил он, он не допустит, чтобы его рабы выступали в битву против него...

...Возвестив императору его решение относительно беглецов, послы должны тотчас возвратиться с известием, желают ли римляне выдать их, или берут на себя войну из-за них. Приказав раньше Максимиану подождать, чтобы через него ответить императору на его письмо, он потребовал дары. Передав их и возвратившись в наш шатер, мы стали обсуждать каждое слово Аттилы. Когда Бигила выражал удивление тому, что Аттила, показавшийся ему во время прежнего посольства человеком кротким и спокойным, теперь так грубо бранил его, я высказал предположение, не внушили ли Аттиле нерасположение к нему некоторые из варваров, пировавших вместе с нами в Сердике, сообщив, что он называл римского императора богом, а Аттилу — человеком... Пока мы были в таком недоумении, вдруг явился Эдекон... и просил принести золото для раздачи людям, которые придут вместе с ним для исполнения дела, а затем ушел. Когда я полюбывал узнать, что говорил Эдекон, Бигила постарался обмануть меня, будучи обманут сам, и, скрыв истинную причину, сказал, что ему было сообщено самим Эдеконом, будто Аттила сердится и на него из-за беглецов: следовало или

получить всех их, или прийти к нему послам из самой высшей знати. Пока мы беседовали об этом, явились некоторые из людей Аттилы и сказали, чтобы ни Бигила, ни мы не покупали ни римского пленника, ни раба из варваров, ни лошадей, ни чего-либо другого, кроме съестных припасов, пока не будут разрешены недоразумения между римлянами и уннами. Это было сделано варваром умно и искусно...

[Затем посольство и Приск отправляются вместе со свитой Аттилы в путь по подвластным гуннам местам]

Проехав некоторое пространство вместе с варваром, мы свернули на другую дорогу по приказанию наших проводников-скифов, объяснивших, что Аттила должен заехать в одну деревню, в которой он хотел жениться на дочери Эскама; хотя он уже имел множество жен, но хотел еще взять и эту по скифскому обычаю. Оттуда мы продолжали путь по ровной дороге, пролежавшей по равнине, и встретили судоходные реки, из коих самыми большим после Истра были Дрекон, Тигас и Тифесас [идентификация рек затруднительна]. Мы переправились через них на челноках-однодеревках, употребляемых прибрежными жителями, а остальные реки переплывали на плотах, которые варвары возят с собой на повозках для употребления в местах, покрытых разливами... Совершив длинный путь, мы под вечер расположились на ночлег у одного озера с годной для питья водой, которой пользовались жители близлежащей деревни... Правившая в деревне женицина, оказавшаяся одной из жен Бледы [убитый Атиллою собственный брат], прислала нам съестных припасов и красивых женицин для компании согласно скифскому обычаю почета. Этих женицин мы угостили предложенными нам кушаньями, но от общения с ними отказались и провели ночь в хижинах...

Совершив семидневный путь, мы остановились в одной деревне по приказанию провожавших нас скифов, так как Аттила должен был заехать в нее по пути, и нам следовало ехать позади него. Здесь мы встретились с людьми из западных римлян, также прибывшими в качестве послов к Аттиле... Съехавшись с ними на дороге и выждав, чтобы Аттила проехал вперед, мы последовали за ним со всей его свитой. Переправившись через какие-то реки, мы приехали в огромное селение, в котором, как говорили, находились хоромы Аттилы, более видные, чем во всех других местах, построенные из бревен и хорошо выстроганных досок и окруженные деревянной оградой, опоясывавшей их не в видах безопасности, а для красоты... Неподалеку от ограды была баня, которую устроил Онегесий, пользовавшийся у скифов большим значением после Аттилы... При въезде в эту деревню Аттилу встретили девицы, шедшие рядами под тонкими белыми и очень длинными покрывалами; под каждым покрывалом, поддерживаемым руками шедших с обеих сторон женицин, находилось по семи и более девиц, певших скифские песни; таких рядов женицин под покрывалами было очень много. Когда Аттила приблизился к дому Онегесия, мимо которого пролегла дорога к дворцу, навстречу ему вышла жена Онегесия с толпой слуг, из коих одни несли кушанья, другие — вино (это величайшая почесть у скифов), приветствовала его и просила отведать бла-

гожелательно принесенного ею угощения. Желая доставить удовольствие жене своего любимца, Аттила поел, сидя на коне...

Спустя немного времени я увидел [Онегессия] выходящим, подошел к нему и сказал, что римский посланник приветствует его и что я принес от него дары вместе с золотом, присланным от императора; а так как посол желает с ним повидаться, то где и когда ему угодно будет переговорить. Онегесий приказал своим людям принять золото и подарки, а меня просил доложить Максимино, что он тотчас придет к нему. Итак, возвратившись, я сообщил, что идет Онегесий; и он тотчас пришел в нашу палатку. Поздоровавшись с Максимином, он выразил благодарность за дары ему и императору и спросил, зачем он его пригласил. Максимиин ответил, что настало время, когда Онегесий приобретет среди людей большую славу, если он, придя к императору, своим умом уладит недоразумения и установит согласие между римлянами и уннами; ибо отсюда не только произойдет польза для обоих народов, но он и дому своему доставит всякие блага, так как и сам он и потомки его навсегда будут пользоваться милостями императора и его рода. Онегесий спросил, что он может сделать в угождение императору, или каким образом через него могут быть разрешены недоразумения? Максимиин отвечал, что, отправившись в Римскую империю, он сделает удобное императору, а недоразумения разрешит, если исследует их причины и устранил их по уставам мирного времени. На это Онегесий возразил, что он скажет императору и окружающим его только то, чего желает Аттила; или римляне думают, продолжал он, настолько убогатворить его, чтобы он изменил своему владыке, пренебрег полученным в Скифии воспитанием, женами и детьми и не считал рабство у Аттилы выше богатства у римлян. Полезнее будет, если он, оставаясь на родине, смягчит гнев владыки в случае, если он рассердится на римлян, чем если придет к нам и навлечет на себя обвинение, что он сделал не то, что угодно Аттиле. Сказав это... он удалился.

[Приск же все время пытается с помощью разнообразных ухищрений и подарков проникнуть в круг ближайшего окружения Аттилы]

Стоявшими у двери варварами я был впущен к жившей здесь жене Аттилы и застал ее лежащей на мягком ложе; пол был покрыт войлочными коврами, по которым ходили. Царицу окружало множество слуг; служанки, сидевшие против нее на полу, вышивали разноцветные узоры на тканях, которые накидывались для украшения сверх варварских одежд. Приблизившись к царице и после приветствия передав ей дары, я вышел и отправился к другим строениям, в которых жил сам Аттила, чтобы подождать, когда выйдет Онегесий: он уже вышел из своего дома и находился у Аттилы. Стоя среди всей толпы, ... я увидел шедшую массу народа, причем на этом месте поднялся говор и шум, возвестивший о выходе Аттилы; он появился из дворца, выступая гордо и бросая взоры туда и сюда. Когда он, выйдя с Онегесием, стал перед дворцом, к нему стали подходить многие, имевшие тяжбы между собой, и получали его решение. Затем он возвратился во дворец и стал принимать прибывших к нему варварских послов...

Пока я ждал Онегесия, прибывшие из Италии [Западной Римской империи] послами к Аттиле по делу о золотых чашах, ... вступили со мной в разговоры, спросили, отпущены ли мы, или принуждены оставаться. Я сказал, что именно об этом хочу спросить Онегесия и потому жду у ограды, а затем, в свою очередь, спросил, дал ли им Аттила благоприятный и дружественный ответ по их посольскому делу. Они отвечали, что он решительно не изменяет своего мнения и объявляет войну, если ему не будут высланы Сильван или кубки. Пока мы удивлялись безумию варвара, посол Ромул, человек опытный во многих делах, прервав наши речи, сказал, что величайшее счастье Аттилы и происходящее от счастья могущество слишком возвышают его самонадеянность, так что он не терпит справедливых речей, если не признает их выгодными для себя. Никогда никому из прежних владык Скифии или даже других стран не удавалось столько совершить в короткое время, чтобы владеть и островами на океане, и, сверх всей Скифии, даже римлян иметь своими данниками...

[Послы Восточной и Западной Римских империй униженно ожидают, что им скажет Онегесий — приближенная к Аттиле персона. Тот позволяет послу Максиминому войти к Аттиле]

... Немного спустя Максимин вышел и сказал, что варвар желает, чтобы послом был либо Ном, либо Анатолий, либо Сенатор, а другого, кроме названных лиц, не примет. На ответ его, что не годится, приглашая людей к посольству, выставить их подозрительными перед императором, Аттила сказал, что если они не согласятся исполнить его желания, то придется разрешить недоразумения силой оружия. Когда мы возвратились в палатку, пришел Орестов отец с известием, что Аттила приглашает вас обоих на пир, который начнется в девятом часу дня. В назначенное время мы явились на обед вместе с послами от западных римлян и остановились на пороге против Аттилы. Виночерпии подали нам по туземному обычаю кубок, чтобы и мы помолились, прежде чем садиться. Сделав это и отдав из кубка, мы подошли к креслам, на которых следовало сидеть за обедом. У стен комнаты с обеих сторон стояли стулья. Посредине сидел на ложе Аттила, а сзади стояло другое ложе, за которым несколько ступеней вело к его постели, закрытой простынями и пестрыми занавесями для украшения, как это делают эллины и римляне для новобрачных. Первым рядом пирующих считались сидевшие направо от Аттилы, а вторым — налево, в котором сидели и мы, причем выше нас сидел знатный скиф Берих. Онегесий сидел на стуле — вправо от царского ложа. Против Онегесия сидели на стульях два сына Аттилы, а старший сидел на его ложе, но не близко к отцу, а на краю, смотря в землю из уважения к отцу. Когда все было приведено в порядок, пришел виночерпий и подал Аттиле кубок вина. Приняв его, он приветствовал первого по порядку; удостоенный чести приветствия встал с места; садиться следовало лишь после того как, пригубив кубок или выпив, Аттила отдавал его виночерпию...

[Затем] вошел слуга Аттилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним служившие гостям поставили на столы хлеб и закуски. Для прочих варваров и для нас

были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-либо другим ценным. Когда были съедены кушанья, наложенные на первых блюдах, мы все встали, и вставший не возвращался к своему креслу прежде, чем каждый гость из первого ряда не выпил поданный кубок...

...При наступлении вечера были зажжены факелы, и два варвара, выступив на средину против Аттилы запели сложенные песни, в которых воспевали его победы и военные доблести; участники пира смотрели на них, и одни восхищались песнями, другие, вспоминая о войнах, ободрялись духом, иные, у которых телесная сила ослабела от времени и дух вынуждался к спокойствию, проливали слезы. После пения выступил какой-то скифский шут и начал молоть всевозможный вздор, которым всех рассмешил...

... Пока гости проводили ночь в пире, мы потихоньку вышли, не желая слишком долго засиживаться за попойкой».

Иордан: легенды через столетие после исчезновения гуннов

[Иордан начинает свой обстоятельный рассказ о степных народах с ценных для нас географических пояснений]

«Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр [Дунай] и простирается Мурсианское озеро; она [Скифия] тянется до рек Тиры [Днестра], Данастра и Вагосолы [Ю. Буг], а также великого того Данапра и до горы Тавра [Крымских гор] — не той, что в Азии, а собственной, т. е. скифской, — по всей прилегающей к Мэотиде [Азовское море] местности и за Мэотиду, через Босфорские проливы [Боспор Киммерийский или же Керченский пролив] до Кавказских гор и реки Аракса; затем она [Скифия], загнувшись в левую сторону, за Каспийское море (а это последнее возникает на крайних границах Азии, от северо-восточного океана, в виде гриба, сначала тонкого, потом — широчайшей круглой формы), склоняется к области гуннов и отступает до албанов и серов. Эта, повторяю, страна, а именно Скифия, вытягиваясь в длину и развертываясь в ширину, имеет с востока серов, живущих у самого ее начала на берегу Каспийского моря; с запада — германцев и реку Вистулу; с севера она охватывается океаном, с юга — Персией, Албанией, Иберией, Понтом и нижним течением Истра, который называется также Данубием от устья своего до истока. С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья, она охвачена небезызвестными городами; это — Борисфенида, Ольвия, Каллиполида, Херсона, Феодосия, Кареон, Мирмикий и Трапезунта, основать которые дозволили грекам

непокоренные скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю. Посередине Скифии есть место, которое разделяет Азию и Европу одну от другой; это — Рифейские горы [Уральские горы], которые изливают широчайший Танаис [Дон], впадающий в Мэотиду...

... В Скифии первым с запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе [по его области] протекает Тизия [Тисса]; с юга же [эту область] отсекает сам великий Данубий, а с востока Флютавзий [Олт]; стремительный и полный водоворот, он, ярясь, катится в воды Истра. Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами. Склавены [славянские народы] живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, и на север — до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же — сильнеешие из обоих [племен] — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов.

На побережье океана, там, где через три гирла поглощаются воды реки Вистулы, живут видивариш, собравшиеся из различных племен; за ними берег океана держат эсты, вполне мирный народ. К югу соседит с ними сильнеешее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты. Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения болгар, которых весьма прославили несчастья, [совершившиеся] по грехам нашим».

[Наконец, в его описании возникают свирепые гунны]

«А там и гунны, как плодovitейшая поросль из всех самых сильных племен, закишили надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альциагирами, другие — савирами, по места их поселений разделены: альциагиры — около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда прилечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю. Хунугуры же известны тем, что от них идет торговля икурками грызунов...

... Спустя немного времени, как передает Орозий, взъярилось на готов племя гуннов, самое страшное из всех своей дикостью. Из древних преданий мы узнаем, как они произошли. Король готов Филимер, сын великого Гадариха, после выхода с острова Скандзы, пятым по порядку держал власть над гетами и, как мы рассказали выше, вступил в скифские земли. Он обнаружил среди своего племени несколько женицин-колдуний, которых он сам на родном языке называл галиурунами. Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их таким образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило

сначала среди болот, — малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи.

Вот эти-то гунны, созданные от такого корня, и подступили к границам готов. Этот свирепый род, как сообщает историк Приск, расселившись на дальнем берегу Мэотийского озера, не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами.

Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Мэотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро и, то ступая вперед, то приостанавливаясь, представлял указующим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро, которое [до тех пор] считали непроходимым, как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась скифская земля, олень исчез. Я полагаю, что сделали это, из-за ненависти к скифам, те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение.

Вовсе не зная, что, кроме Мэотиды, существует еще другой мир, и приведенные в восхищение скифской землей, они, будучи догадливыми, решили, что путь этот, никогда ранее неведомый, показан им божественным [соизволением]. Они возвращаются к своим, сообщают им о случившемся, расхваливают Скифию и убеждают все племя отправиться туда по пути, который они узнали, следуя указанию оленя.

Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных, покоренных, подчинили себе. Лишь только они перешли громадное озеро, то — подобные некоему урагану племен — захватили там алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков, сидевших на побережье этой самой Скифии. Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обессилив частыми стычками. Может быть, они побеждали их не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом; они обращали их [аланов] в бегство, потому что их [гуннов] образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого Дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы раньше чем воспринять питание молоком, попробовали они испытание раной. Поэтому они стареют безбородыми, а в юношестве лишены красоты, так как лицо, изборожденное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами. Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и Чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в вершине дикости.

Когда геты увидели этот воинствующий род — преследователя множества племен, они испугались и стали рассуждать со своим королем, как бы уйти от такого врага. Германарих, король готов хотя, как мы сообщили выше, и был побе-

дителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов... Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни. Смерть его дала гуннам возможность осилить тех готов, которые, как мы говорили, сидели на восточной стороне и назывались остроготами. Везеготы же, т. е. другие их сотоварищи, обитавшие в западной области, напуганные страхом своих родичей, колебались, на что им решиться в отношении племени гуннов; они долго размышляли и наконец, по общему согласию, направили послов в Романию к императору Валенту, брату императора Валентиниана старшего, с тем чтобы подчиниться его законам и жить под его владычеством, если он передаст им для поселения область Фракии или Мёзии. Кроме того, чтобы больше было им веры, они обещают стать христианами, если только будут им даны наставники, учащие на их языке. Получив такое известие, Валент тотчас же с радостью согласился на это, так как и сам, помимо всего, собирался просить о том же. Приняв готов в Мёзию, он поставил как бы стену государству своему против остальных [варварских] племен. А так как император Валент, увлеченный арианским лжеучением, закрыл все церкви нашего толка, то и послал к ним проповедниками сочувствующих своему направлению; они придя туда, стали вливать [в души] этих грубых и невежественных людей яд своего лжеучения. Так вот везеготы благодаря императору Валенту сделались арианами, а не христианами. В дальнейшем они, движимые доброжелательством, просвещали как остроготов, так и гепидов, своих родичей, уча их преклоняться перед этим лжеучением; таким образом, они склонили все племена своего языка к признанию этой секты. Сами же [везеготы], как уже сказано, перешли Дунай и осели, с разрешения императора, в Дакии Прибрежной, в Мезии и в обеих Фракиях».

[Явление властителя всех гуннов Аттилы]

«В этом мирном договоре [участвовал] Аттила, повелитель всех гуннов и правитель — единственный в мире — племен чуть ли не всей Скифии, достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров... Этот самый Аттила был рожден от Мундзука, которому приходились братьями Октар и Роас; как рассказывают, они держали власть до Аттилы, хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он. После их смерти Аттила наследовал им в гуннском королевстве вместе с братом Бледою. Чтобы перед походом, который он готовил, быть равным [противнику], он ищет приращения сил своих путем братоубийства и, таким образом, влечет через истребление своих к всеобщему междоусобию. Но, по решению весов справедливости, он, возраставший могуществом своим гнусным средством, нашел постыдный конец своей жестокости. После того как был коварно умерщвлен брат его Бледа, повелевавший значительной частью гуннов, Аттила соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира — римлян и везеготов. Говорили, что войско его достигало пятисот тысяч».

Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой груд крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи] он являл все признаки своего происхождения. Хотя он по природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах. Поняв, что помыслы Аттилы обращены на разорение мира, Гизерих, король вандалов, о котором мы упоминали немного выше, всяческими дарами толкает его на войну с везеготами, опасаясь, как бы Теодорид, король везеготов, не отомстил за оскорбление дочери; ее отдал в замужество Гунериху, сыну Гизериха, и вначале она была довольна таким браком, но впоследствии, так как он отличался жестокостью даже со своими детьми, она была отослана обратно в Галлию к отцу своему с отрезанным носом и отсеченными ушами только по подозрению в приготовлении яда [для мужа]; лишенная естественной красоты, несчастная представляла собой ужасное зрелище, и подобная жестокость, которая могла расстрогать даже посторонних тем сильнее взывала к отцу о мищении.

Тогда Аттила, порождая войны, давно зачатые подкупом Гизериха отправил послов в Италию к императору Валентиниану, сея таким образом раздор между готами и римлянами, чтобы хоть из внутренней вражды вызвать то, чего не мог он добиться сражением; при этом уверял, что ничем не нарушает дружбы своей с империей, а вступе борьбу лишь с Теодеридом, королем везеготов. Желая, чтобы [обращение его] было принято с благосклонностью, он наполнил остальную часть послания обычными льстивыми речами и приветствиями, стремясь ложью возбудить доверие. Равным образом он направил письмо к королю везеготов Теодериду, увещевая его отойти от союза с римлянами и вспомнить борьбу, которая незадолго до того велась против него. Под крайней дикостью таился человек хитроумный, который, раньше чем затеять войну, боролся с искусным притворством.

[Римский император в панике]:

Тогда император Валентиниан направил к везеготам и к их королю Теодериду посольство с такими речами: «Благоразумно будет с вашей стороны, храбрый-

ише из племен, [согласиться] соединить наши усилия против тирана, посягающего на весь мир. Он жаждет порабощения вселенной, он не ищет причин для войны, но — что бы ни совершил это и считает законным. Тицеславие свое он мерит [собственным] локтем, надменность насыщает своеволием. Он презирает право и божеский закон и выставляет себя врагом самой природы. Поистине заслуживает общественной ненависти тот, кто всенародно заявляет себя всеобщим недругом. Помните, прошу, о том, что, конечно, и так забыть невозможно: гунны обрушиваются не в открытой войне, где несчастная случайность есть явление общее, но — а это страшнее! — они подбираются коварными засадами. Если я уж молчу о себе, то вы-то ужесли можете, неотмщенныe, терпеть подобную спесь? Вы, могучие вооружением, подумайте о страданиях своих, объедините все войска свои! Окажите помощь и империи, членом которой вы являетесь. А насколько возжеленен, насколько ценен для нас этот союз, спросите о том мнение врага!»

[Король готов Теодорид отвечает]

«Ваше желание, о римляне, сбылось: вы сделали Аттилу и нашим врагом! Мы двинемся на него, где бы ни вызвал он нас на бой; и хотя он и возгордился победами над различными племенами, готы тоже знают, как бороться с гордецами. Никакую войну ... не счел бы я тяжкой, особенно когда благосклонно императорское величество и ничто мрачное не страшит». Криками одобряет [королевский совет] ответ вождя; радостно вторит им народ; всех охватывает боевой пыл; все жаждут гуннов-врагов.

[Итак, настало время для Европы показать свою мощь на Каталаунских полях, что находились в современной Шампани]

Этот кусок земли стал местом битвы бесчисленных племен. Здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон, и не было тут никакого тайного подползания, но сражались открытым боем. Какую можно сыскать причину, достойную того, что-бы привести в движение такие толпы? Какая же ненависть воодушевила всех вооружиться друг против друга? Доказано, что род человеческий живет для королей, если по безумному порыву единого ума совершается побоище народов и по воле надменного короля в одно мгновение уничтожается то, что природа производила в течение стольких веков!

[Однако перед битвой] Аттила встревоженный и не доверяющий своим войскам, устранился вступить в сражение. Между тем, обдумав, что бегство гораздо печальнее самой гибели, он приказал через гадателей спросить о будущем. Они, взглядываясь по своему обычаю то во внутренности животных, то в какие-то жилки на обскобленных костях,| объявляют, что гуннам грозит беда. Небольшим утешением в этом предсказании было лишь то, что верховный вождь противной стороны должен был пасть и смертью своей омрачить торжество покинутой им победы. Аттила, обеспокоенный подобным предсказанием, считал, что следует хотя бы ценой собственной гибели стремиться

убить Аэция, который как раз стоял на пути его — Аттилы — движения. Будучи замечательно изобретательным в военных делах, он начинает битву около девятого часа дня, причем с трепетом, рассчитывая, что, если дело его обернется плохо, наступающая ночь выручит его.

Правое крыло [врагов гуннов] держал Теодерид с везеготами, левое — Аэций с римлянами; в середине поставили Сангибана, ... который предводительствовал аланами; они руководствовались военной осторожностью, чтобы тот, чьему настроению они мало доверяли, был окружен толпой верных людей...

По-иному было построено гуннское войско. Там в середине помещался Аттила с храбрейшими воинами: при таком расположении обеспечивалась скорее забота о короле, поскольку он, находясь внутри сильнейшей части своего племени, оказывался избавленным от наступающей опасности. Крылья его войск окружали многочисленные народы и различные племена, подчинявшиеся его власти. Среди них преобладало войско остроготов, под предводительством братьев Валампра, Теодемира и Видемера, более благородных по происхождению, чем сам король, которому они служили, потому что их озаряло могущество рода Амалов. Был там и Ардарих, славнейший тот король бесчисленного полчища гепидов, который, по крайней преданности своей Аттиле, участвовал во всех его замыслах.

[Однако начало битвы оказалось не в пользу гуннов, и из уст Аттилы разносится пламенная речь]

«После побед над таким множеством племен, после того как весь мир — если вы устоите! — покорен, я считаю бесполезным побуждать вас словами как не смыслащих, в чем дело. Пусть ищет этого либо новый вождь, либо неопытное войско. И не подобает мне говорить об общеизвестном, а вам нет нужды слушать. Что же иное привычно вам, кроме войны? Что храбрецу слаще стремления платить врагу своей же рукой? Насыщать дух мщением — это великий дар природы! Итак, быстрые и легкие, нападём на врага, ибо всегда отважен тот, кто наносит удар. Презрите эти собравшиеся здесь разноязычные племена: признак страха — защищаться союзными силами. Смотрите! Вот уже до вашего натиска поражены враги ужасом: они ищут высот, занимают курганы и в позднем раскаянии молят об укреплениях в степи. Вам же известно, как легко оружие римлян: им тягостна не только первая рана, но сама пыль, когда идут они в боевом порядке и смыкают строй свой под черепахой щитов. Вы же боритесь, воодушевленные упорством, как вам привычно, пренебрегите пока их строем, нападайте на аланов, обрушивайтесь на везеготов. Нам надлежит искать быстрой победы там, где сосредоточена битва. Когда пересечены жилы, вскоре отпадают и члены, и тело не может стоять, если вытащить из него кости. Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость! Теперь гунны, употребите ваше разумение, примените ваше оружие! ...Идущих к победе не достигают никакие стрелы, а идущих к смерти рок повергает и во время мира».

[И вдохновленные этими словами вождя гунны устремились в бой]

«О подобном бое никогда до сих пор не рассказывала никакая древность, хотя она и повествует о таких деяниях, величественнее каковых нет ничего... Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови из ран убитых; увеличенный не ливнями, как бывало обычно, но взволновавшийся от необыкновенной жидкости, он от переполнения кровью превратился в целый поток. Те же, которых нанесенная им рана гнала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью. Застигнутые несчастным жребием, они глотали, когда пили, кровь, которую сами они — раненые — пролили.

Король Теодорид, объезжая войска для их ободрения, был сшиблен с коня и растоптан ногами своих же; он завершил свою жизнь, находясь в возрасте зрелой старости... [Однако] везеготы, отделившись от аланов, напали на гуннские полчища и чуть было не убили Аттилу, если бы он заранее, предусмотрев это, не бежал и не заперся вместе со своими за оградами лагерей, которые он держал окруженными телегами, как валом; хотя и хрупка была эта защита, однако в ней искали спасения жизни те, кому незадолго до того не могло противостоять никакое каменное укрепление.

Торисмуд, сын короля Теодорида, который вместе с Аэцием захватил раньше холм и вытеснил врагов с его вершины, думая, что он подошел к своим войскам, в глухую ночь наткнулся, не подозревая того, на повозки врагов. Он храбро отбивался, но, раненный в голову, был сброшен с коня; когда свои, благодаря догадке, освободили его, он отказался от дальнейшего намерения сражаться...

...На следующий день на рассвете [римляне] увидели, что поля загромождены трупами и что гунны не осмеливаются показаться; тогда они решили, что победа на их стороне, зная, что Аттила станет избегать войны лишь в том случае, если действительно будет уязвлен тяжелым поражением. Однако он не делал ничего такого, что соответствовало бы повержению в прах и униженности: наоборот, он бряцал оружием, трубил в трубы, угрожал набегом; он был подобен льву, прижатому охотничьими копьями к пещере и мечущемуся у входа в нее: уже не смея подняться на задние лапы, он все-таки не перестает ужасать окрестности своим ревом. Так тревожил своих победителей этот воинственный король, хотя и окруженный.

Сошлись тогда готы и римляне и рассуждали, что сделать с Аттилой, которого они одолели. Решили изнурять его осадой, так как он не имел запаса хлеба, а подвоз задерживался его же стрелками, сидевшими внутри оград лагерей и беспреестанно стрелявшими. Рассказывают, что в таком отчаянном положении названный король не терял высшего самообладания; он соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался, чтобы никто не возрадовался его ранению и чтобы господин столь многих племен не попал во власть врагов...

...Во время этой задержки с осадой везеготы стали искать короля [Теодорида], сыновья — отца, дивясь его отсутствию как раз когда наступил успех. Весьма долго длились поиски; нашли его в самом густом завале трупов, как и подобает

мужам отважным, и вынесли оттуда, почтенного песнопениями на глазах у врагов... Когда все было кончено, сын, движимый болью осиротения и порывом присущей ему доблести, задумал отомстить оставшимся гуннам за смерть отца; поэтому он спросил патриция Аэция, как старейшего и зрелого благоразумием, что надлежит теперь делать. Тот же, опасаясь, как бы — если гунны были бы окончательно уничтожены — готы не утеснили Римскую империю, дал по этим соображениям такой совет: возвращаться на свои места и овладеть королевской властью, оставленной отцом, чтобы братья, захватив отцовские сокровища, силою не вошли в королевство везеготов и чтобы поэтому! не пришлось ему жестоким или, что еще хуже, жалким образом воевать со своими. Торисмуд воспринял этот совет не двусмысленно, — как он, собственно, и был дан, — но скорее в свою пользу и бросив гуннов, вернулся в Галлии. Так непостоянство человеческое, лишь только встретится с подозрениями, пресекает то великое, что готово совершиться.

...В этой известнейшей битве самых могущественных племен пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 тысяч человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти, раньше чем враги сошлись в главном сражении, сиблись ночью, переколов друг друга в схватке — франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов...

[Уход победителей с Каталаунских полей поднимает дух Аттилы]

Аттила, заметив отход готов, долго еще оставался в лагере, предполагая со стороны врагов некую хитрость, как обыкновенно думают обо всем неожиданном. Но когда, вслед за отсутствием врагов, наступает длительная тишина, ум настраивается на мысль о победе, радость оживляется, и вот дух могучего короля вновь обращается к прежней вере в судьбу... Аттила же, воспользовавшись уходом везеготов и заметив распад между врагами на два [противоположных] лагеря, — чего он всегда желал, — успокоенный двинул скорее войско, чтобы потеснить римлян. Первым его нападением была осада Аквилейи, главного города провинции Венетий...

[Однако вначале осада протекает для гуннов неудачно, но...]

Построив осадные машины и применяя всякого рода метательные орудия, они врываются в город, грабят, делят добычу, разоряют все с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов. Еще более дерзкие после этого и все еще не пресыщенные кровью римлян, гунны вакхически неистовствуют по остальным венетским городам. Опустошают они также Медиолан [Милан], главный город Лигурии, некогда столицу; равным образом разметывают Тицин, истребляя с яростью и близлежащие окрестности, наконец, разрушают чуть ли не всю Италию. Но когда возникло у Аттилы намерение идти на Рим, то приближенные его, как передает историк Приск, отвлекли его от этого, однако не потому, что заботились о городе, коего были врагами, но потому что имели

перед глазами пример Алариха, некогда короля везеготов, и боялись за судьбу своего короля, ибо тот после взятия Рима жил недолго и вскоре удалился от дел человеческих...

И вот, пока дух Аттилы колебался относительно этого опасного дела — идти или не идти — и, размышляя сам с собою, медлил, подоспело к нему посольство из Рима с мирными предложениями. Пришел к нему сам [римский] папа Лев на Амбулейское поле в провинции Венетий... Аттила прекратил тогда буйство своего войска и, повернув туда, откуда пришел, пустился в путь за Данубий, обещая соблюдать мир. Он объявил перед всеми и, приказывая, угрожал, что нанесет Италии еще более тяжкие бедствия, если ему не пришлют Гонорию, сестру императора Валентиниана... с причитающейся ей частью царских сокровищ. Рассказывали, что эта Гонория по воле ее брата содержалась заточенная в состоянии девственности ради чести дворца; она тайно послала евнуха к Аттиле и пригласила его защитить ее от властолюбия брата — вовсе недостойное деяние: купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства...

...Аттила вернулся на свои становища и, как бы тяготясь бездействием и трудно перенося прекращение войны, послал послов к Маркиану, императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным императором Феодосием, и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами. Поступая таким образом, он, лукавый и хитрый, в одну сторону грозил, в другую — направлял оружие, а излишек своего негодования [излил], обратив свое лицо против везеготов. Но исхода тут он добился не того, какой имел с римлянами...

[И вот, наконец, после многочисленных сражений с различным исходом]:

Ко времени своей кончины он, как передает историк Приск, взял себе в супруги — после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, — девушку замечательной красоты по имени Ильдико. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю.

На следующий день, когда миновала уже большая его часть, королевские прислужники, подозревая что-то печальное, после самого громкого зова взламывают двери и обнаруживают Аттилу, умершего без какого бы то ни было ранения, но от излияния крови, а также плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом. Тогда, следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей.

Не преминем сказать — хоть немного из многого — о том, чем племя почтило его останки. Среди степей в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего

гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги:

«Великий король гуннов Аттила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и, — дабы не было отдано и остальное на разграбление, — умиловленный молениями принял ежегодную дань. И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?»

После того как был он оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане «страву» (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиришеством. Сочетая противоположные [чувства], выражают они похоронную скорбь, смешанную с ликованием. Ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в [три] гроба — первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они, почему все это подобает могущественнейшему королю: железо — потому что он покорил племена, золото и серебро — потому что он принял орнат обеих империй. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения, каковыми отчается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно, таким образом, вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного.

После того как все было закончено, между наследниками Аттилы возгорелся спор за власть, потому что свойственно юношескому духу состязаться за честь властвования, — и пока они, неразумные, все вместе стремились повелевать, все же вместе и утратили власть. Так часто преизбыток наследников обременяет царство больше, чем их недостаток. Сыновья Аттилы, коих, по распущенности его похоти, [насчитывались] чуть ли не целые народы, требовали разделения племен жребием поровну, причем надо было бы подвергнуть жеребьевке, подобно челяди, воинственных королей вместе с их племенами... »

[На этом как бы совершенно внезапно завершается поразительная история западных гуннов. Всего восемь десятилетий их краткого и столь трагичного для европейцев «визита» остались в памяти последующих поколений на протяжении полутора тысяч лет европейской истории]

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

«Книга Большому Чертежу»¹

В 1627 году за именем первого из династии Романовых, царя Михаила Федоровича, служивым дьяком поступило распоряжение отыскать старую либо изготовить новую карту («чертеж») Московского государства, чтобы как-то понять в каком же географическом пространстве и в каком окружении находится Московское царство. Исполняя царское повеление, служивые Федор Лихачев и Михайло Данилов представили весьма примечательную «Книгу Большому Чертежу», в которой они пытаются разъяснить эту ситуацию царскому окружению. Название этого произведения несколько странное, и его следует понимать как «Пояснения к Большому чертежу». Ниже мы приведем ряд наиболее характерных выдержек из этой чрезвычайно любопытной книги, чтобы стало более понятным положение с картографией в Московии, уже после того, как государству удалось выбраться из жестоких трагедий Смутного времени.

Дьяки начинают свою «Книгу» с общих разъяснений о том, что *«старой чертеж ветх»* и *«по нем урочищ смотреть не мочно»*. Затем дается беглый обзор известных авторам границ Московского царства и некоторых соседних с ним государств.

«Книга Большому Чертежу, что зделан в розряде новой чертеж всему московскому государству, городом, и полю, и рекам, и всяким полевым именным урочищам 135-го [1627] году. По государеву цареву и великого князя Михаила Феодоровича всеа Росии указу сыскан в Розряде старой чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства, и в том чертеже и мера верстами, и мильми, и конскою ездою, сколько ехать днем станичною ездою на день, написано, и мера верстам положена

И тот старой чертеж ветх, впредь по нем урочищ смотреть не мочно, избился весь и розвалился. А зделан был тот чертеж давно при прежних государех. И в Розряде дьяки, думной Федор Лихачев да Михайло Данилов, велели, примерясь к тому старому чертежу, в тое ж меру зделать новой чертеж всему Московскому государству по все окресные государства. А другой чертеж велели зделать от царствующаго града Москвы Резанским, и Северским, и Польским городом; от Ливен от города тремя дорогами до Перекопи: дорогою Муравским шляхом, дорогою

¹ Полный текст книги опубликован в Интернете: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_665.htm

Кальмиускою, середнею дорогою Изюмскою против розрядные старые росписи, что сделана роспись в Розряде при прежних государех, от Ливен до Перекоти, и от Перекоти до Козлева, и, до Бакчисарая и Альмасарая, и до Корсуни, и до Кафы, и до Крыма, и до Балыкляя, и до черкасов, что промеж Черного и Азовского моря остров Таурика, а ныне Крымская орда; и теми тремя дорогами рекам и колодезям, и на реках татарские перевозки и перелазы, которыми татаровя приходят в Русь, и всяким полевым назначным урочищам, и до которых урочищ ездят из Белгорода станицы, и кладут доездные памяти. А сделав всему тому чертеж и на том чертеже городы, и реки, и всякие урочища, велели подписать порознь, подлинно, как было подписано всякому урочищу написано в старом чертеже. И против чертежные подписи урочищам и книгу написать, и в книге и в чертеже знамя мере верстам положить по прежнему, как была мера верстам знамен в старом чертеже положена. И в Розряде чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства от Студеного моря з западные стороны, от усть реки Тенуя, морским берегом к востоку до усть Кола; и от усть Кола морским берегом до Соловецкого завороту до усть реки Нивы, реки, и колодези, и всякие признаки; и от усть реки Нивы на восток морским берегом до Сумского острогу и до усть реки Онеги; и от Онеги до усть реки Двины; и от Двины до усть реки Печеры, до Пусто-озера, и от Пустоозера до усть реки Князковой и берегом Нарымским; до реки до Оби, реки и всякие урочища; и за реку за Обь морским берегом до реки Таза и реки Пура до Мангазеив; и по Енисею реку; а на полуденную сторону от верху реки Тенуя по Двину реку по Полотск; и от Полотска по реку Березань и до Днепра реки; и рекою Днепром от Дорогобужа до Киева; и от Киева и до Черного моря; а от реки Таза и от реки Оби вверх по Оби Обдорскую, и Югорскую и Сибирскую землю до Нарыма, до Пегие орды; и кочевую Казацкую орду; и Больших Нагаев кочевья; и Бухарские и Юргенские городы; и реку Волгу до Астарахани, и реку Дон до Азова и меж Азова и Астарахани до Хвалимского моря; поле и реки, что кочуют Малые Нагаи; и от Астарахани морским берегом до Яика; и реку Яик и до Терка, до Тюменского города; и реку Куму, а по ней Можсаров юрт; и реку Терек и по ней Пятигорских черкас и кабарду, в горах и окохи, и минкизы, и осохи и кугени; и от Тюменского Дербент Железные Ворота и Шамаху; и до усть реки Кура; и Иверскую Гурзинскую землю и до Кизылбаши, против старово чертежу, что в чертеже цело новой чертеж сделан...

И всякие урочища на чертежах против росписи и против старого чертежу подписаны; и на чертежах знамен мера верстам положена; и в книге сей, против чертежные меры, впереди, на остаточном листу, в конце мера обоим чертежам положена, почему в чертежах считать верстами, сколько от которого до которого урочища».

Из текста не вполне понятно, что же сочинители «Книги» вкладывают в понятие «чертеж» — действительно ли карту, или же только более или менее подробное описание некоторых мест и дорог? В любом случае можно полагать, что сами чертежи-карты в современном понимании этого слова до нас не дошли (если они вообще имели место).

И еще один необходимый комментарий: ко времени исполнения царского указа служивыми дьяками в вышедших на западе уже около 70 лет назад нескольких изданиях книги Сигизмунда Герберштейна оказалась опубликованной составленная в 1549 году карта Московии (см. главу 19 и рис. 19.1). Однако остается не вполне ясным: было ли об этой карте что-либо известно московскому правительству? Упоминаний же о карте Герберштейна в «Книге Большому Чертежу» не встретилось.

Описания конкретных городов и дорог, как и полагается, начинаются с царствующего града Москвы, ее ближних и дальних окрестностей.

«В начале книги сея написан царствующий град Москва на реке на Москве, на левом берегу; а река Москва вытекла по Вяземской дороге, за Можайском верст с 30 и больше. А от Москвы дорога до Серпухова 90 верст. А Серпухов стоит на реке на Наре, от Оки реки с версту... А в реку в Москву, с вышней стороны города Кремля, пала речка Неглинна, течет сквозь Белой город; а ниже Белого города в реку Москву пала речка Яуза. А река Москва вытекла по Вяземской дороге за Можайском верст с 30 и больше. А от царствующего града Москвы дорогою до Можайска 90 верст, а город Можайск стоит на реке на Москве на правом берегу. На реке ж на Москве, ниже Можайска 50 верст, а от Москвы 40 верст, на левом берегу Звенигород. А от Можайска до Вязьмы 80 верст, а город Вязьма стоит на реке на Вязьме на левом берегу. А река Вязьма вытекла выше города Вязьмы 20 верст и пала река Вязьма в Днепр от города от Вязьмы верст с 30. А от Вязьмы до Дорогобужа 80 верст, а город Дорогобуж стоит на реке на Днепре на левом берегу. А река Днепр вытекла из мшары из болота от Белье от города 60 верст, а от города от Вязьмы 60 верст, а Белая от Вязьмы 120 верст. А от Дорогобужа до Смоленска 80 верст. Смоленск на Днепре с левые стороны. А река Днепр, и которая реки в Днепр пали, и по Днепру города на низ, и пороги, и горы мильми и верстами писаны себе сгатьею. А промеж города Можайска и города Вязьмы по Московской, дороге верх реки Поротвы, от Можайска 30 верст, для заставы из Можайска острожок, в нем стоит застава смотреть у проезжих людей от воевод проезжих грамот и печатей, а у торговых людей смотреть товаров. По той же дороге село Царева Займище, а в нем стоит застава из Вязьмы смотреть тож, а Царева Займища от Вязьмы 40 верст. Реки, которые пали в реку Москву. Ниже Можайска 20 верст пала в Москву река Руза, протоку реки Рузы 40 верст, на ней город Руза. От Рузы 40 верст до Звенигорода. А выше Звенигорода на реке на Москве монастырь Савы Сторожевого. А ниже Звенигорода пала в Москву река Истра под Лучинским. А ниже Истры пала в Москву речка Ходынка, от царствующего града Москвы 5 верст. От царствующего града Москвы дорога на Боровеск, до Боровска 90 верст. Боровеск на реке на Поротве. А от Боровска недалеко монастырь Павхнутьев. А от Боровска 90 верст до Калуги, а Калуга стоит на реке на Оке на левом берегу. А от Калуги до Брянска, через Брынскои лес до Брянска, 160 верст. А другая дорога ис Калуги до Лихвина 40 верст. Лихвин на реке на Оке; от Лихвина до Одоева 20 верст; Одоев на реке на Упе. От Одоева до Новые Кропивны 20 верст. Кропивна стоит на Плаве, близка Упы реки. А Новая

Кропивна от Тулы верст с 40, а Тула стоит на Упе. От Лихвина дорога до Белева 30 верст. Белев на реке на Оке, а от Белева до Мценска 60 верст. Мценск на реке на Зуши. От Белева до Волхова 40 верст. От Волхова до Карачева 80 верст. Карачев на реке на Снежеде. Снежедь под Брянском в Десну, от Карачева 60 верст. От Колуги ж до Перемышили 30 верст. Перемышиль на реке на Оке. А от Перемышили до Козельска 30 верст. А от Казельска до Брянска 100 верст. Брянск на реке на Десне. А Козелеск на реке на Жиздре. Жиздра вытекла от Брянска и пала в Оку выше Перемышили 4 версты. От Казельска до Лихвина и до Белева по 30 верст. От Казельска до Волхова 70 верст. Волхов на реке на Нугри. Нугрь пал в реку в Оку. ... От Колуги до Мецеска 70 верст. От Мецеска до Серпейска 20 верст. Мецеск на речке на Мерее. Меря пала в реку в Серену, а Серена в реку в Жиздру. От Мецоска до Мосальска 15 верст. Мосалеск стоит на реке на Росане. Росана пала в Серпею, а Серпея течет ис под Серпейска и пала в реку в Угру, а река Угра вытекла от реки от Десны и пала в Оку, выше Колуги 6 верст, а на реке на Угре село Таварково от Калуги 30 верст, а от Таваркова 90 верст до Вязьмы. А ниже Колуги, на Оке, город Алексин, от Колуги 40 верст. А ниже Алексина, 20 верст, в Оку пала речка Таруса, а на ней, на устье, на городище посад. А ниже Тарусы пала в Оку, с левые стороны, река Поратва, от Тарусы 8 верст. А река Поратва вытекла от Вяземской дороги, от верху реки Москвы».

Сам текст с такими малопонятными (по крайней мере, для нынешнего читателя) объяснениями географии гораздо длиннее; это лишь выдержки. Дальнейшие описания ведут на юг, и эта часть «Книги» еще протяженнее.

«А Тула город каменной, стоит на реке на Упе, на левом берегу, а Упа река вытекла от Куликова поля с Муравского шляху. А ис под Тулы река Упа потекла под Кропивну да под Одоев и пала выше Лихвина в Оку, верст с 7. А дорога Муравской шлях лежит мимо Тулы, через засеку, в Щегловы ворота. И лязят татаровя выше Тулы верст с 8 реку Шат, а перелезши Шат и речку Шиварань, лязят реку Упу в Костомаров брод против Дедилова, от Тулы 20 верст. А перелезши реку Упу, от Костомарова броду ехать вверх по рекам; с левые стороны Муравские дороги река Упа, а на правую сторону река Солова, - ехать до верху реки Мечи. А Меча река по леву Муравские дороги потекла и пала в Дон, ниже города Лебедяни верст с 8. А по правой стороне по Муравской дороге, река Солова да река Плова, потекли в реку Упу; Плова пала под городом выше Кропивны, а Солова пала выше Пловы верст з 10. А проехав верховье реки Мечи, через дорогу течет в реку Мечю колодезь Гоголь да Гоголка; а от колодезя от Гоголя к речке к Ворглу; а речка Воргол течет в реку Сосну, пала выше города Ельца 7 верст. А переехав Воргол, по правой стороне дороги, верховье реки Зуши да реки Любовши. И ехать Муравскою дорогою к верху речкам Ливнам; а Ливны речки пали: Лесная Ливна вытекла ис Красного лесу, от города Ливен верст з 10, и пала блиско города в Полевую Ливну; а Полевая Ливна пала в Сосну под городом под Ливнами. А от Тулы до Ливен 180 верст. А река Любовша пала в реку в Труды, от Ливен верст з 10 и больши. А река Зуша потекла под Новасильда под Мценск и пала ниже Мценска 20 верст в Оку. А

город Ливны стоит на реке на Сосне, на левом берегу; а Сосна река вытекла ис под Пахнутцовы дороги, от верху Оки, а ис под Ливен потекла под Елец и пала, ниже Ельца 15 верст, в Дон. А Елец от Ливен 50 верст. А от Ливен 20 верст, меж Ельца, в летнюю пору, на реке на Сосне, на усть реки Чернавы, в городке стоят заставные головы сотнями, перемежаяся, на Кальмиюской дороге. От Ливен же до Новосили 70 верст. От Ливен до Курска 130 верст. До Оскола 130 же верст. До Воронежа 130 верст. А Ворскла река вытекла ис под Муравския дороги и пала в Днепр, ниже Пела реки 20 верст. А налеве Муравской дороги Саженой да Липовой Донец. А от верх реки Ворскла и Саженого и Липового Донца к Карпову сторожевью верст з 20. А Карпово сторожевьё вниз по Ворсклу; а против Карпова сторожевьё на Муравской дороге лес, Болховы бояраки. А из лесу, из Болховых бояраков, ис под Муравского шляху, по леву вытекла речка Вязеница. Да по леву же лес Долгой боярак, из него течет речка также Везеница и пала в Донец ниже Белогорода 2 версты. А от речки от Везеницы к речке к Удам верст з 10; а Уды по левой стороне Муравской дороги, а пали в Донец, ниже Коганского перевозу от Белогорода верст з 90. от рзчки от Уды на левой стороне Муравской дороги речка Угрим да Лопин. А речка Угрим пала в Уды, а Лопин пала в Харкову, а Харкова пала в Уды. А от речки от Угрима и от Лопиною, по правой стороне Муравской дороги, речка Гостиница, пала та речка в Ворсклу».

Наконец, описание приближается к самой ненавистной для москвитов области — к Крыму.

«А от Конских Вод до Перекопи верст со 100 и больши, по старому чертежю. А налево, с Муравские дороги, для воды итти, ино поворотить от Конских Вод на Молочныя Воды, где кочуют нагаи, и в тех местех воды копаные колодези. А от Молочных Вод до Перекопи верст со 100; а воды до Перекопи копанья же. А в Перекопи город каменной, а в нем живут Крымские татары и крымчаня, и наряд в городе есть. А Перекопи от моря до моря на 6 верстах, а поперег Перекопи сажени косых, а в глубину 3 сажени, а по рву стоят башни каменные, а меж башен сажен по 200 и по 300. А пашню пашюг на сей стороне Перекопи, и через ров в иных местех люди ездят. А от Перекопи до царева двора, которой двор на реке на Алме, а другой двор в Бакчисарае, верст с 90; а меж тех дворов версты с 3; а в тех дворах живет крымской царь: а от моря тот двор, что на реке на Альме, верст с 10; а Бакчисараи от моря верст с 13. А в Бакчисарае полаты царевы, и поварня, и конюшни каменные; а стоит под горою ниско. Да за царевым двором, версты з 2, церковь пречистыя Богородицы в Солодчиках; а служат у нее гречаня. А которой двор на реке на Альме, и в том дворе одна полата да избы деревянный, обмазаны глиною, а стоит на берегу в винограде; а от царевых дворов до Корсуну верст с 30. Да от Перекопи же едучи, на праве, у моря на берегу, город Козлев каменной; а от Перекопи до Козлева верст с 50; а от Козлева до Бакчисарая верст с 40. А от Перекопи до Бакчисарая и до Козлева, по обе стороны дороги, деревни татарские, а воды копанья колодези, а рек нет. А до Кафы от Бакчисарая верст с 60, а по обе стороны той дороги деревни же татарским, а воды копанья и род-

ники есть. А у татар во всех деревнях пашии паирут, да сеют пшеницу, да ячмень, да полбу».

«Книга Большому Чертежу» сочинялась в 1627—1628 годы. К этому времени немногочисленные казацкие группы и отряды служивых людей уже добрались до Енисея и Прибайкалья и объявили аборигенам о присоединении этих новых земель к Московскому царству и о сборе с них ясака. Но об этом в самой Москве, судя по тексту «Книги», либо ничего, либо почти ничего не ведают. Восточные и юго-восточные рубежи Московии в «Книге» туманны и расплывчаты. Только в наше время, помещая на карты Сибири знаки городков и острогов, мы можем с известной долей уверенности говорить о примерных контурах этих границ. Речь же в книге по преимуществу шла о тех восточноевропейских областях, что были обозначены уже позднейшими картографами (рис. П.8.1).

Рис. П.8.1. На этой изданной еще в конце XIX в. карте обозначены западные рубежи Московского государства в период 1598—1682 г. [Wikipedia] Однако, как известно, в XVII в. такие пограничные рубежи устойчивостью не отличались. На приводимой карте можно обнаружить немало соответствий тексту «Книги Большому Чертежу», отрывки из которого мы приводили в настоящем Приложении. Об этом шла речь также в главах 19 и 20

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

Последний из Чингизидов?

Крымские ханы Гереи, как и почти все вожди тюркоязычных народов Степного пояса, вели отсчет своих поколений непосредственно от Чингис-хана, считая себя безусловными Чингизидами (поэтому я и поместил отсылку к фотоиллюстрации этого приложения вслед за монументом “властителя вселенной”, воздвигнутым близ Улан-батора). После присоединения Крыма к России в 1783 году Гереи были вынуждены срочно покинуть Крым. Султан Оттоманской порты определил ханам и их спутникам по бегству участок земель в Болгарии на склонах Балканских гор с условием оборонять эту область Порты от нападений с севера. В 1970 году автору довелось встретиться в те поры с последним из “наследников и потомков Чингизидов” — Гераев (Гераи — местное произношение). На фотографии сам последний (в тот год) Герай стоит в центре группы с пышной родословной в руках, на которой помечены все многовековые связи его и предков-Гераев с самим Чингис-ханом. Деревянный дворец (по тюркски — Сарай) хозяина представлял собой убогое зре-

Рис. П.9.1. Герай в окружении посетителей-экскурсантов. Последний ли он из рода “Чингизидов”? Или же эта квази-династия неиссякаема?

лице (действительно весьма похож на сарай), хотя во внутренних покаях сохранились сваленные в кучу великолепные резные деревянные панно — свидетельство давно исчезнувшего величия. Во время моей встречи с этим “наследником мировой славы” невольно вспомнилось впечатление А. С. Пушкина о посещении им легендарной столицы крымских ханов: *“В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes (фонтан слез). Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавелой железной трубки по каплям капала вода. Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевет, и на полугреческие переделки некоторых комнат”*.

Вот уж поистине sic transit gloria mundi!

Литературные источники¹

Андросов В. П. Буддизм Нагарджуны. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2000.

Археология Украинской ССР. Том 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985.

Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4-х частях. Репринтное воспроизведение издания 1840 года. Часть 1—2. — М.: Культура, 1991.

Барро М. В. Торквемада. Его жизнь и деятельность в связи с историей инквизиции. Биографический очерк. Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. СПб., 1893.

Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойратского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи): тексты и переводы. М.: АН СССР, 1965.

Бернштам А. И. Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: АН СССР, 1950. С. V—LV.

Бикерман Э. Хронология Древнего Мира. М.: Наука, 1975.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I. М.—Л.: АН СССР, 1950.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Составители Л. Н. Гумилев, М. Ф. Хван. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960.

Бичурин Н. (о. Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингизова // История монголов. М.: Транзиткнига, 2005.

Болотина Н. Ю. Князь Потемкин. Герой Екатерины Великой. М.: «Вече», 2006.

Будон Ринчендуб. История буддизма. Пер. с тибетского Е. Е. Обермиллера. Пер. с английского А. М. Донца. СПб.: Евразия, 1999.

Валишевский К. Собрание сочинений в 10 томах. Том 3. Первые Романовы. М.: Престиж Бук, 2007.

Валишевский К. Собрание сочинений в 10 томах. Том 7. Роман императрицы. М.: Престиж Бук, 2007.

Вспоминная Л. Н. Гумилева. Воспоминания. Публикации. Исследования. Составление и комментарии Воронович В. Н., Козырева М. Г. СПб.: ООО «Изд-во «Росток», 2003.

¹ Помеченные звездочкой (*) публикации использовались в книге преимущественно в качестве источников иллюстративных материалов, хотя из некоторых работ этой группы могли цитироваться также и отдельные фрагменты текстов.

Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Составитель М. О. Акишин. Екатеринбург, 1995.

Герасимова К. М. Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.

Герасимова К. М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во Московского Университета, 1988. (С. 139, рис. 14 — карта Московии).

Геродот. История в девяти книгах. Перевод Г. А. Стратоновского. Л.:1972.

Гесиод. Труды и дни. Перевод В. Вересаева. М., 1927.

Граков Б. Н. Скифы. Научно-популярный очерк. М.: Изд-во Московского Университета, 1971.

Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Астрель, 2007.

***Груссе Р.** Чингисхан: покоритель вселенной. Жизнь замечательных людей (серия, № 1273). М.: Молодая гвардия, 2007.

Гуляев В. И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М.: Алетей, 2005.

Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.

Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. СПб: СКЗЭО «Кристалл»; М.: Оникс, 2003.

Гумилев Л. Н. История народа хунну. М.: АСТ, 2004.

Дашибалов Б. Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2003.

Доманин А. Крестовые походы. Под сенью креста. М.: Центрполиграф, 2005.

***Древнее искусство.** Памятники палеолита, неолита, бронзового и железного веков на территории Советского Союза. Собрание Гос. Эрмитажа. Ред. М. И. Артамонов. Л.: Аврора, 1974.

***Духовная культура Китая.** Энциклопедия в пяти томах. Философия. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2006.

***Енциклопедія Трипильської цивілізації.** Том I. Книга перша. Гол. редактор М.Ю. Видейко; видп. редактор Н.Б. Бурдо. Київ: ЗАТ «Петроимпекс», 2004.

Ермаков М. Е. Династия Хань перед угрозой извне (из докладов Цзя И трону). Введение, переводы, заключение // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. Дальний Восток. Книга 4. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2005. С. 362—382.

Зуев А. С. «Немирных чукчей искоренить вовсе...» // Родина, №1, 1998.

Ирвинг Вашингтон. История Нью Йорка. М.: Наука, 1968.

Калевала. Л.: Лениздат, 1984. Перевод с финского Л. П. Бельского.

***Каразин Н. Н.** Две сцены из Хивинского похода // Иллюстрированный журнал «Нива» №1, 1875.

Карпини, Плано дель. История монголов, именуемых татарами // История монголов. М.: Гранзиткнига, 2005.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

***Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в 234 иллюстрациях** Гюстава Доре. Sankt Petersburg: Symposium, 1997.

***Королькова Е. Ф.** Властители степей. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006.

Кравцова М. Е. Хрестоматия по литературе Китая. СПб.: Азбука-классика, 2004.

Краткая история СССР. Часть первая. Издание третье переработанное и дополненное. Л.: 1978.

Ланда, Диего де. Сообщение о делах в Юкатане. 1566 г. Перевод со староиспанского Ю. В. Кнорозова. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984.

Ловелл Дж. Великая Китайская стена. М.: АСТ, 2008.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

Малявкин А. Г. Уйгурские государства IX—XII вв. Новосибирск: Наука, 1983.

Марцеллин Аммиан. Римская история. Перевод с латинского Ю. А. Кулаковского и А. И. Сони. М.: АСТ, ЛАДОМИР, 2005.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Часть первая. Санктпетербургская Академия наук, 1750.

***Мифы народов мира.** Том первый. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1980.

Михайлов Н. Голос хивинских пленных // иллюстрированный журнал «Нива» № 30, 1873.

Мюллер А. История ислама. От доисламской истории арабов до Аббасидов. М.: АСТ-Астрель, 2004.

Павленко Н. И. Екатерина Великая. Жизнь замечательных людей. Выпуск 1102. М.: Молодая гвардия, 2004.

Пагсам-джонсан. История и хронология Тибета. Перевод с тибетского языка, предисловие, комментарий Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991.

Песнь о Роланде. Библиотека Всемирной литературы. Серия первая. М.: Художественная литература, 1976.

Песнь о Сиде. Библиотека Всемирной литературы. Серия первая. М.: Художественная литература, 1976.

Потанин Г. Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Том 11. СПб.— М., 1884. С. 31—48.

Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов. М.: Наука, 1988.

Рашид-ад-дин I. Сборник летописей. Том I. Перевод Л. А Хетагурова (книга 1) и О. И. Смирновой (книга 2). М.—Л.

Рашид-ад-дин II. Сборник летописей. Том II. Перевод Ю. П. Верховского. М.—Л.: 1960.

Рашид-ад-дин III. Сборник летописей. Том III. Перевод А. К. Арендса. М.—Л.: 1946.

Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. М.: Международный центр Рерихов, 1992.

Рид П. П. Тамплиеры. М.: АСТ, 2005.

Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны // История монголов. М.: Транзиткнига, 2005.

Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896 (первое издание 1759 г.).

Саводник В. Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времен до конца XVIII века. Издание 3-е. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1915.

Свет Я. Колумб. Жизнь замечательных людей. Вып 11 (530). М.: Молодая гвардия, 1973.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982.

Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Книга первая, с 1585 до 1742 года. М.: В типографии А. Семена при Императорской Медико-Хирургической академии, 1838.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Сочинения в восемнадцати книгах. Тома 1—29. М.: Мысль, 1988—1995.

Спасский Г. (составитель и комментатор). Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирских земли Русскими, при царе Иване Васильевиче Грозном; с кратким изложением предшествовавших оному событий. Издана с рукописи XVII века. СПб.: В типографии Департамента народного просвещения, 1821.

Стоун Ирвинг. Муки и радости. Роман о Микеланджело. М.: Художественная литература, 1971.

Страбон. География в 17 книгах. Перевод Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1964.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши Цзи). Том III. Перевод с китайского Р. В. Вяткина. М.: «Наука», 1984.

Толстой А. Н. Петр Первый. Собрание сочинений. Том седьмой. М.: ГИХЛ. 1959.

Торчинов Е. А. Доклады Чао Цо о сюнну // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. Дальний Восток. Книга 4. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2005. С. 383—414.

Халфин Н. А. Егор Казимирович Мейендорф и его путешествие в Бухару // Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. С. 5—18.

Черных Е. Н. Металл — человек — время. М.: Наука, 1972.

Черных Е. Н. Каргалы. Забытый мир. М.: Nox, 1997.

Черных Е. Н. Биокосмические «часы» археологии // История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 290—309

Черных Е. Н. Каргалы (автор и редактор-составитель). Тома I—V. М.: Языки славянской культуры, 2002—2007.

Черных Е. Н. Пути и модели развития археометаллургии (Старый и Новый Свет) // Российская археология, №4, 2005. С. 49—60.

Черных Е. Н. Древнейший металл в Старом и Новом Свете. Первый металл человечества // Вестник истории, литературы, искусства. Том пятый. М.: Собрание; Наука, 2008. С. 59—69; цветные вклейки X—XIII.

Черных Е. Н., Черных Н. Б. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в археологии // Приложение II к книге: Г. А. Вагнер. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера. 2006. С. 463—502.

Чивилыхин В. Память. Роман—эссе. Роман-газета. №16 (950); 17 (951). М.: Госкомиздат СССР, 1982.

Шелехов Г. Рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование... СПб., 1793.

*Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог (авторы-составители А. В. Кияшко, Н. В. Хабарова). Волгоград: Панорама, 2007.

Юрченко А. Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII—XV вв. СПб.: Евразия, 2006.

Юрченко А. Г., Аксенов С. В. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. Критический текст, перевод с латыни «История Тартар» брата Ц. де Бридиа С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002.

*The **Anatolian Civilisation**. Vol. I. The Council of Europe. XVIII-th European Art Exhibition. Istanbul, May 22 — October 30, 1983.

***Born H., Hansen S.** Helme und Waffen Alteuropas. Band IX. Sammlung Axel Guttmann. Verlag Sammlung Guttmann bei Verlag Philipp von Zabern. Berlin, 2001.

***Bowman Sh.** Radiocarbon dating. London: The Trustees of the British Museum, 1990.

Chernykh E. N. Postscript: Russian archaeology after the collapse of the USSR — infrastructural crisis and the resurgence of old and new nationalism // Nationalism, Politics, and the practice of archaeology. Cambridge University Press, 1995. P. 139—148.

***Chronik der Menschheit**. Dortmund: Chronik-Verlag, 1984.

***Il Veneto nell' antichita**. Preistoria e protostoria, II. A cura di Alessandra Aspes. Banca Popolare di Verona, 1984.

***Im Zeichen des Goldenen Greifen.** Königsgreifer der Skythen. München—Berlin-London — New York: Prestel 2008.

***Georgien:** Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies (Hrsg. I. Gambaschidze, A. Hauptmann, R. Slotta, Ü. Yalçın). Bochum: Dt. Bergbau-Museum, 2001.

***Govedarica B., Kaiser E.** Die äneolitische abstrakten und zoomorphen Steinzepter Sudost- und Osteuropas // *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens.* Band 2, 1996. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1997

***The Formation of Chinese Civilization.** An Archaeological Perspective. Ed. By Sarah Allan. Yale University and New World Press, 2005

***Kaul F.** Der Sonnenwagen von Trundholm // *Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren.* Hrsg. H. Meller. Stuttgart: Theiss, 2006. S. 54—57.

***Mellaart J.** Earliest civilizations of the Near East. London: Thames & Hudson, 1965.

***Meller H.** Die Himmelscheibe von Nebra // *Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren.* Hrsg. H. Meller. Stuttgart: Theiss, 2006. S. 22—31.

***Meller H.** Der Körper des Königs // *Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren.* Hrsg. H. Meller. Stuttgart: Theiss, 2006. S. 7, 94—97.

***Krause R.** Zur Entwicklung der frühbronzezeitlichen Metallurgie nördlich der Alpen // *Mensch und Umwelt in der Bronzezeit Europas* (Hrsg. B. Hänsel). Kiel: Oetker-Voges Verlag, 1998. S. 163—192 (клады: тесла Bennewitz, Sachsen — S. 171, Abb. 7. другой — Bresinchen, Brandenburg — S. 178, Abb. 13)

***Muhl A.** Gesegnetes Land — der Grossraum Dieskau im frühbronzezeitlichen Fundmosaik // *Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren.* Hrsg. H. Meller. Stuttgart: Theiss, 2006. S. 100—103.

***Schmidt Klaus.** Sie bauten die ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die Archäologische Sensation am Göbekli Tepe. München: Verlag Beck, 2006.

***Strommenger E.** Habuba Kabira. Eine Stadt vor 5000 Jahren. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1980.

***Stöllner Th., Körlin G.** Der Katalog der Funde // *Streifzüge durch Persien. 5500 Jahre Geschichte in Ton.* Bochum: WAZ-DRUCK Gmbh & Co, 2008.

***Testimonios, cartas y manifestos indigenas.** Caracas, 1992.

***Xu Pingfang.** The formation of the Empire by the Qin and Han Dynasties and the unification of China // *The formation of Chinese civilization. An archaeological perspective* (S. Allan ed.). Yale University and New World Press, 2005. P. 249—282.

***Weisgerber G.** Montanarchäologie. Grundzüge einer systematischen Bergbaukunde für Vor- und Frühgeschichte und Antike. Teil I. Der Anschnitt. No. 6. Bochum, 1989